Его зарыли в шар земной

6-144

из-под самого сердца

Слово, слово — великое дело! Федор Достоенский

Что есть СЛОВО?! Эта неуемная мысль занимала человека всегда. И каждый в каждом поколении многовекового жития в силу разума и серцца своего искал ответ и глаголил легенду о прекрасном, божественном Слове, данном человеку от роду. Действительно, что за удивительный инструмент вложен в нас природой? Благодаря ему мы находим согласный язык, пробуждаем разнообразнейшие чувства друг в друге, выражаем себя, свою душу, ум, свой характер, характер своего народа, равно как и всего человечества. Ведь в слове — капля океана мирского, необъятного...

Близко и любезно сердцу моему замечательное наблюдение Николая Васильевича Гоголя, так точно выписанное им в поэме «Мертвые души». «...Всякий народ, — размышлял он, — носящий в себе залог сил, полный творящих способностей души, своей яркой особенности и других даров Бога, своеобразно отличался каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выраженим его часть собственного его характера. Сердцеведением н мудрым познанием жизни отзолется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное, умнохудощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, так кипело бы и животрепетало, как метко сказанное рус-

Самое замечательное, что в этой ладно скроенной оценке нет никакого великорусского чванства, инкакого самовозвеличивания или спесивого душка. Николаю Васильевичу всякий народ люб, и всякого он выгодной стороной славит, но добрый нрав своего — ближе ему и дороже. А если учесть, что описание это взято нами из «Мертвых душ», где отечественной дури и глупости выдано совсем не малой мерой, где пороки наши припечатаны на века, то было бы просто грешно не понять мудрого классика, что слово народное он не отделял от сути нашей нравственной и духовной.

Признаемся, что, думая о новом названии журнала, мы пошли вслед за отечественными мыслителями — Пушкиным, Гоголем, Толстым, Достоевским, объединявшими слово н

Не зря Лев Николаевич Толстой по-апостольски выстраданно пророчествовал, что слово как соединяет наши души, так же и разъединяет... Помнить бы об этом в дни мучительных сомнений и малоспасительных надежд, когда метительные речн быот через край, захлестывая яростью, спесью, лицемерием, когда человеческое достоинство, истина, честь, правда превращаются порой в игрушку своекорыстных себялюбцев, когда слово ненароком становится страшным орупием слепого гнева и зла...

Наш атомный двадцатый век многому научил нас. Он вновь открыл, как и тысячелетия нязад, что только слово-душа, слово-совесть, слово-брат способны соединить людей в единое планетное сообщество, укрепить их души и дух... Прав, прав Гоголь: такое искреннее, душу утепляющее слово вырывается только из-под самого сердца. И нести его в мир нам написано на роду... И народным писателям, и литераторам, и всем духовинкам... Ведь кинга, журнал — и сегодня остаются одним из главных источников духовного богатства...

Вот и мы котим дерзнуть и дать многовековой традиции, идущей от прашуров наших — Владимира Красное Солнышко и Владимира Мономаха, от Ярослава Мудрого и Сергия Радонежского, от ввтора бессмертного «Слова о полку

Игореве» — новый прилив духовных сил, раскрепощенных Апрелем 1985-го, чтобы созидательным делом, укрепляющим душу, полнилась жизнь каждого братского народа, обретшего вместе с нами державу и землю многострадальную, стоязычную, но родную, любимую каждым из нас.

«Слово — полководець» К сожалению, этот мудрый и страстный призыв стал расхожей фразой, потеряв свой первоначальный смысл, размыт, как и сам нынешный характер наш... А все оттого, что мир перегружен словами-клише, пустой, утомительно расслабляющей болтонней...

Однако вернуть СЛОВУ его первозданную ценность, одухотворенность — посильная ли задача в наше время?! Не слишком ли легковесные обещания к столь большим переменам? И стоит ли что-нибудь за ними?! Может, всего лишь желание избежать прежнего названия, сегодня уж ясно, назоймаю функционального, лишенного каких-либо красок сердца и ума, избежать этих бюрократических, худосочных «литературных и разных других обозрений», «в мире книг» и «в мире животных», клишированных досужими чиновниками в долгие годы скудоумия и безгласности... Вот, мол, и вы сыскали словцо позвучнее, покраще, поглазастее... По правде сказать, и это было, котелось вынести на обложку именно такое «словцо», однако наполненное душевной мелодией, широким всеохватным смыслом, подвижной, гибколетучей мыслыю, емким символом, вбирающим в себя всю многотрудную духовную жизнь советского народа.

Вот тут без вашей помощи, дорогие читатели, без вашего доброго, участливого отношения, требовательного, критического взгляда, без вашей всесторонней осведомленности и душевной чуткости нам никак не обойтись. Вы наши первые и главные ввторы. Каждое ваше выстраданное слово — наше слово, каждое ваше духовное открытие, высказанное на страницах журнала — частица дела всеобщего, если оно укрегляет наше духовное, в ствло быть, и физическое здоровье.

И в этом мы не видим разницы между литератором и рабочим, ученым и крестьянином, артистом, композитором, художником и строителем, моряком, летчиком... Всяк своим словом дорог!...

Еще. Пока на нашей обложке сохранится и прежнее название. До 1990 года оно останется в каталогах «Союзпечвти», стало быть, подписываясь на журнал «В мире книг», вы подписываетесь на «Слово»...

И последнее. Мы намерены сделать традиционным «Слово о слове» и дать возможность каждому высказать свои мысли и чувства о судьбоносном назначении слова в жизни каждого народа — от малого до великого, в жизни человече-

Сегодня вы познакомитесь с Анатолием Зиновьевичем Швиденко, киевлянином, в прошлом лесником, ныне доктором наук и директором научного института (см. стр. 8). Однако дорога не заказана никому, охотливый златоуст может получить трибуну, если его мысли окажутся неординарным и добрыми для нашего общего духовного дела...

Так продолжим же современное житие и деяние многоязычного Слова нашего. И пожелаем друг другу счастливого совместного пути в таинственном и необъятном мире духовных обретений и потерь, исканий и надежд.

> Арсений ЛАРИОНОВ, главный редактор Апрель 1989 г., Москва

Так советская шла пехота

Незвтейливые парнишки, -

Внуки, братики, сыновья

AHHR AXMATORA

Издается с сентября 1936 года

Литературно-художественный **ЕЖЕМИСЯЧНИК ГОСКОМИЗДАТОВ СССР # РСФСР**

С Издательство «Книжная патата», журнал «В мире книг», 1989

Не знаю, было ли у него или у Гали предчувствие большой беды, но у меня было. Описать это нельзя. Это как предчувствие землетрясения у животных. Беспокойство, тоска и безысходность. Была потребность что-то предпринимать, но как, внутри ничего не подсказывало...

Еще с детства Паша мечтал служить на границе, в горах. Всю свою сознательную жизнь готовил себя к такой трудной службе. Стал альпинистом, прыгал с парашютом, тренировался в стрельбе. Ежегодно с туристами Ставрополя уходил на Мурахский

перевал, по местам боевой славы защитников Кавказа, каждый раз проверяя себя в трудностях походов. И как пригодились ему эти тренировки, когда он служил на горной заставе! Вскоре в

числе добровольцев-пограничников он был направлен в Афганистан. Мы об этом, конечно же, не

Я пыталась все узнать о том дне у его товарищей... Но мало что узнала... Был получен приказ сменить точку, и наши ребята, взяв с собой оружие и снаряжение, пошли в горы. А нх уже поджидали душманы... Четыре часа длился бой, четыре часа ребята пробивались, но силы были неравны.

В этом бою Павел в первую очередь думал не о себе. Он — фельдшер, нужно было отстреливаться и помогать раненым. Под прикрытием огня товарищей перевязал раненого командира, затем и сам был ранен. Пуля не пощадила Пашу...

После похорон я хотела Галю забрать к себе. Она очень хотела, но родители не согласились. Она приезжала иногда, мне становилось как-то теплее, как будто это Пашина частица.

Через год после гибели Паши она вышла замуж. У меня не было обиды, так надо, так, я думала, ей будет лучше. Но она поторопилась! Жизнь не

удалась, он оказался большим эгоистом... 15 декабря 1988 г. у нее родился сын Паша. Я видела, как она воркует вокруг своего Пашеньки, все делает сама, никому не досаждает, ни на кого не перекладывает свон трудности.

Для нее я пока близкий человек. Советуется со мной, слушает мои наставления, кое-что рассказывает о своей жизни.

> Ну, а Павлушка — мой внук, Пашин сынок. Вот такая история.

За этот бой Павлик посмертно был награжден орденом Красной Звезды.

В 1987 г. школа № 64 в Ставрополе, в которой Паша учился, стала носить его имя. В школе есть стенд, рассказывающий о нем, и мемориальная доска... В этой школе пионерский отряд 4 «а» класса борется за право носить его имя. Аналогичные пионерские отряды есть в школах № 12, 5, 15, 21. Политический клуб «Юность» носит его имя. Ходит автобус, сделанный из металлолома, собранного пионерами 64-й школы, «Имени Павла Буравцева».

На нашем доме — мемориальная доска. Комсомольские организации медицинского училища и «Скорой помощи», где он работал до службы, носят его имя...

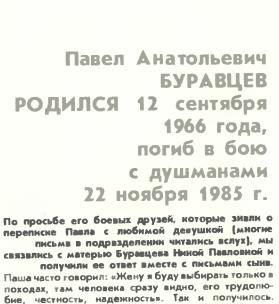
Память о нем живет, ребята его помнят и любят, часто приходят к нам... Только материнскому сердцу нет утешения... Читаю его письма и плачу... Галя согласилась передать вам письма Паши для

публикации... Мы делаем это ради памяти о нем. Пусть люди узнают о добром сердце его, о светлой, отзывчивой душе, о веселом характере... Он был большим жизнелюбом и однолюбом...

Сегодня — победа... Наши, наконец-то, вернулись домой. Счастье для матерей!.. А Пашеньки нет среди них, и слез своих мы не выплачем.

С уважением.

Н. БУРАВЦЕВА 15 февраля 1989 г., Ставрополь

переписке Павла с любимой девушкой (многие связвлись с матерью Буравцева Ниной Павловной и Паша часто говорил: «Жену я буду выбирать только в

походах, там человека сразу видно, его трудолюбие, честность, надежность». Так и получилось. Увидел он Галину в походе на Мурахский перевал, 2-9 мая 1984 года и влюбился с первого взгляда. Галя моложе его на 2 года, он очень огорчался: «Ну, почему она такая молодая».

Эта любовь многое изменила в его жизни. Каждый день они виделись, значит, он уже не мог полностью отдавать свое свободное время друзьям. Но чтобы быть и с друзьями и со своим любимым увлечением — альпинизмом, он стал приучать Галину к этому виду спорта. Каждое воскресенье они ходили на тренировки к «Немецкому» мосту. Раньше они ходили своей группой, теперь к ним присоединилась Гапя со своей подругой Зухрой. Он не мог нарадоваться, что Галя оказалась очень способной

ученицей, ловкой, выносливой и терпеливой. Галя — миловидная девушка, небольшого роста, стройненькая. У нее все внутри, молчаливая, не хохотушка, как это свойственно ее возрасту. Паша, наоборот, никогда не умолкал. Ему было иногда невдомек, почему Галя вдруг замолкала. Это у него вызывало беспокойство: может, он

что-то сделал не так и она обиделась... Ему не терпелось поделиться своей радостью с нами. Привел он ее к нам на день своего рождения, когда отмечали восемнадцатилетие, 12 сентября. За день до этого он отметил свой день рождения в однодневном походе с друзьями. Гали там не было, она уезжала домой, в Благодарное. А в этот день в доме у нас собрались родственники. Понятно, Галя очень смущалась, ведь это были, по существу, смотрины. Сидели они на краю стола, рука в руке, притихшие. Галя нам сразу всем понравилась. Наверное, это передалось ребятам, к концу вечера они чуть развеселились. Когда Паша проводил Галю в общежитие, пришел домой, то первый вопрос: «Ну, как?» Мы кором сказали: «Хорошая девчонка». После этого

Галя приходила к нам очень редко, видно, стеснялась..

И вот подошел день проводов в армию. Как я не хотела их делать! Парализованная мать, на душе тоска, где взять силы на добычу продуктов, приготовление, сборы родственников. Паша меня ободрил: «Родственников я беру на себя, а приготовят все девчонки знаешь, как Галка хорошо готовит». И правда.

Галя со своей Зухрой все сделали. Проводы были веселые. Было столько народу... Одни приходили, другие уходили и все его друзья, приятели,

Здравствуй, моя милая, моя дорогая, моя любимая Галинка!

Наконец закончился почти наш путь. Только что вышли из вагона. Но это еще не конец, еще ехать до города Ош, а от него на машине в горы. Рисунок, что я тебе нарисовал, был постоянной приорамой из окна вагона. На нем показаны захоронения мусульман, какого народа, я так и не понял. Но это все позади. Пейзажи, конечно, были изумительными и иовыми для меня: постоянно виднелись лачуги местных жителей, старики в чалме, в халатах, как «басмачи» и все на ишаках. Большие степи маков, мутных рек, чумазых ребятишек и женщин в полосатых штанах и халатах с однои прорезью для глаз. Все это, моя Галинка, я видел из окна вагона. Под Самаркандом временами стали показываться горные хребты со снежными вершинами. И я подумал, что ты скоро тоже уйдешь в горы и сможешь прочитать мое письмо только после 10-го мая, когда вернешься. А я тем временем, наверное, доеду до места, получу форму и все снаражение и буду учиться защищать свою Родину и, конечно, тебя. Да, где ты сейчас, моя любимая, далеко, далеко за многие сотни километров. И все равно наша любовь соединена тонкой ниткой письма к эту нить не порвать никому. Я очекь скучаю по тебе к попрежнему тебя сильно люблю, очень кочется услышать твой голос, котя бы получить твое драгоценное письмо. Но когда оно придет, я не знаю, наверное нескоро, потому что л нахожусь у «черта на рогах».

Когда мы уедем отсюда, я не знаю, обещали завтра вечером. Вот такие дела.

До свиданья, моя милая, моя любимая Галинка. Твой оловянный солдатик.

Пусть ветры гудят, Пусть бушует зима и вьюга, Пусть люди забудут про нас, Но мы не забудем друг друга.

Помню тебя, когда вечер наступит, Тихо взойдет золотая луна. Помню тебя, когда утром проснулся, И помнить буду везде и всегда!

Прости меня, моя дорогая, очень неудобно писать.

Письмо второе (открытка) [4 мая 1985 г.]

Здравствуй, моя милая, моя любимая Галя!

Поздравляю тебя с праздником 1-го Maя! Желаю всего наилучшего в твоей жизни.

Нас сеичас повели сдавать кровь и я выкроил минутку, чтобы написать тебе словцо.

До свиданья, моя единственная! Твой оловянный соллатик

Письмо третье

[5 мая 1985 г.]

Здравствуй, моя любимая, моя милая, моя единственная Галинка!

Вот, наконец, мы добрались до части. Она находится в каком-то городке, вокруг располагаются горы, чуть-чуть выше, чем в Нижнем Архызе, только ледники без леса.

Привезли нас 1-го Мая. Шел дождь. Нам выдали форму, вымыли в бане.

А сегодня 2-е Мая, вы, наверное, все собрались на Комсомольской Горке, чтобы ехать на Марухиаду, а мы с криком «Подъем!» быстро оделнсь и выскочили на улицу. «Да, — подумал я, — люди поехали отдыхать, а я здесь — чёрте $_{\rm FRe...}$ »

Вот такие мок дела. Говорят, что через 10 дней нас повезут выше в горы, а пока мы сидим здесь.

Извини, моя милая, писать больше не могу, уже кончается мое время.

До свиданья, моя любимая.

Целую. Твой оловянный солдатик.

Письмо четвертое

[6 мая 1985 г.]

Здравствуй, моя милая, моя любимая Галочка!

Сегодня 6 мая. У нас небольшой перерыв. Я сижу на скамейке, и на коленях у меня моя зеленая фуражка, а на фуражке лежит чистый лист бумаги, который постепенно заполняется моим посланием к тебе.

Служба у меня проходит все еще там, на карантине, но скоро нас повезут еще аыше в горы. А ты сейчас где-нибудь в Марукской долине. Да, это очень далеко-далеко, но что интересно, мы все равно вместе, ты, моя милая, а горах и я тоже, только на Памире. И все равио мы вместе, у меня есть твоя фотография и я всегда смотрю на тебя к мне всегда хочется с тобой поговорить: ты прекрасна, но почему-то грустишь к мне кажется, что ты так к будешь грустить два года.

Галчонок, ты извини, пишу перерывами, тут спокойно не посидищь: то построение, то физчас, то уборка территории и только временами бывают перерывы.

Самое сладкое слово для меня в этой жизни — это отбой, потому что после этого слова (приказа) ты не бегаешь, как угорелый, а самое глааное — я могу увидеться с тобой, да, да, ты не смеися. Во сне начинается совершенно другая жизнь — жизнь на гражданке, наша с тобой жизнь.

Когда я засыпаю, я как бы прихожу к тебе, а ты идешь ко мне, и мы вместе идем с тобой гулять, путешествуем по лесам, по горям, иногда ссоримся, но тут же миримся и так всю ночь. Но потом вдруг все исчезает и под громкий скрик: «Подъемь», все вскакивают, начинают натягивать штаны, наматывать портянки и другие вещи.

Сейчас меня опять перебили, опять построение... и поставили в наряд на кухню. Потому что не успел намотать портянки и сунул их за пазуху, а старшина узрел.

Вот так мы н живем, постепенно привыкаем к армейской жизин.

Но нам говорят, что это еще цветочки, скоро нас будут поднимать еще выше, я уже тебе писал, что поедем выше в горы, где-то около 5 тысяч метров над уровнем моря. Да, это вам не Кавказ.

Пока мы еще вместе с Геной Комаровым и с другими фельдшерами из Краснодарского края.

Мы часто вспоминаем, как аы там живете. Как поживают наши иовобранцы, наверное, говорят, что когда же в армню, и умирают от безделья. Ничего, скоро н им придется топать сапогами. Ну извини, мне скоро уже идти на кухню.

Передавай привет всем девочкам и мальчикам, скоро напишу мой адрес.

До свиданья, моя любимая Галинка. Твой оловянный солдатик.

MANG HEA HE MOTH HERMONT W-POWER

Извини меня, что не могу написать хорошо.

Письмо пятое

[8 мая 1985 г.]

Здравствуй, моя любимая, моя единственная Галинка!

Поздравляю тебя с 9 Маем (правда, открытка с 1-ым Маем, извини, у меня другой нет).

Пусть у тебя все будет так, как ты думаешь и как хочешь.

Посылаю тебе адрес. Напиши мне одно письмо по этому адресу и жди моего ответа. Пока я не напишу, мне письма не пиши.

До свиданья, моя единственная. Твой оловянный солдатик. Письмо шестое [9 мая 1985 г.]

Здравствуй, моя милая, моя единственная, моя хорошая Галинка!

Сегодня большой праздник для всего человечества — это 9-е Мая. Разгром немецко-фашистского авангарда. Но самое главное, этот праздник очень дорог для нас с тобой. Уже прошел ровно год нашей с тобой любви, нашей жизни и взаимности. Вчера вечером ты, наверное, думала обо мне, сидя у костра или возле речки, посматривая на блеск воды и всматриваясь в иебо, ища наши с тобой созвездия, нашей любви венец.

Потом ты долго думала и вспоминала, а я стоял на плацу и выбивал сапогами 1, 2, 3, тоже думал о тебе, вспоминая все и с мыслью, что мы в это аремя думаем друг о друге, и на сердце становится теплей, и еще какое-то чувство, которое невозможно объяснить.

Сегодня был парад в нашем поселке, была демонстрация, а нас, молодых, поставили в оцепление! А вы, наверное, тряслись в автобусе, долго упрашивали Шурика, чтобы он сыграл на гитаре, а потом пели песни под темор Цыганкова к под фальшивый бас «Рюкзака», а потом, устав от суеты, заваливались спать.

Как я соскучился, если бы ты знала, где ты, моя любимая, на другом краю? Где мой любимый городок Ставрополь? Навериое, у вас светит солнце, и щемит сердце весна-красна.

У нас тоже весна, ио я её почему-то не чувствую. Каждый день идут дожди, на вершины садится туман, иногда проглядывает раскаленное горное солнце, обжигая наши зеленые фуражки и погоны.

Сейчас нам дали чуть-чуть отдохнуть после парада, и я пишу тебе письмо без отрывов, но также на зеленой фуражке.

Рядом сидят мои друзья, и Гена Комаров тоже пишет письмо, и наши письма скоро вместе пойдут домой, трясясь в пыдьных вагонах, наша частичка к вашим сердцам.

Как там ты!? Не грусти и не обижайся, письма будут долго лететь к тебе и твои тоже. Такова судьба наша солдатская, мне — служи, а тебе — жди.

Тебе, наверное, в 1000 раз трудней, но ничего, я скоро вер-

Я тебе пошлю мой временный адрес, а когда будет постоянный, я не знаю, наверное, после принятия присяги, но напиши пока по временному адресу, может, к дойдет до меня твоя частичка тегла в холодные горы Памира. Как только придет твое письмо, я тебе сразу напишу. Не спеши, подожди моего ответа, после твоего письма.

Прости меня, моя Галинка, за мою безграмотность и корявый почерк, котя я сам а этом виноват, провалял дурака в школе. Но ты, наверное, меня простишь, моя милая.

До свиданья, моя единственная к любимая Галинка. Твой оловянный солдатик Пашка.

Письмо седьмое [15 мая 1985 г.]

Здравствуй, моя милая, моя дорогая, моя единственная Галинка!

Сегодня у нас славный день. Голубое небо с большими белыми облаками, сильно жжет горное солнце. Но мы весь день то маршировали, то занимались «физкультом». И вот, наконец, небольшой перерыв.

Милая Галинка, если бы ты знала, как я по тебе скучаю, но с мыслыо, что где-то тебя ждет любимый человек, сразу становится легче и морально и физически.

Как ты там поживаешь, чем занимаешься, как ты там, моя милая?

Ты не обижайся, если писем долго не будет, я стараюсь писать, когда есть время. Если бы можно, я бы писал каждый день. Галка заходишь ли ты к мони предкам? Ты заходи, а то я боюсь, что письма могут не доходить и вообще, и тебе, и им легче будет.

Галя, тут Гена Комаров попросил меня, чтобы ты узнала

адрес Наташки Хитровой. Она сейчас на «скорой», ты ведь знаешь? Только сделай так, чтобы она не знала, для чего, ты сумеешь. А то Генчик мне уши прожужжал. Потом мне напишешь.

Милая моя, как хорошо, что ты есть на этом свете и, самое главное, что ты любишь меня, а не кого-нибудь другого. Это чувство всегда будет со мной а течение двух лет и будет моей пищей, воздухом и водой.

До свидамъя, моя дорогая, пиши по старому адресу, как я говорил в предыдущем письме.

До свиданья, твой оловянный солдатик.

715300 Киргизская ССР, Ошская обл. Апатский р-н.

Письмо восьмое [18 мая 1985 г.]

Здравствуй, моя милая, моя единственная, моя любимая Галника!

Сейчас прекрасный день, а точнее, сейчас 2 часа ночи, я заступил в наряд, дежурство по роте (заставе). И в этот час прекрасной звездной ночи я и кочу написать тебе письмо. Звезды здесь такие, как и у нас в Ставрополе, такая же луна и такое же небо.

Иногда кажется, что ты никуда не уезжал, а просто накодишься недалеко от г. Ставрополя.

А ты, наверное, сейчас мурлыкаешь во сне, может быть, и разговариваешь со мной, а, может, просто, просто ты сейчас спишь, как и миллионы людей. Я мысленно сейчас накожусь а нашем городе, иду куда-то по темным улицам, по пустынным дорогам и тротуарам. Рядом идешь и ты, молча, но уверенно, мимо нас киогда проскакивают сонная «скорая помощь» или милиция, но а мы идем.

Это небольшая моя мечта, этим вечером и мне просто закотелось тебе её передать.

Сейчас у меня целая ночь, чтобы тебе написать, и потому я торопиться не буду. Я все также нахожусь на старом месте, ничем серьезным не занимаемся, проходим акклиматизацию.

Когда повезут нас, нам тоже не говорят.

Я очень соскучился по дому, особенно по тебе, а еще, особенно, по твоему письму. И почему их так долго нет? Иногда я злюсь, почему письма возят на поездах, а не самолетах? Просто тревожно на душе, когда нет весточки из родного края. Но меня адохновляет, что ты можешь читать мон письма, что они смогли донести мое сердце до твоего.

Сильной разлуки я почему-то не ощущаю, наверное, просто внушил себе.

Сейчас решил не решенный на гражданке наш вопрос, а точнее, занялся склой воли: бросил курить, так как я тебе лавно обещал.

Но вот уже мой листок, кажется, начинает заканчиваться, и надо поменьше философствовать.

Милая моя! Передай привет всем, кого увидишь и кого знали, не забудь выполнить Геночкину просьбу, пиши все по тому же адресу, как я тебе сказал а предыдущем письме.

До свиданья, моя милая, моя единственная. Твой оловянный солдатик!

715300, Киргизская ССР, Ошская обл. Апайский р-н. Рядовому Буравцеву.

Письмо девятое [4 июня 1985 г.]

Здравствуй, моя милая, моя единственная Галинка!

Сегодня у нас жаркий день. Солнце жжет, что есть силы, впивая свои раскаленные когти в зеленые фуражки. Но жару вдруг как рукой сняло, когда мне принесли 2 письма, самые дорогие письма.

Спасибо тебе, Галчонок, что письма пишешь часто, не забываешь своего солдатика. А мы, солдатики, тащим свою службу потихоньку, не спешим. Потому что спеши — не спе-

Сохранены орфография и пунктуация оригинала. — Ред.

ши, а служить два года, и никуда не денешься от этого. Весь день мы маршируем или занимаемся физкультурой. Находимся мы еще на старом месте, на том же самом карантине. Обещали на этой неделе поднять, но еще не приехала медицинская комиссия, и неизвестно, когда приедет. А так у меня все хорошо, только очень по тебе скучаю и много думаю о тебе. Свое обещание «бросить курить» я выполнил, уже не курю целый месяц и почему-то не тянет, потому что обещал тебе.

Милая, ты будь внимательна, чтобы больше случая с отравлением не было н. когда поедешь в альплагерь, будь внимательна в горах н напиши мне адрес альплагеря. Также напиши мне содержание фильма («Пришло время любить»).

Галина, ты не скучай и не переживай за меня, и не вздумай считать дин. Лучше не думай о разлуке и тебе будет легче. А за стихи тебе спасибо, только мне чуть чуть завидно, что не я их написал, а кто-то другой. Но я люблю тебя все равно сильнее, потому что ты любишь меня. А то, что тебя любят другие, это не удивительно, потому что прекраснее тебя я еще никогда не встречал и больше не встречу.

Я часто всматриваюсь в пустынные горы, в звездное небо, на уходящее солнце, которое уходят с востока на запад, на родной запад. И я мечтаю, что скоро мы вместе с тобой пойдем в горы, и будем свободны и счастливы, и больше инкогда не будем разлучаться с тобой, только всегда вместе. Это я тебе обещаю.

Сейчас подошел Гена Комаров, передает большой привет и большое спасибо за адрес. Он меня коть чуть-чуть утешает, потому что мы часто вспоминаем наш родной край. Сегодня нам удалось сфотографнроваться. Кое-как нашли деньги, купили пленку. У одного старослужащего был фотоаппарат, н я надеюсь, что ты в скором времени сможешь получинть мою фотографию.

Извинн меня, моя любнмая, что заканчиваю свое письмо и наделал много ошибок. Не поминай лихом, пиши побольше, как пишешь сейчас.

Напишн про судьбу пацанов и про поход.

До свиданья, моя дорогая, моя единственная на всем этом свете.

Твой оловянный солдатик Пашка.

Письмо десятое [5 июня 1985 г.]

Здравствуй, моя мнлая, моя любимая Галинка!

Сегодня получил даа письма от тебя, два счастья в солдатской жизни. Самое родное, самое дорогое из дальних мест. У меня опять появилась возможность поговорить с тобой и узнать, как ты там без меня.

А как живу я, родная, да все по-прежнему. Сегодия у нас началась учебка: все — по расписанию, все — по уставу. Полдня бегали, занимались физкультурой, а сейчас занимаемся муштрой н, наверно, до самого обеда. А я сегодня в наряде на кухне, занимаюсь мытьем на кухне посуды и заплывами на полах. Правда, я считаю себя более счастливым, чем мон однополчане, потому что у нас сейчас перерыв до обеда, н я могу спокойно посидеть подальше от начальства, смотреть на зеленые горы и думать о тебе.

О тебе, моя милая, я думаю постоянно. И когда мне трудно, н когда мне грустио, н когда весело, н когда сплю. И эта мысль никогда не будет покидать меня, потому что я люблю тебя, люблю н буду любить. А эти два года мне кажутся испытанием нашнх чувств н закреплением нашнх с тобой карактеров н любвн. Да, моя милая, я уже солдат, мне даже еще не верится, но это так. И меня нногда вдохновляет н радует, что я солдат, русский солдат, что мне оказаны честь н доверне охранять спокойствне моей Родины, моей матерн, моего города, а самое главное, моей любимой, чтобы вы могли спокойно спать и видеть сладкие сны, чтобы пели птицы над твоим окном, чтобы светило солице, шумели листья н шелестела трава, чтобы не охватило все это пламенем огня, чтобы не почернело небо от гари пороха. И потому я здесь за сотни, тысячи километров, и ты это хорошо понимаещь, и мне легче

служить, потому что ты меня любишь. А мне от жизни больше инчего и не надо.

Любимая, я рад, что у тебя все хорошо, что ты меня любишь и ждешь. А я как ты пишешь, смирился, я даже не пойму, с чего ты это взяла, неужели ты думаешь, что я это смогу? Просто я внушил себе, что с каждой минутой и с каждой секундой, с каждым часом, с каждым днем приближается кончина нашей разлуки, и что по крупнце, как песочные часы, она закончится и мне представится самое счастливое время, счастливей я даже не представляю и не могу представить, когда мы будем вместе и никогда не расстанемся.

Иногда на вечерней поверке я долго смотрю на ночное небо, на тоскливую Луну и далекие звезды и даже забываю, что я далеко от дома.

Ну, извини меня, пора заканчивать письмо. Пиши почаще и я тоже буду стараться писать чаще и мечты наши с тобой сбудутся, и мы навека будем вместе, ведь мы этого хотим, мы любим друг друга и не можем жить иначе, мы созданы друг для друга, так захотелось природе и нам с тобой.

До свиданья, твой оловянный солдатик Пашка

Письмо одиннадцатое [11 июня 1985 г.]

Здравствуй, моя милая, любимая Галочка!

С огромным приветом к тебе я с Памира, пограничных войск, твой Пашка. Уже прошло почти месяца полтора, а мы все сидим на старом месте, правда обещали 11 числа нас поднять, но не знаю, что из этого выйдет. Пока только прошли медкомиссию, меня пропустили н Гену тоже, теперь ждем отправку к никак не дождемся.

Сегодня у нас выходной, а вчера был банный день. Нас водили на горную речку, чтобы постирать обмундирование. На это всего дали 3 часа. Была очень корошая погода, временами я даже забывался, что я в армии, такое состояние было, что я в нормальном гражданском походе. Кругом горы, светит солнце, пасутся коровы, пахнет навозом и снегом, как в Архызе.

Спаснбо тебе, мнлая, что ты меня не забываешь. Я не могу жить без тебя. Мне кроме тебя, никого и ничего не надо, твоя любовь будет вдохновлением на трудности, к я только тобой и жнву. И вся солдатская служба пройдет хорошо, и я буду служнть так, чтобы тебе не было стыдно за меня.

Спасибо тебе также, что не забыла поздравить меня с праздником, Днем пограничника, потому что для нас этот праздник прошел, как в будим, только в столовой выдали по одному печенью, а весь праздник за нас отпраздновали офицеры.

Ты не беспокойся, дорогая, здесь ничего опасного нет и не слушай, что тебе рассказывают. В большинстве все преувеличивают. Если не быть дураком, то можно выжить везде. Так что не беспокойся, вернусь я живым, здоровым и выносливее, чем был, ведь мы — пограничные войска.

Любому врагу дадим отпор.

Галинка, как хорошо, что ты есть на этом свете, ты даже не представляешь, у меня такое чувство, что ты мне нужна больше, чем воздух н вода. Постоянно думаю только о доме н о тебе и никогда не устану думать о тебе, моя милая.

Галка, а что Марнна передала привет только мне? Почему ты не сказала, что мы вместе с Геной Комаровым.

Так что теперь, когда будешь встречать, передавай большой привет от нас, также передавай привет Зухре, Ольге н остальным девчонкам.

Галочка, скоро придет письмо к монм родителям, я им выслал пленку, и они должны сделать фотографии, ты зайди и возьми мою фотку. Потому что здесь мы фотографии сделать не смогли, и я кадры отослал домой.

Милая, я даже не знаю, какой написать тебе адрес или новый, или старый. Напишу, наверное, новый — все-таки должны нас отправить.

736600 Таджикская ССР ГБАО

А если твок письма придут, а нас уже увезут, не расстраквайся, их тоже отправят вслед за нами. Не забудь написать свой домашний адрес, а то я его не помню и книжку записную потерял, а также адрес альплагеря.

До свиданья, моя дорогая, моя единственная на всем этом свете. Спи спокойно, мы вас защитим. Твой оловянный солдатик ПВ.

Письмо двенадцатое 123 июня 1985 г.1

Здравствуй, моя милая, моя любимая Галинка!

Горячий поцелуй и привет тебе с Памирских гор.

Вот прошло уже два месяца моей службы, пошел третий месяц.

От тебя уже давно не было писем и поэтому настроенне плохое. Сегодня у тебя, наверное, был последний экзамен н ты, наверное, сдала его на «5», а вечером собнраешься ехать домой и поэтому я еще больше огорчен, что не помню твой домашний адрес, н боюсь, что мое письмо до тебя не дойдет.

домашнии адрес, и ооюсь, что мое письмо до теоя не доидет. Служба моя потихоньку тянется, но очень хочется, чтобы катилась.

Мы все время пропадаем на полнгоне. Бегаем с автоматами и другим снаряжением, ползаем по-пластунски, роем окопы, дышим и даже поем в противогазах. Конечно, очень трудно и утомительно, но я креплюсь. Иногда, когда ползем по камням, грудь сдавливают твон письма, и становится еще тоскливей на душе, и злее начинаещь ползти и быстрее, не обращая внимание на боли от острых камней.

Родная, если бы ты знала, как я скучаю и тоскую по тебе. И, когда лезут дурные мысли, что я тебя больше никогда не увижу, и, что ты меня забудещь в долгой разлуке, то всегда стараюсь выбросить из головы эту глупую мысль. Больше, конечно, думаю о нашей встрече с тобой в далеком будущем.

Всегда кажется, что я пишу тебе мало или не то, что нужно. Писатель из меня плохой, а в душе у меня все накапливаются чувства, которые я хочу изложить тебе письменно, но не получается.

Особенно трудно становится во сне, когда мы с тобой встречаемся, а наутро приходится расставаться. Это для меня самое большое испытание и пытка.

Сейчас мы учнмся пограничной тактике, нз нас, с помощью «муштры», выбивают все и закладывают то, что нужно для пограничника. Конечно, служба нам досталась, что не поешь. И я стал поннмать, как легко было на гражданке, в горных походах н в алыплагере, когда ты был свободен, как горный орел, и рядом была ты, моя соколица. Как было хорошо!

А теперь ты «барбос» с ошейником, на плечах погоны, с автоматом, н никакой свободы совершенно.

Галчонок, я послал домой еще фотографии, на снимке мой друг Крыгин Толик, сам он из Курска, я тебе писал стихи, которые он сочинил.

Галчонок, ты должна зайти к моим предкам н забрать фотографии. Высылать фотографин на твой адрес я не стал рисковать, потому что ты, наверное, уже уедешь на каннкулы, да к тому же собнраешься в скором времени в алыплегерь.

Галчонок, не забывай меня, ведь я тебя только люблю на этом свете и тобой жнву. Жди меня, я скоро вернусь к тебе, ты знай.

Твой оловянный солдатик.

Письмо тринадцатое [30 июня 1985 г.]

Здравстауй, моя милая, моя любимая Галинка!

Большой привет тебе с Памирских гор от твоего любимого солдата.

Галчонок, сегодня у меня знаменательный день, сегодня 30.06.85 г. я присягнул перед Родиной с автоматом в руках, перед Красным Знаменем части.

Да, сегодня наша учебка приняла присягу, теперь мы стали

полноправными воинами и ответственными перед Родиной.

Этот день, как многие дни, когда принимается присяга, делается выходным днем, но этот день и, без всяких, сам по себе, выходной. А мне повезло вдвойне, я заступил в наряд н вместо того, чтоб ндти со всеми в кино, я принимаюсь за уборку туалета.

Но вот я закончил убирать, и кино кончилось.

Вчера получил от тебя два письма и одно из дома от двоюродной сестры. Они не сразу попали ко мне, а сначала попали в автороту из-за неправильного кода, надо писать не «У», а «УП». Спасибо сержанту, который их случайно взял. Я, конечно, не успокоился, боюсь, что много писем, которые ты мне выслала, будут попадать туда, а не ко мне, но я надеюсь, что они все попадут ко мне.

Спасибо тебе, милая, что ты достала адрес этих «обормотов», а то они и в ус не дуют, чтобы меня разыскать.

Теперь я напишу этим «шурупам», как живут погранцы (огурцы). «Шурупы» — это все войска, мы их так называем и всю Советскую Армию. А мы — войска КГБ, н этим гордимся. Мы считаемся самыми ярыми в Союзе, и ты сама об этом писала мне в некоторых письмах. Конечно, им очень хорошо, что они попали вместе. Но, а мы, как я загадывал, попали с Геной Комаровым. Ты, наверное, поминшь, когда мы шли вечером, и я загадывал, где я буду служить и с кем? Так и вышло — я на Памире, в самом высокогорном отряде н, конечно, вместе с Геной. Это очень хорошо, что мы попали вместе, потому что друг всегда остаётся другом, к тому же я нашел новых друзей.

А ты, милая, когда передаешь приветы, не забудь писать н про Гену. Он, правда, всегда передает тебе привет, когда я пишу тебе письмо, но я иногда забываю тебе его писать.

Галчонок, мне что-то непонятно с алыплагерем? Ты, что не собираешься туда ехать или не можещь? Ты постарайся съездить, не пожалеешь. Узнаешь много нового, увндишь много нитересного, познакомншься с новыми нитересными людьми. У нас тут на складе много горного снаряжения, предназначенного для стрелков застав и Афганистана и я думаю, что мои знания по горной технике пригодятся в моей дальнейшей службе.

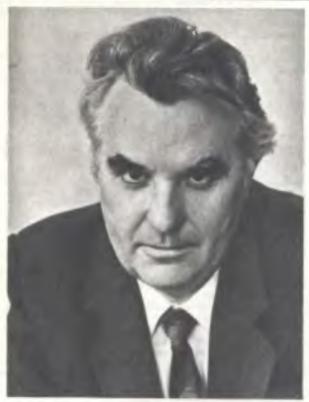
Постоянно, когда мы выходим на тактические занятия, я вглядываюсь на реденькую травку, которая растет. Желтый цветок и пучок травы на один кв. километр. И ты, может, догадалась, что я кочу найти эдельвейс, горный цветок — снмвол верности и любвы. Есть такое поверне в народе, что если парень подарнт любимой девушке эдельвейс, значит он любитей по-настоящему, до гробовой доски. И я обязательно найду его для тебя, обязательно, ведь я тебя так сильно люблю. Ты — моя богиня, вдохновляешь меня на подвиги и трудности.

Да, моя милая, любимая, я тоже вспоминл тот день, когда я пришел в черном костюме, чтобы больше огорчить тебя. Ведь мне всю жизнь не везло ни в чем. И первое везение, это, когда встретил тебя. Ты изменила всю мою жизнь и не дала мне спуститься по наклонной плоскости. Да я тоже вспомнил тех чумазых солдат, которым мы уступили дорогу и провожали их взглядом. А еще сказал, что скоро я тоже так буду топать. А ты говорила: «Когда это будет?» Но теперь это уже не сон, а на самом деле.

До свиданья, моя единственная, моя любовь Твой оловянный солдат, Пашка.

Публикация Н. П. БУРАВЦЕВОЙ

(Продолжение в № 8)

Анвтолий Зиновьевич ШВИДЕНКО родился на Украине, в селе Новая Гребля Черкасской области. Закончил лесиой факультет Украинской сельхозакадемии. Более восьми лет работал лесоустроителем, главным лесничим на Сахалиие, на Дальием Восоке, потом преподавал в той же академии, где учился свм, работал в лесиой науке... Доктор сельскохозяйственных наук, профессор, директор лесного научно-иссиедовательского института. Автор пяти ивучных кииг по проблемам лесного хозяйстве и использования лесных ресурсов.

Анатолий ШВИДЕНКО

лово — это чувство родной земли, это живущин в самых глубинах твоего естества голос предков. Земля, на которой ты родился. Для меня — это росы рассветов далекон юности; соломенные стрехи той, уже ушедшей навсегда а прошлое Украины; дым чумацких костров — то ли наяву, то ли в неторогиливых рассказах стариков. И здесь же рядом — земля, по которой ты прошел и старался оставить след своего труда, и она становится тебе такой же родной. Может, это — колодная сахалинская река Пиленга, под неярким солицем успокоенно проносящая свои чистые воды между красными от железа берегами. Или щемящее чувство неизбежности расставаний, которое охватывает пустынным осенним вечером на высоком охотском обрыве, а ветер, жестяно позванивая пожукшей травой, скатывается в безбрежную синь простора и свободы. Наверное, именно в такие минуты приходит к человеку слово подлинного единения со своей землей, то чувство сопричастности и ответственности за весь этот огромный к незащищенный мир, которое и позволяет человеку чувствовать себя человеком.

Слово — это твой родной язык, язык Котляревского и Кобзаря — Тараса Шевченко. Это язык великого русского народа, старшего брата всех славян. Для меня никогда не существовало проблемы взаимоотношений языков — за каждым из них стонт культура народа, и воистину — сколько языков ты знаешь — столько раз ты человек. И какое иное чувство, кроме глубокой благодарности за возможность заити в беспредельно мудрый дом, обратиться к гигантам духовности и гуманизма, может вызвать слово Пушкина и Гоголя, Достоевского и Бунина, Платонова и Булгакова!.. И что, кроме радости человеческого общения во имя возрождения души народной, может принести язык межнационального общения — великий и могучий русский язык. И мне дорого, что праздник славянской письменности, начавшись а стариниых российских городах, как перекличка и передача подлинных духовных ценностей, а мае приходит на родину Кобзаря, приходит, чтобы всем миром отметить 175-летие со дня его рождения.

Никогда ни один язык не угнетал другой. Находились людн и группы людей, которые вершили свои черные дела, используя в качестве средства принуждения и язык.

Сегодня, когда в стране обнажились столь серьезные национальные проблемы, очень важно отъединить зерна от плевел. И здесь вспоминаются замечательные мысли В. И. Ленина, прозвучавшие в его известной статье о языке ровно три четверти века назад: а многонациональной стране не может быть настоящего прогресса без языка межнацнонального общения, обеспечнвающего доступность ко всем сокровищам отечественной национальной и мировой культуры. Но опять вспомним ленинские слова — такой язык не может вводиться по принуждению, из-под палки. Известно, что этот принцип часто нарушался, но нет ли опасности национального ограничения, например, а том, что некоторые прибалтийские республики вводят а качестве государственного только свой родной язык? Не является ли это весьма распространеннои реакцией — отвечать несправедливостью на несправедливость?

Нет, конечно, далеко не все ладно в нашем непростом мире. Мы пережили (кочется вернть — уже пережили) период ужасающего разрушения нравственности. Когда уничтожали инакомыслящих. Когда выбивали просто думающих н всех, кто случайно подвернулся под карающую руку. Когда разрушали самое главное, на чем держится вся суть человека, иеобходимость труда. И когда — в совсем уж недалекие годы —

думали одно, говорили другое, делали третье. Надо понять, почему период застоя принес не меньшие духоаные потери, чем темные времена в окрестиостях тридцать седьмого. Только ли накопление утрат, переход количества в качество? Думается, не только, ибо самое разрушающее для мыслящего человека — это отсутствие поиятия истины и веры в эту истину; а так бывает всегда, когда оказывается, что истины вообще не существует, а есть приемлемый (как правило, для власть имущих) суррогат, оправдываемый, разумеется, высшими соображениями. Фашизм довел эту логику до закономерного конца — «прав ты или нет — для нашего государства все равно» (надпись в одном из блоков Бухенвальда, где содержались коммунисты.)

И в слове, и а деле фанатизм и нетерпимость никогда не были гуманны. Известная строка Маяковского — «и тот, кто сегодня поет не с нами, тот против нась — ие только потрясающе антидемократична, нбо логическая цепочка выстранвается сразу (если против, значит, враг; если враг не сдается, его уничтожают), но и свидетельство определенного способа действия: всегда найдутся те, для кого слово — не доказательство. Наверное, стоит задуматься, почему эту строку можно почти дословно найти а Экклезиасте.

Века нам оставили достаточно доказательств, что из глубин истории время изымает только то слово, которое возвышает человеческое в человеке. В конечном счете, плюрализм мнений в правовом социалистическом государстве есть отражение той истины, что ни одна часть общества, даже самая прогрессивная с точки зрения общепринятых канонов, не может монополизировать понятие истины. Разнообразие всегда было признаком устойчивости любого живого сообщества.

Много потеряно, и многое невосполнимо, и много об этом сказано. Но не становимся ли мы невольными пленииками инерции рассуждений, обращенных в беды прошлого? Нет, речь идет не о том, чтобы забыть и простить. Но все отчетливее потребность в слове, обращениом в будущее.

Все имеет свое начало и не имеет его, ибо корни сегодняшних начинаний — в днях прошедших. И лишь слово, верный страж неразрывности цепи времен, всегда в начале: и когда обозначает рождение мысли, а, значит, человека; и когда становится осознанной программой действий; и когда ведет душу человека к глубинному пониманию его предназначения на земле.

Перестройка сделала только первые шаги: мы только в самом начале пути, обозначенного в большей части своей словом. Очень важно поиять, что реализация ее замыслоа — дело архитрудиое и длительное, ибо основной факт борьбы проходит не между сторонниками и протианиками перестройки (он, конечно, тоже есть), а внутри каждого из нас — и именно здесь решается судьба и каждой личности, и направления развития общественного прогресса в целом.

Здесь — как всегда на крутых поворотах истории — главная надежда на слово: помоги осмыслить, останови разорение души, поддержи в ней ростки добра и справедливости.

И если быть объективным, то, уверен, есть все основания для оптимнзма. Сколь бы ни ощутимы были наши потерн, они не могут изменить главного: глубинно гуманной сути русского советского человека, альтруизма его души, открытости всему лучшему в мировой культуре, удивителькому сплаву терпения и трудолюбия, особой прочности его духовных структур.

Но думать есть о чем.

Среди саммх остроболезненных слов сегодил триада -- природа, экология, человек. Сколь ужасающе быстро — не в историческом аспекте, а прямо на глазах живущего поколения превращается среда обитания в среду трудного аыживания. «Там котел на полнеба рванет, там река не туда повериет...» Это, котя отчетливые, но только внешние проявления удручающего своей массовостью процесса. Поднимитесь над землей, спросите — сколько у нее сейчас болевых точек? — и ужаснетесь ответу. Начинают белеть местами украинские черноземы — за последние десятилетия мы уже потеряли по крайней мере пятую часть гумуса, который природа собирала для нас тысячелетиями. Еще немного — н неэрозированные пашни можио будет записывать в Красную книгу... Сыплется соль из облаков в тысячах километров от породивших ее донных обнажений угробленного нами многострадального Арала. Рыжие пространства умирающих лесов окружают неф-

теразработки Тюмени. Что вспомнить еще? Норильск, съедающий леса в сотнях километров от своего знаменитого комбината? Гибнущие пастбища Казахстана и Калмыкии? Все тот же Байкал? Не становится ли болевых точек столько, что начинает казаться, что вся биосфера — единая болевая точка?

То, что мы делаем сегодня с природными ресурсами нашей страны, можно квалифицировать одним словом — варварство, причем варварство иового, высокомеханизированиого типа. Куда твм всяким гуннам и батыям. Кто ответит, сколько мы вылили тюменской нефти за соучастные нам 20 лет в Мировой океан? Почему из срублениых сотен миллиоиов кубометров древесины каждый второй гибнет на пути к потребителю? Почему многомиллиардные затраты на мелиорацию оборачиваются экологическими преступлениями? Кто допустил, что за последние четверть века мы практически потеряли чуть ли не треть дальневосточных кедровых лесов — неповторимое создание природы? И если справедливо утверждение, что отношение к природным ресурсам есть свидетельство уровия культуры нации и мерило совершенства общественного устройства, то что же мы можем сказать себе отрадного?!

Мы научились искать ответы, обвиняя власти и порядки. Да, многое осталось от прежних времен, и много еще не расчищенных завалов в бюрократических дебрях. Но главное, уверен, в другом. Мы воспитали целый социальный тип временщика, не хозяина, а потребителя, исповедывающего известную философию — на наш век кватит, а после нас — коть потоп. Только начинает не хватать и на наш век, не говоря уже о грягущих.

Бесспорно справедлива мысль, что только тогда охрана природы имеет все шансы на успех, когда экологическая культура становится глубинио-составляющей человека. «Не вреди!» — это уже заповедь, относящаяся ко всем нам, ибо каждый из нас — либо врач, либо враг природы.

Мы только начинаем осознавать, сколь мал и уязвим наш общий дом — Земля. То, что в лесак Европы почти половина заболевших деревьеа — это и наша потеря, это тот кислород, которого, возможно, не будет хватать нашни детям. Пятую часть всякой мерзости, которая к 2000 году осядет на европейскую часть нашей страны, мы получим за счет трансграничного атмосферного переноса от цивилизованных соседей. Парниковый эффект, глобальные изменения климата, флоры и фауны нарастают быстрее самых пессимистических прогнозоа — ие только за счет загрязнения атмосферы, но и за счет катвстрофического уничтожения тропических лесов — их земля ежегодно теряет на площади около 15 млн. гектаров.

Надо найти слово, которое убедит народы и правительства не только в иеобходимости взаимопонимания, но к в немедленных энергичных совместных действнях. На земле никогда не ощущалось недостатка в оружии, но всегда не хватало хлеба и добра! Так, может, наступило время, когда умнеть должны все? Когда не количеством ракет, а числом шагоа навстречу друг другу определяется вклад а наше общечеловеческое зданне?

Надо найти слово, которое придаст новое звучание великим и непреходящим истинам, которые во все времена и для всех народов определяли самоё человеческую суть.

Надо найти слово, которое прорвется, как живая вода, в наши заждавшиеся души, умножит духовную силу народа, высветит истинную мощь нашего общественного строя и поведет свободных людей к свободному труду.

У нас всегда было такое слово. К счастью, и время наше ждет такого Слова. Теперь дело только а нас самик, чтобы каждый, обращаясь к своей судьбе, мог сказать вслед за великим Кобзарем:

Ми не лукавили з тобою.

Ми чесно йшли. У нас нема

Зерна неправди за собою.

Дуковная перекличка наций и поколений, неизбывность чести, правды, совести, справедливости и милосердия, самый незамутиенный критерий нравственного здоровья народа — слово.

Материализация нематериального, сгусток временн, слепок обществениого разума, его свидетель и судья — слово.

Да, слово, как родная земля, бессмертно и многострадально. Как наша жизнь — хрупко и уязвимо. Как дерево — растет веками и остается на века...

Будем всегда помнить это...

MIN GOBECTH?

Виктор КАЛУГИН

Родился в 1943 году, в Латвии. Звкончил Литературный институт им. М. Горького СП СССР, члеи Союза писателей СССР, ивучный сотрудник ИМЛИ им. М. Горького АН СССР.

Историческая память и фольклор, Фольклор как «генетический код» нвродв, выражение его философских и нравственных идеалов и идей. Твков круг проблем, которые ставит в своих исследованиях писвтель Виктор Калугин. Он автор кингн «Герои русского эпоса» («Современник», 1983), в последние годы в разных издвтельствах вышли подготовленные им фольклорные сборники: «Былины» («Современник», 1986), «Песии, собранные П. В. Киреевским» (Тула, 1986), «Былины» [«Правдав, 1987], «Жили-были», «Волшебное слово» (Библиотека молодой семьи, «Молодая гвардия», 1988), «Литературные сказки народов СССР» («Правда», 1989). В издательстве «Современник» скоро выходит его новая книга очерков о народной культуре «Струны рокотаху...» Обрвщение к истории и фольклору для Внитора Квлугина — это не уход от современности, не некая тихая академическая газань, где можно заниматься «чистой» ивукой, а попыткв найти ответы на свмые острые нравственные вопросы современиости.

ак судить — по закону или по совести?» Такой вопрос для юриста звучит в лучшем случае нанвно. Один из них в передаче «Взгляд» так и заявил: не построить нам правового государства, если мы по-прежиему будем уповать на пресловутое расейское (так он произнес — с растяжкой): «Как судить — по закону или по совести?»

Так вот мне кажется, что нам вообще не постронть правового государства без высшей народной мудрости, если только юрндическими законами мы заменим законы совести. Если о
правовом сознании будем судить только по количеству юристов
на душу населения, как о здоровье народа — по количеству
врачей и койко-мест в больинцах.

Вся духовная и философская мысль России, начиная со «Слова о законе и благодати» Илариона, основывалась на признании высших законов совести. «Ибо закон, — писал Иларион, — предтечей был и слугой благодати, истина же и благодать — слуги будущему веку». По этому духовному пути Русь прошла тысячелетие. Так неужели же сейчас мы вновы будем возвращаться вспять: начинать с «закона вместо того, чтобы продолжить принятый и выстраданный народом путь «благодати»?..

Все это не значнт, конечно, что мы должны усомниться в необходимости правовых реформ, правового сознания. Нет, речь ндет лишь о том, чтобы не заменять и не подменять одно другим: законы — совестью, а совесть — законами. В жизин народа веками существовали так называемые неписаные законы, которые бывали и выше юрндических. Сам вопрос: «Как судить — по закону нли по совести?» свидетельствует не об отсутстани правового сознания, а о том, что суда «по совести» человек боялся гораздо больше, чем суда «по закону».

Все это нмеет самое непосредственное отношение и к нашей литературной жизни, которая не может основываться только на Уставе Союза писателей СССР или же на Законе о печати. Врачн — целители телесных недугов — дают клятву Гиппократа. Как бы ни была она условна, но каждый врач, нарушающий ее, все-таки знает, что он преступает некую нравственную границу дозволенного, что он клятвопреступник. У нас — целителей духовных недугов — такой клятаы нет. Отсюда, как мне кажется, н все остальное. От того, что сместились нравственные понятия, непнсаные законы совести.

А иначе главный редактор «Огонька», публично уличенный во лжн, должен был бы сам — во имя защиты своей чести — подать в отставку. Точно так же, как главный редактор «Знамени», публикуя провокационную анонимку, не мог не знать, что она болезненно отзовется у многих... И он должен был, по меньшей мере, признать свою редакторскую ошнбку, но, судя по его выступленню в телевнзночной передаче, внновников сего он ищет на стороне, так же, как и редактор «Огонька»...

Мы продолжаем жить по другим неписанным законам, по которым цель оправдывает средства. По отношению к литературному оппоненту все средства короши. А потому всякого рода нравственные нарушения под видом самых благих наменений стали едва ли не нормой.

Закон о печати, конечно, даст возможность за клевету, за нзвращение фактов, за оскорбление личности привлечь хотя бы к суду. Но здесь, как н во всем, необходимо различать причину и следствие. Почему подобное стало возможным в печати? Не потому же, что нет наказующих мер? Причина, видимо, все-таки в том, что перестали действовать законы чести, когда любой писатель или журналист дорожит незапятнанностью своего писательского имени, знает о неизбежности суда чести. В литературной борьбе тоже существуют свои удары «ниже пояса». У нас же сейчас появились мастера нменно таких запрещенных ударов, наносимых прилюдно, на глазах у миллионов читателей и зрителей. В 20-е годы довольно много шума наделало данжение под лозунгом: «Долой стыд!» Сейчас мы демонстрируем свободу слова примерно на том же самом уровне. Отсюда н шум. Под видом гласности мы снимаем с себя все нравственные «запреты» и предстаем перед всем миром в весьма неприглядном виде.

Пронскодит же подобное, как мне кажется, во многом потому, что у нас никогда не было «желтой» прессы и ее приемы сногсшибательных «сенсаций», «сенсаций» любой ценой, оказалнсь чем-то неожиданным, новым. Но в зарубежной печати журнал не сможет претендовать на роль властителя дум, не делает «погоды» в литературе и нскусстве. У нас же все оказалось перевернутым с ног на голову. Ни один уважающий себя, свое доброе имя журнал, уверен, не предоставил бы свои страннцы провокатору Норинскому, это мог сделать только «Огонек», еще раз доказавший тем самым, что для него не существует никаких моральных норм, границ элементарнейшей человеческой чистоплотности.

Мы даже не замечаем (историческая память у нас очень коротка), что все это уже было, что мы уже имелн своего некоромованного короля журналистики — Фаддея Булгарина. Булгаринская «Северная пчела» пользовалась самой большой популярностью, по смелости, по актуальности, по остроте с ней «Современник». Не говоря уже о том, что и в коммерческой литературе Булгарин не знал себе равных. Ни один роман того временн не выдержал столько изданий, как булгаринский «Иван Выжигин». Но Иван Киреевский не случайно говорил о своем «Европейце»: «Это будет журнал, не запачканный нменем Булгарина». Булгарин добился всего, ио единственное, что не удалось ему завоевать — ни у современников, ни у потомков — так это доброе нмя. Неписанные законы совести оказались сильнее любой коммерции и политиканства.

Так что и здесь «Огонек» идет по проторенному пути. Жаль лишь читателей, которые верят, принимают его «смелость» за чистую монету. Верят и таким заверениям Коротича: «Вот вы смотрите, что бы об «Огоньке ни говорили, нас ни разу не поймали на лжи. Вы представляете, что бы со мной сделали, если б меня поймали на неточности, если бы я напечатал хоть отдаленно на том уровне, на котором печатают шовинистические журналы в Москве? Не поймали!» Это из интервью Коротича газете «Молодежь Эстонин» (18 февраля 1989), но подобные его интервью во время предвыборной кампании появнлись во многих других газетах, в основном молодежных, и по зарубежным радиоголосам. Что ж, не пойманный — не вор! Будем и дальше жить по этому принципу, узаконившему у нас воровство.

Впрочем, я и не собираюсь уличать никого во лжи (это сделал журнал «Политическое самообразование), вообще не понимаю эту взанмную ловлю, взанмную охоту друг за другом. Стоило, например, Владимиру Личутниу при выдвижении кандидатов на пленуме СП СССР сказать, что он дает себе самоотвод, потому что не может быть в одном списке с Коротичем, как тут же в интервью Би-би-си Коротич заявил, что Личутии призвал к созданию резерваций для малых народов. Вслед за ним уже в «Огоньке (№ 11) Наталья Иванова развивает это обвинение, приводя вроде бы вещественное подтверждение — отрывок из стенограммы пленума СП РСФСР, где Личутин действительно произнес слово «резервация», да только в совершенно другом, первичном его значении — сохранении, а не уничтожении национальных культур. А это и называется — ловить на слове, передергивать. Приемы, опять же. на числа запрещенных, но именно этими приемами уже многие десятилетня пользуется наша крнтнка как едва ли не основными при сведении счетов, при очередном нападении на своего протненика.

Из этого же арсенала и другой прием: нападение с наклеиваннем ярлыков, когда не только московские журналы, а все «крыло русской литературы» Коротич называет шовинистическим. Но ведь шовинизм, как и любой другой вид расизма, по нашим законам — уголовно наказуемое преступление. Как и любое другое преступление, оно должно быть, прежде всего, доказано. Иначе любые обвинения в шовиннзме, как, впрочем, и снонизме, в свою очередь, наказуемы по закону. Быть может, в правовом государстве так оно и будет. Хотя западную «желтую» прессу не всегда останавливают даже солидные денежные штрафы: скандалы и сенсации приносят гораздо больший доход. Просто сейчас клевещут усердно и бесплатно, а в будущем им, видимо, придется за это платить деньги. Вот и вся разница. Суть же остается прежней. Впрочем, дело не в «Огоньке» (что пенять на зеркало...), а в том, что нельзя дальше, дальше и дальше идти по пути непримиримости и вражды, которую ои разжигает. В этом смысле лично я ие вижу разницы между Коротичем и Васильевым, их вполне можно поменять местами. Крайности сходятся.

Крайности «Памяти» н крайности Евгения Евтушенко, которому все мерещатся лабазники с Охотного ряда. У страха — глаза велики. У страха перед всемирным заговором против России. И у страха перед Россией.

Но зачем нагнетать этот страк, впадая в кликушество, зачем играть на очень болезненных, взрывоопасных чувствах? Сейчас, уверен, многие начинают догадываться, что здесь явно не чисто, что все это попахивает гапоновщиной.

«Где закон, там и преступление», «закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет», «кто законы пишет, тот их и ломает» — эти горькие истины возникли тоже далеко не случайно, за ними опыт столетий. А ито даст гарантию, что у нас тоже больше ие будет «воров в законе», что щелоковы и чурбановы — это уже прошлое, что подобное никогда не повторится?..

Создание правового государства становится для нас панацеей от всех бед, каких было уже немало. Хотя и здесь нам тоже не помешало бы вспомнить об истории. Не только своеи. «Веймарская республика,— отмечает доктор исторических наук В. Логинов, — в Германии считалась одним из самых правовых государств в мнре. Со свойственной им дотошностью и пунктуальностью немецкие юристы написали целые тома законоя, которые, казалось бы, предусмотрели все и разделение власти, и функции их, и контроль.. Но это не помешало Гитлеру прийти к власти, причем демократическим путем — в результате всеобщего голосования. Мало того, придя к власти, он прекрасно использовал ту же веймарскую конституцию в своих целях. Полагать, что демократия есть некий универсальный механизм, способный раз и навсегда гарантировать нам все права и свободы, защищать от угрозы антинародной диктатуры — иллюзия. Демократия лишь облегчает условия для борьбы, а ее исход решается реальным соотношением сил и энергией масс. Единственная гарантия -ЭТО МЫ САМИ».

Добавлю к этому — наша совесть. Если, конечно, она не деформирована настолько, что мы уже не в состоянии отличить добра от зла...

Сможет ли Закон о печати, например, привлечь к ответственности за литературную критику, которую еще Достоевский называл «доносительной». А именно такая «доносительная критика» десятилетиями процветала и процветает в нашей печати. Это, собственно, и не литературная критика как таковая, а идеологическое начетничество, изощрениейшее ремесло по выявлению отступлений от классовых позиций, от теории двук культур, от положений классиков марксизма-ленинизма, от высказываний революционеров-демократов, где эти положення и высказывания превращались в идеологические удавки, с помощью которых душились проявления любой живой мысли. Впрочем, не любой. В этой окоте за ведьмами была определенная логика. Душились ростки национального самосознания, всего того, что можно было подвести под политически наказуемую статью пресловутой «патриархальщины», под славянофильство, под религиозность, под монаркизм...

Все это было не в двлекие 20-30-е годы, а совсем недавно. У времен застоя тоже были свои «неистовые ревнители». В 1980 году в «Литературной газете» появилась статья В. Кулешова «А было ли «темное царство»? Уже сам этот вопрос звучал как прямое обвинение в идеологической крамоле. Как посмел Михаил Лобанов в книге об Островском усоминться в существовании «темного царства»? Как мог Юрии Лощиц в книге о Гончарове ни разу не сослаться на соответствующее ленинское высказывание об обломовщине? И сейчас действительно трудно представить, как, каким образом в самые тяжкие годы застоя в серии «ЖЗЛ» могли выйти книги о Гончарове, Островском, Достоевском, Гоголе, не укладывавшиеся ни в какие прокрустовы ложа нашего догматического литературоведения. Выйти не благодаря, а вопреки времени, вопреки всему, что десятилетиями вдалбливалось в головы не просто о Гончарове, Островском, Достоевском, Гоголе, а о самой Россин, о ее исторических судьбах, ее духовном наследстве. Как могло случиться, что в этих кингах не было ни «обломовщины», ни «темного царства», нн «тюрьмы народов», ни всех других догм, под которые подгонялась история и

культура России. Кто мог позволить?

В том-то и дело, что никто! Это были именно те кинги, которые выходили без всякого на то позволения и соизволения, которые а те годы можно было написать и издать только на свой страх и риск оказаться раздавленным, растоптанным, расстрелянным в упор всеми влиятельнейшими органами печати: от «Литературной газеты» и «Вопросов литературы» до «Правды» и «Коммуниста», подписывавшими окончательный приговор, обжалованию не подлежавший.

Подобная критика потому и была «доносительной», что она не ограничивалась чисто литературной полемикой, а была рассчитана именно на последующее принятие административных мер.

Вспомним, что произошло в 1982 году, когда в журнале «Волга» появилась статъя Михаила Лобанова «Освобождение», какие обвинения предъявлялись ему. «Освобождение»... от чего?» — так называлась статъя П. Николаева («Литературная газета», 1983, № 1), в названии которой также звучало политическое обвинение. М. Лобанов поставил под сомнение историко-кудожественную концепцию «Поднятой целяны», М. Лобанов посмел «поиронизнровать по поводу питерского рабочего а станице», М. Лобанов усомнился в насильственной коллективизации... Такого отступления от «Краткого курса» ему не мог простить П. Николаев, изрекавший: «Коллектнызация в сущности своей была необходимым историческим актом революционной перестройки крестьянского сознания».

Это была, что называется, первая ласточка. За ней последовали и остальные. В. Оскоцкий в статье «Литературные игрнща, или Тотальный нигилизм» («Литературная Россия», 1983, № 4) требовал уже призвать к ответственности не только автора «Освобождения», но н журнал «Волга». Далее все развивалось, как по сценарию. Оргвыводы последовали незамедлительно.

Главный редактор «Волги» был снят с работы, сам же Михаил Лобанов на несколько лет оказался вне литературы, ни один редактор не осмеливался публиковать его.

Обо всем этом можно было бы, конечно, и не вспоминать, если бы «доносительная критика», как и все другие виды доносов, осталась в прошлом. Так ведь жива же, целехонька она и теперь. Более того, готова служить перестройке, готова клеймить и разоблачать ее «врагов».

У перестройки уже появились свои «ненстовые ревнители», свои вышинские, требующие чрезвычайных мер.

Еще немного, и механизм давления начнет действовать. Не обязательно физического уничтожения. Террор — явление миоголикое и многозначное. Он может быть как «правым», так и «левым», но действия «либеральной жандармерни». о которои говорил еще Лесков, отличаются лишь по методам, а не по сути.

И такая «либеральная жандармерия» уже вовсю действует на страницах нашей печати. Быть может, Закон о печати как раз н послужит юридической защитой от произвола любой «жандармерии», заставит отвечать за свои слова, если не перед совестью, то котя бы перед законом. Но «доносительная крнтика» при этом все равно не будет подпадать под действие Закона о печати, поскольку она полностью относится к понятиям нравственным.

Закон о печати может обеспечить реальные гарантии свободы слова, коть как-то отрегулировать правнла многостороннего движения, чтобы мы в суматохе попросту не передавили друг друга. Культура спора, культура дискуссий необходима.

А для этого не помещало бы вернуться к самим истокам «перелома русской мысли», с которого начинается историческое противостояние западников и славянофилов. Тогда, в 1841 году, «западник» Белинский встретил известие о рожденни славянофильского журнала «Москвитянин» такими словами: «Не беремся пророчить о судьбе нового издання, но смело можем поручиться, что он есть предприятие честное, добросовестное, благонамеренное, чисто литературное и нисколько не меркантильное; что у него будет своя мысль, свое мнение, с которым можно будет соглашаться и не соглашаться, но которых нельзя будет не уважать, — против которых можно будет спорить, но с которыми нельзя будет браниться».

Все это Белинский говорил о журнале своих литературных оппонентов — славянофилов, определяя уровень всего последующего исторического спора, который, по сути, продолжается и поныне. Только в иных исторических условиях и, увы, на ином уровне. Герцен предстаалял эти два полюса русской

культуры а образе двуликого Януса, у которого все-таки «сердце билось одно». Это единство западников и славянофилов ои видел в чувстве «безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума».

Назовите мне хотя бы одного современного «западника», который отличался бы такой же безграничной любовью к русскому народу, русскому быту, русскому складу ума. Поэтому, видимо, и появилась иеобходимость в новых определениях: «левые» к «правые», «прогрессисты» к «консерваторы», «патриоты» и «интернационалисты». «Одни, — отмечает А. Анастасьев, — с огромной силой нажимают на корневое, почвенное начало культуры, другим близок ее всечеловеческий, космический пафос». И такое противопоставление уже заведомо исключает единое сердце, есть лишь разные, несоизмеримым величины

Не отличаются новизной и взгляды столь модного ныне историка Юрия Афанасьева, утверждающего, что нет и никогда не было никакой такой «загадки» России, ее «особой ствти», что мерить ее нужно только «общим аршином», а для этого необходимо, прежде всего, отказаться от патриотизма, который всегда был лишь формой холуйства перед властями. Отказаться от представлений о так называемых добровольных присоединениях к России. Признать, что Сталин и сталинизм — это порождение великодержавного шовинизма и русской истории, начиная с Ивана Грозного и Петра Первого. Только нсходя из этой «правды исторни» можно создать подлинную историю России. Все остальное — полуправда или ложь...

Подобные взгляды, как и любые другие, нмеют право на существование. Тем более, что они знакомы нам не только по рассуждениям героев романа «Бесы» Достоевского, но и по высказываниям Троцкого, по стикам Джека Алтаузена. Идеи исторического нигилизма обладают определенной притягательной силой, в них всегда есть соблазн «запретного плода». Сейчас мы вкушаем эти былые «запретные плоды», не замечая в них заключенного смертоносного яда. А попробуй заметь, попробуй-ка возрази тому же историку Афанасьеву, тут же попадешь в число сталинистов, шовинистов, националистов, врагов перестройки, противников гласности. Вот и молчим, из страка попасть в «черные списки демократин», позволяем сближать сталннизм и патриотнзм, проводить между ними едва ли не знак равенства.

Да, было однажды такое в исторни: обратился Сталин к патриотическим чувствам русского народа, произнес забытое «братья и сестры», возродил гвардию, ввел золотые погоны, ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого... Но неужели не ясно, что сделал он это именно потому, что другого выхода у него не было. Только патрнотизм мог спасти (и может спасти!) Отечество. Сталиннзм к этому не имеет никакого отношения. Да и до каких же пор мы будем отравлять трупным ядом сталинизма и себя и русскую историю? Быть может, хватит, пора и меру знать?

Где же предел страданням нашнм? На долю какого народа и когда в нстории выпадало столько испытаннй за неполное столетие. Кто был среди миллионов павших в гражданскую? Кто опухал от голода в поволжских, донских, ставропольских, кубанских станицах? Кто потерял двадцать миллионов в Отечественную? Чья земля превратилась в Нечерноземную зону (слово-то какое чудовищное: как нечисть, нежить, небыль, да еще и зона)? Чьи восемьсот тысяч дервенских домов опустели уже в наши дни? Чьи дети погибали в Афганистане?..

Конечно же, не один русские погибали. Но легче ли от этого русским? Русские вообще никогда не выделялись, не противопоставляли себя другим, никогда не жили за счет «колоний», не процветали в то время, когда с голоду умирали калмыцкие дети, когда эстонцы или латыши погибали в сталинских лагерях. По отношению к жертвам Сталин был последовательным «интернационалистом», здесь ои достиг полного «слняния нации», н мы, живые, до сих пор ощущаем на себе последствия этого сталинского (а затем, в ндеологии, сусловского) «интернационализма». Но причем здесь опять же русские, которые точно так же, как и другие, пытаются обратиться к исторической памяти народа, чтобы

обрести себя, чтобы найти смысл, как после батыевых нашествий, для возрождения, для государственного строительства. На нигилизме, на отрицании ничего не построищь.

Недавно П. Николаев, выступая по телевиденню, признался, что не может он видеть памятника Юрию Долгорукому. За что, за какие заслуги ему памятник? За то, что руки свои длинные запускал куда не следовало, присоединял окраини. Вот есля бы вместо этого памятника и вместо памятника Суворову, который войны вел лишь захватнические, Пугачева на казнь вез, поставить памятник неизвестному русскому мужичку с топориком. Ведь есть же памятиик иеизвестному солдату, почему ие может быть памятника неизвестному основателю Москвы, безымянному мужичку...

Любой человек, а тем более член-корреспондент АН СССР, имеет право на подобного рода размышления. Но нетрудно представить себе, как отнеслись бы литовцы к своему членкору, историку и теоретику литературы, если бы ои по литовскому телевидению сказал нечто подобное о башне «завоевателя» Гедиминаса. Как отнеслись бы грузины, если бы их ученый отнесся уничижительно к памятнику Давиду Строителю.

Так что же с нами происходит?! Стоит ли тогда удивляться экстремизму «Памяти» все это — следствие, а не причина. Впрочем, «Памяти» историку Афанасьеву не страшна. Она даже нужна ему. Без нее нечем было бы запугивать. Кто же без «Памяти» поверит в шовинизм русского народа? А теперь верят, еще как верят. Послушаешь «голоса» и диву даешься, как примитивно, но безошибочно, срабатывает это пропагандистское «клише» об опасности «Памяти» для перестройки, для демократии, для гласности и даже для всего мира. Но точно так же, с помощью таких же примитивов, мы запугивали себя н других Америкой. Сейчас наконец-то признали, что «образ врага» пора разрушать. По отношению к Америке, к западному миру, действительно, разрушаем, но по отношению к самим себе, к своему братскому сообществу, наоборот, — не создаем ли?!

Запомнился мне один разговор с американским профессором, давним знакомым. Он преподает русскую литературу в университете в Нью-Мехико, переводит современиую, одним словом, вполне в курсе дела. Особенно по части «врагов перестройки» — все по полочкам разложено. Не выдержал я н спросил: как же так получается, что у вас, в том же конгрессе, есть свои либералы, свои консерваторы н даже «ястребы» — и все это следствие демократин, а у нас, выходит, все должно быть по одному ранжиру. Где логика?

Если и есть логика в подобного рода схемак, которые нам усиленно навязываются средствами массовой информации, то она противоречит именно демократии. Демократия сейчас нуждается в защите от своих же «защитников», которые могут принести ей не меньший вред, чем «неистовые ревинтели» — литературе.

Быть может, Закон о печати и сможет коть как-то диалектически оградить законное право «патрнотов» на безграничную любовь к своему социалистическому Отечеству, на национальное достоинство, которое нельзя попирать, унижать никому (будь то достоинство русского, украница, грузина, татарина или еврея). Хотя законодательные ограничения зачастую приводят лишь к обратным результатам: «запретный плод» сладок. Свобода слова — это и есть свобода высказывания любых взглядов. Кроме, конечно, человеконенавистинческих и расистских. Но оскорбление национального достоинства — разве это не проявление крайних отклонений. И разве в самом нарочнтом, почти надсадном н постоянном противопоставлении интернационального и национального не заложено разделение на высшее и низшее?! Что же тогда удивляться вспышкам национализма — это следствие, это защитная реакция, инстинкт самосокранения, нарушение диалектики жизни, за которую так твердо стоял Ленин...

Утопающий хватается за соломнику. Так и мы судорожно хватаемся то за арендный подряд, то за кооперацию, то за законы. Не спасут нас ни эти, ни другие «соломинки», пока мы не перестанем хвататься за них. Никакие, даже самые совершенные законы, не помогут нам до тех порпока не будут восстановлены естественные законы совести. Мы сейчас больны прежде всего изнутри, наша совесть поражена. Отсюда и все наши остальные беды...

ПОРТРЕТ СОЦИАЛЬНЫЙ

OOTO H. KOYHEBA

Вячеслав МАРЧЕНКО

Родился на древкем пути «из варяг в греки» — в городе Старая Русса, на Новгородчине. Собственно, это и определило его судьбу: неполных пятиадцати лет он уехал в Кроиштадт и поступил, как тогда говорили, «В юнги». А потом была Балтика (это продолжение древнего пути), и были Баренцево, Белое и Карсков моря (а это уже продолжение самой Новгородчины), и было Военио-морское училище им. М. В. Фрунзе, служба на крейсерах. Тогда же начал писать. И по совету и рекомендации М. М. Пришвина поступил в Литературный институт им. М. Горького. Написал и издал за это время более 20 книг и среди них романы «Севера», «Ветры низких широт», «Страницы памятн»; повести «Ленты-бантики», «Год без весны», «Последний нонешний декечек», «Тверской бупьвар» и другие; многомного рассказов и очерков. Председатель ревизионной комиссии Московской писательской организации, заместитель председателя Центральной ревизионной комиссии СП СССР.

аша печать а последние годы стала самоуверенной, обретя, наконец-то, «лица не общее выраженье». Но, к сожалению, у этого блага оказалась и своя оборотная сторона, когда факты сплошь и рядом стали излагаться весьма вольно, а миения, как правило, начисто лишены аргументации.

«Комсомольская правда» — в первых рядах, за нею АПН, в лице своего обозревателя Петросяна, а теперь вот еще «Аргументы и факты» в логической последовательности поведали изумленному читателю, что среди наших писателей, наиболее популярных, скажем так, завелись «миллионеры», к которым следовало бы, мягко говоря, применить кое-какие санкции, а все прочие (непопулярные, видимо) тоже живут, понимаете ли, в особияках и купаются, знаете ли, в золоте. Спасибо, как говорится, за откровение, только что-то я до сих пор не ощущал на себе этой манны небесной.

По нанвности своей, до этих публикаций мне все думалось, что у нас в государстве существует тайна вклада, н, следовательно, инкому из нас не позволено просто так вот заглянуть через плечо впередистоящего и полюбопытствовать (для интереса, разумеется), сколько и чего может находиться у того на текущем счету. А если это так, — а я верю, что это именно так, — то позволительно все-таки поразмышлять, откуда же появились на свет божий эти миллионы. Тут, по-моему, кое-кому, тем же «Аргументам н фактам», которых особенно обеспоконло предполагаемое повышение гонорарных ставок, стало словно бы не по себе, они даже задались вопросом: а, собственно, зачем писателям деньги, если их у них н так куры не клюют? Да полно вам, товарищи, успокойте свое растревоженное воображение, ведь миллнонные издательские тиражи ни при какой погоде не переводятся в нашем государстве в писательские рубли, а если и переводятся, то совсем по особому счету. Скажем, «Роман-газета», тнражи которой в последнее время стали баснословиыми, стоит целковик, и если перемножить одно (целковик) на другое (тиражи), то на самом деле получатся миллноны, только писателю, чье произведение опубликовано в номере, от этого ни жарко, ни холодно — и в лучшем случае он получит восемь тысяч, менее одной десятой процента, а все прочее поступит в государственную казну, за нсключением малой толнки, которая останется в издательстве или будет перечислена на счет Литературного фонда. Никакая другая индивидуальная деятельность у нас не приносит государству такой выгоды, как писательская, но если индивидуалы всех прочих мастей кладут свою выручку в карман, заплатив властям за патент, то писатели при этом практически остаются нищими, но об этом чуть позже.

Я только что вернулся из книжной лавки, в которой приобрел мемуары Ирины Одоевцевой «На берегах Невы», изданные стотысячным тиражом и стоимостью два рубля. Общий доход от нее (за вычетом гонорара автору — восемь тысяч, типографских расходов, включая стоимость бумаги две тысячи, отчисления в торговлю — пятьдесят тысяч) составил сто сорок тысяч. С автора при этом удержали еще подоходный налог примерно чуть больше тысячи, оставив на руках у Ирины Одоевцевой что-то около семи тысяч рубликов: живи, радуйся. Не правда ли — почти подпольный миллионер Корейко. Я мог бы продолжить эти расчеты, взяв для примера кинги Ч. Антматова, М. Алексеева, Ю. Бондарева, Е. Евтушенко (популярных авторов) — господи, да любого другого, но в любом случае результат получился бы один и тот же: общество и государство берут куда больше, чем дают писателям. А при существующей инфляции, -а она, по оценкам некоторых экономистов, достигает даух рублей в месяц, — прибавка к писательским гонорарам, пожалуй, явится тем самым дождем, который испарится, не долетев до земли. К тому же — я особо обращаю на это внимание — увеличение гонорарных ставок пойдет не за счет государственных средств — на это будут израсходованы накопления Союза писателей, которые он создал собственной издательской деятельностью («Литературная газета», «Советский писатель»), и общественная казна не пострадает ни на полушку. Я не судейский дознаватель, но, право, очень котелось бы понять, кто науськивает и кому выгодно втаптывать в грязь труд творца, который во всем мире почитается высоко и огражден законами. Я не говорю о литературной критике, литературная критика — это почти что от бога, если она обеспокоенная, объективная, пусть резкая и угловатая, но обязательно — доброжелательная.

Когда нет фактов, их придумывают — это понятно, а когда они есть? По нашему заданню Отдел изучення общественного мнения Научно-нсследовательского центра Высшей комсомольской школы (название, каюсь, длинноватое, но такое уж они придумалн себе) провел соцнологическое нсследованне в Московской писательской организации, опросив тысячу триста шестнадцать человек из двух тысяч писателей, проживающих в Москов и в Московской области. Исследователи раньше не имели дела с творческой интеллигенцией и споткнулнсь, что называется, на первой же кочке: мужчины в Московской писательской организации составнли семьдесят шесть процентов, а женщины — только двадцать четыпе.

Простите, — вежливо поинтересовались соцнологи у меня, — не попахнвает ли это соотношение некоей дискриминацией женщин в вашем творческом Союзе?

— Милые вы мои, — сказал я им. — Писательство — это прежде всего мужской труд. Для того, чтобы написать средненький роман, надо отдать ему как минимум года два, лишив себя при этом праздников и выходных дней, работая по двенадцать — четырнадцать часов в сутки. Может ли женщина, а если она к тому же еще и мать, выдержать такое напряжение? Писательство — это каторга, правда, иногда благодарная, чаще — безрадостная. Поэтому самая распространенная болезнь среди писателей, можно сказать — профессиональная — инфаркт мнокарда и инсульт...

Долгие годы я дружил с Владимиром Чивилихниым, человеком неистовым, настойчивым в достижении своей цели, а цель со студенческой скамьи он обозначил одну - всей снлой своего таланта способствовать сохранению родной природы, этого индикатора духовного здоровья и физической силы нации. В то время еще не было мощного экологического общественного даижения и писатели вроде Леонида Леонова, Сергея Залыгина, Владимира Чивилихина представляли собою одиноких путников, которые знали, куда идти, но не ведали, добредут ли когда-то туда, в тот мир гармонии человека и природы. Чивилихин писал тогда и печатал очерки «О чем шумят русские леса», «Голубое око Сибири» (это о Байкале), взывая к нашей гражданской совести, и когда почувствовал, что совесть наша почила непробудно, ударил в набат: «Земля в беде» н свалился с инфарктом миокарда. Отошел кое-как, поднялся и вместо того, чтобы оправиться как следует.

тут же сел за свою «Память». Успел написать первый том — получил инсульт. Многие дни провалялся в беспамятстве, ожил. Врачн настоятельно совстовали перейти на инвалидность и пожить тико-мирно, никого не беспокоя и не беспокоя совстов прежде всего самому. После инсульта Чивиликин плоко слышал, кодил с палочкой, ио писал, писал, жалуясь порой мне на сильные головные боли, и снова писал, успев завершить и второй том «Памяти». Последовал новый инфаркт, а за ним вечное успокоение на Троекуровском кладбище, считавшемся с некоторых пор филиалом Новодевичьего. Чиновники наши даже не уловили всей нелепости этого филиала.

Могут сказать мне, что судьба Чивилихина исключительная. В чем-то безусловно, но для писателей весьма типичнав. Я мог бы назвать десятки своих товарищей, которые носят на сердце по одному рубцу, по два, третий, как правило, бывает смертельным. Тем не менее я все-таки иазову удмурта Геннадия Красильникова, русского Николая Анцифирова, лакца Бодави Рамазанова, башкира Раиса Низамова — это только мои сокурсники по Литературному институту, которых инфаркт преждевременио свел в могилу, ие дав им дожить даже до пятидесяти.

И при всем при том труд писателя ничем и никем не гараитирован. Старики наши (писатели, разумеется) говаривали, что в старом авторском праве была статья, которая давала кое-какие гарантии на случай творческой неудачи, а неудача для писателя — это несостоявшаяся книга. А ведь только она одна, голубушка, дает писателю прожиточный минимум. Писатель ведь не обеспечен никакой зарплатой, единственвенное пособие на творческий период в размере двухсот рублей может быть получено им не чаще одиого раза в год, практически это бывает куда реже. А дальше что, спросил бы я, — идти с протянутой рукой? Вот и приспела пора обратиться к сукому языку цифр.

Как показало социологическое исследование, условия труда московских писателей весьма сложные. Чтобы как-то свести концы с концами, двадцать три процента из них вынуждены преимуществение выполнять работу, не соответствующую творческим планам. Это то же самое, как если бы ученого отправили на лесоповал (правда, такое времечко было у нас), а летчика — таскать на себе кули с солью. Иначе говоря, мы по-прежнему нерационально используем интеллектуальный, творческий потенциал, хотя и провозглашаем на всех перекрестках, что талант — это достояние народное. Так и напрашивается вопрос: а народное — это что значит, ничейное?

Только шестьдесят шесть процентов московских писателей могут регулярно работать над свонми произведениями. Особенно мала эта доля среди тех писателей, кому менее сорока лет — всего пятьдесят даа процента. В самом расцвете сил клеб свой насущный писатель вынужден зарабатывать как бы отхожим промыслом: сорок четыре процента загружены ответами на редакционные письма, тридцать один процент — рецензированием издательских рукописей, даадцать один процент — редактированием чужих произведений, двадцать шесть процентов подрабатывают себе на пропитание в Бюро пропаганды художественной литературы. Таким образом, большая загруженность писателей наряду с основным видом их деятельности («деятели литературы, создавайте произведения, достойные нашей социалистической эпохи») вносит в ритм их жизни высокую степень напряженности. Поэтому не удивительно, что двадцать два процента работают вечерами, четырнадцать процентов — ночью, пятьдесят восемь процентов — в субботу и воскресенье. С возрастом доля работающих по субботам и по воскресеньям, а также по ночам заметно сокращается. И это понятно: силы-то на некоде, недолго н... Каюсь, сказалось грубовато, но жизнь-то, к со-

Вот н подошел я к золотой купели, в которой, по убеждению «Аргументов и фактов», пребывают в неге писатели. А между тем на сегодняшний день только семнадцать процентов из них удоалетворены гонорарной политикой. Особенно резкой критике подвергают ее так называемые «молодые», иначе говоря, те, кому сейчас менее сорока лет: их и издают реже и платят за печвтный лист или за поэтическую строку меньше. На моей памятн однажды уже повышались гонорарные ставки — было это лет пятнадцать назад, когда

жизнь была куда как дешевле, тогда в прессе тоже много говорили о заботе, о дальновидной политике и еще о многом другом, а Минфин взял да и забыл подбросить издательствам деньжонок, дескать, понимайте это увеличение как знаете, есть наличные — так платите, а нет, то руководствуйтесь старыми ставками, и вся та гонорарная политика обернулась пропагандистским блефом, о котором наша стозвучная пресса потихоньку забыла. Не повторится ли история и теперь, и не бухнули ли мы в колокола, не заглянув в святцы — это у нас случается, тем более, говорят, что Минфии все еще не спешит раскошеливаться, хотя и деньжать вроде бы не его, в, как уже говорилось, будут сняты с депозитивов «Советского писателя».

Проблема охраны авторского права затрагивает примерно треть литераторок миогими издательствами творческие заявки попросту не рассматриваются, а если и рассматриваются, то уж договоры под них во всяком случае не заключаются, рукописи валяются по многу лет без движения. Наверное, следовало бы провести несколько показательных процессов, чтобы яздатели, наконец-то, научились уважать авторское право, которое к тому же такое куцее и составлено таким образом, что всячески охраняет издателя, превратясь тем самым в авторское бесправие. Отсюда понятно, почему только девять процентов литераторов удовлетворены деятельностью Всесоюзного агентства по авторским правам -ВААПом. Более того, все наши издательские отношения словно бы перевернуты с ног на голову и представляют собою, мягко говоря, планирование неудовольствий, обид и прямых оскорбительных деяний...

Даже наш «Советский писатель», казалось бы, плоть от плоти писательское издательство, практически ничего не делает, чтобы снять напряженность. На самом деле, что значит планирование двуксот «новинок», а если ик в издательстве на сегодняшний день скопилось двести пятьдесят, триста, триста пятьдесят? Выстраивать в очередь? Но ведь это же чистейшей воды абсурд. На наш взгляд, планирование по крайней мере в «Советском писателе» должно претерпеть корениое изменение. Планировать надо на полгода и столько книг, сколько в издательстве на день планирование собралось готовых рукописей. Кроме того, необходимо оставлять в запасе еще и несколько резервных позиций. Только таким образом можно снять напряженность с изданием книг современных авторов, и писательские «новинки» на самом деле останутся новинками.

Издательская практика и гонорарная политика — это, по сути, основа основ всей писательской жизни, благополучие его самого и благополучие его семьи. Как правило, только у тридцати девяти процентов московских писателей супруги работают, поэтому нагрузка по материальному обеспечению семьи полностью ложится на одного человека. А между тем среднемесячный доход московских писателей исчисляется примерно двумястами девяноста рублями, однако эта цифра скрывает существенное различие в доходах. Так, среднемесячный доход семнадцати процентов писателей менее ста пятидесяти рублей. Если учесть, что среднемесячный доход трудящихся по стране составляет двести двадцать рублей, то можно смело говорить о том, что у сорока трех процентов московских писателен среднемесячный доход ниже среднего. В то же время двадцать три процента писателей имеют среднемесячный доход четыреста рублей, а у десяти процентов выше пятисот.

Средний доход на одного члена семьн писателя — сто питьдесят рублей. А вот более подробная раскладка: у двадцати двух процентов — менее ста рублей, а у других двадцати двух процентов — более двухсот. У нас в стране нет официального индекса бедности, считается (кем? и почему? неизвестно), что все живут в полном достатке, на то он и «развнтой» социализм, который до недавнего временн осенял нас своей благодатной десницей. А негласно наши социологи считвют все-таки чертой бедности сто рублей. Если это так, — а при нашей дороговизне нет причин сомневаться в этом, — то каждый пятый пнсатель находится на грани бедности. Если инфляция не остановится и цены не прекратят свой стремительный взлет, то никакая прибавка к гонорарам не спасет: все большее и большее число писателей покатятся к этой роковой черте.

И все же я не стал бы сгущать краски: трн пятых москов-

ских писателен имеют благополучие выше среднего. Это значит, что каждын десятын может, по нашим стандартам, ни в чем себе не отказывать, еще каждый пятый без затруднення приобретает товары длительного пользования, если таковые, правда, оказываются на прилавке или их удается достать, как теперь принято говорить, по случаю. Правда, семь процентов наших товарищей живут в долг, перебиваясь, как говаривали в старину, с клеба на квас. Это в Москве, где и отрецензировать можно, получив потом три-пять рублей за печатный лист, и редактурку перехватить, не часто, но - случается, а как же жить в провинции, где нет своих издательств, а само отделение Союза писателей прозябает на скуднейшем областном бюджете? А если писатель ершистый и его точка зрения не согласуется с точкой зрення властыпредержащих, вот и становится он перекати-поле и катится по Русн Великой, пока не зацепится за стольный град, в коем к писателям еще мирволят. Когда-то Шукшина спросили:

Вася, зачем ты убиваешься, не даешь себе роздыху?
 И Василий Макарович ответил:

Я хочу быть независнмым.

Многие писатели стремятся стать независимыми, чтобы говорить, как того требуют перестройка и гласность, правду и только ее родименькую — надоело ведь лгать, изворачиваться, громоздить одну нелепость на другую, — но, к сожалению, большинству из них суждено остаться поденщиками. Мне могут возразнть: «А как же ндеалы? А как же бескорыстное служение народу, обществу? Неужели все это можно разменять на медные пятаки». Конечно же, не меняют писатели свою совесть и не предают свои идеалы, но ведь сказать-то всегда хочется и громче, и чише. Когда-то говорилн, что писатель — глас общества, это, безусловно, так, но, значит, и общество должно позаботиться, чтобы глас этот не застревал в горле. «Но я себя смирял, становясь на горло собственной песне», — сказал когда-то наш великий поэт. Но если бы он не становился на горло песне, то, может, сталинщина-то и не расцвела бы у нас так, что мы вытравляем ее из себя н вытравить никак не можем

Надо ли поэтому удивляться, что неудовлетворенность московских писателей принципами присуждения премий особенно велика. В целом две трети литераторов не устраивает действующий сегодня «механизм» присуждения премий, и только один из десяти считает его справедливым. Возможно, этот десятый и есть тот самый «огосударствленный» знаком качества писатель или возжелавший «огосударствиться», чтобы потом уже войти в элиту, к которой, как известно, и власти подобрее, и законы помягче

Основные недостатки, присущие ныне действующему принципу «распределения» премий (я не оговорился — многие опрошенные слово «присуждение» поменяли на слово «распределение»), по мнению большинства московских писателей, — отсутствие гласности, необходимого демократизма в подборе сонскателей, проявление групповых интересов, которые весьма умело подменяют критерии истинные критериями минмыми. Сидели, помнится, мы с Миханлом Годенко, поэтом и прозаиком, а в прошлом балтийцем, в верхнем холле нашего Дома литераторов и к нам подошел Михаил Коршунов, весьма деятельный и преуспевающин писатель. Годенко и спроси у него.

— Миш, а ты когда получишь премию Крупской?

— Погоди, дай посчитаю, — сказал, улыбаясь, Коршунов. — Михалков у нас получил, Барто получила, Алексин тоже... Стало быть, моя очередь по счету семьдесят шестая...

Хорошо вам, — сказал Годенко.

По мненню многих писателей — н тех, кто стонт в очереди, и тех, кого в оную еще не поставили, — премни (Ленинские, Государственные, ведомственные) вообще следовало бы упразднить, оставнв премин только чисто литературные, н быть их должно много, н они не должны давать при присуждении житейских благ: получение новых квартир, дач, прнобретенне машин, мебельных гаринтуров. Иначе говоря, литературная премня — не талон в распределитель ширпотреба, а качественная оценка собратьями по перу конкретного литературного произведения. Да простят меня лауреаты премнй, резво выступающие сейчас против сталинщины, — «огосударствование» писателей само по себе является худшим порождением сталинщины, когда общество как бы сливалось с государством, а закон, пусть даже самый несовершенный и примитивный, ставился выше нравственности.

Талант — это от бога, говаривали в старину, а все прочее — от людей, но вот и получается, что когда от бога, то вроде бы все понятно, а как только от людеи — тут и начи наются трудности. Казалось бы, чего уж проще: уяснить для себя, что личная библиотека писателя, письменный столь пншущая машинка на нем (о дисплее речь уже не ведется). а еще лучше все-таки два письменных стола, потому что порой работа идет сразу над двумя вещами, скажем, за одним столом пишется роман, а на другом копятся материалы для статьи или для очерка, все это заключенное в четыре СТЕНЫ И СОСТАВЛЯЕТ В КОНЕЧНОМ СЧЕТЕ ТВОРЧЕСКУЮ МАСТЕРскую. Жилье для писателя — это не просто спальное место для его семьи и для него самого, где он отдыхает от трудов праведных, это прежде всего его рабочее место со всеми вытекающими из этого следствиями и последствиями. В недавнее «застойное» время уже было найдено понимание между Моссоветом и Московской писательской организацией. когда депутаты уже не чиннли препятствий и плюсовали пнсателю к девяти санитарным метрам еще двадцать под творческую мастерскую. Но кончились «застойные» времена, а вместе с тем нарушилось и понимание, даже послышались недовольные голоса

— A чем писатели лучше рабочих? Тоже мне... Нам своих, рабочих расселять некуда.

Странное все-таки деление на своих, рабочих, и чужих, пнсателей, которые в недавнем прошлом сами были рабочнми, н крестьянами, и учителями, и моряками, а доказывать тем не менее приходится, чаще всего безуспешно, что писатель, подобно любому другому гражданину, имеет право на рабочее место. Творческая мастерская писателя — это его, если хотите, инфраструктура, без которой он не может в полнон мере раскрыть свой талант на благо самого же общества, тем более, что доходы от издания книг таковы, что государству ничего не стоит немного потратиться на писателя. Даже и при этих затратах писатель ровным счетом инчего не будет стонть обществу. Он — самофинансирующееся и самоокупающееся духовное приложение, которое едва ли не каждый волен пннать, как ему только заблагорассудится. Правда, если писатель сумеет доказать Моссовету, что он принимает у себя закордонных гостей, то ему и творческую мастерскую выделят н еще некоторое колнчество метров прирежут. Тут на рабочих уже никто ссылаться не станет — потерпят, дескать...

На сегодняшний день две третн московских писателей или даже чуть больше живут в отдельных квартирах и половина из них — «счастливчики»: у инх имеется отдельный кабинет для писания своих кинг. Еще каждый четвертым от общего числа членов СП, проживающих в Москве и в области, обладают своим письменным столом, а вот каждый третни и имеет такового, арендуя для работы у семьи кухонный или обеденный — это уж кому как повезет. Нетрудно предстивить себе такую бытовую картинку.

Петя, кончай свою писанину. Семье обедать пора

А Петя, между тем, единственный кормилец семьи и то, что он пишет, явится потом ее материальным обеспечением

Да у меня фраза тут никак не ложится.

— Потом ляжет, а то Маше пора в музыкальную школу

Наконец, об «особняках»: да, двенадцать процентов московских писателей нмеют дачу на правах личной собственности еще семнадцать процентов, разумеется, состоят в дачном кооперативе, у большинства же ни дач нет, ни даже видов на них, в основном пробавляются домами творчеств

И тут пора опять отложить на время цифры в сторону и обратиться к положению дел в этих самых домах творчества. которые, к сожалению, работают по образцу профсоюзных Кто принял такой статус, теперь уже не сыскать — одних уж нет, — как сказал поэт, — а те далече, — но тот явно или ничего не понимал в творчестве, или не котел понимать. Пора, наконец, признать очевидным, что член профсоюза едет в дом отдыха на 24 дня отдыхать, а писатель на тот же срок работать. Кажется, различия нскать не приходится, к тому же поэмы, романы, и монографин, и пьесы за 24 дня «не работаются». Это тоже очевидный номсем:

Начинаешь анализировать возрастной состав Московской писательской организации и невольно ужасаешься: молодежь до тридцати лет среди нас составляет только три десятых процента. Невелика доля и сорокалетних всего четыре

процента. Средний же возраст членов Союза писателей в Москве на сегодняшний день — шестьдесят лет. Любопытный вывод делает группа социологического исследования:

«С одной стороны, уместно предположить, что столь «врослый» состав союза воплощает в себе богатый жизнеиный опыт, несомненно, являющийся важной предпосылкой для более глубокого, зрелого и художественного отображения социальной действительности, психологических образов и межличностных отношений в процессе литературиого творчества. С другой — возникает вопрос: хватит ли (и насколько) в этом возрасте энергии для активной ТВОРЧЕСКОЙ деятельности, в особенности в условиях резкого возрастания общественной жизни, переоценки политических, идеологических и исторических цениостей?».

Вопрос, конечио, и своевременный и справедливый: организация нуждается в решительном омоложении. Легко так сказать, но как это сделать, если средний возраст абитуриентов составляет все те же полста лет и не является ли это зеркальным отображением демографического положения самой Москвы-матушки? Не постарела ли она на наших глазах. селясь в «хрущобах», век доживать в коих вполне можно, а вот воспроизводиться весьма и весьма сложио. И не потому ли среди абитуриентов коренных москвичей все меньще, их стройные ряды рекрутируются в основном москвичами приезжими, да и самому абитуриенту трудно помолодеть, если первую книжку он едва-едва ухитряется издать после тридцати лет, а на вторую еще уходит десяток, а Московская писательская организация практически ничем помочь своим будущим сочленам не может — у нее нет редакциоино-издательской базы. Любят при этом ссылаться на то, что в Москве полно издательств и журналов, но одни издательства и журналы волнуют судьбы Союза, других — судьбы Российской республики, а кто озаботится Москвою, равной или превосходящей по численности многие европейские государства? Конечно, проще всего ответить: все, но все значит, никто, и не досужие это рассуждения, а печальная

Невольно напрашивается однозначный вывод: никакая механическая перестройка организационных писательских структур не принесет желаемых результатов, пока не будет обеспечена полная гласность и плюрализм мнений для всех и для каждого писателя — без исключения. И тут же поторапливается другой вывод: не засиделась ли Московская писательская организация в «приживалках» у городского бюджета, не пора ли всерьез подумать о самофинансировании и самоокупаемости, тем более, что книги московских писателей, которых они пишут предостаточно, в состоянии выдержать пюбой хозрасчет? Всего этого можно было бы достигнуть голько в том случае, если бы Московская писательская организация обрела издательско-редакционную базу, а это, судя по всему, случится весьма нескоро. Пока нам все только обещают: и Московский Горком КПСС, и союзы писателей РСФСР и СССР, и Госкомиздат СССР... Затянувшиеся обе-

Еще одна проблема и возможный путь решения писательских забот... Хотя я и рискую прослыть в глазах наших радикалов «антиперестройшиком,», но все же произнесу вслух: а надо ли гнать толстые журналы астрономическими тиражами?! Памятуя, что век у журнала скоротечный, хранить по малогабаритности квартир годовые комплекты негде, поэтому и будут они разодраны, меньшая часть попадет к переплетчикам, большая же — окажется в макулатуре. Не слишком ли большая роскошь при нашей вопиющей бедности? Не лучше ли ограничить тиражи журналов, правда, сделать это демократично, проведя в печати дискуссию, чтобы не было обиженных, а понравившиеся материалы издавать «экспрессом» и большим тиражом: книжки, к счастью, долговечнее журналов.

Но эти заметки, как говорится, на манжетах, а главное видится все-таки в том, что московским писателям уже сейчас необходимо разрешить самим издавать свои книги и прежде всего — альманахи, которые разрядят обстановку в профессиональной среде (сейчас рукописи залеживаются в издательствах до пяти лет) и предоставят площадь для молодых. Предвижу возражение: век у альманахов короткий, словно у бабочки-поденки. А я и возражать не стану: слабые

погибнут на корню, сильные выживут, обратясь в новые журналы, но и те, что отомрут, дело свое сделают. В издательской практике все вечно и почти в равной мере — скоротечно.

Казалось бы, дело наше праведное, и препоны ставить нам никто не будет в стране разрешено все, что не запрещено, а нам никто и никогда не запрещал издавать свои книги, тем более, что и счет в банке у нас есть, и печать имеется, и рукописей скопилось достаточно.

Но, кроме права, действует еще и правило: что положено Юпитеру, то не положено быку, и роль быка в этом случае отводится Московской писательской организации, а Юпитера — о, Юпитера — их величествам, прошу прощения, кооперативам и хозрасчетным группам. Цитирую по «Литературной газете»:

«Кроме того, всем издательствам рекомендовано создавать хозрасчетные группы или посреднические кооперативы для оказания услуг по изданию произведений за счет автора. Таким образом, к 240 издательствам, обладающим правом на издание, но, к сожалению, неохотно этим правом пользующимся, добавятся сотни других издателей, которые, надеюсь, будут более заинтересованны, разворотливы и предпримичивы.»

— Простите, товарищи из Госкомиздата, а почему бы вам не включить в число заинтересованных, разворотливых и предприимчивых Московскую писательскую организацию?

«Что же касается участия кооперативов, им дано право оказывать посреднические услуги издательству при подготовке таких книг в печать, то есть непосредственно участвовать в издательском процессе. ...Госкомиздат выделил даже часть необходимой для этих целей бумаги.»

— Простите, товарищи из Госкомиздата, но почему бы из этой части бумаги совсем уже малую часть не выделить московским писателям, тем более, что сама писательская организация столицы имеет классическую структуру издательства: шесть бюро творческих объединений — шесть редакций, секретариат — главная редакция. Дайте нам право и немного для начала бумаги, а от посредников и кооперативов мы избавямся сами. Не надо перекачивать наши деньги и деньги государства в посреднический карман. Эти деньги нам самим нужны позарез на:

- 1. Создание и развитие редакционно-издательской базы:
- 2. Предоставление возможности молодым выйти к массовому читателю;

3. Всей организацией перейти на хозрасчет.

А чтобы писателей не обвиняли в корыстолюбии, расска жу в заключение случай из своей редакторской практики. Работал я тогда в «Современнике», и издавали мы роман Василия Белова «Кануны». Время было «застойное», роман шел туго, сперва вырезали все «московские» линии, потом последовало еще почти сорок больших и малых замечаний по тексту. Белов останавливался тогда в «Москве», целый день мы с ним ругались, он требовал, чтобы каждое изъятие я подписал, я тоже чего-то от него требовал, наконец, к вечеру кое-как мы свели концы с концами, превратив роман в хронику. Мы вышли на улицу, когда уже ссумерилось, стоял теплый ласковый сентябрьский вечер, было много нарядных людей. К плоцади Маяковского мы подиимались молча, и вдруг Белов сказал:

— А помнишь, ты не хотел печатать в «Нашем современнике» мою пьесу «Над светлой водой»? А она меня года два кормила.

В «Нашем современнике» я заведовал отделом прозы и не был против печатанья той его пьесы. Против нее возражал другой член редколлегии, но тут, видимо, как это часто случается в нашей жизни, сработал «испорченный» телефон. Я не стал оправдываться, только кисло спросил:

И сколько же она тебе давала?

 Сто — сто двадцать в месяц. А в иной — и сто пятьдесят... Она не дала мне с голоду умереть.

А ведь Василий Белов — один из ведущих наших писателей, мастер прозы, которого иногда похваливают, а теперь вот чаще бранят и пытаются сделать это побольнее, так о каком же сребролюбии можно вести речь?!

Писатель, если он только честен и независим, — это совесть народная, так не грех иногда и народу позаботиться о своей совести. ВРЕМЯ. ИДЕИ. ДИАЛОГИ. ПОИСКИ

ХОЗРАСЧЕТИ ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ

Михаил НЕНАШЕВ

НЕНАШЕВ Михаил Федорович закоичип Магнитогорский государственный педагогический институт. По профессии — истории. Долгое время заведовал кафедрой истории КПСС в Метаплургическом институте Магнитогорска. Затем работал в Челябинском обпастном комитете партии, в ЦК КПСС. С апреля 1978 года -главный редантор газеты «Советская Россия», руководит ею до 1986 года. За это время газета стала одной из попупяриейших в Советском Союзе. Он — доктор исторических наук, профессор. Его перу принадпежит ряд книг общественно-политической тематики. Поспедняя — «Газета, читатель, время», вышедшая в 1986 году. посвящена газетно-редакторской практике, впиянию печатного спова на попитическую, экономическую и социальную сферы жизни советского общества.

Неиашев М. Ф. возглавляет Государственный комитет по делам издательств, попиграфии и киижной торговли СССР с февраля 1986 года, является кандидатом в члеиы ЦК КПСС.

CTPOЙKA

LEPE

Z

KHMLA

пы по выпуску справочной, детской литературы, экспрессизданий, добиваемся повышения культуры чтения...

И все же пока главные и часто непреодолимые трудности мы встречаем в самом производстве книги, тут наша ахиллесова пята и наши беды...

Не случайно и наш обостренно-критическии диалог с чита телем носит довольно напряженный характер. Более того, время идет, а напряжение не ослабевает, хотя мы и предпринимаем энергичные меры для улучшения книгоиздательского дела в стране. И не держим это в секрете, понимая, что книга — хлеб насущиый и волнует всех — от мала до велика. Потому так часто обращаемся и к печати, и к телевидению, не боимся «ввязываться» в общественные дискуссии, чтобы более четко и внятно разъяснить свою позицию. Стараемся сдержать и собственные эмоции, когда нас больно и порой несправедливо задевают, опять же ради истины, ради улучшения общего дела...

Начну с того, что сохраняется довольно устоичивая иллю зия, будто раньше, в годах пятидесятых — шестидесятых, с книгами было значительно лучше... Скажу откровенно, я и сам ие избежал этого радужного восприятия, пока был только читателем, а не издателем... С позиции читателя трудно было представить себе, что книгоиздательская отрасль страдает серьезным иедугом и уже давно работает на пре

Как же это могло случиться? Какие причины привели к такому значительному отставанию? Потребовался серьезнейший и всесторониий анализ с позиции перестройки, чтобы объективно оценить размеры нашего отставания, критически проанализировать содержание и ориентиры издательской политики.

Что же требует от нас сегодня нетерпеливый читатель? Дать ему нужные книги и немедленно! Он уверен: книги — не капуста, не сахарная свекла, не помидоры и огурцы, наконец, не стада овец, коров, не новые заводы со сложнейшей современной аппаратурой. На создание их не нужны годы и благоприятная погода. Мол, стоит книгоиздательской бюрократии чуть-чуть пошевелиться, и прилавки будут ломиться от нужных книг и книжный дефицит отойдет в небытие...

Но я должен огорчить. Отрасль наша требует такого же кропотливого и внимательного отношения и очень значительных финансовых вложений, как и здравоохранение и народное образование. Мы отствем от лучших мировых образцов книгоиздания (английских, западногерманских) на тридцать — сорок лет... Не для оправдания, а справедливости ради, приведу несколько примеров.

Гиганты нашей отрасли, работающие ныне на предельных оборотах, — Первая Образцовая типография в Москве, ленинградские «Печатный двор» и «Техническая книга» — размещены в зданиях дореволюционной постройки. Яросланский, Калинииский, Саратовский и Смоленский комбинаты сооружены четверть века назад и нуждаются в полной технической реконструкции, потому как выработались и давно отстали от века... Из 80 тысяч единиц полиграфического оборудования, работающего на предприятиях Госкомиздата, 50 процентов требует немедленной замены из-за крайне вы сокой степени физического и морального износа. Доля ручного труда у нас — 40 процентов. Показатель один из самых высоких в стране! 60 процентов печатной продукции выпускается с наборных машин, с давно устаревших линотипов, которые в ведущих книгоиздательских странах можно сыскать только в музеях.

Уже много лет потребность в осиовном полиграфическом оборудовании книгоизданий не удовлетворяется и наполовину, а книжно-журнальных печатных машин производится просто мизерное число в сравнении с нашими острейшими нуждами.

Не лучше дело обстоит и с бумагой. Опять же, казалось бы, в стране ее производится немало. И создается впечатление, что бумаги вполне бы хватило, чтобы удовлетворить любой дефицит, но увы... От общей доли Госпланом выделяется Госкомиздату СССР лишь 16 процеитов! К тому же ни по качеству, ни по ассортименту она ие отвечает требованиям поли-

Легко ли признать, что по производству бумаги наша страна находится на 42-м месте в мире! На душу населения у нас приходится ее меиее 34 килограммов, а в США — 290... Нужен ли тут какой-нибудь комментарий?!

уховная жизнь людеи неотъемлемо связана с книгой: это — аксиома. И хотя сверхмощные современные источники информации и знаний — кино, телевидение, видео — продолжают теснить книгу, к счастью, прогнозы скептиков — будто дни книги сочтеиы — не оправдались. Ныне она приобрела еще большее значение как углубленный, наиболее квалифицированный и индивидуальный источник духовных знаний и разнообразнейшей информации. Тиражи книг растут в нашей стране и даже там, где чудо-электроника, казалось бы, овладела всем и где телевидение работает на 36 каналах круглые сутки, ие ослабевает

К чему это я все говорю? Современная цивилизованная промышленно развитая страна должна последовательно и энергично развивать широко разветвленную службу книги, если она не желает пребывать в хвосте мирового прогресса. В последние годы мы попытались, хотя бы сами для себя, сформулировать это поиятие и критически оценить все составные его. Картина оказалась малоприглядной, несмотря на все долгие увещевания, что «мы самая читающая страна».

поток печатной продукции.

Я назову только некоторые аспекты этой проблемы. Мы убедились, что у нас отсутствует научно обоснованиое ведение службы книги. Критически оценив это положение, заново создали институт книги как головной в выработке науки о книге и книговедении... Укрепили Всесоюзную киижную палату, дав ей больше прав и возложив на нее высокие духовные обязанности быть научиым и методическим центром кииги. Создали общественный институт кииги с целью обрести иовые связи с читателем... Предприняли щаги, чтобы усилить пропаганду самой книги, разработали всесоюзные издательские принци-

Но в том и состоит парадокс, что при столь «аховом» оснащении и обеспечении отрасли она не только не снижает объемов выпускаемой продукции, а, напротив, наращивает их. Пять с половиной миллиардов книг — за два с половиной года. Прибавка против пятилетнего плана 13 процентов — 84 тысячи названий книг и брошюр общим тиражом 2,8 миллиарда. Больше книг в мире издает лишь Китайская Народная Республика.

Очевидно, вот эта напряженная работа издателей, полиграфистов и породила иждивенческое отношение к отрасли со стороны центральных органов — Госплана, Госснаба, — которые, полагаясь на постоянную высокую рентабельность, из нее только брали, мало что вкладывая в научио-техническое развитие книгоиздания, современное обеспечение и улучшение социально-бытовых условий работающих.

Сегодня трудно назвать какую-либо область народного ховяйства СССР, которая имела бы столь высокий вклад отчислений в государственный бюджет. Объем реализации всей печатной продукции ныне составляет более 5,5 милпиардов рублей, и около 70 процентов прибылей отчисляется в госбюджет.

Однако казна, прямо скажем, всегда скуповата на отдачу. Такое положение не может оставаться в прежнем состоянии. Мы находимся на рубеже, когда отрасль будет поступательно снижать показатели выпуска книг.

Пишу об этом, чтобы получить поддержку широкой читающей общественности, интеллигенции, общественных организаций в надежде, что они окажут влияние на наши планирующие и финансовые органы, чтобы в ближайшее время существенно изменить вклад капиталовложений в книгоиздательскую отрасль.

Не хочу, чтобы у читателей создалось представление, будто сами мы сидим, сложа руки в ожидании государственных субсидий на материальную базу.

Мудро сказано: дорогу осилит идущий...

Какой путь мы видим в ныиешних условиях наиболее приемлемым? Хозрасчет, а с ним изменение производственных отношений и нарашивание производительных сил, и демократизация всего книжного дела. Это две главные идеи, пракгическое осуществление которых приведет к коренным изменениям в отечественном книгоиздании.

Год назад часть наших издательств перешла на хозрасчет, а в этом году уже все... Не скажу, что этот переход нам дался легко. Наша отрасль, в некоторой степени, уникальна. Она объединяет усилия столь тонкой сферы жизни общества, как интеллектуальная, творцов духовного — писателей, ученых, художников, но также и редакторов, тех, кто непосредственно работает с творцами, но еще и десятки тысяч рабочих, инженеров, тех, кто обеспечивает материальное воплошение книг...

Прошел год работы на полном хозяйственном расчете (при выборе мы предпочли вторую модель). Какие принципы были положены в основу?

Во-первых, самофинансирование и самоуправление.

Во-вторых, создание финансово-экономической базы для выполнения государственного заказа — выпуска учебников, цетской литературы, справочных изданий, периодической литературы и литературы, предназначенной на экспорт. Источники финансирования этих изданий отчасти централизованы, т. к. выпуск многих из них убыточен, поскольку мы намеренно оставляем на них низкие цены, позволяющие всем слоям населения покупать такие кииги. Это и есть социальная политика

В-третьих, в экономику отрасли внедряется система изданий по ценам «спрос — предложение». Эта практика выпуска бестселлеров, приключенческих и детективных книг, редких изданий для библиофилов, собирателей, узких специалистов формирует своеобразную рыночную модель, необходимую в условиях прямых отношений с потребителями.

Хозяиствование на принципах полиого хозрасчета в соответствии с Законом о предприятии позволяет обеспечить более широкую демократизацию в издательском деле. Появляется возможность отказаться от старой системы управления, когда все вопросы — тематика и объемы выпуска книг, цена, тиражи изданий, распределение средств от их продажи, формирование фонда заработной платы, социально-производственное развитие коллективов — решались на уровне Госкомиздата СССР, госкомиздатов союзных республик.

Опыт истекшего года убеждает, что вторая модель полного хозрасчета, при которой фонд оплаты труда формируется как остаток хозрасчетного дохода, позволяет рационально сочетать государственные рычаги воздействия с рыночными отношениями.

Дальнейшее продвижение по этому пути нам видится в арендном подряде, который, по нашему убеждению, как рычаг, позволит сдвинуть с мертвой точки низкореитабельные предприятия, оздоровить их финансовое положение, повысить эффективность производства, улучшить социальную сферу. Недавно мы заключили договоры об арендных отношениях с московскими типографиями № 8 и № 11, Московским заводом полиграфической фольги, а также впервые в отечествеином книгоиздании подписали арендный договор с издательством «Книга». В течение года иамерены подтотовить необходимые условия для перехода на эту форму в 1990 году значительной части предприятий центрального подчинения. Отрадно, что инициатива установления арендных отношений идет снизу — от трудовых коллективов.

Основной обязанностью Госкомиздата в этих новых условиях становится решение вопросов, связанных с внедрением изучно-технических достижений, планами технического перевооружения, подготовкой и обучением кадров. Отпадает необходимость в контроле за множеством показателей. На практике будет действовать простая схема: внес плату за аренду — хозяйствуй; сработал нерасчетливо — пострадай от убытков. Представляет интерес возможность выпуска акций для своих работников на сумму, равную стоимости приращенных за счет собственных средств основных фондов, за которые уже не будет взиматься арендная плата.

Расширение прав в распределении хозрасчетного дохода должио положительным образом отразиться на улучшении социальных условий. Уже и сейчас трудовые коллективы могут предоставлять своим работникам безвозмездные ссуды за членство в ЖСК, беспроцентные ссуды членам садовых товариществ, безвозмездные ссуды молодым семьям, дотации на квартирную плату ветераиам труда.

Мы намереваемся совершенствовать новый механизм хозяйствования путем создания акционерных социалистических предприятий, действующих на основе самокредитования с привлечением личных средств работников через выпуск акций. А развивать арендиые отношения предполагаем путем разработки системы налогообложения и средств, направляемых на оплату труда.

Особый вопрос в освоении хозрасчета — цены. Госкомиздат здесь находится между молотом и наковальней. Предприятия, издательства стремятся строить коммерческую политику, эксплуатируя повышенный интерес к книге, а читатель-покупатель всегда хотел бы приобрести ее по сносной цене. Отсюда постоянное напряжение этих двух энергетических полей... Наша позиция сводится к тому, что цены должны быть экономически обоснованными. Ныиешняя система ценообразования сложилась в 50-е и 60-е годы, и до сих пор ее принципы во многом не изменились. В основе их лежит понятие книги как любого другого товара, цена на который устанавливается исходя лишь из затрат издательств, полиграфических предприятий, книготорговых организаций. В определенной мере учитывается и качество полиграфического исполнения. Но ведь ценообразующими факторами являются и содержание, и актуальность темы, и оперативность выпуска, наконец, спрос на книги. Однако они сегодня почти не учитываются. Подобное положение нельзя признать справедливым. Удельный вес убыточных изданий в общем объеме выпуска ныне превысил 50 процентов. Это главным образом детская, научно-техническая, учебная и общественно-политическая литература — то, что сегодня издается по госзаказу.

Мы убеждены, что оптимальное решение вопроса не может основываться на одиосторонней крайности — неоправданном повышении стоимости книг. Конечно же, заманчиво, и к этому склоняются многие экономисты, активнее включить в развитие книгоиздания рынок. Однако, переключаясь на повышение его роли, не следует терять из поля зрения ориентиры. Мы, издатели, никогда не покроем свой гражданский долг, если будем взвинчивать цены, не принимая во внимание материальное положение различных слоев нашего общества.

К сожалению, не избежали мы и общего увлечения: наращивать товарную массу, вымывая из производства дешевый ассортимент. Общая сумма повышения цен на книги по издательствам союзного подчинения составила в 1988 году 49 млн. рублей или 8,6% от общего объема реализации. По сравнению с 1987 годом объем реализации книжной продукции в розничиых ценах вырос на 9,5%, в то время как объем в печатных листах-оттисках увеличился лишь на 2,6 процента. Произошло это по миогим причинам. Здесь и ввод в действие нового издательства «Книжная палата» (0,7 процента), и изменение цен на научно-популярную литературу (0,4 процента), и ассортиментный сдвиг (1,2 процента), и миогое другое, но главное — договорные цены (4,4 процента). Именно за их счет издательства обеспечили себе прирост дохода на 6 процентов, или на 33 миллнона рублей. Мы считаем, что подобная практика неразумна, не стимулирует рост натуральных показателей...

Любые реформы, будь они даже трижды замечательными, останутся лишь бумажным памятником или растворятся в суете повседневности, если под них не будет подведеи надежный фундамент. Таковым мы считаем глубокую демократизацию издательского дела, системы отношений в отрасли. Во все времена книгоиздание не только отражало содержание социальных и духовных процессов, происходящих в обществе, ио во многом зависело от них. Отсюда и то, что ныие нуждается в переменах в нашей общественной жизни, все, что называем мы застойными явлениями, глубоко проникло в книжное дело, привнеся в эту живую творческую сферу косиость омертвелость исполнительства. Качество достигалось за счет четкости и быстроты реагирования на поручения сверху.

Демократизацию же в книгоиздании можио вполне отнести к важнейшим духовным преобразованиям в нашем обществе. Этот процесс носит не только политический характер. Он впрямую воздействует на содержание книги, освобождая ее от демагогии, оглупляющей заданности, идеологических клише, тематической ограииченности. Иными словами, демократизация книгоиздания высвобождает духовные силы народа, дает им простор и энергию...

Столь высокие задачи мы видим в развитии этого нелегкого процесса. И принимаем вполне конкретные меры, чтобы придать ему энергичное ускорение.

Пытаемся отучить издателей от привычки работать под административным давлением. Ибо оно приучило издателей к бюрократическому, бездумному подходу, к субординационной оглядке, к работе только по команде свыше. Вот почему, определяя демократизацию издательского процесса как одно из главных направлений преобразований в отрасли, мы исходим из реальных условий, в которых находится наше книжное лело.

Разумеется, я далек от упрощенного понимания, что издательский бюрократизм, консерватизм, якобы, феномен сегодняшнего дня и только. Это явление давнее, в известной мере даже интернациональное, со своими окаменелыми обычаями и нравами. Бальзак, Джек Лондон, Достоевский, десятки, сотни других. Кто сосчитает их дни, месяцы, годы жизни, проведенные в битвах с издателями? А возможно ли подсчитать их творческую энергию, ушедшую в песок редакторских проволочек и равнодушия?

Конечно же, период сурового администрирования наложил определенный отпечаток на издательский процесс, лишив его творческого начала. Но многое в бюрократизме и консерватизме и от специфики издательского дела со времен его становления: автор — издатель — читатель. Автор убежден, что принес в издательство, по меньшей мере, талантливое произведение, хотя нередко он и преувеличивает значимость своего творения. Принимая рукопись, редактор объективно становится первым ее судьей. Верно, что правильиую оценку произведению могут дать только время и читатели. Но первая-то принадлежит издателю, который проявляет при этом вполне понятный субъективизм и консерватизм. Более того, они в какой-то мере неизбежны, ибо количество рукописей всегда превыщает издательские возможности. И на тернистом пути книги издатель, быть может, — одно из самых серьезных препятствий в конкурентной борьбе за право ее на жизнь. С другой стороны, не секрет, что на издателя в наших условиях оказывают мощное давление и «литературные генералы».

Демократизация издательского процесса, по нашему мнению, должна предусматривать освобождение редактора от этих пут. Мы видим два пути: одно — демократизация книго-

издания, другое — повышение роли ведущей фигуры книжного дела — редактора. Уверен, что покущений на него в иовых условиях будет предостаточно.

И все же противоречия в цепи автор — издатель вряд ли можно преодолеть при помощи одних административных усилий. Чтобы осилить путь демократических преобразований, есть лишь одна гарантия — разумное соотношение прав и обязанностей издателя и автора. Не следует забывать, что издатели и сами являются жертвой бюрократизма.

Насколько мне известно, в издательской практике на Западе для принятия решения о судьбе рукописи достаточио одиого редактора. А сколько у иас? Читают редакторы, рецензенты, начальники. Не дай бог, если автор не согласится с их решением не публиковать! Тогда, бывает, что включают всех, даже председатель Госкомиздата вовлекается в перипетии... И сколько же сил отнимает это, к каким моральным и временным потерям неизбежно ведет! Усложняетсв, удлиняется путь книги, а в результате даже самая посредственная рукопись под давлением автора срочно дотягивается и переписыватся. И это не единичный случай. Это система, с которой надо расставаться, не откладывая, ломая все административные и психологические препоны.

Стоит подумать и над тем, а возможно ли вообще демократическое министерство, демократический Госкомиздат, учитывая, что мы в последние годы подвертаемся иападкам буквально со всех сторон. А некоторые писатели, литераторы, ученые вообще склоины видеть в нашем учреждении обществениого врага. Проведи, пожалуй, социологи опрос среди различных категорий трудящихся об их отношении к аппаратам управления и, думается, многие, очень миогие вынесли бы свое суждение с беспощадной категоричностью: не заслуживает враг иной доли разве что быть уничтоженным.

Слов нет, министерства и сами «потрудились», чтобы подобного рода оценки звучали в разговорах на улице, в печати и с трибуны XIX партийной конференции. Справедливость иных претензий общественности к стилю и методам, а порой, и результатам их работы не вызывает сомнений. Сегодня мы отчетливо увидели, что на протяжении многих лет министерства все сильнее и сильнее отрывались от человека, от его реальных потребностей и запросов. Обо всем этом уже многократно говорено на страницах печати.

Однако, с другой стороны, антиминистерские залпы в органах массовой информации, попадая в цель, поднимают клубы пыли, за которой нередко перестают просматриваться ориентиры стрельбы, а она из средства превращается в цель: крушить во что бы то ни стало...

Современное общественное развитие немыслимо без сильного центра с четко отлаженной системой управления, основанного, по мысли В. И. Ленина, на привлечении самых широких масс. Следуя этому положению, неизбежно приходишь к выводу, что сегодияшняя общественная неудовлетворенность негодным стилем управления не должна рассматриваться иначе как созидательная сила. Не уиичтожение министерства вообще, а непримиримость в отношении исторически скомпрометировавших себя методов его работы, не подрыв сложившихся основ государственного управления, а радикальная их перестройка. Это, убежден, и есть отвечающий сегодняшним реалиям выход из положения, когда, перефразируя известную ленинскую мысль, низы ие хотят, а верхи не могут жить и управлять страной по-старому.

Признаться, предвижу улыбки иных зубров-аппаратчиков, иемало повидавших на своем веку различных министерских катаклизмов: сокращение штатов, пересмотры структур, их усовершенствование. Совсем недавно в управленческом хозяйстве страны закончился очередной такой пересмотр, в рамках которого все ведомства провели радикальную инвентаризацию своих штатов и структур. Нет ли опасности, что после взбудораживших систему преобразований все со временем вернутся на круги своя? Есть. И Госкомиздат СССР здесь не является исключением... На одном из партийно-хозяйственных активов отрасли прозвучала мысль, что затянувшаяся перестройка структуры управления Комитета заставила аппарат жить в гнетущем ожидании перемен и потому бездействовать. Но как только она закончилась, аппарат приготовился взять реванш. Тревога вполне оправданна. Ведь люди, современники застоя, в основном остались за письменными столами и горят желанием продолжать трудиться. Сокращение штатов — это не

всеохватное увольнение. Большинство из них — профессионально подготовлениые и добросовестные работники. Значит корень зла зарыт в чем-то другом? Убежден, что искать его надо там, где существуют возможности принимать волюитаристские решения, когда ие допускается контроль общественности за их подготовкой и принятием. Иными словами, сила центра заключается в его способности энертично и всеобъемлюще аккумулировать общественные запросы, находить общий знаменатель и проверять его отношением самого широкого круга заинтересованных лиц, т. е. речь идет о глубокой демократизации стиля и методов работы аппаратов управления. Здесь, пожалуй, мы имеем оголенный нера во всей государственной системе, который находится на пути мучительной выработки универсальной системы управления.

Конечно же, проблема эта решается только тогда, когда есть четкие ориентиры, как это делать. Прежде всего, мы решили открыть двери Комитета для всех желающих высказаться по вполие конкретным вопросам книгоиздания. Для этого мы создали Общественный институт книги. Он действует на принципах конкурса читательских идей по соверщенствованию книжного дела. И создание его вызвало буриую реакцию читателей. Сотни заинтересованных посетили первые два заседания, выступило более 90 человек и около полутора тысяч писем с деловыми предложениями уже получено. Главная задача Института — формирование обществениой активности и механизма общественного воздействия на процесс перестройки кингоиздания: именно массовый читатель является самым строгим, самым заинтересованным, самым мудрым и объективным судьей. На ежемесячных его сессиях ответственные сотрудники Госкомиздата, не исключая Председателя и его заместителей, будут публично выступать с разъяснением издательской политики, отвечать на критические замечания...

Открыв общественный институт, мы убедились, что люди живут книгой, они заинтересованно судят обо всем, что связано с ее производством, и неистощимы на самые неожиданные идеи, как дело наше улучшить. Недавно мы принимали у себя московских писателей и читателей, а диалог с ними вели издатели — руководители наших главных издательств... И еще раз убедились, насколько прав читатель в своих претензиях к нам.

Живое общение с людьми в присутствии журналистов, на наш взгляд, более чем недремлющее начальственное око повысит ответственность исполнителя за свои слова, за дело, ибо суд общественности, пожалуй, самый действенный. В будущем намерены расширить географические рамки работы этого Института и проводить его выездные сессии в трудовых коллективах в Москае и в других городах, в союзных реслубликах.

Демократизации управления книгоизданием, по нашему мнению, будут служить Совет директоров издательств, а в последующем очевидно и Ассоциация издателей. Дело это непростое — очертить круг их полномочий и обязанностей, демократическим путем рассмотреть в издательствах и тесно увязать с деятельностью Комитета. В практике советского книгоиздания ничего подобного прежде не существовало. Мы идем в данном случае иеизведанным путем, на котором неизбежны многочисленные трудности. Однако, демократизация предполагает иовую систему управления и координации издательского дела в стране и иадо не без трудностей идти по этому пути.

Намерены создать и Экономический совет. Если работа общественных институтов будет затрагивать производствениую и хозяйственную сферу отрасли, то ее координатором, конечно же, должен стать общественный Экономический совет. По нашему мнению, он мог бы определять перспективы комплексного развития книгоиздания и вырабатывать рекомендации, определяющие приоритетные направления в экономике отрасли, глубоко и серьезно рассматривать вопросы ценообразования. Именно ему предстоит прогнозировать результаты углубления радикальной экономической реформы освоения хозяйственного хозрасчета, развитие нетрадиционных отношений между издательствами, предприятиями промышленности и книжной торговли с отраслевыми органами управления. Надеемся, что он поможет нам выработать рекомендации по внедрению в книгоиздании межотраслевых научных разработок по социально-экономическим проблемам.

В последнее время в ряде центральных изданий появились

статьи, авторы которых ставят под сомнение необходимость проведения государствениой политики в книгоиздании, считая, что оио должно развиваться без его вмешательства, стихийно. Думается, что по этому поводу надо сказать особо.

Государственная книгоиздательская политика ставит своей целью удовлетворение прежде всего духовных потребностей человека. Дело это ие только трудное и ответственное, но и дорогостоящее. Ведь, как известно, половина выпускаемых ныие книг — и в первую очередь детская литература — убыточиа и государство оплачивает их издание дотациями. Не будь этого, в условиях жесткого хозрасчета, читатели ие увидели бы огромное количество книг, выход которых был бы приостановлен коммерческими соображениями. Нетрудно предположить, что последствия этого отрицательию сказались бы на культуриом уровне общества, его духовном и интеллектуальном потенциале. Но эта одна сторона вопроса.

Другая заключается в том, что каждое отдельное издательство, будь оно оснащено даже самым современным оборудованием, не способно сегодня само изучать массовый спрос и конъюнктуру на книги. Для этого у него иет необходимых возможностей. Издательству, конечно же, проще плыть по течению массового спроса, оперируя десятком бестселлеров. Другое дело, если функции научной выработки издательской политики, основанной на строгом учете спроса, будут гарантированы государством, у которого для этого существует необходимая научная и материально-техническая база. Успех проведения такой политики во многом зависит от уровня развития этой базы, степени ее прикладной ориентации на нужды и потребности читателей. Она позволит оперативно и рентабельно определять приоритеты книгоиздания, соотнося их с массовым и специфическим читательским интересом. Наконец нельзя забывать, что задача материально-технического обеспечения книжного дела страны — одна из серьезнейших, и решить ее проще и эффективнее в рамках централизованной государственной заботы.

Мы убеждены, что в системе общественных отношений при социализме государственная политика книгоиздания необходима, ибо ориентируется прежде всего на человека, его духовное и нравственное здоровье, без оглядки на те факторы, которые конечно же деформировали бы ее в сторону обыкновенного коммерческого интереса, наживы, не будь строгой государственной опеки. Собственно, это и было точкой отсчета в становлении государственного книгоиздания после революции. И накопленный с тех пор опыт, несмотря на многие негативные моменты и трудности, служит нам верным ориентиром сегодня.

Я бы покривил душой, если бы на столь мажорной ноте закончил размышления о демократизации издательской сферы. Это не столбовая дорога, а процесс, который требует не только подвижнических усилий, но и аналитического изучения действенности принятых мер: по ленинскои мысли, нам необходимо порой возвращаться назад, заново переделать, перестроить то, что только что сделали. Взять, к примеру, выборы директоров издательств, которые мы уже почти два года проводим в системе Госкомиздата СССР. На основе выборов пришли к руководству 25 директоров центральных издательств. Преимущества этого бесспорны. О них многократно говорилось. Это, в частности, выборы в издательствах «Машиностроение», «Металлуртия», «Международные отношения» и многих других. А вот о некоторых негативных сторонах мы молчим. Скажу откровенно: они есть и суть их заключается в следующем.

В чем прежде всего заинтересован коллектив издательства, в котором проводятся выборы? Практика показала, что в этом вопросе есть весьма существенные допуски, позволяющие порой коллективу во главу угла ставить только свои эгоистические интересы: проголосуем за своего человека, он обеспечит нам премии, социальное развитие. И здесь мы обязаны видеть где интересы издательских работников входят в противоречие с общественными, и нужен директор способный не ублажать коллектив, а обеспечивать читателей нужными книгами. Это не беспочвенные рассуждения.

Говоря об этом, хочу выразить иадежду, что журнальная рубрика «Книга и перестройка» вызовет живой интерес и у издателей, и у читателей, и у авторов книг — писателей, ученых, иашей интеллигеиции... И явится еще одним источником плодотворных идей, способных улучшить наше книгоиздание.

РАДОНЕЖЬЕ ОТ СЛОВА «РАДОСТЬ»

Вячеслав КЛЫКОВ

Родился в 1939 году в селе Мармыжи Курсиой области. В 1968 году окончил Художественный институт имени В. Сурикова. Широкую известность принесли снупьптору его работы, укращающие Детский музыкальный театр [1980 г.], памятники: поэту Николаю Рубцову в г. Тотьме [1985 г.], Сергию Радонежскому (с. Городок, 1987 г.), поэту Батюшкову — скупьптурная группа установпена в Вологде. Международное признание завоевал Меркурий, созданный В. Клыковым я 1980 г. и воздвигнутый 3 года спустя у входа в Совинцентр в Москве. Лауреат Государственной премии СССР [1982 г.] и Государственной премии РСФСР имени И. Репина [1988 г.]. Участини многих выставок в стране и за рубежом.

Памятник Сергию Радонежскому работы скульптора Вячеслава Клыкова в Подмосковье. ФОТО П. КРИВЦОВА

ергий Радонежский.

Образ этот встает громадои из небытия, слоаио солнце из-за горизонта, и освещает собой историю нашу, иет, не одну, далеко не одну ее страницу.

Что знаем мы о ием, потомки множества потомков людей, разгромивших на Куликовом поле Мамаевы орды? Мы знаем о нем так мало. Так мало — о личности, о жизни, деяниях его. И мы знаем о нем все. Ибо даже та малость, что продирается к нам еще в детстве, через сухой частокол строк учебника истории, скороговорку энциклопедии, а то и, быть может, художественного повествования, доносит до нас смысл его жизненного подаига. «Инициатор введения общежитииного устава в русских монастырях. Активно поддерживал объединительную и национально-освободительную политику князя Дмитрия Донского, к которому был лично близок» строки из Советского энциклопедического словаря, издания 1980 года, где перепутаны даты жизни «основателя и игумена Троице-Сергиева монастыря», обители, ставшей центром церковиого просвещения, мысли, литературы и искусства. Обители, получившей имя Сергия практически при его жизни: так велико было обаяние просветителя среди последователей, учеников. Среди простых людей, детей которых он учил грамоте, резал им игрушки из дерева, сажал дубравы и сады. Пешком исходил он русскую землю, призывая к добру и единению, возрождению человеческого достоинства.

Первые жизнеописания Сергия Радонежского сделал Епифаний Премудрый (так прозвали его за начитанность и литературный талант). Епифаний был современником Сергия, жил в Троицком монастыре с 1375 по 1406 год. Нельзя не доверять ему. Епифаний рассказывает о том, как Сергий и брат его — дети обедневшего боярина из Ростова Великого, поселились в небольшом городке Радонеж. После смерти родителей ушли они в лес, чтобы там «пустынножительствовать» и, на холме Маковец, что стоит неподалеку от Радонежа, поставили келью и «церковь малу». Так в 1345 году началась многовековая история Троице-Сергиева монастыря.

Вскоре старший брат Стефан ушел в московский Богоявленский монастырь; младший же, принявший после пострижения имя Сергий, продолжал начатое дело.

Епифаний повествует нам о человеке, обладавшем замечательными личными качествами: «крепкий душою», «могутный за два человека», «мало же словесы глаголавша, вящая же делы учаща». Духовный советник великого князя Дмитрия Ивановича, Сергий крестит его сыновей, держит государственный совет, вдохновляет на беспримерный в истории подвиг. Облачившись в боевые доспехи, князь Дмитрий Иванович вошел в строй рядом с витязями и рядовыми воинами на Куликовом поле: «Если же умру, то с вами, если спасусь, то с вамиі.»

Это ли не блестящее воплощение идеи нравственного самосовершенствования, философского течения, носителем которого на Руси был Сергий Радонежский! Терпимость и спокойствие, обращение к духовному миру человека — основы учения Радонежского, собиравшего под объединяющее знамя освобождения Руси гонимых и униженных. «Сказание о Мамаевом побоище» доносит до нас все величие, красоту и мужество сподвижников Сергия, его учеников, в чьих образах отражается лик их наставника, свет его подвижничества. Ратоборцы Ослябя и Пересвет. В монашеской одежде вышли они на бой с врагом, впереди ратной цепи. Первыми вступили в схватку с «богатурами» Мамая... Не только церковь, сам народ, его предания и легенды, окутали их ореолом святости.

Так бывает всегда с героями, погибшими за его счастье и мир... Семена мира и разума при решении споров между удельными княжествами неустанно сеял Сергий Радонежский, «иачальник и учитель все монастырям иже в Руси», и его последователи — Пафнутий Боровский, Кирилл Белозерский, Афанасий Высоцкий, Андроник, Зосима и Савватий. В Троицком,

где монахи, следуя учению Сергия, составляли единую общину, вели общее хозяйство и кормились «от рук своих», живали, кроме Епифания Премудрого, первого биографа Сергия и летописца его обители, Стефаи Пересвет, Нил Сорский, другие выдающиеся люди русского Возрождения XV века. С Троицким монастырем иеразрывио связано имя Андрея Рублева, великого художника Древней Руси. В «Сказании о святых иконах» XVII века записано следующее: «Преподобный Андрей, родонежский иконописец, прозванием Рублев, писал многие святые иконы, чудные зело и украшенные. Тот Андрей прежде жил в послушании у преподобного отца Никона Радонежского. Тот повелел ему при себе написать образ пресвятой Троицы, в похвалу отцу своему, святому Сергию-Чудотворцу...»

Сбиваясь на перечисления его деяний, биографическую справку, пытаюсь уйти в тень, ибо имя это не нуждается в моем участии, чтобы воскреснуть хотя бы на миг. Оно, кажется, и не исчезало никуда. Устояло во всех бурях. Канонизировано Русской православной церковью. Любимо народом, как пюбимы имена героев Куликова поля, Бородина, Великой Отечественной. Имя духовного наставника великих ратоборцев было дано городу Сергиеву Посаду. В 1919 году он назваи был «Сергиевым». В 1930 году переименован в Загорск...

Да, в Загорске есть памятник, построенный «в похвалу» Сертия Радонежского — белокаменный Троицкий собор Лавры. Для этого собора Андреем Рублевым была написана всемирно известная икона «Троица». Иконостас собора сохраияет красоту и величие творчества древних мастеров. В неразрозненном, целостном виде он дошел до наших дней. Образ Сергия вдохновляет и сейчас русских иконописцев, лучший и совершеннейший из которых — монах Псково-Печерского монастыря Зенон... Но светского памятника великому просветителю и единителю русского народа до сей поры не было. Почему?.. Я не стал задаваться этим вопросом. Мне было ясно одно: памятник необходим, ибо никогда не иссякнет наше преклонение перед его нравственным подвигом, хотя и приходится по различным — и увы! — немногочисленным серьезным источникам — восстанавливать его образ. Некоторые из иих стали уже доступны, хотя в масштабах страны и не очень многим — труды великих историков прошлого — Карамзина, Ключевского, Соловьева, другие будут доступны, возможно, в будущем, ибо в учении Сергия и его последователей — истоки русской философской мысли, ее жизнестойкости, высокой духовности и красоты.

Мне кажется неуместным в этой статье говорить о том. как я работал над памятником Сергию Радонежскому. В нем мне хотелось передать ощущение святости преподобного Сергия. Я даже как бы чувствовал на своей голове его горячую легкую руку, всегда приносившую, согласно преданиям, людям, «больным и сирым», добро, успокоение, радость. Ведь это в наших традициях: поставить памятный знак всенародному Святому! Любимому герою, любимому писателю. Народ поставил памятник Пушкину; воздвиг храм Христа Спасителя в честь героев Отечественной войны 1812 года; не считаю правильным оспаривать, нужен ли Москве памятник Юрию Долгорукому. Не знаю, правильно ли также не замечать сегодняшнее убожество и запустение филиала музея врхитектуры имени Щусева, что в стенах Донского монастыря, но под открытым небом! Дуща содрогается, во что превратились скульптурные композиции со стеи храма Христа Спасителя работы замечательного скульптора Логоновского. А ведь потомки в них, через светлый гений этого человека, попытались впервые воплотить в камне образы Сергия Радонежского, Дмитрия Донского, богатырей Осляби и Пересвета! Прекрасная композиция разрушается... Духовные традиции, заложенные мыслителем из Радонежья, учившим добру, справедливости, человеколюбию, подвигавшим на ратиый труд за честь и достоинство народа, несомненно, живы, но как трудно пробить стену равнодушия, чиновного чванства, да просто-напросто — хамства, в котором почему-то обвиняют тех, кто, порой, переходит на крик от боли за разрушение памятников Москвы, за недоступность книг крупнейших наших философов и писателей (и слава богу, что они сейчас возвращаются к нам, в наш культурный оборот), за сожженные иконы русского Севера, за разоренный, ветшающий памятник — Лужецкий монастырь в Можайске. Памятник архитектуры XVII века, со стен которого открывается такой прекрасный вид, что радуется сердце от красоты и прелести земли нашей. А стены-то — лишь с «намеком» на реставрацию... И примеров тому — несть числа... Поэтому и памятник Радонежскому для меня ие просто работа, хотя любую из них я делаю так, как будто после нее ничего не смогу больше сделать. В нем я выразил свою боль и свое преклонение.

Древний Радонеж... В дивном сочетании этих слов как бы слышится раскатистый ропот струн древних гуслей, повествующих о слааных делах наших предков.

При взгляде на Родонежские холмы, покрытые вековыми лесами, на речку Вожу, иеспешно петляющую меж этих холмов, на церковь, радостную и торжественную, как солнечиое воскресение, сердце переполняется какой-то необъяснимою любовью ко всему, что было на этой земле, что есть и что будет.

А с высокого холма древнего городища, в стыке двух окоемов под разиоцветной дугой радуги вспыхнет белым видением церковь Воздвижения и очарованная душа мучительию ищет благодарного слова — соответствия увидениой красоте и удовлетворенная находит их в слове-выдохе — РАДОНЕЖ...

Да... Радонеж, другое придумать бессильна душа.

Радость, Радуга, Нега, Нежность, Дождь, Жатва — все бытие заключено в этом слове и как бесценная оправа к нему — слово Древний! Здесь легко дышится, дальше видится, повседиевная суета уходит бесследно.

Только в этом поле увидишь и узиаешь травинку, примятую стопами Сергия Радонежского, только здесь, в уже обмелевших водах реки Вожи увидишь отражение припавшего испить воды гениального иконописца Андрея Рублева и на коре радонежских дубов ощутишь морщины летописца Епифания Премудрого.

Святые имена эти являют собой вместе и каждый в отдельности в истории России живое воплощение христианского завета — ЖИВОНАЧАЛЬНОЙ ТРОИЦЫ. «Такие люди, — говорит русский историк В. Ключевский, — становятся для поколений не просто великими покойниками, а вечными их спутниками. Помнят их имена не только для того, чтобы благодарно почтить их, сколько для того, чтобы не забыть правнла, ими завещанного».

В Радонеже крепко свита и переплетена в единый клубок российская трехвековая история времен раздробленности, междоусобной борьбы и объединения русских земель вокруг молодого, набирающего сил Московского княжества.

В Радонеже стояли войска Дмитрия Донского перед походом на Куликовскую битву в 1380 году, а через 200 лет с этих мест повели дружины свои Козьма Минин и Дмитрий Пожарский на освобождение Москвы от польско-литовской оккупации.

Памятник Сергию Радонежскому в селе Городок живет своей непростой жизнью. Проблем много. Проблема — насадить дубраву, где по преданию бил родник Сергия. Пробле-- как-то благоустроить село. Памятник ко многому обязывает жителей — и им надо помочь. Городок становится своеобразным культурным — не центром — но местом на карте Подмосковья. Я где-то прочитал, что в былые времена монумент, сооружаемый на средства народа (в данном случае я его частица, представитель), предполагал и новое богоугодное заведение при нем. Ведь за памятником нужен уход, присмотр. Зная тамошних жителей, уверен — они будут и так. сами по себе, ухаживать за ним. Памятник стоит на взгорые. так удачно, хорошо, весело! Но было бы хорошо также, если бы в Городке мы бы соорудили еще и, например, нечто вроде дома для ветеранов труда, с библиотекой, с хорошими, теплыми условиями быта, дом, носящий имя Радонежского. Это будет нашей скромной данью его жизненному подаигу, горению во имя людей. Он и сейчас будет с нами — в книгах, в камне. в делах. Наш великий предок. Наш современник.

ПРЕДЛАГАЕМ К ПРОЧТЕНИЮ ДЛЯ СЕРДЦА И РАЗУМА

Голубинский Е. Е. Преподобный Сергий Ридонежский и созданная им Тронцкая Лавра. М., 1885, 1909

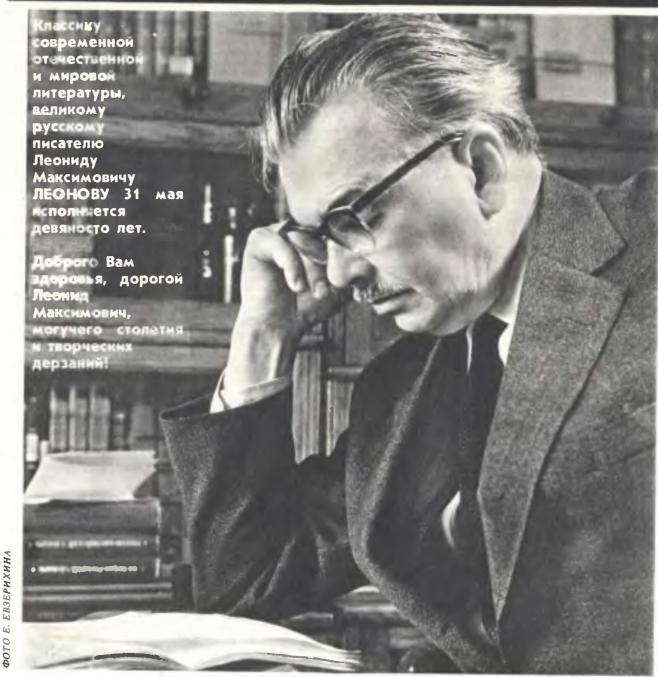
Звбелин И. Е. Троицкие походы русских царей. — «Чтения Общества истории и древностен российских». Кн. 5. Спб., 1846—1847.

Кврамзин Н. М. Исторические воспоминания и замечания по пути к Троице. — Соч., т. 1, Спб., 1848.

Ключевский В. О. Древнерусские жития Святых как исторический источник. М., 1871.

Тихомиров М. Н. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892.

ДУХОВНИКИ, ЖИЗНЬ. МЫСЛИ. ДЕЯНИЯ

РАЗГОВОРЫ С ЛЕОНОВЫМ u

ернила стоят столько же, сколько кровь мученика», — на-

помнил однажды Леонид Максимович изречение арабского доисламского поэта.

Творчество, муки творчества, отношение к писательскому труду, ответственность за инструмент своего искусства — слово. Вот главная тема, к которой так или иначе, по разным воводам, Леонид Максимович возвращался. «Нужно всегда помнить, — повторял он, — чистый лист бумаги — это потенциально гениальный лист: исписанный лист бумаги — это лист испорченный...»

Иногда, в изломе фразы, вдруг загорался отблеск эпохи — сурового и отошедшего времени. Рассказ переключался на положение писателя, которого в двадцатые годы по дурной, даже влои и наветной привычке именовали «попутчиком», на знаменательные встречи с Горьким, на ожесточенную литературную борьбу и недобросовестную критику. Голографически объемно высвечивались исторические лица самого высокого общественного и литературного ранга, звучали их реплики, при своей почти латинской лапидарности способные круто изменить или даже сломить любую судьбу...

А разговоры наши касались самых разных предметов, но порой переходили в его монолог. Иногда это были отдельные новеллы. Как, например, вот эта...

Я очень люблю Брейгеля, — говорил не раз Леонид Максимович. — Брейгеля Старшего, так называемого, «Мужицкого». И об этом у меня кое-что сказано в повести «Evgenia Ivanovna». Знаете, что в нем особенно поражает? Вот штришок, черточка, почти точка. А при увеличении, под увеличеным стеклом она оказывается человеческой фигуркой, птицей, деревом. У меня жила сумасшедшая мечта — иметь Брейгеля. Хотя в России, кажется, было только две его картины. Одна в Эрмитаже, а другая в частной коллекции, по-моему, у Морозова.

В двадцатые годы, как вы знаете, я дружил с художником Остроуховым и часто навещал его в доме, где он жил, возле церкви Ивана Воина на Якиманке, давно снесенном. Мы дружили, несмотря на разницу в возрасте: мне было 27—30 лет, ему — семьдесят.

Илья Семенович собрал большую коллекцию живописи. Во время революции ее национализировали. Но у него оставанось множество собственных превосходных полотен, понемногу он снова начал свое собирательство. И очень страшился, что его ограбят. Из-за этого Остроухов ложился спать в тричетыре часа ночи. Было у него немало всякой всячины. Когда Илья Семенович скончался, я сам видел в его коллекции тетрадку, исписанную рукой Лермонтова — его дневник. Все это было потом раскрадено...

Я не раз, — рассказывал Леонид Максимович, — засиживался у него до двух-трех часов пополуночи. Говорили об искусстве, литературе, писательском труде...

Однажды я сказал ему:

Писатель не может работать над рукописью в комнате, заставленной книгами. Ведь он вырабатывает вещество искусства. А от книг, от аккумулированной в них мысли идут свои волны. И там собрано больше, чем он может дать. Я думаю, надо работать в пустой комнате. И на стене должна висеть какая-нибудь картина, на которой можно отдохнуть глазам. Например, Брейгель...

Прошло несколько месяцев, я работал над «Скутаревским» или «Сотью» — не помню. Как-то мне звонит Остроухов — Леонид Максимович! Я не оторвал вас от дел? Чем за-

няты?

Да ничем, — отвечаю.

Тогда приезжайте сейчас же ко мне.

— А что случилось?

Продается Брейгель.

И тогда я задал ему самый дурацкий вопрос, который только и можно было задать:

— А сколько он стоит?

- Сто рублей...

Сто рублей за Брейгеля! Я поехал.

Илья Семенович сидел за столом, положив свои большие синие, как из конины, руки на стол. Посреди комнаты стоял мольберт, занавешенный тканью.

Глядите же, — сказал он.

Я, — вспоминает Леонид Максимович, — открыл картину. Она была нарисована на дереве, старом, укрепленном для прочности крестовиной сзали.

Да, это был Брейгель. В левом нижнем углу хорошо видна была цепочка идущих людей, как на картине «Охотники», а в верхнем левом — пруд и какие-то фигуры. Зато весь центр занимала дыра, краска осыпалась, словно в картину кто-то запустил булыжником.

Ну, что, Леонид Максимович? — Спрацивает Остроухов.
 Конечно, — говорю я, — можно аккуратно пилочкой выпилить два куска. Но что останется от Брейгеля? Ведь это, извините, все равно, что я влюблен в Анну Петровну Керн, а мне предлагают ее мумифицированную руку...

А потом сказал:

А откуда эта картина?

Она принадлежала Полякову...

Сергея Александровича Полякова я знал. Он был очень богатый человек. Из семьи сахарозаводчиков. Владелец издательства «Скорпион» и редактор журнала. Сам математик, но занимался и переводами.

— Картину я, разумеется, не купил, — продолжал свои рассказ Леонид Максимович. — Прошло несколько лет. Уже не было на свете Ильи Семеновича. Это была пора, когда по приказу наркома просвещения Бубнова произошла чистка библиотек и все, что казалось несозвучным времени, выбросили на продажу или уничтожили. Какие кииги продавались! Из старых помещичых собраний. Библиотеки еще екатерининских времен, из глубинной России, из городов Поволжья. Иностранцы пачками вывозили их. Шла бойкая торговля и в «Лавке писателей», которая размещалась тогда в иачале Тверской. И вот однажды, перед витриной этой «Лавки», я увидел По-

Я знал, что Поляков был выслан на какое-то время из Москвы. Теперь он вернулся. Понятно, ничего от прежнего богатого Полякова не осталось. Он стоял в каком-то сомнительном пальтеце, слегка склонив голову набок, и разглядывал

витрину с роскошными книгами. Купить ни одну из них ему было не на что.

Я подошел к нему, представился и сказал, что у меня есть к нему небольшой разговор. Мы отошли в сторону.

— Сергей Александрович, — спросил я, — у вас был Брейгель?

Он несколько смешался. А потом ответил:

— Да, был...

— Я видел эту картину. Скажите, что с ней произошло? Поляков начал сбивчиво объяснять. По его рассказу выходило, что в отсутствие хозяев картиной Брейгеля накрывали чайник с кипятком. Я не стал возражать, но характер повреждения картины был совсем иной. Высокая температура и влага оставили бы другие следы на дереве, образовался бы круг, без выщерблин.

И я понял, что во время революционных лет в квартире у Полякова происходило нечто вроде пира во время чумы. Пьяная гульба, отчаянное веселье. И кто-то бутылкой запустил в Брейгеля: «Ах, ни нам, ни вам!...»

Как-то Леонид Максимович вспомнил о коллективном сборнике наших писателей, посвященном строительству Беломорско-Балтийского канала (открыт в 1933 году) и произошедшей будто бы там «перековке» преступников и «врагов народа»:

— Я участвовал в поездке, организованной Горьким. Но в сборник ничего не написал. И это мне дорого стоило... Помню пароход, роскошный буфет, оркестр, непрерывно играющий вальсы. Дирижер — румяный толстяк, у которого от упитанности фалды пиджака не сходятся сзади. Я спросил: «Кто это?» — «Видный румынский шпион!..» А по берегам стояли, беспрерывно кланяясь, мужики, с зелеными бородами, худые, рукн ниже колен...

После поездки Л. Авербах собирал участников в ресторане «Метрополь», чтобы организовать сборник, воспевающий новостройку (почетным куратором книги был сам начальник ОГПУ Генрих Григорьевич Ягода, кстати, родственник Авербаха). Леонов не явился. Не пришел он и в следующий раз. Авербах звонил ему: «Ворчит на вас Генрих Григорьевич, спрашивает: «Это что же — саботаж?» Но Леонов не был и на следующем их заседании... Постыдная книга, с именем Горького на титульном листе, вышла.

Боялся, не подходил к телефону, — рассказывает Леонов. — Щекотно, знаете, было. Но меня там нет... среди этих авторов...

Смысл всего сказанного выше можно бы сформулировать просто: пора все-таки отказаться от басни, будто тогда «никто ничего не знал и не ведал...»

Однажды я спросил, получил ли Леонид Максимович где-то в конце двадцатых годов письмо писателя-эмигранта Наживина.

— Какого Наживина? Ивана? Толстовца? А вы откуда знаеге?

Я сказал, что Наживин выпустил в тридцатые годы в Китае, в старом Тьендзине собрание своих сочинении. Ни много ни мало — сорок один том. И вот в томе тридцать девятом помещен его роман «из жизни современного литературно-газетного мира» «Неглубокоуважаемые» с письмом к Леонову. В нем герой, от лица которого ведется повествование, восхищается «Барсуками» и, в частности, пишет: «А так как некоторые страницы Ваши особенно захватили меня, то я как-то послал Вам сочувственное письмо. Вы чрезвычайно испугались и в какой-то московской газете поместили суровую отповедь мне, старому писателю, из которой можно было вывести: суровы чекисты в Москве...»

— Так он понял! Он понял! — Воскликнул Леонид Максимович. — Ведь его письмо пришло в самое трудное время. Жена прятала от меня газеты с разгромными рецензиями на мои вещи... — Он помолчал и заговорил о том, как рапповцы громили «попутчиков». На XVI съезде партии, например, Киршон заявил: «Вот тут о попутчиках говорили — надо различать оттенки. А по-моему, чем различать оттенки, лучше их поставить к стенке!..»

— Меня били нещадно за каждое очередное произведение, — рассказывал Леоиов. — Но через неделю я снова садился за стол писать новую вещь. Писал и никогда не надеялся, что она пройдет, что она будет напечатана. Критика была злобной и глумливой. Я никогда не читал до конца статьи,

чтобы не расстраиваться. Читала жена. Ей я поверял свои произведения на каждой стадии. Мне очень повезло, что она была у меня. Такой же была для Достоевского Анна Григорьевна и Софья Андреевна для Толстого... Я не надеялся, что написанное мной дойдет до читателя. Это знала жена. Она читала и мой последний роман, читала за день до смерти. Фактически я писал, может быть, только для нее. Это была моя последняя инстанция. Она помогала мне пережить все удары...

О той обстановке, какая царила в последние годы перед роспуском РАППа, Леонид Максимович с грустью рассказывал:

— У Горького время от времени, раза три или четыре, собирались руководители партии во главе со Сталиным и приглашались писатели. Обычно человек восемнадцать—даадцать. И даже Яр-Кравченко такую картину нарисовал (меня поместил на первом плане). На одном из таких собраний кто-то спросил у Сталина: «Скажите ваше мнение о литературе...» «Что я могу сказать? — ответил Сталин. — Вы сами инженеры человеческих душ. Вы сами все знаете». Вот откуда пошло это выражение — «инженеры человеческих душ»...

Бывал там и глава ОГПУ Ягода, родня Авербаха. Отец у Авербаха был нэпманом, а сам он был женат на дочери Бонч-Бруевича. Авербаха все боялись, но Ягода был еще опаснес. Тогда Авербах обвинял нас, так называемых «попутчиков» в том, что мы хотим завладеть гегемонией в литературе. А напывина была в другом: мы просто были талантливее....

На одном из собраний у Горького, на Спиридоновке, там. где теперь музей его имени, помню, было уже два часа ночи. Почти все разошлись. Длинный стол. Накурено. Дым стоит слоями. Стол кажется поэтому еще длиннее. На том конце -Горький с Шолоховым. А на этом — Крючков и я. Напротив Ягода. Крючков — помощник Горького. Личность! Петр Петрович мог выпить две бутылки коньяку — и ничего! Но тогда и он уже был пьян, физиономия багровая. Не смел при Сталине, а когда Сталин ушел, позволил себе. Крючков пошел за новой бутылкой. И вдруг Ягода, пьяный, встает, нагибается ко мне: «Скажите, Леонов, зачем вам нужна гегемония в лите ратуре?» И я понял: конец. Горький только что спас академика Сперанского, патофизиолога. Лимит исчерпан. И тогда я сам притворился пьяным, взъерощил вот так волосы и ответил: «Что вы, Генрих Григорьевич! Какая гегемония? Мне нужно, чтобы на голову не гадили (я употребил более крепкое слово). А то сползает на глаза, я бумаги не вижу...» И в ответ: «Ха-хаха-ха-ха...» Смеется. Значит, на сей раз пронесло. Я еще не знал, что РАПП уже обречен. И конец РАППа связывается у меня с одним разговором со Сталиным. Но это уже друган

Для этого Леонову пришлось вернуться на несколько месяцев раньше, в тот же 1931 год

— Я познакомился со Сталиным у Горького. В 1931 годь мы возвратились с Горьким из Италии. Я был очень близок к Горькому и ходил к нему без звонка, — вспоминал в разго воре Леонид Максимович. — Мы жили рядом. Кстати, у него была большая коллекция фантастических деревянных японских фигурок. И среди них мои две работы. Они должны сохраниться и сейчас в Музее Горького. Как-то он попросил меня показать, как выглядит мой Бурыга. Я вырезал из дерева byрыгу. И еще старичка, героя рассказа «Случай с Яковом Пигунком...»

Однажды я пришел к Горькому, — продолжал Леонов. — Он собирал антикварные книги. Это было, когда нарком просвещения Бубнов производил чистку библиотек и все драгоценно сти антиквариата выставил на рынок. Потрясающие книги продавалисы! Американские профессора и просто коммерсанты пачками покупали и вывозили инкунабулы (первые книги, отпечатанные с наборных форм, за время от изобретения книгопечатания до 1501 года — О. М.). Я, помню, приобрел тогда за гроши «Четыре книги о пропорциях человека» Дюргов, 1528 года. А позже ко мне обратилась библиотека архитектурного института с просьбои дать им этот трактат — у них не было...

Горький мне сказал: «Ступайте в библиотеку, посмотрите новые приобретения...» Я оставался там минут двадцать, поглядел книги и выхожу. Оживление, шум. Приехал Сталин. Горький разговаривает со Сталиным.

Знакомьтесь, — говорит Горький. Мы пожали руки: «Леонов» — «Сталин». Потом Сталин спросил: «Что нового в лите»

ратуре?» Это было время самого краинего разгула РАППа, Я сказал: «Товарищ Сталин! Если вам когда-нибудь потребуется кричать на нас и топать ногами, делайте это сами. А не поручайте злым людям, которые соверщают это с двойным умыслом». Сталин внимательно посмотрел на меия и раздельно сказал: «Зачем топать? Зачем кричать?»

Думаю, этот разговор повлиял на ликвидацию РАППа, которая вскоре состоялась...

 Я, — рассказывал Леонид Максимович, — памятуя, что такое незваный гость, обратился к Горькому: «Пойду домой, не буду вам мешать...» Но он ответил: «Оставайтесь обедать». За стол сели: Горький со Сталиным — и, поодаль Ворошилов, Чухновский, Бухарин, хозяйка и я...

Это был медовый месяц отношений Горького со Сталиным. Они шумно разговаривали, клопали друг друга по плечу, рассказывали анекдоты. Была дружба, которая затем очень

В это время, с 1929 по 1932 год я был председателем Союза писателей, который существовал наряду с РАППом и другими объединениями. В правление входили Вересаев, Новиков, Лидии, Павленко. Я стал председателем, когда сняли Пильияка.

- Чтобы не мешать разговору стариков, вспоминал Л. Леонов, — мы переговаривались тихо, почти шепотом. Ворошилов спросил меня:
- Что у вас происходит? Какие иовые книжки?
- Всеволод Иванов выпустил новую книгу «Путешествие в страну, которой еще нет»...

И вдруг Сталин, разговаривавшии с Горьким (у него был очень хороший слух), услышал мой шепот и сказал через

Кстати, Всеволод Иванов. Что, совсем исписался?

Я хотел было защитить Всеволода Иванова. Однако Горький остановил меня и произнес фразу. Думаю, что она спасла меня позже:

 Имейте в виду, Иосиф Виссарионович, Леонов имеет право говорить от имени русской литературы...

Сталин откинулся к спинке и секунд сорок неподвижно глядел мне в глаза. И я глядел ему в глаза. Нельзя было опустить глаза — это бы меня погубило, он подумал бы, что я в маске. Наконец Сталин медленно сказал:

> Леонид Максимович ЛЕОНОВ --коренной москвич, родипся в 1899 году в семье революционера, бывшего политического ссыпьного. За допгую жизнь писатель создал огромное богатство — кпадезь отечественной и мировой литературы, работая прантически во всех жанрах. Это сборники рассказов: «Деревянная коропева» [1923], «Гибель Егорушки» [1927], циил «Необыкновенные рассказы о мужиках» [1928—1930]; повести: «Петушихинский пропом» [1922]. «Записи некоторых эпизодов, сдеяанные в городе Гогупеве Андреем Петровичем Ковякиным», «Конец мелкого чеповека» (обе — 1924), «Бепая ночь», «Провинциальная история» (обе — 1928), «Сараича» (1930), «Evgenia !vanovna» [напис. 1938; опубл. 1963], «Взятие Велиношумска» (1944); пьесы: «Унтиловск» (пост. 1928), «Усмирение Бададошкина» (1929), «Поповчанские сады», «Вопк» (обе — 1938), «Метель» [1940], «Обыкновенный чеповек» [1942], «Нашествие» [1942; Гос. пр. СССР, 1943; 2-я ред. 1964], «Ленушка» [1943], «Зопотая нарета» [1946: 2-я ред. 1955; нов. ред. 1964]; публицистические сборники: «Статьи воениых лет» [1946], «В наши годы» [1949], «Литературные выступпения» (1966),

— Я понимаю...

Но что происходило со мною все дальнейшие годы? -Продолжал рассказывать Леонид Максимович. — Книга выходила, ее тотчас же принимались бить, но затем внезапно брали под защиту. То же происходило с пьесами. На девятнадцатом спектакле был запрещен «Унтиловск»...

Сталин в тот день, за обедом, подмигнул мне, выпив несколько рюмок водки:

- Леонов хитрит...
- Как хитрит, товарищ Сталин?!
- Водку не пьет.

На другой день мне предстояло писать сложное место в «Скутаревском» — сцену охоты на лису. И я сказал:

- У меня впереди трудная глава. А завтра работать...
- Понимаю, понимаю. И через паузу: «Унтиловск»? Значит, он ожидал появления очередного «Унтиловска». А в пьесе Редкозубов с Аполлосом поют: «Во рту сухо, в теле дрожь. Где же правда? Всюду — ложь...» Сталин мог принять это на свой счет...
- Я худо думал о своей участи, заключил этот эпизод Леонов. — Особенно, когда исчезли Зазубрин, Пильияк и другие. А я всегда ходил с подмоченным задом. Мне было плохо. И только, по-видимому, горьковские слова спасли меня...
- А в 1932 году неожиданно распустили РАПП. Причин было много. Но не повлиял ли и наш тот разговор со Сталиным? Мне рассказывал потом Двинскии, помощник Сталина, что видел у него на столе ромаи «Вор», весь исчирканный красным карандашом...

Я тотчас позвонил Горькому. Подошел Крючков. «Ты читал постановление?» — «Какое?» — «О роспуске РАППа» — «Как?» Он бросил трубку и побежал докладывать Горькому. Значит, и Горький не знал. Не знал и Ягода. Все было сделано помимо Ягоды... Горький превосходно понимал зловещую роль РАППа, пытавшегося лишить писателя самого главного - творческой индивидуальности.

Олег МИХАЙЛОВ

«Раздумья у старого камня» («Романгазета», 1987); киноповесть «Бегство мистера Мак-Кинпи» [1961: Гос. пр. СССР, 1977), романы: «Барсуки» [1924], «Вор» [1927; нов. ред. 1959], «Соть» [1930], «Скутаревский» [1932], «Дорога на океви» [1935], «Русский лес» [1953; Лен. пр., 1957). Вышпо пять собраний сочинений Леонида Леонова: первое [в 5-ти томах] --в 1928-30 гг.; второе (в 5-ти томах) -в 1953-55 гг.; третье [в 9-ти томах] в 1960-62 гг.; четвертое [в 10-ти томах] — в 1969—72 гг.; пятое (в 10-ти томах) -- в 1981-84 гг. Герой Социалистического Труда, пауреат Леиниской и Государственных премий, академик, депутат Верховного Совета СССР в 1946-70 годах. ЛЕОНИД ЛЕОНОВ за семьдесят пет творческой деятельности издавался 288 раз на 21 языке народов СССР

зарубежиых страи общим тиражом 18 756 000 экземпляров. Первая кинга писателя -- «Петушихинский пропом» --- увидела свет в 1922 году тиражом 3 000 экземпляров.

Составила Опьга МЕРКУЛОВА

ДУХОВНИКИ, жизнь. мысли. деяния

АК Я РИСОВАЛ ЖУКОВА

...В 1945 году Павел Дмитриевич работал в Потсдаме над пице возникло подобие улыбки и он, усмехнувшись, сказал: портретом маршала Г. К. Жукова. Он охотно вспоминал время, прошедшее вблизи этого замечательного человека. Восстанавливаю по записям рассказ Павла Дмитриевича о первой встрече с маршалом: «Одели меня в Москве в военную форму, и я стал как бы офицером. Отправили в Потсдам. Пришел я на первый сеанс, провели в комнату, где я должен был писать портрет. Чувствовал себя как-то неловко. Через несколько минут вошел Жуков, поздоровались. Крепкая, сухая увереиная рука. Спрашивает меня, давно ли, с каких лет я в Москве, когда уехал из Палеха. Отвечаю, и он говорит мне: «А я по своей коренной профессии ведь скорняк и до революции работал в меховом магазине, может быть, помните, у Китайской стены на углу был такой большой магазин?» Я отвечаю, что, как же, помню. В этом магазине при входе было чучело огромного сибирского волка. На это Георгий Константинович, усмехнувшись, сказал: «Да, как же не помнить этого волка, кор-р-рош был волчище, да ведь и скорняк-то оказался не плох». Мы вместе рассмеялись.

BOMHЫ

PTHHN

Писать портрет Г. К. Жукова мие было очень приятно. Фигура его, военная выправка, твердые суровые черты лица, уверенность позы и движений — все это было так отчетливо, так определенно, что само собою отображалось на холсте.

Был один случай, особенно поразивший меня в личности и характере полководца. Иду, спешу на сеанс. В доме, соседнем со ставкой Жукова, наши солдаты выкидывают из окон какойто бумажный хлам — старые книги и бумаги. Остановился я, поднял несколько листов, тонкую книгу большого формата. В книге как будто бы английский язык, а на листах, по-видимому — восточный какой-то. Подошел я к парадной двери дома, на ней бронзовая дощечка, разбираю, что на ней. Оказывается, хозяин дома — ученый, профессор, специалист по восточным культурам. Думаю, какую ценную библиотеку наши солдаты уничтожают, возмущаюсь, а что поделаешы! Волнуюсь, вхожу в комнату, где пишу портрет. Входит маршал и сразу ко мне: «Что с вами, плохо вам?» Отвечаю ему: «Вот какую картину сейчас я наблюдал», — и рассказываю ему, как листы книг, вероятно ценнейших, летели по ветру и падали на дорогу в грязь.

Помню суровое лицо маршала, блеск его глаз и как на

«Да чему вы, Павел Дмитриевич, возмущаетесь, летят с плеч миллионы человеческих голов, а вы о каких-то бумагах беспокоитесь...» Суровый сделался, сел на стул, и я, взяв себя в руки, начал писать.

Не прошло, однако, и десяти минут, маршал встал и говорит: «Извините, я на минутку только отлучусь», — и вышел. Вскоре возвратился как будто успокоившийся, это и мне передалось, и, хорошо поработав, я закончил сеанс.

Выхожу на улицу. Человек двадцать солдат собирают книги и листы, разнесенные ветром, складывают в стопки, уносят в дом. Спросил одного, что это они делают. Маршал, говорит, приказал собрать и запереть в доме.

«Так вот для чего он уходил с сеанса», — догадался я. На следующем сеансе возник разговор об этом. Георгий Константинович сказал: «Я навел справки, что за человек жил в том доме. Оказалось — член Берлинской академии, крупнейщий специалист по Индии. Хорошо, Павел Дмитриевич, что вы позаботились. Миллионы-то гибнут, а добро, народом созданное, надо беречь. Надо!»

— А я подумал, — улыбнувшись, сказал Павел Дмитриевич, — хороший, правильный человек Жуков, наш маршал». Известно, что Георгий Константинович, посмотрев законченный портрет, одобряюще заметил: «А лицо-то у меня вы изобразили полевое», — и потом пояснил, что такое выражение лица бывает у командного состава на поле боя.

Несколько раз приходилось мне слышать от Павла Дмитриевича, что над портретом Жукова он работал с большим подъемом духа и считал его очень удачным.

В 1965 году, когда отмечалось 20-летие Победы, Павел Дмитриевич рассказывал, как встретили Жукова на собрании Генералитета Советской Армии в Москве, как маршал вошел в зал, несколько задержавшись, как сел, стараясь быть незамеченным, в последнем ряду и в какой экстаз пришли присутствующие, когда председательствующий - маршал Рокоссовский объявил, что на собрании присутствует маршал Жуков.

«Его на руках принесли в президиум и разрешили говорить без регламента. Конечно, все это справедливо, по заслугам», говорил Павел Дмитриевич.

Из воспоминаний П. т. КОРИНОЙ.

ЕСГИБАЕМАЯ РУСЬ

Отец не писал войну в ее страшном и натуральном обличьи. Батальные сцены, поля мертвых, торжество победителей не стали темой его картин даже после поездки под Сталинград.

Несдавшийся народ, «упрямая, несгибаемая Русь» — вот чему стремился он найти адекватное образное воплошение в полотнах военного лихолетья.

Мужеством и силой дышат его мужицкие портреты этого времени, особой трепетной нежностью наполнены милые его сердцу пейзажи Прислонихи.

Трагической антитезой предстают перед зрителем тихая жизнь российских просторов и бессмысленное злодейство

вторжения, соединенные художником в известном полотне «Немец пролетел» (авторское название). Вот как отец вспоминает работу над картиной:

«...Написал я ее в 1942 г. Жил тогда дома, в своем родном селе Прислониха, верст за 60 от Ульяновска, куда я всю жизнь имел обыкновение приезжать в мае, уезжать в ноябре. Наслышавшись с начала войны о всяких фашистских зверствах над беззащитным населением, я довольно живо стал представлять себе, как бы это могло иметь место и в нашей Прислонихе. Как всякому художнику, мне, естественно, хотелось показать все это изуверство как бы воочию нашему

зрителю. Осень тогда у нас стояла тихая, златотканая, удивительно душевная, теплая. Я люблю осень, всегда испытываю в это время страшно приятное, особое состояние творческого возбуждения. И вот шло что-то непомерно свирепое, невыразимое по жестокости, что трудно было даже толком осмыслить и понять даже при большом усилии мысли и сердца, и что неотвратимо надвигалось на всю эту тихую, прекрасную, безгрешную жизнь, ни в чем не повинную, чтобы все это безвозвратно с лица земли смести, без тени милосердия вычеркнуть из нашей жизни навек. Надо было сопротивляться, не помышляя ни о чем другом, надо было кричать во весь голос...

Надо было облик этого чудовища показать во всем ему вопиющем о беспощадной мести обличьи. Под влиянием примерно таких мыслеи и чувств, общих тогда всем нам, русским, стали у меня зарождаться один за другим эскизы на данную тему, и на одном последнем варианте, показавшемся мне наиболее лаконичным и выразительным, я остановился и тотчас принялся писать подготовительные этюды. Эта предварительная работа заняла у меня недели три. Все, что изображено на картине, сделано по очень тщательным этим этюдам, работу над которыми пришлось прекратить из-за начавщегося ненастья и холодов. Саму картину я писал только 5 дней. 4 дня она у меня сохла перед тем, как везти ее в Москву, где я думал по ней перед выставкой пройтись поосновательнее, но я запоздал с приездом и на другой же день, как приехал, я должен был сдать ее на выставку. Картина имела известный успех у зрителя. Сам я ее тоже люблю, душевно она очень меня измучила с момента ее зарождения в эскизе до ее окончательного завершения. Декабрь 1955 г.»

Какой-то особенный лиризм цвета наполняет жизнь его полотен, вопреки грозному голосу войны. Сохранились в переписке строки, посвященные картине «Суббота», которые говорят нам о мировосприятии художника: «...в общем — тот пейзаж, что виден, если идти к речке... четверо бань, сани, лошаденка, накрытая чапаном, через речку — мостки, налево стволы ветел и кустов, колодноватое золотисто-розоватое небо, жемчужно-перламутровый снег и нежное дымчато-розовое с легкими зеленовато-золотистыми тенями пятно тела девушки, темные серовато-теплые силузты бань, дерюга на санях, золотистая сивка, тускло-зеленоватая с опаловыми переливами вода в речке, кружево ветел — все мне это родное

и близкое до последней степени...» (из письма Н. П. Пласто вой 31.12.1944 г.)

На примере картины с убитым мальчонкой художинк убеждается в силе воздействия пейзажа-образа и последовательно цикле работ стремится к нему

Хмурые леса, укрывающие его «Партизан», печальные осенние горизонты над убитым подпаском, необозримость клебного поля под серебряным светом августовского неба в «Жатве», полный солнца, цветенья трав, шумящий березовой листвой «Сенокос» — всякий раз пластовский пейзаж утвержда ет жизнь наперекор дьявольскому шествию смерти.

В 1944 году он «вплотную взялся за работу над эскизами и окончательным сбором материала» к «Сенокосу». Работа над картиной продолжалась и а 1945 году:

«...Я, когда писал эту картину, все думал: на. теперь радуися, брат, каждому листочку радуйся — смерть кончилась началась жизнь. Лето 1945 года было преизобильно травами и цветами в рост человека, ряд при косьбе надо было брать в два раза уже обычного, а то, где место было поплотиее, и косу как бы не протащить, и вал скошенных цветов не про-

А ко всему тому косец пошел инои: наряду с даужильными мужиками-стариками вставали в ряд подростки, девчата, бабы. Ничего не поделаешь — война. Кто покрепче, был в

Но несказанно прекрасное солнце, изумруд и серебро листвы, красавицы березы, кукование кукушек, посвисты птиц и ароматы трав и цветов — всего этого было в преизбытке.

В конце августа 1945 года я начал вторую картину «Жатва». Писал одну и другую одновременно. Как и многие другие замыслы моих картин, тема «Жатвы»... зародилась давнымдавно, в 30-х годах... Как-то в тусклый холодноватый августовский день я, бродя по ржаному полю, набрел на ту приблизительно сценку, какая изображена у меня на картине. В тот же день, вечером, я сделал эскиз в ладонь, на другой день начал рисунки, подкрашенные акварелью, и днеи через пять начал картину... Мотив очень соответствовал моему взгляду на некоторые вещи. Передо мнои возникла та упрямая, не сгибаемая Русь, которая в любом положении находит выход и обязательно решает поставленную историей задачу...» (Из автобиографии).

н. а. пластов

АГОРСКИЙ СЮЖЕТ

...Однажды, весной 1945 года, идя по Загорску, Лактионов встретил солдата в выцветшей запыленной гимнастерке, с перевязанной рукой, опирающегося на палку. В руке солдата было письмо-треугольник. Он посматривал на номера домов и на адрес на конверте

Лактионов разговорился с солдатом, тот рассказал, что в госпитале познакомился с товарищем по палате и тот просил передать письмо родным в Загорск. Товарищ говорил, что очень давно не получал вестей из дома, не знает, живы ли его родные и получали ли его письма. Лактионов проводил солдата и видел, как ему открыла дверь женщина, на лице ее была радость и надежда.

Художник стоял около этого дома в глубоком раздумые. Вот что надо изобразить — радость встречи с человеком, прииесщим письмо от сына, мужа или отца, думал он. Сюжет подсказала ему сама жизнь. Так родилась мысль о создании будущей картины «Письмо с фронта»...

Вспоминая то время, Александр Иванович говорил, что

ему «очень везло». Так, во время работы над картиной к нему зашел показать свои этюды местный художник В. И. Нифонтов. Ои недавно вернулся с фронта и был в воениой форме. Александр Иванович, посмотрев работы и поговорив с ним.

попросил его позировать для своей картины. Он согласилси Когда Нифонтову перевязали бинтом руку, дали палку, и он встал на крыльцо, Александр Иванович увидел в нем солдата, натолкнувшего его на эту композицию

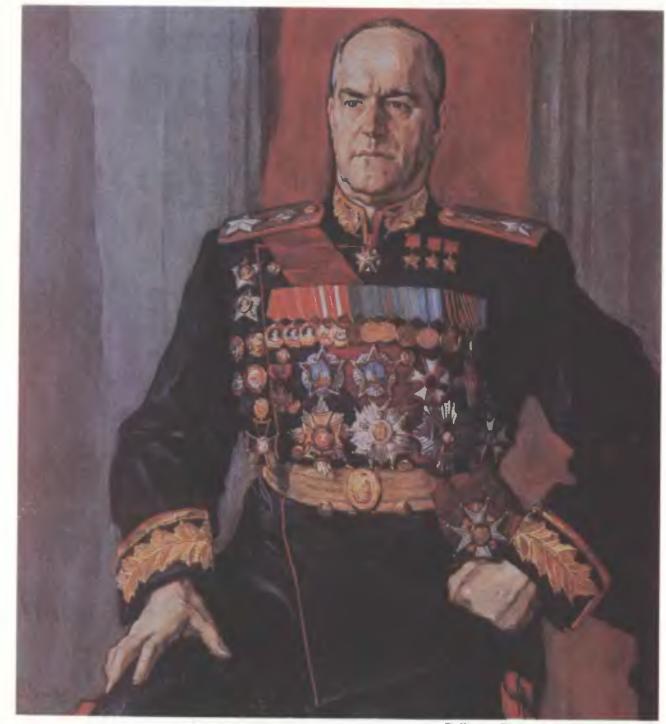
Так же приехавшая к этому времени сестра матери кудожника Евдокия Никифоровна стала позировать для перво планной фигуры женщины, держащей конверт. Письмо чи тает сын хуложника Сережа, которому в то время было 7 лет Для фигуры девушки-дежурной ПВХО в центре картины позировала соседка. Девочка на первом плане — дочь художника Светлана. Своих натурщиков Александр Иванович писал прямо в картину, они позировали поодиночке, иногда он собирал их всех вместе и проверял композицию картины,

Работал ивд этой картиной А. И. Лактионов два года, с ран ней весны сорок пятого...

«...Работа шла легко, с вдохновением и больщим радостным подъемом...», — вспоминал художник

Картина экспонировалась на Всесоюзной выставке в 1948 го ду, она явилась началом нового подъема в развитии бытового жанра в советской живописи...

Из записок Д. М. ОСИПОВА.

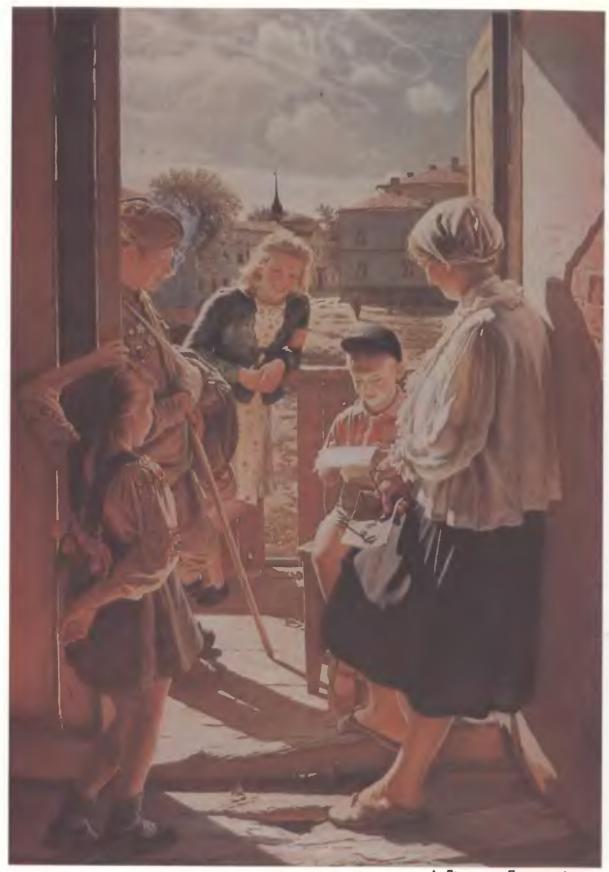
П. Кории. Портрет Г. К. Жукова. 1945 г.

Н. Пластов. Фашист пролетел. 1942 г.

Н. Пластов. Суббота. 1944 г.

А. Лактионов. Письмо с фронта.

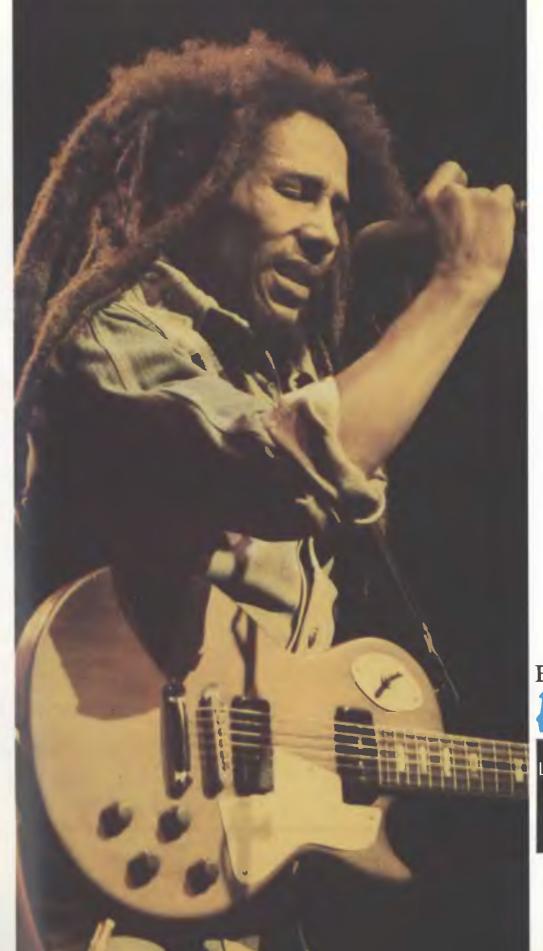

Bryan Ferry

Rock

IN ORBE
LIBRORVM

Bob Marley
ROCK

иляд соратник

Mick Jagger

IN ORBE

LIBRORVM

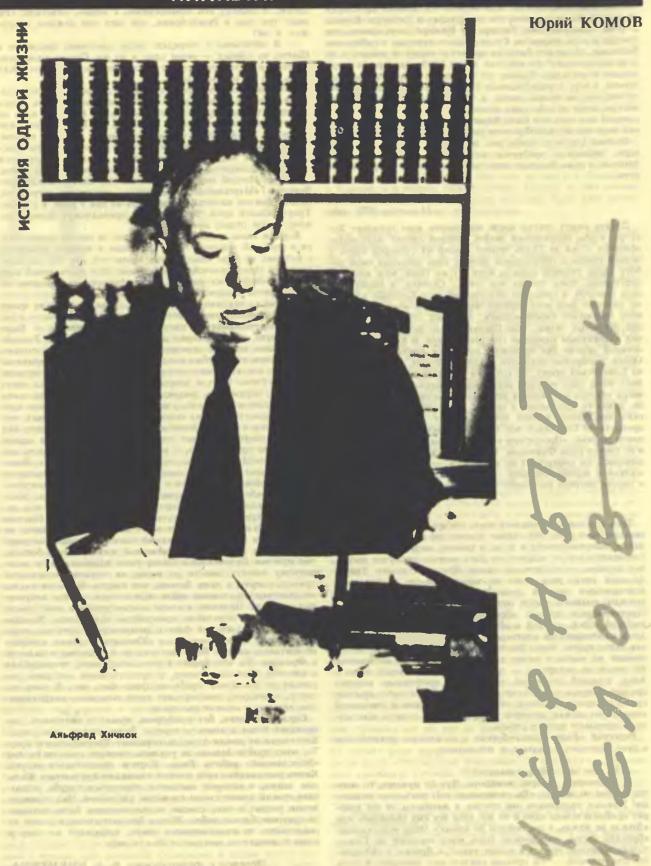
Андре МАЛЬРО

Шарль де Голль и Андре Мальро

Андре МАЛЬРО (1901—1976) — один из ярчайших талантов на французском литературном небосводе XX века был человеком, о котором слагались легенды. В 20-е и 30-е годы он прославился как автор сенсационных романов о революционных процессах в Китае. Тогда же, в 30-е годы, Мальро вктивио участвовал в антифашистской политической борьбе, в после франкистского переворота создал боевую эскадрилью и в качестве ее командира отправился служить Испвиской республике, о чем впоследствии рассказал в своей книге «Надежда». В годы второй мировой войны Мальро сражался сивчала в подполье, позже командовал полком регулярной фрвицузской врмин. В конце 40-х он вновь оказывается в семой гуще политической жизни: министр пролегвиды в коалиционном правительстве в 1948 году; с 1953-го ло 1969-й — министр культуры Франции. Он проявлял большой интерес к нашей стране, ее историческим и культурным традициям; не раз посещал Советский

Кроме романов «Завоеватели», «Королевская дорога», «Условия человеческого существования», «Надежда», «Орешинки Альтенбурга», кескольких теоретических работ ло искусству, им каписан ряд сочинений мемуарного жанре, составивших книгу «Зеркало преддверьв», которая содержит галерею интереснейших лортретов государственных деятелей, в том числе Шеряв де Голля, выдающегося государственного деятеля Франции, одкого из руководителей ентигитлероеской коалиции, человеке сложной и интересной судьбы. В течение многих лет Мальро «стоял» рядом с де Голлем, был его верным соратником. Предлагаем вниманию читателей фрагменты эссе А. Мальро о Шарле де Голле, из сборникв «Зеркало лимба», готовящегося к печати в издвтельстве «Програсс».

ень следовала за мастером

неотступно, не отпускала ни на шаг. На Западе его на зывали «Шекспиром кинематографа», а советских зрителей им стращали как воплощением свинцовых мерзостей капитализма. Там его, благодаря телевидению, каждый знал в лицо, здесь многие и не слышали это имя. Голливуд рекламировал его работы, отдавал ему своих лучших исполнителей, а наши киноведы говорили о деградации художника, охваченного противоестественной страстью к изображению зловещих фигур преступных маньяков, чудовищ-монстров и прочих вампиров, главных героев фильмов ужасов. Ярлыков было много, но самих произведений мастера у нас в стране почти никто не видел. Лишь в прошлом году в рамках «Золотого Дюка» в Одессе была представлена ретроспектива кинолент режиссера, которому импонировало, что его сравнивали с Эйзенштейном и Пудовкиным, чьи работы он знал прекрасно и увлеченно мог говорить в несведущей американской аудитории об удивительном мастерстве авторов «Броненосца «Потемкин» и «Ма-

Тень считаль, что она больше мастера, а стало быть, значительней его, она — его «черный человек». Работы художника по достоинству оценили коллеги, а тень заслоиилв собой целый зрительский мир, по ней судили о нем даже там, где его никто не видел. Случайные люди склоняли его имя, пускали в код имевшиеся под рукой этикетки, а он и не ведал о том: продавали тень, она все сносила. И была безукоризненна, как всякое бесплотное создание. А он не укладывался в стандартные рамки. Свои страхи и духовные кризисы мог превращать в мощное, притягательное для масс искусство, при этом постоянно балансировал на грани творческого созидания и подсознательного разрушения. Художник-страдалец и опытный делец, производящий ходкий товар, волшебник сладких кошмаров, маг бессоиных ночей, проведенных над леденящими душу повествованиями, и циник до мозга костей, голливудский шоумен и вместе с тем великий мастер, он и в каждодневной текучке, как в искусстве, был абсолютно разным: мрачный тип и обаятельный шутник, романтик и приспособленец, светский человек и застенчивый одиночка. Все слилось в ием воедино - силы хаоса, жестокости мира и вселенского разочарования и идея порядка, порывы доброты и милосердия, творческого оптимистического экстаза.

Когда мастер говорил со мной (до того, вместе с другими. не один час провел я в полных залах, внимавших ему), казалось — тень все время рядом. Она опровергала его суждения голосами тех, кто слышал о нем от дежурных критиков, она спорила как профессионалы и люди случайные, что наконецто или экспромтом попали на просмотр его картин, она переходила на жаргон киноведов, не желающих и по сей день (когда прошло 90 лет со дня рождения мастера) упомниать его имя, не исполнив предварительно обряд очищения: отринув его мифы, спикировав на его картины-откровения, обозвав их фильмами ужасов, уподобив творчество его известным «проискам реакции». А может быть все проще — не знали его, да и знать не хотим. Джойс, Элиот, Паунд, Оруэлл, Набоков — сколько лет жили без них... и без вашего мастера... И все-таки читали из-под полы, и проходили в университетских курсах как декадентов, космополитов и прочую нечисть. И вот теперь мы в темном зрительном зале, и выходит к нам он (и иет тенн — без света), и ведет довернтельный разговор.

МЕЖ ЛВУХ ОГНЕЯ

7 мартв 1979 года Американский имститут кино проводил торжественный вечер — чествовали человека, который был удостоен почетиой награды, присуждаемой раз в год; «за работу всей жизни». Лауреат (седьмой по счету в истории приза) стал известен еще в августе 1978-го. Съезжались гости — люди известные, кинозвезды и голливудские магнаты, все радостные, оживленные. И только сам он был мрачен, чувствовал себя плохо, накануме даже заявил, что «не желает присутствовать на собственных похоронах». Но уговорили. Через пять дней всю церемонню передавали в записи по теленидению: редакторы поработали на славу Но и им не уда-

лось скрыть того, каких усилий стокло ему это мероприятие, как в буквальном смысле дотащился, выйдя под камеры, до кресла, как тяжело опустился в него: безмерным грузом давили годы. Рядом была жена Альмв, друзья... А вела вечер Ингрид Бергман — давно знаменитейшвя звезда, а он помнит ее почти девчонкой, юной шведкой, явившейся в Голливуд с другого континента. Милая Ингрид — она пытается шутить, хочет поднять его иастроение, вызвать улыбку, расшевелить: поздно, слишком поздно, и ои не желает выходить под юпитеры эдаким бодрячком, пусть видят, что сделало с икм время. Хотя любимый внекдот-быль он все-таки им расскажет, этот эпизод и пойдет в эфяр для миллионов телезрителей, так полюбивших его страшиме — бр-р — на ночь глядя рассказаиные истории: вздрагиваешь от каждого стука, скрипа двери. Так вот — свой первый страх, ужас безмерный, испытал он в шесть лет, когда, набедокурив, был наказан отцом весьма странным образом. Родитель послал его в полицейский участок с запиской к дежурному, в которой содержалась просыба посадить негодного мальчишку для острастки под замок. Провел он в одиночке минут 10-15, но такое помиится всю

Алфред Джозеф Хичкок родился 13 августа 1899 года, третий ребенок в семье зеленщика из лондонского Ист-Энда. Предки-католики к аристократии вовсе не принадлежали и к искусству отношения не имели. Дед с трудом расписался на брачном свидетельстве, бабка и свидетели поставили крестик.. Сына Уильяма воспитали в строгости. И когда ои сам обзавелся семьей, нравы в ней сохранил привычные. Каждый вечер перед сном дети исповедовались у постети матери в своих дневных прегрешениях. Чувство неизбывной вины сопровождало Алфреда Хичкока с детства (кстати, мать котела знать все его тайны, продолжала читать нравоучения и тогда, когла стал совсем взрослым). И каждое воскресенье -- обязательное посещение церкви: страх перед безумным и яростным миром усугублялся потенциальной карой божьей за непокорность и содеянное всуе. Молчаливым и замкнутым рос ребенок, товарищами детских шалостей не обзавелся — привык быть дома, много читал, книг разных и познавательных. В 1910-м оказался в колледже Св. Игнатия, открытого отцаминезунтами в конце XIX века. Послушание в стенах этого строгого учебного заведения почитал неизбежным, но, помимо богословских трактатов, жадно глотал Шекспира, Дефо, Дик-

Шла первая мировая война. Умер отец. Надо было зарабатывать на жизиь. С 1915 года служил мальчиком на побегушках в телеграфной компании. Когда появлялось свободное время, ходил в кино — особенно нравились ленты известного американского режиссера Дэвида Гриффита (1875—1948): «Рождение нации», «Нетерпимость», «Сломанные побеги». Поражали исограниченные возможности иового, набирающего силы вида искусства, волновали воображение сцены и видення необычных действ и картии.

За книги садился при каждом удобиом случае: круг авторов расшкрялся — Д. Г. Лоренс, Вирджиния Вулф, Джеймс Джойс, и «Портрет кудожника в юности», и «Миссис Дэллоуэй», и «Сыновья и любовники» приводили в восторг. Романы Стивенсона, Честертона, Флобера захватывали, Байрон и Вордсворт воодушевляли. Благоговейио преклонялся перед Эдгаром Алланом По. Через всю жизиь пронес увлечение работами мастера мистификации, гротеска и пародии на кошмары готических романов.

Уже овладев всеми приемвми триллера, особого вида фильмов, вызывающих у зрителей активное сопереживание, сильные эмоции, развивая жанр, Хичкок говорил: «Уверен, что По занимает в мировой литературе особое место. В нем уживаются романтик и представитель современной литературной волны». Хичкок и сам находился как бы между двух огней — его атаковали злые демоны и добрые духн, коварные поивидения и простодущиме тени.

Над первыми лентами — «Сад удовольствий» (1925), «Горный орел» (1926), «Жилец» (1926) — работал вместе с милой коллегой, киноредактором Альмой Ревиль. В 1926-м они поженились (и останутся вместе до конца). Свадебное путешествие во Франции и Швейцарии... и вмовь работа, фильмили чередой — и каждый проект захватывал. Угнетал лишь контроль со стороны администраторов. Иногда эло срывал на членах съемочной группы. Выливалось это, правда, не в крикливые разгоны или жестокие капризы, проявлялось в

довольно оригинальной форме: неутомим был на розыгрыши, объектом его странных шуток мог стать любой — чудачество это стало «второй натурой». Мог организовать доставку на квартиру сотрудника, хваставшего пряобретенной электроплитой, двух тонн угля, мог прислать в подарок актрисе, вместо цветов и драгоценного сувенира, живую старую клячу, мог пригласить коллегу на маскарад в дом, где давали в тот вечер официальный прием. А бедняге-оператору, с которым поспорил, что не проведет он благополучно ночь в пустом павильоне, дав приковать себя к камере, успел незаметно подсунуть слабительное: конфуз был жуткий. Дурачился Хичкок откровенно и от души. Иногда и в работах своих делал то же. Подобных грубых шуток, впрочем, избежали знакомые писатели, с которыми поддерживал тесные отношения, - почтенные Джордж Бернард Шоу и Джон Голсуорси. Они не раз были гостями загородного дома в Винтерс Грейс, который чета Хичкоков приобрела почти сразу после свадьбы. Там было уютно и тихо. Альма ждала ребенка, это Хичкока слегка раздражало, но дивные окрестные пейзажи снимали напряжение. Дочь родилась в июле 1928-го.

Через год — почти запланированный успех очередного проекта: в уголовной драме «Шантаж» в полной мере использовал возможности звукового кино. Последовавшие затем картины «Человек, который слишком много знал» (1934), «39 шагов» (1935) упрочили авторитет Хичкока у критиков и популирность у зрителей: с чьей-то легкой руки стали величать его «Буддой британского кино». Именно тогда нвчал вырабатывать свой почти канонический образ-маску: «невозмутимый маэстро мрачных эстетизированных кошмаров». Во всех лентах английского периода творческой деятельности Хичкока прослеживается интересная закономерность, которая станет доминирующей в его американских работах: все крупные и мелкие экраниые конфликты, раскрываемые им, детективные схватки и коварные планы легко вписывались в довольно традиционную теорию борьбы за выживание: только Хичкок, как правило, ставил в центр картины конкретный эпизод, а не всемирные волчьи законы.

И логика его как художника была проста: на свете происходят вещи самые невероятные, и мы не можем закрывать на это глаза, в стало быть — обречены жить с сознанием того, что в любой момент каждому представится случай (независимо от желании) стать ие только свидетелем, но и непосредственным участником страшных катастроф и необъяснимых катаклизмов. Впрочем, Хичкок мрачными апокалипенсами не злоупотреблял: давно замечено, если сосредоточимся лишь на мысли о выживамии, станем думать о том постоянно, бояться, что грянет с неба кирпич и разлетится все в прах, — долго вряд ли протянем. Но почему же спешат тогда люди в темиый кинозал, где ждут их кинематографические ужасы Хичкока, котя с реальными им не сравниться?

Одна из причин парадокса установлена определенно: люди знают, что кино — «безопасно», что события в фильме вымышлены, хотя и соотнесены с окружающей действительностью. Убийца, насильник, вор, шпион — все это люди реальные и даже осязаемые, но на экраие они — лишь образы. И стало быть, сопереживая нафантазированные авторами были-небылицы, зритель как бы становится участником увлекательной игры, где жизнь ему гарантируется, а крупные неприятности происходят понарошку. Но нервы любая кинематографически «нестандартная» ситуация щекочет как взаправду. Именно такое эскапистское кино проповедовал во все времена официальный Голливуд, к этому стремились умные деловые люди. И вот потому-то, поняв свои большие возможности и уяснив цели, признанный в Англии «режиссером номер один» Алфред Хичкок еще в 1937 году совершил вояж в Соединенные Штаты, о жизни которых имел весьма приблизительное представление, познакомился с положением дел на месте, провел соответствующие переговоры, а в 1939-м, продав недвижимость, навсегда перебрался за океан.

Америка встречала восторженно, почитателей его таланта оказались толпы. Выгодное предложение о сотрудничестве поступило от Дэвида Селзникв, крупного голливудского дельца и продюсера таких известных лент, как «Кинг Конг», «Дэвид Копперфидд», «Анна Каренина». Первой американской квртиной Хнчкока стал фильм «Ребекка» по роману Д. Дю Морье, право на экранизацию которого приобрел Селзник Режиссер был готов приступить к работе над проектом незамедлительно, но Селзник выпудил Хичкока сделать длинную

паузу. Продюсер был так увлечен своей гранднозной идеей осуществления экранизации романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром» (фильмом, вошедшим в сокровищницу мирового кинонскусства), что отложил все текущие дела: ему было просто не до Хичкока. Проходили дни — читал на досуге лекции по истории театра, поражал своими фундаментальными знаниями в этой области. Затем отправился с семьей в курортное местечко Саи-Вэлли, где познакомился с Эрнестом Хемингузем, который только что вернулся из Испании и заканчивал «По ком звонит колокол». «Папе» Хэму ленты Хичкока нравились всегда: он ценил английский юмор и то, что режиссер не забывал о нем в фильмах по сути своей мрачных и трагических. Хемингуэй, не раздумывая, предложил Хичкоку рассмотреть возможность экранизации его нового произведения. Но Хичкок осторожно ответил, что в политику не ввязывается и инчего в ней не понимает. Так закончилась первая встреча. Через четыре года, увидев «По ком звонит колокол» на экране, Хичкок возобновит контакты с писателем, они выразят намерение «сделать что-нибудь вместе», хотя планам этим так и не суждено будет осуществиться.

ФЛАЖКИ НА СНЕГУ

Америка жила своей жизнью, а в Европе бушевала война. В Голливуде стали появляться ленты, в которых художинки не только пытались осмыслить происходящие события, но и показать, какую угрозу представляет фашизм. В работвх Хичкока этого периода, однако, вопросы политики отступали на второй плаи — детально разрабатывалнсь психологические коллизии. Антифашистские мотивы возникали и в мелодраме «Иностранный корреспондент» (1940), и в драме «Спасательная шлюпка» (1943), и в детективе «Дурная слава» (1946), но они ие стали главной темой. Эта своего рода «нейтральная позиция» одного из известнейших английских режиссеров, работающих за океаном, стала вызывать нарекания у его соотечественинков. Хичкока обвиняли в отсутствии патриотизма в тяжелую для Англии годину. Утверждали даже, что он «дезертировал» в Америку.

Над сценарием фильма «Спасательная шлюпка» работал вместе с Джоном Стейнбеком, знаменитым автором «Гроздьев гнева», этой американской народной эпопен. А вот Хемингуэй, которому Хичкок, памятуя старую договоренность, предложил встретиться в Майамн и обсудить проект, отказался, времени не было. Хемингуэй в 1942—1943 годах был поглощен охотой за немецкими подводными лодками, крейсировавшими неподалеку от кубннского побережья. Его знаменитый катер «Пнлар» переоборудовали, снабдили звукопеленгаторной аппаратурой и вооружением, включавшими глубинные бомбы: писатель вел на море свою «личную» войну с фацистами. Хичкока это задевало: в 1944-м, наконец, отправился в Англию и ом, пробыл там всего три месяца, но успел сделать два короткометражных фильма об участниках французского Сопротивления. Этим вроде и огранмчилось.

И лишь спустя 40 лет, в феврале 1984 года, в Лондоне состоялся первый просмотр работы Хичкока, которая была, по решению ведомств США и Англии, ранее запрещенв... На том сеансе в аудитории военного музея британской столицы присутствовало всего 15 человек — официальные лица, ученые, писатели: им была продемонстрирована одна из самых страшных картин, которую когда-либо видело человечество. У этого фильма нет названня, он значится лишь под архивным номером F3080. Те, кто работал с копней, однвко, окрестили ленту: «Воспоминания о лагерях», 55-минутная работа о зверствах нацистов.

Вводные кадры — немцы экзальтированно приветствуют фюрера, а затем, сразу, без перехода, — апрель 1945-го: документальные съемки даух американских операторов-сержантов Мъйка Льюисв и Билла Лори в концлвгерях, Хичкок собирал картину воерино как режиссер и редактор. То, что происходит на эклане, не поддается описанию. Вот что говорит Льоис, ныне живущий в Австралии: «О первом лагере нам сообщили свим немцы — они боялись, что заключенные разбегутся и возникнет эпидемия. За колючей проволокой ходячих, впрочем, осталось не так много. На земле лежали 10 тысяч трупов. После освобождения еще 13 тысяч умерли от голода и тифа. Был твм и доктор-эсэсовец по фамилии Кляйн, он давал нам интервью, потом его повесили. Бывшие охранники копали ямы и сносили тела, трупный запах был невыносим».

Когда Хичков, вместе с англичанином-редактором Питером Таннером, приступил к работе, доставили новые киноматерналы — из Дахау, Бухенвальда, Аушвица и других печально известных мест. Мастер триллера трудился, объятый ужасом. — потом все сдал в «фонды»: кто конкретно запретил демонстрацию картины, теперь не установить - две папки с соответствующей документацией из британского архива исчезли. По аналогии - можно лишь констатировать, что случилось примерно то же, что и с одной из военных лент американского режиссера Билли Уайлдера, когда цензоры вырезали 10 минут «нацистского ада»: по их миению, аудитория подобных реальных ужасов выдержать не могла — это вовсе не развлечение в духе мастеров триллера. «Неизвестный Хичкок» лег на полку, работа, оказавшаяся под запретом, исчезиувшая на десятилетия, вернулась к зрителю неожиданным образом: в 1984-м ленту показали на Берлинском фестивале. В ученых трудах об этом эпизоде пока не прозвучало ни слова.

В том же 1945-м Хичкок работал в Голливуде над картиной «Завороженный», в которой охотно использовал азы фрейдовского психоанализа. Это было началом новых общирных планов, которые прослеживались потом в фильмах «Веревка» (1948), «Психоз» (1960), «Марни» (1964) и других. Хичкок настоял, чтобы в работе над художественным оформлением «Завороженного» принял участие Сальвадор Дали. Около сотни рисунков гениального художника, пять полотен, написанных маслом, фигурировали на экране, словно окаимляя сцены ритуальными символами. Режиссера уже тогда, как он сам утверждал, любая страшная история интересовала вовсе не как расследование (кто это сделал), а как психологический этюд (когда собирается тип, его интересующий, совершить преступление, что движет этим человеком, почему он теряет над собой контроль) — и не стонт делать из этого тайны: такое возможно с каждым. Злоден в его изображении часто — сами жертвы, и жертва — зритель, ибо воспринимает происходящее, словно соучастник: он готов разделить вину, если хватит воображения и характера. Мастер обкладывал зрителя со всех сторон, красные флажки на белом снегу вели только под его выстрелы. И зритель, пометавшись, запутывался и, очарованный, обманутый, околдованный, опутанный. шел след в след за предыдущей жертвой. Умение Хичкока убедительно показать раздвоение личности, неоднозначность поведения люден неоспорнмо. Он блестяще использовал эффект неожиданных сюжетных перестроений, изящно трансформировал своих персонажей.

Фильм «Дурная слава» простотой сюжета тоже не отличался: это история женщины, которая вовлечена любовником в борьбу против нацистов, хотя действие разворачивается в... Бразилии. Получив задание, она выходит замуж за немецкого шпнона. Тот, правда, вскоре догадывается о ее «миссии» и начинает, вместе с матерью-садисткой, медленно отравлять бедняжьу. Но американский вгент, ради кого она пошла на муки, успевает к счастливой развязке. «Весь фильм, — вспоминал сам Хичкок, — был задуман как любовная история... это картина о человеке, который заставляет женщину лечь в постель с другим мужчиной, потому что так надо для дела... политика меня при этом не интересовала»... И оказалось, что это еще не все метаморфозы с обычным, казалось бы, проектом. По сюжету необходимо было продумать, почему дейстане происходит в Латинской Америке, что нужно там всем этим людям и агентам.

В первом варианте речь шла о месторождении изумрудов, вокруг которых и разыгрывались все страсти. Но потом Хичкока осенило: «А что если это урані» Продюсер Селзник, прочтя новую сценарную версию, выразил недоумение: уран, которын тайно перевозят в винных бутылках? Хичкок ответил, что мало в этом смыслит, но знает, что уран не менее редок, чем изумруды, и так же нестабилен, как окружающий нас мир. К тому же все вокруг говорят, что атомную бомбу когданибудь сделают. А шел 1945 год: и хотя Селзник полагал, что подобная версия — для дураков, Хичкок оказался провидцем: бомба была взорвана — и весь мир узнал об этом. Да более того — подтвердилась и другая догадка: тысячи недобитых фашистов нашли себе прибежище в Южной Америке... Об этой истории («новой тайне Хичкока») потом много писали, а в 1975 году в Лос-Анджелесе мне довелось услышать ее нз уст самого Хичкока: он утверждал, что его сценарная разработка так напугала ФБР, что за ним установили слежку, а на студию даже прислали официальное предупреждение — впредь

всякая лента о деятельности американских разведчиков должна проходить цензуру госдепа и соответствующих учреждении. Одно время мастер чувствовал себя не вполне уютно ведь к тому времени он даже не удосужился еще стать гражданином США. Рассказывал, конечно, все это с юмором, Хичкок давно превратил историю в эстрадный анекдот, но тогда было не до смеха, впрочем — обощлось.

придворный шут

В 50-е к Хичкоку пришла международная слава, и в Голливуде он обрел непререкаемый авторитет. Фильмы свои снимал теперь, путешествуя по всему белому свету. — Канада, Марокко, Япония, Италия. Калейдоскоп стран, лиц, вереница картин: драмы, трагикомедии, все вперемешку, причудливая смесь страха и иронии — «Незнакомцы в поезде» (1951), «Я исповедуюсь» (1952), «В случае убийства набирайте «М» (1953), «Окно во двор» (1954), «Неприятности с Гарри» (1955), «Не тот человек» (1957), «Головокружение» (1958), «К северу через северо-запад» (1959) — длинный список. И за каждым фильмом изнурительная работа, актерские судьбы.

Грейс Келли, прежде чем выйти замуж за князя Монако Ренье III, сыграла в нескольких картинах Хича. Во время съемок последней («Поймать вора», 1955) она и познакомилась со своим будущим мужем. Хич ревновал, он всегда птался держать своих исполнительниц под абсолютным контролем, даже их интиминые дела были ему ие безразличны. Но Грейс считала Хича своим учителем в жизни и кинематографе, была ему благодарна. Не раз приглашала погостить в ставшем ей домом карликовом европейском государстве — ее трагическая гибель в автомобильной катастрофе в 1982 году оборвала эту яркую биографию. Ширли Маклейн его помощники нашли на Бродвее, в одном из шоу — ей было 20, он ввел ее в мир кино: тогда юной актрисе еще и не снилась встреча с Н. С. Хрущевым, посетившим Голливуд.

Актрисы приходили и уходили, а его самого занимали пламы грандиозные, кино казалось мало. С 1955 года пошли по
американскому телевидению знаменитые получасовые (впоследствин часовые) программы «Алфред Хнчкок представлвет» — более 10 лет продолжался марафон «историй на сон
грядущий»: каких только кошмаров не было в его «ночных
галереях». Параллельно стали выходить антологии Хичкока,
литературные сборники, произведения для которых отбирал
он сам, затем появился на свет его «Журнал тайн», от подписчиков ие было отбоя. И главная тема звучала все сильнее:
мотнвы исступленного поиска своего «я», голоса, воспевающие общую неизбывную вину, сливались в мощно звучащий
хор, проговаривающий речитативом текст о постоянной борьбе личности, раздираемой противоречиями.

В самой известной картине Хичкока «Психоз» (1960) фр.йдистский конфликт между сознанием и бессознательными
влечениями нашел нвиболее яркое воплощение. В основе экранизации романа Роберта Блока — «незамысловатый» сценарий: чтобы составить свое счастье и выйти замуж за, увы,
бедного любовника, героння решается на преступление, она
помищает крупную сумму денег и бежит из родного города.
Застигнутая ночью в дороге, останавливается в пустом мотеле,
владелец которого — одинокий молодой человек с большими
странностями: временами он воображает себя матерью, жестоко тирамившей его, и ревнует «сына» ко всем окружаю-

Героння понимает нелепость своего поступка, в краже ее уличат непременно — слишком много свидетелей этого неумело совершенного преступления. Все время была она словно во сне, не отдавая отчет в своих действиях. Вот пройдет ночь, думает она, стоя под душем и как бы смывая тяжкий грех, взятый на душу, и вернется она домой, и покается, потому что жить с этим невозможно. Но не суждено исполниться ее благим намерениям: поднимается и опускается резко вниз несколько раз - рука с ножом. И на экране, крупным пляном, - кадр, ставший классическим апофеозом режиссера Алфреда Хичкока: сток, куда уходит вода, смешанная с кровью, звук засасывающей эту жидкую смесь воронки. «Мать» совершила возмездие, приреановав «сына», лишь несколько минут назад украдкой наблюдавшего за раздевавшейся молодой женщиной. Хичков не только повергал свою аудиторию в шок, но и превосходно обставлял соответствующими шаселых аттракционов».

И. добавим, это зеркало, отражение личности, сотканной из кричвщих противоречий. Но, тем не менее, при всем многообразии сюжетов произведеняй Хичкока в них прослеживается внутрениее единство — отношение ввтора к окружающему странному и жуткому миру. Алфред Хичкок — это не Микеланджело Антониони, «поэт отчуждения и некоммуникабельности», давший блестящие картины трагического одиночества человека, картины, фиксирующие малейшие движеиия скорбной души. Хичкок — не Ингмар Бергман, герои которого испытывают глубокое отчаяние в моменты духовных кризисов, когда в сознании стирается грань между реальностью и химерами, верой и безверием. Хичкок — не Бернардо Бертолуччи с его фрейдистскими мотивами «Последнего танго в Париже» и «Луны», фильмов, подчеркивающих разобщенность людей и выдвигающих на пераый план скептически негативную концепцию мира и человека. Но символика мастера триллера не беднее, чем у признанных корифеев кино.

Вклад, который сделал Хичкок в развитие выразнтельных возможностей киноискусства, переоценить трудно, он оказал огромное влияние на творчество американских и западноевропейских кинематографистов. Об этом писали и будут еще говорить. Опытом он делился не часто, но щедро.

В 1963 году будущему известному режиссеру Питеру Богдановичу, в то время начинающему кинематографисту, удалось взять у него пространное интервью, беседовали три для впервые тогда узнали хоть что-то о Хичкоке, помимо его фильмов (хотя сам он иногда называл свои работы «записными книжками», дневником исповедальным). Человек по натуре не общительный. Хич раскрывался перед собеседником редко. Но уж если начинал вести речь не мастера, но человека, как все, — секретов не держал. Другой знаменитый режиссер, Франсуа Трюффо, «допрашивал» его в 1967-м 52 часа — и тоже потом написал хнигу. А первая биография — «Гений тьмы: жизнь Алфреда Хичкока» — появилась лишь в 1983 году: Пональд Спото, теолог и автор исследования под названием «Искусство Алфреда Хичкока» (1976), нарушил табу, которое сам мастер наложил на свон жизнеописания, - интераью давал, но о личном предпочитал помолчать. К тому же он, обожавший всяческие тайны, и свою персону окружил атмосферой секретности. Зачем кому-то знать, что свое богатое воображение питает собственными мечтвми и страхами, но при этом понимает, что не одинок, что рядом, с твким же, как он, происходит примерно то же.

Будии и праздники, смех и слезы, водевили и маленькие трагедии — полный репертуар. По Хичкоку, кстати, «драма — это сама жизнь, только наиболее скучные ее эпизоды вырезаны». Работая я индустрии развлечений, мастер стал выразителем наиболее классической голливудской формулы успеха: используя возможности киноискусства, показывать обыкновенного человека в экстремальной обстановке. Постулат этот Хичкок, однако, развил и усовершенствовал: коммерческие его ленты становильсь произведениями искусства, ибо он пришел к пониманию того, что зрители вовсе не хотят, чтобы некий заурядный злодей, гримасничая страшно, с ходу бросался на них, демонстрируя свою кровожадность. «Они желают, — говорил ом, — видеть нормального человека со всеми его слабостями». И он щедро предоставлил своим почитателям такую возможность.

Строил оригинальные гланы и соглашался работать по стандартным проектам — слыл лояльным работником американской кинопромышленности. И все-таки, говорит близкий друг Хичкока Сэмюэль Тейлор, «Голливуд никогда не знал понастоящему этого великого художника. Весь цинизм «фабрики грез» в том, что кино там никогда не считалось искусством. Хич все это прекрасно понимал, но держал в себе: как же больно было осознавать такое... Но Голливуд продолжал делать из него своего придворного шута».

HO 16 KOPOTKA

Время брало свое — отпраздновал 75-летие, но все-твки довел до конца еще один проект. Летом 1975 года состоялись

предварительные просмотры его последнего фильма «Семеймый сюжет». Мне повезло — я оказался в то время в Калифорнии, попал на картину, которая вышла на большой экран
лишь в апреле следующего года, и вновь слушал Алфреда Хичкока целое субботнее утро на встрече, организованной инициативными преподавателями колледжей, жителями Беверли
Хиллз и Орэндж-каунти, живописных уголков Большого ЛосАнджелеса. Мастер вышел к народу неспешным семенящим
шагом, неловко и осторожно неся свое грузное тело. Выразительно произнес — «Добрый вечерь: за окнами сияло яркое
солице, в зале яблоку негде было упасть, но от этого привесствия, тысячи раз звучавшего из его уст с экранов телевизоров (перед «сеансом кошмаров»), мороз пробирал по коже.
А он мило беседовал, шутил, отвечал на вопросы...

Его последнюю ленту предлагали назвать «Нечто из Хичкока», но «Семейный сюжет», так он считает, звучит интригующе. Да и это «наиболее веселый» его фильм — «комический
триллер». Теперь, к сожалению, почти разучились владеть
этим жанром. В США литературный триллер не считается
престижной работой, как в Англии, во времена, скажем, Уилки Коллинза. Впрочем, хорошая литература вовсе не обязательно становится блестящим фильмом. Каждый раз — это
риск. это работа с иуля.

Насилия на экране он всегда избегал (1), обратили ли внимание, что «даже «Психоз» сделал в черно-белом варнанте, пабы не снились потом цветные кошмары». Дв, в одной из недавних работ, ленте «Исступление» (1971) о респектабельном сексуальном маньяке-душегубе, есть неофрейдистские мотивы. В разработке сценария фильма почти согласился сотрупничеть В. В. Набоков, но после долгих переговоров писатель все-таки отказался: его свмого в новом герое волновало «социальное бессознательное», он котел рассмотреть существование этой личности лишь как миф, иллюзию, некое связующее звено между искаженными или фантастическими образами. Но нет, он не стращал: всегда старался соблюсти такт и грубо не пугать. Помучить, продлить кошмар — да. Но к зверствам в своих произведениях никогда не призывал, хотя с удовольствием исследовал преступные характеры, неординарных типов. Читает ли собственные сборники страшных историй? Нет, теперь, на склоне лет, отдает предпочтение бнографиям интересных люден. Глядя в «волшебное зеркало», что видит в будущем, какой кинематограф, ну, скажем, лет через пять? Предсказывает бурное развитие видеотехники, будут смотреть его ленты дома, но и в театры кодить не перестанут. И, наконец, подводящая итог беседы, «нетактичная» записка: «Скажите, это последний ваш фильм?» И бодрый ответ под вплодисменты зала: «Нет, не последний, ведь я все тот же «мальчик-режиссер» (так называли Хичкока в далеком 1926-м)... Но, к сожалению, ошибся мастер, «Семейный сюжет» подвел черту его творческой биографии. Оставшнеся годы жизни, хоть и пролетели как одно мгновение, были свмыми трудными, словно никак не могли коичиться.

Музей искусста в Лос-Анджелесе организовал ретроспектный показ всех до единой его картин — зал не вмещал всех желающих увидеть произведения художника-легенды, при жизни признанного классиком. В штате Массачусетс один из дней праздновали как день Алфреда Хичкока... а он, устав от чествований, думал о том, что слава в конце жизни — только бремя, здоровья не вернуть: работу сердца уже давно поддерживал стимулятор. Призы и почетные награды ему спешили вручить один за другим, словно боясь опоздать, а он то элоупотреблял своим любимым ликером «Куантро» на торжественных обедах в его честь, то вполне серьезмо утверждал, что любимые его темы — это еда, напитки, голливудские слухи и лишь потом кино (именно в таком порядке), то впадал в полную депрессию. Все откладывалась и откладывалась работа над новым проектом под условным названием «Ночь коротка».

Дома его старалась отвлечь, как могла, жена, изредка навещала дочь. В ввгусте 1979-го ему исполнилось 80 лет: английская королева сделала его кавалером ордена Британской империи — 3 января 1980 года в его офисе на студии «Юниверсал» консул вручил сэру Хичкоку награду Ее Величества. Всю церемонию он просидел в кресле, погруженный в раздумья, словно дремал с открытыми глазами. 16 марта его еще синимали для телевидения... Алфред Хичкок скончался 29 апреля, утром — тихо и покойно.. Но тень мастера (тот свмый черный человек) осталась жить...

Ведут рубрику Павел БОН ДАРОВСКИЙ и Алексанир НАЛОЕВ

Lee Aaron Ли **Ааро**н

Канадская пеанца. Настоящее нмя: Karen Greening. 21.VII.1963, Toronto.

В 15 лет вошла в состав школьного ансамбля, называвшегося «Lee Aaгол», где не только пела, но и играла на клавишных и саксофоне. Группа вскоре распалась, и Карен, взяв ее название в качестве псевдонима. попыталась начать сольную карьеру, однако в 1980 году уалеклась рекэкстравагантной ламированием одежды в журналах мод. Предложений, благодаря ее блестящим внешним данным, было немало, н Ли Аарон переселилась из Торонто в Лос-Анджелес - главную «кузницу» американской моды. Год спустя любовь к музыке все-таки взяла верх, и начинающая певица записала на фирме «Freedom Records» дебютный альбом «The Lee Aaron Project» (1981). В его созданин принимали участие известные канадские музыканты из ансамблей «Моху», «Saniers» (стиль хард-эндхэви), а также певец и гитарист из группы «Triumph» Rik Emmett, выступивший и в роли продюсера Диска Пластинка получила высокие оценки критиков, отметивших самобытность вокаль Ли Аарон, сравнимого лишь с уникальным голосом американской певицы Janis Joplin. В 1982-м Аврон заключила контракт с фирмой грампластинок «Roadrunner Records», которая прежде всего переиздаль ее дебютный альбом (под названием «Lee Aaron»). В этот пернод начинает формироваться постоянный аккомпаннрующий состав певицы; его первыми участниками сталн Dave Aplane (гитара). Gene Stout (бас-гитала) и Bill Wade (уларные), однако в 1983-м всех их сменнли иовые музыканты: George Bernhardı (гитара), John Albani (гитара), Jack Meli (бас-гитара), Attila Demjen (ударные; вскоре его место занял Frank Russell). Лн Аарои активно гастролирует: Канада, США, затем Великобритания, где она в сопровождении английской группы аыступает в знаменнтом лондоиском клубе «Marquee», а чуть поэже, уже со своим ансамблем, участвует в музыкальном фестивале «Reading Festival». Второй альбом, «Мета Queen» (1983, продюсер - Paul Cross) приносит Ли Аарон титул «первой ледн» стиля хард-энд-хэвн. Ставший лидером ее группы Джон Олбани почти полностью меняет состав: приходят Simon Briarley (гитара). Chris Brockaway (бас-гнтара) и Кіт Нипт (ударные). С нимн певица выступила 30 марта 1985 года на голландском фестивале хэвн-метал-рока «Aardschock». Третий альбом, «Call Of The Wild» (1985), Ли Аарон записывала с помошью студийных музыкантов, ко-

торых отобрал продюсер пласти Bob Ezrin, до этого работавший с группой «Kiss». Это Dick Wagner (бас-гитара, вокал), Jerry Mercer (ударные), Walter Zwol (бас-гитара), Spider Sinnaeve (бас-гитара). Все партии соло-гитары исполнил Джон Олбани, а Боб Эзрин — партии клавишных. Альбом имел огромный успех, особенно песня «Rock Me All Over». Хуже приняла публика следующий диск, вновь названный просто «Lee Aaron» (1987, продюсер - Peter Coleman, автор композиций - Joe Lynn Turner). Критика отметила отход певицы от канонов стиля хэвн-метал в сторону коммерческой музыки. Олбани а очередной раз произвел замены в аккомпанирующей группе (пришли Jim Belzer - кливишные, Rhandy Coole - ударные; вернулся Крнс Брокзуэй), и звучание песен обрело прежнюю жесткость, линамичность... Ли Аврон одна из немногик певиц, кого приглашают для участия в записи дисков ведущие группы стиля хард-энд-кави («The Scorpions», лидер канадского ансамбля «April Wine» Myles Goodwyn).

Дискография: The Lee Aaron Project (1981, Freedom Rec.); Lee Aaron (1982, Roadrunner Rec., переиздание); Metal Queen (1983, Roadrunner/Attic, EP, hits, U. K. only); Lee Aaron (1983, Roadrunner/Attic, переиздание); Call Of The Wild (1985, Roadrunner, original).

Адрес: c/o Roadrunner Records, R. O. Box 53013, NL-1007 RA, Amsterdam, Holland.

Abba **А**бба

Шведский квартет. 1970—1982.

Coctan: Anni-Frid (Frida) Lyngstad-Fredriksson (15.XI.1945, Narvik, Norway) — вокал, Адпена

Päitskog (5.IV.1950, Jönköping, Sweden) — вокал, Вjörn Christian Ulvaeus (25.IV.1945, Göteborg, Sweden) — гитара, вокал, Goran Bror Benny Andersson (16.XII.1946,

Stockholm) — клавишные, вокал.

Каждый из участников квартета был известен в Швеции еще в 60-е годы. Бенни начинал музыкальную карьеру в поп-группе «The Hep Stars». В 1966 году познакомился с Бьёрном и присоединился к его группе «The Hootenanny Singers». Продюсером этого коллектива с 1963 года был Slig Anderson — глава только что основанной фирмы «РоІаг Musics. Анни-Фрнд начала выступать как певица в 13 лет; 3 сентября 1967 года дебютировала в музыкальной программе шведского ТВ. В 1969-м.

Мальмё, познакомилась с Бении. В том же году звездой шведской поп-сцены стала Агнета — с собственной песней «I Was So In Love». Профессиональную карьеру Агнета начала в 15 лет, а в 17 уже подписала контракт со шведским филиалом корпорации «CBS Records». На съемках телешоу познакомилась с Бьерном... Как квартет будущие члены «Аббы» впервые выступили в ноябре 1970 года. В 1971-м аышел их первый альбом, «Lvcka», где основные вокальные партии исполняли Бении и Бьёри, а Агнета и Фрида лишь подпевали. Название «Абба» (аббревиатура из первык букв имен) ансамбль принял в 1973 году по предложению Стига Андерсона. Записанная аскоре песня «Ring Ring» попала в списки европейских шлягеров, а в 1974-м «Абба» приняла участие в конкурсе «Евровидения» («Eurovision Song Contest») и 6 апреля заняла первое место с композицией «Waterloo», возглавившен хит-парады всех европейских стран и вошедшей в десятку лучших (№ 6) американской таблицы популярности. У молодежи, однако, конкурс «Епровидения» авторитетом не пользовался, и прошло 18 месяцев, прежде чем «Абба» завоевала снипатни юных любителей музыки. Квартет добился этого синглом «SOS». Отныне каждой песне, каждой пластинке ансамбля сопутствовал трнумфальный успех, объяснявшнися не только выдающимся талантом авторской пары Андерссон-Ульвеус и высоким уровнем исполнения, но и усилнями Стига Андерсона, оборудоаавшего для «Аббы» лучшую в Швецин студию звукозаписи. С помощью электроники удалось добиться мошной полнфонин инструментального сопровождения, близкого к симфоническому. Наряду с многоголосием умело использовалось пенне в унисон, подчеркивавшее лидирующую вокальную тему. В сочетании с красивыми, запоминающимися мелолиями все это и определило стиль «Аббы». карактерный В 1975 году первые места в британском хит-параде занимали песни «SOS», «Матта Міа», в начале 1976-ro - «Fernando». Komnosutum «Dancing Queen» возглавила таблицы популярности по обе стороны Атлантики. Огромным успехом пользовались синглы «Money Money», «Knowing Me Knowing You», «The Name Of The Game», «Take A Chance On Me». В 1977 году квартет совершил длительное турне по многим странам: во время выступлений в Австрални был снят полнометражный музыкальный фильм «Abba», с успехом демонстрироваашийся и в СССР. Между тем все новые и новые песни группы занимали высокие строчки в хит-парадах: «Chiquitita», «Does Your Mother Know», «Voulez-Vous», «Gimme Gimme Gimme (A Man After Midnight)», «I Have A Dream», «The Winner Takes It All», «Super Trouper». От дисков, представлявших собой по сути сборники шлягеров, ансамбль перешел к соз-

выступая в одном из ночных клубов

ланию концептуальных альбомов. близких к сюитной форме. Вершинной творчества «Аббы» стал в этом плане альбом «Super Trouper». В начале 80-х участники квартета начали уделять больше винмания коммерции и предпринимательству, сольной работе, и коллективное творчество отошло на второй план. В 1982 году ансамбль фактически сошел с мировой рок-сцены. Ни самостоятельные пластинки Агнеты и Фриды, ни написанный Бенни и Бьёрном мюзикл «Chess» (либретто — Tim Rice) не имели и малой доли былого успеха квартета.

Днекография: Lycka (1971, Polar Music); Ring Ring (1973, Polar Music); Waterloo (1974, Polar Music); Greatest Hits (1976, Polar Music); Greatest Hits (1976, Polar Music); The Album (1977, Polar Music); Greatest Hits, vol. 2 (1979, Polar Music); The Music); Youlez-Vous (1979, Polar Music); Youlez-Vous (1979, Polar Music); The Super Trouper (1980, Polar Music); The Visitors (1981, Polar Music); The Spanish Album — Gracias Por La Musica (1981, Polar Music); The Singles — The First Ten Years (1982, Polar Music), thts).

АВС Эй-Би-Си

Английский ансамбль. Основан в 1980 году.

Начальный состав: Martin Fry (9.111.1958) — вокал, Mark White гитара, клавншные, Stephen Singleton — альт-саксофон, David Palmer — ударные.

Aдрес: Charter Club, P. O. Box 92, Sheffield SLI 1LP, England.

Группу образовали молодые рабочие одного из шеффилдских заводов. Около двух лет коллектив имел статус полупрофессионального, и лишь в 1982-м его творчеством заинтересовалась фирма грампластинок «Neutron Records», предложившая музыкантам контракт. Первые же выпущенные синглы, «Look Of Love» и «Poison Arrow», записанные под руководством продюсера Тревора Хорна (Trevor Horn, пел в ансамблях «The Buggles», «Yes»), пользовались огромным успехом. Самобытный композиторский и поэтический талант Мартина Фрая обеспечнл и высокий тираж дебютного альбома «The Lexicon Of Love» (1982). За первый месяц было раскуплено 200 тысяч экземпляров; 17 июля диск возглавил национальный хит-парад Великобритании и вскоре стал «золотым». Построенные на ритмике лиско-фьюжи, композиции пластинки выдержаны в традициях музыки фанк и соул с разнообразными рок-элементами. Особенно впечатляющи мощные пассажи клавишных в сочетании с отрывистыми риффами духовых и струнных инструментов. Вокальная манера Фрая напоминала поп-арни Дэвида Боум (David Bowie) и Бовияна Ферри (Bryan Ferry). Звучание композиций на сцене практически не отличалось от студийного, котя ансамбль активно использовал электронные эффекты, подчас не менее сложные, чем на дисках группы «Pink Floyd»... На втором альбоме, «Beauty Stab» (1983), акцент в звучанин перемещен на гитарные партии. Стилнстически пластнику можно отнести к поп-фанк-року, но присутствуют и элементы глиттер-рока духе ансамбля «Roxy Music». В национальный хит-парад вошла композиция «That Was Then And This Is Now». Два следующих года группа не выступала и не делала новых записей, вновь о ней заговорили лишь в 1985-м, когда появился диск «How To Be A... Zillionairel». Стиль коллектива значительно изменнися: из всех песен пластинки только одна («Ве Near Ме») напоминала по солержанию лирику дебютного альбома, язык остальных резче, саркастичнее. В хит-парад вошли песни «How To Be A Millionaires, «So Hip It Hurts», «Vanity Kills». На диске активно выделяется ритмика музыки рэп... Олна из наиболее значительных синтезаторных групп 80-х годов, «Эй-Би-Си» на редкость гармонично сочетает звучание электронных и акустических (скрипка,

Днскография: The Lexicon Of Love (1982, Neutron Rec.); Beauty Stab (1983, Neutron); How To Be A... Zillionaire! (1985, Neutron); Alphabet City (1987, Neutron).

арфа, цимбалы) инструментов,

Mick Abrahams Мик Эйбрэхэмс

Английский гитарист, певец, композитор. 7.1V.1943, Luton.

В 1967 году явился одинм из основателей ансамбля «Bag Of Blues», вскоре перенменованного в «Jethro Tull». В конце 1968-го, из-за разногласий с лидером коллектива Изном Андерсоном (lan Anderson), Мик покннул ансамбль и основвл новыи - «Blodwyn Pig», - но после выхода двух альбомов расстался и с ним. В начале 1971-го сформировал rovnny «The Mick Abrahams Band» в составе: Bob Sargeant (клавишные, гитара, вокал), Walt Monaghan (бас-гитара, вокал), Ritchie Dharma (ударные, экс-«The Dharma Blues Band»). Композиции дебютного дисka. «A Musical Evening...» (1971). выдержаны в духе ранних записей «Джетро Талл». Второй и последний альбом группа создавала с участием саксофониста, флейтиста и скоипача Джека Ланкастера (Jack Lancaster. экс-«Блодунн Пиг»). Пластинка более самобытна, демонстрирует блестишее владение техникой как джаз-рока, так и традиционного блюза.

Дискографня: «Мик Эйбрэхэмс Бэнд» — A Musical Evening With

Mick Abrahams (1971, Island Rec.); At Last (1972, Chrysalis Rec.).

Ассерт Эксепт

Западногерманский ансамбль. Основан в 1977 году.

Начальный состав: Udo
Dirkschneider — вокал,
Jörg Fischer — гитара, Wolf
Hoffman — гитара, Peter Balies —
бас-гитара, Stefan Kaufmann —

уларные. Группа с таким названием начала выступать в ФРГ еще в середине 70-х. но из-за частых перемен в составе и стидевой неопределенности успеха не имела. Лишь в самом конне 1977 года сложился стабильный коллектив по главе с пеацом Уло Диркшнайдером, Заключив контракт с фирмой «Metronome Records». ансамбль выпустил дебютный альбом «Ассері» (1978), после чего почтн год гастролировал по городам ФРГ. Второй диск вышел на англичской фирме «Logo Records» («I'm A Rebel», 1980), но у британских слушателей большим спросом не пользовался: коитнка отметнла слишком явное следование стилистическим концепциям группы «Deep Purple».

Тем не менее популярность «Эксепт»

в континентальной Европе быстро посла, и в 1981 году, после появлення альбома «Breaker», коллектив совершил совместное бонтанское турне с ансамблем «Judas Priest». В начале 1982-го группу покннул Фишер. Записанный уже без него диск «Restless And Wild» (1982) стал поворотным в творчестве «Эксепт»: блюзовые интонации на фоне традиционного хард-рока сменились жесткими, «металлическими» обертонами. С пришедшим на место Фишера гитаристом Херманом Франком (Herman Frank) коллектив вновь отправнися на гастроин, после чего на время покннул сцену и лишь в феврале 1984-го выпустил альбом «Balls To The Wall». С программой, составленной на основе включенных в диск песен, группа совершила турне по Великобританин (без Франка, но с вернувшимся Фишером), а затем и по США, где выступала в совместных концертах с такими суперзвездами стиля хард-энд-хэви, как Ozzy Osbourne н группа «Kiss». Альбом «Balls To The Wall» попал как в хит-парад по категории кэвнметал, так и в общенациональную таблицу популярности США... В 1987 году Удо Диркшнайдер основал собственный ансамбль, «U.D.O», а в «Эксепт» его сменил сперва Rob Armitage, затем - Dawid Greese. Осенью 1988 года снова пасстался с ансамблем Фишер.

Дискография: Accept (1978, Metronome Rec.); Pm A Rebel (1979, Logo Rec.); Breaker (1981, Metronome/Polydor Rec.); Restless And Wild (1982, Heavy Metal Rec.); Best Of Accept (1983, Polydor, hits); Balls To The Wall (1984, Portrait Rec.); Metal Masters (1984, Razor Rec., 2LP, перензд. дисков «I'm A Rebel» и «Breaker»); Metal Heart (1985, Portrait); Kaizoku-Ban (1986, Portrait, live); Russian Roulette (1986, Portrait); Hungry Years (1986, Portrait, hits); Animal House (1987).

АС/ДС Эй-Си/Ди-Си

Австралниский ансамбль. Основан в 1973 году.

Начальный состав: Angus Young (31.111.1959) — гитара, Malcolm Young (6.1.1953) — гитара, Bon Scott (9.VII. 1946) — вокал, Mark Evans — бас-гитара, Phil Rudd (19.V.1946) — ударные.

Адрес: 11 Leominster Road, Morden, Surrey SN4 6AN, England; или — 18 Watson Close, Bury St. Edmonds, Suffolk, Endland.

Малколм и Энгус Янг родились в Шотландин, но в 1963 году переселились с семьей в вистралийский город Сидней. Энгус уже в пять лет освоил банджо. Малколм в двенадцать вошел как гитарист в состав школьного ансамбля. Образцом для подражания нм служила в тот пернод группа «The Rolling Stones». Так н не окончна школу, братья в буквальном смысле шагнули из-за парты прямо на профессиональную сцену. Название для образовавшейся в 1973-м группы «подсказала» надпись на корпусе пылесоса: «АС/DC («переменный ток/постоянный ток»). «Переменно-постоянным» был и самый ранний состав ансамбля: ядро его образовали Мвлколм н Энгус Янг, а ведущим вокалистом поначалу являлся Dave Evans. Вскоре группа отправнлась в свою первую гастрольную поездку. Шофером автофургона, перевозившего аппаратуру, оказался некий Бон Скотт, тоже шотландец; прежде он пел и играл на ударных в любительских ансамблях, исполнявших ритм-энд-блюз. Он и стал солистом «Эй-Си/Дн-Сн», заменив Эвансв. Группа орнентировалась на жесткий варнант блюзрока и ритм-энд-блюза. Хэви-металрок зазвучал позднее, когда сольные гитарные пассажи прнобрелн ураганную скорость, а ритмическая пульсация ударных стала самодовлеющий. Первые же два альбома группы, «High Voltage» н «T.N.Т.», стали в Австралин «платиновыми», а в 1976-м ансамбль дебютировал и на англо-американском рынке с дискомсборником «High Voltage», составленным из лучших композиций обоих австралниских альбомов. Тогда же коллектив отправился в междунаролное турне, завоевав огромную популярность как в Великобритании. так и в континентальной Европе. По возвращении, в ноябре, музыканты записали свой третий опигинальный диск, «Dirty Deeds Done Dirt Сћеар» (1976), тоже имевший крупным успех, а в марте 1977-го вновь гастролировали в Европе. В июле появился альбом «Let There Be

Rock» — первая пластинка группы, нзданная одновременно в Австралии, Европе и США, - а в августе ансамбль дебютировал перед американской публикой. Незадолго до поездки ушел Марк Эванс (основал собственный коллектив, «Contraband»), его сменил бас-гитарист Cliff Williams (14.XII. 1949, экс-«Home»), отобранный в Лондоне из более чем 50 претендентов. Оба альбома 1978 года — «Powerage» (май) и «If You Want Blood...» (ноябрь; концертный) - заняли высокне места в австралийском и европейских хит-парадах, а лиск «Highway To Hell» (июль 1979) завоевал н американскую аудиторию, став в США «платиновым»... 19 февраля 1980-го Бон Скотт был обнаружен мертвым в своем автомобиле, припаркованном на одной из улиц Лондона (алкогольное отравление). В результате конкурса с 19 апреля новым солнстом ансамбля стал англичании Вгіап Johnson (3KC-«Geordie»). C HHM группа записала едва ли не лучиций альбом — «Back In Black» (1980). Тираж пластинки превысил 8 миллионов экземпляров; изданный в восьми странах, он принес ансамблю 27 «золотых» и «платиновых» наград. 26 декабри 1981 года диск «Эй-Си/ Дн-Сн» («For Those About To Rock...») впервые возглавил вискатегорийный хит-парад США. В 1983-м такои же успех имел альбом «Flick of The Switch» - послед-

няя пластинка, в записи которой участвовал Фил Радл: в августе он покинул группу и вообще рок-сцену, поселнвшись в Мельбурне, Его место занял Simon Wright (3KC-4Tytans). 1984-й и начало 1985 года ансамбль провел в гастрольных поездках по городам США, континентальной Европы, Великобританин, Латинской Америки, после чего записал в Швейцарин альбом «Fly On The Wall» (вышел в июне 1985-го). Диск «Who Made Who?» представлял собой звуковую дорожку филь-Ma «Maximum Overdrive». B дальнейшем группа взяла почти годовой «тайм-аут» и очередной альбом выпустила лишь в 1988 году --- «Blow Up Your Video». Пластинка подтвердила СЛЯВУ КВИНТЕТА КАК ОЛНОГО НЗ самых значительных ансамблей стиля хвод-энд-хэви. В том же году ушел Малколм Янг; новым гитаристом стал Stevie Young (akc-The Starfighters»). Дискография: High Voltage

(1975, Albert Rec.); T. N. T. (1975, Albert); High Voltage (1976, Atlantic Rec., compilation); Dirty Deeds Done Dirt Cheap (1976, Atlantic); Let There Be Rock (1977, Atlantic); Powerage (1978, Atlantic); If You Want Blood — You've Got It (1978, Atlantic, live); Highway To Hell (1979, Atlantic); Back In Black (1980, Atlantic); Dirty Deeds Done Dirt Cheap (1981, Atlantic);

перензд.); For Those About To Rock — We Salute You (1981, Atlantic); Flick Of The Switch (1983, Atlantic); '74 Jailbreak (1984, Atlantic, EP); Fly On The Wall (1985, Atlantic); Who Made Who? (1986, Atlantic, soundtrack); Blow Up Your Video (1988, Atlantic).

Асе Эйс

ударные.

Английский ансамбль. 1972—1978. Начальный состав: Alan «Ват» King (18.IX.1946 — гитара, вокал, Phil (Phillip) Harris (17.VII.1948) гитара, вокал, Terry «Тех» Comer (23.II.1949) бас-гитара, вокал, Paul Carrack (21.IV.1951) — клавишные, вокал, Fran (k) Byrne (17.III.1948) —

Элэн Кинг начинал профессиональную карьеру ритм-гитаристом в лонлонском ансамбле «The Boyfriends». аккомпанировавшем поп-соул-пеанце Сандре Браун (Sandra Brown). Терри Камер и Пол Кэррэк в конце 60-х играли в группе «Warm Dusi». синтезировавшей прогрессив-рок в духе ансамбля «Genesis» и элементы джаз-рока. Фил Харрис работал сешн-музыкантом... Образованная по нинциативе Элэна Кинга под Рождество 1972 года, группа «Эйс» аыступала исключительно в небольших столнчных кафе н закусочных (поангл. pub) и, как большинство коллективов «новой волны» английского паб-рока, крайне редко получала приглашения дать концерт в том или ином престижном клубе, что, впрочем, не расстранвало музыкантов, предпочитавших «камерное» звучание и дороживших непосредственным контактом с публикой, практически невозможным на большой сцене. Группа избрала мелодичный и несложный варнант кард-рока с гармоническим вокальным многоголоснем. Массовое винмвине она привлекла летом 1974-го, когда вышел ее дебютный альбом «Five A Side». Однако по-настоящему крупный успех принесла ансамблю композниня «How Long», появившаяся на сингле в октябре того же года и попавшая сперва в бритвиский хит-парад, а позднее занявшая третье место и в американском, что было неожиданностью, поскольку прежде паб-рок не пользовался в США популярностью. Вскоре после выхода диска «Time For Another» (1975) группа отправилась в Соединенные Штаты на гастроли, прошедшие очень успешно. Выпустив еще один альбом, «No Strings» (1977, с участием певца и гитариста Йона Вудхеда - Jon Woodhead), коллектнв распвлся. Но и при этом продолжительность и успешность его карьеры почти рекордны для паброк-ансамблей, большинство которых распадались после первого же диска (исключение — «Brinsley Schwarz»).

Дискография: Five A Side (1974, Anchor Rec.); Time For Another (1975, Anchor); No Strings (1977, Anchor)

Ace Records Эйс Рекордс

Английская независимая фирма грампластинок Владелец - Ted Carroll.

Переиздание записей рок-н-ролла

Адрес: 48-50 Steele Road, London NW 10, England.

Bryan Adams Брайан Эдэмс

Канадский певец, гитарист, 5.X1.1959, Kingston, Ontario. Адрес: c/o Bruce Allan Taleni. Dept 406, 68 Walter Street, Vancouver, British Columbia, Canada V6B-1A4.

В 16 лет стал лидером ванкуверского ансамбля «Sweeney Todd», но группа вскоре распалась. В 1977 году познакомился с Лжимом Вэлленсом (Jim Vallance), музыкантомлюбителем, исполнявшим, как и Эдэмс, песни собственного сочинения. Объединив усилня, они разослали несколько совместно написанных композиций наудачу в разные фирмы. Песня «Let Me Take You Dancin'» принесла авторскому дуэту успех: фирма «A&M Records» выпустила ее на сингле а диско-аранжировке. Менее чем через год композиции Эдэмсв и Вэлленса появились на пластинках Боба Уэлча (Bob Welch), Бонни Тайлер (Bonnie Tyler), ансамблей «Bachman-Turner Overdrive», «Kiss»... В 1980-м та же фирма «А&М» выпустила дебютный сольный альбом Брайана Эдэмса, в работе над которым ему помогали Keith Scott (гитара), Johnny Blitz (клавишные). Dave Taylor (бас-гитара). Рас Steward (ударные). Эти же музыканты составили аккомпанирующую гоуппу певца, а его менеджером стал Bruce Allen. Второй лиск Элэмса. «You Want It. You Got It» (1981). вывел его в восходящие звезды софти хард-рока. Песня «Straight From The Hearts с этой пластинки попала в 1982 году в десятку лучших канадского хит-парада, и певцу предложили совершить гастрольное турне по США. В ходе поездки он участвовал в совместных концертах с группами «The Kinks», «Loverboy», «Foreigner». Выступления Эдэмса пользовались большим успехом. Целый ряд композиции его следующего альбома, «Cuts Like A Knife» (1983), вошли в национальный кит-парад США, а сам диск разошелся тиражом свыше миллиона экземпляров. В 1983 году Брайан 283 дня провел в гастрольных поездках, выступив в США, Европе, Японии. На четвертый альбом, «Reckless» (1984), только предваригельных заявок поступило более миллиона. После выхода пластинки Элэмс вновь отправился на гастролн в Европу, на этот раз вместе с певи-

цен Тиной Тёрнер (Tina Turner). Сразу три песни с записанного по возвращении диска «Into The Fire» (1986) - «Summer Of 69», «One Night Love Affair» и «It's Only Love» - заняли высокие места в международных таблицах популярности. Композиции Брайана Эдэмса построены как правило на оригинальных, запоминающихся мелодиях и апанжированы в духе товлиционного рока с достаточно жесткими акцентами, что обеспечивает ему почти равный успех у поклонников попмузыки и кард-рока.

Дискография: Bryan Adams (1980. A&M Rec.); You Want It, You Got It (1981, A&M); Cuts Like A Knife (1983, A&M); Reckless (1984, A&M); Into The Fire (1986, A&M).

Lou Adler Лу Эдлер

Американский композитор. продюсер, менеджер, бизнесмен.

Одна из значительных фигур ранне-

го пернода развития рок-музыки. Стоял у истоков и активно содействовал распространению уэсткоуст-рока -- разнопланового стидевого направления, зародившегося на Западном побережье США (Сан-Фланциско Лос-Анджелес) и достигшего своего расцвета в 1966-1967 годах. Профессиональную карьеру начинал в 1957-м как штатный композитор независимой фирмы грампластинок «Keen Records» (влалелец — Bob Keen). В 1958-м вместе с Хербом Элпертом (Herb Alpert) продюсировал первую запись дуэта «Jan and Dean» - песню «Baby Talk». влияние которой яаственно ощущается на дебютном сингле «Surfin'» (1961) группы «The Beach Boys». В 1959-м в соавторстве с Элпертом и Сэмом Куком (Sam Cooke) им написаны песни «Only Sixteen» и «Wonderful World», возглавившие а исполнении Кука национальный хитпарад США. В дальнейшем многие солисты и ансамбли добивались успека как с пераой (Craig Douglas, «Dr. Hook»), так и со второй (Johnny Nash, Bryan Ferry, «Herman's Hermils», Art Garfunkel) композициями. В 1961-м Эдлер и Элперт основали собственную фирму «Shardee Records», где начинал карьеру Lou Rawls -- один из выдающихся негонтянских исполнителей госпелз и рок-и-родда. Впоследствии их пути разошлись: Элперт и Jerry Moss в 1962 году образовали фирму грампластинок «A&M Records». Эдлер в 1964-м - фирму «Dunhill Records». где его главными помощниками стали композиторы и продюсеры Р. F. (Philip «Plip») Sloan и Steve Barri. Одной из первых звезд фирмы явился Barry McGuire (экс-«The New Christy Minstrels»), чей сингл «Eve Of Destruction» (авторы и продюсе-- П. Ф. Слоун н Стив Баррн) 25 сентября 1965 года возглавил американский кит-парад. В том же году фирма выпустила дебютнын альбом квартета «The Mamas and The

Papas». Лу Эдлер и лидер ансамбля «Мамаз энд Папвз» John Phillips выступили инициаторами и главными организаторами первого Монтерейского поп-фестиваля («The Monterey Pop Festival»), состоявшегося 16-19 нюня 1967 года. **В фестива**ле приняли участие группы «The Blues Projecte, «Booker T. & The MG's», «Buffalo Springfield», «The Paul Butterfield Blues Band», «The Byrds», «Canned Heat», «Country Joe and The Fish», «The Electric Flag», «The Grateful Deade, «The Jefferson Airplane». «The Mamas and The Papas», «The Whow, Jimi Hendrix, Janes Joplin, Otis Redding, Ravi Shankar. Pemuccep Don A. Pennebaker снял об этом музыкальном празднике полнометражный документальный фильм. В том же году Лу Эдлер основал фирму грампластинок «Ode Records», ставшую знаменитой благодаря выпущенному через несколько месяцев синглу Скотта МакКензи (Scott McKenzie) «If You're Goin' To San Francisco», разошедшемуся многомиллнонным тиражом. В 1968-м Эдлер заключил контракт с певицей и композитором Carole King, вершиной сотрудничества с которой стал ее сольный диск «Тареstry» (1971), на 15 недель возглавивший национальный хит-парал США: тираж пластинки превысил 15 миллионов экземпля ров... В дальнейшем Лу Эдлер расширил сферу своей деятельности. активно работая в самых разных областях шоу-бизнеса, включая кино, театр, варьете.

Aerosmith Эйросмит

Американский ансамбль. Основан в 1970 году.

Начальный состав: Steve Tyler (26.111.1948) — вокал, Brad Whitford (23.II.1952) — гитара. Joe Perry (10.IX.1950) — гитара, Tom Hamilton (31.X11.1951) бас-гитара, Јосу Кгатег (21.V1.1950) — ударные.

Один из ведущих американских ансамблей стнля хард-энд-хэви. Основан певцом Стивом Тайлером и гитаристом Брэдом Унтфордом. Первое время коллектив выступал в клубах штата Нью-Гемпшнр, но в 1972 году обосновался в Бостоне. В 1973-м появился дебютный альбом ансамбля, а уже через несколько месяцев - второн диск, «Get Your Wings», ставший в США «платиновым». Тираж третьего, «Toys In The Attic» (1974), за считанные нелели превысил миллион экземпляров Наиболее карактерными для «Эйросынть являлись композиции выдержанные в традициях классического блюза, но аранжированные в духе жесткого рока, а в отдельных случаях — и хэви-метал-рока. Альбом «Rocks» (1976) занял в американском хит-параде третье место и стал дважды «платнновым». Совсем немного уступил ему в тираже следующни днск, «Draw The Line» (1978). В 1978 году музыканты снялись в

фильме «Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band» (продюсер - Robert Stigwood: по мотивам творчества квартета «The Beatles») и исполнили в собственной интерпретации песню «Come Together» (продюсеры записи - Jack Douglas и George Martin). В обрвботке «Эйросмнт» эта композиция завоевала в Америке едва ли не большую популярность, чем в свое время оригинал. В 1979-м группу покниул Джо Перри, основавший собственный коллектив. «The Joe Perry Project». Новым гитаристом стал Jimmy Стевро. После очередной гастрольной поездки, в конце 1981-го, ушел Брэд Унтфорд, образованций хард-рок-дуэт с Лереком Холмсом (Derek St. Holmes, гитара). Место Унтфорда занял гитарист Rick Dufay. Выступления, однако, вскоре пришлось прервать: Стив Тайлер попал в мотоциклетную катастрофу, и ансамбль на время лишился вокалиста. Новый диск квинтета. «Rock In A Hard Place», появился лишь в конце лета 1983-го, но был настолько удачным, что уже 25 сентября попал в национальный хит-парад. В 1984 году вернулись Перри и Унтфорд, и группа продолжила карьеру а первоначальном составе.

Дискография: Aerosmith (1973, CBS Rec.); Get Your Wings (1973, CBS); Toys In The Attic (1974, CBS); Rocks (1976, CBS): Draw The Line (1978, CBS); Live Bootleg (1978, CBS, live); Naght In The Ruts (1979, CBS); Greatest Hits (1980, CBS, hits); Rock Giants (1982, CBS, hits); Rock In A Hard Place (1983, CBS); Done With Mirrors (1985, Geffen Rec.); Live Classics (1986, Geffen, live); Live Classics, vol. 2 (1987, Geffen, live); Permanent Vacation (1987, Geffen).

A-ha A-Xa

Норвежское трио. Основано в 1984

Начальный состав: Morten Harket (14.1X.1959) — вокал, Мадпе «Mags» Furuholmen (1. XI.1962) гитара, Pal Waaktaar (6.1X.1961) --синтезаторы.

Адрес: The Official A-Ha Info Service. Winterland Rock Ehpress. P.O.Box 203, Watford, Hertfordshire WD31 3YA, England

На международной сцене ансамбль появился в 1985 году, став победителем музыкального конкурса «Евровидения». Его первая песия, «Таке On Me», завоевала широкую популярность прежде всего благодаря оригинальному видеоклипу. Успех группа подкрепила новыми синглами: «The Sun Always Shine On TV», «Train Of Though», «Hunting High And Low». Дебютный диск тоно. «Hunting High And Low» (1985), no. результатам опроса, проведенного западногерманским журналом «Рор Rocky», был признан лучшим альбомом года, ансамбль же - лучшим

ансамблем года. По данным того же рождения «Эйр Сепплай», но уже как опроса, вокалист «А-Ха» Мортен Харкет явился вторым среди певцов, уступив лишь австрийцу Falco. После квартета «Abba» это был первый случай, чтобы ансамбль из неанглоязычной страны получил статус лидера мировой рок-музыки, особенно укрепившнися в ходе кругосветного турне 1986 года, когда трно дало более 200 концертов. В том же году вышел очередной альбом группы, «Scoundrel Days», сразу несколько песен которого попали в десятки лучших во многих странах («l've Been Loosing You», «A Blue Sky», «Manhattan Skyline»). Стилистически «А-Ха» тяготеет к мелодичному варианту музыки «новой волны»: активно использует синтезаторы и вообще новейщие достижения электроники. В создании композиций и видеоклипов большую помощь музыкантам оказал продюсер Alan Tarney.

Дискография: And Low (1985); Scoundrel Days (1986); Living Daylight (1987); Stay On These Roads

Air Supply Эйр Сепплай

Австралийский ансамбль. Основан в 1976 году.

Начальный состав: Graham Russell (I. VI. 1950) — вокал, гнтара, Russell Hitchcock (15. V1.1949)

Грэм Расселл родился в английском городе Шервуд, нграть на гитаре и сочинять песни начал в 10 лет. В 1963 году стал ударником одной из местных групп, в 1966-м переехал вслед за родителями в Мельбури (Австралия), где также играл в ансвыбле на ударных. Успеха коллектив не имел. На профессиональную сцену Грэм Расселл вышел в 1976 году в составе хора, участвовавшего в мельбурнской постановке рокоперы Эндрю Ллойд (Andrew Lloyd Webber) «Jesus Christ Superstar». В том же году вместе с другим хористом, Расселлом Хичкоком, образовал дуэт «Эйр Сепплай». Первая же записанная нын песня, «Love And Other Bruises» (1976), заняла аторое место в австралийской десятке лучших, что позволило музыкантам покинуть оперные подмостки и нвчать самостоятельную кврьеру. Больщой успех принесло им участне в австралниских концертах Рода Стюарта (Rod Stewart). Однако неожиданная популярность обернулась распадом дуэта. Грэм Расселл сначала уехал в Аделанду, где полгода сочинял песни, но тщетно предлагал нх фирмам грампластинок: 38TcM вернулся на родину, в Ноттингем. где налеялся поставить собственную рок-оперу «Sherwood» о Робине Гуде, но тоже безрезультатно. В 1980-м фирма «Arista Records» изъявила готовность выпустить в США сингл с Love». Это и стало причиной воз-

секстета. Сингл имел в Америке крупный успех и принес новому коллективу известность. В 1980-1983 годах в американскую пятерку лучших аходило семь песен «Эйр Сепплан» (во всех случаях автор -Грэм Расселл): «Lost In Love», «Every Woman In The World», «All Out Of Loves, «The One That You Love» (25. VII. 1981 - No 1), «Here 1 Am (Just When I Thought I Was Over You)», «Sweet Dreams», «Even The Nights Are Better», B этот период не только синглы, но и альбомы группы становились «золотыми» н «платиновыми». В пальнейшем, однако, популярность ансамбля заметно снизилась. В поисках выходя из творческого тупика Грэм Расселл обратился за помощью к известному композитору и продюсеру Джиму Стейнмену (Jim Steinman). Это был неожиданный шаг: «Эйр Сепплай» добился успека, работая а стиле ранних «The Bee Gees» и исполняя поп-шлягерные баллады, а Стейнмен продюсировал пластинки хард-рока. Тем не менее Грэм не ошибся: вышедший в сентябре 1983-го сингл «Making Love Out Of Nothing At All» три недели занимал в амернканском хит-параде второе место. Звучание композиций стало более жестким, близким к звучанию записей другой подопечной Стейниена, певицы Bonnie Tyler. В 1985 году большой удачей ансамбля явился очередной альбом, пользовался успехом н сингл «Just As I Am».

Последний состав:Расселл, Хичкок, Frank Esler Smith - клавишные, David Moise - гитара, David Green бас-гитара, Ralph Cooper - ударные. Дискография: Lost In Love (1980, Arista Rec.); Greatest Hits (1980, Arista); The One That You Love (1981); Now And Forever (1982); Making Love The Best Of Air Supply (1983, hits); Air Supply (1985).

The Allman Brothers Band Оллмен Бразерс Бэнл

Американский ансамбль. 1969-1983 Начальный состав: Duane Allman (20. XI. 1946 - 29. X. 1971) соло-гитара, Gregg (8. Х. 1947) — гитара, клавишные, вокал, Richard «Dickey» Betts (12. XII. 1943) — гитара, вокал, Oakley Berry (Raymond) (4. IV. 1948 -- 11, X1. 1972) бас-гитара, Jai Johanny Johanson (8. VII. 1944) - ударные, Butch Trucks - ударные.

В своем творчестве ансамбль сочетал практически все характерные для американского Юга музыкальиые стили - блюз, госпелз, ритмпесней Грэма Расселла «Lost In энд-блюз, кантри, -- синтез которых отличался оригинальным, одновременно экспрессивным и мягким звулегких бас-гитарист Лемер Унльямс. после чего ансамбль аыступал еще чаннем, получившим название «the new south rock» - «новый южный несколько месяцев, а затем обърок». Первую группу, «The Kings», явил, что завершает карьеру. Грегг братья Оддмен образовали в 1961 го-Оллмен сформировал собственный ду; в 1965-м сменили название на коллектив, «The Gregg Allman Band». «The Allman Joys», но в 1967-м рас-9 апрели 1987-го его альбом «1'm формировали ансамбль и основали No Anger» попал в национальный новый, «Hourglass», куда вошли басхит-парад США. гитарист Реге Сагг, электроорганист Последний состав: Грегг Оллмен, Paul Hornsby н ударник Johnny Дикки Беттс, Батч Тракс, Sandlin. Коллектиа выпустил един-Jim Essery - гармоннка, David ственный альбом, «Hourglass» (1968, Goldflies - бас-гитарв, David фирма «Liberty Records»), после че-«Frankie» Toler — ударные, Dan го распался. Некоторое время

братья выступалн дуэтом, но успеха

не имелн и вскоре образовали по

предложению менеджера и про-

дюсера Фила Уолдена (Phil Walden)

группу под названием «The Allman

Brothers Band». Новаторским для

того времени было включение в ан-

самбль сразу даух ударников (рань-

ше это практиковалось лишь в не-

которых группах джаз-рока). Кол-

лектна быстро завоевал популяр-

ность. 13 марта 1971 года он дал

большой концерт в престижном нью-

йоркском зале «Fillmore East». Лиск

с записью выступлення («Live At

The Fillmore East») 25 октября стал

в США «золотым». Через четыре

циклетной катастрофе при въезде

а свой родной город Мэкон, штат

Джорджия. В неполные 25 лет

он был уже широко известен как вы-

дающийся гитарист-виртуоз. Для

участия в записи пластинок его

приглашали Aretha Franklin, Wilson Pickett, Boz Scaggs, King Curtis

н даже Eric Clapton (сингл и альбом «Layla», 1970). В 1972 году

композиции, в которых звучит гитара Дуэйна Оллмена как сещи-музы-

канта, вышли на двойном альбоме «An Anthology», а его сольные рабо-

ты составили два диска, появившиеся в 1973-м и 1974-м... Через год

почти на том же месте и при тех

же обстоятельствах погиб бас-гита-

рист Беррн Оукли. Грегг Оллмен

сумел спасти ансамбль от распала.

пригласив пианиста Чака Ливелла

(Chuck Leavell) и бас-гитариста

Лемера Уильямса (Lamar Williams).

Звучание композиций при этом из-

менилось, и группа переорнентиро-

валась на софт-рок с элементамн

музыки кантон. Альбом «Brothers.

And Sisters» возглавил 1 сентября

1973 года национальный хит-парад

США и продержался на лидирующей

позиции 6 недель, а сингл «Ramb-

lin'Man» 20 октября занял третье

место. В дальнейшем, однако, кол-

лектив выступал нестабильно и

вскоре распался. К этому моменту

уже заявили о себе как солнсты

Грегг Оллмен (дебютный диск

«Laid Back» 5 марта 1974-го стал

«золотым») и Дикки Беттс (аль-

бом «Highway Call», 1974). Грегг же-

нился на певице Cher и выпустил

с ней совместный альбом «Allman

And Woman» (1976). В 1978 году

группа «Оллмен Бразерс Бэнд» вос-

соединилась в частично изменен-

ном составе, а в 1979-м ее сингл

«Enlightened Rouges» (композиция с

одноименного альбома) возглавил

хит-парады по обе стороны Атлан-

тики. Но повторить подобный успех

не удалось. В 1983 году умер от рака

дня Дуэйн Оллмен погиб в мото-

Toler - гитара Дискография: The Allman Brothers Band (1969, Capricorn/Atco Res.); Idlewild South (1970, Capricorn/ Atco); Live At The Fillmore East (1971, Capricorn/Atlantic Rec., live); Eat a Peach (1972, Capricorn); Brothers And Sisters (1973, Capricorn); The Road. Goes On Forever (1975, Capricorn. 2LP, hits); Check The Oil, Wipe The Windows, Dollar Gas (1976, Capricorn); Enlightened Rouges (1979, Capricorn); Reach For The Sky (1980, Arista Rec.); Brothers Of The Road (1981, Arista).

Дузйн Оллмен: An Anthology (1972, Capricorn, 2LP); Beginnings (1973, Polydor Rec., записн 60-х гг., с Гретгом Оллменом); Duane Allman Anthology, vol. 1 (1973, Capricorn); Duane Allman Anthology, vol. 2 (1974, Capricorn).

Marc Almond Марк Элмонд

Английский певец, музыкант, композитор, поэт. 9.VII.1957, Southport.

Будучи студентом технического колледжа увлекался живописью, дизайном, кинорежиссурой. Участвовал в постановках студенческого театра, где обнаружил незаурядные вокальные данные. В 1977 году под влнянием творчества панк-ансамблей ре шнл начать музыкальную карьеру и, познакомнишись с пианистом Дэвидом Боллом (David Ball), образовал с ним дуэт «Soft Cell», дебютировавший а 1978-м в зале Лидского полнтехнического ниститута. Концерты и пластинки дуэта имели успех не только в Англин, но и в США, однако Элмонд был недоволен результатами совместной работы и а начале 1983 года сформировал новый аккомпанирующий коллектиа, «The Mambas», куда вошли Ann Hogan (клавишные, вокал), Matt Johnson (клавишные, вокал), а также ряд студийных музыкантов. С ними Элмонд выпустил два альбома — «Untitled» (1983, LP+EP) и «Torment And Toreros» (1983, 2LP). Первый включил разноплановые заимствованные и оригинальные композиции а стиле техно-поп-соул: на втором Элмонд предпринял попытку поссоздать музыкальными средствами атмосферу европейских кабаре 30-х годов, использоваа в аранжировках фортельяно, стоунные, луховые и доугие акустические инструменты. Обе пластинки получили высокие оценки специалистов, но Элмонд аскоре вернулся к сотрудничеству с Дэвидом Боллом, которое, однако, не принесло ему успеха: все дальнейшие альбомы «Софт Селл» были признаны неудачными. в 1984 году дуэт распался. Марк Элмонд сформировал аккомпанирующий коллектив под названнем «The Willing Sinners» и в том же году записал с ним диск «Vermin In Ermine». Нарочитая неряшливость аранжировок и вокальной манеры в сочетанни с остросатирическими текстами пришлись по душе публике. Не меньшую популяриость завоевал и следующий альбом, «Stories Of Johnny» (1985), заглавная песня которого заняла одно нз ведущих мест а национальном хитпапале. Пластинка явилась продолжением творческих поисков а области техно-поп-соул, начатых Элмондом в ранний период существования дуэта «Софт Селл».

Дискография: «Untitled» (1983, Some Bizzare Rec., LP+EP);
Torment And Toreros (1983, Some Bizzare, 2LP); Vermin In Ermine (1984, Some Bizzare/Phonogram Rec.); Stories Of Johnny (1985, Some Bizzare/Virgin Rec.); A Woman's Story (1986, Virgin Rec., EP); Mother Fist (1987, Virgin).

в дуэте «Софт Селл» — см.:

в дуэте «Софт Селл» — см «Soft Cell».

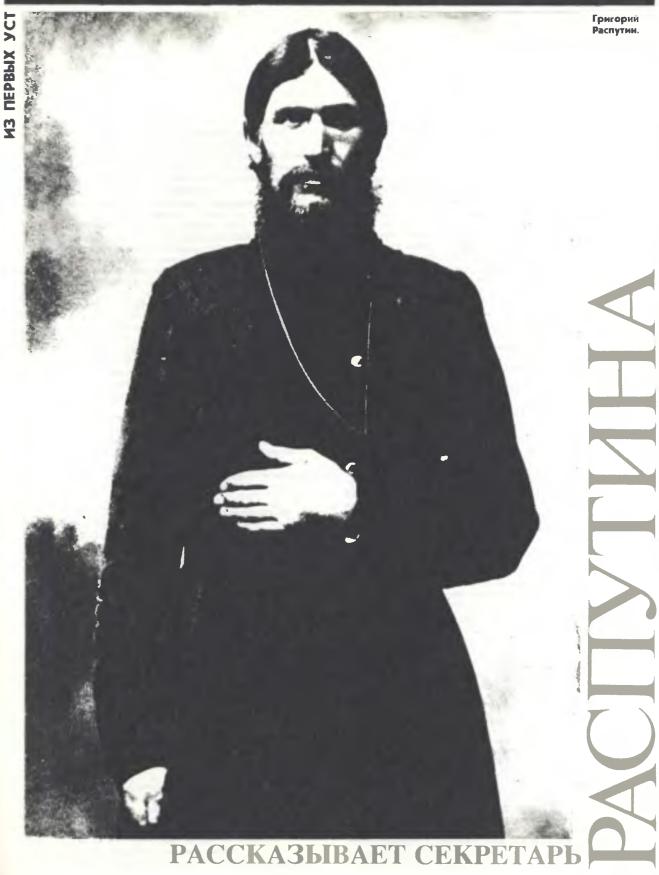
Alphaville **Алфавилл**

Западногерманский аисамбль. Основан в 1982 году.

Начальный состав: Marian Gold — вокал, Bergard Lloyd — синтезаторы, Frank Meriens — синтезаторы. Адрес: Postfach 620349, 1000 West Berlin 62, BRD.

Группа работает в стиле синти-поп для которого характерно использованне компьютера в качестве онтмнческого, мелодического и гармонического импровизатора. Композиции трио близки к стилю нью-уэйв-рок (рок «новой волны»). Известность музыкантам принес сингл «Big In Јарап» (1982). Начиная с 1984 года «Алфавилл» регулярно фигурировал в европейских хит-парадах с песиями «Sound Like A Melody», «Forever Young», «The Jet Set», «Dance With Me», «Universal Daddy». Для записи пластинок ансамбль обычно дополнительно приглашал музыкантов со стороны, поэтому звучание его композиций на синглах и дисках значительно отличалось от концерт-

Последний состав: Голд, Ллойд, Rick Echolette — синтезаторы. Дискография: Forever Young (1984, WEA/Atlantic Rec.); Afternoon In Utopia (1985).

«Необходимо нечто большее, чем талант, чтобы понять настоящее, нечто большее, чем гений, чтобы предвидеть будущее, а между тем так просто объяснить минувшее». Слова эти принадлежат великому польскому позту Адаму Мицкевичу, и вряд ли, думаю, найдется человек, который без тени сомнения взялся бы их оспаривать. Объяснить минувшее — далекое и близкое! Действительно, что, казалось бы, проще! Надо лишь знать все без утайки, нужно лишь сопоставить мнения как можно большего числа участников и очевидцев тех или иных исторических событий. И тогда из разноголосья порой противоречивых свидетельств проступят сначала робкие контуры подлинности, которые, по мере накопления документов и фактов, постепенно превратятся в истину. Именно она является той составной,

без которой едва ли возможно что-либо объяснить В последние годы мы все сделали энергичный шаг в поисках правды. Правды о нашем прошлом. Однако, иак ни печально, но обнаружилось, что многие просто-напросто разучились самостоятельно оценивать минувшее, а скорее всего, никогда не учились этому. Слишком уж долго всех нас держали на голодном пайке, засекретив печатное слово, сновав его стальными прутьями специальных архивов и закрытых фондов. А дежурные толкователи тем временем трудились в поте лица, разъясняя народу его былое. Много, очень много существовало тайных страниц, белых, нан мы их сегодня называем, пятен в нашей истории — не только послеонтябрьского периода, но и истории более ранней. К таким белым пятнам можно, в частности, отнести все, что связано с личностью Григория Распутина. Предаижу пылкие возражения: А роман В. Пикуля «У последней черты»? А книга М. Касвинова «Двадцать три ступени вниз»? А, наконец, фильм Э. Климова «Агония»?.. Все верно. Более того, нельзя не согласиться с утверждением о том, что писатель В. Пикуль является, если так можно выразиться, современным художественным первооткрывателем периода распутинщины, равно кан многих других исторических событий, в деталях известных прежде разве что узким специалистам. То же самое следует сказать и о режиссере Э. Климове — нан о первооткрывателе «мистина» и «исцелителя» посредством нино. И надо признать, что когда речь заходит о Распутине, большинство из нас видит перед собой обаятельного актера Алексея Петренко, блестяще сыгравшего роль царского фаворита, а отнюдь не реального «старца», и даже не питетурно домысленного — из произведения В. Пинуля. Исторически верно Распутин изображен в основанном на документах исследовании М. Касвинова, где использован, среди прочего целый ряд источников, советскому читателю практически не доступных. Например, воспоминания диреитора Департамента полиции С. П. Белецного, озаглавленные «Григорий Распутин»; архив тибетского врача П. А. Бадмаева; воспоминания наставника цесаревича Аленсея П. Жильяра «Император Николай II и его семья»; интимный дневнин фрейлины ее величества А. Выру-

бовой и т. д. Некоторые книги выходили у нас в двадцатые годы, большинство же опубликованы на русском языке только за рубежом. К последним относятся воспоминания купца 1-й гильдии, личного секретаря Распутина Арона Симановича, написанные автором в годы послеоктябрьской эмиграции.

В свидетельствах очевидцев перед читателем предстает не просто грязный развратник, кликуша и магнетизер, проводящий время в постоянных кутежах; они, эти свидетельства, дополняют портрет «старца», раскрывая степень его причастности к государственным делам, к управлению царской Россией. И все это на фоне морельного, духовного и политического падения монархии, принявшего формы трагической вакханалии. Собранные вместе, записки оченидцен не деполитизируют царского фаворита, что легио можно было бы сделать, оставив на его счету главным образом гипнотические сеансы, сладкую мадеру и соблазненных светсних дам. Напротив, они оглашают неопровержимые фанты того, что Распутин являлся негласным членом императорского триумвирата, великим, нан говорят на Востоке,

Старая Россия, по В. И. Ленину, — это страна

Николая II и Распутина. Дореволюционную аерховную власть Владимир Ильич называл «шайкой жалких, полоумных людей, кан Романов и Распутин...» В «Письмах издалека» В. И. Ленин клеймил «цинизм и разврат царской шайни с чудовищным Распутиным во главе ес...» Да, ао главе eel «Старец» с неимоверной легкостью жонглировал, например, самыми высокими должностями и постами. По его совету председателем Совета Министров был назначен И. Л. Горемыкин, затем Б. В. Штюрмер, и уже после смерти Распутина, но рекомендованный им Н. Д. Голицын; им был возведен А. Н. Хвостов в министры внутренних дел; позже по его настоянию эта должность была предоставлена А. Д. Протопопову; он провел В. А. Сухомлинова в военные министры; он устранил с этого поста А. А. Поливанова... Только за годы войны «старцем» были назначены и смещены оноло двух десятков министров. Не гнушался он и взятнами: за определенную мзду брался помочь любому ходатаю в любом затруднении; на комиссионных началах обеспечивал он сановнину должность, промышленнику — имперский заказ, осужденному уголовнику — помилование, пленному германсному офицеру — освобождение...

При всей «очевидности» воспоминаний А. Симановича к ним все же необходимо относиться осторожно и сдержанно. Каков бы ни был тот побудительный мотив личного секретаря Распутина, вызывающий столь мощную волну откровений, его ннига содержит налет субъективизма, некоторой предвзятости, стремления к раздуванию своей роли в описываемых событиях, преувеличению своего влияния на самого «старца», особенно что касается защиты интересов еврейской общины. Так или иначе, но воспоминания помогают

обнажить и распознать корни распутинщины истони этого позорного для царской России явления. Думается, все, что связано с историей «провидца» и «мистина», заслуживает ныне самого серьезного рассмотрения. Ведь распутинщина в определенной степени проявилась и в недавнюю эпоху застоя. Разве скандальный судебный «процесс Чурбанова» не свидетельство Есть множество подтверждений, что сановники, не брезговавшие проводить интриги и защищать свои интересы через «старца», открещивались отнрыто от всякого с ним общения. Директор Департамента полиции Белецкий скрывал даже от жены на первых порах свое знакомство с царским фаворитом. Белецкий и Хвостов, имея непрерывные деловые контакты с Распутиным, виделись, однако, с ним только на ионспиративных квартирех От Чурбанова, правда, никто особо не открещивался, но вспомним — об этом писали в газетах, — как встречали его на вокзалах и в азропорту по специальному этикету — для «главы государства»; вспомним, какую обстановну создал вокруг себя первый заместитель министра внутренних дел — обстановку напряженного изматывающего бреда, в которой расцветали химеры корысти, вседозволенности, уповния властью. Вспомним о баснословных взятках и поистине царских подношениях Чурбанову, о коррупции, которая бурно расцветала в застойные годы. Вспомним о перерожденцах, с которыми Чурбанов вступил в преступный сговор, о том ущербе — нравственном, политическом, экономическом, — который они нанесли обществу. Его, правда, не надо было оберегать, кан Распутина, который находился под наблюдением четырех служб одновременно: придворной полиции, обеспечивавшей безопасность «старца» наравне с членами императорского дома, сотрудников «охранки», агентов полиции, а танже особой частной охраны, организованной группой банниров во главе с Д. Л. Рубинштейном. С Чурбановым было проще его оберегал «ранг» зятя Брежнева... Он служил ему охранной грамотой. Немало параллелей напрашивается между «старцем» и «зятем». Тан же, как царский фаворит Распутин, -- «государственный муж» Чурбанов развращал окружавшую его среду, влиял на политику, ускорял

A. CEBEPOB

процесс стагнации...

Завершая кратное предисловие к публикации

телось бы повторить, что ленинская оценна

России, отнюдь не преувеличена. И расхожее

заблуждение, что основной функцией «старца» при

императорском дворе было играть роль эдакого

«экстрасенса», в корне не соответствует историче-

ским фактам и документам, что подтверждается

воспоминаниями и записками очевидцев, активных

распутинщины, как выражения крайнего

разложения правящей верхушки царской

участников тех далеких событий, среди

которых был и Арон Симанович.

отрывков из воспоминаний А. Симановича, хо-

вместо предисловия

Единственная цель этих воспоминаний передать мои наблюдения мад бурным периодом русской истории, к которому относится: начало мировой войны, неслыханное возвышение Распутина, гибель Романовской династии и первые раскаты гражданской войны.

Я не собираюсь я них делать никаких открытий и никого разоблачать.

Я чужд тенденциозности. Я также стараюсь не говорить о делах, в которых я недостаточно осведомлен.

Мое повествование о событиях при дворе осиовывается главным образом на моих собственных приключениях и рассказах Распутина, который меня, как своего доверенного и советчика, посвящал во все, что он видел и слышал, а перед ним царская чета не имела никаких тайн.

Царь и царица исповедывались ему, как своему духовнику. Я вполне уверен, что его рассказы соответствовали правде, только по этой причине я осмелился говорить о фактах из интимной жизни царской семьи, которые до сих пор оставались неизвестными. Возможно, что в моем рассказе попадутся некоторые неточности в именах и в мелочах, ио я инкогда не вел ни записей, ни дневников к поэтому должен был положиться исключительно на свою память. Я полагаю, что будет много попыток поколебать правдивость моего рассказа, но я уверен, что это не удастся.

Что касается моей личной деятельности, о которой я рассказываю, то я не выставляю требований признать все мои поступки правильными. Для меня всегда было важно достигнуть цели, которую я себе поставил и считал верной. Я пользовался средствами, которые были под рукой и мне казались наиболее рациональными. Я старался в первую очередь использовать все возможности, которые мне предоставляло мое положение советника и царем назначенного секретаря Распутина.

А. СИМАНОВИЧ

КАК Я ПОПАЛ К ЦАРСКОМУ ДВОРУ

Для начала несколько слов обо мне самом.

Более чем десять лет я занимал в Петербурге положение, которое нужно признать нсключительным. Впервые в исторни России простой провинциальный еврей сумел не только попасть к царскому двору, но и влиять на ход государственных дел.

Тогдашине правящие круги, несмотря на их антисемитизм, не былн для меня препятствием. Невзирая на то, что я был еареем, а моя деятельность сводилась к попытквм оказать помощь и добиться облегчения монм единоверцам, эти круги все же искали у меня совета и поддержки.

Мон успехи в Петербурге обычно приписывались моей дружбе с Распутнным и принито думать, что Распутин ввел меня ко двору. Это неверно. Дружба с Распутным, конечно, была для меня очень ценна, но следует признать, что мои отношения с петербургским великосветским обществом установнлись еще до появления Распутниа в столице. Каким путем это случилось, я расскажу позднее.

По профессни я ювелнр и имел собственное дело в Кневе, но а 1902 году я решил перебраться в Петербург

Жизнь в провинции меня не устраивала. Как все прочие евреи, я подвергался там всякого рода издевательствам и унижениям. Благодаря этому я приобрел большую «опытность» в обхождении с полицией и чиновничеством. Уже в провинции я завязал много знакомств а этих кругах и приобрел известный извык в обращении с чиновничеством и подкупе их. Это имело громадное значение для моей будущей деятельности.

В Петербурге мне приходилось неоднократно встречаться с людьми, которым я оказал в провинции немалые услуги и которые мне были благодарны и всегда готовы взаимию услужить. Некоторым из этих людей я обязан своей жизнью и жизнью монх детей. Это было в 1905 году, когда в Киеве был учинен еврейский погром.

После моего отъезда в Петербург моя семья оствлась в Киеве, где продолжало существовать мое дело. При первых известнях о надвигающейся опасности я поспешил в Киев и стал очевидцем разгрома монх магазинов. Мой управляющий и многие из монх родных были убиты. Моя жизнь, а также жизнь моей семьи были в большой опасности, но руководитель погрома генерал Маарии и киевский полицмейстер Цихоцкий укрыли нас и дали мне с семьей возможность выехать в Берлин. При отъезде мне с семьей пришлось видеть у синагоги трупы убитых во время богослужения евреев. Эта картина произвела на меня неизгладимое впечатление, и еще в Берлине я долгое время не мог ее забыть.

Я решнл всеми силами бороться за мою жизнь, жизнь моей семьи, монх родственников и за наше равноправие.

Когда я вернулся в Петербург и там сошелся с Распутнным, я решил действовать при его помощи, но на свою личную ответственность и без помощи монх единоверцев. Перед общественностью я только теперь выступаю с отчетом и еще раз заявляю, что всю ответственность принимаю на себя и готов к резким нападкам и обвинениям.

Моя жена происходила из яесьма многочисленной еврейской семьи подрядчиков и несколько ее родственников жили при содействии Витте в Петербурге, как ремесленники. Они помогли моему переезду а Петербург, а также завязать первые деловые связи. Эти люди были солидными ремесленниками и купцами, которые получали иногда подряды и заказы даже от царского двора. Они вели очень скромный образ жизин и были далеки от столичного великосветского общества.

Я же был человеком совершенно другой складки: посещал часто и охотно клубы, варьете и скачки, где я астречал людей свмого разнообразного общественного положения.

Известно, что страсть к азарту не только очень легко сближает людей, но и застввляет быстро забывать национальную и общественную рознь. Жажда к увеселенням делает людей, поддавшихся влиянию этой страсти, менее разборчивыми при выборе своих знакомств и менее щепетильными к образу и способу изыскания средств для удовлетворения этой страсти. В этой среде я скоро стал своим человеком и сумел использовать завязанные знакомства для расширении моих деловых начинаний.

Благодаря моему таланту быстро заводнть знакомства и, несмотря на соцнальную разницу, дружиться, мне удалось в первую очередь поближе сойтись с людьми из придворной службы и заинтересовать их в моих делах.

Таким образом я все более и более проникал ко двору и знакомился с его обыденной жизнью. Я старался быть всячески полезным монм иовым знакомым. Мое знание жизни и коммерческий опыт принесли много выгод людям, которые занимали высокое общественное положение, но были а хозяйственно-бытовых вопросах, как то: покупке или продаже каких-либо ценностей или получении кредитов, совершенно беспомощиы. Необходимо заметить, что петербургское великосветское общество отличалось особенным незнанием деловой стороны жизни.

Исключительное значение имело для меня знакомство с обоими братьями князьями Витгенштейн, служившими в личном конвое императора Николая 11.

При их содействии я познакомился с очень влиятельной придворной дамой императрицы Александры, княгиней Орбелиани, с кавказскими князьями Уча-Даднани и Алек-Амилахвари и малопомалу со всем офицерским составом царского конвоя. Позднее я завязал знакомство со всеми придворными дамами императрицы, нзвестиой Анной Вырубовой, Никитиной, госпожой фон Ден и княгиней Астаман-Голициной. Я получил доступ к царскому дворцу и, наконец, был знаком почти со всем придаорным штатом. Очень большую ценность имело для меня знакомство с придворным метрдотелем, французом Пуансэ, который пользовался громадным влиянием срепи служащих.

Совместно с Пуансэ я учредил шахматный клуб, который в сущности был карточным клубом. Находившиеся в постоянной денежной нужде князья Витгенштейн были также сделаны участниками

клуба. Таким путем я непосредственно занитересовал многих влиятельных лиц из придворных кругов и свиты цвря в некоторых из монх предприятий.

Судьба обонх братьев Внтгенштейи, родственников Гогенцоллернов, очень трагична. Один из них был убит на дуэли из-за одной кокотки, а другой, женатый на известной красавице, цыганке Лизе Массальской, подавился куриной косточкой. Оба были очень дружны с царем и часто участвовали с инм в попойках.

После их смерти я принял компаньоном в мой шахматный клуб князя Уча-Дадиани, который находился в особенно хороших отношениях со двором. Он был другом дома княгини Софин Тархановой. Одна дочь княгини вышлв замуж за князя Геловани. По желанию Геловани он мною был проведен в председателн моего нгорного клуба.

Первое мое знакомство с придворными дамами произошло в доме бывшей любовницы Николая II, княгини Орбелнани. В это время она была уже парализована. Невзирая на ее бывшие отношения к царю, она пользовалась благоаолением царицы, которая часто брала эту несчастную парализованную женщину в свой экипаж на прогулки.

Императрица вообще редко показывала свою ревность, котя поводов к ней было немало. В доме княгини Орбелмани я впервые выступал как ювелир, продавец и специалист «по бриллинатам». Скоро я им стал необходим. Мие удалось завоевать благожелание и доверие многих высокопоставленных лиц и я сделался посвященным ао многие тайны придворной жизни. Я начал чувствовать прочную почву под своими ногами. Моя самоуверенность росла, в особенности, когда я видел, как многим лицам импонировали мон отношения к придворным кругам. Мои просыбы и пожелания стали удовлетворяться в соответствующих правительственных местах. Нашлось уже много людей, которые котели быть мне полезными и услужливыми. Со своей стороны я также старался быть приятным этим энцам.

Через княгиню Орбелиани я был представлен царице. Она как-то аызвала меня во дворец, чтобы посоветоваться со мной о какихто драгоценностях. Для меня это было очень важно. Царица приняла меня в доме княгнии Орбелнани и наша встреча была очень непринужденной. Я получал от нее неоднократно заказы, которые я исполнял быстро и добросовестно. Императрица оставалась мною довольна и стала мне доверять. Мне была известия ее бережливость и на продаваемые драгоценности я назначал очень низкие цены. Купивши что-нибудь у меня, она потом справлялась у придворного ювелира Фаберже о цене и, если он удивлялся дешевизне, государыня была очень довольна. Для меня, конечно, было самое аажное - благожелание царицы. Часто покупала она драгоценности также в рассрочку. Я шел всегда ей навстречу и этим доставлял ей особенное удовольствие. Лица ее окруження также стремилнсь при покупках драгоценностей к уступкам с моей стороны. Я охотно уступал им, чтобы завоевать расположение этих лиц ко мне. Потом уже эти же лица старались сослужить

CTAPEL

В это время — в 1905 году — появился при царском дворе Григорий Распутин.

Еще до появления его при дворе были распространены самые фантастические слухи об этом таинственном человеке, основанием которых служили письма супруги великого князя Николая Николаевича, Анастасии и ее вышедшей звмуж за великого князя Петра Николаевича сестры Милицы.

Обе сестры как раз в то время находились в кневском монастыре.

Они сообщали из Киева о чудесном старце, которого они хотели взять с собой в Петербург. Этот человек — не монах и не священник, но обладает душевной силой.

Уже давно в окружении царицы перешептывались, что царица передала своим детям нездоровую кровь, которая является возбудителем болезней и причиной разных несчастий. Должен заметить, что среди придворных кругов было сильно развито суеверие. В этом отношении они не стояли выше простого крестьянства. Большинство лиц из царского окружения были очень ограничены, неопытны и беспомощны в самых обыденных жизненных вопросах. Вырубова, княгиня Орбелиани и другие придворные дамы передавали царской чете то, что они слышали о Распутине. Царь и царица как раз переживали очень тяжелые дни. Их утнетали опасения перед своей родней, двором и нензвестной будущностью. Надвигалась буря революции. Когда до инх донеслись слухи о Распутине и его чудесах, в них зародилась надежда, что он мог бы помочь. Более всего они надеялись, что он мог бы несцелить тяжко больного царевича.

И до Распутина неоднократно при русском дворе появлялнсь многочноленные странники, монахи, предсказатели и тому подобные личности. Царская чета охотно беседовала и советовалась

с ними. Советы исполнялись в точности, но ничего не помогало. После нескольких собеседований, совместных молитв и религиозных наставлений обычно интерес царской семьи к ним исчерпывался и они могли идти своей дорогой.

Между царем и царнцей возникалн очень часто ссоры. Оба быль очень нервны. По несколько недель царица не разговарнвала с царем — она страдала истерическими припадками. Царь много пил, выглядел очень плохо н сонно, и по всему было заметно, что он не властен над собой. Как раз в это время появились слухи о чудесных исцелениях Распутнна. Рассказывали, что своими чудодействующими травами он врачует от самых тяжелых болезней. Все это дало пищу надеждам царской четы, и был отдан приказ доставнть Распутнна как можно скорее в царский дворец.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА РАСПУТИНА С ПРИДВОРНЫМИ ДАМАМИ

Откуда взялся Распутин н каким путем он мог достигнуть такого огромного влияния и неслыханного значения?

Я уже сказал, что в петербургском обществе Распутин нашел корошо подготовленную почву. Он отличался от других сомнительных личностей, ясновидящих, предсказателей и тому подобных людей своей изумительной силой воли. Кроме того, он никогда не преследовал личных мелочных интересоа и его стремление к вличнию над людьми вызывалось только жаждой к власти. Его сильная личность требовала аыявлення аласти. Он любил приказывать и распоряжаться людьми. Это стремление обнаружилось у него еще до его появления в Петербурге, когда он еще проживал в стесненных условиях и, конечно, а значительно сильной мере, в Петербурге, когда он достиг саоих баснословных условом.

Распутин появился за девять лет до начала великой войны и дальнейшие события я буду передавать по рассказам самого Распутина.

Великая княгиня Анастасия, супруга Николая Николаевича, и ее сестра Милица отправились на богомолье в Киев. Они остановились в подворье Михайловского монастыря. Однажды утром они на дворе монастыря заметили обыкновенного странинка, занятого колкой дров. Он работал для добывання себе пропитания. Это был Распутин. Он уже посетил много святых мест и монастырей и находился на обратном пути своего аторого путешествня в Иерусалим. Распутии пристально посмотоел на дам и почтительно им поклонился. Они задали ему несколько вопросов и таким образом завязался разговор. Незнакомый странник показался дамам очень интересным. Он рассказывал о своих странствованиях по святым местам и о своей жизни. Он много андел и пережил. Два раза он пешком проделал далекую дорогу из Тобольска в Иерусалим и знал все знаменитые большне монастыри, а также мог многое рассказать о знаменнтых монахах. Его рассказ привлекал высокопоставленных дам и его повествования на религнозные темы импонировали им. Первое знакомство закончилось приглашением его на чай

Распутин вскоре воспользовался приглашением. Великие киягини, которые свою поездку на богомолье совершали инкогнито, скучали и рассказы Распутина доставляли им развлечение, которого им не доставало. Поэтому они радовались видеть в своих покоях своеобразную характерную фитуру Распутина.

Распутни рассказывал своим новым незнакомкам, что он простой человек села Покровского Тобольской губернии. Его отец еще жиа и занимается погрузкой и выгрузкой барж на реке Туре, Семья его состояла из его жены Прасковыя, сына Мити и дочерей Марын и Вари. Далее Распутии рассказывал, что котя он и человек необразованный, еле разбирающий грамоту, ои часто на железно-дорожных станциях и пароходных пристанях проповедует народу. Он гордился своим проповединческим талантом и утверждал, что ему ие трудно побороть даже ученых миссионеров и богословов. В особенности он подчеркивал свое знание «церковным права», но трудно было уяснить, что ои понимает под церковным правом. Во всяком случае несомненно одно, что Распутин своими религиозными познаниями приводил в изумление даже епископов и академически образованных богословов.

Посещение Распутиным петербургских дам становилось все чаще. Онн охотно с инм встречались, угощали его и относились к нему весьма любезно. В личности Распутина было что-то, что привлекало людей к нему. В особенности дамы, сами того не замечая, легко попадали под его влияние. Когда Распутин узнал, кто его новые знакомые, он в особенности постарался заручиться их расположением, значение которого для него сразу стало ясным. Конечно, он в то время еще и не предвидел, какая значительная роль ему предначертана при царском дворе, но сразу сообразил, какие блестящие возможности ему открываются.

Распутин сообщил дамам, что он обладает способностью излечивать все болезки, никого не бонтся, может предсказать будущее и отвести предстоящее несчастье. В его рассказах было много огня н убедительности, и его серые пронизывающие глаза блестелн так суггестивно, что его слушательниц охватывало какое-то вос-

хищение перед ним. Они проявляли перед ним какое-то мистическое поклонение. Легко подаергающиеся суеверию, они были убеждены, что перед ними чудотворец, которого искали их сердца. Одна из них спросила его как-то вечером, может ли он излечить гемофилню. Ответ Распутина был утвердительным, причем он пояснил, что болезиь эта ему хорошо известна и описал ее симитомы с изумительной точностью. Нарисованная картина болезии вполне соответствоаала страданиям цесаревича. Еще большее впечатление оставило его заявление, что он уже излечил несколько лиц от этой болезии. Он называл также травы, которые для этого применялись им. Дамы были счастливы, что им представляется возможность оказать царской чете громадную услугу излечением ее сына. Они поведали Распутину о болезии наследника, о которой в то время а обществе еще инчего не было известно, и он предложил излечить его.

Таким образом завязался узел, развязка которого последовала лишь убийством чудотворца и бурями второй революции.

Началось царствование Распутина. «...»

РАСПУТИН — ЛЮБИМЕЦ ЦАРСКОЙ ЧЕТЫ

Распутни прибыл а Петербург не по железной дороге, а пешком и при этом босиком. Он остановился а монастырской гостинице, как гость архимандрита Феофана. Это и послужило поводом к слухам, что Распутина рекомендовал Николаю Николаевичу Феофан.

Из монастырской гостиницы Распутин переехал на квартиру генеральши Лохтиной на Николаевской улице.

Эксцентричная и не отдававшая в своих дейстаиях отчета, госпожа Лохтина была известна тем, что она всегда носила белый шелковый цилиндр. Генеральша была чрезвычайно предана Распутину и обучала его грамоте. От нее Распутин перебрался к Сазонову, родственнику министра иностранных дел, на Ямскую улицу. Позднее Распутин жил на Английской набережной, и наконец поселился на Гороховой улице, в доме № 64, где и проживал до самой смерти.

В Царском Селе Распутина ожидали с нетерпением, но приняли сдержанно. Великая княгиня Анастасия встретила Распутина в Петербурге и аскоре ввела его к царице. Он оставил приятное впечатление, вел себя спокойно и с достоинством, рассказывал о своей жизни н нзбегал хвастаться своей сверхъестественной силой. Он знал, что великие княгини уже достаточно его разрекламировали.

С первой же астречи с царевичем ои отнесся к больному мальчику с особенной предупредительностью. Он владел даром влиять нв людей успоканвающим образом. Его спокойствие и уверенное обращение сильно влияли на людей. Его особенное искусство воздействовать на больных сразу поставило его в надлежащее положение у кровати страдающего мальчика.

Бедный ребенок страдал кровотечением из носа, и врачи не а силах были ему помочь. Обильные потери крови обессиливали мальчика и в этих случаях родителям всегда приходилось дрожать за его жизнь. Дин и ночи проходили в ужасном волнении. Маленький Алексей полюбил Распутина. Сугтестивные способности Распутина оказывали свое действие. Однажды, когда опять наступило кровотечение из носа, Распутин вытащил из кармана ком древесной коры, разварил ее и а книятке и покрыл этой массой все лицо больного. Только глаза и рот остались открытыми. И произощло чудо: кровотечение прекратилось. Распутин рассказывал мне подробно об этом своем первом выступлении в царском дворце в качестве врача. Он не скрывал, что кора, которой он покрыл лицо царевича, была обыкновенной дубовой корой, имеющей качество останавливать кровотечение. Царская чета при этом случае же узнала, что существуют сибирские, китайские и тибетские травы, обладающие чудесными целебными свойствами. Распутин между прочим умел нецелять также без помощи трав. Болел кто-инбудь головой и лихорадкой — Распутни становился сзади больного, брал его голову в свои руки, нашептывал что-то, никому непонятное, н толкал больного со словом «Ступай». Больной чувствовал себя выздоровевшим. Действие распутниского нашептывания я испытал на себе и должен признаться, что оно было ощеломляющим.

Распутин возбуждал в окружающих его людях самые разнообразные чувства. Один испытывали перед ним какую-то странную боязны, другие глубокое почитание, а третьи его ненавидели. Царская семья находилась всецело а его власти и царь подчинялся вполне его влиянию. Распутин управлял им. Я не сомневаюсь а том, что Распутин потерял бы значительную долю своего влияния, если бы наследник выздоровел. Не подлежит сомнению, что здоровье наследника благодаря уходу Распутина значительно улучшилось, но он никогда совершенно не поправлялся. Распутин сумел внушить царю, что болезнь наследника опасна для него только до восемнадцатилетнего возраста и что после этого срока он совершенно нэбавится от болезни. При всяком ухудшении здоровья мальчика и при малейшем его недомоганни призывался чудотворец: он обладал необъяснимой властью над мальчиком. Неодно-

кратно было достаточно телефонного разговора, чтобы прогнать бессонницу или лихорадку. Этими обстоятельствами и объясняется необыкиовенное влияние Распутина на царицу. Не лишенная некоторого болезненного оттенка, материнская любовь царицы делала ее рабыней Распутина. Он умел эти необычайные обстоительства использовать для себя... Я догадываюсь, что в некоторых случаях он нарочно способствовал тому, чтобы обстановка эта сложилась как можно более выгодно для него.

Несмотря на свою необразованность, он был очень хитрым и ловким человеком. Было естественио, что он хотел свою сказочную власть удержать как можно дольше, к чему равно с ним стремилось все окружение царя, большинство придворных чинов, министров, генералов и прочих высокопоставлениых лиц, которые меньше заботились об интересах родины, и главным образом стремились как можно дольше удержать а своих руках власть. Разница между ними и сибирским мужиком состояла в том, что они не обладали особыми дарованиями и влиянием иа царя.

В коице коицов власть Распутииа была даже больше власти царя, так как в некоторых случаях ои мог добиться больше, чем император «всея России».

Распутин умел за счет царя окружить себя людьми, которые ему были преданы душой и телом и служили ему не за страх, а за совесть. С другой стороны, он видел возрастающую с каждым днем против него вражду. Против него открылся настоящий поход. Его араги изо дия в день становились все многочислениее и сильнее. Они старались восстановить против него всю Россию. Их работа не оставалась безрезультатной, но одного они не могли достичь: разлучить царя и цармиу с Распутиным.

Любовь царской четы к Распутину еще более окрепла, и даже просъбы и угрозы не могли инчего изменить. Хоть царь и царица не могли не видеть грозивших им из-за Распутина опасиостей, но они не обращали на иих виимания. Возникала неслыханная борьба, а которой против царя выступали: его народ, его ближайшие сотрудники и его родня.

Протестами против Распутина, грязными и лживыми доносами на него отрввлялась жизнь царской четы. Но всегда безвольный, царь оставался в этом аопросе непоколебимым. Другой на его месте пожертвовал бы не только Распутиным, но и самым дорогим и любимым, лишь бы спасти уже в то аремя колеблющуюся корону. Но Николай пошел как раз противоположной дорогой. Он всем пожертвовал, лишь бы оставить около себя Распутина. При этом погиб не только он сам и его семья, но и великое государство.

МОЯ ДРУЖБА С РАСПУТИНЫМ

Я познакомился с Распутиным еще в Киеве, до того, как он стал известен а Петербурге. В Петербурге я совершенно случайно встретил его у княгини Орбелиани, с которой я был в хороших отношениях. Впоследстами я его часто видел у Вырубовой.

При первой встрече на меня оказали сильное влияние его выразительные глаза. Эти глаза одновременно и приковывали человска и вызывали какое-то неприятное чувство. Я аполне понимаю, что его азгляд оставлял на людей слабых и легко подвергающихся чужому влиянию очень сильное впечатление.

Вырубова нуждались и моем деловом совете по вопросу, касающемуся Распутина. Распутин отнесся ко мне весьма почтительно и показал, что он готов взаимно услужить. Я заметил, что этот мужик умел ценить хорошие отношения. Мы сделались скоро друзьями. Мне в руку сыграло то обстоятельство, что Распутин не имел никакого понятия о финансовой стороне существования и очень неохотно занимался финансовыми вопросами. Неодиократно в своей прошедшей жизии ему приходилось попрошайничать, проживать бесплатио в монастырях, монастырских гостиницах или у зажиточных крестьян. Будущность его интересовала очень мало. Он был вообще человеком беспечным и жил настоящим днем. Царский двор заботился о нем в Петербурге, но он оставался в столице беспомощиым и чужим. Несмотря на свою близость к царской семье, он оставался одиноким. Его могучий и чуаственный темперамент требовал сильных и возбуждающих переживаний. Он любил вино, женщин, музыку, танцы и продолжительные и интересные разговоры. В царском дворе он этого ничего не имел. Во дворце велась совершенно особая жизнь и твориашиеся там человеческие низости оставались скрытыми под маской притворства и кажущейся добродетели. Это не подходило Распутину. В присутствии цвря и царицы Распутин сдерживал свой страстный характер. Но его личная жизнь была беспорядочна, и ои не был в состоянии завести налаженный домашний очаг. Вначале он жил на случайные подачки царя. Здесь ему потребовалась моя помощь, и это было основой нашей дружбы.

Я прииял на себя клопоты о его материальном благополучин, и Распутии был очень рад, что освобождался от этих забот. Вскоре я сделался для него незаменимым. Я заботился о всех мелочах и нуждах его ежедиевиой жизни. Мой опыт и мое знакомство

со столичными условиями ему импонировали. Я помогал ему ориентироваться в Петербурге. Многое было для него ново — и ои привыкал постепенио руководствоваться во всем моими советами. Таким образом я сделался его секретарем, ментором, управляющим и защитником. В результате Распутин без меня ие предпринимал ничего важного. Я посаящался во все его дела и тайны. В случаях иепослушания мие приходилось на него частенько прикрикивать, после чего Распутин аел себя как проавинящийся школьник. Общественность об этом ничего не знала, и асе были только уверены, что благодаря Распутину мне представляется возможным провести у царя, царицы, министров и прочих власть имеющих сановников почти все, что я желаю.

ЛИЧНОСТЬ РАСПУТИНА

Своей внешностью Распутин был настоящий русский крестьянин. Он был крепыш, среднего роста. Его светло-серые острые глаза сидели глубоко. Его азгляд пронизывал. Только немногие его выдерживали. Он содержал суггестивную силу, против которой только редкие люди могли устоять. Он носил длинные, на плечи ниспадающие волосы, которые делали его похожим на монаха или священника. Его каштановые волосы были тяжелые и густые.

Духовных лиц Распутин не ставил аысоко. Ои был верующим, ио ие притворялся, молился мало и неохотно, любил, однако, говорить о боге, вести длииные беседы иа религиозные темы и, несмотря иа свою необразованность, любил философствовать. Его сильно интересовала духовная жизиь человека. Ои был зиаток человеческой психики, что ему оказывало большую помощь. Регулярную работу он не любил, так как был лентяем, ио мог в случае необходимости иапряженно физически работать. Временами физическая работа была для него необходима.

Вокруг Распутниа собралось иесчетное количество легенд. Я не намереи состязаться с сочинителями всяких скандальных историй и хочу лишь передать мои наблюдения над действительным Распутичным.

На лбу Распутии имел шишку, которую он тщательно закрывал своими длиниыми волосами. Он всегда иосил при себе гребенку, которой расчесывал свои длииные, блестящие и всегда умасленные волосы. Борода же его была почти всегда в беспорядке. Распутин только изредка расчесывал ее щеткой. В общем он был довольно чистоплотным и часто купался, но зв столом он вел себя малокультурио. Он пользовался только в редких случаях ножом и вилкой, и предпочитал брать кушанья с тарелок своими костлявыми и сухими пальцвыи. Большие куски он разрывал, как зверь. Только немногие могли при этом смотреть на иего без отвращения. Его рот был очень велик, но вместо зубов в нем виднелись какието черные корешки. Во время еды остатки пищи очень часто застревали в его бороде. Он никогда не ел мяса, сладостей и пирожных. Его любимыми блюдами были картофель и овощи, которые доставлялись ему его почитательницами. Рвспутии не был антиалкоголиком, но и не ставил высоко водку. Из других напитков ои предпочитал мадеру и портвейн. К сладким винам он привык а монастырях и мог их переносить а очень больших количествах. В своей одежде Распутии всегда оставался верен своему крестьянскому иаряду. Он иосил русскую рубашку, опоясанную шелковым шиурком, широкие шаровары, аысокие сапоги и на плечах поддевку. В Петербурге он охотио надевал шелковые рубашки, которые вышивали для него и подносили ему царица и его поклонницы. При них он также носил высокие лаковые сапоги.

Распутии любил поучать людей. Но ои говорил немного и ограничивался короткими отрывистыми и часто даже испонятными фразами. Все должиы были анимательно к иему прислушиваться, так как он был очень высокого мисния о своих словах.

Почитательниц Распутина можно разделить на две категории. Одии верили а его сверхъестественные силы и его святость, в его божественное назначение, а другие просто считали модным за ним ухаживать или старались через него добиться для себя или своих близких каких-нибудь преимуществ. Когда Распутина укоряли его слабостью к женскому полу, он обычно отвечвл, что его вина уж не так велика, так как очень много высокопоставленных лиц прямо вешают ему на шею своих любовниц и даже жен, чтобы таким путем добиться от него каких-нибудь выгод для себя. И большинство этих женщин вступали в интимную связь с ним с согласия своих мужей или близких. Были у Распутина почитательницы, которые навещали его по праздникам, чтобы поздравить, и при этом обнимали его пропитанные дегтем сапоги. Распутин, смеясь, рассказывал, что в такие дни он особению обильно мажет свои сапоги дегтем, чтобы валяющиеся у его ног элегантные дамы побольше бы испачкали свои шелковые платья.

Басиословный успех его у царской четы сделал его каким-то божеством. Все петербургское чиноаничество пришло а аолиение. Одного слова Распутина было достаточно, чтобы чиновники получали высокие ордена или другие отличия. Поэтому все искали его поддержки. Распутин имел больше власти, чем любой высший сановник.

Не нужно было особых знаний или талаитов, чтобы при его

помощи сделать самую блестящую карьеру. Для этого было достаточно поихоти Распутина.

Назначения, для которых была необходима долголетияя служба, Распутиным проводились в несколько часов. Ои доставлял людям должности, о которых они равыше и мечтать не смели. Ои был всемогущий чудотворец, но при этом доступнее и надежнее, чем какая-нибудь высокопоставленияя особа или генерал.

Ни один царский фаворит — никогда в России не достигал такой власти, как он.

Распутин не старался перенять манеры и привычки благовоспитанного петербургского общества. Он вел себя а аристократинеских салонах с невозможным хамством.

По-видимому, он нарочно показывал свою мужицкую грубость и иевоспитанность.

Это была удивительная картина, когда русские княгини, графини, знаменитые артистки, всесильные министры и высокопоставленные лица ухаживали за пъяным мужиком. Он обращался с ними хуже, чем с лакеями и горничными. По малейшему поводу он ругал этих аристократических дам самым непристойным образом и словами, от которых покрасиели бы коиюхи. Его изглость бывала неописуема.

К дамам и девушкам из общества ои относился самым бесцеремонным образом и присутствие их мужей и отцов его инскольконе смущало. Его поведение возмутило бы самую отъявленную проститутку, но несмотря на это почти не было случаев, когда ктонибудь показывал свое возмущение. Все боялись его и льстили ему. Дамы целовали его испачканные едои руки и не гнушались его черных иогтей. Не употребляя столовых приборов, он за столом руками распределял среди своих поклоиниц куски пищи и те старались уверить его, что оии это считают каким-то блаженством. Было отвратительно наблюдать такие сцены. Но гости Распутина привыкли к этому и асе это принимали с беспримерным терпе-

Я не сомневаюсь, что Распутии нередко вел себя возмутительнобезобразно, чтобы показать свою ненависть дворянству. С особенной любовью он ругался и издевался над дворянством, называл их собаками и утверждал, что в жилах любого дворянина ие течет ни капли русской крови. Разговаривая же с крестьянами или своими дочерьми, он не употреблял ин единого бранного слова. Его дочери имели особую комивту и никогда не заходили а помещения, в которых находились гости. Комиата дочерей Распутина была хорошо меблирована и из нее вела дверь в кухню, в которой жили племяииицы Распутина Нюра и Катя, наблюдавшие за его дочерьми. Собственные комнаты Распутина были почти совсем пусты и а них находилось очень немного самой дешевой мебели. Стол в столовой инкогда не накрывали сквтертью. Только в рабочей комнате стояло несколько кожаных кресел, и это былв единствениая более или менее приличная комната во всей квартире. Эта комната служила местом интимных встреч Распутина с представительницами высшего петербургского общества. Эти сцены обычно протекали с невозможной простотой, и Распутин а таких случвях соответствующую даму выпроваживал из своей рабочей комнаты словами: «Ну, ну, матушка, все в порядке!»

После такого дамского визита Распутин обыкновенно отправлялся в напротив его дома находящуюся баню. Но данные а таких случаях обещания всегда исполнялись.

При любовных похождениях Распутина бросалось в глаза, что он терпеть не мог навязчивых особ. Но с другой стороны, он надоедливо преследовал не поддававшихся его вожделениям дам. В этом отношении он становился даже вымогателем и отказывался от всякой помощи а делах таких лиц. Бывали также случаи, что приходиашие к нему с просъбами дамы прямо сами себя предлагали, считая это необходимой предпосылкой для исполнения их просъбы. В таких случаях Распутин играл роль возмущенного и читал просительнице самое строгое нравоучение. Их просъбы все же исполнялись

ДОМ РАСПУТИНА

В столовои Распутина обычно собиралось самое разнообразное общество. Каждый посетитель считал своей обязаиностью приносить что-нибудь съедобное. Мясные блюда не почитались. Приносили много икры, дорогой рыбы, фруктов и свежего клеба. Кроме того, на столе стояли всегда картофель, кислая капуста и черный клеб. Бессменно на столе возвышался громадный кипящий самовар. Кладовая Распутина была всегда набита всевозможными запасами. Каждый приходящий мог угощаться по своему желанию. Иногда можно было наблюдать сцену, когда Распутин бросал куски черного хлебв а миску с ухой, вытаскивал своими руками эти куски опять из ухи и распределял между своими гостями. Последние принимали эти куски с воодушевлением и съедали их с удовольствием. На столе всегда находилась куча сухарей из черного клеба и соль, Распутин любил эти сухари, а также предлагал их своим ГОСТЯМ. СРЕДИ КОТОРЫХ ПОСТОЯННО НАХОДИЛИСЬ КВИДИДАТЫ ИВ МИнистерские посты и другие высокие должности. Распутинские

сухари пользовались в Петербурге большой популярностью. Его хозяйство вели его племянницы Нюра и Катя. Прислуги он не держал.

Съестные припасы я доставлял Распутину на дом. Я заботился о том, чтобы Распутин и его семья получали бы все необходимое; по этому поводу у нас с ним существовало молчаливое соглашение; николай II знал, что пока его любимец находится на моем попечении, он ин в чем нуждаться не будет. Рвспутин принимал мои услуги, но никогда не спрашивал об их мотивах. Он даже не интересовался, откуда я доставал деньги. В случае какойлибо нужды он всегда просто обращался ко мие.

Жизнь Распутина требовалв громадных сумм, и в всегда их доставал. В последнее время по распоряжению царя из министерства анутренних дел отпускались ежемесячно пять тысяч рублей, но при широком образе жизни Распутина и его кутежах этой суммы иикогда не хватало. Не хватало также моих личных средста на покрытие всех расходов. Поэтому я доставал Распутину деньги из особых источников, которые, чтобы не повредить моим единоверцам, я никогда не аыдам.

Если бы Распутин думал лишь о собственных выгодах, то он иаколил бы большие капиталы. Ему не стоило бы много труда получать от лиц, которым он устранвал должности и всякие другие выгоды, денежные вознаграждения. Но он никогда не требовал денег. Он получал подарки, но они не были высокой стоимости. Например, ему дарили одежду или платили по его счетам за кутежи. Деньги он принимай лишь в тех случаях, если он ими мог комунибудь помочь. Бывали случви, что одновременно с какимлибо богачом у него находился бедный, хлопочущий о помощи. В таких случаях он предлагал богачу давать бедному несколько сот рублей. С особым удовольствием он помогал обращающимся к нему за помощью крестьянам. Случалось, что он своих просителей посылал к еврейским миллионерам: Гинцбургу, Соловейчику, Манусу. Каминка и другим с записками о выдаче им той или другой суммы. Эти просьбы всегда удовлетворялись. Когда Распутина посещал М. Гиицбург, то ои обычно отнимал у него все при нем находящиеся наличные деньги и распределял их среди всегда в его доме толпящейся бедиоты. В таких случаях он любил аыражаться: а доме находится богатый человек, который хочет распределить свои деньги среди бедняков. Но для себя он ничего не требовал. Я пытался его заинтересовать в моих делах, но он всегда отказывался. Если его хотели отблагодарить, то нужно было искать особые пути. От природы он имел доброе сердце. Случалось лишь очень редко, что он в исполнении какой-нибудь просьбы отказывал. В серьезных случаях он показывал себя всегда очень пеликатным и всегда готовым к помощи. Он очень подробно расспращивал своих просителей, и ему было очень неприятно, если он не мог им помочь. Он охотио выступал за обиженных и униженных, и принимал жалобы на власть имущих.

Между 10 — 1 у иего всегда бывал прием, которому мог позавидовать любой министр. Число просителей иногда достигало до 200 лиц, и среди них находились представители самых разнообразных профессий. Среди этих лиц можио было встретить генерала, которого собственноручно побил великий князь Николай Николаевич, или уволенного вследстане превышения власти государственного чиноаника. Миогие приходили к Распутину, чтобы выхлопотать повышение по службе или другие льготы, иные опять с жалобами или доносами. Евреи искали у Распутина звщиты против полиции или военных властей. Но мужчины терялись в массе женщин, которые являлись к Распутину со всевозможными просьбами и по самым разнообразным причинам.

Если он не спал после ночного кутежа, то ои обычио выходил к этой разношерстной, набившей все углы его квартиры толпе просителей. Он низко кланялся, оглядывал толпу и говорил: «Вы пришли все ко мне просить помощи. Я всем помогу».

Почти инкогда Распутии ие отказывал а своей помощи. Он никогда не задумывался, стоит ли проситель его помощи и годен ли он для просимой должности. Про судом осужденных ои говорил: «Осуждение и пережитый страх уже есть достаточное наказание».

Для Распутина было решающим то, что проситель нуждался в его помощи. Он помогал всегда, если было только возможно, и ои любил унижать богатых и власть имущих, если он этим мог показать свои симпатии бедным и крестъянам. Если среди просителей находились генералы, то он насмешливо говорил им: «Дорогие генералы, вы привыкли быть принимаемыми всегда первыми. Но здесь находятся бесправные еареи, и я еще их сперва долже: отпустить. Евреи. подходите. Я хочу для вас все сделать».

Далее евреи уже поручались мне и я должен был от имени Распутина предпринимать соответствующие шаги.

После еврееа Распутин обращался к другим посетителям, и только под самый конец он принимал просьбы генералов. Он любил во аремя своих приемов повторять: «Мие дорог каждый приходящий ко мне. Люди должны жить рука об руку и помогать друг другу».

Жена Рвспутина приезжала в Петербург, чтобы навестить своего мужа и детей, лишь раз а год, и оставалась на самое короткое время. Во время ее приездов Распутин не стеснял себя, но обходился с ней очень приветливо и любил ее по-своему. Она не обращала много внимания на любовные похождения своего мужа

Он целовал своих аристократических поклонниц в присутствии своей жены, и ей это даже льстило. Обычно очень упрямый, легко вспыльчивый, не терпящий противоречий и готовый всегда драться со своим противником. Распутин относился к своей жене очень податливо. Они жили в сердечной дружбе и никогда не спорили между собой.

Однажды приезжал в Петербург также отец Распутина, чтобы вблизи посмотреть на успехи своего сына. Он а Петербурге оставался очень короткое время, поехал обратно домой и скоро там умер. Сын Распутина Дмитрий был очень тихий и добродушный мальчик. Он был мало даровит и учился плохо. После двухлетнего посещения духовного училища, он вернулся в село Покровское, сделался там крестьянином и теперь еще живет там со своей женой и матерью. Во время войны он стал военнообязанным, но отец его не пустил на фронт, а устроил помощником санитара в ныператорском санитарном поезде.

РАСПУТИН КУТИТ

Страстиый кутила. Распутин находился в наилучших отношениях со всеми прожигательницами жизни столицы. Любовницы великих князей, министров и финансистов были ему близки. Поэтому он знал все скандальные истории, связи высокопоставленных лиц, ночные тайны большого света, и он умел все это использовать для расширения своего значения в правительственных кругах. Петербургские великосветские дамы, кокотки, знаменитые артистки и веселые аристократки, асе были горды своими отношениями к дюбимиу царской четы. Все они были ослеплены его успехами. Дружба с Распутиным давала им возможность знать много разных тайн. обделывать свои темные делишки и делать свою собственную или близких им людей карьеру. Разиые прожигательницы жизни имели в то время особое влияние а Петербурге и занимали какое-то особое положение в дореволюционное время.

Случалось часто, что Распутии звонил к одной из своик приятельииц из этого круга и приглашал в известный ресторан. Приглашения всегда принимались и начинался кутеж. Дамы эти пользовались удобным случаем, чтобы похлопотать у Распутина за своих друзей, любовников и родных. Очень многие из этих дам обогащались таким способом, так как Распутин в таких случаях был очень податливым.

Владелец загородного ресторана «Вилла Роде» построил для ночных кутежей Распутина специальный дом. Там можно было встречать часто лиц с очень громкими именами и титулами; при этом дамы из общества старались своими выходками перебить хористок и шаисонеток. Обычно призывался цыганский хор, так как Распутин очень любил цыганское пение. Он был также страстным танцором и великолепно танцевал русские танцы. В этом отношении было трудно с ним конкурировать даже профессиональным танцорам.

Отправляясь на кутежи, Распутин всегда набивал свои карманы разными подарками: конфетами, шелковыми платками и лентами, пудреницами, духами и тому подобными вещами. Распутин очень радовался, если после его прихода в ресторан все эти вещи расхищались из его карманов, и кричал весело: «Цыганки меня обворовали!∍

Бывало очень редко, чтобы при таких кутежах не присутствовал какой-нибудь министр или кандидат в министры.

Однажды во время такого кутежа была предпринята попытка убить Распутина.

Несколько молодых людей и офицеров сумели устроить себе доступ на место кутежа. Вначале все было тихо, но когда Распутин вышел на середину комнаты, приглашая партнершу на танец, офицеры аскочили и обнажили свои шашки. У штатских появились в руках револьверы. Распутин отскочил в сторону, обвел заговорщиков страшным взглядом и аскрикнул: «Вы хотите покончить со мною!»

Заговорщики стояли окаменелые, как парализованные. Они не могли отвернуться от взгляда Распутина. Все затихли. Случай произвел на всех присутствующих сильное впечатление.

Распутин пояснил: «Вы были моими врагами, но теперь вы больше не араги. Вы видели, что моя сила победила. Не сожалейте, что вы сюда пришли, но н не радуйтесь, что вы можете уйти. Не существует больше такой власти, которая могла бы направить вас против меня. Ступайте домой. Я хочу остаться с моими здесь и отдохнуть».

Молодые люди опустились перед Распутиным на колени и умоляли его их простить.

Я вам не прощу, — ответил Распутин, — так как я вас сюда не приглашал. Я не радовался, когда аы пришли, и не горюю, когда вы уходите. Теперь уходите. Вы излечены. Ваши гибельные намерения пропали

Заговорщики оставили помещение.

62

В Петербурге усиленно распространялись слухи, что Распутин находится в интимной связи с царицеи и ведет себя также неблагопристойно по отношению к царским дочерям. Эти слухи не имели ни малейшего основания.

Распутин никогда не являлся во дворец, когда там не было царя. Я не знаю, по собственной ли инициативе или по царскому указанию он так поступал. Изредка Распутин астречался с царицей а ее лазарете, но асегда в присутствии санты.

ОЧЕВИДЦ

ПЕРОМ

Также а слухах о царских дочерях нет ни слова правды. По отношению к царским детям Распутин был асегда анимителен и благожелателеи. Он был против брака одной из царских дочерей с великим князем Дмитрием Павловичем, предупреждая ее и даже советуя не подавать ему руки, так как он страдает болезнью, от которой можно было заразиться при рукопожатии. Если же рукопожатие неизбежно, то Распутии советовал сейчас же после этого умываться сибирскими травами.

Советы и указания Распутина оказывались всегда полезными. и он пользовался полным доверием царской семьи. Царские дети имели в нем аерного друга и советника. Если они вызывали его недовольство, то он срамил их. Его отношения к ним были чисто отеческие. Вся царская семья верила в божественное назначение Распутина.

Он часто упрекал царицу в ее скупости. Он был очень недоволен, что вследствие бережливости царские дочери ходили плохо одетыми. Скупость царицы при дворе вошла в поговорку. Она стремилась даже в мелочах экономить. Ей было до того тяжело расставаться деньгами, что она даже платья покупала в рассрочку,

Грязные сплетни давали мне повод к частым разговорам с Распутиным по поводу его отношений к царице и ее дочерям. Эти злостные сплетни меня сильно беспокоили и я считал бессовестным распространение безобразных слухов про безукоризненно ведших себя царицу и ее дочерей. Чистые и безупречные девушки не заслуживали этих распространяемых бессовестными создавателями сенсаций обаннений.

Несмотря на их высокое положение, они были беззащитны против такого рода слухов.

Было стыдио, что даже родственники царя и высокие сановники также занимались муссированием этих слухов. Их поведение можно иззвать тем более низким, что им доподлинно была известна аздорность этих слухов. Распутин возмущался этими слухами, но по причине чувства своей невиновности не принимал их особенно горячо к сердцу. Я учитывал положение в этом отношении иначе, и считал необходимым аыступать против этих слухов и часто упрекал Распутина в его безразличии к этому вопросу.

Что ты хочешь от меня, — кричал на меня во время таких разговоров Распутин, — что я могу сделать? Разве я виноват, что про меня клевещут таким образом?

- Но недопустимо, чтобы из-за тебя разводились нелепые сплетни на великих княжон, — возражал я. — Ты должен же понять, что каждому жаль бедных деаушек, и что даже царицу замешивают в эту грязь.

Убирайся к черту, — кричал Распутин. — Я инчего не сделал. Люди должны понять, что никто не загрязняет то место, где он кушает. Я служу царю и никогда ничего подобного не осмелюсь сделать. На такую неблагодарность я не способен. И что ты думаешь, что сделал бы царь в таком случае?..

Все происходит оттого, что ты постоянно гоняешься за юбками. Оставь этих баб. Ты же не можешь пропустить мимо себя ни одной женщины.

Разве я виноват? — возражал Распутин. — Я не насилую их. Они сами шляются ко мне, чтобы я за них хлопотал у царя. Что мне делать? Я здоровый мужчина и не могу противостоять, когда ко мне приходит красивая женщина. Почему мне не брать их. Не я ищу их, а они приходят ко мне.

Но этим ты вредишь всей царской семье. Этим ты возмутил против себя всю Россию, дворянство и даже заграницу. Пора кончать. Мне ты не вредишь, но в твоих собственных интересах ты должен покончить с этим, пока не поздно. Иначе ты пропадешь.

Распутин обращал мало внимания на мои предупреждения. Когла же мучаясь особенно плохими предчувствиями, я усиленно настаивал, он обыкновенно отвечал:

 Подожди только. Сперва я должен помириться с Вильгельмом, а потом я пойду на богомолье в Иерусалим.

Такого дола разговор как-то раз произошел также а присутствии Вырубовой, сестер Воскобойниковых, госпожи ф. Ден, Никитиной и других. Я видел, что все они со мной соглашались, но ни одна из них не имела мужества открыто высказать свое мнение

(Продолжение следует)

Мы открываем и изучаем сегодня нашу советскую историю как бы заново. И в этом духовно-созидательном и гражданском процессе важное значение имеют свидетельства очевидцев, мнение которых долгое время от нас прятапось или подавапось в искаженном виде, пишеннов правдивости, точного изпожения фактов, а иногда и смысла... Книга Лиона Фейхтвангера «Москва 1937» [Гослитиздат, 1937] из разряда именно таких. Изданная сначала в Амстердаме, а потом в Москве, она на многие десятилетия пропала из нашего внимания. Чем же она интересна нам теперь! С одной стороны — Фейхтвангер не только талантливый писатель, широко известный в мире, но и тонкий психолог, историк, написавший нескопько блестящих исторических романов, таких, как «Љке-Нерон», «Гойя...», «Братья Лаутензак»... С другой стороны — он не отпичался особыми симпатнями к социализму и коммунистической идеологии, к тому же в пору приезда в СССР он жил в эмиграции, вынужденный покинуть гитлеровскую Германню, с ее огоптелым национализмом и антисемитизмом... Однако он принял приглашение и приехап в Советский Союз, провел у нас более двух месяцеа и опубликовап книгу с заметками о поездке, назвав ее «Отчетом о поездке для моих друзей». Во время пребывання в Москве он встречался не только с писателями и ннтеппигенцией, но и был принят в Кремле Сталиным, с которым имел продолжительную

Обо всем этом Фенхтвангер написап откровенно и без каких-либо прикрас... Наша писательская общественность не рассчитывала на такой благополучный исход дела. Книга была немедленно переведена и, как утверждают легенды, рукопись перевода показана Сталину, поскопьку ему в ней была отведена добрая половина... «Отчет о поездке...» ему понравился, он, будто бы сам, по всей книге сделал в каждой главе смысловые подзаголовки, с тем, чтобы массовый читатель более точно ориентировался в мыслях писателя... И сразу же была издана небывалым по тем временам тиражом в 200 тысяч экзвилляров! Только в предисловни от издательства все же указапи, что «книжка содержит ряд ошибок и неправильных оценок. В этих ошибках легко может разобраться советский читатель. Тем не менее книжка представляет интерес и значение, как полытка честно и добросовестно изучить Советский Союз».

Именно этими соображениями руководствовались и мы, выбрав из нее нескольно глав для публикацин. Очень сожалеем, что, огражиченные журнапьным объемом, не нмеем возможности напечатать этот очерк целиком, однако утешаем себя надеждой, что это сдепает каноенибудь издательство. Наш сегодняшний плюрализм предпопагает и исторический взглад на огненные годы социалистических свершений и крушаний не только изнутри, но и особенно со стороны. Без этой субъективной оценки очевндцев остаются непознаниыми душевное состояние людей, их чувства и переживания, их заблуждення, наменые мечтания и надежды...

Надо пи объяснять, что Стапии бып опытным политическим демагогом, он умел расположить влиятельного собеседника и откровенностью, и категоричностью своих суждений, хитростью, и беспристрастиостью своих оценок.

Несомиенно, что Фейхтвангер нашел в Стапине и русском народе спасителей мира, прежде всего, Европы от фашистской кпики, жестоность и кровожадиость которой он увидел воочию,

прежде чем покинул Германию. Эта мыспь, эта забота о протияопоставлении Гитперу н фашизму, наверняка не покидала его и при иаписании этого очерка. Потому так много надежд он возлагал на Сталина в будущем устройстве Европы, потому так резко судил его врагов и потому на кое-что из увиденного и понятого закрывал глаза... Все во имв спасения человечества от фашизма... Другой, более реальной силы в мире, чем советский народ, он все-таки не видел. И как показапо времв, не ошибся в своих предположе-

Лион ФЕЙХТВАНГЕР

Цель этой книги

Эти страмицы следовало бы, собственно озаглавить «Москва, январь, 1937 год». Ведь жизнь в Москве течет с такой быстротой, что некоторые утверждения становятся спустя месколько месяцев уже неправильными. Я бродил по Москве с людьми, хорошо ее знающими; пробыв в отсутствии каких-нибудь полгода, они теперь, глядя на нее, покачивали головой: меужели это наш город? Несмотря на это, я все же даю этой кинге заглавие «Москва, 1937 год». Я позволю себе такую неопределениость в дате, потому что я не стремлюсь к точной объективной передаче виденного мною; после десятинедельного пребывания такая попытка была бы нелепа. Я хочу только изложить свои личные впечатления для друзей, жадмо иабрасывающихся на меня с вопросами: «Ну, что Вы думаете о Москве? Что Вы там, в Москве, видали?»

Насколько неправильна нарисованная мною картина

Так как я сознаю, что предлагаемые мною суждения субъективны, я хочу рассказать о том, с какими ожиданиями и опасениями я ехал в Советский Союз. Пусть каждый читатель сам установит, насколько мой взгляд был затемнен предвзятыми мнениями и чувствами.

Вера в разум

беседу.

Я пустился в путь в качестве «симпатизирующего». Да, я симпатизировал с самого начала эксперименту, поставившему себе целью построить гигантское государство только на базисе разума, и ехал в Москву с желанием, чтобы этот эксперимент был удачным. Как бы мало я ни был склонен исключать из частной жизни человека его логическое, нелогическое и чувства, как бы я ни находил жизнь, построенную на одной чистой логике, однообразной и скучной, все же я глубоко убежден в том, что общественная организация, если она хочет развиваться и процветать, должна строиться на основах разума и здравых суждений. Мы с содроганнем видели на примере Центральной Европы, что получается, когда фундаментом государства и законов хотят сделать не разум, а чувства и предрассудки. Мировая история мне всегда представлялась великой длительной борьбой, которую ведет разумиое меньшинство с большинством глупцов. В этой борьбе я стал на сторону разума, и потому я симпатизировал великому опыту, предпринятому Москвой, с самого его возникновения.

Недоверие и сомнение

Однако с самого начала к моим симпатням примешивались сомнения. Практический социализм мог быть построен только посредством диктатуры класса, и Советский Союз был в самом деле государством диктатуры. Но я писатель, писатель по призванию, а это означает, что я испытываю страстную потребность свободно выражать все, что я чувствую, думаю, вижу, переживаю, невзирая на лица, на классы, партии и идеологии, и поэтому при всей моей симпатии я все же чувствовал недоверие к Москве. Правда, Советский Союз выработал демократическую, свободную конституцию; но люди, заслуживающие

доверия, говорили мие, что эта свобода на практике имеет весьма растрепанный и исковерканный вид, а вышедшая перед самым моим отъездом небольшая книга Андре Жида только укрепила мои сомнения.

Потемкинские деревни

Итак, к границам Советского Союза я подъезжал полный любопытства, сомиений и симпатий. Почетная встреча, оказанияя мне в Москве, увеличила мою неуверенность. Мои хорошие знакомые, люди обычно вполне разумные, совершенно терялн здравый ум, когда оказывались среди немецких фашистов, осыпавших их почестями, и я спрашивал себя, меужели и я позволю тщеславию изменить мой взгляд на вещи и людей. Кроме того, я говорил себе, что мне, несомненно, будут показывать только положительное и что мне, человеку, не знакомому с языком, трудно будет разглядеть то, что скрыто под прикрашенной внешностью.

Нападки, вызванные недостатком комфорта

С другой стороны, множество мелких неудобств, осложняющих повседневный московский быт и мешающих видеть важное, легко могло привести человека к несправедливому и слишком отрицательному суждению. Я очень скоро понял, что причиной неправильной оценки, данной Москве великим писателем Андре Жидом, были именного такого рода мелкне неприятности. Поэтому в Москве я приложил много усилий к тому, чтобы иеустаино контролировать свои взгляды и выправлять их то в ту, то в другую сторону с тем, чтобы приятные или иеприятные впечатления момента не оказывали влияние на мое окончательное суждение.

Дальнейшие трудности на пути к правильному суждению

Иногда же наивная гордость и усердие советских люден мешали мне найти правильное решение. Цивилизация Советского Союза совсем молода. Она достигнута ценой беспримерных трудностей и лишений, поэтому, когда к москвичам приезжает гость, мнением которого — справедливо или несправедливо — они дорожат, они немедленио начинают забрасывать его вопросами: как Вам нравится то, что Вы скажете по поводу этого? Кроме того, я попал в Москву в неспокойное время. Фашистские вожди вели угрожающие речи на тему о войне против Советского Союза; в Испании и на границах Монголии шла борьба; в Москве слушался политический процесс, сильно взволновавший массы. Следовательно, вопросов накопилось немало, и москвичи на них не скупились. Я же, человек медлительный в своих оценках, люблю мысленно обсудить все «за» и «против» н не тороплюсь выражать свое мнение, если не считаю его достаточно продуманным. Вполне естественно, что не все в Москве мне понравилось, а мое писательское честолюбие требует от меня откровенного выражения моего мнения склонность, причинившая мне немало неудобств. Итак, я, будучи в Советском Союзе, не хотел умалчивать о недостатках, где-либо замеченных мною. Однако найти этим неблагоприятным отзывам нужную форму и слова, которые, не будучи бестактными, имели бы достаточно определенный смысл, представляло не всегда легкую задачу для почетного гостя в такое напряженное время.

Откровенность за откровенность

Я мог с удовлетворением констатировать, что моя откровенность в Москве не вызвала обиды. Газеты помещали мои замечания на видном месте, хотя, возможно, правящим лицам они не особенно иравились. В этих заметках я высказывался за большую терпимость в некоторых областях, выражал свое недоумение по поводу имой раз безвкусно преувеличенного культа Сталина и говорил масчет того, что следовало бы с большей ясностью раскрыть, какими мотивами руководствовались обвиняемые второго троцкистского процесса, признаваясь в содеяниом. И в частных беседах руководителя страны относились к моей критике с вниманием и отвечали откровенностью на откровенность. Именно потому, что свое миение я выражал неприкрыто, я получил сведения, которые в противном случае мне едва ли удалось бы получить.

Нужно ли выступать с положительной оценкой Спретского Союза?

После моего возвращения на Запад передо мной встал вопрос, должен ли я говорить о том, что я видел в Советском Союзе? Это не являлось бы проблемой, если бы я, как другие, увидел в Советском Союзе много отрицательного и мало положительного. Мое выступление встретили бы с ликованием. Но я заметил там больше света, чем тени, а Советский Союз не любят и слышать хорошее о нем не хотят. Мне тотчас же было на это указано. Я не очень часто выступал в печати Советского Союза со своими впечатлениями. Мои выступления составнли менее двухсот строк, при этом они отнюдь не заключали в себе только похвалу; ио даже это мемногое было здесь, на Западе, ввиду того, что оно не представляло безоговорочного отрицания, искаженно и опошлено. Должен ли я был продолжать говорить о Советском Союзе?

Лучше не надо

У сталый и возбужденный виденным и слышанным, я сказал себе в первые дни после моего возвращения, что моя задача не говорить, а изображать в образах, и я решил молчать и ждать, пока пережитое не воплотится в образы, которые можно запечатлеть.

Но как писатель я все же это делаю

Однако вскоре другие соображения одержали верх. Советский Союз ведет борьбу с многими врагами, и его союзники оказывают ему только слабую поддержку. Тупость, злая воля и косность стремятся к тому, чтобы опорочить, оклеветать, отрицать все плодотворное, возникающее на Востоке. Но писатель, увидевший великое, не смеет уклоияться от дачи свидетельских показаний, если даже это великое мепопулярно и его слова будут многим неприятны.

Поэтому я и свидетельствую.

Глава II КОНФОРМИЗМ И ИНДИВИДУАЛИЗМ

«Вялость» москвичей

Писателю Андре Жиду был представлен поставивший рекорд «стахановец» — рабочий, который, как сообщили Жиду, «не то за пять часов работы выполнил норму восьми дней, не то за восемь часов — норму пяти дней, точно я сейчас уже не помню. Я спросил, — продолжает дальше Жид, — не означает ли это, что прежде этот человек затрачивал восемь дней на выполнение пятичасовой работы». Жид удивляется, что вопрос его был принят колодно и что ему предпочли не отвечать. Это дает Андре Жиду повод для размышлений о «вялостн» москвнчей. Назвать это «ленью», добавляет он как объективный наблюдатель, «было бы слишком резко». Однако он считает, что в стране, в которой все рабочне действительно работают, стахановское движение было бы излишне. Но у них, в Советском Союзе, говорит он, люди, будучи предоставлены самим себе, немедленно дезорганизуются, поэтому, для того чтобы подстегивать ленивых, было придумано стахановское движение; прежде, говорит он, для этой цели имелся кнут.

Трудолюбие

Поразительные наблюдения делает Андре Жид. Что касается меня, то я должен сказать, что мне бросились в глаза как раз исключительные деловитость, активность, трудолюбие москвичей, которые мчатся по улицам с сосредоточенными лицами, торопливо пересекают, как только вспыхивает зеленый светофор, мостовую, теснятся на станциях метро, бросаются в трамван, автобусы, суетятся повсюду, как муравыи. На фабриках я почти не видел, чтобы рабочий или работница поднимали глаза на посетителя: настолько они были поглощены собственным делом. Я уже не говорю о тех, кто занимает сколько-нибудь ответственное положение. Эти почти не уделяют времени для еды, они почти не спят и не видят ничего особенного в том, чтобы вызвать по телефону из театра, во время представления, человека только для того, чтобы задать ему какой-нибудь срочный вопрос или позвонить ему в три или четыре часа утра по телефону. Я нигде не встречал такого количества неутомимо работающих людей, как в Москве. С другой стороны, я с сожалением замечал, что на этих людях сквзываются вредные последствия переутомления, работа совершенно выматывает их. Почти все москвичи, занимающие ответствениые посты, выглядят старше своих лет. Если в Нью-Йорке или Чикаго я ие обнаружил американских темпов работы, то я обнаружил их в Москве.

Труд

Пора было бы положить конец этой «Fable convenue» о лени русского человекв. Народ, который еще двадцать лет тому назад почти задыхался в нищете, грязи и невежестве, является в настоящее время обладателем высоко развитой промышленности, рационализированиого сельского хозяйства, громадиого количества новоотстроенных или до основания перестроенных городов и, кроме того, полностью ликвидировал свою неграмотность. Возможио ли, чтобы леинвые по природе люди могли выполнить твкую работу? Допустим, что Советскому Союзу посчастливилось найти необычайно талантливых вождей, но даже если бы все гении, которыми на протяжении веков располагало человечество, были собраны в эти двадцать лет в Москве, они не смогли бы заставить ленивый по природе народ проделать такую гигантскую работу. Неудивительно, что крестьяне и рабочие, пока им приходилось гнуть спину для капиталистов и помещиков, считали свой труд бременем и стремились освободиться от него; с тех пор, как они увидели, что плоды этого труда идут на пользу им самим, отношение их к труду в корне изменилось.

Распределение богатства, а не бедности

Андре Жид, далее, удивляется, и на этот раз с ним удивляются многие другие, по поводу материального неравенства в Советском Союзе. Меня удивляет его удивление. Мне кажется вполне разумным, что Советский Союз до тех пор, пока он не сможет осуществить идеальный принцип завершенного коммунизма: «...каждому по потребностям», следует социалистическому принципу: «...каждому по его труду». Мне кажется, что при построении социализма вопрос ставится не о распределении нужды, а о распределении богатства. Но я не вижу, каким путем можио было бы когда-либо достигнуть распределения богатства, если заставлять тех, от кого ждут высокой производительности труда, вести скудную жизнь, которая неблагоприятно отразится на их работоспособности. Теория о том, что граждане Советского государства, все без исключения, должны жить бедно или по меньшей мере весьмв скромно до тех пор, пока все не будут иметь возможности жить зажиточно, — эта теория кажется мне атавистическим пережитком представлений первобытиого христианства и скорее благочестивой, нежели разумной. Представители такого рода взглядов напоминают мне одного моего родственника, престарелого баварского чиновинка, который во время мировой войны спал на голом полу, потому что люди, сидящие в окопах, не имели посте-

Бесклассовое общество

Опасение, что материальное неравенство может восстановить только что уничтоженные классы, кажется мне ошибочным. Основным принципом бесклассового общества является, пожалуй, то, что каждый с момента своего рождения имеет одинаковую возможность получить образование и выбрать профессию, н, следовательно, у каждого есть уверенность в том, что он найдет себе применение в соответствии со своими способностями. А этот основной принцип — чего не оспаривают даже самые ярые противники Советского Союза — проведен в СССР в жизнь. Потому-то я и не наблюдал нигде в Москве раболепства. Слово «товарищ» — это не пустое слово. Товарищ строительный рабочий, поднявшийся из шахты метро, действительно чувствует себя равным товарищу народному комиссару. На Западе, по монм наблюдениям, сыновья крестьян и пролетариев, которым удалось получить образование, подчеркиалют свой переход в высший класс и стараются держаться в стороне от своих бывших товарищей по классу. В Советском Союзе интеллигенты из крестьян и рабочих поддерживают тесный контакт с той средой, из которой они вышли.

Два клисса — борцы и работники

Все же я заметил в Советском Союзе одно разделение. Мо-

лодая история Союза отчетливо распадается на две эпохи: эпоху борьбы и эпоху строительства. Между тем хороший борец не всегда является хорошим работником, и вовсе не обязательмо, что человек, совершивший великие дела в перод гражданскою войны, должеи быть пригодеи в период строительства. Однако естествению, что каждый, у кого были заслуги в борьбе за создание Советского Союза, претендовал и в дальмейшем иа высокий пост, и так же естественно, что к строительству были в первую очередь привлечены заслуженные борцы, хотя бы уже потому, что оны были надежны. Однако ныне гражданская война давно стала историей; хороших борцов, оказавшихся негодными работниками, сияли с занимаемых ими постов, и понятмо, что многие из них теперь стали противниками режима.

Воелители

Естественно, что как бы ин были успешно завершены пятилетние планы, проведение их не могло не встретить затруднений, — и в некоторых областях были допущены ошибки. Те, кто работает хорошо, с напряжением всех своих сил, чувствуют, что им мешает слабая или неправильная работа других, и озлобляются. Не рассуждая долго, они приписывают элую волю тому, кто просто не имел достаточной силы для больших достижений, и подозревают его во вредительстве.

Правда

То, что акты вредительства были, не подлежит никакому сомнению. Многне, стоявшие раньше у власти — офицеры, промышленники, кулаки, — сумели окопаться на серьезных участках и занялись вредительством. Если, например, в настоящее время проблема снабжения частных лиц кожей и особенио проблема снабжения обувью все еще недостаточно урегулирована, то, несомненно, виновниками этого являются те кулаки, которые в свое время вредили в области скотоводства. Химическая промышленность и транспорт также долгое время страдали от вредительских актов. Если еще до сих пор принимаются чрезвычайио строгие меры к охране фабрик и машин, то на это имеется много причим, и это вполне обосновано.

Вымысел

Постепенно, однако, маселенне охватил мастоящий психоз вредительства. Привыкли объяснять вредительством все, что ме клеилось, в то время как значительная часть неудач должиа была быть навериое просто отнесена за счет меумения.

Примерь

У меня в гостинице обедал как-то одим крупный работник. Офицнант подавал очень медленио. Мой гость вызвал администратора, пожаловался ему и сказал в шутку: «Ну разве это не вредитель?» Но это уже не шутка, когда слабую работу кинорежиссера или редактора объясняют вредительством или когда утверждают, что плохие иллюстрации к кинге на тему о строительстве сельского хозяйства нужио отнести за счет злого умысла художника, пытвышегося своим произведением дискредитировать строительство.

Конформизм

Свмый факт, что такой психоз мог распространиться, свидетельствует о существовании того конформизма, в котором многие упрекают Советский Союз. Люди Союза, говорят эти критики, обезличены, их образ жизни, их мнения стандартизованы, нивелированы, уиифицированы. «Когда говоришь с одним русским, — сказано у Жида, — говоришь со всеми».

Что в этом правда?

В этих утверждениях есть крупинка правды. Не только плановое хозяйство несет с собой определениую стандартизацию продуктов потребления, мебели, одежды, мелких предметов обихода до тех пор, пока производство готовых изделие еще мевысоко развито, но и вся общественная жизнь советских граждаи стандартизована в широких масштабах. Собрания, политические речи, дискуссии, вечера в клубах — все это похоже, как две капли воды, друг на друга, а политическая терминология во всем обширном государстве сшита на одну мерку.

Три пункта

Если, однако, присмотреться поближе, то окажется, что весь этот пресловутый «конформизм» сводится к трем пунктам, в именио: к общности мнений по вопросу об основных принципых коммунизма, к ясеобщей любви к Советскому Союзу и к разделяемой всеми уверенности, что в иедалеком будущем Советский Союз станет самой счвстливой и самой счльной страной я мире.

Коммунизм и советский патриотизм

Таким образом, прежде всего, господствует единое мнение нисчет того, что лучше, когда средства производства являются не частной собственностью, а всенародным достоянием. Я не могу сказать, чтобы этот конформизм был так уж плох. Да, честно говоря, я нахожу, что он ничуть не хуже господствующего мнения о том, что две величины, порознь равные третьей, равны между собой. И в любви советских людей к своей родине, хотя эта любовь и выражается всегда в одинаковых, подчис довольно наивных формах, я тоже не ыогу найти ничего предосудительного. Я должен, напротив, признаться, что мне даже нравится наивное патриотическое тщеславие советских людей. Молодой народ ценой неслыханиых жертв создал нечто очень великое, и вот ои стоит перед своим творением, сам еще не совсем веря в него, радуется достигнутому и ждет, чтобы и все чужие подтвердили еыу, как прекрасно и гранднозно это достигнутое.

Большевистская самокритика

Впрочем, такого рода советский патриотизм инкоим образом не исключает критику. «Большевистская самокритика» это никак не пустые слова. В газетах встречаются ожесточеннейшие нападки на бесчисленные, действительныее или предполагаемые, недостатки и на руководящих лиц, которые якобы несут ответственность за эти иедостатки. Я с удивлением слушал, как яростно критикуют на производственных собраниях руководителей предприятий, и с недоумением рассмитривал стениые газеты, вв которых прямо-таки зверски ругали или представляли в кариквтурах директоров и ответствениых лиц. И чужому тоже не возбраняют честно высказывать свое мнение. Я уже упоминал о том, что советские газеты не подвергали цензуре мон статьи, даже если я в них и сетовал ив нетерпимость в некоторых областях, или на чрезмерный культ Сталина, или требовал большей ясиости в ведении серьезного политического процесса. Более того, газеты заботились о том, чтобы с максимальной точностью передать в переводе все оттенки монх отрицательных высказывании. Руководители страны, с которыми я говорил, были все без исключения больше расположены выслушивать возражения, чем льстивые похвалы. В Советском Союзе охотно сравнивают собственные достижения с достижениями Запада, сравнивают справедливо, нной раз даже слишком справедливо и, если собственное творение уступает западному, не боятся в этом признаться; да, очень часто они переоценивают успехи Запада, умаляя собственные. Однако, когда чужестранец разменивается на мелочную критику и за маловажными недостатками не замечает значения общих достижений, тогда советские люди начинают легко терять терпение, а пустых, лицемерных комплиментов они инкогда не прощают. (Возможно, что резкость, с которой Советский Союз реагировал на книгу Жида, объясняется именно тем, что Жид, находясь в Союзе, все расхваливал и, только очутившись за его пределами, стал выражать свое неодобре-

Генеральная линия партии

Вы можете весьмв часто услышать и прочитать возражения по поводу тек или ниых частностей, но критики генеральной линии пвртин вы нигде не услышите. В этом вопросе действительно существует конформизм. Отклонений не бывает, или если они существуют, то не осмеливаются открыто проявиться. В чем же состоит генеральная линия партии? В том, что при проведении всех мероприятий она исходит из убеждения, что построение социализма в Советском Союзе на основных участках успешно завершено и что о поражении в грядущей воиме не может быть и речи. В этом пункте я тоже не нахожу конформизм таким предосудительным. Если соммения в правильности генеральной линии еще имели квкой-то смысл приблизительно

до середины 1935 года, то после середины 1935 года они с такой очевидностью опровергнуты возрастающим процветанием стрвны и ыощью Красной Армии, что consensus omnium[®] этого пункта равносильно всеобщему признанию здравого смысла.

Конформизм в Москве и Лондоне

В общем и целом конформизм советских людей сводится к всеобщей горячей любви их к своей родине. В других местах это называют просто патриотизмом. Например, если в Англии жестокая потасовка во время футбольного матча иемедленио превращается во всеобщую гармонию, как только заигрвют национальный гимн, то такое явление редко называют конформизмом.

Любовь к родине, масло, пушки и золото

Правда, между пвтриотизмом советских людей и пвтриотизмом жителей других стран существует одно различие: патриотизм Советского Союза имеет с рациональной точки зрения более крепкий фундамент. Твм жизнь человека с каждым дием яяно улучшается, повышается не только количество получаемых им рублей, но и покупательная сила этого рубля. Средняя реальная звработная плата советского рабочего в 1936 году поднялась по сравнению с 1929 годом на 278 процеитов, и у советского гражданина есть уверенность в том, что линия развития в течение еще многих лет будет идти верх (не только потому, что золотые резервы Германской империи уменьшились до 5 миллнонов фунтов, а резервы Советского Союза увеличились до 1400 миллнонов фунтов). Гораздо легче быть патриотом, когда этот патриот получает не только больше пушек, но и больше масла, чем когда он получает больше пушек, но вовсе не получает масла.

Поощряемый оптимизм

Следовательно, сам по себе единодушный оптимизм советских людей удивлений не вызывает. Правда, его выражают словами, которые благодаря своему однообразию вскоре начинают казаться банальными. Советские люди только приступают к овладению основами знаний, у них еще не было времени обзавестись богатой оттенками терминологией, и поэтому и патриотизм их выражается пока еще довольно общими фразами. Рабочне, командиры Красной Армин, студенты, молодые крестьянки — все в одинх и тех же выражениях рассказывают о том, как счастлива их жизиь, они утопают в этом оптимизме и как ораторы и как слушателя. Власти же стараются поддерживать в них это настроение; стандартизованиый энтузиазм, в особенности когда он распространяется через официальные микрофоны, производит впечатление искусствениости, и этим объясияется то, что в конце концов даже сочувственно настроенные критики начинают говорить о конформизме.

Литература и театр

Этот стандартизованный оптимизм наносит серьезный ущерб литературе и тевтру, то есть факторам, которые больше всего могли бы способствовать формированию индивидуальностей. Это прискорбно потому, что в Советском Союзе существуют исключительно благоприятные условия именно для расцвета литературы и театра. Я ведь уже указывал на то, что гигантская страна, приобщая к духовной жизни огромное большинство населения, находившееся до сих пор в невежестве, подняла на поверхность громадную массу до сих пор скрытых талантов.

Жажда знания и искусства

Ученым, писателям, художникам, актерам хорошо живется в Советском Союзе. Их не только ценит государство, которое бережет их, балует почетом и высокими окладами; они не только имеют в своем распоряжении все нужные им для работы пособия и никого из иих не тревожит вопрос, принесет ли им доход то, что они делают, — они помимо всего этого имеют самую восприимчивую публику в мире.

Жажда чтения

Например, жажда чтения у советских людей с трудом поддается вообще представлению. Газеты, журмалы, книги — все

Распространениой иебылице. — Ред.

[•] Всеобщее признание. — Ред.

это проглатывается, ин в малейшей степени не утоляя этой жажды. Я должен рассказать об одном небольшом случае. Я осматривал новую типографию самой распространениой московской газеты «Правда». Мы расхаживали по гигантской ротационной машине, занимающей первое место в мире по своей производительности: в течение двух часов она отпечатывает два миллиона экземпляров газет. Машина в целом похожа на огромный паровоз, и по ее огромной платформе длиной в восемьдесят метров можно разгуливать, как по палубе океанского парохода. Прогуляв по ней около четверти часа, я вдруг обратил внимание на то, что машина занимает только одну половину зала, а другая половина пустует. Я спросил о причине этого. «В настоящее время, — ответили мне, — мы печатаем «Правду» тиражом только в два миллиона. Но у нас имеется еще пять миллионов заявок подписчиков, и как только наши бумажные фабрики будут в состоянии снабжать нас бумагой, мы устаиовим вторую машину».

Грандиозные тиражи

Книги излюбленных авторов также печатаются в тиражах, цифра которых заставляет заграничных издателей широко раскрывать рот. Тираж сочинений Пушкина к концу 1936 года превысил тридцать один миллнон экземпляров; книги Маркса и Ленина выпущены еще большими тиражами; только недостаток в бумаге ограничивает цифры тиражей книг популярных писателей. Книгу такого популярного писателя обычно невозможно получить ни в одном книжном магазине, ни в одной библиотеке; при появлении нового издания сразу же выстраиваются очереди покупателей, и весь тираж, если он достигает даже 20 000, 50 000, 100 000 экземпляров, расхватывается в несколько часов. В библиотеках — их 70 000 — книги любимых авторов должны заказываться за несколько недель вперед. Таким образом, эти книги представляют собой нечто ценное, котя и продаются по весьма дешевым ценам, так что когда мне сказали: «деньги Вы можете оставлять незапертыми, но книги свои держите, пожалуйста, под замком», то я отнесся к этому не просто как к шутке. Книги известных писателей переводятся на множество языков народов Союза, и их читают национальности, названия которых сам автор с трудом может выговорить.

Влиянне книг

Я уже упоминал о том, что советские читатели проявляют к книге более глубокий интерес, чем читатели других стран, и о том, что персонажи книг живут для них реальной жизнью. Герои прочитанного романа становятся в Советском Союзе такими же живыми существами, как какое-нибудь лицо, участвующее в общественной жизни. Если писатель привлек к себе внимание советских граждан, то он пользуется у инх такой популярностью, какой в других странах пользуются только кинозвезды или боксеры, и люди открываются ему, как верующие католики своему духовному отцу.

Наследство

Научные кииги также находят там отклик. Новое издание сочинений Канта, выпущенное тиражом в 100 000 экземпляров, было немедленно расхватамо. Тезисы умерших философов вызывают вокруг себя такие же дебаты, как какая-иибудь актуальная хозяйственная проблема, имеющая жизиенное значение для каждого человека, а об исторической личности спорят так горячо, как будто вопрос касается качеств работающего ныне народного комиссара. Советские граждане равнодушны ко всему, что не имеет отношения к их действительности, но, найдя однажды, что такая-то вещь имеет какое-то отношение к их действительности, они заставляют ее жить чрезвычайно интенсивной жизнью, и поиятие «наследство», которое они очень охотно употребляют, приобретает у них какой-то в высшей степени осязательный характер.

Изобразительные искусства

С изобразительными искусствами дело обстоит так же, как с литературой.

Московские театры

Очень трудно, говоря о московских театрах и фильмах, продолжать повествование в деловом духе и не восторгаться как представлениями, так и публикой. Советские люди — это самые лучшие в мире, самые отважные, полные чувства ответственности режиссеры и музыканты. Как москаичи играют произведения своих собственных композиторов — Чайковского, Римского-Корсакова, «Тихий Дон» молодого Дзержинского, как они играют «Фигаро» или «Кармен» — это не только совершенио в музыкальном отношении: режиссура, актерское исполнение, сценическое оформление — все поражает новизной и необычайной полнотой жизии. Создать произведения, равные произведениям Московского художественного и Вахтанговского театров, театры других страи не могут: у них, не говоря о таланте, недостает для этого ни денег, ни терпения; чтобы достигнуть такого овладения каждой ролью и такой сыгранности ансамбля, нужно репетировать долгие месяцы, иногда и годы, а это возможио только тогда, когда режиссер не чувствует над собой плетки предпринимателя, заинтересованного только в материальной выгоде. Сценические картины отличаются такой законченностью, какой мне ингде до сих пор не приходилось видеть; декорации, там где это уместно, например в опере или в некоторых исторических пьесах, поражают своим расточительным великолепием. Раньше увлекались экстравагантностью. Увлечение это утихло, вкусы стали умереннее, однако смелые, интересные эксперименты встречаются и поныне, как, например, пьеса «Много шума из ничего» в Вахтанговском театре. Каждая деталь была легко и грациозно подана, смелость спектакля граничила с дерзостью, а сочетание Шекспира с джазом оказалось прекрасным.

Случалось, что в Москве мдет одна пьеса одновременно в нескольких театрах, играющих ее в различных стилях, например, «Отелло», «Ромео и Джульетта», а также оперы и пьесы современных авторов. Я смотрел в даух московских театрах пьесу молодого автора Погодина «Аристократы», рассказывающую о жизии трудового лагеря. Вахтанговцы дают спектакль слегка традиционного стиля, превосходный по качеству, отделанный до мельчайших подробностей. Охлопков играет без декораций, слегка только иамекая конструкциями, на двух сценах, сообщающихся между собой деревянными мостками, причем одна сцена поставлена на самой середине зрительного зала. Спектакль чрезвычайно стилизованный, в высшей степени экспериментаторский и действенный.

ГЛАВА III ДЕМОКРАТИЯ И ДИКТАТУРА

Демократический диктатор

«Чего Вы, собствению, котите? — спросил меня шутливо один советский филолог, когда мы говорили с ним на эту же тему. — Демократия — это господство народа, диктатура — господство одного человека. Но если этот человек является таким идеальным выразителем народа, как у нас, разве тогда демократия и диктатура не одно и то же?»

Культ Сталина

Эта шутка имеет очень серьезную почву. Поклонение и безмерный культ, которыми население окружает Сталина, — это первое, что бросается в глаза иностранцу, путешестаующему по Советскому Союзу. На всех углах и перекрестках, в подходящих и иеподходящих местах видны гигантские бюсты и портреты Сталина. Речи, которые приходится слышать, не только политические речи, но даже и доклады на любые научные и художественные темы, пересыпаны прославлениями Сталина, и часто это обожествление принимает безвкусные формы.

Примеры

Вот несколько примеров. Если на строительной выставке, которой я восхищался выше, в различных залах установлены бюсты Сталина, то это имеет свой смысл, так как Сталин является одним из инициаторов проекта полной реконструкции Москвы. Но по меньшей мере непонятно, какое отношение имеет колоссальный некрасмвый бюст Сталина к выставке картин Рембрандта, в остальном оформленной со вкусом. Я был также весьма озадачен, когда на одном докладе о технике советской драмы я услышал, как докладчик, проявлявший до сих пор чувство меры, внезапно разразился восторженным гимном в честь заслуг Сталина.

Основания

Не подлежит никакому сомнению, что это чрезмерное поклонение в огромном большинстве случаев искренне. Люди чувствуют потребность выразить свою благодарность, свое беспредельное восхищение. Они действительно думают, что всем, что оин имеют и чем они являются, они обязаны Сталину. И хотя это обожествление Стадина может показаться прибывшему с Запада странным, а порои и отталкивающим, все же я нигде не находил признаков, указывающих на искусстенность этого чувства. Оно выросло органически, вместе с успехами экономического сроительства. Народ благодарен Сталину за хлеб, мясо, порядок, образование и за создание армин, обеспечивающей это новое благополучие. Народ должен иметь кого-нибудь, кому он мог бы выражать благодарность за несомненное улучшение своих жизиенных условий, и для этой цели он избирает не отвлеченное понятие, не абстрактный «коммунизм», а конкретного человека — Сталина. Русский склонен к преувеличениям, его речь и жесты выражают в некоторой мере превосходную степень, и он радуется, когда он может нзлить обуревающие его чувства. Безмерное почитание, следовательно, относится не к человеку Сталину — оно относится к представителю явно успешного хозяйственного строительства. Народ говорит: Сталин, разумея под этим именем растущее процветание, растущее образование. Народ говорит: мы любим Сталина, и это является самым непосредственным, самым естественным выражением его доверия к экономическому положению, к социализму, к режиму.

Народность Сталина

К тому же Сталин действительно является плотью от плоти народа. Он сын деревенского сапожника и до сих пор сохранил связь с рабочими и крестьянами. Он больше, чем любой из известных мне государственных деятелей, говорит языком народа. Сталин определенно не является великим оратором. Он говорит медлительно, без всякого блеска, слегка глуховатым голосом, затруднительно. Он медленно развивает свои аргументы, апеллирующие к здравому смыслу людей, постигающих не быстро, но основательно. Но главное у Стадина это юмор, обстоятельный, хитрый, спокойный, порой беспощадный крестьянский юмор. Он охотио приводит в своих речах юмористические строки из популярных русских писателей, он выбирает смешное и дает ему практическое применение, некоторые места его речей напоминают рассказы из старинных календарей. Когда Сталин говорит со своей лукавой приятной усмешкой, со своим характерным жестом указательного пальца, он не создает, как другие ораторы, разрыва между собой и аудиторией, он не возвышается весьма эффектно на подмостках, в то время как остальные сидят внизу, - нет, он очень быстро устанавливает связь, интимность между собой и своими слушателями. Они сделаны из того же материала, что и он; им понятны его доводы; они вместе с ним весело смеются над простыми историями.

Техника его речн

Я не могу не привести примера, подтверждающего народный характер сталинского красноречия. Он говорит, например, о конституцин и насмехается над официозом «Дейтше Корреспонденц», который заявляет, что Конституция Советского Союза не может быть признана действительной конституцией, так как Советский Союз представляет ие что иное, как географическое понятие.

Бюрократ и Америка

«Что можно сказать, — спрашивает Сталин, — о таких, с позволения сказать, «критиках»? И он рассказывает весело настроенному собранию: «В одном из своих сказок-рассказов великий русский писатель Щедрии дает тип бюрократа-самодура, очень ограниченного и тупого, но до крайности самоуверенного и ретивого. После того как этот бюрократ навел во «вверенной» ему области «порядок и тишину», истребив тысячи жителей и спалив десятки городов, он оглянулся кругом и заметил на горизонте Америку, страну, конечно, малоизвестную, где имеются, оказывается, какие-то свободы, смущающие народ, и где государством управляют иными методами. Бюрократ заметил Америку и возмутился: что это за страна, откуда она взялась, на каком таком осиованни она существует?

Конечно, ее случайно открыли несколько веков тому назад, ио разве нельзя ее снова закрыть, чтоб духу ее не было вовсе? И, сказав это, наложил резолюцию: «Закрыть снова Америку!»

Сталин и его национал-социалистский критик

«Мне кажется, — объясняет Сталин собранию, — что господа из «Дейтше Дипломатиш Политише Корреспонденц» как две капли воды похожи на щедринского бюрократа. Этим господам СССР давно уже намозолил глаза. Девятнадцать лет стоит СССР как маяк, заражая духом освобождения рабочий класс всего мира н вызывая бешенство у врагов рабочего класса. И он, этот СССР, оказывается, не только просто существует, но даже растет, и не только растет, но даже преуспевает, и не только преуспевает, но даже сочиняет проект новой Конституции, проект, возбуждающий умы, вселяющий иовые надежды угнетенным классам. Как же после этого не возмушаться госполам из германского официоза? Что это за страна, вопят они, на каком таком основании она существует, и если ее открыли в октябре 1917 года, то почему нельзя ее снова закрыть, чтобы духу ее не было вовсе? И, сказав это, постановили: закрыть снова СССР, объявить во всеуслышание, что СССР, как государство, не существует, что СССР есть не что иное, как простое географическое понятие!

Непослушная действительность

Кладя резолюцию о том, чтобы закрыть снова Америку, щедринский бюрократ, несмотря на всю свою тупость, все же нашел в себе элементы понимания реального, сказав тут же про себя: «Но, кажется, сие от меня не зависит». Я не знаю, хватит ли ума у господ из германского официоза догадаться, что «закрыть» на бумаге то или иное государство оли, конечно, могут, но если говорить серьезно, то «сие от них не зависит»...

Москва должна говорить громко, если она хочет, чтобы ее услышал Владивосток

Так говорит Сталин со своим народом. Как видите, его речи очень обстоятельны и несколько примитивны; но в Москве нужно говорить очень громко и отчетливо, если хотят, чтобы это было понятно даже во Владивостоке. Поэтому Сталин говорит громко и отчетливо, и каждый понимает его слова, каждый радуется им, н его речи создают чувство близости между народом, который их слушает, и человеком, который их произносит.

Политический деятель, а не частное лицо

Впрочем, Сталин, в противоположность другим стоящим у власти лицам, исключительно скромен. Он не присвоил себе никакого громкого титула и называет себя просто Секретарем Центрального Комитета. В общественных местах он показывается только тогда, когда это крайне необходимо: так например, он не присутствовал на большой демонстрации, которую проводила Москва на Красной площади, празднуя принятие Конституции, которую народ назвал его именем. Очень немногое из его личной жизни становится известным общественности. О нем рассказывают сотни анекдотов, рисующих, как близко он принимает к сердцу судьбу каждого отдельного человека, например, он послал в Центральную Азию аэроплан с лекарствами, чтобы спасти умирающего ребенка, которого иначе не удалось бы спасти, или как он буквально насильно заставил одного чересчур скромного писателя, не заботящегося о себе, переехать в приличную, просторную квартиру. Но подобные анекдоты передаются только из уст в уста и лишь в исключительных случаях появляются в печати. О частной жизни Сталина, о его семье, привычках почти ничего точно не известно. Он не позволяет публично праздновать день своего рождения. Когда его приветствуют в публичных местах, он всегда стремится подчеркнуть, что эти приветствия относятся исключительно к проводнмой им политике, а не лично к нему. Когда, например, съезд постановил принять предложенную и окончательно отредактированную Сталиным Конституцию и устроил ему бурную овацию, он аплодировал вместе со всеми, чтобы показать, что он принимает эту овацию не жак признательность ему, а как признательность его политике.

Один тост в кругу друзей

Сталину, очевидно, докучает такая степень обожания, и он нногда сам над этим смеется. Рассказывают, что на обеде

я интимном дружеском кругу в первый день нового года Сталин поднял свой стакви и сказал: «Я пью за здоровье несравненного вождя народов великого, гениального товарища Сталинв. Вот, друзья мои, это последний тост, который в этом году будет предложен здесь за ыеия».

Откровениость и простота

Сталии выделяется из всех мие известных людей, стоящих у власти, своей простотой. Я говорил с ним откровенно о безвкусном и ие знающем меры культе его личности, и он мне так же откровенно отвечал. Ему жаль, сказал ои, времени, которое он должен тратить на представительство. Это вполне вероятно: Сталин — мне много об этом рассказывали и даже документально это подтверждали — обладает огромной работоспособностью и вникает сам в каждую мелочь, так что у него дейстантельно не остается времени на излишние церемонии. Из сотеи приветственных телеграмм, приходящих на его имя, он отвечвет не больше, чем на одну. Он чрезвычайно прямолинеен, почти до невежливости, и не возражает против такой же прямолинейности своего собеседника.

Сто тысяч портретов человека с усами

На мое замечание о безвкусном, преувеличенном преклонении перед его личностью он пожал плечвми. Он извинил своих крестьян и рабочих тем, что онн были слишком заняты другими делами и не могли развить в себе хороший вкус, и слегка пошутил по поводу сотен тысяч увеличенных до чудовищных размеров портретов человека с усами, — портретов, которые мелькают у него перед глазами во время демонстраций. Я указываю ему на то, что даже люди, несомненно обладающие вкусом, выставляют его бюсты и портреты — да еще какие! - в местах, к которым они не имеют инкакого отношения, как, например, на выставке Рембрандта. Тут он становится серьезен. Он высказывает предположение, что это люди, которые довольно поздно признали существующий режим и теперь стараются доказать свою преданность с удвоенным усердием. Да, он считает возможным, что тут действует умысел вредителей, пытающихся таким образом дискредитировать его. «Подхалимствующий дурак, — сердито сказал Сталии, приносит больше вреда, чем сотия врагов». Всю эту шумиху он терпит, заявил он, только потому, что он знает, какую нанвную радость доставляет праздничная суматоха ее устронтелям, и знает, что все это относится к иему не как к отдельному лицу, а как к представителю течения, утверждающего, что построение социалистического хозяйства в Советском Союзе важнее, чем перманентная революция.

Партийное постановление

Впрочем, партийные комитеты Москвы и Ленинграда уже вынесли постановления, строго осуждающие «фальшивую практику ненужных и бессмысленных восхвалений партийных руководителей», и со страниц газет исчезли чересчур восторжениые приветственные телеграммы.

Великая цель

В общем и целом новая демократическая Конституция, которую Сталии дал Советскому Союзу, — это не просто декорация, на которую можно посматривать, высокомерно пожимая плечами. Пусть средства, которые ои и его соратники применяли, зачастую и были не совсем ясны — житрость в их великой борьбе была столь же необходима, как и отвага, — Сталии искренен, когда он называет своей конечной целью осуществление социвлистической демократии.

ГЛАВА VI СТАЛИН И ТРОЦКИЙ

Борец и работник

В Советском Союзе, как было сказано выше, имеются люди, проявившне себя не только как борцы, но и как организаторы промышленности и сельского хозяйства. Иосяф Сталли представляется мие именно таким человеком. У него боевое, революционное прошлое; он победоносно провел оборону города Царицына; ныне иосящего его имя; по его докладу Ленину осенью 1918 года — доклад в семьдесят строк — в общий воениый плаи были внесены корениые изменения. Однвко

творчество Сталина, организатора социалистического хозяйства, превосходит даже его заслуги борца.

Автопортрет Троцкого

Рисуя свой собственный портрет — прекрасио написаниую ввтобиографию, — Лев Троцкий стремится доказать, что и он, Троцкий, является тоже талантливым человеком, великим борцом и великим вождем строительства. Но мне кажется, что как раз эта попытка, предпринятая лучшим вдвокатом Троцкого — им самим, только подтверждает, что его заслуги, в лучшем случае, ограничиваются его деятельностью в период войны.

Великий политик?

Автобнография Троцкого, иесомиенно, является произведением превосходного писателя и, возможно, даже человека с трагической судьбой. Но образа крупного государственного деятеля она не отражает. Для этого, как мие кажется, орнгиналу недостает личного превосходства, чувства меры и правильного взгляда на действительность. Беспримерное высокомерие заставляет его постоянно пренебрегать границами возможного, и эта безмерность, столь положительная для писателя, необычайно вредит концепции государственного деятеля. Логика Троцкого пврит, мне кажется, в воздухе; она не основывается на знании человеческой сущности и человеческих возможностей, которое единственно обеспечивает прочный политический успех. Кинга Троцкого полна ненависти, субъективна от первой до последней строки, страстио несправедлива: в ней неизменно мешается правда с вымыслом. Это придает кинге много прелести, однако такого рода умонастроение вряд ли может подсказать политику правильное решение.

Характерная деталь

Мне кажется, что даже одной мелкой детали доствточно, чтобы ярко осветить превосходство Сталина над Троцким. Сталин дал указание поместить в большом официальном издании «Истории гражданской войны», редактируемом Горьким, портрет Троцкого. Между тем, Троцкий в своей книге злобно отвертает все заслуги Сталина, оборачивая его качества в их противоположность, и кинга его полна ненввисти и язвительной насмешки по отношению к Сталину.

Верные слова

Комечио, побежденному человеку трудно оставаться объективным. Это помимает и сам Троцкий, выразивший это в прекрасных словах: «Я не привык, — заключает он в предисловни к своей книге, — рассматривать исторические перспективы под углом зрения личной судьбы. Познать закономерность событий и найти в этой закономерности свое место — вот первейшая обязаиность революционера. И она доставляет высшее личное удовлетворение человеку, который не связывает своей задачи сегодияшиним днем».

Видел лучшее, но выбрал худшее

Никто, я думаю, ие смог бы более определенно указать на опвсность, перед которой оказался Троцкий после своего падеиня и которой подвергается каждый побежденный, а именно:
опасность «рассматривать исторические перспективы под углом
зреиня личной судьбы». Троцкий сознавал эту опасность. Он
понимал, перед свершеннем какой ошибки он стоит. Он
видел
эту ошибку, которой суждено было его заманить. Видел, решил
ее не делать — и сделал. Зная, что лучше, он выбрал худшее.

Пафос и истерия

Троцкий представляется мие типичным только-революционером, очень полезный во времена патетической борьбы, он ни к чему ие пригоден там, где требуется спокойная, упорная, планомерная работа вместо патетических вспышек. Мир и люди после окончания героической эпохи революции стали представляться Троцкому в искаженном виде. Он стал не правильно воспринимать аещи. В то время как Леини давно приспособил свои взгляды к действительности, упрямый Троцкий продолжал крепко держаться принципов, оправдавших себя в героическо-патетическую эпоху, но не применимых при выполиении задач, выдвинутых потребностями текущего дия. Троцкий умеет — и это видно из его книги — в момент большого напряжения увлечь за собой массы. Он, вероятио, был способенв патетическую минуту зажечь мвссы порывом энтузиазма. Но он был иеспособен ввести этот порыв в русло, «канализировать» его, обратив на пользу стронтельства великого государства.

Это умеет Сталин.

Прирожденный писатель

Троцкий прирожденный писатель. Он с любовью рассказывает о своей литературной деятельности, и я ему верю на слово, когда он говорит, что «хорошо написанивя кингв, в которой встречвешь новые мысли, и хорошее перо, при помощи которого можно поделиться собственными мыслями с другими, были и являются для меня наиболее ценными и близкими благами культуры». Трагедия Троцкого заключается в том, что его не удовлетворяла перспектива стать большим писателем. Повышенная требовательность сделала из него сварливого доктринера, стремившегося примести и принесшего несчастья, и это заставило огромные мыссы забыть его заслуги.

Писатель, но не политик

Я хорошо знаю этот тип писвтелей и революцию неров, хотя и в несколько уменьшенном масштабе. Некоторые руководители германской революции, как Курт Эйснер и Густав Ландауер, имели, правда в миниатюре, иемало общего с Троцким. Упормая приверженность к догме, неуменне приспособиться к изменившимся условиям, короче говоря, отсутствие практически-политической психологии сделало этих теоретиков и доктринеров только на очень короткое время пригодными к политическим действиям. Большую часть своей жизни они были хорошими писателями, а не политиками. Они не сумели найти пути к народу. Они слишком слабо разбирались в психологии народа и мвесы. Они соприкасались с массами, но массы не шли к инм.

Расхождения я характере и во взглядах

Не подлежит сомнению, что расхождения во взглядах по решвющим вопросам являются причиной большого конфликта между Троцким и Сталиным, и эти расхождения вытекают из глубоких противоречий. Различие характеров этих людей являлось причиной тому, что они приходили к противоположным выводам в важнейших вопросах русской революцин — в национальном вопросе, в вопросе о роли крестьянства и возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране. Сталин утверждал, что полное осуществление социализма возможно и без мировой революции и что при соблюдении национальных интересов отдельных советских народов социализм может быть построен в одной, отдельно взятой стране; он считал, что русский крестьянии способен построить социализм. Троцкий это оспаривал. Он утверждал, что мировая революция является необходимой предпосылкой для построения социализма. Он упорно держался марксистского учения об абсолютном интернационализме, защищал тактику перманентной революции и, приводя множество логических доводов, настанвал на правильности марксистского положения о невозможности построения социализма в одной стране.

Прав оказался Сталин

Не позднее 1935 года весь мир признал, что социализм в одной стране построен и что, более того, эта страна вооружена и готова к защите от любого нападения.

Что мог сделать Троцкий?

Что же мог сделать Троцкий? Он мог молчать. Он мог признать себя побежденным и заявить о своей ошибке. Он мог примириться со Сталиным. Но ои этого не сделал. Он не мог решиться на это. Человек, который раньше видел то, чего не видели другие, теперь не видел того, что было видно каждому ребенку. Питание было налажено, машины работали, сырье добывалось в невидамных ранее размерах, страна была электрифицирована, механизированы. Троцкий не котел этого признать. Он заявил, что именно быстрый подъем и ли-

хорадочные темпы строительства обусловливают иепрочность этого строительства. Советский Союз — «государство Сталина», как он его называл, — должен рано или поздно потерпеть крах и без постороннего вмешательства, и он, несомненно, потерпит крах в случае нападения ив него фашистских держав. И Троцкий разражался вспышками беспредельной ненависти к человеку, под знаменем которого осуществлялось строительство.

Попробуем теперь представить себе Сталина.

Первые плаги Сталина

Еще в раниие годы Сталин занимался проблемами, требовавшими своего разрещения немедленно после окончания войны. Уже в 1913 году Ленин писал Горькому: «У нас здесь есть один чудесный грузии, который работает ивд большой статьей по национальному вопросу, вопросу, которым надлежит серьезио заияться» в

Трудности восхождения

И Сталии занялся этим вопросом. У него были иден. Он проявил себя организатором. Но Сталии не ослеглял; он оставался в тени рядом со сверкающим, суетливым Троцким. Троцкий хороший оратор, пожалуй, лучший из существующих. Он очаровывает, Сталии говорит, как я уже указывал, не без юмора, но пространио, рассудительно. Он упорным трудом завоевывал себе популярность, которая другому лег-ко давалась. Своим успехом он обязан только себе.

Он выступает вперед

Блеск Троцкого, не всегда неподдельный, в продолжение многих лет мешал заметить действительные заслуги Сталина. Но наступило время, когда идеи только-борца Троцкого начали становиться ошибочными и подгнивать; первым это заметил и высказал Сталии. Уже в декабре 1924 года Сталину стало окончательно ясно, что, в противоположность прежней теории, построение полного социалистического общества в одной, отдельно взятой стране возможно. Уже тогда он последовательно, более отчетливо и в более острых формулировках, чем Ленин, указал путь к этому построению — усилеииая индустриализация страны и объединение крестьяи в артели. Он в ясных словах провозгласил то, что до сих пор оспаривалось, а именио: при правильной политике партни решающая часть русского крестьянства может быть втянута в социалистическое общество, и он обосновал это утверждение простыми, убедительными и неопровержимыми аргумен-

Неопровержимые аргументы

Троцкий своей блестящей риторикой опроверт так же неопровержимо неопровержимые аргументы Сталина. Сталии знал, что выдвинутые им аргументы действительно исопровержимы, но он видел, что многие верили в блестящие по форме и фальшивые по содержанию возражения Троцкого.

Неопровержимые дела

Сталин не ограничивался одними правильными высказываниями. Он работал, он шел по правильному пути. Он объединил крестьян в артели, развивал промышленность, возделывал почву для социализма в Советском Союзе и строил социализм. Действительность, создаваемая им, опровертала неопровержимые теории Троцкого.

«Катон на стороне побежденных»

«Боги на стороне победителей. Катон на стороне побежденных». Троцкий не хотел признать себя побежденным. Он выступал с пламенными речами, писал блестящие статьи, брошюры, книги, называя в них сталинскую действительность иллюзией, потому что она не укладывалась в его теории. Троцкий мешал. Съезд партии высказался против него — он был сослам, а затем изгнам из страны.

^{*} Цитата источная. — Ред.

Магия тезисов

Дело Сталина процветало, добыча угля росла, росла добыча железа и руды; сооружались электростанции; тяжелая промышленность догоняла промышленность других стран; стронлись города; реальная заработная плата повышалась, мелюбуржуазные настроения крестьян были преодолены, их артели давали доходы, — все более возрастающей массой они устремлялись в колхозы. Если Ленин был Цезарем Советского Союза, то Сталин стал его Августом, его «умножателем» во всех отношениях. Сталинское строительство росло и крепло. Но Сталин должен был заметить, что все еще имелись люди, которые не хотели верить в это реальное, осязаемое дело, которые верили тезисам Троцкого больше, чем очевидным фактам.

Опасные друзья

Да, именно среди людей, другом которых был Сталин, которым он поручил ответственные посты, нашлись некоторые, поверившие больше в слово Троцкого, чем в дело Сталина. Они мешали этому делу, чинили ему препятствия, саботировали его. Они были привлечены к ответственности, их вина была установлена. Сталин простил их, назначил их снова на высокие посты.

Чрезмерно приверженные

Что должен был продумать и прочувствовать Сталии, узнав о том, что эти его товарищи и друзья, невзирая на явный успех его начинаний, все еще продолжали тянуться к его врагу Троцкому, тайно переписывались с ним и, стремясь вернуть своего старого вождя в СССР, старались нанести вред его — Сталина — делу.

В период между даумя процессами

Когда я увидел Сталина, процесс против первой группы троцкистов — против Зиновьева и Камеиева — был закончен, обвиняемые были осуждены и расстреляны, и против второй группы троцкистов — Пятакова, Радека, Бухарина и Рыкова — было возбуждено дело; но никому еще ие было известно в точности, какое обвинение им предъявляется и когда и против кого из них будет начат процесс. Вот в этот промежуток времени, между двумя процессами, я и увидел Сталина.

Сталин

На портретах Сталии производит впечатление высокого, широкоплечего, представительного человека. В жизни он скорее небольшого роста, худощав; в просторной комнате Кремля, где я с ним встретился, он был как-то незаметен.

Манера говорнть

Сталин говорит медленно, тихим, немного глухим голосом. Он не любит диалогов с короткими, взволнованными вопросами, ответами, отступленнями. Он предпочитает им медленные обдуманные фразы. Говорит он очень отчетливо, иногда так, как если бы он диктовал. Во время разговора расхаживает взад и вперед по комнате, затем внезапно подходит к собеседнику и, вытянув по направлению к нему указательный палец своей красивой руки, объясняет, растолковывает или, формулируя свои обдуманные фразы, рисует цветным карандашом узоры на листе бумаги.

Скрытно и откровенно

Тема моего разговора со Сталиным не была заранее согласована. Никакой темы я и ие подготовлял, я ждал, что она возникнет сама собой под впечатлением человека и момента. Втайне я боялся, что наш разговор превратится в более или менее официальную, приглаженную беседу, подобную тем, которые Сталин вел два-три раза с западными писателями. Вначале действительно беседа направилась по такому руслу. Мы говорили о функции писателя в социалистическом обществе, о революционном воздейстаии, которое иногда оказывают даже реакционные писатели, как, например, Гоголь, о классовой принадлежности или бесклассовости интеллигенции, о свободе слова и литературы в Советском Союзе Вначале Сталин говорил осторожно, общими фразами. Однако постепенно он изменил свое отношение, и вскоре я почув-

ствовал, что с этим человеком я могу говорить откровенно. Я говорил откровенно, и он отвечал мне тем же.

Стиль речи

Сталин говорит неприкрашенно и умеет даже сложиые мысли выражать просто. Порой он говрит слишком просто, как человек, который привык так формулировать свои мысли, чтобы они стали понятны от Москвы до Владивостока. Возможно, он не обладает остроумнем, но ему, несомненно, свойственен юмор; иногда его юмор становится опасным. Он посмеивается время от времени глуховатым, лукавым смешком. Он чувстаует себя весьма свободно во многих областях и цитирует, по памяти, не подготовившись, имена, даты, факты всегда точно.

Своеобразие

Мы говорили со Сталиным о свободе печати, о демократии и, как я писал выше, об обожествлении его личности. В начале беседы он говорил общими фразами и прибегал к известным шаблоиным оборотам партийного лексикоиа. Позднее я перестал чувствовать в нем партийного руководителя. Он предстал передо мной как индивидуальность. Не всегда соглашаясь со мной, он все время оставался глубоким, умным, вдумчивым.

Сталин и «Иуда»

Он взволновался, когда мы заговорили о процессах троцкистов. Рассказал подробно об обвинении, предъявленном Пятакову и Радеку, материал которого в то время был еще неизвестен. Он говорил о панике, в которую приводит фашистская опасность людей, не умеющих смотреть вперед. Я еще раз упомянул о дурном впечатлении, которое произвели за границей даже на людей, расположенных к СССР, слишком простые прнемы в процессе Зиновьева. Сталин немного посмеялся над теми, кто, прежде чем согласиться поверить в заговор, требует предъявления большого количества письменных документов; опытные заговорщики, заметил он, редко имеют привычку держать свои документы в открытом месте. Потом он заговорил о Радеке — писателе, наиболее популярной личности среди участников второго троцкистского процесса, - говорил он с горечью и взволнованно; рассказывал о своем дружеском отношении к этому человеку. «Вы, евреи, — обратился он ко мие, — создали бессмертную легенду, легенду о Иуде». Как странно мне было слышать от этого обычно такого спокойного, логически мыслящего человека эти простые патетические слова. Он рассказал о длиином письме, которое написал ему Радек и в котором тот заверял в своей невиновности, приводя множество лживых доводов; однако на другой день, под давлением свидетельских показаний и улик, Радек сознался.

Противоположное в характерах Сталина и Троцкого

Ненавидит ли Иосиф Сталин Льва Троцкого, как человека? Он, вероятно, должен его ненавидеть. Я уже указывал на то, что противоположность их характеров в такои же мере разделяет их, как и противоположность во взглядах. Едва ли можио представить себе более резкие противоположности, чем красноречивый Троцкий с быстрыми, внезапными идеями, с одной стороны, и простой, всегда скрытный, серьезный Сталин, медленно и упорно работающий над своими идеями, — с другой. «Виезапная идея — это не мысль, — сказано у австрийского писателя Грильпарцера. — Мысль знает свои границы. Внезапные иден пренебрегают ими и, осуществляясь, не сходят с места.» У Льва Троцкого, писателя. - молниеносные, часто неверные внезапные идеи; у Иосифа Сталина — медленные, тщательно продуманные, до основания вериые мысли. Троцкий — ослепительное единичное явление. Сталин — поднявшийся до гениальности тип русского крестьянина и рабочего, которому победа обеспечена, так как в нем сочетается сила обоих классов. Троцкий — быстро гаснущая ракета, Сталин — огонь, долго пылающий и согре-

Еще о противоположностях

Драматурга, который пожелал бы изобразить в своем произведении две столь противоположные индивидуальности, обвинили бы в надуманности и погоне за эффектами. Троцкии ловок в речи и жестах, он без труда изъясияется иа многих языках, он высокомерен, красочен, остроумем. Сталин скорее монументален; упорной работой в духовной семинарии он завоевывал свое образование. Он не ловок, но он близко зиает нужды своих крестьям и рабочих, он сам принадлежит к ним, и он никогда не был вынужден, как Троцкий, искать дорогу к ним, находясь на чужом участке. Разве эта красочность, подвижность, двуличие, надменность, ловкость в Троцком не должны быть Сталину столь же противны, как Троцкому твердость и угловатость Сталина?

Ненависть

Сталин видит перед собой гранднозненшую задачу, которая требует отдачи всех сил даже исключительно сильного человека; а он вынужден отдавать очень значительную часть своих сил на ликвидацию вредных последствий блестящих и опасиых причуд Троцкого. «Небольшевистское прошлое Троцкого это не случайность» — говорится в завещании Леимна. Сталин, несомненно, постоянно поминт об этом, и он вндит в Троцком человека, который благодаря своей большой гибкости может в любой момент, уверенный в правильиости своих убеждений, повернуть обратно к своему небольшевистскому прошлому. Да, Сталин должен ненавидеть Троцкого, во-первых, потому, что всем своим существом тот не подходит к Сталину, а во-вторых, потому, что Троцкий всеми своим и речами, писаниями, действиями, даже просто своим существованием подвергает опасности его — Сталима — дело.

Ненависть-любовь

Но отношення Сталииа и Троцкого друг к другу не исчерпываются вопросами их соперимчества, ненависти, различия характеров и взглядов. Великий организатор Сталии, понявший, что даже русского крестьянина можно привести к социализму, он, этот великий математик и психолог, пытается использовать для своих целей своих противников, способностей которых он никоим образом не недооценивает. Он заведомо окружил себя многими людьми, близкими по духу Троцкому. Его считают беспощадным, а он в продолжение многих лет борется за то, чтобы привлечь на свою сторону способных троцкистов, вместо того чтобы их уничтожить, и в упорных стараниях, с которыми он пытается использовать их в интересах своего дела, есть что-то трогательное.

ГЛАВА VII

ЯСНОЕ И ТАЙНОЕ В ПРОЦЕССАХ ТРОЦКИСТОВ

Процессы против троцкистов

С другой стороны, тот же Сталин решил в коице концов вторично привлечь своих противников-троцкистов к суду, обвинив их в государственной измене, шпионаже, вредительстве и другой подрывной деятельности, а также в подготовке террористических актов. В процессах, которые своей «жестокостью и произволом» возбудили против Советского Союза мир, противники Сталина, троцкисты, были окончательно разбиты. Они были осуждены и расстреляны.

Личные ли это мотивы Сталина?

Объяснять эти процессы — Зиновьева и Радека — стремлением Сталина к господству и жаждой мести было бы просто нелепо. Иосиф Сталин, осуществивший, несмотря на сопротивление всего мира, такую грандиозную задачу, как экономическое строительство Советского Союза, марксист Сталин не станет, руководствуясь личными мотивами, как какой-то герой из классных сочинений гимназистов, вредить внешней политике своей страны и тем самым серьезмому участку своей работы.

Участие автора в процессах

С процессом Зиновьева и Каменева я ознакомился по печати и рассказам очевидцев. На процессе Пятакова и Радека я присутствовал лично. Во время первого процесса я находился в атмосфере Западиой Европы, во время второго — в атмосфере Москвы. В первом случае на меня действовал воздух Европы, во втором — Москаы, и это дало мне возмож-

ность особенно остро ощутить ту гранднозную разницу, которая существует между Советским Союзом и Западом.

Впечатление от процессов за границей

Некоторые из монх друзей, люди вообще довольно разуммые, называют эти процессы от начала до конца трагикомичными, вараарскими, не заслуживающими доверия, чудовищными как по содержанию, так и по форме. Целый ряд людей, принадлежавших рамее к друзьям Советского Союза, стали после этих процессов его противниками. Миогих, видевших в общественном строе Союза идеал социалистической гуманмости, этот процесс просто поставил в тупик; им казалось, что пули, поразившие Зиновыева и Каменева, убили вместе с ними и новый мир.

В Западной Европе — одно

И мне тоже, до тех пор, пока я находился в Европе, обвинения, предъявленные на процессе Зиновьева, казались не заслуживающими доверия. Мне казалось, что истерические признания обвиняемых добываются какими-то таинствеиными путями. Весь процесс представлялся мие какой-то театральной инсценировкой, поставленной с необычайно жутким, предельным искусством.

В Москве — другое

Но когда я присутствовал в Москве ма втором процессе, когда я увидел и услышал Пятакова, Радека и их друзей, я почувствовал, что мои сомнения растворились, как соль в воде, под влиянием непосредственных впечатлений от того, что говорили подсудимые и как они это говорили. Если все это было вымышлено или подстроено, то я не знаю, что тогда значит правда.

Проверка

Я взял протоколы процесса, вспомнил все, что я видел собственными глазами и слышал собственными ушами, и еще раз взвесил все обстоятельства, говорившие за и против достоверности обвинения.

Маловероятность обвинений против Троцкого

В основном процессы были направлены, прежде всего, против самой крупной фигуры — отсутствовавшего обвиняемого Троцкого. Главным возражением против процесса являлась мнимая недостоверность предъявлениого Троцкому обвинения. «Троцкий, — возмущались противники, — один из основателей Советского государства, друг Ленина, сам давал директивы препятствовать строительству государства, одним из основателей которого он был, стремился разжечь войну против Союза и подготовить его поражение в этой войне? Разве это вероятно? Разве это мыслимо?»

Вероятность обвинений против Троцкого

После тщательной проверки оказалось, что поведение, приписываемое Троцкому обвинением, не только не невероятно, но даже является единственно возможным для него поведением, соответстаующим его внутреннему состоянию.

(Продолжение следует)

ЗАПРЕЩЕННАЯ ГЛАВА

Николай КУЗНЕЦОВ

Сын ирестьянина из глухой врхангельсиой деревни, простой матрос становится иомандиром крейсера, командующим флотом, народным комиссаром. Уже сам жизненный путь такого человека интересен.

Николай Герасимович Кузнецов пришел на иорабли, когдв началось интенсивное строительство бояьшого морского и океанского флотв. Окончив Военно-морское училище, а затем Военно-морском флоте, работвл в Испании военно-морским атташе, главным военно-морским советинком, был командующим Тихоокеанским флотом и в тридцать пять пет возглавил Военно-Морской флот Советского Союза.

Однако жизнь Н. Г. Кузнецова сложилась весьма драматично: в 52 года он оказался в отставке «без права работать во флоте».

Он стал лисвть очерки, статьи, книги. Одна из них — «Накануне». В ней раскрыт большой пласт истории — жизиь и деятельность флотв и, в определенной степени, страиы, с 20-х годов до начапа Великой Отечественной войны.

Первое из дание книги вышло в 1966 году, второе — в 1969-м. Книга попьзуется неизменным вииманием читателей.

Новое, третье издание книги «Накануне», готовящееся к выходу в Воениздате, дополнено не публиковавшимися ранее материалами из архиеа Н. Г. Кузнецова.

Летом 1988 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о восствновлении в звании Адмирала флота Советского Союза Николая Герасимовнча Кузнецова (посмертно).

Его именем назван ирейсер.

ноябре 1937 года командующий Тихоокеанским фло-

том Г. П. Киреев был вызван в Москву.

Помнится, как я провожал его на вокзале. Давая мие указания, он был иесколько рассеян и взволнован. А когда собрались в его вагоне, он показался мне даже печальным. Не с таким настроеиием обычно выезжали в Москву. Но до Киреева так уже уехали М. В. Викторов и Г. С. Окунев и... не вернулись. Предчувствие не обмануло Киреева. Вскоре до меня дошли слухи, что он арестован.

Я ожидал нового командующего, считая себя еще недостаточно опытным для такого огромного морского тевтра. В конце декабря получил телеграмму, в которой сообщалось о моем назначении командующим с присвоением очередного звания, и без рассуждений, хотя и с некоторой опаской, занял этот пост. Молодость, избыток сил в какой-то степени компенсировали недостаток опыта.

По мере того как я вникал в обязанности командующе флотом, возникали все новые и новые проблемы. Хлопот и беспокойств было много.

В памяти вставали события минувшего года, которым я сразу не придал должного значения. Моя работа в Испанни была, очевидно, тому причиной. Издалека все выглядит иначе. Вспомнилось, как главный военный советник Г. М. Штерм вызвал меня из Картахены в Валенсию. Я вошел к нему в кабинет и не услышал обычных шуток. Григорий Михайлович не сказал даже своего излюбленного «Салуд, амиго», только молча протянул мие телеграмму из Москвы. В ней сообщалось об аресте М. Н. Тухачевского, И. П. Уборевича, И. Э. Якира и других крупиых военачальников. То были люди, стоявше у руля Вооруженных Сил. Что могло толкнуть их на чудовищные преступления, в которых они обвинялись?

Из арестованиых я знал одного Якира, да и то видел лишь однажды, когда он посетил в 1933 году крейсер «Красный Кав-каз». Григорий Михаилович Штери был хорошо знаком со всеми, кто упоминался в телеграмме. Он долгое время работал в Москве, встречался с ними и на службе, и во внеслужебной обстановке. Я видел, что он поражен не менее меня.

Мы были в кабинете вдвоем. Штери рассказывал о Тухачевском и Якире, которых знал особенно хорошо. Он высоко оценивал их деятельность в годы гражданской войны, их роль в строительстве Вооруженных Сил. Так что же произошло? Штери только пожимал глечами, но ме высказывал никаких сомнений в правильности ареста. Тем меньше мог в этом сомневаться я. Вернувшись в Картахену, я информировал товарищей-добровольцев о телеграмме, прочитаннои в Валенсии. Не могли мы себе представить тогда, что никакого преступления не было, что арестованные военачальники — жертвы страшного произвола.

Вернувшись в Москау из Испании, я узнал о новых арестах. В первый демь, еще по дороге в наркомат, я встретился на Гоголевском бульваре с К. А. Мерецковым. Мы познакомились с имм еще в Испании.

- Куда спешишь? остановил он меня,
- Да вот, надо доложиться своему начальству.
- Если Орлову, то можешь не торопиться, он вчера арестован.

Я сперва не поверил Кириллу Афанасьевичу. Но такими вещами не шутят. Весть подтвердили другие, и все равно она не укладывалась в голове. Я вспоминал беседы с Владимиром Митрофановичем Орловым, все, что знал о нем. Были у исго свои слабости, недостатки, но чтобы такой человек изменил Родине?!

А товарищи рассказывали все о новых арестах. На Черном море были арестованы Н. Моралев, А. Зельинг, А. Рублевский...

Я считал их честными советскими командирами, все силы отдававшими флоту. В них я до сих пор не сомневался. Как же так?

 Если ошибка — разберутся, — успокоил меня товарищ, с которым я осторожно поделился своим недоумением.

И я принял тогда эту удобную формулу, еще глубоко не задумываясь над происходящим. Но теперь, во Владивостоке, когда арестовывали людей, мне подчиненных, за которых я отвечал, успоканвать себя тем, что где-то разберутся, я уже не мог. Было непонятно и другое — как арестовывают людей, даже не поставив в известность командующего? Я высказал свои мысли члену Военного совета Я. В. Волкову. Оказалось, он лучше осведомлен о происходящем. Значит, мне не доверяют, что ли?

Некоторое время я еще терпел. Но в феврале 1938 года прокатилась новая волна арестов. Опять я узнавал о них уже задним числом. Как-то позвонил комендант береговой обороны А. Б. Елисеев, спросил, не знаю ли я, что случилось с командиром артиллерийского дивизиона на острове Русский. Я инчего не знал.

 Три дня не выходит на службу, — сообщил Елисеев. — Видно, арестовали.

Предположение подтвердилось. Тогда я отправил телеграмму в Центральный Комитет партии. Я писал, что считаю неправильной практику местных органов, которые арестовывают командиров без ведома командующего, даже не поставив его в известность о происшедшем. Ответа не получил.

Прошло несколько дней, и ко мне приехал начальник краевого НКВД Диментмаи.

Имейте в виду, — сказал он в томе сердитого вмушення, — не всегда надо кого-то извещать, если арестовывают врага народа.

Я ответил, что обращался не к нему, а в Центральный Комитет партин, а это не только мое право, но и обязанность. Диментман ушел весьма раздраженный, но аресты с этого дня прекратились. Несколько недель все было тихо.

В начале апреля 1938 года мне сообщили, что на Тихий океан выезжает Нарком ВМФ П. А. Смирнов. Я уже довольно давно ждал встречи с ним. Надо было доложить о нуждах флота, получить указания по работе в новых условиях. Мы понимали, что реорганизация Управления Военно-Морскими Силами связана с большими решениями по флоту. Страна начинала усилению наращивать свою морскую мощь.

Одновременно с созданием наркомата был создам Главный военный совет ВМФ. В его состав входили А. А. Жданов, П. А. Смирнов, несколько командующих флотами, в том числе и я. Но пока на заседания совета меня не вызывали. В то время поездка с Дальнего Востока в Москву и обратно отнимала не менее двадцати суток. Начальство, видимо, не хотело из-за одного заседания на такой срок отрывать меня от флота. Словом, я считал прнезд нового наркома вполне естественным и своевременным, тем более что на Севермом флоте и на Балтике он уже побывал. Но все вышло не так, как я предполагал.

 Я приехал навести у вас порядок и почистить флот от врагов народа, — объявил Смирнов, едва увидев меня на вокзале.

Остановился нарком на квартире члена Военного совета Волкова, с которым они были старинными приятелями. Первый день его пребывания во Владивостоке был занят беседами с начальником НКВД. Я ждал наркома в штабе. Он приехал лишь около полуночи.

Завтра буду заниматься с Диментманом, — сказал Смирнов в конце разговора и пригласил меня присутствовать.

В назначенный час у меня в кабинете собрались П. А. Смирнов, член Военного совета Я. В. Волков, начальник краевого НКВД Диментмаи и его заместитель по флоту Иванов. Диментмаи косо поглядел на меня и словно перестал замечать. В разговоре он демоистративно обращался только к наркому.

Я впервые увидел, как решались тогда судьбы людей. Диментман доставал из папки лист бумаги, прочитывал фамилию,
имя и отчество командира, иззывал его должность. Затем
сообщалось, сколько имеется показаний на этого человека.
Никто не задавал никаких вопросов. Ни деловой характеристикой, ни мнением командующего о названиом человеке не
интересовались. Если Диментман говорил, что есть четыре
показания, Смирнов, долго не раздумывая, писал на листе:
«Санкционирую». Это означало: человека можно арестовать.
Я в то время еще ие имел оснований сомневаться в том, что

материалы НКВД достаточно серьезны. Имена, которые назывались, были мие знакомы, но близко узнать этих людей я еще не успел. Удивляла, беспокоила только легкость, с которой давалась санкция.

Вдруг я услышал: «Кузнецов Константин Матвеевич». Это был мой однофамилец и старый знакомый по Черному морю. И тут я впервые подумал об ошибке.

Когда Смирнов взял перо, чтобы наложить роковую визу, я обратился к нему:

Разрешите доложить, товарищ народный комиссар!

Все с удивленнем посмотрели на меня, точно я совершаю какой-то странный, недозволенный поступок.

— Я знаю капитана первого ранга Кузнецова много лет и не могу себе представить, чтобы он оказался врагом народа.

Я хотел рассказать об этом человеке, о его службе подробнее, но Смирнов прервал меня:

 Раз командующий сомневается, проверьте еще раз, сказал он, возвращая лист Диментману.

Тот бросил на меня быстрый недобрый взгляд и прочитал следующую фамилию.

Когда совещание окончилось, я задержался в кабинете. Ко мне заглянул Я. В. Волков. Тоном товарища, умудренного годами, он сказал, как бы предупреждая от новых опрометчивых поступков:

— Заступаться — дело, конечно, благородное, но и ответственное...

Я понял недосказанное. «За это можно и поплатиться», видимо, предупреждал он.

В следующий вечер, когда процедура получения санкций на аресты продолжалась, Смирнов и Диментман разговаривали подчеркнуто лишь друг с другом и все решали сами.

Прошел еще день. Смирнов посещал корабли во Владивостоке, а вечером опять собрались в моем кабинете.

— На Кузнецова есть еще два показания, — объявил Диментман, едва переступнв порог. Он торжествующе посмотрел на меня н подал Смирнову бумажки. Тот сразу же наложил резолюцию, наставительно заметив:

— Враг хитро маскируется, Распознать его нелегко. А мы не имеем права ротозействовать.

Это звучало как выговор. Скажу честно, он меня смутил. Я подумал, что был не прав. Ведь вина Кузнецова доказана авторитетными органами!

После совещания Волков снова заглянул ко мне. Он говорил покровительственно и вместе с тем ободряюще. Дескать, ошибки бывают у каждого, ио впредь надо быть осторожнее н умнее, не бросать слов на ветер.

К. М. Кузнецова арестовали, всех остальных тоже. Их было немало. Недаром короткое рассмотрение этих «обвинительных» листов потребовало трех вечеров. Я ходил под тяжелым впечатлением арестов. Мучили мысли о том, как это люди, служившие рядом, могли стать заклятыми врагами и почему мы не замечали их перерождения? Что органы государственной безопасности могут действовать неправильно — в голову все еще не приходило. Тем более я не допускал мысли о каких-то необычных путях добывания показаний.

Нарком провел два дня в море, побывал в Ольго-Владимирском районе. В оперативные дела он особенно не вникал. Может быть, ему, человеку, не имевшему специальной морской подготовки, это было и трудно. Зато он очень придирчиво интересовался всюду людьми, «имевшими связи с врагами наро-

Пребывание Смирнова подходило к концу. К сожалению, решить вопросы, которые мы ставили перед ним, он на месте не захотел, приказал подготовить ему материалы в Москву. Я заготовил проекты решений. Смирнов взял их, но ни одна наша просьба так и не была рассмотрена до самого его смещения. На месте нарком решил лишь один вопрос, касавшийся Тихоокеанского флота, но и это решение было не в нашу пользу. Речь шла о крупном соединении тяжелой авиации. Во Владивостоке Смирнов сказал мне, что командование Особой Краснознаменной Дальневосточной армии просит передать это соединение ему. Я решительно возражал, доказывал, что бомбардировщики хорошо отработали взаимодействие с кораблями, а если их отдалут, мы много потеряем в боевой силе. Смирнов заметил, что авнация может взаимодействовать с флотом и будучи подчиненной армии.

 Нет, — возражал я. — То будет уже потерянная для флота авиация.

Я сослался на испанский опыт, показывавший, как важно, чтобы самолеты и корабли были под единым командованием. Все это не приняли в расчет. Приказ был отдан, нам оставалось его выполнять.

Потом Смирнов признался мне, что принял решение потому, что его уговорил маршал Блюхер. Наши «уговоры» на наркома действовали меньше

В день отъезда П. А. Смирнова мы собрались, чтобы выслушать его замечания. Только уселись за стол, опнть доложили, что прибыл Диментман.

Вот показания Кузнецова, — объявил он, обращаясь к Смирнову.

Смирнов пробежал глазами бумажку и передал мне. Там была всего одна фраза, написанная рукой моего однофамильца: «Не считая нужным сопротивляться, признаюсь, что я являюсь врагом народа».

Узнаете почерк? — спросил Смирнов.

— Узнаю.

— Вы еще недостаточно политически зрелы, — эло сказал нарком.

Я молчал. Диментман не скрывал своего удовольствия. Только Волков пытался как-то сгладить остроту разговора, бросал реплики о том, что комфлот, мол, еще молодой, получил теперь хороший урок и запоминт его, будет лучше разбираться в лю-

Признание Кузнецова совсем выбило у меня почву из-под иог. Теперь я уже не сомневался в его виновности. В дальнейшем, выступая по долгу службы, я придерживался официальной версии, говорил об арестованных, как было принято тогда говорить, как о врагах народа. Но внутри что-то грызло меня...

Забегая вперед, расскажу еще о некоторых событиях, связанных с репрессиями. Через несколько месяцев в Москве был арестован П. А. Смирнов. Вместо него наркомом назначили Н. Н. Фриновского. Никакого отношения к флоту он в прошлом не имел, зато был заместителем Ежова.

Весть об аресте Смирнова принес мне Я. В. Волков, Чувствовал он себя при этом явно неловко, был растерян. Ведь еще недавно Волков подчеркивал свое давнее знакомство и дружбу с наркомом. Я не стал ему об этом напоминать.

Вскоре после того во Владивосток прилетел известный летчик В. К. Коккинаки. Ои совершил рекордный беспосадочный полет из Москаы на Дальний Восток. Коккинаки был моим гостем. Мы быстро и крепко с ним подружились. Тогда во Владивостоке Владимир Константинович со свойственной ему неугомонной пытливостью интересовался действиями кораблей. был со мной на учениях флота. Когда он собирался домой, мы устроили прощальный ужин. Во Владивосток приехали Г. М. Штерн и П. В. Рычагов. Мы ждали еще члена Военного совета Волкова, а он все не шел. Я позвонил к нему на службу. домой. Сказали, срочно выехал куда-то, обещал скоро быть, да вот до сих пор нет. Пришлось сесть за стол без него.

Ужин был уже в разгаре, когда пришел секретарь Волкова и таниственно попросил меия выйти.

— Волкова арестовали, — тихо сообщил он и виновато опустил голову, словно уже приготовился отвечать за своего

Такая судьба постигла людей, еще совсем недавно с удивительной легкостью дававших санкции на арест многих коман-

Уже работая в Москве, я пробовал узнать, что произошло со Смирновым. Мне дали прочитать лишь короткие выдержки из его показаний. Смирнов признавался в том, что, якобы, умышленно избивал флотские кадры. Что тут было правдой сказать не могу. Больше я о нем ничего не слышал.

Я. В. Волкова я вновь увидел в 1954 году. Он отбыл десять лет в лагерях, находился в ссылке где-то в Сибири. Приехав в Москву, прямо с вокзала пришел ко мие на службу. Я сделал все необходимое для помощи ему. Когда мы поговорили, я попросил Якова Васильевича зайти к моему заместителю по кадрам и оформить нужные документы.

 Какой номер его камеры? — спроскл, горько улыбнувшись, бывший член Военного совета. Тюремный лексикон въелся в него за эти годы.

Надо еще сказать и о Константине Матвеевиче Кузнецове. Весной 1939 года я приехал во Владивосток из Москвы вместе с А. А. Ждановым. Мы сидели в бывшем моем кабинете. Его хозянном стал уже И. С. Юмашев, принявший комвидование Тихоокеанским флотом после моего назначения в наркомат. Адъютант доложил:

— К вам просится на прием капитан первого ранга Кузие-

— Какой Кузнецов? Подводник? — с изумлением спро-

Меня это так заинтересовало, что я прервал разговор и, даже не спроснв разрешения А. А. Жданова, сказал:

Немедленно пустите!

Константии Матвеевич тут же вошел в кабинет. За год он сильно изменился, выглядел бледным, осунувшимся. Но я ведь знал, откуда он.

 Разрешите доложить, освобожденный и реабилитированиый капитан первого ранга Кузнецов явился, — отрапорто-

Андрей Александрович с недоумением посмотрел на него, потом на меня. «К чему такая спешка?» — прочитал я в его

- Вы подписывали показание, что являетесь врагом народа? — спросил я Кузнецова.

 Да, там подлишешь. — Кузнецов показал свой рот, в котором почти не осталось зубов.

Вот что творится, — обратился я к Жданову. В моей па-

мяти разом ожило все, связанное с этим делом. Да, действительно, обнаружилось много безобразий, -

сухо отозвался Жданов и не стал продолжать этот разговор. Прошли годы. Теперь, после XX и XXII съездов партии, все встало на свое место. Решительно вскрыты преступления времен культа личности Сталина, но мы не можем о них забыть. Вновь и вновь возвращаюсь к тому, как мы воспринимали эти репрессии в свое время. Проще всего сказать: «Я ничего не знал, полностью верил высокому начальству». Так и было в первое время. Но чем больше становилось жертв, тем сильнее мучили сомнения. Вера в непогрешимость органов, которым Сталин так доверял, да и вера я непогрешимость самого Сталина постепенно пропадала. Удары обрушивались на все более близких мне людей, на тех, кого я хорошо знал, в ком был уверен. Г. М. Штерн, Я. В. Смушкевич, П. В. Рычагов. И. И. Проскуров... Разве я мог допустить, что и они враги народа?

Помню, я был в кабинете Сталина, когда он вдруг сказал: Штерн оказался подлецом,

Все, конечно, сразу поняли, что это значит арестован.

Там были люди, которые Штерна отлично знали, дружили с ним. Трудно допустить, что они поверили в его вниовность. Но никто не хотел показать и тени сомнения. Такова уж была тогда обстановка. Про себя, пожалуй, подумали: сегодня его, а завтра, быть может, меня. Но открыто этого сказать было нельзя. Помню, как вслух, громко, сидевший рядом со мной Н. А. Вознесенский произнес по адресу Штерна лишь одно слово: «Сволочы»

Не раз я вспоминал этот эпизод, когда Николая Алексеевича Вознесенского постигла та же участь, что и Г. М. Штерна.

После войны я сам оказался на скамье подсудимых. Мне тоже пришлось испытать произвол времен культа личности, когда «суд молчал». Произошло это после надуманного и глупого дела Клюевой и Роскина, обвиненных в том, что они якобы передали за границу секрет лечения рака. Рассказывали, что Сталин в связи с этим сказал:

Надо посмотреть по другим наркоматам.

И началась кампания поисков «космополитов». Уцепились и за письмо Сталину офицера-изобретателя Алферова. Он сообщал, что руководители прежнего Наркомата Военно-Морского Флота (к тому времени объединенного с Наркоматом обороны) передали англичанам «секрет» изобретенной им парашютной торпеды и секретные карты подходов к нашим портам. И пошла писать губерния! Почтенные люди, носившие высокие воинские звания, вовсю старались «найти виновных» — так велел Сталин.

Я знал этих людей, знал об их личном мужестве, проявленном в боях, знал о том, что они безукоризненно выполняли обязанности по службе. Но тут команда была дана, и ничто не могло остановить машину. Под колеса этой машины я попал вместе с тремя заслуженными адмиралами, честно и безупречно прошедшими через войну. Это были В. А. Алафузов, Л. М. Галлер н Г. А. Степанов,

Сперва нас судили «судом чести». Там мы документально доказали, что парашютная торпеда, переданная англичанам в порядке обменя, была уже рассекречена, а карты представляли собой перепечатку переведенных на русский язык старых английских карт. Следовательно, ни о каком преступлении не могло быть и речи. Я лично докладывал об этом И. С. Юмашеву — тогдашнему главнокомандующему Военно-Морским Флотом и Н. А. Булганину — первому заместителю Сталина по Наркомату Вооружениых Сил. Оба только пожимали плечами. Вмешаться они не захотели, хотя и могли.

Вопреки явным фактам политработник Н. М. Кулаков произнес на «суде чести» грозную обвинительную речь, доказывая, что нет кары, которой мы бы не заслужили. Помию, как после этого «суда» я сказал своим товарищам по несчастью:

— Сейчас ничего не сделать. Законы логики просто не дейст-

Оставалось лишь мужественно перенести беду. А беда только начиналась. Сталину так доложили о «деле», что он распорядился передать всех нас суду Военной коллегии Верховного суда. А там не шутят.

Четыре советских адмирала оказались на скамье подсудимых в здании на Никольской улице. И теперь, проходя мимо этого дома, я не могу не взглянуть с тяжелым чувством на окна с решетками, за которыми мы ждали тогда приговора.

Председатель Военной коллегии Ульрих знал, чего требуют от него, и не особенио заботился хоть как-то обосновать приговор. Для этого и видимых материалов не имелось. Но ему было важно осудить.

Лично с Ульрихом я знаком не был, но много раз видел его на различных заседаниях. Сидя в приемных или в зале Большого Кремлевского дворца, где проходили сессии Верховного Совета СССР, я не раз наблюдал за ним. Невысокого роста. с небольшими подстриженными усиками, красными щеками и слащавой улыбкой. Ульрих никак не походил на человека. выносившего суровые приговоры. Напротив, он слыл человеком добрым, словоохотливым и доступным. Но это только

За короткой судебной процедурой последовал долгий, мучительный перерыв. Около трех часов ночи объявили приговор: В. А. Алафузов и Г. А. Степанов были осуждены на десять лет каждый, Л. М. Галлер — на четыре года. Я был снижен в звании «на три сверху», - как говорили моряки, то есть до контрадмирала.

Во время суда для меня было отрадно лишь одно — поведение подсудимых. Никто не пытался свалить «вину» на другого, облегчить свою участь за счет товарищей. Так старался держать себя и я. Мне на суде была как будто предложена ла-

- Вы не давали письменного разрешения на передачу торпеды? — задали мне вопрос.

— Если разрешение дал начальник штаба, значит, имелось мое согласне. Таков был порядок в наркомате, - заявил

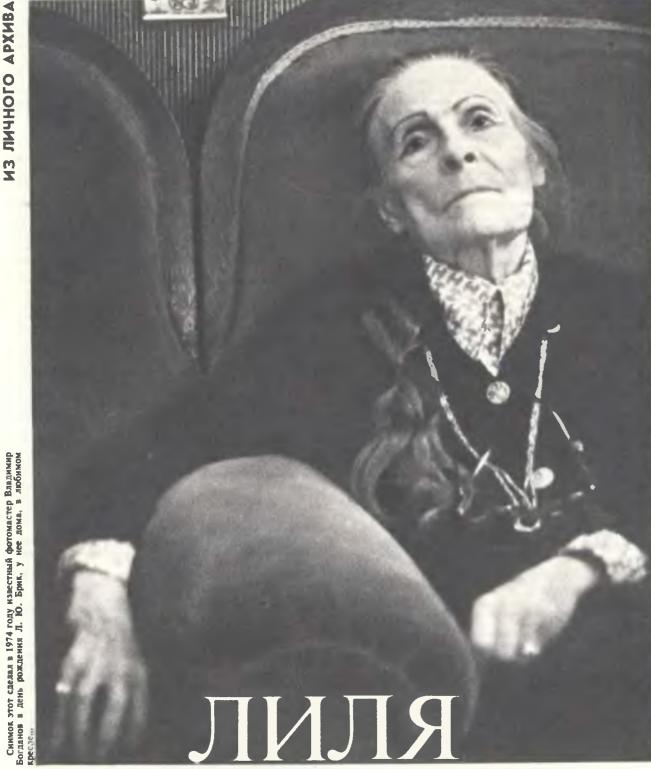
Впоследствии все, привлекавшнеся к суду по этому делу, были полностью реабилитированы. А. А. Чепцов (генераллейтенант юстиции), стряпавший в свое время обвинительный материал для Военной коллегии, в 1953 году обратился ко мне за советом, как лучше обосновать нашу невиновность. Я ему ответил:

Как закрутил, так и раскручивай.

Реабилитация была полная, но не все осужденные на том процессе дождались ее. Лев Михайлович Галлер, один из организаторов нашего Военно-Морского Флота, отдавший ему всю свою жизнь, так и умер в тюрьме.

То, что пришлось пережить нам, — было лишь одним из многих трагических случаев, порожденных грубым нарушением законности в пермод культа личности Сталина. И этот случай — отнюдь еще не самый трагический. Произвол, ломавший судьбы людей, наносил тяжелый ущерб всему нашему делу, ослаблял могущество нашей социалистической Родины. Одно неотделимо от другого.

Адмирал Ю. А. Пантелеев, проводивший по указанию свыше вместе с начальником гидрографии ВМФ Я. Я. Лапушкиным экспертизу, отмечал, что ими был составлен акт по результатам экспертизы, в котором доказывалось, что торпеда и карты несекретные. Этот акт был передан начальнику Главного морского штаба для доклада Сталину. Однако к делу его не приобщили.

БРИК «Я НЕ МОГЛА поступить иначе...»

Лиля Юрьевна БРИК (1891—1978) прожила долгий век. Сразу после окончания гимназии она вышла замуж за учителя Осипа Максимовича Брика. В 1915 году ее сестра Эльза [Эльза Триоле, в 1928 году стала женой Лун Арагона) познакомила Бриков с Маяковским. С этих пор и до самой смерти Лиля Юрьевна жила именем и делом поэта. Многие произведения Маяковский посвятил ей и даже в прощальном письме выразил свою давнюю волю: «Липя люби меня».

Она умерла 4 августа 1978 года, на даче в Переделкино, приня смертельную дозу снотворного. Мужество ее не покинуло и в эту минуту сознательного расставания с жизнью, поскольку она решила, что своей физической беспомощностью (у нее был тяженый перепом, кости не срастались! причиняет боль и беспокойство близким.

А ровно десять лет назад, 7 мая 1979 года, вместе с Василием Абгаровичем Катаняном мы исполнили последнюю волю Лили Юрьевны Брик. В ее завещвиии была сделана приписка: «Пепел мой прошу не хранить, а развеять гденибудь по помо. Лиля Брик, 19 февраля 1959 года».

Вместе с ее мужем Василием Абгаровичем, его племяннином, и монми давними друзьями Геннадием Поповым и Георгием Григорьяном мы выполнили ее волю. День был ветренный, глаза слепипо яркое солице, по молодым озимям гуляли легкие волны... Поле было огромное, звенигородская дереяушка Бушарино торчала у горизонта... Мы двинулись от дальнего леса в сторону домов... Ветер порывисто подхватывал лепел вместе с цветами, зависавшими в воздухе...

В последнее время стало появляться много публикаций, посвященных Л. Ю. Брик. В них, кан правило, присутствует и письмо Липи Юрьевны и Сталину. В свое время [мврт 1968 года] у нас с ней был об этом обстоятельный разговор, звписанный мной на магнитофонную пленку. С появлением публикаций я нашел расшифровку этой беседы н с удивлением заметил, что многие детали, связанные с письмом, наи бы прошли незаметно даже в интересной публикации В. А. Катаняна [«Дружба народов», 1989, № 3]. Эту главу из поспоминаний он мне читап много лет нвзад. Как в последний чес своей жизни, так и в ноябре 1935 года, Л. Ю. Брик проявила большое мужество, о котором почемуто говорится мимоходом... Потому возникла необходимость привести этот рассказ, записанный на пленку, в твюке письмо и резолюцию-ответ...

бстоятельства, вызвавшие в ноябре 1935 года мое письмо к Сталину, весьма драматичны. Вы это поймете, познакомившись с его содержанием... У меня сердце стыло от боли, от страданий за Маяковского...

В ту пору я жила в Ленинграде, монм мужем был Виталий Маркович Примаков, имя которого и после XX съезда партин и посмертной реабилитации несправедливо замалчивается... Он был участником Октябрьского восстания в Петрограде, героем гражданской войны, когда командовал корпусом Червонного казачества, а я тридцатых годах — крупным советским военачальником. И в тридцать седьмом году он был уничтожен вместе с лучшими нашими военными...

Виталий Маркович много лет дружил с Мальковым — комендантом Кремля, который в эту должность заступил при Ленине. И ему в свое время было поручено расстрелять после суда эсерку Каплан, покушавшуюся на Владимира Ильича в 1918 го-

По совету Примакова, который очень сочувствовал монм переживанням и считал, что, кроме Сталина, этих вопросов никто не решит, я написала письмо. Он выразил готовность через Малькова помочь, чтобы письмо попало в руки самого Сталина. Только посоветовал мне писать коротко, не больше

странички машинописного текста, иначе, мол, Сталии не прочтет... Я сказала: «Напишу то, что я считаю нужным. А не прочтет, ну и пусть не прочтет, что же поделаешь! Других-то помощников все равно нет...»

Я знала, что Сталин был знаком с творчеством Маяковского. Несколько раз Володя выступал в Кремле, читал стихи н поэму о Ленине. Принимали его хорошо, присутствовали члены правительства и руководители партин. В январе 1930 года, в Большом театре, на вечере памяти Ленина Маяковский читал последнюю часть из поэмы «Владимир Ильич Ленин». Успех был необычайный, правительственная ложа во главе со Сталиным отбила ладони и приветствовала Маяковского стоя... Да, слава у него была громкая, что говориты!..

М не не составило большого труда составить очень конкретиое письмо, указав на вопиющие факты иевинмания к памяти Маяковского... Мы прочитали его с друзьями, что-то уточнили, что-то поправили, и уже готовый текст я передала При-MAKOBY....

Надо ли говорить, как я волновалась, но страха не испытывала, котя уже тогда, после убийства Кирова, аресты стали обычным делом... Мне искренне хотелось помочь Володе... Он заслуживал этого...

Словом, все обощлось хорошо. Как оказалось, Сталин в тот же день получил мое письмо... А утром мне позвонили из ЦК н попросили немедленио приехать в Москву. Назвали номер московского телефона, по которому я должна позвонить, и предупредили, что сразу же примут по поводу моего письма.

Меня принял секретарь ЦК Ежов... Сначала он подробно расспросил, все ли так обстоит на самом деле, как изложено в письме. Я сказала: «Вы же могли бы это уже проверить». Он усмехнулся: «А мы уже проверили...» Малоприятный, надо сказать, был человек... Продержал меня полтора часа.

При мне позвонил Мехлису, в редакцию «Правды». Сказал ему: «Брик обратилась с письмом к хозяину...» И прочитал ему резолюцию Сталина. «Надо соответствующим образом подать в завтрашнем номере. Открыть эпоху Маяковского. Брик к тебе

Потом позвонил Булганину — председателю Моссовета. Прочитал ему мое письмо, потом, после многозначительной паузы, добавил: «А вот что думает об этом хозяни!»

Когда он закончил разговор с Булганиным, я спросила, нельзя ли мне переписать на свой экземпляр резолюцию Сталина. Она была написана размашисто, но аккуратно, по диагонали листа, наискось, красным карандашом прямо по моему тексту... И он разрешил...

Из ЦК я поехала в редакцию «Правды», там готовилась полоса с крупным аншлагом: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. И. Сталин». Она вышла на следующее утро...

И все покатилось, нарастая, как снежный ком... Площадь нмени Маяковского, метро, театр, музей, собрание сочинений, конкурс на памятник... И везде и всюду Маяковский отныне стал первый признанный советский классик... Но, как это всегда у нас бывает, ретивые исполнители, конечно же, переусердствовали...

Обернулось ли это добром для Володи?! Пастернак считал, что Маяковского сразу же принялись насаждать, как картошку при Екатерине. Едко сказано, и не им одним. Многие из почитателей Володи осуждали меня... Но ему завидовали при жизни, а после указующего перста Сталина втайне завидовали еще больше... Я сожалела, что в тень ушел ранний Маяковский — великий лирик, а на первый план выдвинули публициста, агитчика, горлана... В том должно быть есть моя вина, но уж такое было время... Я не могла поступить иначе. Было бы большей несправедливостью замолчать великого поэта, как на долгие годы замолчали его современника Сергея Есенина.

Когда я думаю о судьбе этих великих русских поэтов, я ие сужу себя строго за письмо Сталину... Маленькие поэтики боялись поэтического могущества Есенина и Маяковского... Поначалу им удалось упрятать поэзию того и другого, но только поначалу... Ведь жить-то им века!..

Тогда же, в марте 1968 г., Лиля Юрьевна Брик передала мне экземпляр своего письма с резолюцией Сталина, указав, что этот, в отличие от «самиздатовских» вариантов, точно соответствует оригиналу, который она хранила в сейфе.

В тексте письма сохранены орфография и пунктуация ори-

Дорогой товарищ Сталин,

после смерти поэта Маяковского, все дела, связанные с изданием его стихов и увековечением его памяти, сосредоточились у меня.

У меня весь его архив, черновики, записные книжки, рукописи, все его вещи. Я редактирую его издания. Ко мне обращаются за матерьялами, сведениями, фотографиями.

Я делаю все, что от меня зависит, для того, чтобы стихи его печатались, чтобы вещи сохранились и чтобы асе растущий интерес к Маяковскому был хоть сколько-нибудь удовлетво-

А интерес к Маяковскому растет с каждым годом.

Его стихи не только не устарели, но они сегодня абсолютно актуальны и являются сильнейшим революционным оружием.

Прошло почти шесть лет со дня смерти Маяковского и он еще никем не заменен и как был так и остался крупнейшим поэтом нашеи революции.

Но далеко не все это понимают.

Скоро шесть лет со дня его смерти, а «Полное собрание сочинении» вышло только наполовину, и то — в количестве 10 000 экземпляров.

Уже больше года ведутся разговоры об однотомнике. Материал давно сдан, а книга даже еще не набрана.

Детские книги не переиздаются совсем.

Книг Маяковского в магазинах нет. Купить их невоз-

После смерти Маяковского в постановлении Правительства было предложено организовать кабинет Маяковского при Комакадемии, где должны были быть сосредоточены все материалы и рукописи. До сих пор этого кабинета нет.

Материалы разбросаны. Часть находится в Московском литературном музее, который ими абсолютно не интересуется. Это видно хотя бы из того, что в бюллетене музея о Маяковском почти не упоминается.

Года три тому назад райсовет Пролетарского района предложил мне восстановить последнюю квартиру Маякоаского и при ней организовать районную библиотеку имени Мая-KORCKOTO.

Через некоторое время мне сообщили, что Московский совет отказал в деньгах, а деньги требовались очень небольшие.

Домик маленький деревянный, из четырех квартир (Таганка, Гендриков пер. 15). Одна квартира — Маяковского. В остальных должна была разместиться библиотека. Немногочисленных жильцов райсовет брался переселить.

Квартира очень характерная для быта Маяковского — простая, скромная, чистая.

Каждый день домик может оказаться снесенным. Вместо

ПРИМАКОВ ВИТАЛИЙ МАРКОВИЧ (1897—1937), советский военачальник. Родился в м. Семеновка (г. Семеновка Черниговской обл.). С июня 1917 — член Киевского комитета большевиков. Член ВЦИК 2-го созыва. В январе 1918 по решению Украинского советского правительства сформировал полк Червоиного казачества. Во время гражданской войны командовал кавалерийским полком, бригадой, 8-й кавалерийской дивизией, 1-м конным корпусом Червонного казачества. В 1924—25 начальник Высшей кавалерийской школы в Ленинграде. В 1925—30 — в командировках в Китае, Афганистане и Японии, В 1931—33 — комвидующий корпусом. В 1933—35 — зам. командующего Северо-Кавказским военным округом, зам. инспектора высших военно-учебных заведений. С 1935 — зам. командующего Ленинградским военным округом.

МАЛЬКОВ ПАВЕЛ ДМИТРИЕВИЧ (1887—1965), советский государственный деятель. Член партии с 1904. Участник революции 1905-07. После Февральской революции - член Гельсингфорского комитета РСДРП и Центробалта. Во время Октябрьского вооруженного восстания — командир отряда матросов, участвовал в штурме Зимиего дворца. С 29 октября (11 ноября) — комендант Смольного, с марта 1918 первый комендвит Московского Кремля. В 1920—22 — в Красной Арпии, затем на хозяйственной и советской работе. Член ВЦИК.

ЕЖОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (1895—1938), советский партийный и государственный деятель. Родился в Петербурге. Член партин с 1917. Принимал участие в Октябрьской революции и гражданской войне. С 1922 — на руководящей партийной работе. В 1929-30 - зам. наркомзема СССР. В 1930-34 - зав. Распредотделом и Отделом кадров ЦК ВКП(б). На XVII съезде избран членом ЦК и членом Комиссии партконтроля при ЦК. С того же времени — член Оргбюро ЦК партии, зам. пведседателя КПК и зав. Про-

24.11.35 того, чтобы через 50 лет жалеть об этом и по кусочкам собирать предметы из быта и рабочей обстановки великого поэта революции — не лучше ли восстановить все это, пока мы живы.

Благодарны же мы сейчас за ту чернильницу, за тот стол и стул, которые нам показывают в домике Лермонтова в Пя-

Неоднократно поднимался разговор о перенменовании Триумфальной плошади в Москве и Надеждинской улицы в Ленинграде — в площадь и улицу имени Маяковского. Но и это ие осуществлено.

Это основное. Не говорю о ряде мелких фактов. Как например: по распоряжению Наркомпроса из учебника современной литературы на 1935-й год выкинули поэмы «Ленин» и «Хорошо». О них и не упоминается.

Все это, вместе взятое, указывает на то, что наши учреждения не понимают огромного значения Маяковского — его агитационной роли, его революционной актуальности. Недооценивают тот исключительный интерес, который имеется к нему у комсомольской и советской молодежи.

Поэтому его так мало и медленно печатают, вместо того, чтобы печатать его избранные стихи в сотнях тысяч экземп-

Поэтому не заботятся о том, чтобы пока они не затеряны, собрать все относящиеся к иему материалы.

Не думают о том, чтобы сохранить память о нем для подрастающих поколений.

Я одна не могу преодолеть эти бюрократические незаинтересованность и сопротивление — и после шести лет работы обращаюсь к Вам, так как не вижу иного способа реализовать огромное революционное наследство Маяковского.

л. БРИК

Мой адрес:

Ленинград, ул. Рылеева, 11, кв. 3 телефоны: коммутатор Смольного, 25-99 и Некрасовская АТС 2-90-69

Резолюция Сталина:

Тов. Ежов, очень прошу Вас обратить внимание на письмо Брик. Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям — преступление. Жалобы Брик по-моему правильны. Свяжитесь с ней (с Брик) или вызовите ее в Москву. Привлеките к делу Таль и Мехлиса и сделайте пожалуйста все, что упущено нами. Если моя помощь понадобится,

Привет! И. Сталин

Публикация Ар. КУЗЬМИНА

мышленным отделом ЦК. Член ВЦИК и ЦИК. С 1935 — секретарь ЦК ВКП (б), председатель КПК. На VII конгрессе Коминтерна избран членом Исполкома Коминтерна. С 1936 по 1938 — нарком

БУЛГАНИН НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1895-1975), советский партийный и государственный деятель. Родился в Нижнем Новгороде (г. Горький). Член КПСС с 1917. В 1918-22 - на руководящей работе в органах ВЧК, в 1922-27 - в органах ВСНХ. Р 1937 — директор Московского электрозавода. С 1931 — председвтель Моссовета. С 1937 — преседатель Совыакома РСФСР, в 1938-41 — зам. председателя Совнаркома СССР и одновременно председатель Правления Госбанка СССР. В 1941-43 - член военных советов ряда фронтов. С 1944 — член ГКО и зам. наркома Обороны СССР. В 1947 — министр Вооруженных Сил СССР и, одновременно, зам. председателя Совмина СССР. В 1949 переходит на работу только в качестве зам. председателя Совмина СССР. На XVII сезде партин избран в состав ЦК. В 1948-58 - член Политбюро ЦК партии. Депутат Верховного Совета СССР в 1937-62.

МЕХЛИС ЛЕВ ЗАХАРОВИЧ (1889-1953), советский государственный и партийный деятель. Родился в Одессе, Член партии с 1918. В годы гражданской войны — комиссар бригады, дивизии и Правобережной группы войск на Украине. Затем работал в наркомате Рабкрина и в аппарате ЦК партии. С 1930 — на руководящей работе в газете «Правда». В 1937—40 — начальник ГПУ Красной Армин, а затем — нарком Госконтроля СССР. В годы Великой Отечественной войны — член военных советов ряда фронтов и армий На XVII и XIX съездах партии избирался членом ЦК.

ТАЛЬ (?), предположительно — зав. отделом печати в ЦК ВКП (б) в начале 1930-х годов. — Ред.

HBETET MOD CAL. КАЧАЕТСЯ В НОЧИ...

Родился я на хуторе с поэтичесиим названием -- Ивашпа, шпа нва... Родниновый, речной, горный, песной край Башкирии, народ песеиный, добрый и сильный. Отец мой — песини, дед - песини; Соронины потомственные песоводы на Урапе. Вся мужская здоровая часть в войну сражалась еще под Москвою... Поспе войны мой хутор вымер, исчез с пица земпи. Вдовы и сироты покинупи прадедовсине места, ушли в города... Так и я оназался на Чепябинском метаппургичесном заводе. Работая в мартене, учился в вечерней шиопе. Онончип Высшие питературные курсы. В Союз писателей СССР принят в 1962 году. С тех пор вышпо нескопько поэтичесних иниг: «Мне Россия сердце подарила», «За журавлиным гопосом», «Посреди холма», «Лирина», «Озерная сторона», «Нас двое», «Хочу быть ветром»... Поэмы — «Евпатий Коповрат», «Дмитрий Доисной», «Бессмертный маршап»... В 1974 г. присуждена премия Ленинсиого номсомопа, в 1986 г. — Государственная премия РСФСР им. А. М. Горьного. Своими питературными учителями считаю Людмилу Татьяничеву, Бориса Ручьева, Василия Федорова, помию их всегда и бпагодарю сердцем...

Цветет мой сад, качается в ночи, И нелегко понять на самом деле: Звезда ль трепещет, лебедь ли кричит, Иль яблоня выходит из метели.

Люблю я поздний одинокий дом И под луной умолкшую дорогу. Но вдруг заблещет молния и гром

Издалека подкатится к порогу.

В текучей мгле, в раскрылиях огня, Совсем, как на сказителя поверья, Бегут ручьи и травы на меня, Торопятся озера и деревья.

И странное рождается в груди, Высокое желание обета: «Спасибо вам.

ведь где-то впереди Для нас еще горит заря рассвета.

Мы друг за друга насмерть постоим И выдюжим в трагедии возможной!..» Я возвращаюсь к яблоням своим Тропою детскою, неосторожной.

Поля, холмы, вот роща, вот река, Вот сенокос, отец и мать устали. Дымит костер, кружатся облака. И на земле — ни пороха, ни стали.

Не тронут мир страдальческой слезой. Равны и не обмануты народы. И я, незащищенный и босой. За пазухою доброй у природы.

И синь колеблется на берегу. И если мне действительно удастся, Клянусь,

я непременно сберегу Любую иволгу и государство!..

* * *

Там, на Севере дальнем, печальное озеро есть: Окружёно когда-то суровым кольцом лагерей, Принимало оно мертвецов от барачных дверей, Не считали живых мы, а сгибших тем боле не счесть.

Штабелями их клали в буранные дни у ворот, А весною, когда баламутились горные воды, Их бросали на дно черноликие стражи свободы, И об этом не знал измордованный русский народ. Сифилитик Лаврентий за подлость расстрелян давно, Но приучены щуки, такая манера у рыб: Нападать на покойников — у замороженных глыб, Шумно вспенивать струи, как пить, озоруя, вино.

А эпоха тюремная длилась десятками лет. Миллионы безвинных охрана во мрак уводила. И холеные щуки, размером почти с крокодила, Поджидали кормёжку, а нет ее нынче и нет...

И однажды по озеру в лодке охотник поплыл, Было тихо, и вдруг средь дремотной волны на него, А в тайге никого и на береге, впрямь, никого, — Кривозубые щуки надвинулись, грозен их пыл!

Отлетела от лодки и рядом крутилась щепа, Обломилось весло, и рептилии злобней, чем волки, Продолжали атаку,

и меткой уральской двустволки Началась беспощадная в крае медвежьем пальба.

Щучьи трупы, огромные, горбились вслед за кормой, И запомнив историю тяжкую, прочно, навек, Неизвестный охотник, нормальный лесной человек, Из разбойных глубин возвратился впервые домой.

TIPOTECT

Памяти героев Куликовской битвы — Пересвета и Осляби...

Как вам спится, герои, сыны, Под ветрами сегодняшней были, Если в центре великой страны Нет покоя на вашей могиле?

Обворован, осмеян собор, И в огромной проржавленной стыни Замыкает железный забор Ваших душ золотые святыни.

Вот они, под землею, лежат, По сказаниям веще знакомы. Меч в ладонях еще не разжат, Не подняты над бровью шеломы.

Куликовское поле гудит И Москва задохнулась от боли: Ну какой затаенный бандит Держит русскую храбрость в неволе?!

Наши деды и наши отцы, Наши внуки услышат ли снова Вести радостной звень-бубенцы С града Киева или со Пскова?..

Чуть колышется знамени шелк. И березы горюнятся в росах. Это вам поклониться пришел Амбразуру закрывший Матросов.

Слава Родины, грей и свети, Уплывай в голубую безмерность, Справедливо сметая с пути Черный пепел запрета на верность!

казненный поэт

Памяти Павла Васильева

Славянский лоб, сибирской хватки сила, Волос веселых вьющаяся прядь... Зачем тебя упрятала могила, Неужто не наскучило стрелять?

Та кровь и ныне у ворот стучится: Она лилась обильнее дождя На липкий плащ

полночного убийцы, На мраморные статуи вождя,

Которому со всех полей России, Как нищие, как жалкие слепцы, Сказания и оды приносили Обманутые временем творцы.

А ты от копей, где червонцем грезил Промышленник во сне и наяву, Гнал табуны широкогрудых песен Кандальною дорогой на Москву.

на волховском фронте

Юрию Бондареву

Рытвины, траншей, ветер, ветер Пролетает из конца в конец. Не отсюда ль, молча, на рассвете В рукопашную шагнул отец?

Грело солнце мартовское вяло. Черный лес придерживал пургу. И лежал он долго,

кровь стекала И следы твердели на снегу.

И уже почти под небесами Мать моя почудилась ему, Молодая, с карими глазами, Восьмерых вела нас к одному:

— Ты куда собрался и попутно Их бедой надумал угостить, Воевать и умирать не трудно, Тяжелей детей твоих растить! —

Древний Волхов не плескал волною, Не качали плёсы лебедей. Это было с ним, а не со мною, Я сегодня старше и седей. Но, как прежде, на моем Урале, Будоража огнеликий чад, Голосом высокорудной стали Поезда на станциях кричат.

И полны неодолимой неги, Рассекая крыльями простор, Лебедята

рвутся от Онеги К глубям златоустовских озер.

Где шумели кедры — там чащобы, Синева спадает с горных плеч... Сберегли мы Родину, еще бы Нам края великие сберечь!

Анатолий ЖУКОВ

РАССТРЕЛЯЙ ЕГО, ГОСПОДИ!

Монолог пенсионерки

аходи, милый, заходи, женихом будешь. Чего усмехаешься, переспела для тебя? А ведь еще утром ничего была — причесывалась у зеркала и радовалась. Да ты сам погляди: лицо круглое, без морщиночки, руки полные, белые, ни старческой «гречки» тебе, ни дряблости... Проходи, не бойсь. Я бражки сейчас налью, и кайф словишь, с Дарьей-москвичкой побалдеешь. Проходи в красный угол. Во-от.

Бражка у меня на травке настоена, на зверобое, — ду-ушистая! Не кочешь? И правильно, ни к чему прежде времени. Завтра Троица, завтра и до бражки доберемся, заряди её, Господи. Я ведь тоже не больно охотница, но если праздник, если компания — куда с добром! Может, компотику? Есть клубничный, и такой свежий, будто вчера закручивала. Вот эту баночку уговорим? Тогда держи открывалку, хозяйничай, вот стаканы.

А я гляжу в окошко — приезжий с «дипломатом», не торопится, разглядывает... А ты, значит, родное село повидать, а села-то и нету, опоздал, дорогой товарищ. Семь избенок и десять пенсионеров, ты одиннадцатый. Если останешься. Оставайся, а! Дачником? Тишина, покой, травка зеленая...

Ну, ладно, пей компот и слушай, а я стану рассказывать, сохрани меня, Господи. Что рассказывать? Как что — жизнь свою, неужто не интересно! Мне ведь шестьдесят восемь, больше полвека физический ударный труд, громыхни его, Господи, плюс одинокая бабья доля и семейный одноконный воз. Мужик-то у меня еще не запрягся, как уж выпрягся, одна везла всю дорогу. Ты слушай, я ничего не утаю, все расскажу, как есть и было, слушай.

Пережила я судьбу крепостную трудную, до культа и при культе и всех людей жалею. И вождя всех времен

ЖУКОВ Анатолий Нинопаевич, автор романов и повестей «Дом для внука», «Судить Адама!», «Один», «Осениий крик журавлей», «Здравствуй, отец» н др., родипся в степном заволжском селе Новая Хмелевка, ныне вымершем и исчезнувшем совсем. А в тех степях прошло его детство, отрочество и юность; там он с даенадцати пет, нак все подростии военной поры, узнап нескончаемые крестыянские заботы, оттуда ушеп спужить в армию. Потом будут годы работы в районной газете, учебы в Литературном институте, поездки по стране от моподежного журнапа, работа в издательстве... Но и тридцать пет спустя не забудет он земпянов из степного Завопжья — в публикуемом здесь рассказе они встают как живые, и писатель вновь печалится вместе с ними о родной земле, об исчезнувших островках чеповечесного жипья; вспоминает добрые времена, обещавшие им беспечальное будущее. И от этого, как давно заметия В. Шекспир, становится еще горше:

Веду я счет потерянному мной И ужасаюсь вновь потере каждой, И вновь плачу я дорогой ценой За то, за что платил уже однажды

жалею, он не виноват, расстреляй его. Господи: мы. дураки, виноваты, что подчинялись. Но и мы не виноваты, если подумать. Остались без царя, без барина. без бога, как нам еще-то. А жили бедно. И не было у меня свадьбы в розовом рассвете, не было на свальбе конфет «птичье молоко» и ананасных тортов, а была одна работа всю жизнь. И мой Ванька отличил меня за работу, проходимец. Ловкая, сказал, надежная, на тебя и детей не страшно оставить. И с двоими оставил, алкаш несчастный, — крепи, баба, мощи народа. В Москву завез, лимитчик, и оставил, разбомби его, Господи. А Москва слезам не верит, в Москве еще больше надо работать, там и вода купленная. Слыхал?.. И где я только не вкалывала! На заводе — токарем и слесарем, на ткацкой фабрике и ковровом комбинате — ткачом. Шум и сейчас гудит в ушах, как вспомню... Потом ремзавод, автомобильный ЗИЛ, потом ДОК, потом дворником, лифтером... Весь арапский труд изучила в подробности. Худющая была страсть, ни один мужик не глядел. Да и наплеваты! На двух ведь работах лет десять мантулила, чтобы птенчиков своих прокормить да выучить. На одной должности с семьей есть нечего, на две перешла — некогда стало. А от работы не булешь богатой, а будешь горбатой...

Яичко всмятку не съещь?.. Ну ладно, бывает, что и нельзя, я чайку сейчас поставлю. Ты слушай, а я буду ставить и рассказывать. Не люблю без дела, расщепай его, Господи. Буду самовар ставить и говорить. Самовар у меня, видишь, старинный, с медалями, как ветеран труда. Он тут ждал меня, в заколоченной избе, после смерти мамы. Никто не позарился, все как есть осталось. Деревенские старики — святые люди, трудовое богатство берегут, уважают, о боге думают. И бог, он тоже труды любит. А как же еще? Человек живет, пока работает. А если встанешь утром, а делать нечего, считай и жить тебе нечего. Для чего? А я всегда жила нагруженная. Детей вырастила, пенсия подошла, а работала: надо растить внуков. А как же, не чужие ведь.

Вот каникулы начнутся — привезут, ухаживай, бабка, не помни зла. А я и не помню, я человек простой. семь классов обрвзованья, не то, что мои соседи а Москве. Плачут, бывало: жизнь не состояласы! А сам большой человек, гвардии подполковник, она — великая художница по текстилю, по коврам, дед - какой-то консультант или консул, громыхни его, Господи. Суп ели с бутербродами, бутерброды с черной икрой. И кофий пьют не так, не со сливками или сгущенкой, а с «наполеоном». Коньяк такой, французский — не слыхал? полсотни бутылка. Ну и что? Разок поехали они в круиз вокруг Европы, отдохнули, нагляделись, возвращаются — зеркальный сервант пустой, сын весь хрусталь пропил. И плачут опять: жизнь не состоялась. Дураки! Неужто счастье в хрустале? О сыне подумайте, говорю, лечиться заставьте, вы — родители! А гвардии подполковник фыркает на это: суфлировать легко, поглядим, как ты со своими справишься. А чего ему на меня глядеть, разгроми его, Господи! Он весь награжденный, научный, а я нихтошка, рабочая лошадь, книжки только по большим праздникам читала, мои колостые слова детям не указ. Дочь музыкальную школу на фортепьянах окончила и техникум, а сын инженерный институт, до начальника участка поднялся. И аот сосед всё, бывало, каркает: выучила, де, на свою голову, они тебе зададут. И накаркал, разбомби его, Господи! Дочь как аышла замуж, так со мной перестала знаться. Открытку с днем рожденья или с праздником пришлет — и будь здорова, мамашка. А мамашке и то в радость, что дружно живут, квартира трехкомнатная, просят по-божески... Чего с меня просить? А чего со всех, то и с меня. Нынче дети никто «на» не скажет, все — «дай, дай»! И отдашь, последнее с себя сымешь, если им надо не жалко. У тебя, поди, дети-то есть, сам знаешь... Ну вот, то-то. А я вместе с сыном жила. Он никуда и не уходил из дому. Первый раз женился, да через месяц разженился: пьющая попалась, чистая алкоголичка. опохмели её, Господи. Где же, говорю, были твои глаза, сынок? А у него их и не было никогда. Вторая-то сноха злющая оказалась, мстимая, да еще матерь одной ночки, подзаборница. Двух детей прижила неизвестно с кем. в детдом обоих сплавила, чтобы вольной быть, замуж потом выйти за моего дурака. Так обое и выросли в детдоме, будто сиротки. Выучились там, взрослые уж теперь, а от моего у ней мальчонка родился, в пятом классе сейчас. Тряслась над ним, бывало: «Для одного его живу, а то бы не стала, нет мне с вами жизни!» Это со мной, значит, накажи её, Господи. А сама замки в моей комнатке ломала, в чайник мой то горчицы подсыпет, то уксусу плеснет.

Куда деваться? И хоть пенсия сто десять, а пришлось проситься сторожихой в ДОК — два года там спасалась. Там я вольная, картошечки себе испеку, чайкукофейку согрею. Сижу в уголку и плачу. А ведь, сам видишь, баба я не слабая, не размазня, семь собак перелаю, в обиду не дамся. А вот и сейчас... при одном воспоминаны ... от обиды... не прохлебнешь... Ох! Неужто ж я такой стерьвой была? Всю жизнь в оглоблях, мужской ласки не знала, в войну и после войны — голодная, раздетая, сыромятные ботинки на березовом ходу, всё для детей, зарплата удешевленная, продуктов нет. Ванька пьет без оглядки, а потом сгинул и алиментов не оставил. расстреляй его, Господи. И ты думаешь, я злилась, как она? Нет, не злилась — пела! Ей богу, не вру! Все обилы и нехватки в песню обертывала. Дети-то и сейчас под хорошую минуту говорят: какой ты певуньей была, мамашка, — как Зыкина! А я не как Зыкина — я как Ольга Ковалева пою, в точности. Не помните вы её, до войны и потом малость пела, так сейчас не поют. Сейчас разные раскрашенные, косматые Пугвчевы, Леонтьевы орут или шепчут прямо в микрофон, того и гляди откусят. Или под гитару вякают-хрипят пьянь и рвань — срам, разгроми их, Господи!

А Ковалева пела душевно, складно, по-народному. И голос чистый, сильный. Вот послущай: «Разлилась Во-олга широ-око. Милый мо-ой те-еперь дале-око. Ветеро-очек парус гонит. От разлу-уки сердце сто-онет. До-освиданья, милый ска-ажет, а на сердце-е камень ля-ажет. До-освиданья, ох, досвиданья, Позабудь мо-ои страданья...» Правда, хорошо?.. То-то! А прежде v меня голос еще звончее был, глубже, сильней. Бывало, девкой запою на заре — в Березовке слышно. За пять верст! И в точности Ковалева! Про это и сосед мой гвардии подполкоаник говорил, и Дина, учительница дочки по музыке. Я ведь дочку-то в честь Ковалевой назвала Ольгой. Ну, правда, напрасно, нет у ней голоса. Слух есть, а поет как эти шептуны с микрофонами... Ой, ой, самовар уходит! Разговорилась-распелась, кабалка старая. пожалей меня, Господи, и про самовар забыла... Ах ты. мой поилец, засвистал даже, крышечкой захлопал! А вот мы тебя сейчас заглушим, под крышку пару яичек положим, чайник заварим... Певун какой, прямо Кобзон, а не самовар. Теперь постой на столе, повесели гостя. В городе-то я отвыкла от самовара, все чайник да чайник, а теперь опять нааадилась. Во-от.

И ведь выжила она меня, сноха-то, не сладила я с ней... Сын? Ну что сын — заступался, ругал, да черт с ней совладает. Она инвалидка второй группы, целый день дома, а сын на работе, вот она и творила что хотела. Скажешь поперек — затрясется вся: у меня клапан

сейчас из сердца выпадет, изверги вы! И давай отхожими словами полоскать, не прощай её, Господи. Она на ковровом работала, сердце там засорила, клапана эти, ей операцию сделали, другие вставили, казенные, вот она и выступает. А когда разойдется, схватит что ни попало и запустит куда хочет. Что, думаю, делать? Прихлопнет родная сноха, и прощай, родина, ушла бабка в невозвратный путь. Последним летом купила я десять килограмм слив, по пять килограмм в каждой сумке себе и ей. Хорошие сливы, сочные, спелые. Варенье сварим, компот сделаем или живыми съедим. Радовалась. А она подощла и обе сумки со стола на пол швырк. Они и раскатились по всей кухне, по прихожей. Собака вскочила, лает, бегает по ним, а потом ногу подняла, дура, и побрызгала по самым спелым. Я на собаку, а сноха в крик — Кнопка ей дороже меня, разрази ее, Господи. Сколько же, думаю, терпеть, не хватит ли. Собрала в чемодан бельишко, одежонку кой-какую, сложила в сумку продукты на дорогу и — сюда. Боялась: вдруг и родная земля не примет, куда мне тогда? Шесть с лишним лет не была. Как маму схоронила, так и не показывалась. Стыдно. Сперва на кладбище зашла, наплакалась, посидела на могилке, отдохнула. Потом сюда. А тут домов только на погляд, да пустая колхозная контора, бригадир в ней командовал. Думала, ругать станут, стыдить — сорок лет шаталась по городам, чего же теперь явиласы — а они обрадовались: одним человеком в Выселках больше. И вот, как тебя, — по гостям, за стол. Вдруг, мол, останется, коть дачником, хоть насовсем... А ты в блюдечко налей чай-то. Или разучился с блюдечка?.. Вот-вот, подуй на парок-то и пей всласть, сохрани тебя, Господи.

Пвадцать двороа тогда было, комплекс коровий на полторы тыщи голов у самой речки, Шива меня в доярки-операторы определил. Полтора года проработала комплекс тот прикрыли, разбомби его, Господи, коров потому что не стало, кончились... А это уж ты у Шивы спроси, почему, он тут хозяйничал. В районной газете, бывало, поют: самый надежный председатель Выселок, тридцатитысячник, утвержденный ветеран, орденоносец! А коровки у того орденоносца поживут на комплексе два-три года, бедные, и на мясо, перевыполнять план, раскатай его, Господи. По молоку никогда не выполняли, а по мясу запросто... Ну как почему? Потому что в тесноте содержались, рога им спилили от травматизма, скотников заменили транспортерами. круглый год в помещеныи. Заключенных вон, говорят, и то на прогулку выводят, а коровки зимой и летом в комплексе, разгроми его, Господи. Землю вокруг удобреньями залили, трава стала высотой как лес и сделалась ядовитой: нитраты какие-то оскалились. У коровок цирроз печени — вот и отвозили на мясо. А потом отвозить стало нечего, Шиву — в бригадиры, в звеньевые, а потом уж и звена не набрать: Березовки нет, в наших Выселках семь пенсионных дворов и главным пенсионером стал он, Шива. Персональный, расстреляй его. Господи!

Видал стены от комплекса?... Сходи погляди — как пустой вокзал. И земля вокруг бурьяном заросла, одичала. Веснянки нашей тоже теперь нет, высокла речка... А это уж пускай Шива тебе отрапортует, почему, или его однорукий счетовод Громобоев, попугай его, Господи. Всю жизнь вместе, и всю жизнь — как кошка с собакой. Если бы Громобоеву другую руку, он удавил бы Шиву сразу, ей богу! Он на вид только ласковый, а так глаза подымет, прищурится — не взгляд — строгий выговор с занесением в личное дело, разорви его, Господи.

А верней всего тебе надо старика Ивана Полоаинки-

на повидать — тот все как есть обскажет. Землю-то он наизусть знает, здесь родился, здесь и сгодился. Надеежный, как русская печка. Настя Счастливая, поди, говорила?.. Ну вот. Она всех хвалит, все у ней хорошие, а сама — первая счастливица. И Шиву с Громобоевым хвалила, поди, и меня, будто я сестра родная ей, и христолюбивую Лизу-врачиху с её дурочкой Зинухой, и учителей Орфей Иваныча с Музой Петровной, и Кормильевну. Так ведь?.. Ну вот. А за что нас хвалить-то, разбомби нас, Господи? За то, что от Березовки одна перква осталась, от наших Выселок десять пенсионеров, а вместо хлебных полей бурьянные пустыри да голая степь?.. Ну да, не одинаково мы виноваты, а всежтаки виноваты, как ни крути — родину свою не уберегли! И ты виноват, хоть и седой вот стал, сутулый, хлеб ел свой, не ворованный, одежка на тебе хоть и модная, а недорогая, простенькая, как на мне.

Да-а. Вздохнешь и охнешь, охнешь и вздохнешь. Не я вздыхаю — душа вздыхает. И у тебя тоже горюет, вижу я. понимаю. Раскрошил свою жизнь, как булку голубям, а приклонить голову негде... Что твой город, что квартира с удобствами — жила я там, знаю: родина-то одна. Пока она есть, ты не сирота на земле, живещь смело, уверенно и ни сноха, напугай её, Господи, ни зять, ни родной сын — хе-хе-хе! — не страшны. А грянет беда, война ли — деревня примет, спасет. Не забыл войну-то? Ну вот. Худо, бедно, а выжили, не озверели, людьми остались. И как ведь работали, как выручали друг дружку!.. Может, правильно Настя Счастливая говорит, не виноваты мы? Ведь как хорошо невиноватому — сиди и ругай всех подряд за недостатки: бригадира, счетовода, директора, райком, советскую власть, окружение капитализма, ночной космос. Мигает, успокой его, Господи, всеми звездами, а не откликается. Читал в газете? — ученые сигналили на другие звезды не отзываются, как мертвые. Может, не хотят? Отзовись, мол, им, а они помощи запросят, иждивенцы непутные. Охо-хо-хо-хо!..

Звговорила я тебя, поди, оглушила? Я громкая, боевая. Морда в крови, а все одно наша берет!.. А где берет, когда всю жизнь как рабочая лошадь. А ведь у меня и весна должна быть, и лето красное — где они? Звпомнились два-три денечка, вот и все, прощай, родина! Даже песен ваолю не напелась, а уж бабьей нашей мечты — счастливой любови совсем не досталось. Родной мужик утонул в стакане, а с приходящими не любовь, а одна профилактика. Ты к кому от меня, к Шиве? Правильно, он командовал, пусть объяснит, куда делась твоя родина. И счетовода не обходи, но лучше бы сперва к Ивану Половинкину — мужик тягловый, землепашец, хлебороб, схорони его, Господи, если один тут останется. Он у нас самый крепкий, покрепче Шивы будет. И большой, широкий, за ним, как за сараем, и от ветра можно спрятаться.

Ну, проводи тебя, Господи, по всем Выселкам. Толкуй с дедками, печалься, винись, а завтра все раано наш день, завтра праздник. Пирогов напечем, завлекать станем, чтобы не уехал, песен тебе напоем — Троица!...

Троица, Троица, скоро лес покроется.

Скоро миленький приедет — сердце успокоится!

Cmenah MYCAXOB

МОРОЖЕНЫ ПЕСНИ

то ишшо вот песни.

Все говорят: «В Москву за песнями». Это так зря говорят. Сколь в Москву ни ездят, а песен не привозили ни разу.

А вот от нас в Англию не столь лесу, сколь песен возили. Пароходишши большушши нагрузят, таки больши, что из Белого моря в окиян едва выползут.

Девки да бабы за зиму едва напевать успевали. Да и старухи, которы в голосе, тоже пели — деньги зарабатывали. Мы сами и в толк не брали, что можио песнями торговать. У нас ведь морозы-то живут на двести пятьдесят да на триста градусов, ну, всякой разговор на улице и мерзнет да льдинками на снег ложится.

А на моей памяти еще доходило до пятисот. Стары старухи сказывают — до семисот бывало, ну да мы и не порато верим. Что не при нас было, то, может, и вовсе не было.

А на морозе, како слово скажешь, так и замерзнет до оттепели. В оттепель растает, и слышно, кто что сказал. Что тут смеху бывает и грека всякого! Которо сказано в сердцах (понасердки), ну, а которо издевки ради — новы и хороши слова есть. Ну, которые крепки слова, те в прорубь бросам. У нас крепким словом заборы подпирают, а добрым словом старухи да старики опираются. На крепких словах, что иа столбах, горки ледяны строят.

Новой улицей идешь — вся мороженой руганью усыпана, идешь и спотыкаешься. А стара улица вся в ласковых словах вся ровненька да ладненька, ногам легко, глазам весело.

Зимой мы разговору не слышим, а только смотрим, как сказано.

Как-то у проруби сошлись наши Анисья да сватья из-за реки. Спервоначалу ладно говорили, сыпали слова гладкими льдинками на снег, да покажись Анисье, что сватья сказала кисло слово (по льдинке видно).

 Ты это что, — кричит Анисья, — курва эдака, како слово сказала? Я хошь ухом не воймую, да глазом вижу!

И пошла и пошла, ну, прямо без удержу, ведь до потемни сыпала! Да уж како сыпала, — прямо клала да руками поправляла, чтобы куча выше была. Ну, сватья тоже не отставала, как подскочит да как начала переплеты ледяны выплетать! Слово-то все дыбом!

А когда за кучами мерзлых слов друг дружку не видно стало, разошлись. Анисья дома свекровке нажалилась, что сватья ей всяческих кислых слов наговорила.

 Ну, и я ей навалила! Только бы теплого дня дождаться, оно хошь и задом наперед начнет таять, да ее, ругательницу, налкрозь прошибет.

Свекровка-то ей говорит:

— Верно, Анисьюшка, уж вот как верно, и таки ли они горлопанихи на том берегу, — просто страсть. Прошлу зиму и отругиваться бегала, мало не сутки ругались, чтобы всю-то деревню переругать. Духу не перевдила, насилу отругала. Было на уме ишшо часик-другой поругаться, да опара на пиво была поставлена, боялась, кабы не перестояла. Посулила ишшо на спутье забежать поругать.

А малым робятам забавы нужны, — какие ни есть бабушки, матери-потаковшшицы подол на голову накинут от морозу, на улицу выбежат, наговорят круглых слов да ласковых. Робята катают, слова блестят, звенят. Которы робята окоемы — дак за день-то много слов ласковых переломают. Ну, да матери на ласковы слова для робят устали не знают.

А девки — те все насчет песен. Выйдут на улицу, песню затянут голосисту, с выносом. Песня мерзнет колечушками тонюсенькими — колечушко в колечушко, буди кружево жемчужнобральянтово отсвечиват цветом радужным да яхонтовым. Девки у нас выдумшшицы. Мерзлыми песнями весь дом по переду улепят да увесят. На конек затейно слово с прискоком скажут.

Не без удовольствия заводим мы эти публинации в иашем журнале. Какая печапь, что речь наша стопь бедна, лишена прелестных родительских ирасои, потеряла звучность, мелодичность, полифоничность, утратила огромное смысловое богатство, иоторым впадел народ, назалось бы, еще совсем недавно... Можно пи вернуть былое!! А почему бы нет!! Невопьно хочется добрыми образцами напомнить о, возможно, и восполнимых, потерях...

Начинаем мы со сказон Степана Григорьевича Гысахова, которому в этом году исполнилось бы сто десять пет! Он — архангепогородец, родился и прожил свой долгий век /восемьдесят один год!/ на знаменитой улице Поморской в центре города Архангельского. По профессии был живописец, заноччип Академию в Петербурге. Много путещест

вовал по загранице и по родиому Северу. Его новоземельсние и беломорсине полотна-пейзажи по сию пору непревзойденные...

Но на исходе пятого десятиа Степаи Григорьевич увпекся поморсиими сказиами, собирал, записывал, ездип по мезенским, пинежским и северодвинским деревням...

И неожиданно у иего за звучало слово свое — вещее, мудрое, озорно-весепое... Родился волшебник слова коренного, руссного, былинного, ноторое еще хранит Русский Север.

Сразу же поспе появления сназки его были замечены. Леонид Леонов, Апександр Фадеев, Николай Асеев, Илья Эренбург, Юрий Казанов, Федор Абрамов — каждый в свое время воздап должное его могучему таланту.

Можно только сожапеть, что издают его мало, правда, архаигельсиие издатели в последиие годы стараются наверстать упущенное. Но только их усилий совсем недостаточно, чтобы сиазки Гысахова

сделать общедоступными. А ведь накая радость быпа бы детям с мопоном матери впитать и спово чудное!..

Очень советуем вам сыснать сказки Писахова. Всяк найдет в них радость и утешение — и мал, и стар, и зрел, всяк ободрится и утешится, посмеется и освежит душу тонним юмором, потехой веселой, словом добрым, неожиданным, и всяк подивится гибкости, ясности и простоте языка нашего...

По кравм частушки иавесят. Коли где свободно место окажется, приладят слово ласковое: «Милый, приходи, любый, заглялывай».

Весной на солнышке песни затают, зазвенят. Как птицы каки невиданны запоют. Вот уж этого краше нигде ничего не живет!

Как-то шел заморский купец (зиму у нас проводил по торговым делам), а известно — купцам до всего дело есть, всюду нос суют. Увидал распрекрасно украшенье — морожены песни, и давай ахать от удивленья да руками размахивать:

— Ах, ах, ах! Кака антиресность диковинна, без бережения на самом опасном месте прилажена. — Изловчился да отломил кусок песни, думал — не видит никто. Да, не видит, как же! Робята со всех сторон слоа всяческих наговорили и ну — в него швырять. Купец спрашиват того, кто с ним шел:

— Что такое за штуки, колки какие, чем они швыряют?

Так, пустяки.

Иноземец с большого ума и «пустяков» набрал с собой. Пришел домой, где жил, «пустяки» по полу рассыпал, а песню рассматривать стал. Песня растаяла до только в ушах прозвенела, а «пустяки» иа полу тоже растаяли да как заподскакивают кому в нос, кому во что. Купцу выговор сделали, чтобы таких слов больше в избу не носил.

Иноземцу загорелось песен вазаказывать в Англию везти на полюбованье да на послушание.

Вот и стали девкам песни заказывать да а особый яшшик складывать, таки термоящшики прозываются. Песню уложат да обозиачат, которо перед, которо зад, чтобы с другого конца не начать. Больши кучи напели, а по весне на первых пароходах отправили. Пароходишши нагрузили до трубы. В заморску страну привезли. Народу любопытно: каки таки морожены песни из Архангельского? Театр набили полнехонек.

Вот яшшики раскупорили, песни порастаяли, да как взвились, да как зазвенели! Да дальше, да звонче, да и все. Люди в ладоши захлопали, закричали: «Ишпио, ишшо». Да ведь слово — не воробей: выпустишь — не поймащь, а песня что соловей: прозвенит — и вся тут. К нам шлют письма, депеши: «Пойте песен больше, заказывам, пароходы готовим, деньги шлем, упросом просим: пойте!»

А сватьина свекровка, — ну, та самая, котора отругиваться бегала, — в песни втянулась. Поет да песенным словом помахиват, а песня мерзнет; как белы птицы летят. Внучка старухина у бабки подголоском была. Бабкина песня — жемчуга да бральянты самоцветы, внучкино вторенье — как изумруды. Столь антиресно, что уж думали в музей сдать на полюбованье. Да в музее-то у нас, сами знаете, директора сменялись часто и каждый норовил свое сморозить, а покупатели что приезжи сморозят — будто привозно лутче.

Ну, бабкину песню в термояшшик.

Девки поют, бабы поют, старухи поют.

В кузницах стукоток стоит — термояшшики сколачивают. На песнях много заработали. Работа не сколь трудна. Мужики заговорили:

 Бабы, зарабатывайте больше. Надоели железны крыши, в них и виду нет, и красить надо. Мы крыши сделаем из серебра и позолоченны.

Бабы не спорят:

Нам внглийских денег не жаль...

Мужики выпрямились, бородами тряхнули:

 Вы это, бабы, для кого песни поете? Дайко-се мы их разуважим, «почтеине» окажем.

Мужики бороды в сторону отвернули для песенного простору и начали. Оно и складно, да корошо, что не нам слушать. Слова такие, что меньше оглобли не было! И одно другого крепче.

Для тех песеи особенны яшшики делали. И таки большушши, что едва в улицы проворачивали.

К весне мороженых песен кучи наклали.

Заморские купцы снова приехали. Деньги платят, яшшики таскают, грузят да и говорят: «Что порато тяжелы сей год песни?»

Мужики бородами рты прикрыли, чтобы смеху не было слышно, и отвечают:

— Это особениы песни, с весом, с уважением, зиачит, в честь ваших хозяев. Мы их завсегда оченно уважам. Как к слову приведется, кажной раз говорим: «Кабы им ни дна ни покрышки!» Это по-вашему значит — всего хорошего желам. И так у нас испокон веков заведено. Так и скажите, что это от архангельского народу особенио уважение.

Иноземцы и обрадели. Пароходы нагрузили, труб не видно, флагами обтянули. В музыку заиграли. Поехали. От нашего хо-хоту по воде рябь пошла.

Домой приехали, сейчас — афиши, объявления. В газетах крупно пропечатали, что от архангельского народу особенное уважение заморской королеве: песни с весом!

Король и королева ночь не спали, с раннего утра задним ходом в театр забрались, чтобы хороши места захватить. Их знакома сторожиха пропустила.

Прочему остальному иароду с полден праздник объявили по этому случаю.

Народу столько набилось, что от духу в окнах стекла вылетели.

Вот яшшики наставили, раскупорили все разом. Ждут. Все вперед подались, чтобы ни одного слова не пропус-

Песни порастаяли и — почали обкладывать.

На что заморски купцы нашему языку не обучены, а поняли!

ho	1924 год.	
	А. Ларионов. К нашим читателям Афганистан, Письма П. Буравцева с войны	1 2
	ВРЕМЯ. Иден. Диалоги. Поиски	
	А. Швиденко. Начало начал	8
	В. Калугин. Полемические заметии	10
0	В. Марченко. Застарелые мифы и печальные будни М. Ненашев. Путь к читателю — хозрасчет и демократизация	14 19
	ДУХОВНИКИ, Жизнь. Мысли. Деяния	
	В. Клыков. К 675-летию со дня рождения Сергея Радонежского	24
	О. Михайлов. Разговоры с Леоновым	27
	Картины войны, П. Корин. Н. Пластов. А. Лактионов	31
-	ПЛАНЕТА. Эссе. Книги. Кумиры	
THE REAL PROPERTY.	А. Мальро. Прощание с де Голлем	41
_	Ю. Комов. Черный человек	44
	Рок — энциклопедия	49
	МСТОРИЯ. Воспоминания. Очерки. Документы	
-	А. Симанович. Рассиаз секретаря Распутина	55
	Л. Фейхтвангер. Поездиа в Москву 37-го года	63
	Н. Кузнецов. Запрещенная глава	74
	Л. Брик. «Я не могла поступить иначе»	78
	ПОТЕРАТУРА. Стихи. Монолог. Портрет	
	В. Сорокин, Стихи	81
	А. Жуков. Рассказ	83
135	С. Писахов. Сказка	86 88
Name of Street	Ю. Марцинкявичюс. Памяти друга	90

^{*}Так назывался раньше город Архангельск. — Ред.

Юстинас МАРЦИНКЯВИЧЮС

ПАМЯТИ ДРУГА

Стасису Красаускасу

1.

Не могу о смерти Твоей молвить. Не хочу имя ее слышать Летом смотрел иа закате в дальнее море и все ожидал возвращенья — как утешить глаза, что Тебя еще все ожидают? Ах, Твонх рук еще живо эхо в наших руках: они держат Тебя

и не отпускают.

Упал, неся небеса.
Птицы в полете его доподлинно видели и — как и мы слышали пение.
Над нами высоко раскинулось дерево его голоса.
Мы под ним уселись притихшие,

осознав, что среди нас самое великое — время.

111.

Картина без рамы. Жизнь. Черное с белым. Какой же он третий цвет смерти?

Ты ушел, как звезда, не отозвавшись. Не ответив впераые. А может, не слыша, когда мы кричали: останься!

Есть конец у моря и суши.

Прорубите окошко в гробу, чтобы всех вас мог я увидеть.

Перевод Д. САМОЙЛОВА

В эти дни графику Стасису Красаускасу исполнилось бы шестьдесят лет. Но его уже давно нет с нами... Однако он живет в наших сердцах и нашем искусстве.

Раскроем цикл его гравюр «Вечно живые». Будто огромиый мемориал в мировом пространстве и в наших сердцах.

Здесь нет ничего лишнего, кричащего, здесь все взывает к нашим чувствам и воображению. Эти линии горизонта, создающие впечатление глубины, эти большие куски пейзажа — они с человеком. Они и символы, они и участники человеческой драмы, выражающие динамизм борьбы, трагизм смерти, боль и печаль утраты, вечность и красоту жизни, труда, любви и мечты.

Ближе всего к нам, во мраке аремени и земли — силуэт погибшего воина. Он на всех гравюрах. Он в нас. И а пейзаже Земли и Луны. В памяти живых, в их любви и повседневных свершениях. К павшим идут живые, рассказывая о себе, к ним склоняемся мы, черпая в их подвиге снлу и твердость, словно скрепляя общее дело живых и мертвых, словно присягая нашей общей идее.

Овеянная тихой печалью и нежным лиризмом наша земля, соединяющая одного со всеми и всех с одним. Художник мыслит большими пластами жизни и мира, подчеркивая величие человеческого подвига, его монументальность, в необыкновенно бережно используемыми деталями духовного пейзажа природы и человека он наполняет произведение теглом, любовью, трудом, мечтой, решимостью.

Кажется, во всей драме или поэме Красаускаса нет ии единого лишнего штриха, все лаконично, целеустремленно и выразительно. Он верен поэтической манере повествования, с помощь детали, метафоры, символа он достигает единства мысли, впечатления и эмоции.

Лаконичность и емкость — самая яркая черта художественного языка этого цикла.

Выразительны его метафоры — знаки жизни человека и природы: волевой, зовущий вперед жест руки, языки пламени, грубая, мертвая, сожженная войной земля, горестные фигуры женщин в вечерних сумерках, образы-символы ребенка, любви, материнства, сажаемых деревьев, ржаное поле, на горизонте конь с развевающейся на ветру гривой, плуг и неоконченная борозда, падающий голубь, парящий в возлухе человек, воплощение его мечтаний и их властный призыв вперед — в жизнь. Как на первой гравюре — а бой.

Подвиг живых и мертвых един. Он непрерывен и вечен. В нашем труде, в нашей любви, в нашей жизни.

Поэтому — вечно живые.

Поэтому так человечно, так пронзительно, так всеобще звучит этот черно-белый гимн борьбы, жизнн, любви.

Перевод с литовского Б. ЗАЛЕССКОЙ.

Главный редактор А. В. Ларионов

Редакционная коллегия: Д. С. Бисти, В. И. Десятерии, Е. П. Егорунина, В. Н. Звягии, Н. П. Карцов, И. П. Коровкии, А. В. Кочетов (зам. главного редактора) В. Ф. Кравченио, В. С. Молдаван, А. И. Пузиков, С. В. Сартаков, Н. В. Троткии, В. С. Хепемендик, Ю. П. Чернелевский

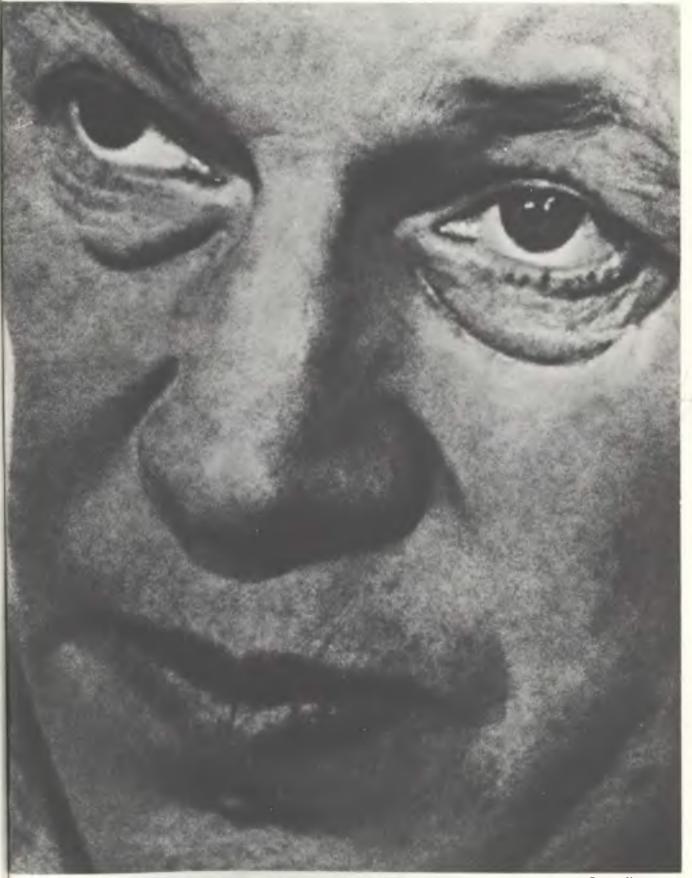
> Главный художник Г. Ю. Кориышев Художественно-технический редактор Е. М. Верба Технический редактор Н. Н. Козлова

Сдано в набор 28.02.89. Подписано в печать 03.04.89. А03257. Формат $84 \times 108/_{\mathrm{lb}}$. Бумага Знаменская 100 гр. Печать глубокая и офсетная. Усл. печ. л. 8,40+0,84+0,42. Усл. ир.отт. 21,42. Уч.-изд. л. 13,42+1,01. Тираж 152 707 эиз. Заиаз 107. Цена 90 коп.

Адрес редакции: 129272, Москва, Сущевский вал, 64

Телефоны для справок: 281-50-98

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфкомбинат Госкомиздата СССР. 170024, г. Калинин, проспект Ленина, 5.

Стасис Красаусиас

15 N 0321 0561

В МИРЕ КНИГ 89 15

из-под самого сердца

Слово, слово — великое дело! Федор Достоевский

Что есть СЛОВО?! Эта неуемная мысль занимала человека всегда. И каждый в каждом поколении многовекового жития в силу разума и сердца своего искал ответ и глаголил легенду о прекрасном, божественном Слове, данном человеку от роду. Действительно, что за удивительный инструмент вложен в нас природой? Благодаря ему мы находим согласный язык, пробуждаем разнообразнейшие чувства друг в друге, выражаем себя, свою душу, ум, свой характер, характер своего народа, равно как и всего человечества. Ведь в слове — кагля океана мирского, необъятного...

Близко и любезно сердцу моему замечательное наблюдение Николая Васильевича Гоголя, так точно выписанное им в позме «Мертвые души». «...Всякий народ, — размышлял он, — носящий а себе залог сил, полный творящих способностей души, своей яркой особенности и других даров Бога, своеобразно отличался каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выражении его часть собственного его характера. Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное, умнохудощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, так кипело бы и животрепетало, как метко сказанное русское слово...»

Самое замечательное, что в этой ладно скроенной оценке нет никакого великорусского чванства, никакого самовозвеличивания или спесивого душка. Николаю Васильевичу всякий народ люб, и всякого он выгодной стороной славит, но добрый нрав своего — ближе ему и дороже. А если учесть, что описание это взято нами из «Мертвых душ», где отечественной дури и глупости выдано совсем не малой мерой, где пороки наши припечатаны на века, то было бы просто грешно не понять мудрого классика, что слово народное он не отделял от сути нашей правственной и духовной.

Признаемся, что, думая о новом названии журнала, мы пошли вслед за отечественными мыслителями — Пушкиным, Гоголем, Толстым, Достоевским, объединявшими слово и

Не зов Лев Николаевич Толстой по-апостольски выстраданно пророчествовал, что слово как соединяет наши души, так же и разъединяет... Помнить бы об этом в дни мучительных сомнений и малоспасительных надежд, когда мстительные речи быот через край, захлестывая яростью, спесыю, лицемерием, когда человеческое достоинство, истина, честь, правда превращаются порой в игрушку своекорыстных себялюбцев, когда слово ненароком становится страшным орупием слепого гнева и зла...

Наш атомный двадцатый век многому научил нас. Он вновь откоыл, как и тысячелетия назад, что только слово-душа, слово-совесть, слово-брат способны соединить людей в единое планетное сообщество, укрепить их души и дух... Прав, прав Гоголь: такое искреннее, душу утепляющее слово вырывается только из-под самого сердца. И нести его в мир нам написано на роду... И народным писателям, и литераторам, и всем духовникам... Ведь книга, журнал — и сегодня остаются одним из главных источников духовного богатства...

Вот и мы котим дерзнуть и дать многовековой традиции, идущей от пращуров наших — Владимира Красное Солнышко и Владимира Мономаха, от Ярослава Мудрого и Сергия Радонежского, от ввтора бессмертного «Слова о полку

Игореве» — новый прилив духовных сил, раскрепощенных Апрелем 1985-го, чтобы созидательным делом, укрепляющим душу, полнилась жизнь каждого братского народа, обретшего вместе с нами державу и землю многострадальную, стоязычную, но родную, любимую каждым из нас.

«Слово — полководец!» К сожалению, этот мудрый и страстный призыв стал расхожей фразой, потеряв свой первоначальный смысл, размыт, как и сам нынешний характер наш... А все оттого, что мир перегружен словами-клише, пустой, утомительно расслабляющей болтовней...

Однако вернуть СЛОВУ его первозданную ценность, одухотворенность — посильная ли задача в наше время?! Не слишком ли легковесные обещания к столь большим переменам? И стоит ли что-нибудь за ними?! Может, всего лишь желание избежать поежнего названия, сегодня уж ясно, назойливо функционального, лишенного каких-либо красок сердца и ума, избежать этих бюрократических, худосочных «литературных и разных других обозрений», «а мире книг» и «в мире животных», клишированных досужими чиновниками в долгие годы скудоумия и безгласности... Вот, мол, и вы сыскали словцо позвучнее, покраще, поглазастее... По правде сказать, и это было, хотелось вынести на обложку именно такое «словцо», однако наполненное душевной мелодией, широким всеохватным смыслом, подвижной, гибколетучей мыслыо, емким символом, вбирающим в себя всю многотрудную духовную жизнь советского народа.

Вот тут без вашей помощи, дорогие читатели, без вашего доброго, участливого отношения, требовательного, критического взгляда, без вашей всесторонней осведомленности и душевной чуткости нам никак не обойтись. Вы наши первые и главные авторы. Каждое ваше выстраданное слово — наше слово, каждое ваше духовное открытие, высказанное на страницах журнала — частица дела всеобщего, если оно укрегляет наше духовное, а стало быть, и физическое здоровье.

И в этом мы не видим разницы между литератором и рабочим, ученым и крестьянином, артистом, композитором, художником и строителем, моряком, летчиком... Всяк своим словом дорог!...

Еще. Пока на нашей обложке сохранится и прежнее название. До 1990 года оно останется в каталогах «Союзпечати», стало быть, подписываясь на журнал «В мире книг», вы подписываетесь на «Слово»...

И последнее. Мы намерены сделать традиционным «Слово о слове» и дать возможность каждому высказать свои мысли и чувства о судьбоносном назначении слова в жизни каждого народа — от малого до великого, в жизни человече-

Сегодня вы познакомитесь с Анатолием Зиновьевичем Швиденко, киевлянином, в прошлом лесником, ныне доктором наук и директором научного института (см. стр. 8). Однако дорога не заказана никому, охотливый златоуст может получить трибуну, если его мысли окажутся неординарным и добрыми для нашего общего духовного дела...

Так продолжим же современное житие и деяние многоязычного Слова нашего. И пожелаем друг другу счастливого совместного пути в таинственном и необъятном мире духовных обретений и потерь, исканий и надежд.

> Арсений ЛАРИОНОВ, главный редактор Апрель 1989 г., Москва

ПОБЕДИТЕЛЯМ

Сзади Нарвские были ворота.

Впереди была тольно смерть...

Прямо в желтые жерла «Берт».

Вот о вас и напишут кимкки: «Жизиь свою за други своя»,

Так советская шла пехота

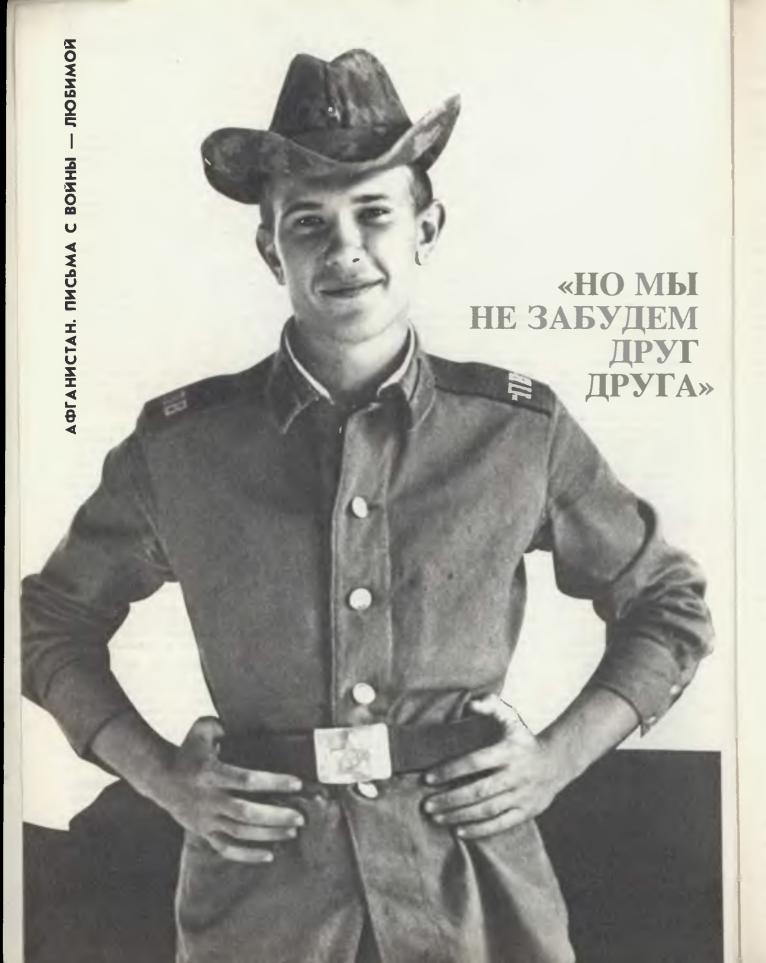
Незатейливые парнишии,

Виуки, братини, сыновья!

Анна АХМАТОВА

Ли гературно-художественный **Ежемесячник Госномиздатов СССР и РСФСР** Издается с сентября 1936 года

С Издательство «Книжная палата», журнал «В мире «ни», 1989

Павел Анатольевич БУРАВЦЕВ РОДИЛСЯ 12 сентября 1966 года, погиб в бою с душманами 22 ноября 1985 г.

По просъбе его боевых друзей, иоторые знапи о переписие Павла с любимой девушкой (миогне письма в подраздепении читапись вспух), мы связались с матерью Буравцева Никой Павловкой и

получили ее ответ вместе с письмами сына. Паша часто говорил: «Жену я буду выбирать только в походах, там человека сразу видно, его трудолюбие, честность, надежность». Там и получилось. Увидел он Галину в походе на Мурахский перевал, 2—9 мая 1984 года и влюбился с первого взгляда. Галя моложе его на 2 года, он очень огорчался: «Ну, почему она такая молодая».

Эта любовь многое изменила в его жизни. Каждый день они виделись, значит, он уже не мог полностью отдавать свое свободное время друзьям. Но чтобы быть и с друзьями и со своим любимым увлечением — альпинизмом, он стал приучать Галину к этому виду спорта. Каждое воскресенье они ходили на тренировки к «Немецкому» мосту. Раньше они ходили своей группой, теперь к ним присоединилась Галя со своей подругой Зухрой. Он не мог нарадоваться, что Галя оказалась очень способной

ученицей, ловкой, выносливой и терпеливой. Галя — миловидная девушка, небольшого роста, стройненькая. У нее все внутри, молчаливая, не кохотушка, как это свойственно ее возрасту. Паша, наоборот, никогда не умолкал. Ему было иногда невдомек, почему Галя вдруг замолкала. Это у него вызывало беспокойство: может, он

что-то сделал не так и она обиделась... Ему не терпелось поделиться своей радостью с нами. Привел он ее к нам на день своего рождения, когда отмечали восемнадцатилетие, 12 сентября. За день до этого он отметил свой день рождения в однодневном походе с друзьями. Гали там не было, она уезжала домой, в Благодарное. А в этот день в доме у нас собрались родственники. Понятно, Галя очень смущалась, ведь это были, по существу, смотрины. Сидели они на краю стола, рука в руке, притихшие. Галя нам сразу всем понравилась. Наверное, это передалось ребятам, к концу вечера они чуть развеселились. Когда Паша проводил Галю в общежитие, пришел домой, то первый вопрос: «Ну, как?» Мы хором сказали: «Хорошая девчонка». После этого Галя приходила к нам очень редко, видно,

стеснялась...
И вот подошел день проводов в армию. Как я не хотела их делаты Парализованная мать, на душе тоска, где взять силы на добычу продуктов, приготовление, сборы родственников. Паша меня ободрил: «Родственников я беру на себя, а приготовят все девчонки,

знаешь, как Галка хорошо готовит». И правда. Галя со своей Зухрой все сделали. Проводы были веселые. Было столько народу... Одни приходили, другие уходили и все его друзья, приятели, знакомые.

Не знаю, было ли у него или у Гали предчувствие большой беды, но у меня было. Описать это иельзя. Это как предчувствие землетрясения у животных. Беспокойство, тоска и безысходность. Была потребность что-то предпринимать, но как, внутри имчего не подсказывало...

Еще с детства Паша мечтал служить на границе, в горах. Всю свою сознательную жизнь готовил себя к такой трудной службе. Стал альпинистом, прыгал с парашютом, тренировался в стрельбе. Ежегодно с туристами Ставрополя уходил на Мурахский

перевал, по местам боевой славы защитников Кавказа, каждый раз проверяя себя в трудностях походов. И как пригодились ему эти тренировки, иогда он служил на горной заставе! Вскоре в числе добровольцев-пограничников он был направ-

числе добровольцев-пограничников он был направлен в Афганистан. Мы об этом, конечно же, не знали...

Я пыталась все узнать о том дне у его товарищей... Но мало что узнала... Был получен приказ сменить точку, и наши ребята, взяв с собой оружие и снаряжение, пошли в горы. А их уже поджидали душманы... Четыре часа длился бой, четыре часа

ребята пробивались, но силы были неравны. В этом бою Павел в первую очередь думал не о себе. Он — фельдшер, нужно было отстреливаться и помогать раненым. Под прикрытием огня товарищей перевязал раненого командира, затем и сам был ранен. Пуля не пощадила Пашу...

После похорон я котела Галю забрать к себе. Она очень котела, но родители не согласились. Она приезжала иногда, мне становилось как-то теплее, как будто это Пашина частица.

Через год после гибели Паши она вышла замуж. У меня не было обиды, так надо, так, я думала, ей будет лучше. Но она поторопиласы! Жизнь не

удалась, он оказался большим эгоистом... 15 декабря 1988 г. у нее родился сын Паша. Я видела, как она воркует вокруг своего Пашеньки, все делает сама, никому не досаждает, ни на кого не перекладывает свои трудности.

Для нее я пока близкий человек. Советуется со мной, слушает мои наставления, кое-что рассказывает о своей жизни.

> Ну, а Павлушиа — мой внук, Пашин сынок. Вот такая история.

За этот бой Павлик посмертно был награжден орденом Красной Звезды.

В 1987 г. школа № 64 в Ставрололе, в которой Паша учился, стала носить его имя. В школе есть стенд, рассказывающий о нем, и мемориальная доска... В этой школе пионерский отряд 4 «а» класса борется за право носить его имя. Аналогичные пионерские отряды есть в школах № 12, 5, 15, 21. Политический клуб «Юность» носит его имя. Ходит автобус, сделаиный из металлолома, собранного пионерами 64-й школы, «Имени Павла Буравцева».

На нашем доме — мемориальная доска. Комсомольские организации медицинского училища и «Скорой помощи», где он работал до службы,

носят его имя... Память о нем живет, ребята его помнят и любят,

часто приходят к нам... Только материнскому сердцу нет утешения... Читаю его письма и плачу... Галя согласилась передать вам письма Паши для публикации... Мы делаем это ради памяти о нем. Пусть люди узнают о добром сердце его, о светлой, отзывчивой душе, о веселом хараитере... Он был

большим жизнелюбом и однолюбом... Сегодня — победа... Наши, наконец-то, вернулись домой. Счастье для матерей!.. А Пашеньки нет среди них, и слез своих мы не выплачем.

> С уважением, Н. БУРАВЦЕВА 15 февраля 1989 г., Ставрополь

Письмо первое*
[30 апреля 1985 г.]

Здравствуй, мов милая, моя дорогая, моя любимая Галинка!

Наконец закончился почти наш путь. Только что вышли из вагона. Но это еще не конец, еще ехать до города Ош, а от него на машине в горы. Рисунок, что я тебе нарисовал, был постоянной панорамон из окна вагона. На нем показаны захоронения мусульман, какого народа, я так и не понял. Но это все позади. Пейзажи, конечно, были изумительными и новыми для меня: постоянио виднелись лачуги местных жителей, старики в чалме, в халатах, как «басмачи» и все на ищаках. Большие степи маков, мутных рек, чумазых ребятишек и женщин в полосатых штанах и халатах с одной прорезью для глаз. Все это, моя Галинка, я видел из окна вагона. Под Самаркандом временами стали показываться горные хребты со снежными вершинами. И я подумал, что ты скоро тоже уйдешь в горы и сможешь прочитать мое письмо только после 10-го мая, когда вернешься. А я тем временем, наверное, доеду до места, получу форму и все снаряжение и буду учиться защищать свою Родину и, конечно, тебя. Да, где ты сейчас, моя любимая, далеко, далеко за многие сотни километров. И все равно наша любовь соединена тонкой ниткой письма и эту нить не порвать никому. Я очень скучаю по тебе и попрежнему тебя сильно люблю, очень хочется услышать твой голос, хотя бы получить твое драгоценное письмо. Но когда оно придет, я не знаю, наверное нескоро, потому что я нахожусь у «черта на рогах».

Когда мы уедем отсюда, я не знаю, обещали завтра вечером. Вот такие дела.

До свиданья, моя милая, моя любимая Галинка. Твой оловянный солдатик.

Пусть ветры гудят, Пусть бушует зима и вьюга, Пусть люди забудут про нас, Но мы не забудем друг друга.

Помню тебя, когда вечер наступит, Тихо взойдет золотая луна. Помню тебя, когда утром проснулся, И помнить буду везде и всегда!

Прости меня, моя дорогая, очень неудобно писать.

Письмо второе (открытка) [4 мая 1985 г.]

Здравствуй, моя милая, моя любимая Галя!

Поздравляю тебя с праздником 1-го Maя! Желаю всего наилучшего в твоей жизни.

Нас сейчас повели сдавать кровь и я выкроил минутку, чтобы написать тебе словцо.

До свиданья, моя единственная! Твой оловянный солдатик.

Письмо третье

[5 мая 1985 г.]

Здравствуй, моя любимая, моя милая, моя единственная Галинка!

Вот, наконец, мы добрались до части. Она находится в каком-то городке, вокруг располагаются горы, чуть-чуть выше, чем в Нижнем Архызе, только ледники без леса.

Привезли нас 1-го Мая. Шел дождь. Нам выдали форму, вымыли в бане.

А сегодня 2-е Мая, вы, наверное, все собрались на Комсомольской Горке, чтобы ехать на Марухиаду, а мы с криком «Подъем!» быстро оделись и выскочили на улицу. «Да, — подумал я, — люди поехали отдыхать, а я здесь — чёрте гас...»

Вот такие мои дела. Говорят, что через 10 дней нас повезут выше в горы, а пока мы сидим здесь.

Извини, моя милая, писать больше не могу, уже кончается мое время.

До свиданья, моя любимая.

Целую. Твой оловянный солдатик.

Письмо четвертое

16 мая 1985 г.1

Здравствуй, моя милая, моя любимая Галочка!

Сегодня 6 мая. У нас небольшой перерыв. Я сижу на скамейке, и на коленях у меня мов зеленая фуражка, а на фуражке лежит чистый лист бумаги, который постепенно заполняется моим посланием к тебе.

Служба у меня проходит все еще там, на карантине, во скоро нас повезут еще выше в горы. А ты сейчас где-нибудь в Марухской долине. Да, это очень далеко-далеко, но что интересно, мы все равно вместе, ты, моя милая, а горах и я тоже, только на Памире. И все равно мы вместе, у меня есть твоя фотография и я всегда смотрю на тебя и мне всегда хочется с тобой поговорить: ты прекрасна, но почему-то грустишь и мие кажется, что ты так и будешь грустить два года.

Галчонок, ты извини, пишу перерывами, тут спокойно не посидишь: то построение, то физчас, то уборка территорни и только временами бывают перерывы.

Самое сладкое слово для меня в этой жизни — это отбой, потому что после этого слова (приказа) ты не бегаешь, как угорелый, а самое главное — я могу увидеться с тобой, да, да, ты не смейся. Во сне начинается совершенно другая жизнь — жизнь на гражданке, наша с тобой жизнь.

Когда я засыпаю, я как бы прихожу к тебе, а ты идешь ко мне, и мы вместе идем с тобой гулять, путешествуем по лесам, по горам, иногда ссоримся, но тут же миримся и так всю ночь. Но потом вдруг все исчезает и под громкий крик: «Подъем!», все вскакивают, начинают натягивать штаны, наматывать портянки и другие вещи.

Сейчас меня опять перебили, опять построение... и поставили в наряд на кухню. Потому что не успел намотать портянки и сунул их за пазуху, а старшина узрел.

Вот так мы и живем, постепенно привыкаем к армейской

Но нам говорят, что это еще цветочки, скоро нас будут поднимать еще выше, я уже тебе писал, что поедем выше в горы, где-то около 5 тысяч метров над уровнем моря. Да, это вам не Кавказ.

Пока мы еще вместе с Геной Комаровым и с другими фельдшерами из Краснодарского края.

Мы часто вспоминаем, как вы там живете. Как поживают наши новобранцы, наверное, говорят, что когда же в армию, и умирают от безделья. Ничего, скоро и им придется топать сапогами. Ну извини, мне скоро уже идти на кухню.

Передавай привет всем девочкам и мальчикам, скоро напишу мой адрес.

До свиданья, моя любимая Галинка.

Твой оловянный солдатик.

Извини меня, что не могу написать хорошо.

Письмо пятое

[8 MAR 1985 2.]

Здравствуй, моя любимая, моя единствениая Галинка!

Поздравляю тебя с 9 Маем (правда, открытка с 1-ым Маем, извини, у меня другой нет).

Пусть у тебя все будет так, как ты думаешь и как хочешь.

Посылаю тебе адрес. Напиши мне одно письмо по этому адресу и жди моего ответа. Пока я не напишу, мие письма не пиши.

До свиданья, моя единственная. Твой оловянный солдатик. Письмо шестое [9 мая 1985 г.]

Здравствуй, моя милая, моя единственная, моя хорошая Галинка!

Сегодня большой праздник для всего человечества — это 9-е Мая. Разгром немецко-фашистского авангарда. Но самое главное, этот праздник очень дорог для нас с тобой. Уже прошел ровно год нашей с тобой любви, нашей жизни и взаимности. Вчера вечером ты, наверное, думала обо мне, сидя у костра или возле речки, посматривая на блеск воды и всматриваясь в небо, ища наши с тобой созвездия, нашей любви венец.

Потом ты долго думала и вспоминала, а я стоял на плацу и выбивал сапогами 1, 2, 3, тоже думал о тебе, вспоминая все и с мыслью, что мы в это время думаем друг о друге, и на сердце становится теплей, и еще какое-то чувство, которое невозможно объяснить.

Сегодня был парад а нашем поселке, была демонстрация, а нас, молодых, поставили в оцепление! А вы, наверное, тряслись в автобусе, долго упрашивали Шурика, чтобы он сыграл на гитаре, а потом пели песни под тенор Цыганкова к под фальшивый бвс «Рюкзака», а потом, устав от суеты, заваливались спать.

Как я соскучился, если бы ты знала, где ты, моя любимая, на другом краю? Где мой любимый городок Ставрополь? Наверное, у вас светит солнце, и щемит сердце весна-красна.

У нас тоже весна, ио я её почему-то не чувствую. Каждый день идут дожди, на вершины садится тумаи, ииогда проглядывает раскаленное горное солнце, обжигая наши зеленые фуражки и погоны.

Сейчас нам дали чуть-чуть отдохнуть после парада, и я пишу тебе письмо без отрывов, ио также на зеленой фуражке.

Рядом сидят мои друзья, и Гена Комаров тоже пишет письмо, и наши письма скоро вместе пойдут домой, трясясь в пыльных вагонах, наша частичка к вашим сердцам.

Как там ты!? Не грусти и не обижайся, письма будут долго лететь к тебе и твои тоже. Такова судьба наша солдатская, мне — служи, а тебе — жди.

Тебе, наверное, в 1000 раз трудней, но ничего, я скоро вернусь.

Я тебе пошлю мой временный адрес, а когда будет постоянный, я не знаю, наверное, после принятия присяги, но напиши пока по временному адресу, может, и дойдет до меня твоя частичка тепла в холодные горы Памира. Как только придет твое письмо, я тебе сразу напишу. Не спеши, подожди моего ответа, после твоего письма.

Прости меня, моя Галинка, за мою безграмотность и корявый почерк, хотя я сам в этом виноват, провалял дурака в школе. Но ты, наверное, меня простишь, моя милая.

До свиданья, моя единственная и любимая Галинка. Твой оловянный солдатик Пашка.

Письмо седьмое [15 мая 1985 г.]

Здравствуй, моя милая, моя дорогая, моя единственная Галинка!

Сегодня у нас славный день. Голубое небо с большими бельми облаками, сильно жжет горное солнце. Но мы весь день то маршировали, то занимались «физкультом». И вот, наконец, небольшой перерыв.

Милая Галинка, если бы ты знала, как я по тебе скучаю, но с мыслью, что где-то тебя ждет любимый человек, сразу становится легче и морально и физически.

Как ты там поживаешь, чем занимаешься, как ты там, моя милая?

Ты не обижайся, если писем долго не будет, я стараюсь писать, когда есть время. Если бы можно, я бы писал каждый день. Галка заходишь ли ты к моим предкам? Ты заходи, а то я боюсь, что письма могут не доходить и вообще, и тебе, и им легче будет.

Галя, тут Гена Комаров попросил меня, чтобы ты узнала

адрес Наташки Хитровой. Она сейчас на «скорой», ты ведь знаешь? Только сделай так, чтобы она не знала, для чего, ты сумеешь. А то Генчик мне уши прожужжал. Потом мне напишешь.

Милая моя, как хорошо, что ты есть на этом свете и, самое главное, что ты любишь меня, а не кого-нибудь другого. Это чувство всегда будет со мной в течение двух лет и будет моей пищей, воздухом и водой.

До свиданья, моя дорогая, пиши по старому адресу, как я говорил в предыдущем письме.

По свиданья, твой оловянный солдатик.

715300 Киргизская ССР, Ошская обл. Апатскии р-н.

Письмо восьмое [18 мая 1985 г.]

Здравствуй, моя милая, моя единственная, моя любимая Галинка!

Сейчас прекрасный день, а точнее, сейчас 2 часа ночи, я заступил в наряд, дежурство по роте (заставе). И в этот час прекрасной звездной ночи я и хочу написать тебе письмо. Звезды здесь такие, как и у нас в Ставрополе, такая же луна и такое же небо.

Иногда кажется, что ты никуда не уезжал, а просто находишься недалеко от г. Стаарополя.

А ты, наверное, сейчас мурлыкаешь во сне, может быть, и разговариваешь со мной, а, может, просто, просто ты сейчас спишь, как и миллионы людей. Я мысленио сейчас нахожусь в нашем городе, иду куда-то по темным улицам, по пустыниым дорогам и тротуарам. Рядом идешь и ты, молча, но уверенно, мимо нас иногда проскакивают сонная «скорая помощь» или милиция, но а мы идем.

Это небольшая моя мечта, этим вечером и мне просто захотелось тебе её передать.

Сейчас у меня целая ночь, чтобы тебе написать, и потому я торопиться не буду. Я все также нахожусь на старом месте, ничем серьезным не занимаемся, проходим акклиматизацию.

Когда повезут нас, нам тоже не говорят.

Я очень соскучился по дому, особенно по тебе, а еще, особенно, по твоему письму. И почему их так долго нет? Иногда я злюсь, почему письма возят на поездах, а не самолетах? Просто тревожно на душе, когда нет весточки из родного края. Но меня вдохновляет, что ты можешь читать мои письма, что они смогли донести мое сердце до твоего.

Сильной разлуки я почему-то не ощущаю, наверное, просто внушил себе.

Сейчас решил не решенный на гражданке наш вопрос, а точнее, занялся силой воли: бросил курить, так как я тебе давно обещал.

Но вот уже мой листок, кажется, начинает заканчиваться, и надо поменьше философствовать.

Милая моя! Передай привет всем, кого увидишь и кого знали, не забудь выполнить Геночкину просьбу, пиши все по тому же адресу, как я тебе сказал а предыдущем письме.

До саиданья, моя милая, моя единствениая. Твой оловянный солдатик!

715300, Киргизская ССР, Ошская обл. Апайский р-н. Рядовому Буравцеву.

Письмо девятое [4 июня 1985 г.]

Здравствуй, моя милая, моя единственная Гвлинка!

Сегодня у нас жаркий день. Солнце жжет, что есть силы, впивая свои раскаленные когти а зеленые фуражки. Но жару вдруг как рукой сняло, когда мне принесли 2 письма, самые дорогие письма.

Спасибо тебе, Галчонок, что письма пишешь часто, не забываешь своего солдатика. А мы, солдатики, тащим свою службу потихоньку, не спешим. Потому что спеши — не спе-

[•] Сохранены орфография и пунктувция оригинала. — Ред.

шн, а служить два года, и никуда не денешься от этого. Весь день мы маршируем или занимаемся физкультурой. Находимся мы еще на старом месте, на том же самом карантине. Обещали на этой неделе поднять, но еще не приехала медицинская комиссия, и неизвестно, когда приедет. А так у меня все хорошо, только очень по тебе скучаю и много думаю о тебе. Свое обещание «бросить курить» я выполнил, уже не курю целый месяц и почему-то не тянет, потому что обещал тебе.

Милая, ты будь внимательна, чтобы больше случая с отравлением не было и, когда поедешь в альплагерь, будь внимательна в горах и напиши мне адрес альплагеря. Также напиши мне содержание фильма («Пришло время любить»).

Галина, ты не скучай и не переживай за меня, и не вздумай считать дни. Лучше не думай о разлуке и тебе будет легче. А за стихи тебе спасибо, только мне чуть чуть завидно, что не я их написал, а кто-то другой. Но я люблю тебя все равно сильнее, потому что ты любишь меня. А то, что тебя любят другие, это не удивительно, потому что прекраснее тебя я еще никогда не встречал и больше не встречу.

Я часто всматриваюсь в пустынные горы, в звездное небо, на уходящее солнце, которое уходит с востока на запад, на родной запад. И я мечтаю, что скоро мы вместе с тобой пойдем в горы, и будем свободны и счастливы, и больше никогда не будем разлучаться с тобой, только всегда вместе. Это я тебе обещаю.

Сейчас подошел Гена Комаров, передает большой привет и большое спасибо за адрес. Он меня хоть чуть-чуть утешает, потому что мы часто вспоминаем наш родной край. Сегодня нам удалось сфотографироваться. Кое-как нашли деньги, купили гленку. У одного старослужащего был фотоаппарат, и я надеюсь, что ты в скором времени сможешь получить мою фотографию.

Извини меня, моя любимая, что заканчиваю свое письмо н наделал много ошибок. Не поминай лихом, пиши побольше, как пишешь сейчас.

Напишн про судьбу пацанов и про поход.

До свиданья, моя дорогая, моя единствениая на всем этом свете.

Твой оловянный солдатик Пашка.

Письмо десятое [5 июня 1985 г.]

Здравствуй, моя милая, моя любимая Галинка!

Сегодня получил два письма от тебя, два счастья в солдатской жизни. Самое родиое, самое дорогое из дальних мест. У меня опять появилась возможность поговорить с тобой и узнать, как ты там без меня.

А как живу я, родная, да все по-прежнему. Сегодня у нас началась учебка: все — по расписанию, все — по уставу. Полдня бегали, занимались физкультурой, а сейчас занимаемся муштрой и, наверно, до самого обеда. А я сегодня в наряде на кухне, занимаюсь мытьем на кухне посуды и заплывами на полах. Правда, я считаю себя более счастливым, чем мои однополчане, потому что у нас сейчас перерыв до обеда, и я могу спокойно посидеть подальше от начальства, смотреть на зеленые горы и думать о тебе.

О тебе, моя милая, я думаю постоянно. И когда мне трудно, и когда мне грустно, и когда весело, и когда сплю. И эта мысль никогда не будет покидать меня, потому что я люблю тебя, люблю и буду любить. А эти два года мне кажутся испытаннем наших чувств и закрепленнем наших с тобой характеров и любви. Да, моя милая, я уже солдат, мне даже еще не верится, но это так. И меня иногда вдохновляет и радует, что я солдат, русский солдат, что мне оказаны честь и доверие охранять спокойствие моей Родины, моей матери, моего города, а самое главное, моей любимой, чтобы вы могли спокойно спать и видеть сладкие сны, чтобы пели птицы над твоим окном, чтобы светило солнце, шумели листья и шелестела трава, чтобы не охватило все это пламенем огня, чтобы не почернело небо от гари пороха. И потому я здесь за сотни, тысячи километров, и ты это хорошо понимаешь, и мне легче

служить, потому что ты меня любишь. А мне от жизни больше ничего и не надо.

Любимая, я рад, что у тебя все хорошо, что ты меня любишь и ждешь. А я как ты пишешь, смирился, я даже не пойму, с чего ты это взяла, неужели ты думаешь, что я это смогу? Просто я внушил себе, что с каждой минутой и с каждой секундой, с каждым часом, с каждым днем приближается кончина нашей разлуки, и что по крупице, как песочные часы, она закончится и мне представится самое счастливое время, счастливей я даже не представляю и не могу представить, когда мы будем вместе и никогда не расстанемся.

Иногда на вечерней поверке я долго смотрю на ночное небо, на тоскливую Луну и далекие звезды и даже забываю, что я далеко от дома.

Ну, извини меня, пора заканчивать письмо. Пнши почаще и я тоже буду стараться писать чаще и мечты наши с тобой сбудутся, и мы навека будем вместе, ведь мы этого хотим, мы любим друг друга и не можем жить иначе, мы созданы друг для друга, так захотелось природе и нам с тобой.

До свиданья, твой оловянный солдатик Пашка

Письмо одиннадцатое

Здравствуй, моя милая, любимая Галочка!

С огромным приветом к тебе я с Памира, пограничных войск, твой Пашка. Уже прошло почти месяца полтора, а мы все сидим на старом месте, правда обещали 11 числа нас поднять, но не знаю, что из этого выйдет. Пока только прошли медкомиссию, меня пропустили и Гену тоже, теперь ждем отправку и никак не дождемся.

Сегодня у нас выходной, а вчера был банный день. Нас водили на горную речку, чтобы постирать обмундирование. На это всего дали 3 часа. Была очень хорошая погода, временами я даже забывался, что я в армии, такое состояние было, что я в нормальном гражданском походе. Кругом горы, светит солнце, пасутся коровы, пахнет навозом и снегом, как в Архызе.

Спасибо тебе, милая, что ты меня не забываешь. Я не могу жить без тебя. Мне кроме тебя, никого и ничего не надо, твоя любовь будет вдохновлением на трудности, и я только тобой и живу. И вся солдатская служба пройдет хорошо, и я буду служить так, чтобы тебе не было стыдно за меня.

Спасибо тебе также, что не забыла поздравить меня с праздником, Днем пограничника, потому что для нас этот праздник прошел, как в будни, только в столовой выдали по одному печенью, а весь праздник за нас отпраздновали офицеры.

Ты не беспокойся, дорогая, здесь ничего опасного нет и не слушай, что тебе рассказывают. В большинстве все преувеличивают. Если не быть дураком, то можно выжить везде. Так что не беспокойся, вернусь я живым, здоровым н выносливее, чем был, ведь мы — пограничные войска.

Любому врагу дадим отпор.

Галинка, как хорошо, что ты есть на этом свете, ты даже не представляешь, у меня такое чувство, что ты мне нужиа больше, чем воздух и вода. Постоянно думаю только о доме и о тебе и никогда не устану думать о тебе, моя милая.

Галка, а что Марина передала привет только мне? Почему ты не сказала, что мы вместе с Геной Комаровым.

Так что теперь, когда будешь встречать, передавай большой привет от нас, также передавай привет Зухре, Ольге и остальным девчонкам.

Галочка, скоро придет письмо к моим родителям, я им выслал пленку, и они должны сделать фотографин, ты зайди и возьми мою фотку. Потому что здесь мы фотографии сделать не смогли, и я кадры отослал домой.

Милая, я даже не знаю, какой написать тебе адрес или новый, или старый. Напишу, наверное, новый — все-таки должны нас отправить.

736600 Таджикская ССР ГБАО

А если твои письма придут, в нас уже увезут, не расстраивайся, их тоже отправят вслед за нами. Не забудь написать свой домашний адрес, а то я его не помню и книжку записную потерял, а также адрес алыплагеря.

До свиданья, моя дорогая, моя единственная на всем этом свете. Спи спокойно, мы вас защитим. Твой оловянный солдатик ПВ.

Письмо двенадцатое [23 июня 1985 г.]

Здравствуй, моя милая, моя любимая Галинка!

Горячий поцелуй и привет тебе с Памирских гор.

Вот прошло уже два месяца моей службы, пошел третий месяц.

От тебя уже давно не было писем и поэтому настроение плохое. Сегодня у тебя, наверное, был последний экзамен и ты, наверное, сдала его на «5», а вечером собираешься ехать домой и поэтому я еще больше огорчен, что не помню твой домашний адрес, и боюсь, что мое письмо до тебя не дойдет.

Службв моя потихоньку тянется, но очень хочется, чтобы катилась

Мы все время пропадаем на полигоне. Бегаем с автоматами н другим снаряжением, ползаем по-пластунски, роем окопы, дышим и даже поем в противогазах. Конечно, очень трудно и утомительно, но я креплюсь. Иногда, когда ползем по камням, грудь сдавливают твои письма, и становится еще тоскливей на душе, и злее начинаешь полэти и быстрее, не обращая внимание на боли от острых камней.

Родная, если бы ты знала, как я скучаю и тоскую по тебе. И, когда лезут дурные мысли, что я тебя больше никогда не увижу, и, что ты меня забудешь в долгой разлуке, то всегда стараюсь выбросить из головы эту глупую мысль. Больше, конечно, думаю о нашей встрече с тобой в далеком будущем.

Всегда кажется, что я пишу тебе мало или не то, что нужно. Писатель из меня плохой, а в душе у меня все накапливаются чувства, которые я хочу изложить тебе письменно, но не получается.

Особенно трудно становится во сне, когда мы с тобой встречаемся, а наутро приходится расставаться. Это для меня самое большое испытание и пытка.

Сейчас мы учимся пограничной тактике, из нас, с помощью «муштры», выбивают все и закладывают то, что нужно для пограничника. Конечно, служба нам досталась, что не поешь. И я стал понимать, как легко было на гражданке, в горных походах и в альплагере, когда ты был свободен, как горный орел, и рядом была ты, моя соколица. Как было хорошо!

А теперь ты «барбос» с ошейником, на плечах погоны, с автоматом, и никакой свободы совершенно.

Галчонок, я послал домой еще фотографии, на снимке мой друг Крыгин Толик, сам он из Курска, я тебе писал стихи, которые он сочинил.

Галчонок, ты должна зайти к моим предкам и забрать фотографии. Высылать фотографии на твой адрес я не стал рисковать, потому что ты, наверное, уже уедешь на каникулы, да к тому же собираешься в скором времени в алылагерь.

Галчонок, не забывай меня, ведь я тебя только люблю на этом свете и тобой жнву. Жди меня, я скоро вернусь к тебе, ты знай.

Твой оловянный солдатик.

полноправными воинами и ответственными перед Родиной.

Этот день, как многие дни, когда принимается присяга, делается выходиым днем, но этот день и, без всяких, сам по себе, выходной. А мне повезло вдвойне, я заступил а наряд и вместо того, чтоб идти со всеми в кино, я принимаюсь за уборку туалета.

Но вот я закончил убирать, и кино кончилось.

Вчера получил от тебя два письма и одно из дома от двоюродной сестры. Они не сразу попали ко мне, а сначала попали в автороту из-за неправильного кода, надо писать не «У», а «УП». Спасибо сержанту, который их случайно взял. Я, конечно, не успокоился, боюсь, что много писем, которые ты мне выслала, будут попадать туда, а не ко мне, но я надеюсь, что они все попадут ко мне.

Спасибо тебе, милая, что ты достала адрес этих «обормотов», а то они и в ус не дуют, чтобы меня разыскать.

Теперь я напишу этим «шурупам», как живут погранцы (огурцы). «Шурупы» — это все войска, мы их так называем и всю Советскую Армию. А мы — войска КГБ, и этим гордимся. Мы считаемся самыми ярыми в Союзе, и ты сама об этом писала мне в некоторых письмах. Конечно, им очень хорошо, что они попали вместе. Но, а мы, как я загадывал, попали с Геной Комаровым. Ты, наверное, помнишь, когда мы шли вечером, и я загадывал, где я буду служить и с кем? Так и вышло — я на Памире, в самом высокогорном отряде и, конечно, вместе с Геной. Это очень хорошо, что мы попали вместе, потому что друг всегда остаётся другом, к тому же я нашел новых друзей.

А ты, милая, когда передаешь приветы, не забудь писать и про Гену. Он, правда, всегда передает тебе привет, когда я пишу тебе письмо, но я иногда забываю тебе его писать.

Галчонок, мне что-то непонятно с алыплагерем? Ты, что не собираешься туда ехать или не можешь? Ты постарайся съездить, не пожалеешь. Узнаешь много нового, увидншь много интересного, познакомишься с новыми интересными людьми. У нас тут на складе много горного снаряжения, предназначенного для стрелков застав и Афганистана и я думаю, что мои зиания по горной технике пригодятся в моей дальнейшей службе.

Постоянно, когда мы выходим на тактические занятия, я вглядываюсь на реденькую травку, которая растет. Желтый цветок и пучок травы на один кв. километр. И ты, может, догадалась, что я хочу найти эдельвейс, горный цветок — символ верности и любви. Есть такое поверие в народе, что если парень подарит любимой девушке эдельвейс, значит он любит её по-настоящему, до гробовой доски. И я обязательно найду его для тебя, обязательно, ведь я тебя так сильно люблю. Ты — моя богиня, вдохновляешь меня на подвиги и трудности.

Да, моя милая, любимая, я тоже вспомнил тот день, когда я пришел в черном костюме, чтобы больше огорчить тебя. Ведь мне всю жизнь не везло ни в чем. И первое везение, это, когда встретил тебя. Ты изменила всю мою жизнь и не дала мие спуститься по наклонной плоскости. Да я тоже вспомнил тех чумазых солдат, которым мы уступили дорогу и провожали их взглядом. А еще сказал, что скоро я тоже так буду топать. А ты говорила: «Когда это будет?» Но теперь это уже не сон, а на самом деле.

До свиданья, моя единственная, моя любовь Твой оловянный солдат, Пашка.

Публикация Н. П. БУРАВЦЕВОЙ

(Продолжение в No 8)

Письмо тринадцатое [30 июня 1985 г.]

Здравствуй, моя милая, моя любимая Галинка!

Большой привет тебе с Памирских гор от твоего любимого солдата.

Галчонок, сегодня у меня знаменательный день, сегодня 30.06.85 г. я присягнул перед Родиной с автоматом в руках, перед Красным Знаменем части.

Да, сегодня наша учебка приняла присягу, теперь мы стали

Анатолий Зиновьевич ШВИДЕНКО родился на Уирание, в селе Новая Гребля Чернассной области. Закончил лесной факультет Уиранисной сельхозакадемии. Более восьми лет работал лесоустроитеяем, главиым лесиичим на Сахалине, на Дальнем Восоке, потом преподавал в той же академии, где училсв сам, работал в лесной науне... Доктор сельскохозяйственных наун, профессор, директор лесного научно-исследовательсного института. Автор пяти научных иниг по проблемам лесиых ресурсов.

HAYAJIO HAYAJI

Анатолий ШВИДЕНКО

лово — это чувство родной земли, это живущий в самых глубинах твоего естества голос предков. Земля, на которой ты родился. Для меня — это росы рассветов далекой юности; соломенные стрехи той, уже ушедшей навсегда в прошлое Украины; дым чумацких костров — то ли наяву, то ли в неторопливых рассказах стариков. И здесь же рядом — земля, по которой ты прощел и старался оставить след своего труда, и она становится тебе такой же родной. Может, это - холодная сахалинская река Пиленга, под неярким солнцем успокоенно проносящая свои чистые воды между красными от железа берегами. Или щемящее чувство неизбежности расставаний, которое охватывает пустынным осенним вечером на высоком охотском обрыве, а ветер, жестяно позванивая пожухшей травой, скатывается в безбрежную синь простора и свободы. Наверное, именно в такие минуты приходит к человеку слово подлиниого единения со своей землей, то чувство сопричастности и ответственности за весь этот огромный и незащищенный мир, которое и позволяет человеку чувствовать себя человеком.

Слово — это твои родной язык, язык Котляревского и Кобзаря — Тараса Шевченко. Это язык великого русского народа, старшего брата всех славян. Для меня никогда не существовало проблемы взаимоотношений языков — за каждым из них стоит культура народа, и воистину — сколько языков ты знаешь — столько раз ты человек. И какое иное чувство, кроме глубокой благодарности за возможность зайти в беспредельно мудрый дом, обратиться к гигантам духовности и гуманизма, может вызвать слово Пушкина и Гоголя, Достоевского и Бунина, Платонова и Булгакова!.. И что, кроме радости человеческого общення во имя возрождения души народной, может принести язык межнационального общения — великий и могучий русский язык. И мне дорого, что праздник славянской письменности, начавшись в старинных российских городах, как перекличка и передача подлинных духовных ценностей, в мае приходит на родину Кобзаря, приходит, чтобы всем миром отметить 175-летие со дня его рождения.

Никогда ни один язык не угнетал другой. Находились люди и группы людей, которые вершили свои черные дела, используя в качестве средства принуждения и язык.

Сегодня, когда в стране обнажились столь серьезные национальные проблемы, очень важно отъединить зерна от плевел. И здесь вспоминаются замечательные мысли В. И. Ленина, прозвучавшие в его известной статье о языке ровно три четверти века назад: в многонациональной стране не может быть настоящего прогресса без языка межнационального общения, обеспечивающего доступность ко всем сокровищам отечественной национальной и мировой культуры. Но опять вспомним ленинские слова — такой язык не может вводиться по принуждению, из-под палки. Известно, что этот принцип часто нарушался, но нет лн опасности национального ограничения, например, в том, что некоторые прибалтийские республики вводят в качестве государственного только свой родной язык? Не является ли это весьма распространенной реакцией — отвечать несправедливостью на несправедливость?

Нет, конечно, далеко не все ладно в нашем непростом мире. Мы пережили (кочется верить — уже пережили) период ужасающего разрушения нравственности. Когда уничтожали инакомыслящих. Когда выбивали просто думающих и всех, кто случайно подвернулся под карающую руку. Когда разрушали самое главное, на чем держится вся суть человека,— необходимость труда. И когда — в совсем уж недалекие годы —

думали одно, говорили другое, делали третье. Надо понять, почему пернод застоя принес не меньшие духовиые потери, чем темные времена в окрестностях тридцать седьмого. Только ли накопление утрат, переход количества в качество? Думается, не только, ибо самое разрушающее для мыслящего человека — это отсутствие понятия истины и веры в эту истину; в так бывает всегда, когда оказывается, что истины вообще не существует, а есть приемлемый (как правило, для влясть имущих) суррогат, оправдываемый, разумеется, высшими соображениями. Фашизм довел эту логику до закономерного конца — «прав ты или нет — для нашего государства все равно» (надпись в одном из блоков Бухенвальда, где содержались коммунисты.)

И в слове, и в деле фанатизм и нетерпимость никогда не были гуманны. Известная строка Маяковского — «и тот, кто сегодня поет не с нами, тот против нас» — не только потрясающе антидемократична, ибо логическая цепочка выстраивается сразу (если против, значит, враг; если враг не сдается, его уничтожают), но и свидетельство определенного способа действия: всегда найдутся те, для кого слово — не доказательство. Наверное, стоит задуматься, почему эту строку можно почти дословно найти в Экклезиасте.

Века нам оставили достаточно доказательств, что из глубин истории время изымает только то слово, которое возвышает человеческое в человеке. В конечном счете, плюрализм мнений в правовом социалистическом государстве есть отражение тои истины, что ни одна часть общества, даже самая прогрессивная с точки зрения общепринятых канонов, не может монополизировать понятие истины. Разнообразие всегда было признаком устойчивости любого живого сообщества.

Много потеряно, и многое невосполнимо, и много об этом сказано. Но не становимся ли мы невольными пленниками инерции рассуждений, обращенных в беды прошлого? Нет, речь идет не о том, чтобы забыть и простить. Но все отчетливее потребность в слове, обращенном в будущее.

Все имеет свое начало и не имеет его, ибо корни сегодняшних начинаний — в днях прошедших. И лишь слово, верный страж неразрывности цепи времен, всегда в начале: и когда обозначает рождение мысли, а, значит, человека; и когда становится осознанной программой деиствий; и когда ведет душу человека к глубиниому пониманию его предназначения на земле.

Перестройка сделала только первые шаги: мы только в самом начале пути, обозначенного в большей части своей словом. Очень важно понять, что реализация ее замыслов дело архитрудное и длительное, ибо основной факт борьбы проходит не между сторонниками и противниками перестройки (он, конечио, тоже есть), а внутри каждого из нас — и именно здесь решается судьба и каждой личности, и направления развития общественного прогресса в целом.

Здесь — как всегда на крутых поворотах истории — главная надежда на слово: помоги осмыслить, останови разорение души, поддержи в ней ростки добра и справедливости.

И если быть объективным, то, уверен, есть все основания для оптимизма. Сколь бы ни ощутимы были наши потерн, они не могут изменить главного: глубинно гуманной сути русского советского человека, альтруизма его души, открытости всему лучшему в мировой культуре, удивительному сплаву терпения и трудолюбня, особой прочности его духовных структур.

Но думать есть о чем.

Среди самых остроболезненных слов сегодня тривда — природа, экология, человек. Сколь ужасающе быстро — не в историческом аспекте, а прямо на глазах живущего поколения превращается среда обитания в среду трудного выживания. «Там котел на полнеба рванет, там река не туда повернет...» Это, хотя отчетливые, но только внешние проявления удручающего своей массовостью процесса. Поднимитесь над землей, спросите — сколько у нее сейчас болевых точек? — и ужаснетесь ответу. Начинают белеть местами украинские черноземы — за последние десятилетия мы уже потеряли по крайней мере пятую часть гумуса, который природа собирала для нас тысячелетиями. Еще немного — и неэрозированные пашни можно будет записывать в Красную книгу... Сыплется соль из облаков в тысячах километров от породивших ее донных обнажений угробленного нами многострадального Арала. Рыжие пространства умирающих лесов окружают неф-

теразработки Тюмени. Что вспомнить еще? Норильск, съедающий леса в сотнях километров от своего знаменитого комбината? Гибнущие пастбища Казахстана и Калмыкии? Все тот же Байкал? Не становится ли болевых точек столько, что начинает казаться, что вся биосфера — единав болевая точка?

То, что мы делаем сегодня с природными ресурсами нашей страны, можно квалифицировать одним словом — варварство, причем варварство нового, высокомеханизированного типа. Куда там всяким гуннам и батыям. Кто ответит, сколько мы вылили тюменской нефти за соучастные нам 20 лет в Мировой океан? Почему из срубленных сотен миллионов кубометров древесины каждый второй гибнет на пути к потребителю? Почему многомиллиардные затраты на мелиорацию оборачиваются экологическими преступлениями? Кто допустил, что за последние четверть века мы практически потеряли чуть ли не треть дальневосточных кедровых лесов — неповторимое создание природы? И если справедливо утверждение, что отношение к природным ресурсам есть свидетельство уровия культуры нации и мерило совершенства общественного устройства, то что же мы можем сказать себе отрадного?!

Мы научились искать ответы, обвиняя власти и порядки. Да, многое осталось от прежних времен, и много еще не расчищенных завалов в бюрократических дебрях. Но главное, уверен, в другом. Мы воспитали целый соцнальный тип временщика, не хозяина, а потребителя, исповедывающего известную философию — на наш век хватит, в после нас — хоть потоп. Только начинает не хватать и на наш век, не говоря уже о грядущих.

Бесспорио справедлива мысль, что только тогда охрана природы имеет все шансы на успех, когда экологическая культура становится глубинно-составляющей человека. «Не вреди!» — это уже заповедь, относящаяся ко всем нам, ибо каждый из нас — либо врач, либо враг природы.

Мы только начинаем осознавать, сколь мал и уязвим наш общий дом — Земля. То, что в лесах Европы почти половина заболевших деревьев — это и наша потеря, это тот кислород, которого, возможно, не будет хватать нашим детям. Пятую часть всякой мерзости, которая к 2000 году осядет на европейскую часть нашей страны, мы получим за счет трансграничного атмосферного переноса от цивилизованных соседей. Парниковый эффект, глобальные изменения климата, флоры и фауны нарастают быстрее самых пессимистических прогнозов — не только за счет загрязнения атмосферы, но и за счет квтастрофического уничтожения тропических лесов — их земля ежегодно теряет на площади около 15 млн. гектаров.

Надо найти слово, которое убедит народы и правительства не только в необходимости взаимопонимания, но и в немедленных энергичных совместных действиях. На земле никогда не ощущалось недостатка в оружии, но всегда не хватало хлеба и добра! Так, может, наступило время, когда умиеть должны все? Когда не количеством ракет, а числом шагов навстречу друг другу определяется вклад в наше общечеловеческое здание?

Надо найти слово, которое придаст новое звучание велнким и непреходящим истинам, которые во все времена и для всех народов определяли самоё человеческую суть.

Надо найти слово, которое прорвется, как живая вода, в наши заждавшиеся души, умножит духовную силу народа, высветит истинную мощь нашего общественного строя и поведет свободных людей к свободному труду.

У нас всегда было такое слово. К счастью, и время наше ждет такого Слова. Теперь дело только в нас самих, чтобы каждый, обращаясь к своей судьбе, мог сказать вслед за великим Кобзарем:

Ми не лукавили з тобою.

Ми чесно йшли. У нас нема Зерна неправди за собою.

Духовная перекличка наций и поколений, неизбывность чести, правды, совести, справедливости и милосердия, самый незамутненный критерий нравственного здоровья народа — слово.

Материализация нематериального, сгусток времени, слепок общественного разума, его свидетель и судья — слово.

Да, слово, как родная земля, бессмертно и многострадально. Как наша жизнь — хрупко и уязвимо. Как дерево — растет веками и остается на века...

Будем всегда помнить это...

Виктор КАЛУГИН

AH CCCP. Историческая память и фольилор, Фольклор как «генетический нод» народа, выражение его философсних и иравственных идеалов и идей. Таков круг проблем, ноторые ставит в своих исследованиях писатель Винтор Калугин. Он автор иниги «Герои русского эпоса» («Современини», 1983), в последние годы в разных издательствах вышли подготовлениые им фольклориые сборниии: «Быпины» («Современник», 1986), «Песии, собранные П. В. Киреевсиим» [Тула, 1986], «Былины» («Правда», 1987), «Жили-были», «Волшебное слово» (Библиотена молодой семьи, «Молодая гвардия», 1988), «Литературные сказни народов СССР» («Правда», 1989). В издательстве «Современнии» сноро выходит его новав ниигв очерков о народной иуяьтуре «Струны ронотаху...» Обращение и истории и фольклору для

Винтора Квлугина — это не уход от

мическая гавань, где можно заниматься

ответы на самые острые нравственные

современности, не некая тихвя акаде-

«чистой» наукой, а попытка квйти

вопросы современности.

Родился в 1943 году,

в Латвин. Закончил Литературный

сотруднии ИМЛИ им. М. Горьного

институт им. М. Горьного СП СССР,

член Союза писателей СССР, изучный

ак суднть -- по закону или по совести?» Такой вопрос для юриста звучит в лучшем случае наивно. Один из них в передаче «Взгляд» так и заявил: не построить нам правового государства, если мы по-прежнему будем уповать на пресловутое расейское (так он произнес -- с растяжкой): «Как судить — по закону или по совести?»

Так вот мне кажется, что нам вообще не постронть правового государства без высшей народной мудрости, если только юрилическими законами мы заменим законы совести. Если о правовом сознании будем судить только по количеству юристов на душу населення, как о здоровье народа — по количестау

врачей и койко-мест в больницах.

Вся духовная и философская мысль России, начиная со «Слова о законе и благодати» Илариона, основывалась на признании высших законов совестн. «Ибо закон, -- писал Иларион, — предтечей был и слугой благодати, истина же и благодать — слуги будущему веку». По этому духовному пути Русь прошла тысячелетие. Так неужели же сейчас мы вновь будем возвращаться вспять: начинать с «закона вместо того, чтобы продолжить принятый и выстраданный народом путь «благодати»?..

Все это не значит, конечно, что мы должны усомниться в необходимости правовых реформ, правового сознания. Нет, речь идет лишь о том, чтобы не заменять и не подменять одно другим: законы — совестью, а совесть — законами. В жизни народа веками существовали так называемые неписаные законы, которые бывали и выше юридических. Сам вопрос: «Как судить — по закону или по совести?» свидетельствует не об отсутствии правового сознання, а о том, что суда «по совести» человек боялся гораздо больше, чем суда «по закону».

Все это имеет самое непосредственное отношение и к нашей литературной жизни, которая не может основываться только на Уставе Союза писателей СССР или же на Законе о печати. Врачи — целители телесных недугов — дают клятву Гиппократа. Как бы ни была она условна, но каждый врач, нарушающий ее, все-таки знает, что он преступает некую нравственную границу дозволенного, что он клятвопреступник. У нас целителей духовных недугов — такой клятвы нет. Отсюда, как мне кажется, и все остальное. От того, что сместилнсь нравственные понятия, неписаные законы совести.

А иначе главный редактор «Огонька», публично уличенный во лжи, должен был бы сам — во имя защиты своей чести подать в отставку. Точно так же, как главный редактор «Знамени», публикуя провокационную анонимку, не мог не знать, что она болезненно отзовется у многих... И он должен был, по меньшей мере, признать свою редакторскую ошибку, но, судя по его выступлению в телевизионной передаче, виновников сего он ищет на стороне, так же, как и редактор «Огонька»...

Мы продолжаем жить по другим неписанным законам, по которым цель оправдывает средства. По отношению к литературному оппоненту все средства хороши. А потому всякого рода нравственные нарушения под видом самых благих наменений стали едва ли не нормой.

Закон о печати, конечно, даст возможность за клевету, за извращение фактов, за оскорбление личности привлечь хотя бы к суду. Но здесь, как и во всем, необходимо различать причину и следствие. Почему подобное стало возможным в печати? Не потому же, что нет наказующих мер? Причина, видимо, все-таки в том, что перестали действовать законы чести, когда любой писатель или журналист дорожит незапятнанностью своего писательского имени, знает о неизбежности суда чести. В литературной борьбе тоже существуют свои удары «ниже пояса». У нас же сейчас появились мастера именно таких запрещенных ударов, наносимых прилюдно, на глазах у миллионов читателей и зрителей. В 20-е годы довольно много шума наделало движение под лозунгом: «Долой стыд!» Сейчас мы демонстрируем свободу слова примерно на том же самом уровне. Отсюда и шум. Под видом гласности мы снимаем с себя все нравственные «запреты» и предстаем перед всем

миром в весьма неприглядном виде.

Происходит же подобное, как мне кажется, во многом потому, что у нас никогда не было «желтой» прессы и ее приемы сногошнбательных «сенсаций», «сенсаций» любой ценой, оказались чем-то неожиданным, новым. Но в зарубежной печати «желтая» пресса так и называется «желтой». Ни один «желтый» журнал не сможет претендовать на роль властителя дум, не делает «погоды» в литературе и искусстве. У нас же все оказалось перевернутым с ног на голову. Ни один уважающий себя, свое доброе имя журнал, уверен, не предоставил бы свои страницы провокатору Норинскому, это мог сделать только «Огонек», еще раз доказавший тем самым, что для него не существует никаких моральных норм, границ элементарнейшей человеческой чистоплотности.

Мы даже не замечаем (историческая память у нас очень коротка), что все это уже было, что мы уже нмели своего некоронованного короля журналистики — Фаддея Булгарина. Булгаринская «Северная пчела» пользовалась самой большой популярностью, по смелости, по актуальности, по остроте с ней не могло сравниться ни одно издание, включая пушкинский «Современник». Не говоря уже о том, что и в коммерческой литературе Булгарин не знал себе равных. Ни один роман того времени не выдержал столько изданий, как булгаринский «Иван Выжнгин». Но Иван Киреевский не случайно говорил о своем «Европейце»: «Это будет журнал, не запачканный именем Булгарина». Булгарин добился всего, но единственное, что не удалось ему завоевать - ни у современников, ни у потомков — так это доброе имя. Неписанные законы совести оказались сильнее любой коммерции и политиканства.

Так что и здесь «Огонек» идет по проторенному пути. Жаль лишь читателей, которые верят, принимают его «смелость» за чистую монету. Верят и таким заверениям Коротича: «Вот вы смотрите, что бы об «Огоньке ни говорили, нас ни разу не поймали на лжи. Вы представляете, что бы со мной сделали, если б меня поймали на неточности, если бы я напечатал хоть отдаленно на том уровне, на котором печатают шовинистические журналы в Москве? Не поймали!» Это из нитервью Коротича газете «Молодежь Эстонин» (18 февраля 1989), но подобные его интервью во время предвыборной кампании появились во многих других газетах, в осноаном молодежных, и по зарубежным радиоголосам. Что ж, не пойманный не вор! Будем и дальше жить по этому принципу, узаконившему у нас воровство.

Впрочем, я и не собнраюсь уличать никого во лжи (это сделал журнал «Политическое самообразование), вообще не понимаю эту взаимную ловлю, взаимную охоту друг за другом. Стоило, например, Владимиру Личутину при выдвижении кандидатов на пленуме СП СССР сказать, что он дает себе самоотвод, потому что не может быть в одном списке с Коротичем, как тут же в интервью Бн-би-си Коротич заявил, что Личутин призвал к созданию резерваций для малых народов. Вслед за ним уже в «Огоньке (№ 11) Наталья Иванова развивает это обвинение, приводя вроде бы вещественное подтверждение — отрывок из стенограммы пленума СП РСФСР, где Личутин действительно произнес слово «резервация», да только в совершенно другом, первичном его значении --- сохранении, а не уничтожении национальных культур. А это и называется — ловить на слове, передергивать. Приемы, опять же, из числа запрещенных, но именно этими приемами уже многие десятилетия пользуется наша критика как едва ли не основными при сведении счетов, при очередном нападении на своего противника.

Из этого же арсенала и другой прием: нападение с накленванием ярлыков, когда не только московские журналы, а все «крыло русской литературы» Коротич называет шовиннстическим. Но ведь шовинизм, как и любой другой вид расизма, по нашим законам — уголовно наказуемое преступление. Как и любое другое преступление, оно должно быть, прежде всего, доказано. Иначе любые обвинения в шовинизме, как, впрочем, и сионизме, в свою очередь, наказуемы по закону. Быть может, в правовом государстве так оно и будет. Хотя западную «желтую» прессу не всегда останавливают даже солидные денежные штрафы: скандалы и сенсации приносят гораздо больший доход. Просто сейчас клевещут усердно и бесплатно, а в будущем им, видимо, придется за это платить деньги. Вот и вся разница. Суть же остается прежней. Впрочем, дело не в «Огоньке» (что пенять на зеркало...), а в том, что нельзя дальше, дальше и дальше идти по пути испримиримости и вражды, которую он разжигает. В этом смысле лично в не вижу разницы между Коротичем и Васильевым, их вполне можно поменять местами. Крайности сходятся.

Крайности «Памяти» и крайности Евгения Евтушенко, которому все мерещатся лабазники с Охотного ряда. У страха — глаза велики. У страха перед всемирным заговором против России. И у страха перед Россией.

Но зачем нагнетать этот страх, впадая в кликушество, зачем играть на очень болезненных, взрывоопасных чувствах? Сейчас, уверен, многие начинают догадываться, что здесь явно не чисто, что все это попахивает гапоновщиной.

«Где закон, там и преступление», «закон, что паутина: шмель проскочит, а муха увязнет», «кто законы пишет, тот их и ломает» — эти горькие истины возникли тоже далеко не случайно, за ними опыт столетий. А кто даст гарантию, что у нас тоже больше не будет «воров в законе», что щелоковы и чурбаиовы — это уже прошлое, что подобное никогда не повторится?...

Создание правового государства становится для нас панацеей от всех бед, каких было уже немало. Хотя и здесь нам тоже не помещало бы вспомнить об истории. Не только своей. «Веймарская республика,— отмечает доктор исторических наук В. Логинов, — в Германни считалась одним из самых правовых государств в мире. Со своиственной им дотошностью и пунктуальностью немецкие юристы написали целые тома законов, которые, казалось бы, предусмотрели все и разделение власти, и функцин их, и контроль... Но это не помещало Гитлеру прийти к власти, причем демократическим путем — в результате всеобщего голосования. Мало того, придя к власти, он прекрасно использовал ту же веймарскую конституцию в своих целях. Полагать, что демократия есть некий универсальный механизм, способный раз и навсегда гарантировать нам все права и свободы, защищать от угрозы антинародной диктатуры — иллюзия. Демократия лишь облегчает условия для борьбы, а ее исход решается реальным соотношением сил и энергией масс. Единственная гарантия — 3TO MN CAMES.

Добавлю к этому — наша совесть. Если, конечно, она не деформирована настолько, что мы уже не в состоянии отличить добра от зда...

Сможет ли Закон о печати, например, привлечь к ответствеиности за литературную критику, которую еще Достоевский называл «доносительной». А именно такая «доносительная критика» десятилетиями процветала и процветает в нашей печати. Это, собственно, и не литературная критика как таковая, а идеологическое начетничество, изощреннейшее ремесло по выявлению отступлений от классовых позиций, от теории двух культур, от положении классиков марксизма-ленинизма. от высказываний революционеров-демократов, где эти положения и высказывания превращались в идеологические удавки, с помощью которых душились проявления любой живой мысли. Впрочем, не любой. В этой охоте за ведьмами была определенная логика. Душились ростки национального самосознания. всего того, что можно было подвести под политически наказуемую статью пресловутой «патриархальщины», под славянофильство, под религиозность, под монархизм...

Все это было не в далекие 20—30-е годы, а совсем недавно. У времен застоя тоже были свои «неистовые ревнители». В 1980 году в «Литературной газете» появилась статья В. Кулешова «А было ли «темное царство»? Уже сам этот вопрос звучал как прямое обвинение в идеологической крамоле. Как посмел Михаил Лобанов в книге об Островском усомниться в существовании «темного царства»? Как мог Юрий Лошиц в книге о Гончарове ни разу не сослаться на соответствующее ленинское высказывание об обломовщине? И сейчас действительно трудно представить, как, каким образом в самые тяжкие годы застоя в серии «ЖЗЛ» могли выити книги о Гончарове, Островском, Достоевском, Гоголе, не укладывавшнеся ни в какие прокрустовы ложа нашего догматического литературоведения. Выйти не благодаря, а вопреки времени. вопреки всему, что десятилетиями вдалбливалось в головы не просто о Гончарове, Островском, Достоевском, Гоголе, а о самой России, о ее исторических судьбах, ее духовном наследстве. Как могло случиться, что в этих книгах не было ни «обломовщины», ни «темного царства», ни «тюрьмы народов», ни всех других догм, под которые подгонялась история и культура России. Кто мог позволить?

В том-то и дело, что никто! Это были именно те книги, которые выходили без всякого на то позволения и соизволения, которые в те годы можно было написать и издать только на свой страх и риск оказаться раздавленным, растоптанным, расстрелянным в упор всеми влиятельнейшими органами печати: от «Литературной газеты» и «Вопросов литературы» до «Правды» и «Коммуниста», подписывавшими окончательный приговор, обжалованию не подлежавший.

Подобная критика потому и была «доносительной», что она не ограничивалась чисто литературной полемикой, а была рассчитана именно на последующее принятие административных мер.

Вспомним, что произошло в 1982 году, когда в журнале «Волга» появилась статья Михаила Лобанова «Освобождение», какие обвинения предъявлялись ему. «Освобождение»... от чего?» — так называлась статья П. Николаева («Литературная газета», 1983, № 1), в названни которой также звучало политическое обвинение. М. Лобанов поставил под сомнение историко-художественную концепцию «Поднятой целины», М. Лобанов посмел «поиронизировать по поводу питерского рабочего в станице», М. Лобанов усомнился в насильственной коллективизации.. Такого отступления от «Краткого курса» ему не мог простить П. Николаев, изрекавший: «Коллективизация в сущности своей была необходимым историческим актом революционной перестройки крестьянского сознания».

Это была, что называется, первая ласточка. За ней последовали и остальные. В. Оскоцкий в статье «Литературные игрища, или Тотальный нигилизм» («Литературная Россия», 1983, № 4) требовал уже призвать к ответственности не только автора «Освобождения», но и журиал «Волга». Далее все развивалось, как по сценарию. Оргвыводы последовали незамедлительно.

Главный редактор «Волги» был снят с работы, сам же Михаил Лобанов на несколько лет оказался вне литературы, ни один редактор не осмеливался публиковать его.

Обо всем этом можно было бы, конечно, и не вспоминать, если бы «доносительная критика», как и все другие виды доносов, осталась в прошлом. Так ведь жива же, целехонька она и теперь. Более того, готова служить перестройке, готова клеймить и разоблачать ее «врагов».

У перестройки уже появились свои «неистовые ревнителн», свои вышинские, требующие чрезвычайных мер.

Еще немного, и механизм давления начнет действовать. Не обязательно физического уничтожения. Террор — явленне многоликое и многозначное. Он может быть как «правым», так и «левым», но действия «либеральной жандармерии», о которой говорил еще Лесков, отличаются лишь по методам, а не по сути.

И такая «либеральная жандармерия» уже вовсю действует на страницах нашей печати. Быть может, Закон о печати как раз и послужит юридической защитой от произвола любой «жандармерии», заставит отвечать за свои слова, если не перед совестью, то хотя бы перед законом. Но «доносительная критика» при этом все равно не будет подпадать под действие Закона о печати, поскольку она полностью относится к понятиям нравственным.

Закон о печати может обеспечить реальные гарантии свободы слова, хоть как-то отрегулировать правила многостороннего движения, чтобы мы в суматохе попросту не передавили друг друга. Культура спора, культура дискуссий необходима.

А для этого не помешало бы вернуться к самим истокам «перелома русской мысли», с которого начинается историческое противостояние звладников и славянофилов. Тогда, в 1841 году, «западник» Белинский встретил известие о рожденни славянофильского журнала «Москвитянин» такими словами: «Не беремся пророчить о судьбе нового издания, но смело можем поручиться, что он есть предприятне честное, добросовестное, благонамеренное, чисто литературное и нисколько не меркантильное; что у него будет своя мысль, свое мнение, с которым можно будет соглашаться и не соглашаться, но которых нельзя будет не уважать, — против которых можно будет спорить, но с которыми нельзя будет браниться».

Все это Белинский говорил о журнале своих литературных оппонентов — славянофилов, определяя уровень всего последующего исторического спора, который, по сути, продолжается и поныне. Только в иных исторических условиях и, увы, на ином уровне. Герцен представлял эти два полюса русской

культуры в образе двуликого Януса, у которого все-таки «сердце билось одно». Это единство запвдников и славянофилов он видел в чувстве «безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу, русскому быту, к русскому складу ума».

Назовите мне хотя бы одного современного «западника», который отличался бы такой же безграничной любовью к русскому народу, русскому быту, русскому складу ума. Поэтому, видимо, и появилась иеобходимость в новых определениях: «левые» и «правые», «прогрессисты» и «консерваторы», «патриоты» и «интернационалисты». «Одни, — отмечает А. Анастасьев, — с огромной силой нажимают на корневое, почвенное начало культуры, другим близок ее всечеловеческий, космический пафос». И такое противопоставление уже заведомо исключает единое сердце, есть лишь разные, несоизмеримые величины.

Не отличаются новизной и взгляды столь модного ныне историка Юрня Афанасьева, утверждающего, что нет и никогда не было никакой такой «загадки» России, ее «особой стати», что мерить ее нужно только «общим аршином», а для этого необходимо, прежде всего, отказаться от патриотизма, который всегда был лишь формой холуйства перед властями. Отказаться от представлений о так нвзываемых добровольных присоединениях к России. Признать, что Сталин и сталинизм — это порождение великодержавного шовинизма и русской истории, начиная с Ивана Грозного и Петра Первого. Только исходя из этой «правды истории» можно создать подлинную историю России. Все остальное — полуправда или ложь...

Подобные взгляды, как и любые другие, имеют право на существование. Тем более, что они знакомы нам не только по рассуждениям героев романа «Бесы» Достоевского, но и по высказываниям Троцкого, по стихам Джека Алтаузена. Идеи исторического нигилизма обладают определенной притягательной силой, в них всегда есть соблазн «запретного плода». Сейчас мы вкущаем эти былые «запретные плоды», не замечая в них заключенного смертоносного яда. А попробуй заметь, попробуй-ка возрази тому же историку Афанасьеву, тут же попадешь в число сталинистов, шовинистов, националистов, врагов перестройки, противников гласности. Вот и молчим, из страха попасть в «черные списки демократии», позволяем сближать сталинизм н патриотизм, проводить между ними едва ли не знак равенства.

Да, было однажды такое в истории: обратился Сталин к патриотическим чувствам русского народа, произнес забытое «братья и сестры», возродил гвардию, ввел золотые погоны, ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского богдана Хмельницкого... Но неужели не ясно, что сделал он это именно потому, что другого выхода у него не было. Только патриотизм мог спасти (и может спасти!) Отечество. Сталиннзм к этому не имеет никакого отношення. Да и до каких же пор мы будем отравлять трупным ядом сталинизма и себя и русскую историю? Быть может, хватит, пора и меру знать?

Где же предел страданиям нашим? На долю какого народа и когда в истории выпадало столько испытаний за неполное столетие. Кто был среди миллионов павших в гражданскую? Кто опухал от голода в поволжских, донских, ставропольских, кубанских станицах? Кто потерял двадцать миллионов в Отечественную? Чья земля превратилась в Нечерноземную зону (слово-то какое чудовищное: как нечисть, нежить, небыль, да еще и зона)? Чьи восемьсот тысяч деревенских домов опустели уже в наши дни? Чьи дети погибали в Афтанистане?..

Конечно же, не одни русские погибали. Но легче ли от этого русским? Русские вообще никогда не выделялись, не противопоставляли себя другим, никогда не жили за счет «колоний», не процветали в то время, когда с голоду умирали калмыцкие дети, когда эстонцы или латыши погибали в сталинских лагерях. По отношению к жертвам Сталин был последовательным «интернационалистом», здесь он достиг полного «слияння наций», и мы, живые, до сих пор ощущаем на себе последствия этого сталинского (а затем, в идеологии, сусловского) «интернационализма». Но причем здесь опять же русские, которые точно так же, как и другие, пытаются обратиться к исторической памяти народа, чтобы

обрести себя, чтобы найти смысл, как после батыевых нашествий, для возрождення, для государственного строительства. На нигилизме, на отрицании ничего не построици.

Недавно П. Николаев, выступая по телевидению, признался, что не может он видеть памятника Юрию Долгорукому. За что, за какие заслуги ему памятник? За то, что руки свои длинные запускал куда не следовало, присоединял окраины. Вот если бы вместо этого памятника и вместо памятиика Суворову, который войны вел лишь захватнические, Пугачева на каэнь вез, поставить памятник неизвестному русскому мужичку с топориком. Ведь есть же памятник неизвестному солдату, почему ие может быть памятника неизвестному основателю Москвы, безымянному мужичку...

Любой человек, в тем более член-корреспондент АН СССР, имеет право на подобного рода размышления. Но нетрудно представить себе, как отнеслись бы литовцы к своему членкору, историку и теоретику литературы, если бы он по литовскому телевидению сказал нечто подобное о башне «завоевателя» Гедиминаса. Как отнеслись бы грузины, если бы их ученый отнесся уничижительно к памятиику Давиду Строителю.

Так что же с нами происходит?! Стоит ли тогда удивляться экстремизму «Памяти». Все это — следствие, а не причина. Впрочем, «Память» историку Афанасьеву не страшна. Она даже нужна ему. Без нее нечем было бы запугивать. Кто же без «Памяти» поверит в шовинизм русского народа? А теперь верят, еще как верят. Послушаешь «голоса» и диву даешься, как примитивно, но безошибочно, срабатывает это пропагандистское «клише» об опасности «Памяти» для перестройки, для демократии, для гласности и даже для всего мира. Но точно так же, с помощью таких же примитивов, мы запугивали себя и других Амернкой. Сейчас наконец-то признали, что «образ врага» пора разрушать. По отношению к Америке, к западиому миру, действительно, разрушаем, но по отношению к самим себе, к своему братскому сообществу, наоборот, — не создаем ли?!

Запомнился мне один разговор с американским профессором, давним знакомым. Он преподает русскую литературу в университете в Нью-Мехико, переводит современную, одним словом, вполне в курсе дела. Особенно по части «врагов перестройки» — все по полочкам разложено. Не выдержал я и спросил: как же так получается, что у вас, в том же конгрессе, есть свои либералы, свои консерваторы и даже «ястребы» — и все это следствие демократии, а у нас, выходит, все должно быть по одному ранжиру. Где логика?

Если и есть логика в подобного рода схемах, которые нам усиленно навязываются средствами массовой информации, то она противоречит нменно демократии. Демократия сейчас нуждается в защите от своих же «защитников», которые могут принести ей не меньший вред, чем «неистовые ревнители» — литературе.

Быть может, Закон о печати и сможет хоть как-то диалектически оградить законное право «патрнотов» на безграничную любовь к своему социалистическому Отечеству, на национальное достоинство, которое нельзя попирать, унижать никому (будь то достоинство русского, украинца, грузина, татарина или еврея). Хотя законодательные ограничения зачастую приводят лишь к обратным результатам: «запретный плод» сладок. Свобода слова — это и есть свобода высказывания любых взглядов. Кроме, конечно, человеконенавистнических и расистских. Но оскорбление национального достоинства - разве это не проявление крайних отклонении. И разве в самом нарочитом, почти надсадном и постоянном противопоставлении интернационального и национального не заложено разделение на высшее и низшее?! Что же тогда удивляться вспышкам национализма — это следствие, это защитная реакция, инстинкт самосохранения, нарушение диалектики жизни, за которую так твердо стоял

Утопающий кватается за соломинку. Так и мы судорожно кватаемся то за арендный подряд, то за кооперацию, то за законы. Не спасут нас ни эти, ни другие «соломинки», пока мы не перестанем квататься за них. Никакне, даже самые совершенные законы, не помогут нам до тех пор, пока не будут восстановлены естественные законы совести. Мы сейчас больны прежде всего изнутри, наша совесть поражеиа. Отсюда и все наши остальные беды...

NOPTPET СОЦИАЛЬНЫЙ

ФОТО Н. КОЧНЕВА

Вячеслав МАРЧЕНКО

Родился на древнем лути «из варяг в греки» — в городе Старая Русса, на Новгородчине. Собственно, это и определило его судьбу: иелопных лятиадцати лет он уехал в Кроиштадт и поступил, каи тогда говорили, «в юнги». А потом была Бвлтина (это продолжение древнего лути), и были Баренцево, Белое и Карсиое моря (а это уже продолжение самой Новгородчииы), и было Военно-морское училище им. М. В. Фрунзе, спужба на крейсерах. Тогда же начал писать. И по совету и рекомендации М. М. Пришвина постулил в Литературный институт им. М. Горького. Налисал и издал за это время более 20 книг и среди иих романы «Севера», «Ветры иизких широт», «Страницы ламяти»; повести «Ленты-бантики», «Год без весны», «Последний нонешний деиечек», «Тверской бульвар» и другие; многомного рассказов и очерков. Председатель ревизионной комиссии Московской писательсной организации, заместитель председателя Центральной ревизионной комиссии СП СССР.

аша печать в последние годы стала самоуверенной, обретя, наконец-то, «лица не общее выраженье». Но, к сожаленню, у этого блага оказалась и своя оборотная сторона, когда факты сплошь и рядом сталн излагаться весьма вольно, а мнения, как правило, начисто лишены аргументации.

«Комсомольская правда» — в первых рядах, за нею АПН, в лице своего обозревателя Петросяна, а теперь вот еще «Аргументы и факты» в логической последовательности поведали изумленному читателю, что среди наших пнсателей, наиболее популярных, скажем так, завелись «миллионеры», к которым следовало бы, мягко говоря, применить кое-какие санкции, а все прочие (непопулярные, видимо) тоже живут, понимаете ли, в особняках и купаются, знаете лн, в золоте. Спаснбо, как говорится, за откровение, только что-то я до сих пор не ощущал на себе этой манны небесной.

По наивности своей, до этих публикаций мне все думалось, что у нас в государстве существует тайна вклада, н, следовательно, никому из нас не позволено просто так вот заглянуть через плечо впередистоящего н полюбопытствовать (для интереса, разумеется), сколько и чего может находиться у того на текущем счету. А если это так, — а я верю, что это нменно так, — то позволительно все-таки поразмышлять, откуда же появились на свет божий эти миллионы. Тут, по-моему, кое-кому, тем же «Аргументам и фактам», которых особенно обеспокоило предполагаемое повышение гонорарных ставок, стало словно бы не по себе, они даже задались вопросом: а, собственно, зачем писателям деньги, если их у них и так куры не клюют? Да полно вам, товарищи, успокойте свое растревоженное воображение, ведь миллнонные издательские тиражи ни при какой погоде не переводятся в нашем государстве в писательские рубли, а если и переводятся, то совсем по особому счету. Скажем, «Роман-газета», тиражи которой в последнее время стали баснословными, стоит целковик, и если перемножить одно (целковик) на другое (тнражи), то на самом деле получатся миллионы, только писателю, чье произведение опубликовано в номере, от этого ни жарко, ни холодно — и в лучшем случае он получит восемь тысяч, менее одной десятой процента, а все прочее поступит в государственную казну, за исключением малой толики, которая останется в издательстве или будет перечислена на счет Литературного фонда. Никакая другая индивидуальная деятельность у нас не приносит государству такой выгоды, как писательская, но если индивидуалы всех прочих мастей кладут свою выручку в карман, заплатив властям за патент, то писатели при этом практически остаются нищими, но об этом чуть позже.

Я только что вернулся из книжной лавки, в которой приобрел мемуары Ирины Одоевцевой «На берегах Невы», изданные стотысячным тиражом и стоимостью два рубля. Общий доход от нее (за вычетом гонорара автору — восемь тысяч, типографских расходов, включая стоимость бумаги две тысячн, отчисления в торговлю — пятьдесят тысяч) составил сто сорок тысяч. С автора при этом удержали еще подоходный налог примерно чуть больше тысячи, оставня на руках у Ирины Одоевцевой что-то около семи тысяч рубликов: живи, радуйся. Не правда ли — почти подпольный миллионер Корейко. Я мог бы продолжить эти расчеты, взяв для примера книги Ч. Айтматова, М. Алексеева, Ю. Бондарева, Е. Евтушенко (популярных авторов) — господи, да любого другого, но в любом случае результат получился бы один и тот же: общество и государство берут куда больше, чем дают писателям. А при существующей инфляции, а она, по оценкам некоторых экономистов, достигает двух рублей в месяц, — прибавка к писательским гонорарам, пожалуй, яаится тем самым дождем, который испарится, не долетев до земли. К тому же — я особо обращаю на это внимание — увеличение гонорарных ставок пойдет не за счет государственных средств — на это будут израсходованы накопления Союза писателей, которые он создал собственной издательской деятельностью («Литературная газета», «Советский писатель»), и общественная казна не пострадает ни на полушку. Я не судейский дознаватель, но, право, очень хотелось бы понять, кто науськивает и кому выгодно втаптывать в грязь труд творца, который во всем мире почитается высоко и огражден законами. Я не говорю о литературной критике, литературная критика — это почти что от бога, если она обеспокоенная, объективная, пусть резкая и угловатая, но обязательно — доброжелательная.

Когда нет фактов, их придумывают — это понятно, а когда они есть? По нашему заданию Отдел изучення общественного мнения Научно-исследовательского центра Высшей комсомольской школы (название, каюсь, длинноватое, но такое уж они придумали себе) провел социологическое исследование в Московской писательской организации, опросив тысячу триста шестнадцать человек из двух тысяч писателей, проживающих в Москве и в Московской области. Исследователи раньше не имели дела с творческой интеллигенцией и споткнулнсь, что называется, на первой же кочке: мужчины в Московской писательской организации составнли семьдесят шесть процентов, а женщины — только двадцать четыре.

 Простите, — вежливо поинтересовались социологи у меня, — не попахивает ли это соотношение некоей дискриминацией женщин в вашем творческом Союзе?

— Милые вы мои, — сказал я нм. — Писательство — это прежде всего мужской труд. Для того, чтобы написать средненький роман, надо отдать ему как минимум года два, лишив себя при этом праздников и выходных дней, работая по двенадцать — четырнадцать часов в сутки. Может лн женщина, а еслн она к тому же еще и мать, выдержать такое напряжение? Пнсательство — это каторга, правда, иногда благодарная, чаще — безрадостная. Поэтому самая распространенная болезнь среди писателей, можно сказать — профессиональная — инфаркт миокарда и инсульт...

Долгие годы я дружил с Владимиром Чивилихнным, человеком неистовым, настойчивым в достижении своей цели, а цель со студенческой скамьи он обозначил одну — всей силой своего таланта способствовать сохранению родной природы, этого индикатора духовного здоровья и физической силы нации. В то время еще не было мощного экологического общественного даижения и писатели вроде Леонида Леонова. Сергея Залыгина, Владимира Чивилихина представляли собою одиноких путников, которые знали, куда идти, но не ведали, добредут ли когда-то туда, в тот мир гармонии человека и природы. Чивилихин писал тогда и печатал очерки «О чем шумят русские леса», «Голубое око Сибири» (это о Байкале), взывая к нашей гражданской совести, и когда почувствовал, что совесть наша почила непробудно, ударил в набат: «Земля в беде» и свалился с инфарктом миокарда. Отошел кое-как, поднялся и вместо того, чтобы оправнться как следует.

тут же сел за свою «Пвмять». Успел написать первый том получил инсульт. Многие дни провалялся в беспамятстве, ожил. Врачи настоятельно советовали перейти на инвалидность и пожить тихо-мирно, никого не беспокоя и не беспокоясь прежде всего самому. После инсульта Чивилихин плохо слышал, ходил с палочкой, но писал, писал, жалуясь порой мие на сильные головные боли, и снова писал, успев завершить и второй том «Памяти». Последовал новый инфаркт, а за ним вечное успокоение на Троекуровском кладбище, считавшемся с некоторых пор филиалом Новодевичьего. Чиновники наши даже не уловили всей нелепости этого фи-

Могут сказать мие, что судьба Чивилихина исключительная. В чем-то безусловно, но для писателей весьма типичная. Я мог бы назвать десятки своих товарищей, которые носят на сердце по одному рубцу, по два, третий, как правило, бывает смертельным. Тем не менее я все-таки назову удмурта Геннадия Красильникова, русского Николая Анцифирова, лакца Бодави Рамазанова, башкира Раиса Низамова — это только мои сокурсники по Литературному институту, которых инфаркт преждевременно свел в могилу, не дав им дожить даже до пятидесяти.

И при всем при том труд писателя ничем и никем не гараитирован. Старики наши (писатели, разумеется) говаривали, что в старом авторском праве была статья, которая давала кое-какие гарантии на случай творческой неудачи, а неудача для писателя — это несостоявшаяся книга. А ведь только она одна, голубушка, дает писателю прожиточный минимум. Писатель ведь не обеспечен никакой зарплатой, единственвенное пособие на творческий период в размере двухсот рублей может быть получено им не чаще одного раза в год, практически это бывает куда реже. А дальше что, спросил бы я, — идти с протянутой рукой? Вот и приспела пора обратиться к сухому языку цифр.

Как показало социологическое исследование, условия труда московских писателей весьма сложные. Чтобы как-то свести концы с концами, двадцать три процента из них вынуждены преимущественно выполнять работу, не соответствующую творческим планам. Это то же самое, как если бы ученого отправили на лесоповал (правда, такое времечко было у нас), а летчика — таскать на себе кули с солью. Иначе говоря, мы по-прежнему нерационально используем интеллектуальный, творческий потенциал, хотя и провозглашаем на всех перекрестках, что талант — это достояние народное. Так и напрашивается вопрос: а народное — это что значит,

Только шестьдесят шесть процентов московских писателей могут регулярно работать над своими произведениями. Особенно мала эта доля среди тех писателей, кому менее сорока лет -- всего пятьдесят два процента. В самом расцвете сил хлеб свой насущный писатель вынужден зарабатывать как бы отхожим промыслом: сорок четыре процента загружены ответами на редакционные письма, тридцать один процент — рецензированнем издательских рукописей, даадцать один процент — редактированием чужих произведений, двадцать шесть процентов подрабатывают себе на пропитание в Бюро пропаганды художественной литературы. Таким образом, большая загруженность писателей наряду с основным видом их деятельности («деятели литературы, создавайте произведення, достойные нашей социалистической эпохи») вносит в ритм их жизни высокую степень напряженности. Поэтому не удивительно, что двадцать два процентв работают вечерами, четырнадцать процентов — ночью, пятьдесят восемь процентов — в субботу и воскресенье. С возрастом доля работающих по субботам и по воскресеньям, а также по ночам заметио сокращается. И это понятно: силы-то на исходе, недолго и... Каюсь, сказалось грубовато, но жизнь-то, к сожалению, еще грубее.

Вот и подошел я к золотой купели, в которой, по убеждению «Аргументов и фактов», пребывают в иеге писатели. А между тем на сегодняшний день только семнадцать процентов из них удовлетворены гонорарной политикой. Особенно резкой критике подвергают ее так называемые «молодые», иначе говоря, те, кому сейчас менее сорока лет: их и издают реже и платят за печатный лист или за поэтическую строку меньше. На моей памяти однажды уже повышались гонорарные ставки — было это лет пятнадцать назад, когда

жизнь была куда как дешевле, тогда в прессе тоже много говорили о заботе, о дальновиднои политике и еще о многом другом, а Минфин взял да и забыл подбросить издательствам деньжонок, дескать, понимайте это увеличение как знаете, есть наличные — так платите, а нет, то руководствуйтесь старыми ставками, и вся та гонорарная политика обернульсь пропагандистским блефом, о котором наша стозвучная пресса потихоньку забыла. Не повторится ли история и теперь, и не бухнули ли мы в колокола, не заглянув в святцы — это у нас случается, тем более, говорят, что Минфин все еще не спешит раскошеливаться, хотя и деньжата вроде бы не его, а, как уже говорилось, будут сняты с депозитивов «Советского писателя».

Проблема охраны авторского права затрагивает примерно треть литераторок многими издательствами творческие заявки попросту не рассматриваются, а если и рассматриваются, то уж договоры под них во всяком случае не заключаются, рукописи валяются по многу лет без движения. Наверное, следовало бы провести несколько показательных процессов, чтобы издатели, наконец-то, научились уважать авторское право, которое к тому же такое куцее и составлено твким образом, что всячески охраняет издателя, превратясь тем свиым в авторское бесправие. Отсюда понятно, почему только девять процентов литераторов удовлетворены деятельностью Всесоюзного агентства по авторским правам -ВААПом. Более того, все наши издательские отношения словно бы перевернуты с ног на голову и представляют собою, мягко говоря, планирование неудовольствий, обид и прямых оскорбительных деяний...

Даже наш «Советский писатель», казалось бы, плоть от плотн оисательское издательство, практически ничего не делает, чтобы снять напряженность. На самом деле, что значит планирование двухсот «новинок», а если их в издательстве на сегодияшний день скопилось двести пятьдесят, триста, триста пятьдесят? Выстранвать в очередь? Но ведь это же чистейшей волы абсурд. На наш взгляд, планирование по крайней мере в «Советском писателе» должно претерпеть коренное изменение. Планировать надо на полгода и столько книг, сколько в издательстве на день планирование собралось готовых рукописей. Кроме того, необходимо оставлять в запасе еще и несколько резервных позиций. Только таким образом можно снять напряженность с изданием книг современиых авторов, и писательские «новинки» на самом деле останутся новинками.

Издательская практика и гонорарная политика — это, по сути, основа основ всей писательской жизни, благополучие его самого и благополучие его семьи. Как правило, только у тридцати девяти процентов московских писателей супруги работают, поэтому нагрузка по матернальному обеспечению семьи полностью ложится на одного человека. А между тем среднемесячный доход московских писателей исчисляется примерно двумястами девяноста рублями, однако эта цифра скрывает существенное различие в доходах. Так, среднемесячный доход семнадцати процентов писателей менее ста пятидесяти рублей. Если учесть, что среднемесячный доход трудящихся по стране составляет двести двадцать рублей, то можно смело говорить о том, что у сорока трех процентов московских писателей среднемесячный доход ниже среднего. В то же время двадцать три процента писателей имеют среднемесячный доход четыреста рублей, а у десяти процентов -

Средний доход на одного члена семьи писателя — сто пятьлесят рублей. А вот более подробная раскладка: у двадцати двух процентов — менее ста рублей, а у других двадцати двух процентов — более двухсот, У нас в стране нет официального индекса бедности, считается (кем? и почему? неизвестно), что все живут в полном достатке, на то он и «развитой» социализм, который до недавнего времени осенял нас своей благодатной десницей. А негласно наши социологи считают все-таки чертой бедности сто рублей. Если это так, а при нашей дороговизне нет прични сомневаться в этом, то каждый пятый писатель находится на грани бедности. Если инфляция не остановится и цены не прекратят свой стремительный взлет, то никакая прибавка к гонорарам не спасет: все большее и большее число писателей покатятся к этой роковой черте.

И все же я не стал бы сгущать краски: три пятых москов-

ских писателен имеют благополучие выше среднего. Это значит, что каждый десятый может, по нашим стандартам, ни в чем себе не отказывать, еще каждый пятый без затруднения приобретает товары длительного пользования, если таковые, правда, оказываются на прилавке или их удается достать, как теперь принято говорить, по случаю. Правда, семь процентов наших товарищей живут в долг, перебиваясь, как говаривали в старину, с хлеба на квас. Это в Москве, где и отрецензировать можно, получив потом три-пять рублей за печатный лист, и редактурку перехватить, не часто, но - случается, а как же жить в провинции, где нет своих издательств, а само отделение Союза писателей прозябает на скуднейшем областном бюджете? А если писатель ершистый и его точка зрения не согласуется с точкой зрения властыпрепержащих, вот и становится он перекати-поле и катится по Руси Великой, пока не зацепится за стольный град, в коем к писателям еще мирволят. Когда-то Шукшина спросили:

— Вася, зачем ты убиваешься, не даешь себе роздыху? И Василий Макарович ответил:

Я хочу быть независимым.

Многие писатели стремятся стать независимыми, чтобы говорить, как того требуют перестроика и гласность, правду и только ее родименькую — надоело ведь лгать, изворачиваться, громоздить одну нелепость на другую, - но, к сожалению, большинству из них суждено остаться поденщиками. Мне могут возразнть: «А как же идеалы? А как же бескорыстное служение народу, обществу? Неужели все это можно разменять на медные пятаки». Конечно же, не меняют писатели свою совесть и не предают свои идеалы, но ведь сказать-то всегда хочется и громче, и чище. Когда-то говорили, что пнсатель — глас общества, это, безусловно, так, но, значит, и общество должно позаботиться, чтобы глас этот не застревал в горле. «Но я себя смирял, становясь на горло собственной песне». — сказал когда-то наш великий поэт. Но если бы он не становился на горло песне, то, может, сталинщина-то и не расцвела бы у нас так, что мы вытравляем ее из себя и вытравить никак не можем.

Надо ли поэтому удивляться, что неудовлетворенность московских писателей принципами присуждения премий особенно велика. В целом две трети литераторов не устраивает действующий сегодня «механизм» присуждения премий, и только один из десяти считает его справедливым. Возможно, этот десятый и есть тот самый «огосударствленный» знаком качества писатель нли возжелавший «огосударствиться», чтобы потом уже войти в элиту, к которой, как известно, и власти подобрее, и законы помягче

Основные недостатки, присущие ныне действующему принципу «распределения» премий (я не оговорился — многие опрошенные слово «присужденне» поменяли на слово «распределение»), по мнению большинства московских писателей, отсутствие гласности, необходимого демократизма в подборе соискателей, проявление групповых интересов, которые весьма умело подменяют критерии истинные критериями мнимыми. Сидели, помнится, мы с Михаилом Годенко, поэтом и прозаиком, а в прошлом бвлтийцем, в верхнем холле нашего Дома литераторов и к нам подошел Михаил Коршунов, весьма деятельный и преуспевающий писатель. Годенко и спроси у него

Миш, а ты когда получишь премию Крупской?

 Погоди, дай посчитаю, — сказал, улыбаясь, Коршунов. — Михалков у нас получил, Барто получила, Алексин тоже... Стало быть, моя очередь по счету семьдесят шестая...

Хорошо вам, — сказал Годенко.

По мненню многих писателей — и тех, кто стоит в очереди, и тех, кого в оную еще не поставили, -- премии (Ленинские, Государственные, ведомственные) вообще следовало бы упразднить, оставив премии только чисто литературные, и быть их должно много, и они не должны давать при присужденни житейских благ: получение новых квартир, дач, приобретение машин, мебельных гарнитуров. Иначе говоря, литературная премия — ие талон в распределитель ширпотреба, а качественная оценка собратьями по перу конкретного литературного произведения. Да простят меня лауреаты премий, резво выступающие сейчас против сталинщины, - «огосударствованне» писателей само по себе является худшим порождением сталинщины, когда общество как бы сливалось с государством, а закон, пусть даже самый несовершенный и примитивный, ставился выше нравственности.

Талант — это от бога, говаривали в старину, а все при чее — от людей, но вот и получается, что когда от бога, то вроде бы все понятно, а как только от людей — тут и начи наются трудности. Казалось бы, чего уж проще! уяснить для себя, что личная библиотека писателя, письменный столпишущая машинка на нем (о дисплее речь уже не ведется) а еще лучше все-таки два письменных стола, потому что порой работа идет сразу над двумя вещами, скажем, за одним столом пишется роман, а на другом копятся материалы для статьи или для очерка, все это заключенное в четыре стены и составляет в конечном счете творческую мастерскую. Жилье для писателя — это не просто спальное место для его семьи и для него самого, где он отдыхает от трудов праведных, это прежде всего его рабочее место со всеми вытекающими из этого следствиями и последствиями. В недавнее «застойное» время уже было найдено понимание между Моссоветом и Московской писательской организацией. когда депутаты уже не чинили препятствий и плюсовали писателю к деняти санитарным метрам еще двадцать под творческую мастерскую. Но кончились «застойные» времена. а вместе с тем нарушилось и понимание, даже послышались неловольные голоса

 А чем писателн лучше рабочих? Тоже мне... Нам своих. рабочих расселять некуда

Странное все-таки деление на своих, рабочих, и чужих, писателей, которые в недавнем прошлом сами были рабочими, и крестьянами, и учителями, и моряками, а доказывать тем не менее приходится, чаще всего безуспешно, что писатель. подобно любому другому гражданину, имеет право на рабочее место. Творческая мастерская писателя — это его, если хотите, инфраструктура, без которой он не может в полной мере раскрыть свой талант на благо самого же общества, тем более, что доходы от издания книг таковы, что государству ничего не стоит немного потратиться на писателя. Даже и при этих затратах писатель ровным счетом ничего не будет стоить обществу. Он — самофинансирующееся и самоокупающееся духовное приложение, которое едва ли не каждый волен пинать, как ему только заблагорассудится. Правда, если писатель сумеет доказать Моссовету, что он принимает у себя закордонных гостей, то ему и творческую мастерскую выделят и еще некоторое количество метров прирежут. Тут на рабочих уже никто ссылаться не станет -- потерпят, дескать...

На сегодняшний день две трети московских писателей или даже чуть больше живут в отдельных квартирах и половина из них — «счастливчики»: у них имеется отдельный кабинет для писания своих книг. Еще каждый четвертый от общего числа членов СП, проживающих в Москве и в области, облаляют своим письменным столом, а вот каждый третии не имеет такового, арендуя для работы у семьи кухонный или обеденный — это уж кому как повезет. Нетрудно предста вить себе такую бытовую картинку

Петя, кончай свою писанину. Семье обедать пора-

А Петя, между тем, единственный кормилец семьи и то, что он пишет, явится потом ее материальным обеспечением

Да у меня фраза тут никак не ложится

— Потом ляжет, а то Маше пора в музыкальную школу

Наконец, об «особняках»: да, двенадцать процентов москов ских писателей имеют дачу на правах личной собственности. еще семнадцать процентов, разумеется, состоят в дачном кооперативе, у большинства же ни дач нет, ни даже видов на них, в основном пробавляются домами творчеств

И тут пора опять отложить на время цифры в сторону и оп ратиться к положению дел в этих самых домах творчества. которые, к сожалению, работают по образцу профсоюзных Кто принял такой статус, теперь уже не сыскать - одних уж нет, -- как сказал поэт -- а те далече, -- но тот явно или ничего не понимал в творчестве, или не хотел понимать. Пора, наконец, признать очевидным, что член профсоюза едет в пом отдыха на 24 дня отпыхать, а писатель на тот же срок работать. Кажется, различия искать не приходится, к тому же поэмы, романы, и монографии, и пьесы за 24 дня «не работаются». Это тоже очевидный нонсенс

Начинаешь анализировать возрастной состав Московской писательской организации и невольно ужасаешься: молодежь до тридцати лет среди нас составляет только три десятых процента. Невелика доля и сорокалетних - всего четыра

процента. Средний же возраст членов Союза писателей в Москве на сегодняшний день — шестьдесят лет. Любопытный вывод делает группа социологического исследования:

«С одной стороны, уместно предположить, что столь «взрослый» состав союза воплощает в себе богатый жизненный опыт, несомненно, являющийся важной предпосылкой для более глубокого, зрелого и художественного отображения социальной действительности, психологических образов и межличностных отношений в процессе литературного творчества. С другой — возникает вопрос: хватит ли (и насколько) в этом возрасте энергии для активной ТВОРЧЕСКОЙ деятельности, в особенности в условиях резкого возрастания общественной жизни, переоценки политических, идеологических и исторических ценностей?».

Вопрос, конечно, и своевременный и справедливый: организация нуждается в решительном омоложении. Легко так сказать, но как это сделать, если средний возраст абитуриентов составляет все те же полста лет и не является ли это зеркальным отображением демографического положения самой Москвы-матушки? Не постарела ли она на наших глазах, селясь в «хрущобах», век доживать в конх вполне можно, а вот воспроизводиться весьма и весьма сложно. И не потому ли среди абитуриентов коренных москвичей все меньше, их стройные ряды рекрутируются в основиом москвичами приезжими, да и самому абитуриенту трудно помолодеть, если первую книжку он едва-едва ухитряется издать после тридцати лет, а на вторую еще уходит десяток, а Московская писательская организация практически ничем помочь свонм будущим сочленам не может — у нее иет редакционно-издательской базы. Любят при этом ссылаться на то, что в Москве полно издательств и журналов, но одни издательства и журналы волнуют судьбы Союза, других — судьбы Российской республики, а кто озаботится Москвою, равной или превосходящей по числениости многне европейские государства? Конечно, проще всего ответить: все, но все гначит, никто, и не досужие это рассуждения, а печальная реальность.

Невольно напрашивается однозначный вывод: никакая механическая перестройка организационных писательских структур не принесет желаемых результатов, пока не будет обеспечена полная гласность и плюрализм мнений для всех и для каждого писателя — без исключения. И тут же поторапливается другой вывод: не засиделась ли Московская писательская организация в «приживалках» у городского бюджета, не пора ли всерьез подумать о самофинансировании и самоокупаемости, тем более, что книги московских писателей, которых они пншут предостаточно, в состоянии выдержать любой хозрасчет? Всего этого можно было бы достигнуть только в том случае, если бы Московская писательская организация обрела издательско-редакционную базу, а это, судя по всему, случится весьма нескоро. Пока нам все только обещают: и Московский Горком КПСС, и союзы писателей РСФСР и СССР, и Госкомиздат СССР... Затянувшиеся обе-

Еще одна проблема и возможным путь решения писательских забот... Хотя я и рискую прослыть в глазах наших радикалов «антиперестройщнком,», но все же произнесу вслух: а надо ли гнать толстые журналы астрономическими тиражами?! Памятуя, что век у журнала скоротечный, хранить по малогабаритности квартир годовые комплекты негде, поэтому и будут они разодраны, меньшая часть попадет к переплетчнкам, большая же — окажется в макулатуре. Не слишком ли большая роскошь при нашей вопиющей бедности? Не лучше ли ограничить тиражи журналов, правда, сделать это демократично, проведя в печати дискуссию, чтобы не было обиженных, а понравившиеся материалы издавать «экспрессом» и большим тиражом: книжки, к счастью, долговечнее журналов.

Но эти заметки, как говорится, на манжетах, а главное видится все-таки в том, что московским писателям уже сейчас необходимо разрешить самим издавать свон книги и прежде всего — альманахи, которые разрядят обстановку в профессиональной среде (сейчас рукописи залеживаются в издательствах до пяти лет) и предоставят площадь для молодых. Предвижу возражение: век у альманахов короткий, словно у бабочки-поденки. А я и возражать не стану: слабые

погибнут на корню, снльные выживут, обратясь в новые журналы, но и те, что отомрут, дело свое сделают. В издательской практике все вечно н почти в равной мере — скоро-

Казалось бы, дело наше праведное, н препоны ставить нам никто не будет: в стране разрешено все, что не запрещено, а нам никто и никогда не запрещал издавать свои книги, тем более, что и счет в банке у нас есть, и печать имеется, и рукописей скопилось достаточно.

Но, кроме права, действует еще и правило: что положено Юпитеру, то не положено быку, и роль быка в этом случае отводится Московской писательской организации, а Юпитера — о, Юпитера — их величествам, прошу прощения, кооперативам и хозрасчетным группам. Цитирую по «Литературной газете»:

«Кроме того, всем издательствам рекомендовано создавать хозрасчетные группы или посреднические кооперативы для оказания услуг по изданию произведений за счет автора. Таким образом, к 240 издательствам, обладающим правом на издание, но, к сожалению, неохотно этим правом пользующимся, добавятся сотни других издателей, которые, надеюсь, будут более заинтересованны, разворотливы и предприимчивы.»

Простите, товарищи из Госкомиздата, а почему бы вам не включить в число заинтересованиых, разворотливых и предприимчивых Московскую писательскую организацию?

«Что же касается участия кооперативов, им дано право оказывать посреднические услуги издательству при подготовке таких книг в печать, то есть непосредственно участвовать в издательском процессе. ...Госкомиздат выделил даже часть необходимой для этих целей бумаги.»

Простите, товарищи из Госкомиздата, но почему бы из этой части бумаги совсем уже малую часть не выделить московским писателям, тем более, что сама писательская организация столицы имеет классическую структуру издательства: шесть бюро творческих объединений — шесть редакций, секретариат — главная редакция. Дайте нам право и немного для начала бумаги, а от посредников и кооперативов мы избавимся сами. Не надо перекачивать наши деньги и деньги государства в посреднический карман. Эти деньги нам самим нужны позарез на:

> 1. Создание и развитие редакционно-издательской базы:

> 2. Предоставление возможности молодым выйти к массовому читателю:

3. Всей организацией перейти на хозрасчет.

А чтобы писателей не обвиняли в корыстолюбии, расска жу в заключение случай из своей редакторской практики. Работал я тогда в «Современнике», и издавалн мы роман Василия Белова «Кануны». Время было «застойное», роман шел туго, сперва вырезали все «московские» линин, потом последовало еще почти сорок больших и малых замечаний по тексту. Белов останавливался тогда в «Москве», целый день мы с ним ругались, он требовал, чтобы каждое изъятие я подписал, я тоже чего-то от него требовал, наконец, к вечеру кое-как мы свели концы с концами, превратив роман в хронику. Мы вышли на улицу, когда уже ссумерилось, стоял теплый ласковый сентябрьский вечер, было много нарядных людей. К площади Маяковского мы поднимались модча, и вдруг Белов сказал:

А помнишь, ты не хотел печатать в «Нашем современнике» мою пьесу «Над светлой водой»? А она меня года дая кормила.

В «Нашем современнике» я заведовал отделом прозы и не был против печатанья той его пьесы. Против нее возражал другой член редколлегии, но тут, видимо, как это часто случается в нашей жизни, сработал «испорченный» телефон. Я не стал оправдываться, только кисло спросил:

И сколько же она тебе давала?

Сто — сто двадцать в месяц. А в иной — и сто пятьлесят... Она не дала мне с голоду умереть.

А ведь Василий Белов — один из ведущих наших писателей, мастер прозы, которого иногда похваливают, а теперь вот чаще бранят и пытаются сделать это побольнее, так о каком же сребролюбни можно вести речь?!

Писатель, если он только честен и независим, - это совесть народная, так не грех иногда и народу позаботиться о своей совести.

XO3PAC4ET И ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ

Михаил НЕНАШЕВ

НЕНАШЕВ Михаил Федорович заиоичил Магинтогорсиий государственный ледагогический институт. По профессии — истории. Долгое время заведовал кафедрой истории КПСС в Металлургическом институте Магинтогорска. Затем работал в Челябинсиом областном комитете партии, в ЦК КПСС. С апреля 1978 года главный редактор газеты «Советская Россия», руководит ею до 1986 года. За это время газета стала одной из полулярнейших в Советском Союзе. Он — доитор исторических наук, профессор. Его леру принадлежит ряд книг общественио-политичесной тематики. Последияя — «Газета, читатель, время», вышедшая в 1986 году, посвящена газетно-реданторсной практике, влиянию печатного слова на политическую, экономическую и социальную сферы жизни советского общества.

Ненашев М. Ф. возглавляет Государственный комитет по делам издательств, полиграфии и книжной торговли СССР с февраля 1986 года. является кандидатом в члены цк кпсс.

M M

пы по выпуску справочной, детской литературы, экспрессизданий, добиваемся повышения культуры чтения...

И все же пока главные и часто непреодолимые трудности мы встречаем в самом производстве книги, тут наша ахиллесова пята и наши беды...

Не случайно и наш обостренно-критический диалог с читателем носит довольно напряженный характер. Более того, время идет, а напряжение не ослабевает, хотя мы и предпринимаем энергичные меры для улучшения книгоиздательского дела в стране. И не держим это в секрете, понимая, что книга — хлеб насущный и волнует всех — от мала до велика. Потому так часто обращаемся и к печати, и к телевидению, не боимся «ввязываться» в общественные дискуссии, чтобы более четко и внятно разъяснить свою позицию. Стараемся сдержать и собственные эмоции, когда иас больно и порой несправедливо задевают, опять же ради истины, ради улучшения общего дела...

Начну с того, что сохраняется довольно устойчивая иллюзия, будто раньше, в годах пятидесятых — шестидесятых, с книгами было значительно лучше... Скажу откровенно, я и сам не избежал этого радужного восприятня, пока был только читателем, а не издателем... С позиции читателя трудно было представить себе, что книгонздательская отрасль страдает серьезным недугом и уже давно работает на прелеле.

Как же это могло случиться? Какие причины привели к такому значительному отставанию? Потребовался серьезнейший и всесторонний анализ с позиции перестройки, чтобы объективно оценить размеры нашего отставания, критически проанализировать содержание и ориентиры издательской политики.

Что же требует от нас сегодня нетерпеливый читатель? Дать ему нужные книги и немедленно! Он уверен: книги — не капуста, не сахарная свекла, не помидоры и огурцы, наконец, не стада овец, коров, не новые заводы со сложнейшей современной аппаратурой. На создание их не нужны годы и благоприятная погода. Мол, стонт книгоиздательской бюрократии чуть-чуть пошевелиться, и прилавки будут ломиться от нужных книг и книжный дефицит отойдет в небытие...

Но я должен огорчить. Отрасль наша требует такого же кропотливого и внимательного отношения и очень значительных финансовых вложений, как и здравоохранение и народное образование. Мы отстаем от лучших мировых образцов книгонздания (английских, западногерманских) на тридцать — сорок лет... Не для оправдания, а справедливости ради, приведу несколько примеров.

Гиганты нашей отрасли, работающие ныне на предельных оборотах. — Первая Образцовая типография в Москве, ленинградские «Печатный двор» и «Техническая книга» — размещены в зданиях дореволюционной постройки. Ярославский, Калининский, Саратовский и Смоленский комбинаты сооружены четверть века назад и нуждаются в полной техни ческой реконструкции, потому как выработались и давно от стали от века... Из 80 тысяч единиц полнграфического оборудования, работающего на предприятиях Госкомиздата. 50 процентов требует немедленной замены из-за крайне вы сокой степени физического и морального износа. Доля ручного труда у нас — 40 процентов Показатель один из самых высоких в стране! 60 процентов печатной продукции выпускается с наборных машин, с давно устаревших линотипов, которые в ведущих книгоиздательских странах можно сыскать только в музеях.

Уже много лет потребность в основном полиграфическом оборудовании книгоизданий не удовлетворяется и наполовину, а книжно-журнальных печатных машин производится просто мизерное число в сравнении с нашими острейшими нуждами.

Не лучше дело обстоит и с бумагой. Опять же, казалось бы, в стране ее производится немало. И создается впечатление, что бумаги вполне бы кватило, чтобы удовлетворить любой дефицит, но увы... От общей доли Госпланом выделяется Госкомиздату СССР лишь 16 процентов! К тому же ни по качеству, ни по ассортименту она не отвечает требованиям полиграфин.

Легко ли признать, что по пронзводству бумаги наша страна находится на 42-м месте в мире! На душу населения у нас приходится ее менее 34 килограммов, а в США — 290.. Нужен ли тут какой-нибудь комментарий?!

Но в том и состонт парадокс, что при столь «аховом» оснащении и обеспечении отрасли она не только не снижает объемов выпускаемой продукции, а, напротив, наращивает нх. Пять с половниой миллиардов книг — за два с половнной года. Прибавка против пятилетнего плана 13 процентов — 84 тысячи названий книг н брошюр общим тиражом 2,8 миллиарда. Больше книг в мире издает лишь Китайская Народная республика.

Очевидно, вот эта напряженная работа издателей, полиграфистов и породила иждивенческое отношение к отрасли со стороны центральных органов — Госплана, Госснаба, — которые, полагаясь на постоянную высокую рентабельность, из нее только брали, мало что вкладывая в научно-техническое развитие кингоиздания, современное обеспечение и улучшение социально-бытовых условий работающих.

Сегодня трудно назвать какую-либо область народного хоіяйства СССР, которая имела бы столь высокий вклад отчислений в государственный бюджет. Объем реализации всей печатной продукции ныне составляет более 5,5 миллиардов рублей, и около 70 процентов прибылей отчисляется в госбюджет.

Однако казна, прямо скажем, всегда скуповата на отдачу. Такое положение не может оставаться в прежнем состоянии. Мы находимся на рубеже, когда отрасль будет поступательно снижать показатели выпуска книг.

Пишу об этом, чтобы получить поддержку широкой читающей общественности, интеллигенции, общественных организации в надежде, что оии окажут влияние на наши планнрующие и финансовые органы, чтобы в ближайшее время существенно изменить вклад капиталовложений в книгоиздательскую отрасль.

Не хочу, чтобы у читателей создалось представление, будто сами мы сидим, сложа руки в ожиданни государственных субсидий на материальную базу.

Мудро сказано: дорогу осилит идущий...

Какой путь мы видим в нынешних условиях наиболее присмлемым? Хозрасчет, а с ним изменение производственных отношений и наращивание производительных сил, и демократизация всего книжного дела. Это две главные идеи, пракгическое осуществление которых приведет к коренным изменениям в отечественном книгоиздании.

Год назад часть наших издательств перешла на хозрасчет, а в этом году уже все... Не скажу, что этот переход нам дался легко. Наша отрасль, в некоторой степени, уникальна. Она объединяет усилия столь тонкой сферы жизни общества, как интеллектуальная, творцов духовного — писателей, ученых, художников, но также и редакторов, тех, кто непосредственно работает с творцами, но еще и десятки тысяч рабочих, инженеров, тех, кто обеспечивает матернальное воплошение книг...

Прошел год работы на полном хозяйственном расчете (при выборе мы предпочли вторую модель). Какие принципы были положены в основу?

Во-первых, самофинансирование и самоуправление.

Во-вторых, создание финансово-экономической базы для выполнения государственного заказа — выпуска учебников, цетской литературы, справочных изданий, периодической литературы и литературы, предназначенной на экспорт. Источники финансирования этих изданий отчасти централизованы, т. к. выпуск многих из них убыточен, поскольку мы намеренно оставляем на них низкие цены, позволяющие всем слоям населения покупать такне книги. Это и есть соцнальная политика.

В-третьих, в экономику отрасли внедряется система изданий по ценам «спрос — предложение». Эта практика выпуска бестселлеров, приключенческих и детективных книг, редких изданий для библиофилов, собирателей, узких специанистов формирует своеобразную рыночную модель, необходимую в условиях прямых отношений с потребителями.

Хозяйствование на принципах полного хозрасчета в соответствии с Законом о предприятии позволяет обеспечить более широкую демократизацию в издательском деле. Появляется возможность отказаться от старой системы управления, когда все вопросы — тематнка и объемы выпуска книг, цена, тиражи изданий, распределение средств от их продажи, формирование фонда заработной платы, социально-производственное развитие коллективов — решались на уровне Госкомиздата СССР, госкомиздатов союзных республик.

Опыт истекшего года убеждает, что вторая модель полного хозрасчета, при которой фонд оплаты труда формируется как остаток хозрасчетного дохода, позволяет рационально сочетать государственные рычаги воздействия с рыночными отношениями.

Дальнейшее продвижение по этому пути нам видится в арендном подряде, который, по нашему убеждению, как рычаг, позволит сданнуть с мертвой точки низкорентабельные предприятия, оздоровить их финансовое положение, повысить эффективность производства, улучшить социальную сферу. Недавно мы заключили договоры об арендных отношениях с московскими тнпографиями № 8 и № 11, Московским заводом полиграфической фольги, а также впервые в отечествениом книгоиздании подписали арендиый договор с издательством «Книга». В течение года намерены подготовить необходимые условия для перехода на эту форму в 1990 году значительной части предприятий центрального подчинения. Отрадно, что инициатива установления арендных отношений идет снизу — от трудовых коллективов.

Основной обязанностью Госкомнздата в этих новых условиях становится решение вопросов, связанных с внедрением научно-технических достижений, планами технического перевооружения, подготовкой и обучением кадров. Отпадает необходимость в контроле за множеством показателей. На практике будет действовать простая схема: внес плату за аренду — хозяйствуй; сработал нерасчетливо — пострадай от убытков. Представляет интерес возможность выпуска акций для свонх работников на сумму, равную стоимости приращенных за счет собственных средств основных фондов, за которые уже не будет взиматься арендная плата.

Расширение прав в распределении хозрасчетного дохода должно положительным образом отразиться на улучшении социальных условий. Уже и сейчас трудовые коллективы могут предоставлять своим работникам безвозмездные ссуды за членство в ЖСК, беспроцентные ссуды членам садовых товариществ, безвозмездные ссуды молодым семьям, дотации из квартирную плату ветеранам труда.

Мы намереваемся совершенствовать новый механизм хозяйствования путем создания акционерных социалистических предприятий, действующих на основе самокредитования с привлечением личных средста работников через выпуск акций. А развивать арендные отношения предполагаем путем разработки системы налогообложения и средств, направляемых на оплату труда.

Особый вопрос в освоении хозрасчета — цены. Госкомиздат здесь находится между молотом и наковальней. Предприятия, издательства стремятся строить коммерческую политику, эксплуатируя повышенный интерес к книге, а читатель-покупатель всегда хотел бы приобрести ее по сносной цене. Отсюда постоянное напряжение этих двух энергетических полей... Наша позиция сводится к тому, что цены должны быть экономически обоснованными. Нынешняя система ценообразования сложилась в 50-е и 60-е годы, и до сих пор ее принципы во многом не изменились. В основе их лежит понятие книги как любого другого товара, цена на который устанавливается исходя лишь из затрат издательств, полиграфических предприятий, книготорговых организации. В определенной мере учитывается и качество полиграфического исполнения. Но ведь ценообразующими факторами являются и содержание, и актуальность темы, и оперативность выпуска, наконец, спрос на книги. Однако они сегодня почти не учитываются. Подобное положение нельзя признать справедливым. Удельный вес убыточных издании в общем объеме выпуска ныне превысил 50 процентов. Это главным образом детская, научно-техническая, учебная и общественно-политическая литература — то, что сегодня издается по госзаказу.

Мы убеждены, что оптимальное решение вопроса не может основываться на односторонней крайности — неоправданном повышении стоимости книг. Конечно же, заманчиво, и к этому склоняются многие экономисты, активнее включить в развитие книгоиздания рынок. Однако, переключаясь на повышение его роли, не следует терять из поля зрения орментиры. Мы, издатели, никогда не покроем свой гражданский долг, если будем взвинчнаать цены, не принимая во внимание материальное положение различных слоев нашего общества.

К сожалению, не избежали мы и общего увлечения: наращивать товарную массу, вымывая из производства дешевый

уховная жизнь людей неотъемлемо связана с книгой: это — аксиома. И хотя сверхмощные современные источники информации и знаний — кино, телевидение, видео — продолжают теснить книгу, к счастью, прогнозы скептиков — будто дни книги сочтены — не оправдались. Ныие она приобрела еще большее значение как услубления и инпиви-

не оправдались. Ныие она прнобрела еще большее значение как углубленный, наиболее квалифицированный и индивидуальный источник духовных знаний и разнообразнейшей информации. Тиражи книг растут в нашей стране и даже там, где чудо-электроника, казалось бы, овладела всем и где телевидение работает на 36 каналах круглые сутки, не ослабевает

поток печатной продукции.

К чему это я все говорю? Современная цивилизованная промышленно развитая страна должна последовательно и энергично развивать широко разветвленную службу книги, если она не желает пребывать в хвосте мирового прогресса. В последние годы мы попытались, хотя бы сами для себя, сформулировать это понятие и критически оценить все составные его. Картина оказалась малоприглядной, несмотря на все долгие увещевания, что «мы самая читающая страна».

Я назову только некоторые аспекты этой проблемы. Мы убедились, что у нас отсутствует научно обоснованное ведение службы книги. Критически оценив это положение, заново создали институт книги как головной в выработке науки о книге и книговедении... Укрепили Всесоюзную книжную палату, дае ей больше прав и возложив на нее высокие духовные обязанности быть научным и методическим центром книги. Создали общественный институт книги с целью обрести новые связи с читателем... Предприняли шаги, чтобы усилить пропаганду самой книги, разработали всесоюзные издательские принци-

ассортимент. Общая сумма повышения цен на книги по издательствам союзного подчинення составила в 1988 году 49 млн. рублей или 8,6% от общего объема реализации. По сравнению с 1987 годом объем реализации книжной продукции в розничных ценах вырос на 9,5%, в то время как объем в печатных листах-оттисках увеличился лишь на 2,6 процента. Произошло это по многим причинам. Здесь и ввод в действие нового издательства «Книжная палата» (0,7 процента), и изменение цен на научно-популярную литературу (0,4 процента), и ассортиментный сдвиг (1,2 процента), и многое другое, но главное — договорные цены (4,4 процента). Именно за их счет издательства обеспечили себе прирост дохода на 6 процентов, или на 33 миллнона рублей. Мы считаем, что подобная практика неразумна, не стимулирует рост натуральных показателей...

Любые реформы, будь они даже трижды замечательными, останутся лишь бумажным памятником или растворятся в суете повседневности, если под них не будет подведен надежный фундамент. Таковым мы считаем глубокую демократизацию издательского дела, системы отношений в отрасли. Во все времена книгоиздание не только отражало содержание социальных и духовных процессов, пронсходящих в обществе, но во многом зависело от них. Отсюда и то, что ныне нуждается в переменах в нашей общественной жизни, все, что называем мы застойными явлениями, глубоко проникло в книжное дело, привнеся в эту живую творческую сферу косность, омертвелость исполнительства. Качество достигалось за счет четкости и быстроты реагирования на поручения сверху.

Демократизацию же в книгоиздании можно вполне отнести к важнейшим духовным преобразованиям в нашем обществе. Этот процесс носит не только политический характер. Он впрямую воздействует на содержание книги, освобождая ее от демагогии, оглупляющей заданности, идеологических клише, тематической ограниченности. Иными словами, демократизация книгоиздания высвобождает духовные силы народа, дает нм простор и энергию...

Столь высокие задачи мы видим в развитии этого нелегкого процесса. И принимаем вполне конкретные меры, чтобы придать ему энергичное ускорение.

Пытаемся отучить издателей от привычки работать под административным давлением. Ибо оно приучнло нздателей к бюрократическому, бездумному подходу, к субординационной оглядке, к работе только по команде свыше. Вот почему, определяя демократизацию нздательского процесса как одно нз главных направлений преобразований в отраслн, мы исходим из реальных условий, в которых находится наше книжное дело.

Разумеется, я далек от упрощенного понимания, что надательский бюрократизм, консерватизм, якобы, феномен сегодняшнего дня и только. Это явление давнее, в известной мере даже интернациональное, со своими окаменелыми обычаями и нравами. Бальзак, Джек Лондон, Достоевский, десятки, сотни других. Кто сосчитает их дни, месяцы, годы жизни, проведенные в битвах с издателями? А возможно ли подсчитать их творческую энергию, ушедшую в песок редакторских проволочек и равнодушия?

Конечно же, период сурового администрирования наложил определенный отпечаток на издательский процесс, лишив его творческого начала. Но многое в бюрократизме и консерватизме и от специфики издательского дела со времен его становления: автор — издатель — читатель. Автор убежден, что принес в издательство, по меньшей мере, талантливое произведение, хотя нередко он и преувеличивает значимость своего творения. Принимая рукопись, редактор объективно становится первым ее судьей. Верно, что правильную оценку произведению могут дать только время и читатели. Но первая-то принадлежнт издателю, который проявляет при этом вполне понятный субъективизм и консерватизм. Более того, они в какой-то мере неизбежны, ибо количество рукописей всегда превышает издательские возможности. И на тернистом пути книги издатель, быть может, -- одно из самых серьезных препятствий в конкурентной борьбе за право ее на жизнь. С другой стороны, не секрет, что на издателя в наших условиях оказывают мощное давление и «литературные генералы».

Демократизация издательского процесса, по нашему мнению, должна предусматривать освобождение редактора от этих пут. Мы видим два пути: одно — демократизация книго-

издания, другое — повышение роли ведущей фигуры книжного дела — редактора. Уверен, что покушений на него в новых условиях будет предостаточно.

И все же противоречия в цепи автор — издатель вряд ли можно преодолеть при помощи одних административных усилий. Чтобы осилить путь демократических преобразований, есть лишь одна гарантия — разумное соотношение прав и обязанностей издателя и автора. Не следует забывать, что издатели и сами являются жертвой бюрократизма.

Насколько мне известно, в издательской практике на Западе для принятия решения о судьбе рукописи достаточно одного редактора. А сколько у нас? Читают редакторы, рецензенты, начальники. Не дай бог, если автор не согласится с их
решением не публиковать! Тогда, бывает, что включают всех,
даже председатель Госкомиздата вовлекается в перипетии...
И сколько же сил отнимает это, к каким моральным и временным потерям неизбежно ведет! Усложняется, удлиняется путь
книги, а в результате даже самая посредственная рукопись под
даалением автора срочно дотягивается и переписыватся.
И это не единичный случай. Это система, с которой надо
расставаться, не откладывая, ломая все административные
и психологические препоны.

Стоит подумать и над тем, а возможно ли вообще демократическое министерство, демократический Госкомиздат, учитывая, что мы в последние годы подвергаемся нападкам буквально со всех сторон. А некоторые писатели, литераторы, ученые вообще склонны видеть в нашем учреждении общественного врага. Проведи, пожалуй, социологи опрос среди различных категорий трудящихся об их отношении к аппаратам управления и, думается, многие, очень многие вынесли бы свое суждение с беспощадной категоричностью: не заслуживает враг иной доли разве что быть уничтоженным.

Слов нет, министерства и самн «потрудились», чтобы подобного рода оценки звучали в разговорах на улице, в печати и с трибуны XIX партийной конференции. Справедливость иных претензий общественности к стило и методам, а порой, и результатам их работы не вызывает сомнений. Сегодня мы отчетливо увидели, что на протяжении многих лет министерства все сильнее и сильнее отрывались от человека, от его реальных потребностей и запросов. Обо всем этом уже многократно говорено на страницах печати.

Однако, с другой стороны, антиминистерские залпы в органах массовой информации, попадая в цель, поднимают клубы пыли, за которой нередко перестают просматриваться орнентиры стрельбы, а она из средства превращается в цель: крушить во что бы то ни стало...

Современное общественное развитие немыслимо без сильного центра с четко отлаженной системой управления, основанного, по мыслн В. И. Ленина, на привлечении самых широких масс. Следуя этому положению, нензбежно приходишь к выводу, что сегодняшняя общественная неудовлетворенность негодным стилем управления не должна рассматриваться иначе как созидательная сила. Не уничтожение министерства вообще, а непримиримость в отношении исторически скомпрометировавших себя методов его работы, не подрыв сложившихся основ государствеиного управления, а радикальная их перестройка. Это, убежден, и есть отвечающий сегодняшним реалиям выход из положения, когда, перефразируя известную ленинскую мысль, низы не хотят, а верхи не могут жить и управлять страной по-старому.

Признаться, предаижу улыбки иных зубров-аппаратчиков, немало повидавших на своем веку различных министерских катаклизмов: сокращение штатов, пересмотры структур, их усовершенствование. Совсем недавно в управленческом хозяйстве страны закончился очередной такой пересмотр, в рамках которого все ведомства провели радикальную инвентаризанию свонх штатов и структур. Нет ли опасности, что после взбудораживших систему преобразований все со временем вернутся на круги своя? Есть. И Госкомиздат СССР здесь не является нсключением... На одном из партнино-хозяйственных активов отрасли прозвучала мысль, что затянувшаяся перестройка структуры управления Комитета заставила аппарат жить в гнетущем ожидании перемен и потому бездействовать. Но как только она закончилась, аппарат приготовился взять реванш. Тревога вполне оправданна. Ведь люди, современники застоя, а основном остались за письменными столами и горят желанием продолжать трудиться. Сокращение штатов — это не

всеохватное увольнение. Большинство из них — профессионально подготовленные и добросовестные работники. Значит корень зла зарыт в чем-то другом? Убежден, что искать его надо там, где существуют возможности принимать волюнтаристские решения, когда не допускается контроль общественности за их подготовкой и принятием. Иными словами, сила центра заключается в его способности энергично и всеобъемлюще аккумулировать общественные запросы, находить общий знаменатель и проверять его отношением самого широкого круга заинтересованных лиц, т. е. речь идет о глубокой демократизации стиля и методов работы аппаратов управления. Здесь, пожалуй, мы имеем оголенный нерв во всей государственной системе, который находится на пути мучительной выработки универсальной системы управления.

Конечно же, проблема эта решается только тогда, когда есть четкие ориентиры, как это делать. Прежде всего, мы решили открыть двери Комитета для всех желающих высказаться по вполне конкретным вопросам книгоиздания. Для этого мы создали Общественный институт книги. Он действует на принципах конкурса читательских идей по совершенствованию книжного дела. И создание его вызвало бурную реакцию читателен. Сотни заинтересованных посетили первые два заседания, выступило более 90 человек и около полутора тысяч писем с деловыми предложениями уже получено. Главная задача Института — формирование общественной активности и механизма общественного воздействия на процесс перестройки книгоиздания: именно массовый читатель является самым строгим, самым заинтересованным, самым мудрым и объективным судьей. На ежемесячных его сессиях ответственные сотрудники Госкомиздата, не исключая Председателя и его заместителей, будут публично выступать с разъяснением издательской политики, отвечать на критиче-

Открыв общественный институт, мы убедились, что люди живут книгой, они заинтересованно судят обо всем, что связано с ее производством, и неистощимы на самые неожиданные идеи, как дело наше улучшить. Недавно мы принимали у себя московских писателей и читателей, а диалог с иими вели издатели — руководители наших главных издательств... И еще раз убедились, насколько прав читатель в своих претензиях к нам.

Жнвое общение с людьми в присутствии журналистов, на наш взгляд, более чем недремлющее начальственное око повысит ответственность исполнителя за свон слова, за дело, ибо суд общественности, пожалуй, самый действенный. В будущем намерены расширить географические рамки работы этого Института и проводить его выездные сессии в трудовых коллективах в Москве и а других городах, в союзных республиках.

Демократизации управления книгонзданием, по нашему мнению, будут служить Совет директоров издательств, а в последующем очевидно и Ассоциация издательств. Дело это непростое — очертить круг нх полномочий и обязанностей, демократическим путем рассмотреть в издательствах и тесно увязать с деятельностью Комитета. В практике советского книгонздания ничего подобного прежде не существовало. Мы идем в данном случае неизведанным путем, на котором неизбежны многочисленные трудности. Однако, демократизация предполагает новую систему управления и координации издательского дела в стране и надо не без трудностей идти по этому пути.

Намерены создать и Экономический совет. Если работа общественных институтов будет затрагивать производственную и хозяйственную сферу отрасли, то ее координатором, конечно же, должен стать общественный Экономический совет. По нашему мнению, он мог бы определять перспективы комплексного развития книгоиздания и вырабатывать рекомендации, определяющие приоритетные направления в экономике отрасли, глубоко и серьезно рассматривать вопросы ценообразования. Именно ему предстоит прогнозировать результаты углубления радикальной экономической реформы освоения хозяйственного хозрасчета, развитие нетрадиционных отношений между издательствами, предприятиями промышленности и книжной торговли с отраслевыми органами управления. Надеемся, что он поможет нам выработать рекоменда-ЦИИ ПО ВНЕДВЕНИЮ В КНИГОИЗДАНИИ МЕЖОТВАСЛЕВЫХ НАУЧНЫХ разработок по социально-экономическим проблемам.

В последнее время в ряде центральных изданий появились

статьи, авторы которых ставят под сомнение необходимость проведения государственной политики в книгоиздании, считая, что оно должно развиваться без его вмешательства, стихнйно. Думается, что по этому поводу надо сказать особо.

Государственная книгонздательская политика ставит своей целью удовлетворение прежде всего духовных потребностей человека. Дело это не только трудное и ответственное, но и дорогостоящее. Ведь, как известно, половина выпускаемых ныне книг — и в первую очередь детская литература — убыточна и государство оплачивает их издание дотациями. Не будь этого, в условиях жесткого хозрасчета, читатели не увидели бы огромное количество книг, выход которых был бы приостановлен коммерческими соображениями. Нетрудно предположить, что последствия этого отрицательно сказались бы на культурном уровне общества, его духовном и интеллектуальном потенциале. Но эта одна сторона вопроса.

Другая заключается в том, что каждое отдельное издательство, будь оно оснащено даже самым современным оборудованнем, не способно сегодня само изучать массовый спрос и конъюнктуру на книги. Для этого у него нет необходимых возможностей. Издательству, конечно же, проще плыть по течению массового спроса, оперируя десятком бестселлеров. Другое дело, если функции научной выработки издательской политики, основанной на строгом учете спроса, будут гарантированы государством, у которого для этого существует необходимая научная и материально-техническая база. Успех проведения такой политики во многом зависит от уровня развития этой базы, степени ее прикладной ориентации на нужды и потребности читателей. Она позволит оперативно и рентабельно определять приоритеты книгоиздания, соотнося их с массовым и специфическим читательским интересом. Наконец нельзя забывать, что задача материально-техиического обеспечения книжного дела страны — одна из серьезнейших, и решить ее проще и эффективнее в рамках централизованной государственной заботы.

Мы убеждены, что в системе общественных отношении при социализме государственная политика книгоиздания необходима, ибо ориентируется прежде всего на человека, его духовное и иравственное здоровье, без оглядки на те факторы, которые конечно же деформировали бы ее в сторону обыкновенного коммерческого интереса, наживы, не будь строгой государственной опеки. Собственно, это и было точкой отсчета в становленым государственного книгоиздания после революции. И накопленный с тех пор опыт, несмотря на многиенегативные моменты и трудности, служит нам верным ориентиром сегодня.

Я бы покривил душой, если бы на столь мажорной ноте закончил размышлення о демократизации издательской сферы. Это не столбовая дорога, а процесс, который требует не только подвижнических усилий, но и аналитического изучения действенности принятых мер: по ленинской мысли, нам необходимо порой возвращаться назад, заново переделать, перестроить то, что только что сделали. Взять, к примеру, выборы директоров издательств, которые мы уже почти даа года проводим в системе Госкомиздата СССР. На основе выборов пришли к руководству 25 директоров центральных издательств Преимущества этого бесспорны. О них многократно говорилось. Это, в частности, выборы в издательствах «Машнностроение», «Металлургия», «Международные отношения» и многих других. А вот о некоторых негативных сторонах мы молчим, Скажу откровенно: они есть и суть их заключается в следующем.

В чем прежде всего заинтересован коллектив издательства, в котором проводятся выборы? Практика показала, что в этом вопросе есть весьма существенные допуски, позволяющие порой коллективу во главу угла ставить только свои эгоистические интересы: проголосуем за своего человека, он обеспечит нам премин, социальное развитие. И здесь мы обязаны вндеть, где интересы издательских работинков входят в противоречие с общественными, и иужен директор способный не ублажать коллектив, а обеспечивать читателей нужными книгами. Это не беспочвенные рассуждения.

Говоря об этом, хочу выразить надежду, что журнальная рубрика «Книга и перестройка» вызовет живой интерес и у издателей, и у читателей, и у авторов книг — писателей, ученых, нашей интеллигенции... И явится еще одним источником плодотворных идеи, способных улучшить наше книгоиздание.

РАДОНЕЖЬЕ ОТ СЛОВА «РАДОСТЬ»

Вячеслав КЛЫКОВ

Родился в 1939 году а селе Мврмыжи Курской области. В 1968 году окоичил Художественный институт имени В. Суриновв.

Широную изаестность принесли снульлтору его работы, украшающие Детский музынальный театр [1980 г.], пвметники: лоэту Николаю Рубцову в г. Тотьме [1985 г.], Сергию Радонежсному (с. Городок, 1987 г.), поэту Батюшкову — скульптурнвя группа уствиовлена в Вологде. Международнов признание завоввап Меркурий, созданный В. Клыковым в 1980 г. и воздвигнутый 3 года спуств у входа в Совинцентр в Москве. Лауреат Государственной премии

СССР [1982 г.] и Государственной премии РСФСР имени И. Релина [1988 г.]. Участини многих выстввои в стране и за рубежом.

Памятник Сергию Радонежскому работы скульптора Вячеслава Клыкова в Подмосковье.

ФОТО П. КРИВЦОВА

ергии Радонежский. Образ этот встает громадой из небытня, словно солнце из-за горизонта, и освещает собой историю нашу, нет. не одну, далеко не одну ее страницу.

Что знаем мы о нем, потомки множества потомков людей, разгромивших на Куликовом поле Мамаевы орды? Мы знаем о нем так мало. Так мало — о личности, о жизни, деяниях его. И мы знаем о нем все. Ибо даже та малость, что пропирается к нам еще в детстве, через сухой частокол строк учебника исторни, скороговорку энциклопедии, а то и, быть может, художественного повествования, доносит до нас смысл его жизнениого подвига. «Инициатор введения общежитийного устава в русских монастырях. Активно поддерживал объединительную и национально-освободительную политику князя Дмитрия Донского, к которому был лично близок» строки из Советского энциклопедического словаря, издания 1980 года, где перепутаны даты жизни «основателя и игумена Троице-Сергиева монастыря», обители, ставшей центром церковного просвещения, мысли, литературы и искусства. Обителн, получившей имя Сергия практически при его жизни: так велико было обаяние просветителя среди последователей, учеников. Среди простых людей, детей которых он учил грамоте, резал им игрушки из дерева, сажал дубравы и сады. Пешком исходил он русскую землю, призывая к добру и единению, возрождению человеческого достоинства.

Первые жизнеописания Сергия Радонежского сделал Епифаний Премудрый (так прозвали его за начитанность и литературный талант). Епифаний был современником Сергия, жил в Тронцком монастыре с 1375 по 1406 год. Нельзя не доверять ему. Епифаний рассказывает о том, как Сергий и брат его — дети обедневшего боярина из Ростова Великого, поселились в небольшом городке Радонеж. После смерти родителей ушли они в лес, чтобы там «пустынножительствовать» и, на холме Маковец, что стоит неподалеку от Радонежа, поставили келью и «церковь малу». Так в 1345 году началась многовековая история Троице-Сергиева монастыря.

Вскоре старший брат Стефан ушел в московский Богоявленский монастырь; младший же, принявший после постри-

жения имя Сергий, продолжал начатое дело.

Епифаний повествует нам о человеке, обладавшем замечательными личными качествами: «крепкий душою», «могутный за два человека», «мало же словесы глаголавша, вящая же делы учаша». Духовный советник великого князя Дмитрия Ивановича, Сергий крестит его сыновей, держит государственный совет, вдохновляет на беспримерный в истории подвиг. Облачившись в боевые доспехи, князь Дмитрий Иванович вошел в строй рядом с витязями н рядовыми воинами на Куликовом поле: «Если же умру, то с вами, если спасусь, то с вами!..»

Это ли не блестящее воглощение идеи нравственного самосовершенствования, философского течения, носителем которого на Руси был Сергий Радонежский! Терпимость и спокойствие, обращение к духовному миру человека -- основы учения Радонежского, собиравшего под объединяющее знамя освобождения Руси гонимых и униженных. «Сказание о Мамаевом побоище» доносит до нас все величие, красоту и мужество сподвижников Сергия, его учеников, в чых образах отражается лик их наставника, свет его подвижничества. Ратоборцы Ослябя и Пересвет. В монашеской одежде вышли они на бой с врагом, впереди ратной цепи. Первыми вступили в схватку с «богатурами» Мамая... Не только церковь, сам народ, его предания и легенды, окуталн их ореолом святости.

Так бывает всегда с героями, погибшими за его счастье и мир... Семена мира и разума при решении споров между удельными княжествами неустанно сеял Сергий Радонежский, «начальник и учитель все монастырям иже в Руси», и его последователи — Пафнутий Боровский, Кирилл Белозерский, Афанасий Высоцкий, Андроник, Зосима и Савватий. В Троицком, Сбиваясь на перечисления его деяний, биографическую справку, пытаюсь уйти в тень, ибо имя это не нуждается в моем участии, чтобы воскреснуть хотя бы на миг. Оно, кажется, и не исчезало никуда. Устояло во всех бурях. Канонизировано Русской православной церковью. Любимо народом, как пюбнмы имена героев Куликова поля, Бородина, Великой Отечественной. Имя духовного наствиника великих ратоборцев было дано городу Сергиеву Посаду. В 1919 году он назван был «Сергиевым». В 1930 году переименован в Загорск...

Да, в Загорске есть памятник, построенный «в похвалу» Сергия Радонежского — белокаменный Троицкий собор Лавры. Для этого собора Андреем Рублевым была написана всемирно известная икона «Троица». Иконостас собора сохраняет красоту и величие творчества древних мастеров В неразрозненном, целостном виде он дошел до наших дней. Образ Сергия вдохновляет и сейчас русских нконописцев, лучший и совершеннейший из которык — монах Псково-Печерского монастыря Зенон... Но светского памятника великому просветителю и единителю русского народа до сей поры не было. Почему?.. Я не стал задаваться этим вопросом. Мне было ясно одно: памятник необходим, ибо никогда не иссякнет наше преклонение перед его нравственным подвигом, хотя и приходится по различным — и увы! — немногочисленным серьезным источникам — восстанавливать его образ. Некоторые из них стали уже доступны, хотя в масштабах страны и не очень многим — труды великих исторнков прошлого — Карамзина, Ключевского, Соловьева, другие будут доступны, возможно, в будущем, ибо в учении Сергия и его последователей — истоки русской философской мысли, ее жизнестойкости, высокой духовности и красоты.

Мне кажется неуместным в этой статье говорить о том, как я работал над памятником Сергию Радонежскому. В нем мне хотелось передать ощущение святости преподобного Сергия. Я даже как бы чувствовал на своей голове его горячую легкую руку, всегда приносившую, согласно преданиям, людям, «больным и сирым», добро, успокоение, радость. Ведь это в наших традициях: поставить памятный знак всенародному Святому! Любимому герою, любимому писателю. Народ поставил памятник Пушкину; воздвиг храм Христа Спасителя в честь героев Отечественной войны 1812 года: не считаю правильным оспаривать, нужен ли Москве памятник Юрию Долгорукому. Не знаю, правильно ли также не замечать сегодняшнее убожество и запустение филиала музея архитектуры имени Щусева, что в стенах Донского монастыря, но под открытым небом! Душа содрогается, во что превратились скульптурные композиции со стен храма Христа Спасителя работы замечательного скульптора Логоновского. А ведь потомки в них, через светлый гений этого человека, попытались впервые воплотить в камне образы Сергия Радонежского, Дмитрия Донского, богатырей Осляби и Пересвета! Прекрасная композиция разрушается... Духовные традиции, заложенные мыслителем из Радонежья, учнвшим добру, справедливости, человеколюбию, подвигавшим на ратный труд за честь и достоинство народа, несомненно, живы, но как трудно пробить стену равнодушия, чиновного чванства, да просто-напросто — хамства, в котором почему-то обвиняют тех, кто, порой, переходит на крнк от боли за разрушение памятников Москвы, за недоступность книг крупнейших наших философов н писателей (и слава богу, что они сейчас возвращаются к нам, в наш культурный оборот), за сожженные иконы русского Севера, за разоренный, ветшающий памятник — Лужецкий монастырь в Можайске. Памятник архитектуры XVII века, со стен которого открывается такой прекрасный вид, что радуется сердце от красоты и прелести земли нашей. А сте-

ны-то — лишь с «намеком» на реставрацию... И примеров тому — несть числа... Поэтому и памятник Радонежскому для меня не просто работа, котя любую из них я делаю так, как будто после нее ничего не смогу больше сделать. В нем я выразил свою боль и свое преклонение.

Древний Радонеж... В дивном сочетании этих слов как бы слышится раскатистый ропот струн древних гуслей, повествующих о славных делах наших предков.

При взгляде на Родонежские холмы, покрытые вековыми лесами, на речку Вожу, неспешно петляющую меж этих холмов, на церковь, радостную и торжественную, как солнечное воскресение, сердце переполняется какой-то необъяснимою любовью ко всему, что было на этой земле, что есть и что будет.

А с высокого холма древнего городища, в стыке двух окоемов под разноцветной дугой радуги вспыхнет белым видением церковь Воздвижения и очарованная душа мучительно ищет благодарного слова — соответствия увиденной красоте и удовлетворениая находит их в слове-выдохе — РАДОНЕЖ...

Да... Радонеж, другое придумать бессильна душа.

Радость, Радуга, Нега, Нежность, Дождь, Жатва — все бытие заключено в этом слове и как бесценная оправа к нему — слово Древний! Здесь легко дышится, дальше видится, повседневная суета уходит бесследно.

Только в этом поле увидишь и узнаешь травинку, примятую стопами Сергия Радонежского, только здесь, в уже обмелевших водах реки Вожи увидишь отражение припавщего испить воды геннального иконописца Андрея Рублева и на коре радонежских дубов ощутишь морщины летописца Епифания Премудрого.

Святые имена эти являют собой вместе и каждый в отдельности в истории России живое воплощение христианского завета — ЖИВОНАЧАЛЬНОЙ ТРОИЦЫ. «Такие люди, — говорит русский историк В. Ключевский, — становятся для поколений не просто великими покойниками, а вечными их спутниками. Помнят их имена не только для того, чтобы благодарно почтить их, сколько для того, чтобы не забыть правила, ими завещанного».

В Радонеже крепко свита и переплетена в единый клубок российская трехвековая история времен раздробленности. междоусобной борьбы и объединения русских земель вокруг молодого, набирающего сил Московского княжества.

В Радонеже стояли войска Дмитрия Донского перед походом на Куликовскую битву в 1380 году, а через 200 лет с этик мест повели дружины свои Козьма Миннн и Дмитрий Пожарский на освобождение Москвы от польско-литовской оккупации.

Памятник Сергию Радонежскому в селе Городок живет своей непростой жизнью. Проблем много. Проблема — насадить дубраву, где по преданию бил родник Сергия. Пробле-- как-то благоустроить село. Памятник ко многому обязывает жителей — и им надо помочь. Городок становится своеобразным культурным — не центром — но местом на карте Подмосковья. Я где-то прочитал, что в былые времена монумент, сооружаемый на средства народа (в данном случае я -его частица, представитель), предполагал и новое богоугодное заведение при нем. Ведь за памятником нужен уход, присмотр. Зная тамошних жителей, уверен — онн будут и так, самн по себе, ухаживать за ним. Памятник стоит на взгорье, так удачно, хорошо, весело! Но было бы хорошо также, если бы в Городке мы бы соорудили еще и, например, нечто вроде дома для ветеранов труда, с библиотекой, с хорошими, теплыми условиями быта, дом, носящий имя Радонежского. Это будет нашей скромиой данью его жизненному подаигу, горению во имя людей. Он и сейчас будет с намн — в книгах, в камне, в делах. Наш великий предок. Наш современник.

ПРЕДЛАГАЕМ К ПРОЧТЕНИЮ ДЛЯ СЕРДЦА И РАЗУМА

Голубинский Е. Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. М., 1885, 1909.

Забелин И. Е. Троицкие походы русских царей. — «Чтения Общества истории и древиостей российских». Кн. 5. Спб., 1846—1847. Карамзин Н. М. Исторические воспоминания и замечания по пути

к Троице. — Соч., т. !, Спб., 1848. Ключевский В. О. Древнерусские жития Святых как исторический источник. М., 187!

Тихомиров М. Н. Дреаине жития преподобного Сергия Радонежского, М., 1892.

ДУХОВНИКИ, ЖИЗНЬ. МЫСЛИ. ДЕЯНИЯ

РАЗГОВОРЫ С ЛЕОНОВЫМ e c

ернила стоят столько же, сколько кровь мученика», — напомнил однажды Леонид Максимович изречение арабского

доисламского позта.

Творчество, муки творчества, отношение к писательскому труду, ответственность за инструмент своего искусства — слово. Вот главная тема, к которой так или иначе, по разным поводам, Леонид Максимович возвращался. «Нужно всегда помнить, — повторял он, — чистый лист бумаги — это потенциально гениальный лист; исписанный лист бумаги — это лист испорченный...»

Иногда, в изломе фразы, вдруг загорался отблеск эпохи — сурового и отошедшего времени. Рассказ переключался на положение писателя, которого в двадцатые годы по дурной, даже злой и наветной привычке именовали «попутчиком», на знаменательные встречи с Горьким, на ожесточенную литературную борьбу и недобросовестную критику. Голографически объемно высвечивались исторические лица самого высокого общественного и литературного ранга, звучали их реплики, при своей почти латинской лапидарности способные круто изменить или даже сломить любую судьбу...

А разговоры наши касались самых разных предметов, но порой переходили в его монолог. Иногда это были отдельные новеллы. Как, например, вот эта...

— Я очень люблю Брейгеля, — говорил не раз Леонид Максимович. — Брейгеля Старшего, так называемого, «Мужицкого». И об этом у меня кое-что сказано в повести «Evgenia Ivanovna». Знаете, что в нем особенно поражает? Вот штришок, черточка, почти точка. А при увеличении, под увеличительным стеклом она оказывается человеческой фигуркой, птицей, деревом. У меня жила сумасшедшая мечта — иметь Брейгеля. Хотя в России, кажется, было только две его картины. Одна в Эрмитаже, а другая в частной коллекции, по-моему, у Морозова.

В двадцатые годы, как вы знаете, я дружил с художником Остроуховым и часто навещал его в доме, где он жил, возле церкви Ивана Воина на Якиманке, давно снесенном. Мы дружили, несмотря на разницу в возрасте: мне было 27—30 лет, ему — семьдесят.

Илья Семенович собрал большую коллекцию живописи. Во время революции ее национализировали. Но у него оставалюсь множество собственных превосходных полотен, понемногу он снова начал свое собирательство. И очень стращился, что его ограбят. Из-за этого Остроухов ложился спать в тричетыре часа ночи. Было у него немало всякой всячины. Когда Илья Семенович скончался, я сам видел в его коллекции тетрадку, исписанную рукой Лермонтова — его дневник. Все это было потом раскрадено...

Я не раз, — рассказывал Леонид Максимович, — засиживался у него до двух-трех часов пополуночи. Говорили об искусстве, литературе, писательском труде...

Однажды я сказал ему:

— Писатель не может работать над рукописью в комнате, заставленной книгами. Ведь он вырабатывает вещество искусства. А от книг, от аккумулированной в них мысли идут свои волны. И там собрано больше, чем он может дать. Я думаю, надо работать в пустой комнате. И на стене должна висеть какая-нибудь картина, иа которой можно отдохнуть глазам. Например, Брейгель...

Прошло несколько месяцев, я работал над «Скутаревским» или «Сотью» — не помню. Как-то мне звонит Остроухов:

Леонид Максимович! Я не оторвал вас от дел? Чем заняты?

Да ничем, — отвечаю.

- Гогда приезжайте сейчас же ко мне.

— А что случилось?

Продается Брейгель.

И тогда я задал ему самый дурацкий вопрос, который только и можно было задать:

- А сколько он стоит?

- Сто рублей...

Сто рублей за Брейгеля! Я поехал.

Илья Семенович сидел за столом, положив свои большие синие, как из конины, руки на стол. Посреди комнаты стоял мольберт, занавешенный тканью.

Глядите же, — сказал он.

Я, — вспоминает Леонид Максимович, — открыл картину. Она была нарисована на дереве, старом, укрепленном для прочности крестовиной сзади.

Да, это был Брейгель. В левом нижнем углу хорошо видна была цепочка идуших людей, как на картине «Охотники», а в верхнем левом — пруд и какие-то фигуры. Зато весь центр занимала дыра, краска осыпалась, словно в картину кто-то запустил булыжником.

Ну, что, Леонид Максимович? — Спрашивает Остроухов.
 Конечно, — говорю я, — можно аккуратно пилочкой выпилить два куска. Но что останется от Брейгеля? Ведь это, извините, все равно, что я влюблен в Анну Петровну Керн, а мне предлагают ее мумифицированную руку...

А потом сказал:

— A откуда эта картина?

Она принадлежала Полякову...

Сергея Александровича Полякова я знал. Он был очень богатый человек. Из семьи сахарозаводчиков. Владелец издательства «Скорпион» и редактор журнала. Сам математик, но занимался и переводами.

— Картину я, разумеется, не купил, — продолжал свои рассказ Леонид Максимович. — Прошло несколько лет. Уже не было на свете Ильи Семеновича. Это была пора, когда по приказу наркома просвещения Бубнова произошла чистка библиотек и все, что казалось несозвучным времени, выбросили на продажу или уничтожили. Какие книги продавалисы Из старых помещичных собраний. Библиотеки еще екатерининских времен, из глубинной России, из городов Поволжья. Иностранцы пачками вывозили их. Шла бойкая торговля и в «Лавке писателей», которая размещалась тогда в начале Тверской. И вот однажды, перед витриной этой «Лавки», я увидел Полякова.

Я знал, что Поляков был выслан на какое-то время из Москвы. Теперь он вернулся. Понятно, ничего от прежнего богатого Полякова не осталось. Он стоял в каком-то сомнительном пальтеце, слегка склонив голову набок, и разглядывал

витрину с роскошными книгами. Купить ни одну из них ему было не на что.

Я подошел к нему, представился и сказал, что у меня есть

к нему небольшой разговор. Мы отошли в сторону.

— Сергей Александрович, — спросил я, — у вас был

— Сергей Александрович, — спросил я, — у вас бы Брейгель?

Он несколько смешался. А потом ответил:

— Па. был...

— Я видел эту картину. Скажите, что с ней произошло? Поляков начал сбивчиво объяснять. По его рассказу выходило, что в отсутствие хозяев картиной Брейгеля накрывали чайник с кипятком. Я не стал возражать, но характер повреждения картины был совсем иной. Высокая температура и влага оставили бы другие следы на дереве, образовался бы круг, безвышерблин.

И я понял, что во время революционных лет в квартире у Полякова происходило нечто вроде пира во время чумы. Пъяная гульба, отчаянное веселье. И кто-то бутылкой запустил в Брейгеля: «Ах, ни нам, ни вам!..»

Как-то Леонид Максимович вспомнил о коллективном сборнике наших писателеи, посвященном строительству Беломорско-Балтийского канала (открыт в 1933 году) и произошедшей будто бы там «перековке» преступников и «врагов напола»:

— Я участвовал в поездке, организованной Горьким. Но в сборник ничего не написал. И это мне дорого стоило... Помню пароход, роскошный буфет, оркестр, непрерывно играющий вальсы. Дирижер — румяный толстяк, у которого от упитанности фалды пиджака не сходятся сзади. Я спросил: «Кто это?» — «Видный румынский шпион!..» А по берегам стояли, беспрерывно кланяясь, мужики, с зелеными бородами, худые, руки ниже колен...

После поездки Л. Авербах собирал участников в ресторане «Метрополь», чтобы организовать сборник, воспевающий новостройку (почетным куратором книги был сам начальник ОГПУ Генрих Григорьевич Ягода, кстати, родственник Авербаха). Леонов не явился. Не пришел он и в следующий раз. Авербах звонил ему: «Ворчит на вас Генрих Григорьевич, спрашивает: «Это что же — саботаж?» Но Леонов не был и на следующем их заседании... Постыдная книга, с именем Горького на титульном листе, вышла.

Боялся, не подходил к телефону, — рассказывает Леонов. — Щекотно, знаете, было. Но меня там нет... среди этих авторов...

Смысл всего сказанного выше можно бы сформулировать просто: пора все-таки отказаться от басни, будто тогда «никто ничего не знал и не ведал...»

Однажды я спросил, получил ли Леонид Максимович где-то в конце двадцатых годов письмо писателя-эмигранта Наживина

— Какого Наживина? Ивана? Толстовца? А вы откуда знае-

Я сказал, что Наживин выпустил в тридцатые годы в Китае, в старом Тьендзине собрание своих сочинении. Ни много ни мало — сорок один том. И вот в томе тридцать девятом помещен его роман «из жизни современного литературно-газетного мира» «Неглубокоуважаемые» с письмом к Леонову. В нем терой, от лица которого ведется повествование, восхищается «Барсуками» и, в частности, пишет: «А так как некоторые страницы Ваши особенно захватили меня, то я как-то послал Вам сочувственное письмо. Вы чрезвычайно испугались и в какой-то московской газете поместили суровую отповедь мне, старому писателю, из которой можно было вывести: суровы чекисты в москов.

— Так он понял! Он понял! — Воскликнул Леонид Максимович. — Ведь его письмо пришло в самое трудное время. Жена прятала от меня газеты с разгромными рецензиями на мои вещи... — Он помолчал и заговорил о том, как рапповцы громили «попутчиков». На XVI съезде партии, например, Киршон заявил: «Вот тут о попутчиках говорили — надо различать оттенки. А по-моему, чем различать оттенки, лучше их поставить к стенке!..»

— Меня били нещадно за каждое очередное произведение, — рассказывал Леонов. — Но через неделю я снова садился за стол писать новую вещь. Писал и никогда не надеялся, что она пройдет, что она будет напечатана. Критика была злобной и глумливой. Я никогда не читал до конца статьи.

чтобы не расстраиваться. Читала жена. Ей я поверял свои произведения иа каждой стадии. Мне очень повезло, что она была у меня. Такой же была для Достоевского Анна Григорьевна и Софья Андреевна для Толстого... Я не надеялся, что написанное мной дойдет до читателя. Это знала жена. Она читала и мой последний роман, читала за день до смерти. Фактически я писал, может быть, только для нее. Это была моя последняя инстанция. Она помогала мне пережить все удары...

О той обстановке, какая царила в последние годы перед роспуском РАППа, Леонид Максимович с грустью рассказывал:

— У Горького время от времени, раза три или четыре, собирались руководители партии во главе со Сталиным и приглашались писатели. Обычно человек восемнадцать—даадцать. И даже Яр-Кравченко такую картину нарисовал (меня поместил на первом плане). На одном из таких собраний кто-то спросил у Сталина: «Скажите ваше мнение о литературе...» «Что я могу сказать? — ответил Сталин. — Вы сами инженеры человеческих душ. Вы сами все знаете». Вот откуда пошло это выражение — «инженеры человеческих душ»...

Бывал там и глава ОГПУ Ягода, родня Авербаха. Отец у Авербаха был нэпманом, а сам он был женат на дочери Бонч Бруевича. Авербаха все боялись, но Ягода был еще опаснее. Тогда Авербах обвинял нас, так называемых «попутчиков» в том, что мы хотим завладеть гегемонией в литературе А нашавина была в другом: мы просто были талантливее...

На одном из собраний у Горького, на Спиридоновке, там, где теперь музей его имени, помню, было уже два часа ночи. Почти все разошлись. Длинный стол. Накурено. Дым стоит слоями. Стол кажется поэтому еще длиннее. На том конце -Горький с Шолоховым. А на этом — Крючков и я. Напротив — Ягода. Крючков — помощник Горького. Личность! Петр Петрович мог выпить две бутылки коньяку — и ничего! Но тогда и он уже был пьян, физиономия багровая. Не смел при Сталине, а когда Сталин ушел, позволил себе. Крючков пошел за новой бутылкой. И вдруг Ягода, пьяный, встает, нагибается ко мне: «Скажите, Леонов, зачем вам нужна гегемония в литературе?» И я понял: конец. Горький только что спас академика Сперанского, патофизиолога. Лимит исчерпан. И тогда я сам притворился пьяным, взъерошил вот так волосы и ответил: «Что вы, Генрих Григорьевич! Какая гегемония? Мне нужно, чтобы на голову не гадили (я употребил более крепкое слово). А то сползает на глаза, я бумаги не вижу...» И в ответ: «Ха-хаха-ха-ха...» Смеется. Значит, на сеи раз пронесло. Я еще не знал, что РАПП уже обречен. И конец РАППа связывается у меня с одним разговором со Сталиным. Но это уже другая история...

Для этого Леонову пришлось вернуться на несколько ме сяцев раньше, в тот же 1931 год

— Я познакомился со Сталиным у Горького. В 1931 годь мы возвратились с Горьким из Италии. Я был очень близок к Горькому и ходил к нему без звонка, — вспоминал в разговоре Леонид Максимович. — Мы жили рядом. Кстати, у негобыла большая коллекция фантастических деревянных японских фигурок. И среди них мои две работы. Они должны сохраниться и сейчас в Музее Горького. Как-то он попросил меня показать, как выглядит мой Бурыга. Я вырезал из дерева Бурыгу. И еще старичка, героя рассказа «Случай с Яковом Пигунком...»

Однажды я пришел к Горькому, — продолжал Леонов. — Он собирал антикварные книги. Это было, когда нарком просвещения Бубнов производил чистку библиотек и все драгоценности антиквариата выставил на рынок. Потрясающие книги продавались! Американские профессора и просто коммерсанты пачками покупали и вывозили инкунабулы (первые книги, отпечатанные с наборных форм, за время от изобретения книгопечатания до 1501 года — О. М.). Я, помню, приобрел тогда за гроши «Четыре книги о пропорциях человека» Дюрера, 1528 года. А позже ко мне обратилась библиотека архитектурного института с просьбои дать им этот трактат — у них не было».

Горький мне сказал: «Ступайте в библиотеку, посмотрите новые приобретения...» Я оставался там минут двадцать, поглядел книги и выхожу. Оживление, шум. Приехал Сталин. Горький разговаривает со Сталиным.

— Знакомьтесь, — говорит Горький. Мы пожали руки: «Леонов» — «Сталин». Потом Сталин спросил: «Что нового в лите»

ратуре?» Это было время самого крайнего разгула РАППа. Я сказал: «Товарищ Сталин! Если вам когда-нибудь потребуется кричать на нас и топать ногами, делайте это сами. А не поручайте элым людям, которые совершают это с двойным умыслом». Сталин внимательно посмотрел на меня и раздельно сказал: «Зачем топать? Зачем кричать?»

Думаю, этот разговор повлиял на ликвидацию РАППа, ко-

— Я, — рассказывал Леонид Максимович, — памятуя, что такое незваный гость, обратился к Горькому: «Пойду домой, не буду вам мешать...» Но он ответил: «Оставайтесь обедать». За стол сели: Горький со Сталиным — и, поодаль Ворошилов, Чухновский, Бухарин, хозяйка и я...

Это был медовый месяц отиошений Горького со Сталиным. Они шумно разговаривали, хлопали друг друга по плечу, рассказывали анекдоты. Была дружба, которая затем очень ухудшилась...

В это время, с 1929 по 1932 год я был председателем Союза писателей, который существовал наряду с РАППом и другими объединениями. В правление входили Вересаев, Новиков, Лидин, Павленко. Я стал председателем, когда сняли Пильняка.

- Чтобы не мешать разговору стариков, вспоминал Л. Леонов, мы переговаривались тихо, почти шепотом. Ворошилов спросил меня:
- Что у вас происходит? Какие новые книжки?
- Всеволод Иванов выпустил новую книгу «Путешествие в страну, которой еще нет»...

И вдруг Сталин, разговаривавший с Горьким (у него был очень хороший слух), услышал мой шепот и сказал через стол:

Кстати, Всеволод Иванов. Что, совсем исписался?

Я хотел было защитить Всеволода Иванова. Однако Горький остановил меня и произнес фразу. Думаю, что она спасла меня позже:

— Имейте а аиду, Иосиф Виссарионович, Леонов имеет право говорить от имени русской литературы...

Сталин откинулся к спинке и секунд сорок неподвижно глядел мне в глаза. И я глядел ему в глаза. Нельзя было опустить глаза — это бы меня погубило, он подумал бы, что я в маске. Наконец Сталин медленно сказал:

> Леонид Максимович ЛЕОНОВ коренной москвич, родился в 1899 году в семье революционера. бывшего политического ссыльного. За долгую жизнь писатель создал огромное богатство — кпадезь отечественной и мировой литературы, работая практически во всех жаирах. Это сборинки рассказов: «Деревянная королева» (1923), «Гибель Егорушки» (1927), цикл «Необыкновенные рассказы о мужиках» (1928—1930); повести: «Петушихинский пролом» [1922], «Записи некоторых эпизодов, сдепаиные в городе Гогулеве Андреем Пвтровичем Ковякиным», «Конец мелкого чеповека» (обе — 1924), «Белая ночь». «Провинциальная история» [обе — 1928), «Саранча» [1930], «Evgenia Ivanovna» (напис. 1938; опубл. 1963), «Взятие Великошумска» (1944); пьесы: «Унтиповск» (пост. 1928), «Усмирение Бададошкина» (1929), «Поповчанские сады», «Волк» (обе — 1938), «Мвтель» (1940), «Обыкновенный чеповек» (1942), «Нашествие» (1942; Гос. пр. СССР, 1943; 2-я ред. 1964), «Ленушка» [1943], «Золотая карета» (1946; 2-я рвд. 1955; нов. ред. 1964); публицистические сбориики: «Статьи военных пет» (1946), «В наши годы» (1949), «Литературные выступпвния» (1966).

— Я понимаю...

— Но что происходило со мною все дальнейшие годы? — Продолжал рассказывать Леонид Максимович. — Книга выходила, ее тотчас же принимались бить, но затем внезапно брали под защиту. То же происходило с пьесами. На девятнадцатом спектакле был запрещеи «Унтиловск»...

Сталин в тот день, за обедом, подмигнул мне, выпив несколько рюмок водки:

- Леонов хитрит...
- Как хитрит, товарищ Сталин?!
- Водку не пьет.

На другой день мне предстояло писать сложное место в «Скутаревском» — сцену охоты на лису. И я сказал:

У меня впереди трудная глава. А завтра — работать...
 Понимаю, понимаю. — И через паузу: — «Унтиловска»?
 Значит, ои ожидал появления очередного «Унтиловска».
 В пьесе Репклаубов с Арадиоском положе «Ромента».

А в пьесе Редкозубов с Аполлосом поют: «Во рту сухо, в теле дрожь. Где же правда? Всюду — ложь...» Сталин мог принять это на свой счет...

 Я худо думал о своей участи, — заключил этот эпизод Леонов. — Особенно, когда исчезли Зазубрин, Пильняк и другие. А я всегда ходил с подмоченным задом. Мне было плоко. И только, по-видимому, горьковские слова спасли меня...

А в 1932 году неожиданно распустили РАПП. Причин было много. Но не повлиял ли и наш тот разговор со Сталиным? Мне рассказывал потом Двинский, помощник Сталина, что видел у него на столе роман «Вор», весь исчирканный красным карандашом...

Я тотчас позвонил Горькому. Подошел Крючков. «Ты читал постановление?» — «Какое?» — «О роспуске РАППа» — «Как?» Он бросил трубку и побежал докладывать Горькому. Значит, и Горький не знал. Не знал и Ягода. Все было сделано помимо Ягоды... Горький превосходно понимал зловещую роль РАППа, пытавшегося лишить писателя самого главного — творческой индивидуальности.

Олег МИХАЙЛОВ

ВОЙНЫ

PTMHBI

«Раздумья у старого камия» («Романгазета», 1987); киноповесть «Бегство мистера Мак-Киили» (1961; Гос. пр. СССР, 1977), романы: «Барсуки» (1924). «Вор» (1927; нов. ред. 1959), «Соть» [1930], «Скутаревский» [1932], «Дорога на океаи» (1935), «Русский лес» (1953; Лен. пр., 1957). Вышло пять собраний сочинений Леонида Леонова: первое (в 5-ти томах) в 1928-30 гг.; второе (в 5-ти томах) в 1953-55 гг.; третье (в 9-ти томах) в 1960-62 гг.; четвертое (в 10-ти томах) — в 1969—72 гг.; пятое (в 10-ти томах) — в 1981—84 гг. Герой Социалистического Труда, пауреат Леиииской и Государственных премий, академик, депутат Верховного Совета СССР в 1946-70 годах, ЛЕОНИД ЛЕОНОВ за семьдесят пет творческой деятельности издавался 288 раз на 21 языке народов СССР зарубежиых стран общим тиражом 18 756 000 экземпляров. Первая кинга писателя — «Петушихинский пролом» — увидела свет в 1922 году тиражом 3 000 экземпляров.

Составила Ольга МЕРКУЛОВА

K

АК Я РИСОВАЛ ЖУКОВА

...В 1945 году Павел Дмитриевич работал в Потсдаме над портретом маршала Г. К. Жукова. Он охотно вспоминал время, прошедшее вблизи этого замечательного человека. Восстанавливаю по записям рассказ Павла Дмитриевича о первой встрече с маршалом: «Одели меня в Москве в военную форму, и я стал как бы офицером. Отправили в Потсдам. Пришел я на первый сеанс, провели в комнату, где я должен был писать портрет. Чувствовал себя как-то неловко. Через несколько минут вошел Жуков, поздоровались. Крепкая, сухая уверенная рука. Спрашивает меня, давно ли, с каких лет я в Москве, когда уехал из Палеха. Отвечаю, и он говорит мне: «А я по своей корениой профессии ведь скорняк и до революции работал в меховом магазине, может быть, помните, у Китайской стены на углу был такой большой магазин?» Я отвечаю, что, как же, помню. В этом магазине при входе было чучело огромного сибирского волка. На это Георгий Константинович, усмехнувшись, сказал: «Да, как же не помнить этого волка, кор-р-рош был волчище, да ведь и скорняк-то оказался не плох». Мы вместе рассмеялись.

Писать портрет Г. К. Жукова мне было очень приятно. Фигура его, военная выправка, твердые суровые черты лица, уверенность позы и движений — все это было так отчетливо, так определенно, что само собою отображалось на холсте.

Был один случай, особенно поразивший меня в личности и характере полководца. Иду, спешу на сеанс. В доме, соседнем со ставкой Жукова, наши солдаты выкидывают из окон какойто бумажный хлам — старые книги и бумаги. Остановился я, поднял несколько листов, тонкую книгу большого формата. В книге как будто бы английский язык, а на листах, по-видимому — восточный какой-то. Подошел я к парадной двери дома, на ней бронзовая дощечка, разбираю, что на ней. Оказывается, хозяин дома — ученый, профессор, специалист по восточным культурам. Думаю, какую ценную библиотеку наши солдаты уничтожают, возмущаюсь, а что поделаешь! Волнуюсь, вхожу в комнату, где пишу портрет. Входит маршал и сразу ко мне: «Что с вами, плохо вам?» Отвечаю ему: «Вот какую картину сейчас я наблюдал», — и рассказываю ему, как листы книг, вероятно ценнейших, летели по ветру и падали на дорогу в грязь.

Помню суровое лицо маршала, блеск его глаз и как на

лице возникло подобие улыбки и он, усмехнувшись, сказал: «Да чему вы, Павел Дмитриевич, возмущаетесь, летят с плеч миллионы человеческих голов, а вы о каких-то бумагах беспокоитесь...» Суровый сделался, сел на стул, и я, взяв себя в руки, начал писать.

Не прошло, однако, и десяти минут, маршал встал и говорит: «Извините, я на минутку только отлучусь», — и вышел. Вскоре возвратился как будто успокоившийся, это и мне передалось, и, хорошо поработав, я закончил сеанс.

Выхожу на улицу. Человек двадцать солдат собирают книги и листы, разнесенные ветром, складывают в стопки, уносят в дом. Спросил одного, что это они делают. Маршал, говорит, приказал собрать и запереть в доме.

«Так вот для чего он уходил с сеанса», — догадался я. На следующем сеансе возник разговор об этом. Георгий Константинович сказал: «Я навел справки, что за человек жил в том доме. Оказалось — член Берлинской академии, крупнейший специалист по Индии. Хорошо, Павел Дмитриевич, что вы позаботились. Миллионы-то гибнут, а добро, народом созданное, надо беречь. Надо!»

— А я подумал, — улыбнувшись, сказал Павел Дмитриевич, — хороший, правильный человек Жуков, наш маршал».

Известно, что Георгий Константинович, посмотрев законченный портрет, одобряюще заметил: «А лицо-то у меня вы изобразили полевое», — и потом пояснил, что такое выражение лица бывает у командного состава на поле боя.

Несколько раз приходилось мне слышать от Павла Дмитриевича, что над портретом Жукова он работал с большим подъемом духа и считал его очень удачным.

В 1965 году, когда отмечалось 20-летие Победы, Павел Дмитрневич рассказывал, как встретили Жукова на собрании Генералитета Советской Армии в Москве, как маршал вошел в зал, несколько задержавшись, как сел, стараясь быть незамеченным, в последнем ряду и в какой экстаз пришли присутствующие, когда председательстаующий — маршал Рокоссовский объявил, что на собрании присутствует маршал Жуков.

«Его на руках принесли в президиум и разрешили говорить без регламента. Конечно, все это справедливо, по заслугам», — говорил Павел Дмитриевич.

Из воспоминаний П. Т. КОРИНОЙ.

ЕСГИБАЕМАЯ РУСЬ

Отец не писал войну в ее страшном и натуральном обличьи. Батальные сцены, поля мертвых, торжество победителей не стали темой его картин даже после поездки под Сталинград.

Несдавшийся народ, «упрямая, несгибаемая Русь» — вот чему стремился он найти адекватное образное воплощение в полотнах военного лихолетья.

Мужеством и силой дышат его мужицкие портреты этого времени, особой трепетной нежностью наполнены милые его сердцу пейзажи Прислонихи.

Трагической антитезой предстают перед зрителем тихая жизнь российских просторов и бессмысленное злодейство вторжения, соединенные художником в известном полотне «Немец пролетел» (авторское название). Вот как отец вспоминает работу над картиной:

«...Написал я ее в 1942 г. Жил тогда дома, в своем родном селе Прислониха, верст за 60 от Ульяновска, куда я всю жизнь имел обыкновение приезжать в мае, уезжать в ноябре. Наслышавшись с начала войны о всяких фашистских зверствах над беззащитным населением, я довольно живо стал предстаалять себе, как бы это могло иметь место и в нашей Прислонихе. Как всякому художнику, мне, естественно, котелось показать все это изуверство как бы воочию нашему

зрителю. Осень тогда у нас стояла тихая, златотканая, удивительно душевная, теплая. Я люблю осень, всегда испытываю в это время страшно приятное, особое состояние творческого возбуждения. И вот шло что-то непомерно свирепое, невыразимое по жестокости, что трудно было даже толком осмыслить и понять даже при большом усилии мысли и сердца, и что неотвратимо надвигалось на всю эту тихую, прекрасную, безгрешную жизнь, ни в чем не повинную, чтобы все это безвозвратно с лица земли смести, без тени милосердия вычеркнуть из нашей жизни навек. Надо было сопротивляться, не помышляя ни о чем другом, надо было кричать во весь голос...

Надо было облик этого чудовища показать во всем ему вопиющем о беспощадной мести обличьи. Под влиянием примерно таких мыслей и чувств, общих тогда всем нам, русским, стали у меня зарождаться один за другим эскизы на данную тему, и на одном последнем варианте, показавшемся мне наиболее лаконичным и выразительным, я остановился и тотчас принялся писать подготовительные этюды. Эта предварительная работа заияла у меня недели три. Все, что изображено на картине, сделано по очень тщательным этим этюдам, работу над которыми пришлось прекратить из-за начавшегося ненастья и холодов. Саму картину я писал только 5 дней. 4 дня она у меня сокла перед тем, как везти ее в Москву, где я думал по ней перед выставкой проитись поосновательнее, но я запоздал с приездом и на другой же день, как приехал, я должен был сдать ее на выставку. Картина имела известный успех у зрителя. Сам я ее тоже люблю, душевно она очень меня измучила с момента ее зарождения в эскизе до ее окончательного завершения. Декабрь 1955 г.»

Какой-то особенный лиризм цвета наполняет жизнь его полотен, вопреки грозному голосу войны. Сохранились в переписке строки, посвященные картине «Суббота», которые говорят нам о мировосприятии художника: «...в общем — тот пейзаж, что виден, если идти к речке... четверо бань, сани, лошаденка, накрытая чапаном, через речку — мостки, налево стволы ветел и кустов, холодноватое золотисто-розоватое небо, жемчужно-перламутровый снег и нежное дымчато-розовое с легкими зеленовато-золотистыми тенями пятно тела девушки, темные серовато-теплые силуэты бань, дерюга на санях, золотистая сивка, тускло-зеленоватая с опаловыми переливами вода в речке, кружево ветел — все мне это родноственность по половыми переливами вода в речке, кружево ветел — все мне это родноственность по половыми переливами вода в речке, кружево ветел — все мне это родность по половыми переливами вода в речке, кружево ветел — все мне это родность положения положения переливами вода в речке, кружево ветел — все мне это родность по положения переливами вода в речке, кружево ветел — все мне это родность положения переливами вода в речке, кружево ветел — все мне это родность положения переливами вода в речке, кружево ветел — все мне это родность положения переливами вода в речке, кружево ветел — все мне это родность положения переливами вода в речке переписы по положения переписы переписы

и близкое до последней степени...» (из письма Н. П. Пласто вой 31.12.1944 г.)

На примере картины с убитым мальчонкой художник убеждается в силе воздействия пейзажа-образа и последовательно в цикле работ стремится к нему.

Хмурые леса, укрывающие его «Партизан», печальные осенние горизонты над убитым подпаском, необозримость хлебного поля под серебряным светом августовского неба в «Жатве», полный солнца, цветенья трав, шумящий березовой листвой «Сенокос» — всякий раз пластовский пейзаж утверждает жизнь наперекор дьявольскому шествию смерти.

В 1944 году он «вплотную взялся за работу над эскизами и окончательным сбором материала» к «Сенокосу». Работа над картиной продолжалась и в 1945 году

«...Я, когда писал эту картину, все думал: на, теперь радуися, брат, каждому листочку радуйся — смерть кончилась, началась жизнь. Лето 1945 года было преизобильмо травами и цветами в рост человека, ряд при косьбе надо было брать в два раза уже обычного, а то, где место было поглотнее, и косу как бы не протащить, и вал скошенных цветов не просушить.

А ко всему тому косец пошел иной: наряду с даужильными мужиками-стариками вставали в ряд подростки, девчата, бабы. Ничего не поделаешь — война. Кто покрепче, был в алмии

Но несказанно прекрасное солнце, изумруд и серебро листы, красавицы березы, кукование кукушек, посвисты птиц и ароматы трав и цветов — всего этого было в преизбытке.

В конце августа 1945 года я начал вторую картину «Жатва». Писал одну и другую одновременно. Как и многие другие за мыслы моих картин, тема «Жатвы»... зародилась давным давно, в 30-х годах... Как-то в тусклыи холодноватый авгус товский день я, бродя по ржаному полю, набрел на ту прибли зительно сценку, какая изображена у меня на картине. В тот же день, вечером, я сделал эскиз в ладонь, на другой день начал рисунки, подкрашенные акварелью, и дней через пять начал картину... Мотив очень соответствовал моему взгляду на некоторые вещи. Передо мной возникла та упрямая, не сгибаемая Русь, которая в любом положении находит выход и обязательно решает поставленную историей задачу...» (Из автобнографии).

н. а. пластов

З АГОРСКИЙ СЮЖЕТ

...Однажды, весной 1945 года, идя по Загорску, Лактионов встретил солдата в выцветшей запыленной гимнастерке, с перевязанной рукой, опирающегося на палку. В руке солдата было письмо-треугольник. Он посматривал на номера домов и на адрес на конверть.

Лактионов разговорился с солдатом, тот рассказал, что в госпитале познакомился с товарищем по палате и тот просил передать письмо родным в Загорск. Товарищ говорил, что очень давно не получал вестей из дома, не знает, живы ли его родные и получали ли его письма. Лактионов проводил солдата и видел, как ему открыла дверь женщина, на лице ее была радость и надежда.

Художник стоял около этого дома в глубоком раздумье. Вот что надо изобразить — радость встречи с человеком, принесшим письмо от сына, мужа или отца, думал он. Сюжет подсказала ему сама жизнь. Так родилась мысль о создании будущей картины «Письмо с фронта»...

Вспоминая то время, Александр Иванович говорил, что ему «очень везло». Так, во время работы над картиной к нему зашел показать свои этюды местный художник В. И. Нифонтов. Он недввно вернулся с фронта и был в военной форме. Александр Иванович, посмотрев работы и поговорив с ним,

попросил его позировать для своей картины. Он согласился Когда Нифонтову перевязали бинтом руку, дали палку, и он встал на крыльцо, Александр Иванович увидел в нем солдата, натолкнувшего его на эту композицию.

Так же приехавшая к этому времени сестра матери художника Евдокия Никифоровна стала позировать для первопланной фигуры женщины, держащей конверт. Письмо чи тает сын художника Сережа, которому в то время было 7 лет Для фигуры девушки-дежурной ПВХО в центре картины позировала соседка. Девочка на первом плане — дочь художника Светлана. Своих натурщиков Александр Иванович писал прямо в картину, они позировали поодиночке, иногда он собирал их всех вместе и проверял композицию картины.

Работал над этой картиной А. И. Лактионов два года, с ранней весны сорок пятого...

«...Работа шла легко, с вдохновением и большим радостным подъемом...», — вспоминал художник.

Картина экспонировалась на Всесоюзной выставке в 1948 году, она явилась началом нового подъема в развитии бытового жанра в советской живописи...

Из записок Д. М. ОСИПОВА.

П. Корин. Портрет Г. К. Жунова. 1945 г.

Н. Пластов. Фашист пролетел. 1942 г.

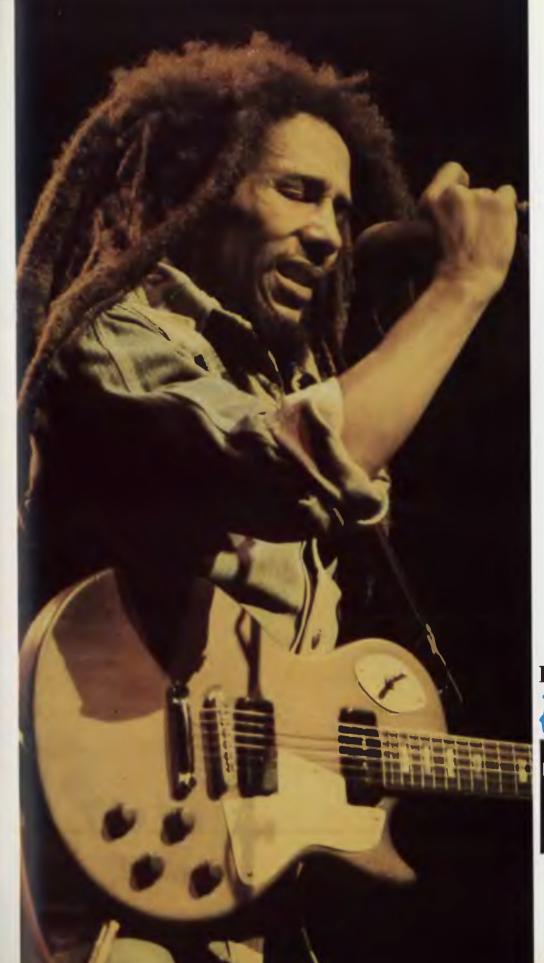
А. Лактионов. Письмо с фроита.

Bryan Ferry
ROCK
IN ORBE
LIBRORVM

IN ORBE LIBRORVM

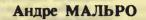
Bob Marley
ROCK
IN ORBE
LIBRORVM

Mick Jagger

IN ORBE

LIBRORVM

Шарль де Голль и Андре Мвльро

Андре МАЛЬРО [1901—1976] — один из ярчайших талантов на французском литературном небосводе XX века был человеком, о котором слагались легенды. В 20-е и 30-е годы он прославился квк автор сенсационных ромвнов о революционных процессях в Китае. Тогдв же, в 30-е годы, Мальро вктивно учествовал в антифацистской лолитической борьбе, в лосле франкистского лереворотв создал боевую эскадрилью и в качестве ее командира отправился служить Испвиской республике, о чем влоследствии рассказал в свовй книге «Надежда». В годы второй мировой войны Мальро сражался сначала в лодполье, позже командовал полком регулярной французской врмии. В конце 40-х он вновь оказывается в самой гуще политической жизни: министр пропвгвиды в коалиционном правительстве в 1948 году; с 1953-го по 1969-й — министр культуры Франции. Он проявлял большой интерес к нашей стране, ее историческим и культурным традициям; не раз посещал Советский C0103.

Кроме ромвнов «Завовватели», «Королевская дорогв», «Условия человеческого существования», «Надежда», «Орешинки Альтенбургв», нескольких теоретических работ по искусству, им написан ряд сочинений мемуарного жанра, составивших книгу «Зеркапо преддверья», которая содержит галерею интереснейших портретов государственных деятелей, в том чиспе Шарля де Голля, выдающигося государственного деятеля Франции, одного из руководителей антигитперовской коалиции, человека сложной и интересной судьбы. В течение многих лет Мальро «стовл» рядом с де Голлем, был его верным соратинком. Предлагаем визманию читателей фрагменты эссе А. Мвльро о Шарле де Гояле, из сборника «Зеркало пимба», готовящегося и печати в издательстве «Прогресс».

врагом. Мао-Цзедуи назвал мне его имя прежде, чем упомянуть о Франции. Прошлое высветляет иациональную позицию коммунистов гораздо лучше, чем настоящее. В 1945 году они хотели амнексировать все направления движения Сопротивления во имя патриотического и либерального коммунизма, подобного Пражской весне. Но какой идиот способен сегодня поверить, что Сталии в 1945 году потерпел бы Парижскую весну? Речь шла отнюдь не о розах, а о настоящем сталинизме, а генерал видел Сталина вблизи.

Не пожелав отдать Торезу и Дюкло ключевые министерства, которых те добивались, ои сказал им: «Вы сделали ваш выбор, я же ие имею права выбирать». Они увидели в этом обман, но это была сама суть его мысли. В какой мере надеялся он, что в иовом государстве ему удастся, если уж не привлечь коммунистов на свою сторону, то по крайней мере установить с ними благодаря франко-советскому договору определенный modus vivendi? Они шли за ним и в Лондоне, и в Алжире, и в период Освобождения. Правда, не без задних мыслей. Однако Патриотическая милиция была уже распушеив, а Восстановление продолжалось...

Он выписал фразу Леиина о том, что всякая революция завершалась усилением власти государства. Ему было известио, как Ленин вслед за Энгельсом и Марксом бичевал государство, поскольку он читал все написанное о государстве. Нередко он смотрел на коммунистов так, как марксист смотрит на идеалистов. История посмеялась то над теми, то над другими. Его перспектива озадачивала их, как все у противника, не укладывающееся ни в рамки капитализма, ни в рамки консерватизма. Но и они тоже озадачивали его. Однажды я слышал, как он спрашивает скорее у себя, чем у Дюкло: «Как будет выглядеть коммунизм через пятьдесят лет?» «Все так же!» — твердо ответил жизиерадостный тулузец. Когда Дюкло ушел, генерал спросил меня: «И он верит в это?» «Конечно: вы же их враг, а то, что они говорят врагу, всегда становится правдой». «Сколько же надо было приложить труда, чтобы разувериться во Франции и в конечном счете поверить в Россию! Впрочем они работают, заставляют работать других, а значит нужны Франции, как и все остальные. <...>

«Мемуары» обязывают обратиться к прошлому. События, соприкасающиеся с легендой, обещают непредсказуемое, отодвигают исполнение судьбы. В этот час генерал де Голль, наверияка, кружит в рамках своей непроницаемой мысли, как и в своем кабинете с опущениыми шторами, создававшими барьер между ним и снежной ночью. Размышляет о стечении обстоятельств, о самом себе, о том, что главному суждено воскреснуть. «Мемуары надежды». Он изучил Европу, возникшую после наполеоновских войн. «Когда Франция вновь станет Францией, отправной точкой будет то, что я сделал, а ие го, что делается после моего ухода»... В музее Дома инвалидов, на выставке Сопротивления, перед изрешеченным пулями столбом, у которого расстреливали наших бойцов, перед нашими подпольными газетами, генерал, твк же, как и я в 1945 году, сказал организатору выставки: «Газеты очень хорошо отражают то, что участники Сопротивления говорили, но слишком плохо то, как они сражались и умирали. Не оставалось никого кроме них, чтобы продолжить войну, начатую в 1914 году: н бойцы Бир-Хикейма**, и бойцы Сопротивления были прежде всего свидетелями». И он тоже. Оставшись наедине с собой в Коломбе, между воспоминаниями и смертью, похожий на вождей палестинских рыцарских орденов перед гробом господним, он все еще остается вождем ордена, называемого Францией. В силу того, что он взял на себя ответствениость за ее судьбу? Потому, что на протяжении стольких лет он нес на вытянутых руках ее труп, веря, заставляя верить весь мир, что она жива? Только что, когда он поднял руки перед окиом и перед снегом, казалось, что он ее несет: «Это великие похороны». Он пережил тех, против кого сражался: Гитлера, Муссолини, пережил и своих союзников: Рузвельта, Черчилля, Сталина. Пережил, испытывая те же чувства, что и наполеоновские генералы, говорившие

 Франко-советский договор был заключен в 1944 году во времи визита генерала де Голля в Москву. в 1825 году: «Во времена Великой армии...» Все эти дружественные или враждебные тени играют на земных просторах своими черными картами, где попадаются и джокеры. Европа в огне, самоубийство Гитлера в бункере, остановившиеся поезда, в знак траура по Сталину долго гудящие в сибирском безлюдье... А может быть, он думает о «великой эпохе», а не о великих людях? О том, как после 1815 года судьба мира подала в отставку. Однако он не утерял веру в непредсказуемое, в игру случая, залогом в которой — Франция. Конечно же, ему не чужды грезы, и, очевидно, он с мрачной гордостью несет в себе одну невысквзанную мыслы: «Если последний акт того, что было Европой, уже начался, то по крайней мере мы не дали Франции умереть в сточной канаве».

Однако для того, чтобы она поняла, что он хочет ей завещать, возможно требуется нечто большее чем обладать властью, и даже большее, чем отойти от власти, — нужно умереть.

Коломбе, 13 ноября 1970 года

Десять минут спустя после его смерти врач покидает Буассри, чтобы отправиться лечить дочерей одного железнодорожника. Г-жа де Голль просит одного из столяров снять с пальца генерала обручальное кольцо; едва закончив свою работу здесь, столяры должны идти к г-же Плик, муж которой, крестьянин, тоже только что умер... Сегодня, в пасмурный день похорон, я спешу на похоронный звон Коломбе, которому отвечает звон всех церквей Франции, а в моей памяти всех колоколов Освобождения. Я видел открытую могилу. два огромных венка: Мао-Цзедун, Чжоу-Эньлай. В Пекине над «Запретным городом» траурные флаги. В Коломбе, в маленькой церкви без прошлого соберутся прихожане, семья, Орден: рыцарские похороны. Радио сообщает, что в Париже, на Елисейских полях, по которым он некогда прошел, сверху вниз, из-за спин морских пехотинцев почетного караула снизу вверх тянется молчаливая людская процессия. А здесь, в толпе, какая-то крестьянка в черной шали, похожая на коррезских крестьянок времен войны, кричит: «Почему меня не пропускают! Он сказал: все! Он сказал: все!» Я кладу руку на плечо моряка: «Пропустите-ка ее, ему бы это было приятно: в ее словах сама Франция». Не произнося ни слова, почти не шевелясь, он пропускает ее, и кажется, что он отдает почесть жалкой и верной Франции — женщина, ковыляя, торопится к церкви впереди рычащего танка, везущего гроб.

Елисейские поля

Тень ста знамен скрывает всех, кто их несет, за исключением первого ряда. Все старые промокшие под дождем штандарты, выпрямившиеся в ночи, а тишине, нарушаемой звоном сотрясающихся от медленного шага наград, движутся вперед. как деревья шекспировских лесов. Освещена только Триумфальная арка; река течет во мраке, кое-где разрываемом освещенными окнами редких лавок. Ночь представлена трижды: поздним часом, освещением Триумфальной арки и сгустившимися тучами, образовавшими завесу дождя над людской лавой, сжатой с обеих сторон массивными изгородями из стоящих на тротуарах зрителей. Одни тени смотрят, как текут другие тени. Это не демонстрация - люди, заполнившие из конца в конец авеню, говорят лишь вполголоса. Но это и не похороны — гроба пет. Это траурный марш к Арке, ставшей гробницей, к большой орифламме, которая дрожит в лучах прожекторов, голубые, белые либо красные пучки которых до самых облаков высвечивают в свинцовой тьме капли дождя, подобно тому как лучи солнна невозмутимо освещают вечные атомы.

Репортер «Радио-Люксембурга» с маленьким микрофоном в руке подходит к коллеге, и тот шепчет:

— Ну что они тебе рассказали?

— В основном говорят женщины. Что до мужчин, то многие из них на вопрос: «Вы голосовали за?» посылают подальше! Похоже, голосовали они против, а женщины, те все говорят приблизительно одио и то же: «Мы все ему обязаны!» или «Дождь не дождь, а мы пойдем до конца!» Одна мне сказала: «Бросать цветы, это должно быть идея госпожи де Голлы только женщине придет в голову такое!..» Другая, с «Юманите» под мышкой, — «Я пришлв сказать ему: прощай». А одна

старушка, бедняжка, которой я предложил: «Дайте мне ваш цветок, я положу его одновременно с моим», ответила: «Не надо: три года в Равенсбрюке, три часа под дождем, выдержу». А ты?

— Я записывал в очередях: около цветочниц фиалками в Шатле, на улицах — везде одно и то же. Совсем маленькие девочки, и те говорят, что запомнят. Одна мне сказала: «Как жаль, что он нас не виднт!»

Она ошибается: покойный генерал вслушивается в это молчание, которое беспорядочно мнут сотни тысяч шагов. Здесь его присутствие ощущается сильиее, чем в Коломбе, если не считать того момента, когда женщины из Коломбе подняли на руках детей рядом с выезжающим из Буассри танком. Дождь усиливается. У многих в руках споженные зонты (раскроют, когда церемония закончится?). Медленно кружатся людские водовороты, выходящие из боковых улиц, из домов, из метро. Ночной марш останавливается. Сквозь дождь пробивается «Марсельеза». Хризантемы, гвоздики, ветреницы, букеты фиалок начинают переходить из рук в руки, в сторону Триумфальной арки. Эти цветы не принадлежат больше никому: земля отдает почести смерти.

Кортеж вновь трогается в путь и шаг за шагом продвигается в глубокой траурной ночи. Погибшие в лагерях женщины, у которых не было иных цветов, кроме тех, что они выращивали для своих палачей, сопровождают этот молчаливый кортеж. Некоторые из них не были голлистками. Мокрые от дождя цветы предивзначены всем.

Многие из тех, кто медленно идет сейчас к Арке, во время майской демонстрации в 1969 году были здесь, многие — в рядах их противников на площади Бастилии, многие — были здесь тогда, когда генерал де Голль спускался по Елисейским полям впереди перепачканных губной помадой солдат. Этот кортеж еще глубже уходит в прошлое, чтобы соединиться там с тем кортежем, который отдавал последние почести Виктору Гюго. Поэт в течение двадцати лет говорил «нет» Империи, поражению, репрессиям. Еще глубже в ночи веков можно различить и «нет», у которого нет возраста. Этот кортеж поднимается к Арке подобно тому кортежу в Фивах, что напраалялся к могиле Антигоны. И Неизвестиый солдат, над которым гневно трепещет пламя, тоже оказывается одним из тех, кто кричал «нет», и все они сменяют друг друга над иочиой волной живых, над подземной рекой покойных. Вместе с одетыми в черное женщинами из Корреза, стоящими перед семейными могилами и чествующими убитых оккупантами, погребенных макизаров. Вместе с крестьянами, положившими килограмм драгоценнейшего тогда сахара под деревянный крест наших расстрелянных товарищей. Сколько женщин! Мужчины не умеют нести цветы: как бы далеко ни полнимались мы к истокам нашен памяти. Женшин, несущих дар, порой с риском для собственной жизни, всегда больше, чем мужчин. Бухенвальд и Лахау тоже поднимаются к похоронному ковчегу, вместе со всеми их тенями, решившими принять смерть, и даже больше, чем смерть. Наши танкисты, машинистки, прятавшие наши передатчики, сонмы замученных в неволе. Политика в конце концов утратила свой смысл: муниципальные советники коммунисты тоже здесь. Женщины, несущие маленький флаг с лотарингским крестом, отдают половину букета соседкам с «Юманите» а руках, которым не досталось цветов. Речь идет уже не о голлизме и даже не о Франции. Те, кто бредет в дождливой ночи, принадлежат к единому братскому союзу, о существовании которого они узнают от покойного, гроба которого здесь нет. К тому же союзу, к которому принадлежат наши товарищи, выкрикивавшие его имя в момент расстрела.

Служба порядка, без униформы, только с повязками, направляет поток к ковчегу, гораздо более узкому, чем улица. Блестящая от дождя площадь отражает Триумфальную арку. Те, кому пройти дальше не удалось, сложили свои цветы под «Марсельезой» работы Рюда. Кортеж продвигается вперед. Хиппи распахивают свои пончо и извлекают хризантемы. Большое знамя, в котором пытаются спрятаться голуби, наполняет гулкий ковчег своим влажным клопаньем. Над головами хиппи уходят в тень списки наполеоновских битв, похожне на траурное бдение побед. Живые бросают цветы, а пламя, то поладющее, то вздымающееся вверх, погружает во тьму и вновь освещает их мокрые от дождя лица.

Перевод с французского В. А. НИКИТИНА.

е Голль весьма рано

столкнулся с оппозицией прессы. Беспрерывно нападая на

приписываемый генералу предфацизм и при этом апелли-

руя к добродетельной демократии и политической мора-

ли, газеты в течение многих лет выражали порицапие, ко-

торое будучи весьма распространенным среди интелли-

генции, на настроение населения в целом по стране не

влияло и самим генералом во внимание не принималось. По-

тому что единственной партией, предлагавшей создать аль-

тернативное правительство, были коммунисты, но создать его

в одиночку не могли. <...> По существу же альтернатива в

серьезных обстоятельствах так ни разу и не представилась.

На вопрос: «Что делать?» в смысле действия, ответ всегдв был

Интеллигенция практически не прекращала своего диалога

глухих, где в качестве аргументов постоянно фигурировали

«фашисты» и «ГПУ»! То было совершенно идиотское навя-

зывание доктрин, потому что голлизм, явившийся ответом

на кризисиую ситуацию во Франции, не имеет ничего обще-

го ни с одной из политических систем. <...> Его недовер-

чивая мысль не желала отождествляться с какой бы то ии

было системой. Ему настолько неприятно само это слово,

само это понятие, что в течение долгого времени «системой»

он называл парламентский режим. Он гораздо меньше за-

ботился о том, что предстааляет собой история, государство

или же он сам, чем о том, что он должен с этим делать. Ему

очень понравилось процитированное миой выражение Будды:

«Если ты видишь, что в твоего друга попала стрела, то ста-

нешь ли ты размышлять о сущности лука или же вырвешь

стрелу?» Он так же котел власти Франции, как Маркс власти

пролетариата, а Моррис власти монархии, но его Франция

не была понятием. Его собеседником была не столько исто-

Победа марксизма состоит, разумеется, не в том, что он

обратил в свою веру Запад, а в том, что для стольких жите-

лей Запада он сделал поставленный им вопрос главным, осно-

вополагающим. Однако доктрину, даже очень важиую, нельзя

противопоставлять действию, даже если оно и выглядит как

модель. Генерал не превратил свои проблемы, и, в частности,

проблему государства, в постулаты: путь к его идеям лежит

через принятие его мифа и зачастую на этом и держится.

Какая-либо ориентация на марксизм ему чужда. Взгляд на

историю как на судьбу напоминает ему исторические взгляды

Руссо; будущее представляется ему вовсе не благоприятствую-

щим, а враждебным, и он не верит, что история сама по себе,

как бы она ни развивалась, поможет Франции вновь занять

в ней и сохранить достойное место. Марксизм отныне за-

игрывает с таниственным национальным фактором, который

генерал считвет центральным в нашем столетии, котя никто

еще не определил его коитуры. Становление нации по терри-

ториальному принципу? Алжир, который никогда не был на-

цией, становится ею. Станет и Вьетнам, неважио какой. В Аф-

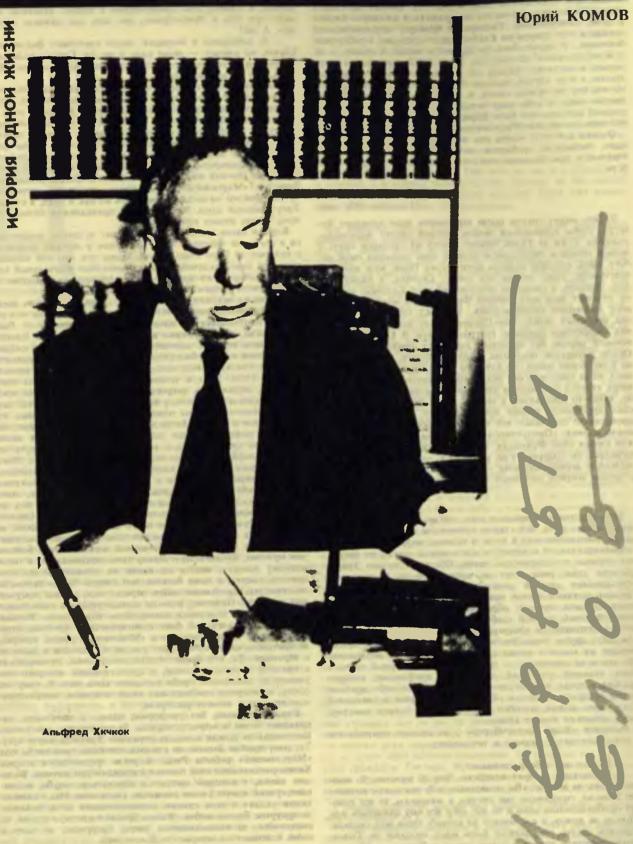
рике с трудом идет рождение федерации, а нации прямо ки-

шат. И ни одиа нация никогда не считала де Голля своим

рия, сколько Общественное спасение.

олин и тот же: писать статьи.

^{••} Бир-Хикейм — местность в Ливии, где в 1942 году французская воинсквя часть оквзяла успешное сопротивление немецким и итальянским войскам и, выйдя из окружения, соединилась с англичанами.

ень следовала за мастером

неотступно, не отпускала ни на шаг. На Западе его называли «Шекспиром кинемвтографа», а советских зрителей им стращали как воплощением свинцовых мерзостей капитализма. Там его, благодвря телевидению, каждый знал в лицо, здесь многие и не слышали это имя. Голливуд рекламировал его работы, отдавал ему своих лучших исполнителей. а наши киноведы говорили о деградации художника, охвачеиного противоестественной страстью к изображению зловещих фигур преступных маньяков, чудовищ-монстров и прочих вампиров, главных героев фильмов ужасов. Ярлыков было миого, но самих произведений мастера у нас в стране почти никто не видел. Лишь в прошлом году в рамках «Золотого Дюка» в Одессе была представлена ретроспектива кинолент режиссера, которому импонировало, что его сравнивали с Эйзенштейном и Пудовкиным, чьи работы ои зиал прекрасно и увлеченно мог говорить в иесведущей американской аудитории об удивительном мастерстве авторов «Броненосца «Потемкии» и «Ма-

Тень считала, что она больше мастера, а стало быть, значительней его, она — его «черный человек». Работы художника по достоинству оценили коллеги, в тень заслонила собой целый зрительский мир, по ней судили о нем даже там, где его иикто не видел. Случайные люди склоняли его имя, пускали в кол имевшиеся под рукой этикетки, а он и не ведал о том: продавали тень, она все сносила. И была безукоризненна, как всякое бесплотное создание. А он не укладывался в ствндартные рамки. Свои страхи и духовиые кризисы мог превращать в мощное, притягательное для масс некусство, при этом постоянно балансировал на грани творческого созидания и подсознательного разрушения. Художник-страдвлец и опытный делец, производящий кодкий товар, волшебник сладких кошмаров, маг бессоиных ночей, проведенных над леденяшими душу повествованиями, и циннк до мозга костей, голливулский шоумен и вместе с тем великий мастер, он и в каждодневной текучке, как в искусстве, был вбсолютно разиым: мрачный тип и обаятельный шутник, романтик и приспособленец, светский человек и застенчивый одиночка. Все слилось в нем воедино — силы хаоса, жестокости мира и вселенского разочарования и идея порядка, порывы доброты и милосердия, творческого оптимистического экстаза.

Когда мастер говорил со миой (до того, вместе с другими, не один час провел я в полиых залах, виимавших ему), казалось — тень все время рядом. Она опровергала его суждения голосами тех, кто слышал о нем от дежурных критиков, она спорила как профессионалы и люди случайные, что наконецто или экспромтом попали на просмотр его картин, она перекодила на жаргон киноведов, не желающих и по сей день (когда прошло 90 лет со дия рождения мастера) упоминать его имя, не исполнив предварительно обряд очищения: отринув его мифы, спикировав на его картины-откровения, обозвав их фильмами ужасов, уподобив творчество его известным «проискам реакции». А может быть все проще — не знали его, да и зиать не котим. Джойс, Элиот, Паунд, Оруэлл, Набоков — сколько лет жили без них... и без вашего мастера... И все-таки читали из-под полы, и проходили в университетских курсах как декадентов, космополитов и прочую нечисть И вот теперь мы в темном зрительном зале, и выходит к нам он (и нет тени — без света), и ведет доверительный разговор.

ME W I BY X OF HER

7 марта 1979 года Америквиский институт кино проводил торжественный вечер — чествовали человека, который был удостоеи почетиой награды, присуждаемой раз в год: «за работу всей жизин». Лауреат (седьмой по счету в истории приза) стал известене в августе 1978-го. Съезжались гости — люди известные, кинозвезды и голливудские магнаты, все радостные, оживленные. И только сам ои был мрачен, чувствовал себя плохо, накануне даже заявил, что «не желает присутствовать на собственных похоронах». Но уговорили. Через пять дней всю церемонию передавали в записи по телевидению: редакторы поработали иа славу. Но и им не уда-

лось скрыть того, каких усилий стоило ему это мероприятие, как в буквальном смысле дотащился, выйдя под камеры, до кресла, как тяжело опустился в него: безмерным грузом давили годы. Рядом была жена Альма, друзья... А вела вечер Ингрид Бергман — давно знаменитейшая звезда, а он помнит ее почти девчонкой, юной шведкой, явившейся в Голливуд с другого континента. Милая Ингрид — она пытается шутить, хочет поднять его настроение, вызвать улыбку, расшевелить: поздно, слишком поздно, и он не желает выходить под юпитеры здаким бодрячком, пусть видят, что сдедало с ним время. Хотя любимый анекдот-быль он все-таки им расскажет, этот зпизод и пойдет в эфир для миллионов телезрителей, так полюбиации его страшные — бр-р — на ночь глядя рассквзаниые истории: вздрагиваешь от каждого стука, скрипа двери. Так вот — свой первый страх, ужас безмерный, испытал он в шесть лет, когда, набедокурив, был наказаи отцом весьма странным образом. Родитель послал его в полицейский участок с запиской к дежурному, в которой содержалась просьба посадить негодного мальчишку для острастки под замок. Провел он в одиночке минут 10-15, но такое помнится всю жизнь...

Алфред Джозеф Хичкок родился 13 августа 1899 года, третий ребенок в семье зеленщика из лондонского Ист-Энда. Предки-католики к аристократии вовсе не принадлежали и к искусству отношения не имели. Дед с трудом расписался на брачном свидетельстве, бабка и свидетели поставили крестик.. Сына Уильяма воспитали в строгости. И когда он сам обзавелся семьей, нравы в ней сохранил привычные. Каждый вечер перед сном дети исповедовались у постели матери в своих лневных прегрешениях. Чувство неизбывной вины сопровождало Алфреда Хичкока с детства (кстати, мать котела знать все его тайны, продолжала читать нравоучения и тогда, когда стал совсем взрослым). И каждое воскресенье -- обязательное посещение церкви: страх перед безумным и яростным миром усугублялся потенциальной карой божьей за непокорность и содеянное всуе. Молчаливым и замкнутым рос ребеиок, товарищами детских шалостей не обзавелся — привык быть дома, много читал, книг разных и познавательных. В 1910-м оказался в колледже Св. Игнатия, открытого отцамииезунтвми в конце XIX века. Послушание в стенах этого строгого учебного заведения почитал неизбежным, но, помимо богословских трактатов, жадно глотал Шекспира, Дефо, Диккенса. Скотта.

Шла первая мировая война. Умер отец. Надо было зарабатывать на жизнь. С 1915 года служил мальчиком на побегушках в телеграфной компании. Когда появлялось свободное время, кодил в киио — особенно нравились ленты известного американского режиссера Дэвида Гриффита (1875—1948): «Рождение нации», «Нетерпимость», «Сломанные побеги». Поражали неограниченные возможности нового, набирающего силы вида искусства, волновали воображение сцены и видения необычных действ и картии.

За книги садился при каждом удобиом случае: круг ввторов расширялся — Д. Г. Лоренс, Вирджкния Вулф, Джеймс Джойс, и «Портрет художника в юиости», л «Миссис Дэлло-уэй», и «Сыновья и любовники» приводили в восторт. Романы Стивенсона, Честертона, Флобера захватывали, Байрон и Вордсворт воодущевляли. Благоговейно преклонялся перед Эдгаром Алланом По. Через всю жизнь пронес увлечение работами мастера мистификации, гротеска и пародии на кошмары готических романов.

Уже овладев всеми приемами триллера, особого вида фильмов, вызывающих у зрителей активное сопереживание, сильные эмочии, развивая жанр, Хичкок говорил: «Увереи, что По занимает в мировой литературе особое место. В ием уживаются романтик и представитель современной литературиой волны». Хичкок и сам иаходился как бы между двух огней — его атаковали элые демоны и добрые духи, коварные привидения и простодушные тенн.

Над пераыми лентами — «Сад удовольствий» (1925), «Горный орел» (1926), «Жилец» (1926) — работал вместе с милой коллегой, киноредактором Альмой Ревиль. В 1926-м они поженились (и останутся вместе до конца). Свадебное путешествие во Франции и Швейцарии... л вновь работа, фильмы шли чередой — и каждый проект захватывал. Углетал лишь контроль со стороны администраторов. Иногда эло срывал на членах съемочной группы. Выливалось это, правда, ие в крикливые разгоны или жестокие капризы, проявлялось в

ADMITTALDS AND DESCRIPTION OF THE PARTY.

довольно оригинальной форме: неутомим был на розыгрыщи, объектом его странных шуток мог стать любой — чудачество это стало «второй натурой». Мог организовать доставку на квартиру сотрудника, хваставшего приобретенной злектроплитой, двух тонн угля, мог прислать в подарок актрисе, вместо цветов и драгоценного сувенира, живую старую клячу, мог пригласить коллегу на маскарад в дом, где давали в тот вечер официальный прием. А бедняге-оператору, с которым поспорил, что не проведет он благополучно ночь в пустом павильоне, дав приковать себя к камере, успел незаметно подсунуть слабительное: конфуз был жуткий. Дурачился Хичкок откровенно и от души. Иногда и в работах своих делал то же. Подобиых грубых шуток, впрочем, избежали знакомые писатели, с которыми поддерживал тесные отношения, - почтениые Джордж Бернард Шоу и Джон Голсуорси. Они не раз были гостями загородного дома в Винтерс Грейс, который чета Хичкоков приобрела почти сразу после свадьбы. Там было уютно и тихо. Альма ждала ребенка, это Хичкока слегка раздражало, но дивные окрестные пейзажи снимали напряженке. Дочь родилась в июле 1928-го.

Через год — почти запланированный успех очередного проекта: в уголовной драме «Шантаж» в полной мере использовал возможности звукового кино. Последовавшие затем картины «Человек, который слишком много знал» (1934), «39 шагов» (1935) упрочили авторитет Хичкока у критиков и популярность у зрителей: с чьей-то легкой руки стали величать его «Буддой британского кино». Именно тогда начал вырабатывать свой почти канонический образ-маску: «невозмутимый маэстро мрачных эстетизированных кошмаров». Во всех лентах английского периода творческой деятельности Хичкока прослеживается интересная закономерность, которая станет доминирующей в его американских работах: все крупные и мелкие экраиные конфликты, раскрываемые им, детективные схватки и коварные планы легко вписывались в довольно традиционную теорию борьбы за выживание только Хичкок, как правило, ставил в центр картины конкретный эпизод, а не всемирные волчьи законы.

И логика его как художинка была проста: на свете происходят вещи самые невероятные, и мы не можем закрывать на это глаза, а стало быть — обречены жить с сознанием того, что в любой момент каждому представится случай (независимо от желания) стать не только свидетелем, но и непосредственным участником страшных катастроф и необъяснимых катаклизмов. Впрочем, Хичкок мрачными апокалипсисами не злоупотреблял: давно замечено, если сосредоточимся лишь на мысли о выживании, станем думать о том постоянно, бояться, что грянет с неба кирпич и разлетится все в прах, — долго вряд ли протянем. Но почему же спешат тогда люди в темиый кинозал, где ждут их кинематографические ужасы Хичкока, хотя с реальными им не сравниться?

Одна из причин парадокса установлена определенно: люди знают, что кино — «безопасно», что события в фильме вымышлены, хотя и соотнесены с окружающей действительностью. Убийца, насильник, вор, шпион — все это люди реальные я даже осязаемые, но на экране они — лишь образы. И стало быть, сопереживая нафантазированные авторами были-небылицы, зритель как бы становится участником увлекательной игры, где жизнь ему гарантируется, а крупные неприятиости происходят понарошку. Но нервы любая кинематографически «нестандартная» ситуация щекочет как взаправду. Именно такое эскапистское кино проповедовал во все времена официальный Голливуд, к этому стремились умиые деловые люди. И вот потому-то, поняв свои большие возможности и уяснив цели, признаиный в Англии «режиссером номер один» Алфред Хичкок еще в 1937 году совершил вояж в Соединенные Штаты, о жизни которых имел весьма приблиительное представление, познакомился с положением дел на месте, провел соответствующие переговоры, а в 1939-м, продав недвижимость, навсегда перебрался за океан.

Америка встречала восторженно, почитателей его таланта оказались толпы. Выгодное предложение о сотрудничестве поступило от Дэвида Селзника, крупного голливудского дельца и продюсера таких известных лент, как «Кинг Конг», «Дэвид Копперфилд», «Аниа Каренина». Первой американской картиной Хичкока стал фильм «Ребекка» по роману Д. Дю Морье, право на экранизацию которого приобрел Селзник Режиссер был готов приступить к работе над проектом незамедлительно, но Селзник выпудил Хичкока сделать длииную

паузу. Продюсер был так увлечен своей грандиозной идеей осуществления экранизации романа Маргарет Митчелл «Унесениые ветром» (фильмом, вошедшим в сокровищиицу мирового киноискусства), что отложил все текущне дела: ему было просто не до Хичкока. Проходили дни — читал на досуге лекции по истории театра, поражал своими фундаментальными знаниями в этой области. Затем отправился с семьей в курортиое местечко Сан-Вэлли, где познакомился с Эрнестом Хемингузем, который только что вернулся из Испании и заканчивал «По ком звонит колокол». «Папе» Хэму ленты Хичкока нравились всегда: он ценил английский юмор и то, что режиссер не забывал о нем в фильмах по сути своей мрачных и трагических. Хемингуэй, не раздумывая, предложил Хичкоку рассмотреть возможность экранизации его нового произведения. Но Хичкок осторожно ответил, что в политику не ввязывается и ничего в ней не понимает. Так закончилась первая встреча. Через четыре годв, увидев «По ком звонит колокол» на экране, Хичкок возобновит контакты с писателем, они выразят намерение «сделать что-нибудь вместе», хотя планам этим так и не суждено будет осуществилься

ФЛАЖКИ НА СНЕГУ

Америка жила своей жизнью, а в Европе бушевала война. В Голливуде стали появляться ленты, в которых художинки ие только пыталнсь осмыслить происходящие события, но и показать, какую угрозу представляет фашизм. В работах Хичкока этого периода, однако, вопросы политики отступали иа второй план — детально разрабатывались психологические коллизии. Антифашистские мотивы возникали и в мелодраме «Иностранный корреспондент» (1940), и в драме «Спасательная шлюпка» (1943), и в детективе «Дурная слава» (1946), но оии не стали главиой темой. Эта своего рода «нейтральная позиция» одного из известиейших английских режиссеров, работающих за океаиом, стала вызывать нарекания у его соотечественников. Хичкока обвиняли в отсутствии патриотизма в тяжелую для Англии годину. Утверждали даже, что он «дезертировал» в Америку.

Над сценарием фильма «Спасательная шлюпка» работал вместе с Джоном Стейнбеком, знаменитым автором «Гроздьев гнева», этой американской иародной эпопеи. А вот Хемингуэй, которому Хичкок, памятуя старую договореиность, предложил встретиться в Майами и обсудить проект, отказался, времени ие было. Хемингуэй в 1942—1943 годах был поглощен охотой за немликими подводными лодками, крейсировавшими неподалеку от кубинского побережья. Его знаменитый катер «Пилар» переоборудовали, снабдили звукопеленгаторной аппаратурой и вооружением, включавшим глубинные бомбы: писатель вел на море свою «личиую» войну с фащистами. Хичкока это задевало: в 1944-м, наконец, отправился в Англию и он, пробыл там всего три месяца, но успел сделать два короткометражных фильма об участниках французского Сопротивления. Этим вроде и ограничилось.

И лишь спустя 40 лет, в феврале 1984 года, в Лондоне состоялся первый просмотр работы Хичкока, которая была, по решению ведомств США и Англии, ранее запрещена... На том сеансе в аудитории военного музея британской столицы присутствовало всего 15 человек — официальные лица, ученые, писатели: им была продемонстрирована одна из самых страшных картин, которую когда-либо видело человечество. У этого фильма нет названия, он значится лишь под архивным номером F3080. Те, кто работал с копией, однако, окрестили ленту: «Воспоминания о лагерях», 55-минутная работа о зверствах нацистов.

Вводные кадры — немцы экзальтированно приветствуют фюрера, а затем, сразу, без перехода, — апрель 1945-го: документальные съемки двух американских операторов-сержантов Майка Льюиса и Билла Лори в концлагерях, Хичкок собирал картину воедиио как режиссер и редактор. То, что происходит на эклане, не поддается описанию. Вот что говорит Льюис, ныне живущий в Австралии: «О первом лагере иам сообщили сами немцы — оии боялись, что заключенные разбегутся и возникнет эпидемия. За колючей проволокой ходячих, впрочем, осталось не так много. На земле лежали 10 тысяч трупов. После освобождения еще 13 тысяч умерли от голода и тифа. Был там и доктор-эсэсовец по фамилии Кляйн, он давал нам интервью, потом его повесили. Бывшие охранники копали ямы и сносили тела, трупный запах был иевыносим».

Когда Хичкок, вместе с вніличанином-редактором Питером Таинером, приступил к работе, доставили новые киноматериалы — из Дахау, Бухенвальда, Аушвица и других печально известных мест. Мастер триллера трудился, объятый ужасом. — потом все сдал в «фонды»: кто конкретно запретил демонстрацию картины, теперь не установить — две папки с соответствующей документацией из британского архива исчезли. По аналогии - можио лишь констатировать, что случилось примерно то же, что и с одной из военных лент вмериканского режиссера Билли Уайлдера, когда цензоры вырезали 10 минут «нацистского ада»: по их миению, аудитория подобных реальных ужасов выдержать не могла — это вовсе не развлечение в духе мастеров триллера. «Неизвестный Хичкок» лег на полку, работа, оказавшаяся под запретом, исчезнувшая на десятилетия, вернулась к зрителю неожиданным образом: в 1984-м ленту показали на Берлинском фестивале. В ученых трудах об этом эпизоде пока не прозвучало ни слова.

В том же 1945-м Хичкок работал в Голливуде над картиной «Завороженный», в которой охотно использовал азы фрейдовского психовнализа. Это было началом новых общирных планов, которые прослеживались потом в фильмах «Веревка» (1948), «Психоз» (1960), «Марни» (1964) и других. Хичкок настоял, чтобы в работе над художественным оформлением «Завороженного» прииял участие Сальвадор Дали. Около сотни рисунков гениального художника, пять полотен, написанных маслом, фигурировали на экране, слоано окаимляя сцены ритуальными символами. Режиссера уже тогда, как он сам утверждал, любая страшная история интересовала вовсе не как расследование (кто это сделал), а как психологический этюд (когда собирается тип, его интересующий, совершить преступление, что движет этим человеком, почему он теряет иад собой контроль) — и не стоит делать из этого тайны: такое возможно с каждым. Злоден в его изображении часто — сами жертвы, и жертва — зритель, ибо воспринимает происходящее, словно соучастник он готов разделить вину, если хватит воображения и характера. Мастер обкладывал зрителя со всех сторон, красные флажки на белом снегу вели только под его выстрелы. И зритель, пометавшись, запутывался и, очарованный, обманутый, околдованный, опутанныи, шел след в след за предыдущей жертвой. Умение Хичкока убедительно показать раздвоение личности, неоднозначность поведения людей неоспоримо. Он блестяще использовал эффект неожиданных сюжетных перестроений, изящио трансформировал своих персонажей.

Фильм «Дурная слава» простотой сюжета тоже не отличался: это история женщины, которая вовлечена любовником в борьбу против нацистов, котя действие разворачивается в... Бразилии. Получив задание, она выходит замуж за немецкого шпиона. Тот, правда, вскоре догадывается о ее «миссии» и начинает, вместе с матерью-садисткой, медленио отравлять бедняжку. Но американский агент, ради кого она пошла на муки, успевает к счастливой развязке. «Весь фильм. — вспоминал сам Хичкок, — был задуман как любовная история... это картина о человеке, который заставляет женщину лечь в постель с другим мужчиной, потому что так надо для дела... политика меня при этом не интересовала»... И оказалось, что это еще не все метаморфозы с обычным, казалось бы, проектом. По сюжету необходимо было продумать, почему действие происходит в Латинской Америке, что нужно там всем

этим людям и агентам.

В первом варианте речь шла о месторождении изумрудов, вокруг которых и разыгрывались все страсти. Но потом Хичкока осенило: «А что если это урань» Продюсер Селзник, прочтя новую сценарную версию, выразил недоумение: уран, который тайно перевозят в винных бутылках? Хичкок ответил, что мало в этом смыслит, но знает, что уран не менее редок, чем изумруды, и так же нестабилен, как окружающий нас мир. К тому же все вокруг говорят, что атомную бомбу когданибудь сделают. А шел 1945 год: и хотя Селзник полагал, что подобная версия — для дураков, Хичкок оказался провидцем: бомба была взорвана — и весь мир узнал об этом. Да более того — подтвердилась и другая догадка: тысячи иедобитых фашистов нашли себе прибежище в Южной Америке... Об этой истории («новой тайне Хичкока») потом много писали, а в 1975 году в Лос-Анджелесе мне довелось услышать ее из уст самого Хичкока: он утверждал, что его сценарная разработка так напугала ФБР, что за ним установили слежку, а на студию даже прислали официальное предупреждение — впредь

всякая лента о деятельности американских разведчиков должна проходить цензуру госдепа и соответствующих учреждении. Одно время мастер чувствовал себя ие вполне уютно — ведь к тому времени он даже не удосужился еще стать граждвнином США. Рассказывал, конечно, все это с юмором, Хичкок давно превратил историю в эстрадный анекдот, ио тогда было не до смеха, впрочем — обошлось.

ГРИДВОРНЫЙ ШУТ

В 50-е к Хичкоку пришла международная слава, и в Голливуде он обрел непререкаемый авторитет. Фильмы свои снимал теперь, путешествуя по всему белому свету, — Канада, Марокко, Япоиия, Италия. Калейдоскоп стран, лиц, вереница картин: драмы, трагикомедии, все вперемешку, причудливая смесь страха и иронии — «Незнакомцы в поезде» (1951), «Я исповедуюсь» (1952), «В случае убийства набирайте «М» (1953), «Окно во двор» (1954), «Неприятности с Гарри» (1955), «Не тот человек» (1957), «Головокружение» (1958), «К северу через северо-запад» (1959) — длиниый список. И за каждым фильмом изнурительная работа, актерские судьбы.

Грейс Келли, прежде чем выйти замуж за князя Монако Ренье III, сыграла в нескольких картинах Хича. Во время съемок последней («Поймать вора», 1955) она и познакомилась со своим будущим мужем. Хич ревиовал, он всегда пытался держать своих исполнительниц под абсолютным контролем, даже их интимные дела были ему ие безразличны. Но Грейс считала Хича своим учителем в жизни и кимематографе, была ему благодарна. Не раз приглашала погостить в ставшем ей домом карликовом европейском государстве — ее трагическая гибель в автомобильной катастрофе в 1982 году оборвала эту яркую биографию. Ширли Маклейн его помощники нашли на Бродвее, в одном из шоу — ей было 20, он ввел ее в мир кино: тогда юной актрисе еще и не снилась встреча с Н. С. Хрущевым, посетившим Голливуд.

Актрисы приходили и уходили, а его самого занимали планы грандиозные, кино казалось мало. С 1955 года пошли по американскому телевидению знаменитые получасовые (впоследствии часовые) программы «Алфред Хичкок представляет» — более 10 лет продолжался марафон «историй на сон грядущий»: каких только кошмаров не было в его «ночных галереях». Параллельно стали выходить антологии Хичкока, литературные сборники, произведения для которых отбирал он сам, затем появился на свет его «Журнал тайн», от подписчиков не было отбоя. И главная тема звучала все сильнее: мотивы исступленного поиска своего «я», голоса, воспевающие общую иеизбывную вину, сливались в мощно звучащий хор, проговаривающий речитативом текст о постоянной борьбе личности, раздираемой противоречиями.

В самой известной картине Хичкока «Психоз» (1960) фрейдистский конфликт между сознанием и бессознательными влечениями нашел наиболее яркое воглощение. В основе экранизации романа Роберта Блока — «незамысловатый» сценарий: чтобы составить свое счастье и выйти замуж за, увы, бедного любовника, героиня решается на престугление, она похищает крупную сумму денег и бежит из родного города. Застигнутая ночью в дороге, останавливается в пустом мотеле, владелец которого — одинокий молодой человек с большими странностями: временами он воображает себя матерью, жестоко тираиившей его, и ревнует «сына» ко всем окружающим.

Героиня понимает иелепость своего поступкв, в краже ее уличат непременно — слишком много свидетелеи этого неумело совершенного преступления. Все время была она словно во сне, не отдавая отчет в своих действиях. Вот проидет ночь, думает она, стоя под душем и как бы смывая тяжкий грех, взятый на душу, и вернется она домой, и покается, потому что жить с этим невозможно. Но не суждено исполниться ее благим намерениям: поднимается и опускается резко вниз несколько раз — рука с ножом. И на экране, крупным планом, — кадр, ставший классическим апофеозом режиссера Алфреда Хичкока: сток, куда уходит вода, смешаиная с кровью, звук засасывающей эту жидкую смесь воронки. «Мать» совершила возмездие, приревновав «сына», лишь несколько минут назад украдкой наблюдавшего за раздевавшейся молодой женщиной. Хичкок не только повергал свою аудиторию в шок, ио и превосходно обставлял соответствующими шаселых аттракционов».

И добавим, это зеркало, отражение личности, сотканной из кричащих противоречий. Но, тем ие менее, при всем многообразии сюжетов произведений Хичкокв в них прослеживается внутреннее единство — отношение автора к окружаюшему странному и жуткому миру. Алфред Хичкок — это не Микеланджело Антоинони, «поэт отчуждения и некоммуникабельности», давший блестящие картины трагического одиночества человека, картины, фиксирующие малейшие движения скорбной души. Хичкок - не Ингмар Бергман, герои которого испытывают глубокое отчанние в моменты духовных кризисов, когда в сознании стирается грань между реальиостью и химерами, верой и безвернем. Хичкок — не Бериардо Бертолуччи с его фрейдистскими мотивами «Последнего таиго в Париже» и «Луны», фильмов, подчеркивающих разобщенность людей и выдвигающих на первый план скептически негативную концепцию мира и человека. Но символика мастера триллера не беднее, чем у признанных корифеев кино.

Вклад, который сделал Хичкок в развитие выразительных возможностей киноискусства, переоценить трудно, он оказал огромиое влияние на творчество американских и западноевропейских кинематографистов. Об этом писали и будут еще говорить. Опытом ои делился не часто, но щедро.

В 1963 году будущему известиому режиссеру Питеру Богдановичу, в то время иачинающему кинематографисту, удалось взять у него пространное интервью, беседовали три дня впервые тогда узнали хоть что-то о Хичкоке, помимо его фильмов (котя сам он иногда называл свои работы «записными книжками», дневником исповедальным). Человек по натуре не общительный, Хич раскрывался перед собеседником редко. Но уж если начинал вести речь ие мастера, ио человека, как все, - секретов не держал. Другой знаменитый режиссер, Франсуа Трюффо, «допрашивал» его в 1967-м 52 часа — и тоже потом написал книгу. А первая биография — «Гений тьмы: жизнь Алфреда Хичкока» — появилась лишь в 1983 году: Дональд Спото, теолог и автор исследования под названием «Искусство Алфреда Хичкока» (1976), нарушил табу, которое сам мастер наложил на свои жизнеописания, - интервью давал, но о личном предпочитал помолчать. К тому же он, обожавший всяческие тайны, и свою персону окружил атмосферой секретности. Зачем кому-то знать, что свое богатое воображение питает собственными мечтами и страхами, но при этом понимает, что не одинок, что рядом, с таким же, как он, происходит примерио то же.

Будни и праздники, смех и слезы, водевили и маленькие трагедии — полный репертуар. По Хичкоку, кстати, «драма это сама жизнь, только наиболее скучные ее эпизоды вырезаны». Работая в индустрни развлечений, мастер стал выразителем наиболее классической голливудской формулы успеха: используя возможиости киноискусства, показывать обыкновенного человека в экстремальной обстановке. Постулат этот Хичкок, однако, развил и усовершенствовал: коммерческие его ленты становились произведениями искусства, ибо он пришел к пониманию того, что зрители вовсе ие хотят, чтобы некий заурядиыи злодей, гримасинчая страшио, с ходу бросался иа них, демонстрируя свою кровожадность. «Они желают, — говорил он, — видеть иормального человека со всемнего слабостями». И он щедро предоставлял своим почитателям такую возможность.

Строил оригииальные плаиы и соглашался работвть по стандартным проектам — слыл лояльным работником американской кинопромышленности. И все-таки, говорит близкий друг Хичкока Сэмюэль Тейлор, «Голливуд никогда не знал понастоящему этого великого художника. Весь цинизм «фабрики грез» в том, что кино там иикогда не считалось искусством. Хич все это прекрасио понимал, но держал в себе: как же больио было осознавать такое... Но Голливуд продолжал делать из него своего придворного шута».

HO45 KOPUTKA

Время брало свое — отпраздновал 75-летие, но все-таки довел до конца еще один проект. Летом 1975 года состоялись

предварительные просмотры его последнего фильма «Семейный сюжет». Мне повезло — я оказался в то время в Калифорнии, попал на картину, которая вышла на большой экран лишь в апреле следующего года, и вновь слушал Алфреда Хичкока целое субботнее утро на встрече, организованной иннциативными преподавателями колледжей, жителями Беверли Хиллз и Орэндж-каунти, живописных уголков Большого Лос-Анджелесв. Мастер вышел к народу иеспешным семенящим шагом, неловко и осторожио неся свое грузиое тело. Вырвзительио произнес — «Добрый вечер»: за окнами сияло яркое солнце, в зале яблоку иегде было упасть, ио от этого приветствия, тысячи раз звучавшего из его уст с экраиов телевизоров (перед «сеансом кошмаров»), мороз пробирал по коже. А ои мило беседовал, шутил, отвечал на вопросы...

Его последиюю леиту предлагали назвать «Нечто из Хичкока», ио «Семейный сюжет», так он считает, звучит интригующе. Да и это «наиболее веселый» его фильм — «комический триллер». Теперь, к сожалению, почти разучились владеть этим жанром. В США литературный триллер ие считается престижной работой, как в Англии, во времена, скажем, Уилки Коллинза. Впрочем, хорошая литература вовсе не обязательно становится блестящим фильмом. Каждый раз — это риск, это работа с нуля.

Насилия на экране он всегда избегал (!), обратили ли внимание, что «даже «Психоз» сделал в черио-белом варианте, дабы не снились потом цветные кошмары». Да, в одной из недавних работ, ленте «Исступление» (1971) о респектабельиом сексуальном маньяке-душегубе, есть неофрейдистские мотивы. В разработке сценария фильма почти согласился сотрудничать В. В. Набоков, но после долгих переговоров писатель все-таки отказался: его самого в новом герое волновало «социальное бессозиательное», ои хотел рассмотреть существование этой личности лишь как миф, иллюзию, иекое связующее звено между искаженными или фантастическими образами. Но иет, он не стрвщал: всегда старался соблюсти такт и грубо не пугать. Помучить, продлить кошмар — да. Но к зверствам в своих произведениях никогда не призывал, котя с удовольствием исследовал преступные характеры, неординарных типов. Читает ли собственные сборники страшных историй? Нет, теперь, на склоне лет, отдает предпочтение биографиям интересных людей. Глядя в «волшебное зеркало». что видит в будущем, какой кинематограф, иу, скажем, лет через пять? Предсказывает буриое развитие видеотехники, будут смотреть его леиты дома, но и в театры ходить не перестанут. И, наконец, подводящая итог беседы, «нетактичная» записка: «Скажите, это последний ваш фильм?» И бодрый ответ под аплодисменты зала: «Нет, не последний, ведь я все тот же «мальчик-режиссер» (так называли Хичкока в далеком 1926-м)... Но, к сожалению, ошибся мастер, «Семейный сюжет» подвел черту его творческой биографии. Оставшиеся годы жизии, хоть и пролетели как одно мгновение, были самыми трудными, словно инкак не могли кончиться.

Музей искусств в Лос-Анджелесе организовал ретроспектный показ всех до единой его картин — зал не вмещал всех желающих увидеть произведения художника-легенды, при жизни признанного классиком. В штате Массачусетс один из дней праздновали как день Алфреда Хичкока... а он, устав от чествований, думал о том, что слава в коице жизни — только бремя, здоровья не вериуть: работу сердца уже давно поддерживал стимулятор. Призы и почетные награды ему спешили вручить один за другим, словно боясь опоздать, а он то злоупотреблял своим любимым ликером «Куантро» на торжественных обедах в его честь, то вполие серьезио утверждал, что любимые его темы — это еда, напитки, голливудские слухи и лишь потом кино (именно в таком порядке), то впадал в полную депрессию. Все откладывалась и откладывалась работа над иовым проектом под условным названием «Ночь коротка».

Дома его старалась отвлечь, как могла, жена, изредка навещала дочь. В августе 1979-го ему исполнилось 80 лет: аиглийская королева сделала его кавалером ордена Британской империи — 3 января 1980 года в его офисе на студии «Юниверсал» консул вручил сэру Хичкоку иаграду Ее Величества. Всю церемонию он просидел я кресле, погруженный в раздумья, словно дремал с открытыми глазами. 16 марта его еще снимали для телевидения... Алфред Хичкок скоичался 29 апреля, утром — тихо и покойно... Но тень мастера (тот самый черный человек) осталась жить...

Ведут рубрику Павел БОНДАРОВСКИЙ и Александр НАЛОЕВ

Lee Aaron Ли **Ааро**н

Канадская певица. Настоящее имя: Кагел Greening. 21.VII.1963, Toronto.

В 15 лет вошла в состав школьного

ансамбля, называвшегося «Lee Aaголь, гле не только пела, но и играла на клавишных и саксофоне. Группа вскоре распалась, и Карен, взяв ее название в качестве псевдонима, попыталась начать сольную карьеру, однако в 1980 году уалеклась рекэкстравагантной памированием одежды в журналах мод. Предложений, благодаря ее блестящим внешним данным, было немало, и Ли Аврон переселилась из Торонто в Лос-Анджелес — главную «кузнипу американской моды. Год спустя любовь к музыке все-таки взяла верх, и начинающая певица записала на фирме «Freedom Records» дебютный альбом «The Lee Aaron Project» (1981). В его создании принимали участие известные канадские музыканты из ансамблей «Моху», «Santers» (стиль кард-эндхэви), а также певец и гитарист из группы «Triumph» Rik Emmett, выступивший и в роли продюсера диска Пластинка получила высокие оценки критиков, отметивших самобытность вокала Ли Аарон, сравнимого лишь с уникальным голосом американской певицы Janis Joplin. В 1982-м Аарон заключила контракт с фирмой грампластинок «Roadrunner Records», которая прежде всего переиздала ее дебютный альбом (под названием «Lee Aaron»). В этот период начинает формироваться постоянный аккомпанирующий состав певицы; его первыми участниками стали Dave Aplane (гитара), Gene Stout (бас-гитара) и Bill Wade (ударные), однако в 1983-м всех их сменили новые музыканты: George Bernhardt (гитара), John Albani (гитара). Jack Meli (бас-гитара), Attila Demien (ударные; вскоре его место занял Frank Russell). Ли Аарон активно гастролирует: Канада, США, затем Великобритания, где она в сопровождении английской группы выступает в знаменитом лондонском клубе «Marquee», а чуть позже, уже со своим ансамблем, участвует в музыкальном фестивале «Reading Festival». Второй альбом, «Metal Oueen» (1983, продюсер - Paul Cross) ROMHOCHT JIM ARDON THTVA «первой леди» стиля хард-энд-хэви. Ставший лидером ее группы Джон Олбани почти полностью меняет состав: приходят Simon Briarley (гитара), Chris Brockaway (бас-гитара) и Кіт Нипт (ударные). С ними певица выступила 30 марта 1985 года на голландском фестивале кэви-метал-рока «Aardschock». Третий альбом, «Call Of The Wild» (1985). Ли Аарон записывала с помощью студийных музыкантов, ко-

торых отобрал продюсер пластинки Bob Ezrin, до этого работавший с группой «Kiss». Это Dick Wagner (бас-гитара, вокал), Јеггу Мегсег (ударные), Walter Zwol (бас-гитара), Spider Sinnaeve (бас-гитара). Все партии соло-гитары исполнил Джон Олбани, а Боб Эзрин - партии клавишных. Альбом имел огромный успех, особенно песня «Rock Me All Over». Хуже приняла публика следующий диск, вновь названный просто «Lee Aaron» (1987, продюсер — Регег Советап, автор композиций — Joe Lynn Turner). Критика отметила отхол певицы от канонов стиля кэви-метал в сторону коммерческой музыки. Олбани в очередной раз произвел замены а аккомпанирующей группе (пришли Jim Belzer — клавишные, Rhandy Coole — ударные; вернулся Крис Брокзузи), и звучание песен обрело прежиюю жесткость, динамичиость... Ли Аарон одна из немногих певиц, кого приглашают для участия в записи дисков ведущие группы стиля хард-энд-хэви («The Scorpions», лидер канадского ансамбля «April Wine» Myles Goodwyn).

Дискография: The Lee Aaron Project (1981, Freedom Rec.); Lee Aaron (1982, Roadrunner Rec., переиздание); Metal Queen (1983, Roadrunner/Attic, EP, hits, U. K. only); Lee Aaron (1983, Roadrunner/Attic, переиздание); Call Of The Wild (1985, Roadrunner); Lee Aaron (1987, Roadrunner, original).

Адрес: c/o Roadrunner Records, R. O. Box 53013, NL—1007 RA, Amsterdam, Holland.

Abba Abba

Шведский квартет. 1970—1982.

Coctab: Anni-Frid (Frida) Lyngstad-Fredriksson (15.X1.1945, Narvik, Norway) — вокал, Agnetha Fältskog (5.IV.1950, Jönköping, Sweden) — вокал, Björn Christian Ulvaeus (25.IV.1945, Göteborg, Sweden) —

гитара, вокал, Goran Bror Benny Andersson (16.X1I.1946, Stockholm) — клавишные, вокал.

Каждый из участников квартета был известен а Швеции еще в 60-е годы. Бенни начинал музыкальную карьеру в поп-группе «The Hep Stars». В 1966 году познакомился с Бъёрном и присоединился к его группе «The Hootenanny Singers». Продюсером этого коллектива с 1963 года был Stig Anderson — глава только что основанной фирмы «Polar Music». Анни-Фрид начала выступать как певица в 13 лет; 3 сентября 1967 года дебютировала в музыкальной программе шведского ТВ. В 1969-м,

поп-сцены стала Агнета — с собственной песней «I Was So In Love». Профессиональную карьеру Агнета начала в 15 лет, а в 17 уже полписала контракт со шведским филиалом корпорации «CBS Records». На съемках телешоу познакомилась с Бьерном... Как квартет будущне члены «Аббы» впервые выступили в ноябре 1970 года. В 1971-м вышел их пераци альбом, «Lycka», где основные вокальные партии исполняли Бенни и Бьёрн, в Агнета и Фрида лишь подпевали. Название «Абба» (аббревиатура из первых букв имен) ансамбль принял в 1973 году по предложению Стига Андерсона. Записанная вскоре песня «Ring Ring» попала в списки европейских шлягеров, а в 1974-м «Абба» приняла участие в конкурсе «Евровидения» («Eurovision Song Contest») и 6 anреля заняла первое место с композицией «Waterloo», возглавившей хит-парады всех европейских стран и вошелшей в десятку лучших (№ 6) американской таблицы популярности. У молодежи, однако, конкурс «Евровидения» авторитетом не пользовался, и прошло 18 месяцев, прежде чем «Абба» завоевала симпатии юных любителей музыки. Квартет добился этого синглом «SOS». Отныне каждой песне, каждой пластинке ансамбля сопутствовал триумфальный успех, объяснявшийся не только выдающимся талантом авторской пары Андерссон--- Ульвеус и высоким уровнем исполнения, но и усилиями Стига Андерсона, оборудовавшего для «Аббы» лучшую в Швеции студию звукозаписи. С помощью электроники удалось добиться мошной полифонии инструментального сопровождения, близкого к симфоническому. Наряду с многоголосием умело использовалось пение в унисон, подчеркивавшее лидирующую вокальную тему. В сочетании с красивыми, запоминающимися мелодиями все это и определило стиль «Аббы». характерный В 1975 году первые места в бритаиском хит-параде занимали песии «SOS», «Матта Міа», в начале 1976-го — «Fernando». Композиция «Dancing Queen» возглавила таблицы популярности по обе стороны Атлантики. Огромным успехом пользовались синглы «Money Money Money», «Knowing Me Knowing You», «The Name Of The Game», «Take A Chance On Me». В 1977 году квартет совершил длительное турне по многим странам; во время выступлений в Австралии был снят полиометражный музыкальный фильм «Abba», с успехом демоистрировавшийся и в СССР. Между тем все новые и новые песни группы занимали высокие строчки в хит-парадах: «Chiquitita», «Does Your Mother Know», «Voulez-Vous», «Gimme Gimme Gimme (A Man After Midnight) », «I Have A Dream», «The Winner Takes It All», «Super Trouper». От дисков, представлявших собои по сути сборники

шлягеров, ансамбль перешел к соз-

Мальме, познакомилась с Бенни.

В том же году звездой шведской

данию концептуальных альбомов, близких к сюнтной форме. Вершиной творчества «Аббы» стал в этом плане альбом «Super Trouper». В начале 80-х участники квартета начали уделять больше внимания коммершии и предпринимательству, сольной работе, и коллектианое творчество отошло на второй план. В 1982 году ансамбль фактически сощел с мировой рок-сцены. Ни самостоятельные пластинки Агнеты и Фриды, ни написанный Бенни и Бьёрном мюзикл «Chess» (либретто — Tim Rice) не имели и малой доли былого успека каартета.

Дискография: Lycka (1971, Polar Music); Ring Ring (1973, Polar Music); Waterloo (1974, Polar Music); Greatest Hits (1975, Polar Music); Greatest Hits (1976, Polar Music); The Album (1977, Polar Music); Greatest Hits, vol. 2 (1979, Polar Music); Super Trouper (1980, Polar Music); The Yisitors (1981, Polar Music); The Spanish Album — Gracias Por La Musica (1981, Polar Music); The Singles — The First Ten Years (1982, Polar Music); The The Yisitors (1981, Polar Music); The Singles — The First Ten Years (1982, Polar Music, hits).

АВС Эй-Би-**С**и

Английский ансамбль. Основан в 1980 году.

Начальный соствв: Martin Fry (9.111.1958) — вокал, Mark White—гитара, клавишные, Stephen Singleton — альт-саксофон, David Palmer — ударные.

Адрес: Charter Club, P. O. Box 92, Sheffield SLI ILP, England.

Группу образовали молодые рабочие одного из шеффилдских заводов. Около двух лет коллектив имел статус полупрофессионального, и лишь в 1982-м его творчеством заинтересовалась фирма грампластинок «Neutron Records», предложившая музыкантам контракт. Первые же выпущенные синглы, «Look Of Love» и «Poison Arrow», записанные под руководством продюсера Тревора Хорна (Trevor Horn, пел в ансамблях «The Buggles», «Yes»), пользовались огромным успехом. Самобытный композиторский и поэтический талант Мартина Фрая обеспечил и аысокни тираж дебютного альбома «The Lexicon Of Love» (1982). За первый месяц было раскуплено 200 тысяч экземпляров; 17 июля диск возглавил национальный хит-парад Великобританни и вскоре стал «золотым». Построенные на ритмике диско-фьюжи, композиции пластинки выдержаны в традициях музыки фанк и соул с разиообразными рок-элементами. Особенно впечатляющи мощные пассажи клааншных в сочетании с отрывистыми риффами дуковых и струиных инструментов. Вокальная манера Фрая напоминала поп-арии Дэ-

вида Боун (David Bowie) и Брайана Ферри (Вгуап Реггу). Звучание композиций на сцене практически не отличалось от студийного, котя а исамбль активно использовал электронные эффекты, подчас не менее сложные чем на лисках группы «Pink Floyd»... На втором альбоме, «Веацту Stab» (1983), акцент в звучании перемещен на гитарные партии Стилистически пластинку можно отнести к поп-фанк-року, но присутствуют и элементы глиттер-рока в дуке ансамбля «Roky Music». В напиональный кит-парад вощла композиция «That Was Then And This Is Now». Два следующих года группа не выступала и не делала новых записей, вновь о ней заговорили лишь в 1985-м, когда появился диск «How To Be A... Zillionairel». Стиль коллектива значительно изменился: из всех песен пластинки только одна («Ве Near Ме») напоминала по содержанию лирику дебютного альбома, язык остальных резче, саркастичнее. В кит-парад вошли песни «How To Be A Millionaire», «So Hip It Hurts», «Vanity Kills». На диске активно выделяется ритмика музыки рэп... Одна из наиболее значительных синтезаторных групп 80-х

Дискография: The Lexicon Of Love (1982, Neutron Rec.); Beauty Stab (1983, Neutron); How To Be A... Zillionaire! (1985, Neutron); Alphabet City (1987, Neutron).

годов, «Эй-Би-Си» на редкость гар-

монично сочетает звучание элект-

ронных и акустических (скрипка,

апфа. пимбалы) инструментов

Mick Abrahams Мик Эйбрэхэмс

Английский гитарист, певец, композитор. 7.IV.1943, Luton.

В 1967 году явился одним из основателей ансамбля «Bag Of Blues», вскоре переименованного в «Jethro Tull». В конце 1968-го, из-за разногласий с лидером коллектива Изном Андерсоном (lan Anderson), Мик покинул ансамбль и основал новый — «Blodwyn Pig», — но после выхода двух альбомов расстался н с ним. В начале 1971-го сформировал rpynny «The Mick Abrahams Band» в составе: Bob Sargeant (клавишные, гитара, вокал), Walt Monaghan (бас-гитара, вокал), Ritchie Dharma (ударные, экс-«The Dharma Blues Rand»). Композиции дебютного диска, «A Musical Evening...» (1971), выдержаны в дуке ранних записей «Джетро Талл». Второй и последний альбом группа создавала с участием саксофониста, флейтнета и скрипача Джека Ланкастера (Jack Lancaster, экс-«Блодуин Пиг»). Пластинка более самобытна, демоистрирует блестящее владение техникой как джаз-рока, так и традиционного

Днскография: «Мик Эйбрэхэмс Бэнд» — A Musical Evening With Mick Abrahams (1971, Island Rec.); At Last (1972, Chrysalis Rec.).

Ассерт Эксепт

Западногерманский ансамбль. Основан в 1977 году. Начальный состав Udo Dirkschneider — вокал, Jörg Fischer — гитара, Wolf Hoffman — гнтара, Peter Baltes — бас-гитара, Stefan Kaufmann — упарные.

Группа с таким названием начала выступать в ФРГ еще в середине 70-х. но из-за частых перемен в составе и стилевой неопределенности успеха не имела. Лишь в самом конце 1977 года сложился стабильный коллектив во главе с певцом Удо Диркшнайдером. Заключив контракт фирмой «Metronome Records», ансамбль выпустил дебютный альбом «Ассерь» (1978), после чего почти год гастролировал по городам ФРГ. Второй диск вышел на английской фирме «Logo Records» («I'm A Rebel», 1980), но у британских слушателей большим спросом не пользовался: контика отметила слишком явное следование стилистическим концепциям группы «Deep Purple».

Тем не менее популярность «Эксепт»

в континентальной Европе быстро росла, и в 1981 году, после появления альбома «Breaker», коллектив совершил соаместное британское турне с ансамблем «Judas Priest». В начале 1982-го группу покинул Фишер. Записанный уже без него диск «Restless And Wild» (1982) стал поворотным в творчестве «Эксепт»: блюзовые интонации на фоне традиционного хард-рока сменились жесткими, «металлическими» обертонами. С пришедшим на место Фишера Франком гитаристом Херманом (Herman Frank) коллектиа вновь отправился на гастроли, после чего на время покинул сцену и лишь в феврале 1984-го выпустил альбом «Bails To The Wail». С программой, составленной на основе аключенных а диск песен, группа совершила турне по Великобритании (без Франка, но с вернувшимся Фишером), а затем и по США, где выступала в совместных концертах с такими суперзвездами стиля хард-энд-хэви, как Ozzy Osbourne и группа «Kiss». Альбом «Balls To The Wall» попал как в кит-парад по категории кэвиметал, так и в общенациональную таблицу популярности США... В 1987 году Удо Диркшнайдер основал собственный ансамбль, «U.D.O», а в «Эксепт» его сменил сперва Rob Armitage, затем — Dawid Greese. Осенью 1988 года снова расстался с ансамблем Фишер.

Дискография: Accept (1978, Metronome Rec.); I'm A Rebel (1979, Logo Rec.); Breaker (1981, Metronome/Polydor Rec.); Restless And Wild (1982, Heavy Metal Rec.); Best Of Accept (1983, Polydor, hits); Balls To The Wall (1984, Portrait Rec.); Metal Masters (1984, Razor Rec., 2LP, переизд. дискоа «I'm A Rebel» и «Breaker»); Metal Heart (1985, Portrait); Kaizoku-Ban (1986, Portrait, live); Russian Roulette (1986, Portrait); Hungry Years (1986, Portrait, hits); Animal House (1987).

АС/ДС Эй-Си/Ди-Си

Австралийский ансамбль. Основан в 1973 году. Начвльный состав: Angus Young (31.111.1959) — гитара, Malcolm Young (61.1953) — гитара, Bon Scott (9.VII. 1946) — вокал, Mark Evans — бас-гитара, Phil Rudd (19.V.1946) — ударные.

Agpec: 11 Leominster Road, Morden, Surrey SN4 6AN, England; или — 18 Watson Close, Bury St. Edmonds, Suffolk, Endland.

Малколм и Энгус Янг родились в Шотландни, но в 1963 году переселились с семьей в австралийский город Сидней. Энгус уже в пять лет освоил банлжо. Малколм в лвеналцать вошел как гитарист в состав школьного ансамбля. Образиом для подражания им служила в тот период группа «The Rolling Stones». Так и не окончив школу, братья в буквальном смысле шагнули из-за парты прямо на профессиональную сцену. Название для образовавшейся а 1973-м группы «подсказала» надпись на корпусе пылесоса: «AC/DC («переменный ток/постоянный ток»). «Переменно-постоянным» был и самый ранний состав ансамбля: ядро его образовали Малколм и Энгус Янг, а ведущим вокалистом поначалу являлся Dave Evans. Вскоре групна отправилась в свою первую гастрольную поездку. Шофером автофургона, перевозившего аппаратуру, оказался некий Бон Скотт, тоже шотландец; прежде он пел и играл на ударных а любительских ансамблях, исполнявших ритм-энд-блюз. Он и стал солистом «Эй-Си/Ди-Си», заменив Эванса. Группа ориентировалась на жесткий вариант блюзрока и ритм-энд-блюза. Хэви-металрок зазвучал позднее, когла сольные гитарные пассажи приобрели ураганную скорость, а ритмическая пульсация ударных стала самодовлеющий. Пераме же два альбома группы, «High Voltage» и «T.N.Т.», стали в Австралии «платиновыми», а в 1976-м ансамбль дебютировал и на англо-американском рынке с лискомсборником «High Voltage», составленным из лучших композиций обоих австралийских альбомов. Тогда же коллектив отправился в международное турне, завоевав огромную популярность как в Великобритании. так и в континентальной Европе. По возвращении, а ноябре, музыканты записали свои третий оригинальный диск, «Dirty Deeds Done Dirt Cheap» (1976), тоже имевший крупный успех, а в марте 1977-го вновь гастролировали а Еаропе. В июле появился альбом «Let There Be

Rock» - первая пластинка группы, изданная одновременно в Австралии, Европе и США, - а в августе ансамбль дебютировал перед американской публикой. Незадолго до поездки ушел Марк Эванс (основал собственный коллектив, «Соптаband»), его сменил бас-гитарист Cliff Williams (14.XII. 1949, экс-«Home»), отобланный в Лондоне изболее чем 50 претендентов. Оба альбома 1978 года — «Рометаде» (май) и «If You Want Blood...» (ноябрь: концертный) — заняли высокие места в австралниском н европейских хит-парадах, а диск «Highway To Hell» (июль 1979) завоевал и американскую аудиторию, став в США «платиновым»... 19 февраля 1980-го Бон Скотт был обнаружен мертвым в своем автомобиле, припвркованном на одной из улиц Лондона (алкогольное отравление). В результате конкурса с 19 апреля новым солистом ансамбля стал англичанин Brian Johnson (экс-«Geordie»). С ним группа записала едва ли не лучший альбом — «Back In Black» (1980). Тираж пластинки превысил 8 миллионов экземпляров: изданный в восьми странах, он принес ансамблю 27 «золотых» и «платиновых» наград. 26 лекабря 1981 года лиск «Эй-Си/ Ju-Cue (eFor Those About To Rock...») впервые возглавил внекатегорийный кит-парад США. В 1983-м такон же успех имел альбом «Flick of The Switch» - послед-

няя пластинка, а записи кото-

рой участвовал Фил Радд: в ав-

густе он покинул группу и вооб-

ще рок-сцену, поселившись в

Мельбурне. Его место занял

Simon Wright (3KC-4Tytan»).

1984-й и начало 1985 года ан-

самбль провел в гастрольных

поездках по городам США, кон-

тинентальной Европы, Велико-

британии, Латинской Америки, после чего записал в Швейцарии альбом «Fly On The Wall» (вышел в июне 1985-го). Диск «Who Made Who?» представлял собой звуковую дорожку фильма «Maximum Overdrive». В дальнейшем группа взяла почти годовой «тайм-аут» и очередной альбом выпустила лишь в 1988 году — «Blow Up Your Video». Пластинка полтверлила славу квинтета как одного из самых значительных ансамблей стиля кард-энд-кэви. В том же году ушел Малколм Янг: новым гитаристом стал Stevie Young (okc-The Starfighters»). Дискография: High Voltage (1975, Albert Rec); T. N. T. (1975, Albert): High Voltage (1976. Atlantic Rec., compilation); Dirty Deeds Done Dirt Cheap (1976, Atlantic): Let There Be Rock (1977) Atlantic): Powerage (1978. Atlantic): If You Want Blood You've Got It (1978, Atlantic, live): Highway To Hell (1979. Atlantic): Back In Black (1980, Atlantic); Dirty Deeds Done Dirt Cheap (1981, Atlantic,

For Those About To Rock

We Salute You (1981, Atlantic);

переизд.);

Flick Of The Switch (1983, Atlantic); '74 Jailbreak (1984, Atlantic, EP); Fly On The Wall (1985, Atlantic); Who Made Who? (1986, Atlantic, soundtrack); Blow Up Your Video (1988, Atlantic).

Асе Эйс

Английский ансамбль. 1972—1978. Начальный состав: Alan «Ват» Кіпд (18.1X.1946 — гитара, вокал, Phil (Phillip) Harris (17.VII.1948) гитара, вокал, Terry «Тех» Comer (23.II.1949) —

Terry «Tex» Comer (23.II.1949) — бас-гитара, вокал, Paul Carrack (21.IV.1951) — клавишные, вокал, Fran(k) Вугле (17.III.1948) — ударные.

Элэн Кинг начинал профессиональную карьеру ритм-гитаристом в лонлонском ансамбле «The Boyfriends» аккомпанированием поп-соул-певице Сандре Браун (Sandra Brown). Терри Камер и Пол Каррак в конце 60-х играли в группе «Warm Dust». синтезировавшей прогрессив-рок в духе ансамбля «Genesis» и элементы джаз-рока. Фил Харрис работал сешн-музыкантом... Образованная по инициативе Элэна Кинга под Рождество 1972 года, группа «Эйс» выступала исключительно в небольших столичных кафе и закусочных (поангл. рив) и, как большинство коллективов «новой волны» английского паб-рока, крайне редко получала приглашения дать концерт в том или ином престижиом клубе, что, впрочем, не расстраивало музыкантов, предпочитавших «камерное» звучание и дороживших непосредственным контактом с публикой, практически невозможным на большой сцене. Группа избрала мелодичный и несложный вариант хард-рока с гармоническим вокальным многоголосием. Массовое внимание она привлекла летом 1974-го, когда вышел ее дебютный альбом «Five A Side». Однако по-настоящему крупный успех принесла ансамблю композиция «How Long», появившаясв на сингле в октябре того же года и попавиная сперва а британский кит-парал, а позднее занявшая третье место и а американском, что было неожиданностью, поскольку прежде паб-рок не пользовался в США популярностью. Вскоре после выхода диска «Time For Another» (1975) группа отправилась в Соединенные Штаты на гастроли, прошедшие очень успешно. Выпустив еще один альбом, «No Strings» (1977. с участием певца и гитариста Йона Вуджеда — Jon Woodhead), коллектив распался. Но и при этом продолжительность и успешность его карьеры почти рекордны для паброк-ансамблей, большинство которых распадались после первого же диска (исключение -Schwarz*). Дискография: Five A Side (1974,

Дискография: Five A Side (1974, Anchor Rec.); Time For Another (1975, Anchor); No Strings (1977, Anchor).

Ace Records Эйс Рекордс

Английская независимая фирма грампластинок Владелец — Ted Carroll.

Перенздание записей рок-н-ролла 50-к голов.

Адрес: 48-50 Steele Road, London NW 10, England.

Bryan Adams Брайан Эдэмс

Канадский певец, гитарист, 5.XI.1959, Kingston, Ontario. Адрес: c/o Bruce Allan Talent, Dept 406, 68 Walter Street, Vancouver, British Columbia, Canada V6B-1A4.

В 16 лет стал лидером ванкуверского ансамбля «Sweeney Todd», но группа вскоре распалась. В 1977 году познакомился с Джимом Вэлленсом (Jim Vallance), музыкантомлюбителем, исполнявшим, как и Элэмс, песни собственного сочинения. Объединив усилия, они разослали несколько совместно нвписанных композиций наудачу в разные фирмы. Песня «Let Me Take You Dancin'» принесла авторскому дуэту успек: фирма «A&M Records» выпустила ее на сингле в диско-аранжировке. Менее чем через год композиции Эломса и Вэлленса появились на пластинках Боба Уэлча (Bob Welch), Бонни Таилер (Bonnie Tyler), ансамблей «Bachman-Turner Overdrive». «Kiss»... В 1980-м та же фирма «А&М» выпустила дебютный сольный альбом Брайана Эдэмса, в работе над которым ему помогали Keith Scott (гитара). Johnny Blitz (клавишные). Dave Taylor (бас-гитара), Pat Steward (ударные). Этн же музыканты составили аккомпанирующую группу певца, а его менеджером стал Bruce Allen. Второй диск Эдэмса. «You Want It, You Got It» (1981), вывел его в восходящие звезды софти хард-рока. Песня «Straight From The Heart» с этой пластинки попала в 1982 году в десятку лучших канадского кит-парада, и певцу предложили совершить гастрольное турне по США. В ходе поездки он участвовал в совместных концертах с группами «The Kinks», «Loverboy», «Foreigner». Выступления Эдэмса пользовались большим успехом. Целый ряд композиций его следующего альбома, «Cuts Like A Knife» (1983), вошли в национальный хит-парад США, а сам диск разошелся тиражом свыше миллиона экземпляров. В 1983 году Брайан 283 дня провел в гастрольных поездках, выступна в США, Европе, Японии. На четвертый альбом, «Reckless» (1984), только предварительных заявок поступило более миллиона. После выхода пластинки Эдэмс вновь отправился на гастроли в Европу, на этот раз вместе с певи-

цей Тиной Тернер (Tina Turner). Сразу три песии с записаниого по возвращении диска «Into The Fire» (1986) - «Summer Of 69», «One Night Love Affair» и ell's Only Love» — заняли высокие места в международных таблицах популярности. Композиции Брайана Эдэмса построены как правило на оригинальных, запоминающихся мелодиях и аранжированы в духе традиционного рока с достаточно жесткими акцентами, что обеспечивает ему почти рааный успех у поклоиников попмузыки и хард-рока.

Дискография: Bryan Adams (1980. A&M Rec.): You Want It. You Got It (1981, A&M): Cuts Like A Knife (1983, A&M); Reckless (1984, A&M); Into The Fire (1986, A&M).

Lou Adler Лу Эдлер

Американский композитор. продюсер, менеджер, бизнесмен.

Одна из зиачительных фигур ранне-

го периода развития рок-музыки. Стоял у истоков и активно содействовал распространению узсткоуст-рока — разнопланового стилевого направления, зародившегося на Западном побережье США (Сан-Франциско, Лос-Анджелес) и достигшего своего расцвета а 1966-1967 годах. Профессиональную карьеру начинал а 1957-м как штатный композитор независимой фирмы грампластинок «Keen Records» (владелец — Bob Keen). В 1958-м вместе с Хербом Элпертом (Herb Alpert) продюсировал пераую запись дуэта «Jan and Dean» - песню «Baby Talk». влияние которой явственно ощущается на дебютном сингле «Surfin'» (1961) группы «The Beach Boys». В 1959-м а соавторстае с Элпертом и Сэмом Куком (Sam Cooke) им написаны песни «Only Sixteen» и «Wonderful World», возглавившие а исполнении Кука национальный хитпарад США. В дальнейшем многие солисты и ансамбли добивались успека как с первой (Craig Douglas, «Dr. Hook»), так и со второй (Johnny Nash, Bryan Ferry, «Herman's Hermits», Art Garfunkel) композициями. В 1961-м Эдлер и Элперт основали собственную фирму «Shardee Records», где начинал карьеру Lou Rawls — один из выдающихся негритянских исполнителей госпелз и рок-н-ролла. Впоследствии их пути разошлись: Элперт и Jerry Moss в 1962 году образовали фирму грампластинок «A&M Records». Эдлер в 1964-м — фирму «Dunhill Records», где его главными помощниками стали композиторы и продюсеры Р. F. (Philip «Flip») Sloan и Steve Barri. Одной из первых звезд фирмы явился Barry McGuire (экс-«The New Christy Minstrels»), чей сингл «Eve Of Destruction» (авторы и продюсеры — П. Ф. Слоун и Стив Баррн) 25 сентября 1965 года возглавил американский хит-парад. В том же году фирма выпустила дебютнын альбом квартета «The Mamas and The

Papas». Лу Эдлер и лидер ансамбля «Мамаз энд Папаз» John Phillips аыступили инициаторами и главными организаторами пераого Монтерейского non-фестиваля («The Monteгеу Pop Festival»), состоявшегося 16--19 июня 1967 года. В фестивале приняли участие группы «The Blues Projects, «Booker T. & The MG's», «Buffalo Springfield», «The Paul Butterfield Blues Band», «The Byrds», «Canned Heat», «Country Joe and The Pish», «The Electric Flag», «The Grateful Deads, «The Jefferson Airplane». «The Mamas and The Papas», «The Whoe, Jimi Hendrix, Janis Joplin, Otis Redding, Ravi Shankar. Режиссер Don A. Pennebaker снял об этом музыкальном празднике полнометражный документальный фильм. В том же году Лу Эдлер основал фирму грампластинок «Ode Records», ставшую знаменитой благодаря выпушенному через несколько месяцев синглу Скотта МакКензи (Scott McKenzie) elf You're Goin' To San Francisco», разошедшемуся многомиллионным тиражом. В 1968-м Эдлер заключил контракт с певицеи и композитором Carole King, вершиной сотрудиичества с которой стал ее сольный диск «Tapestry» (1971), на 15 недель возглавивший национальный кит-парад США; тираж пластинки превысил 15 миллионов экземпляров... В дальнейшем Лу Эдлер расширил сферу своей деятельности, активно работая в самых разных областях шоу-бизнеса, включая кино. театр, варьете.

Aerosmith Эйросмит

Американский ансамбль. Основан в 1970 году.

Начальный состав: Steve Tyler (26.111.1948) — вокал, Brad Whitford (23.11.1952) — гитара, Joe Perry (10.IX.1950) — гитара, Tom Hamilton (31.XII.1951) бас-гитара, Јоеу Кгатег (21.V1.1950) — ударные.

Один из ведущих американских ансамблей стиля кард-энд-хэви. Основан певцом Стиаом Тайлером и гитаристом Брэдом Уитфордом. Первое время коллектив выступал в клубак штата Нью-Гемпшир, но в 1972 году обосновался в Бостоне. В 1973-м появился дебютный альбом ансамбля, а уже через несколько месяцев — второй диск, «Get Your Wings», ставший в США «платиноаым». Тираж третьего, «Toys In The Attic» (1974), за считанные недели превысил миллион экземпляров. Наиболее характерными для «Эйросмит» являлись композиции, аыдержанные в традициях классического блюза, но аранжированные а дуке жесткого рока, а в отдельных случаях — и хэви-метал-рока. Альбом «Rocks» (1976) занял в американском хит-параде третье место и стал дважды «платиновым». Совсем немного уступил ему в тираже следуюшин диск, «Draw The Line» (1978) В 1978 году музыканты снялись в

Club Band» (продюсер — Robert Stigwood; по мотивам творчества квартета «The Beatles») и исполиили в собственной интерпретации песню «Come Together» (продюсеры записи — Jack Douglas и George Martin). В обработке «Эйросмит» эта композиция завоевала в Америке едва ли не большую популярность, чем в свое время оригинал. В 1979-м группу покинул Джо Перри, основавший собственный коллектив, «The Joe Perry Project». Новым гитаристом стал Jimmy Crespo. После очередной гастрольной поездки, в конце 1981-го, ушел Брэд Унтфорд, образованиий хард-рок-дуэт с Дереком Холмсом (Derek St. Holmes, гитара). Место Уитфорда занял гитарист Rick Dufay. Выступления, однако, вскоре пришлось прервать: Стив Тайлер попал в мотоциклетиую катастрофу, и ансамбль на время лишился вокалиста. Новый диск квинтета, «Rock In A Hard Place», появился лишь в конце лета 1983-го, но был настолько удачным, что уже 25 сентября попал в национальный хит-парад. В 1984 году вернулись Перри и Уитфорд, и группа продолжила карьеру в первоначиль- Air Supply

Дискография: Aerosmith (1973, CBS Rec.); Get Your Wings (1973, CBS); Toys In The Attic (1974, CBS); Rocks (1976, CBS); Draw The Line (1978, CBS); Live Bootleg (1978, CBS, live); Naght In The Ruts (1979, CBS); Greatest Hits (1980, CBS, hits); Rock Giants (1982, CBS, hits); Rock In A Hard Place (1983, CBS); Done With Mirrors (1985, Geffen Rec.): Live Classics (1986, Geffen, live); Live Classics, vol. 2 (1987, Geffen, live); Permanent Vacation (1987, Geffen).

A-ha A-Xa

Норвежское трио. Основано в 1984

Начальный состав: Morten Harket (14.1X.1959) — вокал, Мадпе «Mags» Furuholmen (1. X1.1962) гитара, Pal Waaktaar (6.1X.1961) синтезаторы

Annec: The Official A-Ha Info Service, Winterland Rock Ehpress, P.O. Box 203, Watford, Hertfordshire WD31 3YA, England.

На международной спене ансамбль появился в 1985 году, став победителем музыкального конкурса «Евровидения». Его первая песня, «Таке On Me», завоевала широкую популярность прежде всего благодаря оригинальному видеоклипу. Успек группа подкрепила новыми синглами: «The Sun Always Shine On TV». «Train Of Though», «Hunting High And Low». Дебютный диск трио, «Hunting High And Low» (1985), по результатам опроса, проведенного западногерманским журналом «Рор Rocky», был признан лучшим альбомом года, ансамбль же - лучшим

фильме «Sgt. Pepper's Lonely Hearts ансамблем года. По данным того же опроса, вокалист «А-Ха» Мортен Харкет явился вторым среди певцов. уступиа лишь аастрийцу Falco. После квартета «Abba» это был пераый случай, чтобы ансамбль из неанглоязычной страны получил статус лидера мировой рок-музыки, особенно укрепиащийся в коде кругосветного турне 1986 года, когда трио дало более 200 концертов. В том же году вышел очередной альбом группы, «Scoundrel Days», сразу несколько песен которого попали в десятки лучших во многих странах («I've Been Loosing You», «A Blue Sky», «Manhattan Skyline»). Стилистически «A-Xa» тяготеет к мелодичному варианту музыки «новой волиы»: активно использует синтезаторы и вообще новейшие достижения электроники. В создании композиций и видеоклипов большую помошь музыкантам оказал продюсер АІап

> **Лискография:** And Low (1985); Scoundrel Days (1986); Living Daylight (1987); Stay On These Roads

Эйр Сепплай

Австралийский ансамбль. Основан в 1976 году.

Начальный состав: Graham Russell (1. VI. 1950) — вокал, гитара, Russell Hitchcock (15. V1.1949) —

Грэм Расселл родился в англинском

гороле Шервул, играть на гитаре и сочинять песни начал в 10 лет. В 1963 году стал ударинком одной из местных групп, в 1966-м переехал вслед за родителями в Мельбурн (Австралия), где также играл в ансамбле на ударных. Успека коллектив не имел. На профессиональную сцену Грэм Расселл амшел в 1976 году а составе кора, участвовавшего в мельбурнской постановке рокоперы Эндрю Ллойд Узббера (Andrew Lloyd Webber) «Jesus Christ Superstare. B том же году вместе с другим користом, Расселлом Хичкоком, образовал дуэт «Эйр Сепплай». Первая же записанная ими песня, «Love And Other Bruises» (1976), заняла второе место в аастралийской десятке лучших, что позволило музыкантам покинуть оперные подмостки и начать самостоятельную карьеру. Большой успех принесло им участие в австралийских концертах Рода Стюарта (Rod Stewart). Однако неожиданная популярность обернулась распадом дуэта. Грэм Расселл сначала усхал в Аделанду, где полгода сочинял песни, но тщетно предлагал их фирмам грамплвстинок; вернулся на родину, в Ноттингем, где надеялся поставить собственную рок-оперу «Sherwood» о Робине Гуде, но тоже безрезультатно. В 1980-м фирма «Arista Records» изъявила готовность выпустить а США сингл с песней Грэма Расселла «Lost In Love». Это и стало причиной воз-

рождения «Эйр Сепплай», но уже как секстета. Сингл имел в Америке крупный услек и принес новому коллективу известность. В 1980-1983 годах в американскую пятерку лучших входило семь песен «Эйр Сепплан» (во всех случаях автор -Грэм Расселл): «Lost In Love», «Every Woman In The World», «All Out Of Love», «The One That You Love» (25. VII. 1981 - № 1), «Here I Am (Just When I Thought I Was Over You) », «Sweet Dreams», «Even The Nights Are Better». В этот период не только синглы, но и альбомы группы становились «золотыми» и «платиновыми». В дальнейшем, однако. популярность ансамбля заметно снизилась. В поисках выхода из творческого тупика Грэм Расселл обратился за помощью к известному композитору и продюсеру Джиму Стейнмену (Jim Steinman). Это был неожиданный шаг: «Эйр Сепплай» добился успеха, работая в стиле ранних «The Bee Gees» и исполняя поп-плягерные баллады, а Стейнмен продюсировал пластинки кард-рока. Тем не менее Грэм не ошибся: вышедший в сентябре 1983-го сингл «Making Love Out Of Nothing At All» три недели занимал в американском хит-параде второе место. Звучание композиций стало более жестким, близким к звучанию записей другой подопечной Стейнмена, певицы Bonnie Tyler. В 1985 году большой удачей ансамбля явился очередной альбом, пользовался успехом и сингл «Just As I Am».

Послепний состав:Расселл. Хичкок. Frank Esler Smith — клавишные. David Moise -- гитара, David Green -бас-гитара, Ralph Cooper -- ударные. Лискография: Lost In Love (1980, Arista Rec.); Greatest Hits (1980, Arista); The One That You Love (1981); Now And Forever (1982); Making Love The Best Of Air (1983, hits); Air Supply

The Allman Brothers Band Оллмен Бразерс Бэнл

Американский ансамбль. 1969-1983 Начальный состав: Duane Allman (20. XI, 1946 - 29. X, 1971) соло-гитара, Gregg (8. X. 1947) — гитара, клавишные, вокал. Richard «Dickey» (12. Х11. 1943) -- гитара, вокал. Berry (Raymond) Oakley (4. IV. 1948 — 11. XI. 1972) — Oakley бас-гитара, Jai Johanny Johanson (8. VII. 1944) — ударные, Butch Trucks — ударные.

В своем творчестве ансамбль сочетал практически все характериые для американского Юга музыкальиые стили - блюз, госпелз, ритмэнд-блюз, кантри, — синтез которых отличался оригинальным, одноврелегких бас-гитарист Лемер Уильямс, после чего ансамбль выступал еще несколько месяцев, а затем объявил, что завершает карьеру. Грегг Оллмен сформировал собственный коллектив, «The Gregg Allman Band». 9 апреля 1987-го его альбом «I'm No Anger» попал в национальный хит-парад США.

менно экспрессивным и мягким зву-

чанием, получившим название «the

new south rock» — «новый южный

pok». Первую группу, «The Kings»,

братья Оллмен образовали в 1961 го-

ду; в 1965-м сменили название на

«The Allman Joys», но в 1967-м рас-

формировали ансамбль и основали

новый, «Hourglass», куда вошли бас-

гитарист Pete Carr, электроорганист

Paul Hornsby и ударник Johnny

ственным альбом, «Hourglass» (1968,

фирма «Liberty Records»), после че-

го распался. Некоторое время

братья выступали дуэтом, но успеха

не имели и вскоре образовали по

предложению менеджера и про-

дюсера Фила Уолдена (Phil Walden)

группу под названием «The Allman

Brothers Band». Новаторским для

того времени было включение в ан-

самбль сразу даух ударников (рань-

ше это практиковалось лишь в не-

которых группах джаз-рока). Кол-

лектив быстро завоевал популяр-

ность. 13 марта 1971 года он дал

большой концерт в престижном нью-

йоркском зале «Fillmore East». Диск

с записью выступления («Live At

The Fillmore East») 25 октября стал

в США «золотым». Через четыре

дня Дуэйн Оллмен погиб в мото-

циклетной катастрофе при въезде

в свой родной город Мэкон, штат

Джорджия. В неполные 25 лет

он был уже широко известен как вы-

дающийся гитарист-виртуоз. Для

участия в записи пластинок его

приглашали Aretha Franklin, Wilson Pickett, Boz Scaggs, King Curtis

и даже Eric Clapton (сингл и альбом «Layla», 1970). В 1972 году

композицин, в которых звучит гитара Дузйна Оллмена как сешн-музы-

каита, вышли на двойном альбоме «An Anthology», а его сольные рабо-

ты составили два диска, появившие-

ся в 1973-м и 1974-м... Через год

почти на том же месте и при тех

же обстоятельствах погиб бас-гита-

рист Берри Оукли. Грегг Оллмен

сумел спасти ансамбль от распада,

пригласив пианиста Чака Ливелла

(Chuck Leavell) и бас-гитариста

Лемера Уильямса (Lamar Williams).

Звучание композиций при этом из-

менилось, и группа переорнентиро-

валась на софт-рок с элементами

музыки кантри. Альбом «Brothers

And Sisters» возглавил I сентября

1973 года национальный кит-парад

США и продержался на лидирующей

позиции 6 недель, а сингл «Ramb-

lir'Man» 20 октября занял третье

место. В дальнейшем, однако, кол-

лектив выступал нестабильно и

вскоре распался. К этому моменту

уже заявили о себе как солисты

Грегг Оллмен (дебютный диск

«Laid Back» 5 марта 1974-го стал

«золотым») и Дикки Беттс (аль-

бом «Highway Call», 1974). Грегт же-

нился на певице Cher и выпустил

с ней совместный альбом «Allman

And Woman» (1976). В 1978 году

группа «Оллмен Бразерс Бэнд» вос-

соединилась в частично изменен-

иом составе, а в 1979-м ее сингл

«Enlightened Rouges» (композиция с

одноименного альбома) возглавил

кит-парады по обе стороны Атлан-

тики. Но повторить подобиый услех

не удалось. В 1983 году умер от рака

Sandlin, Коллектив выпустил един-

Последний состаж Грегг Оллмен, Дикки Беттс, Батч Тракс, Jim Essery — гармоника, David Goldflies — бас-гитара, David «Frankie» Toler — ударные, Dan Toler — гитара.

Дискография: The Allman Brothers Band (1969, Capricorn/Atco Res.); Idlewild South (1970, Capricorn/Atco); Live At The Fillmore East (1971, Capricorn/Atlantic Rec., live); Eat a Peach (1972, Capricorn); Brothers And Sisters (1973, Capricorn); The Road. Goes On Forever (1975, Capricorn, 2LP, hits); Check The Oil, Wipe The Windows, Dollar Gas (1976, Capricorn); Enlightened Rouges (1979, Capricorn); Reach For The Sky (1980, Arista Rec.); Brothers Of The Road (1981, Arista).

Дузйн Оллмен: An Anthology (1972, Capricorn, 2LP); Beginnings (1973, Polydor Rec., записи 60-к гг., с Грегтом Оллменом); Duane Allman Anthology, vol. 1 (1973, Capricorn); Duane Allman Anthology, vol. 2 (1974, Capricorn).

Marc Almond Марк Элмонд

Английский певец, музыкант, композитор, поэт. 9.VII.1957, Southport.

Будучи студентом технического колледжа увлекался живописью, дизайном, кинорежиссурой. Участвовал в постановках студенческого театра, где обнаружил незаурядные вокальные данные. В 1977 году под влиянием творчества панк-аисамблей решил начать музыкальную карьеру и, познакомившись с пианистом Дэвипом Боллом (David Ball), образовал с ним дуэт «Soft Cell», дебютировавший в 1978-м в зале Лидского политехнического института. Концерты и пластинки дуэта имели успек не только в Англии, но и в США, однако Элмонд был недоволен результатами совместной работы и в начале 1983 года сформировал новый аккомпанирующий коллектив, «The Mambas», куда вошли Ann Hogan (клавишные, вокал), Matt Johnson (клавишные, вокал), а также ряд студийных музыкантов. С ними Элмонд выпустил два альбома — «Untitled» (1983, LP+EP) и «Torment And Toreros» (1983, 2LP). Первый включил разиоплановые заимствованные и оригинальные композиции в стиле техно-поп-соул; на втором Элмонд предпринял попытку воссоздать музыкальными средствами атмосферу европейских кабаре 30-х годов, использовав в аранжировках фортепья-

но, струниме, дуковые и другие акустические инструменты. Обе пластинки получили высокие оценки специалистов, но Элмонд вскоре вериулся к сотрудничеству с Дэвидом Боллом, которое, однако, не принесло ему успеха: все дальненшие альбомы «Софт Селл» были признаны неудачными. в 1984 году дуэт распался. Марк Элмонд сформировал аккомпанирующий коллектив под названием «The Willing Sinners» и в том же году записал с ним диск «Vermin In Ermine». Нарочитая неряшливость аранжировок и вокальной манеры в сочетании с остросатирическими текстами пришлись по душе публике. Не меньшую популярность завоевал и следующий альбом, «Stories Of Johnny» (1985), заглааная песня которого заияла одно из ведущих мест в национальном китпараде. Пластинка явилась продолжением творческих поисков в области техно-поп-соул, начатык Элмондом в ранний период существования дуэта «Софт Селл».

Дискография: «Untitled» (1983, Some Bizzare Rec., LP+EP); Torment And Toreros (1983, Some Bizzare, 2LP); Vermin In Ermine (1984, Some Bizzare/ Phonogram Rec.); Stories Of Johnny (1985, Some Bizzare/ Virgin Rec.); A Woman's Story (1986, Virgin Rec., EP); Mother Fist (1987, Virgin).

в дуэте «Софт Селл» — см. «Soft Cell».

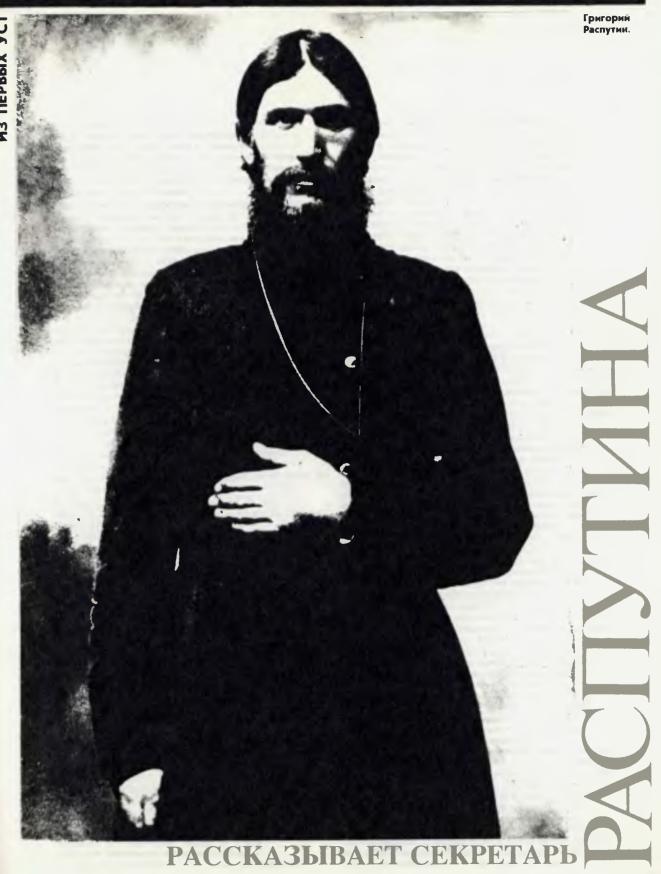
Alphaville **Алфавилл**

West Berlin 62, BRD.

Западногерманский ансамбль. Основан в 1982 году. Начальный состав: Marian Gold вокал, Bergard Lloyd — синтезаторы, Frank Mertens — синтезаторы. Адрес: Postfach 620349, 1000

Группа работает в стиле синти-поп, для которого карактерио использование компьютера в качестве ритмического, мелодического и гармонического импровизатора. Композиции тоно близки к стилю нью-уэйв-рок (рок «новой волны»). Известность музыкантам принес сингл «Big In **Јарап»** (1982). Начиная с 1984 года «Алфавилл» регулярно фигурировал в европейских хит-парадах с песия-MH & Sound Like A Melody», & Forever Youngs, «The Jet Set», «Dance With Me», «Universal Daddy». Для записи пластинок ансамбль обычно дополнительно приглашал музыкантоа со стороны, поэтому звучание его композиций на синглах и дисках значительно отличалось от концерт-

Последний состав: Голд, Ллойд, Rick Echolette — синтезаторы. Дискография: Forever (1984, WEA/Atlantic Rec); Afternoon In Utopia (1985).

тем таи просто объяснить минувшее». Слова эти принадлежат великому польскому поэту Адаму Мицкевичу, и вряд ли, думаю, найдется человек, который без тени сомнения взялся бы их оспаривать Объяснить минувшее — далекое и близкое! Действительно, что, казалось бы, проще! Надо лишь знать все без утайки, нужно лишь сопоставить мнения как можно большего числа участнинов и очевидцев тех или иных исторических событий. И тогда из разноголосья порой противоречивых свидетельств проступят сначала робкие контуры подпинности, которые, по мере накопления документов и фактов, постепенно превратятся в истину. Именно она является той составной, без которой едва ли возможно что-либо В последние годы мы все сделали энергичный шаг в поисках правды. Правды о нашем прошлом. Однако, как ни печально, но обнаружилось, что многие просто-напросто разучились самостоятельно оценивать минувшее, а скорее всего, нииогда не учились этому. Слишком уж долго всех нас держали на голодном пайке, засекретив печатное слово, сковав его стальными прутьями специальных архивов и заирытых фондов А дежурные топкователи гем временем трудились в поте лица, разъясняя народу его былое. Много, очень много существовало тайных страниц, белых, каи мы их сегодня называем, пятен в нашей истории — не только послеоктябрьского периода, но и истории более ранней. К таним белым пятнам можно, и частности, отнести все что связано с личностью Григория Распутина. Предвижу пылкие возражения: А роман В. Пикуля «У последней черты»? А книга М. Касвинова «Двадцать три ступени вниз»? А, наконец, фильм Э. Климова «Агония»?.. Все верно. Более того, нельзя не согласиться с утверждением о том, что писатель В. Пикуль является, если так можно выразиться, современным художественным первооткрывателем периода распутинщины равно как многих других исторических событий, в деталях известных прежде разве что узким специалистам. То же самое следует сказать и о режиссере Э. Климове — как о первооткрывателе «мистика» и «исцелителя» посредством кино. И надо признать, что когда речь заходиз о Распутине, большинство из нас видит перед собой обаятельного актера Алексея Петренко, блестяще сыгравшего роль царского фаворита, а отнюдь не реального «старца», и даже не литетурно домысленного - из произведения В. Пикуля. Исторически верно Распутии изображен в основанном на документах исследовании М. Касвинова, где использован, среди прочего целый ряд источников, советскому читателю практически не доступных. Например, воспоминания директора Департамента полиции С. П. Белецкого, озаглавленные «Григорий Распутин»; архив тибетсного врача П. А. Бадмаева; воспоминания наставника цесаревича Алексея П. Жильяра «Император Николай II и его семья»; интимный дневник фрейлины ее величества А. Выру-

«Необходимо нечто большее, чем талант,

чтобы понять настоящее, нечто большее, чем

гений, чтобы предвидеть будущее, а между

бовой и т. д. Некоторые книги выходили у нас в двадцатые годы, большинство же опубликованы на русском языке только за рубежом. К последним относятся воспоминания купца 1-й гильдии, личного секретаря Распутина Арона Симановича, написанные автором в годы послеонтябрьской эмиграции. В свидетельствах очевидцев перед читателем предстает не просто грязный развратнии, кликуша и магнетизер, проводящий время в постоянных кутежах; они, эти свидетельства, дополняют портрет «старца», раскрывая степень его причастности к государственным делам, к управлению царской Россией. И все это на фоне морального, духовного и политического падения монархии, принявшего формы трагичесной вакханалии. Собранные вместе. записки очевидцев не деполитизируют царского фаворита, что легко можно было бы сделать. оставив на его счету главным образом гипнотические сеансы, сладкую мадеру и соблазненных светсиих дам. Напротив, они оглашают неопровержимые факты гого, что Распутин являлся негласным членом императорского триумвирата, великим, кан говорят на Востоке, Старая Россия, по В. И. Ленину, -- это страна Нииолая II и Распутина. Дореволюционную верховную власть Владимир Ильич называл «шайкой жалких, полоумных людей, кан Романов и Распутин...» В «Письмах издалека» В. И. Ленин клеймил «цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее...» Да, во главе ее! «Старец» с неимоверной

телем Совета Министров был назначен И. Л. Горемыкин, затем Б. В. Штюрмер, и уже после смерти Распутина, но рекомендованный им Н. Д. Голицын; им был возведен А. Н. Хвостов в министры внутренник дел; позже по его настоянию эта должиость была предоставлена А. Д. Протопопову; он провел В. А. Сухомлинова в военные министры; он устранил с этого поста А. А. Поливанова... Только за годы войны «старцем» были назначены и смещены оноло двух десятков министров. Не гнушался он и взятками: за определениую мзду брался помочь любому ходатаю в любом затруднении; на комиссионных началах обеспечивал он сановнику должность, промышленнику — имперский заказ, осужденному уголовнику — помилование пленному германскому офицеру — осво-

пегкостью жонглировал, например, самыми высоки-

ми должностями и постами. По его совету председа-

При всей «очевидности» воспоминаний А. Симановича и ним все же необходимо относиться осторожно и сдержанно. Каков бы ни был тот побудительный мотив личного секретаря Распутина, вызывающий столь мощную волну отировений, его книга содержит налет субъективизма, некоторой предвзятости, стремления к раздуванию своей роли в описываемых событиях, преувеличению своего влияния на самого «старца», особенно что касается защиты интересов еврейской общины. Так или иначе, но воспоминания помогают

обнажить и распознать корни распутинщины, истони этого позорного для царской России явления. Думается, все, что связано с историей «провидца» и «мистика», заслуживает ныне самого серьезного рассмотрения. Ведь распутинщина в определенной степени проявилась и в недавнюю эпоху застоя. Разве скандальный судебный «процесс Чурбанова» не свидетельство

Есть множество подтверждений, что сановники, не брезговавшие проводить интриги и защищать свои интересы через «старца», Открещивались отирыто от всякого с ним общения Директор Департамента полиции Белециий скрывал даже от жены на первых порах свое знакомство с царским фаворитом. Белецкий и Хвостов, имея непрерывные деловые контаиты с Распутиным, виделись, однако, с ним только на конспиративных квартирах. От Чурбанова, правда, никто особо не открещивался, но вспомним — об этом писали в газетах, -- как встречали его на вокзалах и в аэропорту по специальному этикету — для «главы государства»; вспомним, какую обстановку создал вокруг себя первый заместитель министра внутренних дел — обстановку напряженного изматывающего бреда, в которой расцветали химеры корысти, вседозволенности, упоения властью. Вспомним о баснословных взятках и поистине царских подноше-

ниях Чурбанову, о коррупции, которая бурно расцветала в застойные годы. Вспомним о перерожденцах, с которыми Чурбанов вступил в преступный сговор, о том ущербе — нравственном политическом, экономическом, -- который они нанесли обществу. Его, правда, не надо было оберегать, как Распутина, который находился под наблюдением четырех служб одновременно: придворной полиции, обеспечивавшей безопасность «старца» наравне с членами императорского дома, сотрудников «охранки», агентов полиции, а также особой частной охраны, организованной группой банкиров во главе с Д. Л. Рубинштейном. С Чурбановым было проще его оберегал «ранг» зятя Брежнева. Он служил ему охранной грамотой. Немало параллелей напрашивается между «старцем» и «зятем». Так

же, как царский фаворит Распутин, -- «государственный муж» Чурбанов развращал окружавшую его среду, влиял на политику, ускорял процесс стагнации... Завершая краткое предисловие и публикации отрывков из воспоминаний А. Симановича, хо-

телось бы повторить, что ленинская оценка распутинщины, как выражения крайнего разложения правящей верхушки царской России, отнюдь не преувеличена. И расхожее заблуждение, что основной фуницией «старца» при императорском дворе было играть роль эдакого «экстрасенса», в корне не соответствует историческим фактам и документам, что подтверждается воспоминаниями и записками Очевидцев, активных участников тех далеких событий, среди которых был и Арон Симанович.

A. CEBEPOB

вместо предисловия

Единственная цель этих воспоминаний передать мои наблюдения иад буриым периодом русской истории, к которому отиосится: иачало мировой войны, неслыханное возвышение Распутина, гибель Романовской династии и первые раскаты гражданской войны.

Я не собираюсь в них делать никаких открытий и никого

Я чужд тенлеициозности. Я также стараюсь не говорить о делах, в которых я недостаточно осведомлен.

Мое повествование о событиях при дворе основывается главным образом на моих собственных приключениях и рассказах Распутина, который меия, как своего доверенного и советчика, посвящал во все, что ои видел и слышал, а перед ним царская чета не имела инкаких тайи.

Царь и царица исповедывались ему, как своему духовнику. Я вполне уверен, что его рассказы соответствовали правде, только по этой причине я осмелился говорить о фактах из интимной жизни царской семьи, которые до сих пор оставались неизвестными. Возможно, что в моем рассказе попадутся некоторые неточности в именах и в мелочах, ио я никогда не вел ии записей, ии дневинков и поэтому должен был положиться исключительно на свою память. Я полагаю, что будет много попыток поколебать правдивость моего рассказа, ио я уверен, что это не удастся.

Что касается моей личной деятельности, о которой я рассказываю, то я не выставляю требований признать все мои поступки правильными. Для меня всегда было важно достигиуть цели, которую я себе поставил и считал верной. Я пользовался средствами, которые были под рукой и мне казались наиболее рациональными. Я старался в первую очередь использовать все возможности, которые мне предоставляло мое положение советника и царем назначениого секретаря Распутина.

А. СИМАНОВИЧ

КАК Я ПОПАЛ К ЦАРСКОМУ ДВОРУ

Для начала несколько слов обо мне самом

Более чем десять лет я занимал в Петербурге положение, которое нужно признать исключительным. Впервые в истории России простой провинциальный еврей сумел не только попасть к царскому двору, но и влиять на код государственных дел.

Тогдашние правящие круги, несмотря на их антисемитизм, не были для меня препятствием. Невзирая на то, что я был евреем, а моя деятельность сводилась к попыткам оказать помощь и добиться облегчения моим единоверцам, эти круги все же искали у меня совета и поддержки.

Мои успеки в Петербурге обычно приписывались моей дружбе с Распутиным и принято думать, что Распутин авел меня ко двору. Это иеверно. Дружба с Распутиным, конечио, была для меня очень ценна, но следует признать, что мои отношения с петербургским великосветским обществом установились еще до появления Распутина в столице. Каким путем это случилось, я расскажу позднее.

По профессии я ювелир и имел собственное дело в Киеве, но в 1902 году я решил перебраться в Петербург.

Жизнь в провинции меня не устраивала. Как все прочие евреи, я подвергался там всякого рода издевательствам и унижениям. Благодаря этому я приобрел большую «опытиость» в обхождении с полицией и чиновничеством. Уже в провинции я завязал много знакомств в этих кругах и приобрел известный навык в обращении с чиноаничестаом и подкупе их. Это имело громадное значение для моей будущей деятельности.

В Петербурге мне приходилось неоднократно встречаться с людьми, которым я оказал в провинции немалые услуги и которые мне были благодарны и всегда готоаы взаимно услужить. Некоторым из этих людей я обязаи своей жизнью и жизнью моих детей. Это было в 1905 году, когда в Киеве был учинен еврейский погром.

После моего отъезда а Петербург моя семья осталась в Киеве, где продолжало существовать мое дело. При первых известиях о надвигающейся опасности я поспешил в Киев и стал очевидцем разгрома моих магазинов. Мой управляющий и миогие из моих родных были убиты. Моя жизиь, а также жизнь моей семьи были в большой опасности, ио руководитель погрома генерал Маврин и киевский полицмейстер Цихоцкий укрыли нас и дали мне с семьей возможность выехать в Берлин. При отъезде мне с семьей пришлось видеть у симагоги трупы убитых во время богослужения евреев. Эта картина произвела на меня неизгладимое впечатление, и еще в Берлине я долгое время не мог ее забыть.

Я решил всеми силами бороться за мою жизнь, жизнь моей семьи, моих родственников и за наше равноправие.

Когда я вернулся в Петербург и там сошелся с Распутиным, я решил действовать при его помощи, но на свою личную ответственность и без помощи моих единоверцев. Перед общественчостью я только теперь аыступаю с отчетом и еще раз заявляю, что всю ответственность принимаю на себя и готов к резким нападкам и обвинениям.

Моя жена происходила из весьма многочисленной еврейской семьи подрядчиков и несколько ее родственников жили при содействии Витте в Петербурге, как ремесленники. Они помогли моему переезду в Петербург, а также завязать первые деловые связи. Эти люди были солидными ремесленниками и купцами, которые получали нногда подряды и заказы даже от царского двора. Они вели очень скромный образ жизни и были далеки от столичного великосветского общества.

Я же был человеком совершенно другой складки: посещал часто и охотно клубы, варьете и скачки, где я встречал людей самого разнообразного общественного положения.

Известно, что страсть к азарту не только очень легко сближает пюдей, но и заставляет быстро забывать национальную и общественную рознь. Жажда к увеселениям делает людей, поддавшихся влиянию этой страсти, менее разборчивыми при выборе своих знакомств и менее щепетильными к образу и способу изыскания средств для удовлетворения этой страсти. В этой среде я скоро стал своим человеком и сумел использовать завязанные знакомства для расширения моих деловых начинании.

Благодаря моему талаиту быстро заводить знакомства и, несмотря на социальную разницу, дружиться, мне удалось в первую очередь поближе сойтись с людьми из придворной службы и заинтересовать их в моих делах.

Таким образом я все более и более проникал ко двору и знакомился с его обыденной жизнью. Я старался быть всячески полезным моим новым знакомым. Мое знание жизни и коммерческий опыт принесли много выгод людям, которые занимали аысокое общественное положение, но были в козяйственно-бытовых вопросах, как то: покупке или продаже каких-либо цениостей или получении кредитов, совершенно беспомощим. Необходимо заметить, что петербургское великосветское общество отличалось особенным незнанием деловой стороны жизни.

Исключительное значение имело для меня знакомство с обоими братьями князьями Витгенштейн, служившими в личном конвое императора Николая II.

При их содействии я познакомился с очень влиятельной придворной дамой императрицы Александры, княгиней Орбелиани, с кавказскими князьями Уча-Дадиани и Алек-Амилахвари и малопомалу со всем офицерским составом царского конвоя. Позднее я завязал знакомство со всеми придворными дамами императрицы, известной Анной Вырубовой, Никитиной, госпожой фои Ден и княгиней Астамаи-Голициной. Я получил доступ к царскому дворцу и, наконец, был знаком почти со всем придаорным штатом. Очень большую ценность имело для меня знакомство с придворным метрдотелем, французом Пуансэ, который пользовался громадным влиянием срепи служащих.

Совместио с Пуансэ я учредил шахматиый клуб, который в сущности был карточным клубом. Находившиеся в постоянной денежной нужде князья Витгенштейн были также сделаны участниками

клуба. Таким путем я испосредственно заинтересовал многих влиятельных лиц из придворных кругоа и свиты царя в некоторых из моих предприятий.

Судьба обоих братьев Витгенштейн, родственников Гогенцоллернов, очень трагичиа. Один из иих был убит на дуэли из-за одной кокотки, а другой, женатый на известной красавице, цыганке Лизе Массальской, подааился куриной косточкой. Оба были очень дружиы с царем и часто участвовали с ним в полойках.

После их смерти я принял компаньоном а мой шахматный клуб князя Уча-Дадиани, которыи находился в особенно хороших отношениях со двором. Он был другом дома княтини Софии Тархановой. Одна дочь киягини вышла замуж за князя Геловани. По желанию Геловани он миою был проведен в председатели моего игорного клуба.

Первое мое знакомство с придворными дамами произошло в доме бывшей любовницы. Николая II, княгини Орбелиани. В это время она была уже парализована. Невзирая на ее бывшие отношения к царю, она пользовалась благоволением царицы, которая часто брала эту несчастную парализованную женщину в свой экипаж на прогулки.

Императрица аообще редко показывала свою ревность, котя поводов к ией было немало. В доме княгини Орбелмани я впервые выступал как ювелир, продавец и специалист «по бриллиантам». Скоро я им стал необкодим. Мне удалось завоевать благожелание и доверие многих высокопоставленных лиц и я сделался посвященным во многие тайны придворной жизни. Я начал чуаствовать прочную почву под своими ногами. Моя самоуверенность росла, в особениости, когда я видел, как многим лицам импонировали мои отношения к придворным кругам. Мои просъбы и пожелания стали удовлетворяться в соответствующих правительственных местах. Нашлось уже много людей, которые котели быть мие полезными и услужливыми. Со своей стороны я также старался быть приятным этим лицам.

Через княгиню Орбелиани я был представлен царице. Она как-то вызвала меня во дворец, чтобы посоветоваться со мной о какихто драгоценностях. Для меня это было очень важно. Царица приняла меня в доме княгини Орбелиани и наша астреча была очень непринужденной. Я получал от нее неоднократно заказы, которые я исполнял быстро и добросовестно. Императрица оставалась мною повольна и стала мне доверять. Мне была известна ее бережливость и на продаваемые драгоценности я назначал очень низкие цены. Купивши что-нибудь у меня, она потом справлялась у придворного ювелира Фаберже о цене и, если он удивлялся дешевизне, государыня была очень довольна. Для меня, конечно, было самое важное -- благожелание царицы. Часто покупала она драгоценности также в рассрочку. Я шел всегда ей навстречу и этим доставлял ей особенное удовольствие. Лица ее окружения также стремились при покупках драгоценностей к уступкам с моей стороны. Я охотио уступал им, чтобы завоевать расположение этих лиц ко мне. Потом уже эти же лица старались сослужить

CTAPELL

В это время — в 1905 году — появился при царском дворе Григорий Распутин.

Еще до появления его при дворе были распространены самые фантастические слухи об этом таинственном человеке, основанием которых служили письма супруги великого князя Николая Николаевича, Анастасии и ее вышедшей замуж за великого князя Петра Николаевича сестры Милицы.

Обе сестры как раз в то время находились в киевском монастыре.

Они сообщали из Киева о чудесном старце, которого они котели взять с собои в Петербург. Этот человек — не монак и не священник, но обладает душевной силой.

Уже давно в окружении царицы перешептывались, что царица передала своим детям нездоровую кровь, которая является возбудителем болезней и причиной разных несчастий. Должен заметить, что среди придворных кругов было сильно развито суеверие. В этом отношении они не стояли выше простого хрестьяиства. Большинство лиц из царского окружения были очень ограничены, неопытны и беспомощны в самых обыденных жизненных вопросах. Вырубова, княгиня Орбелиани и другие придворные дамы передавали царской чете то, что они слышали о Распутине. Царь и царица как раз переживали очень тяжелые дни. Их угнетали опасения перед своей родней, двором и неизвестной будущностью. Надвигалась буря революции. Когда до них донеслись слухи о Распутине и его чудесах, в них зародилась надежда, что он мог бы помочь Более всего они надеялись, что он мог бы иссцелить тяжко больного царевича.

И до Распутина неоднократно при русском дворе появлялись многочисленные страниики, монахи, предсказатели и тому подобиме личности. Царская чета охотно беседовала и советовалась с ними. Советы исполнялись в точности, ио ничего не помогало. После нескольких собеседований, совместных молита и религнозных наставлений обычно интерес царской семьи к ним нечерпывался и они могли идти своей дорогой.

Между царем и царицей возникали очень часто ссоры. Оба были очень нервны. По несколько иедель царица не разговаривала с царем — она страдала истерическими припадками. Царь много пил, выглядел очень плохо и сонно, и по всему было заметно, что он ие властеи над собой. Как раз в это время появились слухи о чудесиых исцелениях Распутина. Рвссказывали, что своими чудодействующими травами он врачует от самых тяжелых болезней. Все это дало пищу надеждам царской четы, и был отдан приказ доставить Распутина как можно скорее в царский дворец.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА РАСПУТИНА С ПРИДВОРНЫМИ ДАМАМИ

Откуда взялся Распутин и каким путем он мог достигнуть такого огромиого влияния и иеслыханного значения?

Я уже сказал, что в петербургском обществе Распутин нашел корошо подготовленную почву. Он отличался от других соминтельных личностей, ясновидящих, предсказателей и тому подобных людей своей изумительной силой воли. Кроме того, он никогда не преследовал личных мелочных интересоа и его стремление к влинию над людьми вызывалось только жаждой к власти. Его сильная личность требовала выявления власти. Он любил приказывать и распоряжаться людьми. Это стремление обнаружилось у него еще до его появления в Петербурге, когда он еше проживал в стесненных условиях и, конечио, в значительно сильной мере, Петербурге, когда он достиг своих баснослоаных услехов.

Распутии появился за девять лет до иачала великой войны и дальнейшие события я буду передавать по рассказам самого Распутина.

Великая княгния Анастасия, супруга Николая Николаевича, и ее сестра Милица отправились на богомолье а Киев. Они остановились в подворье Михайловского монастыря. Однажды утром они на дворе монастыря заметили обыкновенного странника, занятого колкой дров. Он работал для добывания себе пропитания. Это был Распутин. Он уже посетил много святых мест и монастырей и находился на обратном пути своего второго путешествия в Иерусалим. Распутин пристально посмотрел на дам и почтительно им поклонился. Они задали ему несколько вопросов и таким образом завязался разговор. Незнакомый странник показался дамам очень интересным. Он рассказывал о своих странствованиях по святым местам и о своей жизни. Он много видел и пережил. Два раза он пешком проделал далекую дорогу из Тобольска в Иерусалим и знал все знаменитые большие монастыри, а также мог миогое рассказать о знаменитых монаках. Его рассказ привлекал высокопоставленных дам и его повествования на религнозные темы импонировали им. Первое знакомство закончилось приглашением его на чай.

Распутин вскоре воспользовался приглашением. Великие княгини, которые свою поездку на богомолье совершали инкогнито, скучали и рассказы Распутина доставляли им развлечение, которого им не доставало. Поэтому они радовались видеть в своих покояк своеобразную карактерную фигуру Распутииа.

Распутии рассказывал своим новым незнакомкам, что он простой человек села Покровского Тобольской губернии. Его отец еще жиа и занимается погрузкой и выгрузкой барж на реке Туре, Семья его состояла из его жены Прасковы, сына Мити и дочерей Марьи и Вари. Далее Распутия рассказывал, что хотя он и человек необразованный, еле разбирающий грамоту, он часто на железно-дорожных станциях и пароходных пристанях проповедует народу. Он гордился своим проповедническим талантом и утверждал, что ему не трудно побороть даже ученых миссионеров и богословов. В особенности он подчеркивал свое знаиме «церковного права», но трудно было уяснить, что он поимает под церковным правом. Во всяком случае несомненно одно, что Распутин своими религиозными познаниями приводил в изумление даже епископов и академически образованных богословов.

Посещение Распутиным петербургских дам становилось все чаще. Они окотно с ним встречались, угощали его и относились к нему весьма любезно. В личности Распутина было что-то, что привъгкало людей к нему. В особенности дамы, сами того не замечая, легко попадали под его влияние. Когда Распутин узмал, кто его новые знакомые, он в особенности постарался заручиться их расположением, значение которого для него сразу стало ясным. Конечно, он в то время еще и не предвидел, какая значительная роль ему предначертана при царском дворе, но сразу сообразил, какие блестящие возможности ему откорывоются.

Распутин сообщил дамам, что ои обладает способностью излечивать все болезни, никого не боится, может предсказать будущее и отвести предскоящее несчастье. В его рассказах было много огия и убедительности, и его серые пронизывающие глаза блестели так сугтестивно, что его слушательниц охватывало какое-то вос-

кищение перед ним. Они проявляли перед ним какое-то мистическое поклонение. Легко подвергающиеся суеверию, они были убеждены, что перед ними чудотворец, которого искали их сердца. Одна из них спросила его как-то вечером, может ли он излечить гемофилию. Ответ Распутина был утвердительным, причем он пояснил, что болезнь эта ему корошо известна и описал ее симптомы с изумительной точностью. Нарисованная картина болезни вполне соответствовала страданиям цесареанча. Еще большее впечатление оставило его заявление, что он уже излечил иесколько лиц от этой болезни. Он называл также травы, которые для этого применялись им. Дамы были счастливы, что им представляется возможность оказать царской чете громадную услугу излечением ее сына. Они поведали Распутину о болезни наследника, о которой в то время в обществе еще ничего ие было известно, и он предложил излечить его.

Таким образом завязался узел, развязка которого последовала лишь убийством чудотворца и бурями второй революцин.

Началось царствование Распутина. «...»

РАСПУТИН — ЛЮБИМЕЦ ЦАРСКОИ ЧЕТЫ

Распутин прибыл в Петербург не по железной дороге, а пешком и при этом босиком. Он остановился в монастырской гостинице, как гость архимандрита Феофана. Это и послужило поводом к слухам, что Распутина рекомендовал Николаю Николаевичу Феофаи.

Из монастырской гостиницы Распутин переехал на квартиру генеральши Лохтиной на Николаевской улице.

Эксцентричная и не отдававшая в своих дейстаиях отчета, госпожа Локтина была известна тем, что она всегда носила белый шелковый цилиндр. Генеральша была чрезвычайно предана Распутния и обучала его грамоте. От нее Распутни перебрался к Сазонову, родствениику министра иностранных дел, на Ямскую улицу. Позднее Распутин жил на Английской набережной, и наконец поселился на Гороховой улице, в доме № 64, где и проживал до самой смерти.

В Царском Селе Распутина ожидали с нетерпеннем, но приняли сдержанно. Великая княгиня Анастасия встретила Распутина в Петербурге и вскоре ввела его к царице. Он оставил приятиое впечатление, вел себя спокойно и с достоинством, рассказывал о своеи жизни и избегал квастаться своей сверхъестественной силой. Он зиал, что великие киягини уже достаточно его разрекламировали.

С первой же встречи с царевичем он отнесся к больному мальчику с особениой предупредительностью. Он владел даром влиять на людей успокаивающим образом. Его спокойствие и уверенное обращение сильно влияли на людей. Его особенное искусство воздействовать на больных сразу поставило его в надлежащее положение у кровати страдающего мальчика.

Бедный ребенок страдал кровотечением из носа, и врачи не в силак были ему помочь. Обильные потери крови обессиливали мальчика и в этих случаях родителям всегда приходилось дрожать за его жизнь. Дни и ночи проходили в ужасном волнении. Малеиький Алексей полюбил Распутина. Сугтестивные способности Распутина оказывали свое действие. Однажды, когда опять наступило кровотечение из носа, Распутин вытащил из кармана ком древесной коры, разварил ее и в кипятке и покрыл этой массой все лицо больного. Только глаза и рот остались открытыми. И произошло чудо: кровотечение прекратилось. Распутин рассказывал мне подробно об этом своем первом выступлении в царском дворце в качестве арача. Он не скрывал, что кора, которой он покрыл лицо царевича, была обыкновенной дубовой корой, имеющей качество останавливать кровотечение. Царская чета при этом случае же узнала, что существуют сибирские, китайские и тибетские травы, обладающие чудесными целебными свойствами. Распутин между прочим умел исцелять также без помощи трав. Болел кто-нибудь головой и ликоралкой — Распутин становился сзади больного, брал его голову в свои руки, нашептывал что-то, никому непонятное, и толкал больного со словом «Ступай». Больной чуаствовал себя выздоровевшим. Действие распутниского нашептывания я испытал на себе и должен признаться, что оно было ошеломляющим.

Распутин возбуждал в окружающих его людях самые разнообразные чувства. Одни испытывали перед ним какую-то странную боязнь, другие глубокое почитание, а третьи его ненавидели. Царская семья находилась всецело а его власти и царь подчинялся вполне его влиянию. Распутин управлял им. Я не сомневаюсь в том, что Распутин потерял бы значительную долю своего влияния, если бы наследник выздоровел. Не подлежит сомнению, что здоровье иаследника благодаря уходу Распутина значительно улучшилось, но он никогда совершенно не поправлялся. Распутии сумел внушить царю, что болезнь наследника опасна для иего только до восемнадцатилетнего возраста и что после этого срока он совершению избавится от болезни. При всяком укудшении здоровья мальчика и при малейшем его недомогании призывался чудотворец; он обладал необъяснимой аластью над мальчиком. Неодно-

кратно было достаточно телефонного разговора, чтобы прогнать бессониицу или ликорадку. Этими обстоятельствами и объясняется необыкновенное влияние Распутииа на царицу. Не лишеиная искоторого болезненного оттенка, материнская любовь царицы делала ее рабыией Распутина. Он умел эти необычайные обстоятельства использовать для себя... Я догадываюсь, что в некоторых случаях он нарочно способствовал тому, чтобы обстановка эта сложилась как можио более выгодно для него.

Несмотря на свою необразованность, он был очеиь хитрым и ловким человеком. Было естественно, что он котел свою сказочную власть удержать как можно дольше, к чему равно с ним стремилось все окружение царя, большииство придворных чинов, министров, генералов и прочих высокопоставленных лиц, которые меньше заботились об интересах родины, и главным образом стремились как можно дольше удержать в своих руках власть. Разиица между ними и сибирским мужиком состояла в том, что они не обладали особыми дарованиями и влиянием на царя.

В конце концов власть Распутина была даже больше власти царя, так как в некоторых случаях он мог добиться больше, чем император «всея России».

Распутин умел за счет царя окружить себя людьми, которые ему были преданы душой и телом и служили ему не за страк, а за совесть. С другой стороны, он видел возрастающую с каждым днем против него вражду. Против него открылся настоящий поход. Его враги изо дия в день становились все многочисленнее и сильнее. Они старались восстановить против него всю Россию. Их работа не оставалась безрезультатной, ио одного они не могли достичь: разлучить царя и царицу с Распутиным.

Любовь царской четы к Распутину еще более окрепла, и даже просьбы и угрозы не могли ничего изменить. Хоть царь и царица не могли не видеть грозивших им из-за Распутина опасностей, но они не обращали на них внимания. Возникала неслыханная борьба, в которой против царя выступали: его народ, его ближайшие сотруднуки и его родня.

Протестами против Распутина, грязиыми и лживыми доиосами на него отравлялась жизнь царской четы. Но всегда безвольный, царь оставался в этом вопросе непоколебимым. Другой на его месте пожертвовал бы не только Распутиным, но и самым дорогим и любимым, лишь бы спасти уже в то время колеблющуюся корону. Но Николай пошел как раз противоположиой дорогой. Он всем пожертвовал, лишь бы оставить около себя Распутина. При этом погиб не только он сам и его семья, но и великое государство.

МОЯ ДРУЖБА С РАСПУТИНЫМ

Я познакомился с Распутиным еще в Киеве, до того, как он стал известен в Петербурге. В Петербурге я совершенно случайно встретил его у княгиии Орбелиани, с которой я был в хороших отношениях. Впоследствии я его часто видел у Вырубовой.

При первой встрече на меия оказали сильное влияние его выразительные глаза. Эти глаза одновременно и прикоаывали человска и вызывали какое-то иеприятное чувство. Я аполне понимаю, что его взгляд оставлял на людей слабых и легко подвергающихся чужому влиянию очень сильное впечатление.

Вырубова нуждалась в моем деловом совете по вопросу, касающемуся Распутина. Распутин отнесся ко мне весьма почтительно и показал, что он готов взаимно услужить. Я заметил, что этот мужик умел ценить хорошие отношения. Мы сделались скоро друзьями. Мне в руку сыграло то обстоятельство, что Распутин не имел никакого понятия о финаисовой стороне существования и очень неокотно занимался финаисовыми вопросами. Неоднократно в своей прошедшей жизни ему приходилось попрошайничать, проживать бесплатно в монастырях, монастырских гостиницах или у зажиточных крестьян. Будущиость его интересовала очень мало. Он был вообще человеком беспечным и жил настоящим днем. Царский двор заботился о нем в Петербурге, но он оставался в столице беспомощным и чужим. Несмотря на свою близость к царской семье, он оставался одиноким. Его могучии и чувственный темперамент требовал сильных и возбуждающих переживаний. Он любил вино, женщин, музыку, танцы и продолжительные и интересные разговоры. В царском дворе он этого ничего не имел. Во дворце велась совершенио особая жизнь и творившиеся там человеческие низости оставались скрытыми под маской притворства и кажущейся добродетели. Это не подходило Распутину. В присутствии царя и царицы Распутин сдерживал свой страстный характер. Но его личная жизнь была беспорядочна, и он не был в состоянии завести налаженный домашиий очаг. Виачале он жил на случайные подачки царя. Здесь ему потребовалась моя помощь, и это было основой нашей дружбы.

Я принял на себя клопоты о его материальном благополучии, и Распутии был очень рад, что освобождался от этих забот. Вскоре я сделался для него незаменимым. Я заботился о всех мелочах и нуждах его ежедневной жизни. Мой опыт и мое знакомство

со столичными условиями ему импонировали. Я помогал ему ориентироваться в Петербурге. Многое было для него иово — и он привыкал постепенио руководствоваться во всем моими советами. Таким образом я сделался его секретарем, ментором, управляющим и защитником. В результате Распутин без меня не предпринимал ничего важного. Я посаящался во все его дела и тайны. В случаях непослушания мне приходилось на него частенько прикрикивать, после чего Распутин вел себя как провинившийся школьник. Общественность об этом ничего не знала, и все были только уверены, что благодаря Распутину мне представляется возможным провести у царя, царицы, министров и прочих власть имеющих сановинков почти все. что я желаю.

ЛИЧНОСТЬ РАСПУТИНА

Своей анешностью Распутии был иастоящий русский крестьянин. Он был крепыш, среднего роста. Его светло-серые острые глаза сидели глубоко. Его взгляд проиизывал. Только иемногие его выдерживали. Он содержал сугтестивную силу, против которой только редкие люди могли устоять. Он носил длинные, на плечи ниспадающие волосы, которые делали его похожим на монаха или священника. Его каштановые волосы были тяжелые и густыс.

Духовных лиц Распутии не ставил высоко. Он был верующим, но не притворялся, молился мало и неохотно, любил, однако, говорить о боге, вести длинные беседы на религиозиме темы и, несмотря на свою необразованность, любил философствовать. Его сильно интересовала духовная жизнь человека. Он был знаток человеческой психики, что ему оказывало большую помощь. Регуляриую работу он не любил, так как был лентяем, но мог в случае необходимости напряженно физическия работать. Временами физическая работа была для него необходима.

Вокруг Распутина собралось иесчетное количество легенд. Я не намерен состязаться с сочинителями всяких скандальных историй и кочу лишь передать мои наблюдения над действительным Распутиным.

На лбу Распутин имел шишку, которую он тщательно закрывал своими длиниыми волосами. Он всегда носил при себе гребенку, которой расчесывал свои длинные, блестящие и всегда умасленные волосы. Борода же его была почти всегда в беспорядке. Распутин только изредка расчесывал ее щеткой. В общем он был довольно чистоплотным и часто купался, но за столом он вел себя малокультурно. Он пользовался только в редких случаях ножом и вилкой, и предпочитал брать кушанья с тарелок своими костлявыми и сухими пальцами. Большие куски он разрывал, как зверь. Только немногие могли при этом смотреть на него без отвращения. Его рот был очень велик, но вместо зубов в нем виднелись какието черные корешки. Во время еды остатки пищи очень часто застревали в его бороде. Он никогда не ел мяса, сладостей и пирожных. Его любимыми блюдами были картофель и овощи, которые поставлялись ему его почитательницами. Распутин не был антиалкоголиком, но и не ставил высоко водку. Из других напитков он предпочитал мадеру и портвейи. К сладким винам он привык в монастырях и мог их переносить в очень больших количествах. В своей одежде Распутин всегда оставался верен своему крестьянскому наряду. Он носил русскую рубашку, опоясанную шелковым шнурком, широкие шаровары, высокие сапоги и на плечак поддевку. В Петербурге он охотио надевал шелковые рубашки, которые вышивали для него и подносили ему царица и его поклонницы. При них он также носил высокие лаковые сапоги.

Распутин любил поучать людей. Но он говорил немного и ограиичивался короткими отрывистыми и часто даже непонятными фразами. Все должны были внимательно к нему прислушиваться, так как он был очень высокого мнения о своих словах.

Почитательниц Распутина можно разделить на две категории. Одни верили в его сверхъестественные силы и его святость, в его божественное назначение, а другие просто считали модным за ним укаживать или старались через него добиться для себя или своих близких каких-нибудь преимуществ. Когда Распутина укоряли его слабостью к женскому полу, он обычно отвечал, что его вина уж не так велика, так как очень много высокопоставленных лиц прямо вешают ему на шею саоих любовниц и даже жен, чтобы таким путем добиться от него каких-нибудь выгод для себя. И большинство этих женщин вступали в интимиую связь с ним с согласия своих мужей или близких. Были у Распутина почитательницы, которые навещали его по праздинкам, чтобы поздравить, и при этом обнимали его пропитанные дегтем сапоги. Распутин, смеясь, рассказывал, что в такие дни он особенно обильно мажет свои сапоги дегтем, чтобы валяющиеся у его ног элегантные дамы побольше бы испачкали свои шелковые платья.

Баснословный успех его у царской четы сделал его каким-то божеством. Все петербургское чиновничество пришло в волнение. Одного слова Распутина было достаточио, чтобы чиновинки получали высокие ордена или другие отличия. Поэтому все искали его поддержки. Распутин имел больше власти, чем любой высший сановник.

Не нужно было особых знаний или талантов, чтобы при его

помощи сделать самую блестящую карьеру. Для этого было достаточно прикоти Распутина.

Назначения, для которых была необходима долголетняя служба, Распутиным проводились в несколько часов. Он доставлял людям должиости, о которых они раньше и мечтать не смели. Он был всемогущий чудотворец, но при этом доступнее и надежнее, чем какая-нибудь высокопоставленная особа или генерал.

Ни один царский фаворит — никогда в России не достигал такой власти, как ои.

Распутин не старался перенять манеры и привычки благовоспитанного петербургского общества. Он вел себя в аристократических салонах с невозможным камством.

По-видимому, он нарочио показывал свою мужицкую грубость и мевоспитаниость.

Это была удивительная картина, когда русские княгини, графини, знаменитые артистки, всесильные министры и высокопоставленные лица ухаживали за пьяным мужиком. Он обращался с инми куже, чем с лакеями и горинчными. По малейшему поводу он ругал этих аристократических дам самым непристойным образом и словами, от которых покраснели бы коиюхи. Его наглость бывала неописуема.

К дамам и девушкам из общества он относился самым бесцеремонным образом и присутствие ик мужей и отцов его нисколько
не смущало. Его поведение возмутило бы самую отъявленную проститутку, но несмотря на это почти не было случаев, когда ктонибудь показывал свое возмущение. Все боялись его и льстили
ему. Дамы целовали его испачканные едой руки и не гнушались
его черных ногтей. Не употребляя столовых приборов, он за столом
руками распределял среди своих поклонинц куски пищи и те старались уверить его, что они это считают каким-то блаженством.
Было отвратительно наблюдать такие сцены. Но гости Распутина
привыкли к этому и все это принимали с беспримерным терпением.

Я не сомневаюсь, что Распутин иередко вел себя возмутительнобезобразно, чтобы показать свою ненависть дворянству. С особенной любовью он ругался и издевался над дворянством, называл их собаками и утверждал, что в жилах любого дворянина не течет ни капли русской крови. Разговаривая же с крестьянами или своими дочерьми, он не употреблял ни единого браниого слова. Его дочери имели особую комнату и никогда не заходили в помещения, в которых находились гости. Комната дочерей Распутина была корошо меблирована и из нее вела дверь в кухню, в которой жили племянницы Распутина Нюра и Катя, наблюдавшие за его дочерьми. Собственные комнаты Распутина были почти совсем пусты и в них находилось очень немного самой дешевой мебели. Стол в столовой никогда не накрывали скатертью. Только в рабочей комнате стояло несколько кожаных кресел, и это была единственная более или менее приличная комната во всей квартире. Эта комната служила местом интимных встреч Распутина с представительницами высшего петербургского общества. Эти сцены обычно протекали с невозможной простотой, и Распутин в таких случаях соответствующую даму выпроваживал из своей рабочей комнаты словами: «Ну, ну, матушка, все в порядке!»

После такого дамского визита Распутин обыкновенио отправлялся в напротив его дома находящуюся баню. Но данные а таких случаях обещания всегда исполнялись.

При любовных похождениях Распутина бросалось в глаза, что он терпеть не мог навязчивых особ. Но с другой стороны, он навлоедливо преследовал ие поддававшихся его аожделениям дам. В этом отношении он становился даже вымогателем и отказывался от всякой помощи а делах таких лиц. Бывали также случай, что приходившие к нему с просъбами дамы прямо сами себя предлагали, считая это необходимой предпосылкой для исполнения их просъбы. В таких случаях Распутин играл роль возмущенного и читал просительнице самое строгое нрааоучение. Их просъбы все же исполнялись.

ДОМ РАСПУТИНА

В столовом Распутина объечно собиралось самое разнообразное общество. Каждый посетитель считал своей обязанностью приносить что-иибудь съедобное. Мясные блюда не почитались. Приносили много икры, дорогой рыбы, фруктов и свежего хлеба. Кроме того, на столе стояли всегда картофель, кислая капуста и черный клеб. Бессменно на столе возвышался громадный кипящий самовар. Кладовая Распутина была всегда набита всевозможными запасами. Каждый приходящий мог угощаться по своему желанию. Иногда можно было наблюдать сцену, когда Распутин бросал куски черного клеба в миску с ухой, вытаскивал своими руками эти куски опять из уки и распределял между своими гостями. Последние принимали эти куски с воодушевлением и съедали их с удовольствием. На столе всегда находилась куча сукарей из черного клеба и соль. Распутин любил эти сухари, а также предлагал их своим гостям, среди которых постоянно находились кандидаты на министерские посты и другие высокие должности. Распутинские

сухари пользовались в Петербурге большой популярностью. Его козяйство вели его племянницы Нюра и Катя. Прислуги он не держал.

Съестиме припасы я доставлял Распутину на дом. Я заботился о том, чтобы Распутии и его семья получали бы все необходимое; по этому поводу у нас с ним существовало молчаливое соглашение. Николай II знал, что пока его любимец находится на моем попечении, он ни в чем нуждаться не будет. Распутии принимал мои услуги, но никогда ие спрашивал об их мотивах. Он даже не интересовался, откуда я доставал деньги. В случае какойлибо иужды ои всегда просто обращался ко мне.

Жизнь Распутииа требовала громадных сумм, и я всегда их доставал. В последиее время по распоряжению царя из министерства внутренних дел отпускались ежемесячно пять тысяч рублей, опри широком образе жизни Распутина и его кутежах этои суммы никогда не хватало. Не хватало также моих личных средств на покрытие всех раскодов. Поэтому я доставал Распутину деньги из особых источников, которые, чтобы не повредить монм единоверцам, я никогда не выдам.

Если бы Распутин думал лишь о собственных выгодах, то он накопил бы большие капиталы. Ему не стоило бы много труда получать от лиц, которым он устраивал должности и всякие другие выгоды, денежные вознаграждения. Но он никогда не требовал денег. Он получал подарки, но они не были высокой стоимости. Например, ему дарили одежду или платили по его счетам за кутежи. Деньги ои принимал лишь в тех случаях, если он ими мог комунибудь помочь. Бывали случаи, что одновременно с какимлибо богачом у него находился бедиый, хлопочущий о помощи. В таких случаях он предлагал богачу давать бедному несколько сот рублей. С особым удовольствием он помогал обращающимся к нему за помощью крестьянам. Случалось, что он своих просителей посылал к еврейским миллионерам: Гинцбургу, Соловейчику, Манусу, Каминка и другим с записками о выдаче им той или другой суммы. Эти просьбы всегда удовлетворялись. Когдв Распутина посещал М. Гинцбург, то он обычно отнимал у него все при нем находящиеся наличные деньги и распределял ик среди всегда в его доме толпящейся бедноты. В таких случаях он любил выражаться: в доме накодится богатый человек, который кочет распределить свои деньги среди бедняков. Но для себя он инчего не требовал. Я пытался его заинтересовать в моих делах, но он всегда отказывался. Если его котели отблагодарить, то нужно было искать особые пути. От природы он имел доброе сердце. Случалось лишь очень редко, что он а исполнении какой-нибудь просьбы отказывал. В серьезных случаях он показывал себя всегда очень деликатным и всегда готовым к помощи. Он очень подробно расспрашивал своих просителей, и ему было очень неприятно, если он не мог им помочь. Он окотно выступал за обиженных и униженных, и принимал жалобы на власть имущих.

Между 10 — 1 у него всегда бывал прием, которому мог позавидовать любой министр. Число просителей иногда достигало до 200 лнц, и среди них находились представители самых разнообразных профессий. Среди этих лиц можно было встретить генерала, которого собствениоручно побил великий князь Николай Николаевич, или уволениого вследствие превышения власти государственного чииоаника. Многие приходили к Распутину, чтобы выхлопотать повышение по службе или другие льготы, иные опять с жалобами или доиосами. Еареи искали у Распутина защиты против полиции или военных властей. Но мужчины терялись в массе женщин, которые являлись к Распутину со всевозможными просьбами и по самым разнообразиым причинам.

Если он не спал после ночного кутежа, то ои обычно выкодил к этой разношерстной, набившей все углы его квартиры толпе просителей. Он низко кланялся, оглядывал толпу и говорил: «Вы пришли все ко мне просить помощи. Я всем помогу».

Почти никогда Распутин ие отказывал в своей помощи. Он никогда не задумывался, стоит ли проситель его помощи и годен ли ои для просимои должности. Про судом осужденных он говорил: «Осуждение и пережитый страх уже есть достаточное наказание».

Для Распутина было решающим то, что проситель нуждался в его помощи. Он помогал всегда, если было только возможно, и он любил унижать богатых и власть имущих, если он этим мог показать свои симпатии бедным и крестьянам. Если среди просителей находились генералы, то он насмешливо говорил им: «Дорогие генералы, аы привыкли быть принимаемыми всегда первыми. Но здесь находятся бесправные евреи, и я еще их сперва долже: отпустить. Евреи, подходите. Я хочу для вас все сделать».

Далее евреи уже поручались мне и я должен был от имени Распутина предпринимать соответствующие шаги.

После еареев Распутин обращался к другим посетителям, и только под самый конец он принимал просьбы генералов. Он любил во время своик приемов повторять: «Мне дорог каждый прикодящий ко мие. Люди должны жить рука об руку и помогать друг другу».

Жена Распутина приезжала в Петербург, чтобы навестить своего мужа и детей, лишь раз в год, и оставалась на самое короткое время. Во время ее приездов Распутин ие стеснял себя, но обходился с ней очень приветливо и любил ее по-своему. Она не обращала много внимания на любовные похождения своего мужа

и в таких случаях говорила: «Он может делать, что кочет. У него РАСПУТИН И ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ хватает для всек».

Он целовал своих аристократических поклонниц в присутствии своей жены, и ей это даже льстило. Обычно очень упрямый, легко вспыльчивый, не терпящий противоречни и готовый всегда драться со своим противником, Распутин относился к своей жене очень податливо. Они жили в сердечной дружбе и никогда не спорили между собой.

Однажды приезжал в Петербург также отец Распутина, чтобы вблизи посмотреть на успехи своего сына. Он в Петербурге оставался очень короткое время, поехал обратно домой и скоро там умер. Сын Распутина Дмитрий был очень тихий и добродушный мальчик. Он был мало даровит и учился плоко. После двухлетнего посещения дуковного училища, он аернулся в село Покровское сделался там крестьянином и теперь, еще живет там со своем женой и матерью. Во время войны он стал военнообязанным, но отеп его не пустил на фронт, а устроил помощиимом санитара а императорском санитарном поезде.

РАСПУТИН КУТИТ

Страстный кутила, Распутин находился а наилучших отношениях со всеми прожигательницами жизни столицы. Любоаницы великих князей, министров и финансистов были ему близки. Поэтому он знал все скандальные истории, связи высокопоставленных лиц, ночные тайны большого света, и он умел все это использовать для расширения своего значения в правительственных кругах. Петербургские великосветские дамы, кокотки, знаменитые артистки и веселые аристократки, все были горды своими отношениями к любимцу царской четы. Все они были ослеплены его успехами. Дружба с Распутиным давала им возможность знать много разных тайн, обделывать свои темные делишки и делать свою собственную или близких им людей карьеру. Разные прожигательницы жизии имели в то время особое влияние в Петербурге и занимали какое-то особое положение а дореволюционное время.

Случалось часто, что Распутин звонил к одной из своих приятельниц из этого круга и приглашал в известный ресторан. Приглашения всегда принимались и начинался кутеж. Дамы эти пользовались удобным случаем, чтобы похлопотать у Распутина за своих друзей, любовников и родных. Очень многие из этих дам обогащались таким способом, так как Распутин а таких случаях был очень податливым.

Владелец загородного ресторана «Вилла Роде» построил для ночных кутежей Распутина специальный дом. Там можно было встречать часто лиц с очень громкими именами и титулами; при этом дамы из общества старались своими выходками перебить хористок и шансонеток. Обычно призывался цыганский хор, так как Распутин очень любил пыганское пение. Он был также страстным танцором и великолепно танцевал русские танцы. В этом отношении было трудно с ним конкурировать даже профессиональным тан-

Отправляясь на кутежи. Распутин всегда набивал свои карманы разными подарками: конфетами, шелковыми платками и лентами, пудреницами, духами и тому подобными аещами. Распутин очень радовался, если после его прихода в ресторан все эти вещи расхищались из его карманов, и кричал весело: «Цыганки меня обворовалиl»

Бывало очень редко, чтобы при таких кутежах не присутствовал какой-нибудь министр или кандидат в министры.

Однажды во время такого кутежа была предпринята попытка убить Распутина.

Несколько молодых людей и офицеров сумели устроить себе доступ на место кутежа. Вначале все было тико, но когда Распутин вышел на середину комнаты, приглашая партнершу на танец, офицеры аскочили и обнажили свои шашки. У штатских появились в руках револьверы. Распутин отскочил а сторону, обвел заговорщиков страшным взглядом и вскрикнул: «Вы хотите покончить

Заговорщики стояли окаменелые, как парализованные. Они не могли отвернуться от взгляда Распутина. Все затихли, Случай произвел на всех присутствующих сильное впечатление.

Распутин пояснил: «Вы были моими врагами, но теперь вы больше не враги. Вы аидели, что моя сила победила. Не сожалейте, что вы сюда пришли, но и не радуйтесь, что аы можете уйти. Не существует больше такой власти, которая могла бы направить вас против меня. Ступайте домой. Я хочу остаться с моими здесь и отдохнуть».

Молодые люди опустились перед Распутиным на колени и умоляли его их простить.

Я вам не прощу, — ответил Распутин, — так как я вас сюда не приглашал. Я не радовался, когда вы пришли, и не горюю, когда вы уходите. Теперь уходите. Вы излечены. Ваши гибельные намерения пропали.

Заговорщики оставили помещение.

В Петербурге усиленно распространялись слуки, что Распутин находится в интимной связи с царицей и ведет себя также неблагопристойно по отношению к царским дочерям. Эти слухи не имели ни малейшего основания.

ЧЕВИДЦА

0

Z

ПЕРО

Распутин никогда не являлся во дворец, когда там не было царя. Я не знаю, по собственной ли инициативе или по царскому указанию он так поступал. Изредка Распутин встречался с царицей в ее лазаете, но асегда в присутствии саиты.

Также а слуках о царских дочерях нет ни слова правды. По отношению к царским детям Распутин был всегда внимателен и благожелателен. Он был против брака одной из царских дочерей с великим киязем Дмитрием Павловичем, предупреждая ее и даже советуя не подавать ему руки, так как он страдает болезнью, от которой можно было заразиться при рукопожатии. Если же рукопожатие неизбежно, то Распутин советовал сейчас же после этого умываться сибирскими травами.

Советы и указания Распутина оказывались всегда полезными, и он пользовался полным доверием царской семьи. Царские дети имели в нем верного друга и советника. Если они вызывали его недовольство, то он совмил их. Его отношения к ним были чисто отеческие. Вся царская семья верила в божественное назначение Распутина.

Он часто упрекал царицу в ее скупости. Он был очень недоволен. что вследствие бережливости царские дочери кодили плоко одетыми. Скупость нарины при дворе вошла в поговорку. Она стоемилась лаже в мелочах экономить. Ей было до того тяжело расставаться деньгами, что она даже платья покупала в рассрочку.

Грязные сплетни давали мне повод к частым разговорам с Распутиным по поводу его отношений к царице и ее дочерям. Эти злостные сплетни меня сильно беспокоили и я считал бессовестным распространение безобразных слуков про безукоризненно ведших себя царицу и ее дочерей. Чистые и безупречные девушки не заслуживали этих распространяемых бессовестными создавателями сенсаций обвинений.

Несмотря на их высокое положение, они были беззащитны против такого рода слуков.

Было стыдно, что даже родственники царя и высокие сановники также занимались муссированием этих слухов. Их поведение можно назвать тем более низким, что им доподлинно была известна аздорность этих слуков. Распутин возмущался этими слуками, но по причине чуаства своей невиновности не принимал их особенно горячо к сердцу. Я учитыавл положение в этом отношении иначе, и считал необходимым выступать против этих слухов и часто упрекал Распутина в его безразличии к этому вопросу.

Что ты кочешь от меня, -- кричал на меня во аремя таких разговоров Распутин, - что я могу сделать? Разве я виноват, что про меня клевещут таким образом?

- Но недопустимо, чтобы из-за тебя разводились нелепые сплетни на великих княжон. — возражал я. — Ты должен же понять, что каждому жаль бедных девушек, и что даже царицу замешивают в эту грязь.

 Убирайся к черту, — кричал Распутии. — Я ничего не сделал. Люди должны понять, что никто не загрязняет то место, где он кушает. Я служу царю и никогда ничего подобного не осмелюсь сделать. На такую неблагодарность я не способен. И что ты думаешь, что сделал бы царь а таком случае?...

Все происходит оттого, что ты постоянно гоняешься за юбками. Оставь этих баб. Ты же не можешь пропустить мимо себя ни олной женшины

 Разве я виноват? — аозражал Распутин. — Я не насилую ик. Они сами шляются ко мне, чтобы я за ник хлопотал у царя. Что мне делать? Я здоровый мужчина и не могу противостоять, когда ко мне приходит красивая женщина. Почему мне не брать их. Не я ищу их, а они приходят ко мне.

Но этим ты вредишь всей царской семье. Этим ты возмутил против себя всю Россию, дворянство и даже заграницу. Пора кончать. Мие ты не вредишь, но в твоих собственных интересак ты должен покончить с этим, пока не поздно. Иначе ты пропадешь.

Распутин обращал мало внимания на мои предупреждения. Когда же, мучаясь особенно плокими предчувствиями, я усиленно настаивал, он обыкновенно отвечал:

Подожди только. Сперва я должен помириться с Вильгельмом, а потом я пойду на богомолье в Иерусалим.

Такого рода разговор как-то раз произошел также в присутствии Вырубовой, сестер Воскобойниковых, госпожи ф. Ден, Никитиной и других. Я видел, что все они со мной соглашались, но ни одна из них не имела мужества открыто высказать свое мнение.

(Продолжение следует)

Мы открываем и изучаем сегодия нашу советскую историю как бы заново. И в этом духовно-созидательном и гражданском процессе важное значение имеют свидетельства очевидцев, миение которых долгое время от нас прятапось или подавалось в искаженном виде, пишенное правдивости, точного изпожения фактоа, а иногда и смысла... Книга Лиона Фейктвангера «Москва 1937» [Гослитиздат, 1937] из разряда именно таких. Изданная сначала а Амстердаме, а потом в Москве, она на многие десятипетия пропапа из нашего внимания. Чем же она интересна нам теперь! С одной стороны — Фейхтвангер не топько талантпивый писатель, широко изаестный а мире, но и тонкий психопог, историк, написавший несколько блестящих исторических романов, таких, как «Лже-Нерои», «Гойя...», «Братья Лаутензак»... С другой стороны — он не отпичался особыми симпативми к социализму и коммунистической идеопогии, к тому же в пору приезда в СССР ои жил в эмиграции, вынужденный покинуть гитперовскую Германию, с ее огоптепым национапизмом и антисемитизмом... Однако он принял приглашение и приехап в Советсиий Союз, провел у нас более двух месяцев и опубликовал книгу с заметками о поездке, иззваа ее «Отчетом о поездке для моих друзей». Во аремя пребывания в Москве он встречансв не топько с писатепями и

линым, с которым имеп продолжительную беседу. Обо всем этом Фейхтвангер написал отировенио и без каких-пибо прикрас... Наша писательскав общественность не рассчитывала на такой благополучный исход дела. Книга была немедлению переведена и, как утверждают легенды, рукопись перевода поквзана Сталину, поскопьку ему в ней былв отведена добрая поповина... «Отчет о поездке...» ему понравипся, он, будто бы сам, по всей книге сделап в каждой главе смысловые подзаголовки, с твм, чтобы массовый читвтель более точно ориентировапся в мыслях писатепя... И сразу же быпа издана небывалым по тем временам тиражом в 200 тысяч экземпляров! Только в предисловии от издательства все же указапи, что «киижка содержит ряд ошибок и неправильных оценок. В этих ошибках легко может резобраться советский читатель. Тем не менее кинжка представляет интерес и значение, как полытка честио и добросовестно изучить CORRECCION CO1033.

интеппигенцией, но и был принят в Кремпе Ста-

Имению этими соображеннями руководствовапись и мы, выбрав из нее ие скопью глав для публикации. Очень сожалеем, что, ограниченные журнальным объемом, ие имеем возможности изпечатать этот очерк целиком, одиано утешаем себя надеждой, что это сделает квкоениюбудь издательство. Наш сегодияшний плюрализм предполагает и исторический взгляд на огиениые годы социалистических свершений и крушений не только измутри, но и особению со стороны. Без этой субъективной оценки очевидцев остаются непознанными душевное состояние пюдей, их чувства и переживания, их заблуждения, наменые мечтания и надежды...

Надо пи объвсиять, что Сталии был опытиым попитическим демагогом, ои умеп расположить впиятельного собеседника и откровенностью, и категоричиостью своих суждений, хитростью, и беспристрастностью своих оценок... Несомнению, что Фейхтвангер нашел в Сталине и русском народе спасителей мира, прежде всего, Европы от фашистской кпини, жестомость и кровожадность которой он увидел воочню,

прежде чем покинул Германию. Эта мыспь, эта заботв о противопоставлении Гитперу и фашизму, наверияка не помидалв его и при налисвично в противопоставлении того очерка. Потому так много надежд он возпатал на Сталина в будущем устройстве Европы, потому тви резко судил его врагов и потому на кое-что из увидениого и поиятого закрывал глаза... Все во имя спасения чеповечества от фашизма... Другой, более реальной силы в мире, чем советский иарод, он все-таки не видел. И мак показало время, не ошибся в своих предположе-

Лион ФЕЙХТВАНГЕР

Цель этой книги

Эти страницы следовало бы, собственно озаглавить «Москва, январь, 1937 год». Ведь жизнь в Москве течет с такой быстротой, что иекоторые утверждения становятся спустя несколько месяцев уже неправильными. Я бродил по Москве с людьми, хорошо ее зиающими; пробыв в отсутствии каких-нибудь полгода, они теперь, глядя на нее, покачивали головой: иеужели это наш город? Несмотря на это, я все же даю этой книге заглавие «Москва, 1937 год». Я позволю себе такую неопределенность в дате, потому что я не стремлюсь к точной объективной передаче виденного мною; после десятинедельного пребывания такая попытка была бы нелепа. Я хочу только изложить свои личные впечатления для друзей, жадио набрасывающихся на меня с вопросами: «Ну, что Вы думаете о Москве? Что Вы там, в Москве, видали?»

Насколько неправильна нарисованная мною картина

Так как я сознаю, что предлагаемые мною суждения субъективны, я хочу рассказать о том, с какими ожиданиями и опасениями я ехал в Советскии Союз. Пусть каждый читатель сам установит, насколько мой взгляд был затемнен предвзятыми мнеииями и чувствамн.

Вера в разум

Я пустился в путь в качестве «симпатизирующего». Да, я симпатизировал с самого начала эксперименту, поставившему себе целью построить гигантское государство только на базисе разума, и ехал в Москву с желаинем, чтобы этот эксперимент был удачным. Как бы мало я ни был склонен исключать из частной жизни человека его логическое, нелогическое и чувства, как бы я ни находил жизнь, построенную на одной чистой логике, однообразной и скучнои, все же я глубоко убежден в том, что общественная организация, если она хочет развиваться и процветать, должна строиться на основах разума и здравых суждений. Мы с содроганием видели на примере Центральной Европы, что получается, когда фундаментом государства и законов хотят сделать не разум, а чувства и предрассудки. Мировая история мне всегда представлялась великой длительной борьбой, которую ведет разумное меньшинство с большинством глупцов. В этой борьбе я стал на сторону разума, и потому я симпатизировал великому опыту, предпринятому Москвой, с самого его возникновения.

Неловерие и сомнение

Однако с самого начала к моим симпатиям примешивались сомнения. Практический социализм мог быть построен только посредством диктатуры класса, и Советский Союз был в самом деле государством диктатуры. Но я писатель, писатель по призванию, а это означает, что я испытываю страстную потребность свободно выражать все, что я чувствую, думаю, вижу, переживаю, невзирая на лица, на классы, партии и идеологии, и поэтому при всей моей симпатии я все же чувствовал недоверие к Москве. Правда, Советский Союз выработал демократическую, свободную конституцию; но люди, заслуживающие

доверия, говорили мие, что эта свобода на практике имеет весьма растрепаниый и исковерканный вид, а вышедшая перед самым моим отъездом небольшая книга Андре Жида только укрепила мои сомнения.

Потемкинские деревни

Итак, к границам Советского Союза я подъезжал полный любопытства, сомнений и симпатий. Почетная встреча, оказанная мне в Москве, увеличила мою неуверенность. Мои корошие знакомые, люди обычно вполне разумные, совершенно теряли здравый ум, когда оказывались средн немецких фашистов, осыпавших их почестями, и я спращивал себя, неужели и я позволю тщеславию изменить мой взгляд на вещи и людей. Кроме того, я говорил себе, что мне, несомиенно, будут показывать только положительное и что мне, человеку, ие знакомому с языком, трудно будет разглядеть то, что скрыто под прикрашенной внешностью.

Нападки, вызванные недостатком комфорта

С другой стороны, множество мелких неудобств, осложняющих повседневный московский быт и мешающих видеть важное, легко могло привести человека к несправедливому и слишком отрицательному суждению. Я очень скоро понял, что причиной неправильной оценки, даиной Москве великим писателем Андре Жидом, были именного такого рода мелкие неприятности. Поэтому в Москве я приложил много усилий к тому, чтобы неустаино контролировать свои взгляды и выправлять их то в ту, то в другую сторону с тем, чтобы приятиые или неприятные впечатления момента не оказывали влияние на мое окончательное суждение.

Дальнейшие трудности на пути к правильному суждению

Иногда же наивная гордость и усердие советских людей мешали мне найти правильное решение. Цивилизация Советского Союза совсем молода. Она достигнута ценой беспримерных трудностей и лишений, поэтому, когда к москанчам приезжает гость, мнением которого — справедливо или иесправедливо - они дорожат, они немедленно начинают забрасывать его вопросами: как Вам нравится то, что Вы скажете по поводу этого? Кроме того, я попал в Москву в неспокойное время. Фашистские вожди вели угрожающие речи на тему о войне против Советского Союза; в Испании и на границах Монголии шла борьба: в Москве слушался политический процесс, сильно взволновавший массы. Следовательно, вопросов накопилось немало, и москвичи на них не скупились. Я же, человек медлительный в своих оценках, люблю мысленно обсудить все «за» и «против» и не тороплюсь выражать свое мнение, если не считаю его достаточно продуманным. Вполне естественно, что не все в Москве мне понравилось, а мое писательское честолюбие требует от меня откровенного выражения моего мнення склонность, причинившая мне немало неудобств. Итак, я, будучи в Советском Союзе, не хотел умалчивать о недостатках, где-либо замеченных мною. Однако найти этим неблагоприятным отзывам нужную форму и слова, которые, не будучи бестактными, имели бы достаточно определениый смысл, представляло не всегда легкую задачу для почетного гостя в такое напряженное время.

Откровенность за откровенность

Я мог с удовлетворением констатировать, что моя откровенность в Москве не вызвала обиды. Газеты помещали мои замечания на видиом месте, хотя, возможно, правящим лицам они не особенно нравились. В этих заметках я высказывался за большую терпимость в некоторых областях, выражал свое недоумение по поводу иной раз безвкусно преувеличенного культа Сталина и говорил насчет того, что следовало бы с большей ясностью раскрыть, какими мотивами руководствовались обвиняемые второго троцкистского процесса, признаваясь в содеянном. И в частных беседах руководителя страны относились к моей критике с вниманием и отвечалн откровеиностью на откровенность. Именно потому, что свое мненне я выражал неприкрыто, я получил сведения, которые в противном случае мне едва ли удалось бы получить.

Нужно ли выступать с положительной оценкой Советского Союза?

После моего возвращения на Запад передо мной встал вопрос, должен ли я говорить о том, что я видел в Советском Союзе? Это ие являлось бы проблемой, если бы я, как другие, увидел в Советском Союзе много отрицательного и мало положительного. Мое выступление встретили бы с ликованием. Но я заметил там больше света, чем тени, а Советский Союз не любят и слышать хорошее о ием не хотят. Мне тотчас же было на это указано. Я не очень часто выступал в печати Советского Союза со своими впечатлениями. Мои выступления составили менее двухсот строк, при этом они отиюдь не заключали в себе только похвалу; ио даже это иемногое было здесь, на Западе, ввиду того, что оно не представляло безоговорочного отрицания, искаженно и опошлено. Должен ли я был продолжать говорить о Советском Союзе?

Лучше не надо

Усталый и возбужденный виденным и слышанным, я сказал себе в первые дни после моего возвращения, что моя задача не говорить, а изображать в образах, и я решил молчать и ждать, пока пережитое не воплотится в образы, которые можно запечатлеть.

Но как писатель я все же это дедаю

Однако вскоре другие соображения одержали верх. Советский Союз ведет борьбу с многими врагами, и его союзники оказывают ему только слабую поддержку. Тупость, злая воля и косность стремятся к тому, чтобы опорочить, оклеветать, отрицать все плодотворное, возникающее на Востоке. Но писатель, увидевший великое, ие смеет уклоняться от дачи свидетельских показаний, если даже это великое непопулярно и его слова будут многим неприятны.

Поэтому я и свидетельствую.

Глава II КОНФОРМИЗМ И ИНДИВИДУАЛИЗМ

«Вялость» москвичей

Писателю Андре Жиду был представлен поставившии рекорд «стахановец» — рабочий, который, как сообщили Жиду, «не то за пять часов работы выполнил норму восьми дней, не то за восемь часов - норму пяти дней, точно я сейчас уже не помню. Я спросил, — продолжает дальше Жид, — не означает ли это, что прежде этот человек затрачивал восемь дней на выполнение пятичасовой работы». Жид удивляется, что вопрос его был принят холодио и что ему предпочли не отвечать. Это дает Андре Жиду повод для размышлений о «вялости» москвнчей. Назвать это «ленью», добавляет он как объективный наблюдатель, «было бы слишком резко». Однако он считает, что в стране, в которой все рабочие деиствительно работают, стахановское движение было бы излишне. Но у них, в Советском Союзе, говорит он, люди, будучи предоставлены самим себе, немедленно дезорганизуются, поэтому, для того чтобы подстегивать ленивых, было придумано стахановское движение; прежде, говорит он, для этой цели имелся кнут.

Труполюбие

Поразительные наблюдения делает Андре Жид. Что касается меня, то я должен сказать, что мне бросились в глаза как раз исключительные деловитость, активность, трудолюбие москвичей, которые мчатся по улицам с сосредоточенными лицами, торопливо пересекают, как только вспыхивает зеленый светофор, мостовую, теснятся на станциях метро, бросаются в трамваи, автобусы, суетятся повсюду, как муравыи. На фабриках я почти не видел, чтобы рабочий или работиица поднимали глаза на посетителя: настолько они были поглощены собственным делом. Я уже не говорю о тех, кто занимает сколько-нибудь ответственное положение. Эти почти не уделяют времени для еды, они почти не спят и не видят ничего особенного в том, чтобы вызвать по телефону из театра, во время представления, человека только для того, чтобы задать ему какой-нибудь срочный вопрос или позвонить ему в три или четыре часа утра по телефону. Я нигде не встречал такого количества неутомимо работающих людей, как в Москве. С другой стороны, я с сожалеиием замечал, что на этих людях сказываются вредные последствия переутомления, работа совершенно выматывает их. Почти все москвичи, заиимающие ответственные посты, выглядят старше своих лет. Если в Нью-Йорке или Чикаго я ие обнаружил американских темпов работы, то я обиаружил их в Москве.

Труд

Пора было бы положить конец этой «Fable convenue» о лени русского человека. Народ, который еще двадцать лет тому назад почти задыхался в нищете, грязи и невежестве, является в настоящее время обладателем высоко развитой промышленности, рационализированного сельского хозяйства, громадного количества новоотстроенных или до основания перестроенных городов и, кроме того, полностью ликвидировал свою неграмотность. Возможно ли, чтобы ленивые по природе люди могли выполнить такую работу? Допустим, что Советскому Союзу посчастливилось найти необычайно талантливых вождей, но даже если бы все гении, которыми на протяжении веков располагало человечество, были собраны в эти двадцать лет в Москве. они не смогли бы заставить ленивый по природе нврод проделать такую гигантскую работу. Неудивительно, что крестьяне и рабочне, пока им приходилось гнуть спину для капиталистов и помещиков, считали свой труд бременем и стремились освободиться от него; с тех пор, как они увидели, что плоды этого труда идут на пользу им самим, отношение их к труду а корне изменилось.

Распределение богатства, а не бедности

Андре Жид, далее, удивляется, и на этот раз с ним удивляются многие другие, по поводу материального неравенства в Советском Союзе. Меня удивляет его удивление. Мие кажется вполие разумным, что Советский Союз до тех пор, пока он не сможет осуществить идеальный принцип завершенного коммунизма: «...каждому по потребиостям», следует социалистическому принципу: «...каждому по его труду». Мне кажется, что при построении социализма вопрос ставится не о распределении нужды, а о распределении богатства. Но я не вижу, каким путем можио было бы когда-либо достигнуть распределения богатства, если заставлять тех, от кого ждут высокой производительности труда, вести скудную жизнь, которая иеблагоприятно отразится на их работоспособности. Теория о том, что граждане Советского государства, все без исключения, должны жить бедно или по меньшей мере весьма скромио до тех пор, пока все не будут иметь возможности жить зажиточно, - эта теория кажется мне атавистическим пережитком представлении первобытиого христианства и скорее благочестивой, нежели разумиой. Представители такого рода взглядов иапоминают мне одного моего родственника, престарелого баварского чиновинка, который во время мировой войны спал на голом полу, потому что люди, сидящие в окопах, не имели посте-

Бесклассовое общество

Опасение, что матеркальное иеравеиство может восстановить только что уничтоженные классы, кажется мне ошибочиым. Основным принципом бесклассового общества является, пожалуй, то, что каждый с момента своего рождения имеет одинаковую возможность получить образование и выбрать профессию, и, следовательно, у каждого есть уверенность в том, что он найдет себе применение в соответствии со своими способностями. А этот основной принцип — чего не оспаривают даже самые ярые противники Советского Союза — проведен в СССР в жизиь. Потому-то я и не наблюдал ингде в Москве раболепетва. Слово «товарищ» — это не пустое слово. Товарищ строительный рабочий, поднявшийся из шахты метро, действительно чувствует себя равным товарищу народному комиссару. На Западе, по моим наблюдениям, сыновья крестьян и пролетариев, которым удалось получить образование, подчеркивают свой переход в высший класс и стараются держаться в стороне от своих бывших товарищей по классу. В Советском Союзе интеллигенты из крестьяи и рабочих поддерживают тесный контакт с той средой, из которой онн вышли.

Два клисса — борцы и работники

Все же я заметил в Советском Союзе одно разделение. Мо-

лодая история Союза отчетливо распадается на две эпохи: эпоху борьбы и эпоху строительства. Между тем хороший борец не всегда является хорошим работинком, и вовсе не обязательно, что человек, совершивший великие дела в перод гражданской войны, должен быть пригоден в период строительства. Однако естественно, что каждый, у кого были заслуги в борьбе за создание Советского Союза, претендовал и в дальиейшем на высокий пост, и тая же естественно, что к строительству были в первую очередь привлечены заслуженные борцы, хотя бы уже потому, что оии были надежиы. Однако ныие гражданская войнв давио стала историей; хороших борцов, оказавшихся негодными работниками, сияли с занимаемых ими постов, и понятно, что многие из них теперь стали противниками режима.

Воелители

Естественно, что как бы ни были успешно завершены пятилетние планы, проведение их не могло не встретить затруднечий, — и в некоторых областях были допущены ошибки. Те, кто работает хорошо, с напряжением всех своих сил, чувствуют, что им мешает слабая или неправильная работа других, и озлобляются. Не рассуждая долго, они приписывают злую волю тому, кто просто не имел достаточной силы для больших достижений, и подозревают его во вредительстве.

Правда

То, что акты вредительства были, ие подлежит никакому сомнению. Миогне, стоявшие раньше у власти — офицеры, промышленники, кулаки, — сумели окопаться на серьезных участках и занялись вредительством. Если, например, в настоящее время проблема снабжения частных лиц кожей и особенно проблема снабжения обувью все еще недостаточно урегулирована, то, несомненно, виновниками этого являются те кулаки, которые в свое время вредили в области скотоводства. Химическая промышленность и транспорт также долгое время страдали от вредительских актов. Если еще до сих пор принимаются чрезвычайио строгие меры к охране фабрик и машин, то на это имеется миого причин, и это вполие обосиоваио.

Вымысел

Постепенно, однако, иаселение охватил настоящий психоз вредительства. Приаыкли объясиять вредительством все, что не клеилось, в то время как значительная часть неудач должиа была быть наверное просто отнесена за счет неумения.

Примеры

У меия в гостинице обедал как-то один крупный работник. Официант подавал очень медленно. Мой гость вызвал администратора, пожаловался ему и сказал в шутку: «Ну разве это не вредитель?» Но это уже не шутка, когда слабую работу кинорежиссера или редактора объясняют вредительством или когда утверждают, что плохие иллюстрации к книге на тему о строительстве сельского хозяйства нужно отнести за счет злого умысла художинка, пытавшегося своим произведением дискредитировать строительство.

Конформизм

Самый факт, что такой психоз мог распространиться, свидетельствует о существовании того коиформизма, в котором многие упрекают Советский Союз. Люди Союза, говорят эти критики, обезличены, их образ жизии, их мнеиия стандартизованы, нивелированы, унифицированы. «Когда говоришь с одним русским, — сказаио у Жида, — говоришь со всеми».

Что в этом правда?

В этих утверждениях есть крупинкв правды. Не только плвновое козяйство несет с собой определенную стандартизацию продуктов потребления, мебели, одежды, мелких предметов обихода до тех пор, пока производство готовых изделий еще невысоко развито, но и вся общественная жизнь советских граждан стандартизована в широких масштабах. Собрания, политические речи, дискуссии, вечера в клубах — все это похоже, как две капли воды, друг на друга, а политическая терминология во всем обширном государстве сшита на одну мерку.

Три пункта

Если, однако, присмотреться поближе, то окажется, что весь этот пресловутый «конформизм» сводится к трем пунктам, а имению: к общности мнений по вопросу об основных принципах коммунизма, к всеобщей любви к Советскому Союзу и к разделяемой всеми уверенности, что в недалеком будущем Советский Союз станет самой счастливой и свмой сильной страной в мире.

Коммунизм и советский патриотизм

Таким образом, прежде всего, господствует единое миение насчет того, что лучше, когда средства производства являются не частной собственностью, а всенародным достоянием. Я не могу сказать, чтобы этот конформизм был так уж плох. Дв, честно говоря, я нахожу, что он ничуть не хуже господствующего миения о том, что две величины, порознь равные третьей, равны между собой. И в любви советских людей к своей родине, котя эта любовь и выражается всегдв в одинаковых. подчас довольно наивных формах, я тоже не могу найти ничего предосудительного. Я должен, напротив, признаться, что мие даже нравится наивное патриотическое тщеславие советских людей. Молодой народ ценой неслыханных жертв создал нечто очень великое, и вот он стоит перед своим творением, сам еще не совсем веря в него, радуется достигнутому и ждет, чтобы и все чужие подтвердили ему, как прекрасно и грандиозио это достигнутое.

Большевистская самокритика

Впрочем, такого рода советский патриотизм никоим образом не исключает критику. «Большевистская самокритика» это никак не пустые слова. В газетах встречаются ожесточеннейшие нападки на бесчислениые, действительныее или предполвгаемые, недостатки и на руководящих лиц, которые якобы несут ответственность за эти недостатки. Я с удивлением слушал, как яростно критикуют ив производственных собраниях руководителей предприятий, и с недоумением рассматривал стенные газеты, вв которых прямо-таки зверски ругали или представляли в карикатурах директоров и ответственных лиц. И чужому тоже не возбраияют честно высказывать свое мнение. Я уже упоминал о том, что советские газеты не подвергали цензуре мои статьи, даже если я а них и сетовал на нетерпимость в некоторых областях, или на чрезмерный культ Стадина, или требовал большей ясности в веденни серьезного политического процессв. Более того, газеты заботились о том, чтобы с максимальной точностью передать в переводе все оттенки моих отридательных высказываний. Руководители страны, с которыми я говорил, были все без исключения больше расположены выслушивать возражения, чем льстивые похвалы. В Советском Союзе охотно сравнивают собственные достижения с достижениями Запада, сравнивают справедливо, иной раз даже слишком справедливо и, если собственное творение уступает западному, не боятся в этом признаться; да, очень часто они переоценивают успехи Запада, умаляя собственные. Одиако, когда чужестранец разменивается на мелочную критику и за маловажными недостатками не замечает значения общих достижений, тогда советские люди начинают легко терять терпение, а пустых, лицемерных комплиментов они инкогда не прощают. (Возможно, что резкость, с которой Советский Союз реагировал на книгу Жида, объясняется именно тем, что Жид, находясь в Союзе, все расхваливал и, только очутившись за его пределами, стал выражать свое неодобре-

Генеральная линия партии

Вы можете весьма часто услышать и прочитать возражения по поводу тех или иных частностей, но критики генеральной линии партии вы нигде не услышите. В этом вопросе действительно существует конформизм. Отклонений не бывает, или если они существуют, то не осмеливаются открыто проявиться. В чем же состоит генеральная линия партии? В том, что при проведении всех мероприятий она исходит из убеждения, что построение социализма в Советском Союзе на основных участках успешно завершено и что о поражении в грядущей войне не может быть и речи. В этом пуикте я тоже не нахожу конформизм таким предосудительным. Если сомиения в правильности генеральной линии еще имели какой-то смысл приблизительно

до середины 1935 года, то после середины 1935 года они с такой очевидностью опровергнуты возрвствющим процветанием страны и мощью Красной Армии, что consensus omnium[®] этого пункта равиосильно всеобщему призначию здравого смысла.

Конформизм в Москве и Лондоне

В общем и целом конформизм советских людей сводится к всеобщей горячей любви их к своей родине. В других местах это иазывают просто патриотизмом. Например, если в Англии жестоквя потасовка во время футбольного матча иемедленно превращается во всеобщую гармонию, как только заиграют национальный гимн, то такое явление редко называют коиформизмом.

Любовь к родине, масло, пушки и золото

Правда, между патриотизмом советских людей и патриотизмом жителей других стран существует одно различие: пвтриотизм Советского Союза имеет с рациональной точки зрения более крепкий фундамент. Там жизнь человека с каждым днем явно улучшается, повышается не только количество получвемых им рублей, ио и покупательныя сила этого рубля. Средняя реальная заработная плата советского рабочего в 1936 году поднялась по сравиению с 1929 годом на 278 процентов, и у советского гражданина есть уверенность в том, что линия развития в течение еще многих лет будет идти верх (не только потому, что золотые резервы Германской империи уменьшились до 5 миллионов фунтов, а резервы Советского Союза увеличились до 1 400 миллионов фунтов). Гораздо легче быть патриотом, когда этот патриот получает не только больше пушек, но и больше масла, чем когда он получает больше пушек, но вовсе не получает масла.

Поощряемый оптимизм

Следовательно, сам по себе единодушный оптимизм советских людей удивлений не вызывает. Правда, его вырвжают словами, которые благодаря своему однообразию вскоре начинают казаться баиальными. Советские люди только приступают к овладению основами знаний, у них еще не было времени обзавестись богатой оттенками терминологией, и поэтому и патриотизм их выражается пока еще довольно общими фразами. Рабочие, командиры Красной Армии, студенты, молодые крестьянки — все в одних и тех же выражениях рассказывают о том, как счастлива их жизиь, они утопают в этом оптимизме и как ораторы и как слушателя. Власти же стараются поддерживать в иих это настроение; стандартизованный энтузиазм, в особениости когда он распростраияется через официальные микрофоны, производит впечатление искусственности, и этим объясняется то, что в конце концов даже сочувственно настроенные критики начинают говорить о конформизме.

Литература и театр

Этот стандартизованный оптимизм наносит серьезный ущерб литературе и театру, то есть факторам, которые больше всего могли бы способствовать формированию индивидуальностей. Это прискорбно потому, что в Советском Союзе существуют исключительно благоприятные условия именно для расцвета литературы и театра. Я ведь уже указывал на то, что гигантская страна, приобщая к духовиой жизны огромное большинство населения, находившееся до сих пор в невежестве, подняла на поверхность громадиую массу до сих пор скрытых талантов.

Жажда знания и искусства

Ученым, писателям, художникам, актерам хорошо живется в Советском Союзе. Их ие только ценит государство, которое бережет их, балует почетом и высокими окладами; они не только имеют в своем распоряжении все нужные им для работы пособия и инкого из иих не тревожит вопрос, принесет ли им доход то, что они делают, — они помимо всего этого имеют самую восприимчивую публику в мире.

Жажда чтения

Например, жажда чтения у советских людей с трудом поддается вообще представлению. Газеты, журналы, книги — все

Распространенной иебылице. — Ред.

[•] Всеобщее признание. — Ред.

это проглатывается, ни в малейшей степени не утоляя этой жажды. Я должен рассказать об одном небольшом случае. Я осматривал новую типографию самой распространенной московской газеты «Правда». Мы расхаживали по гигантской ротационной машине, занимающей первое место в мире по своей производительности: в течение двух часов она отпечатывает два миллиона экземпляров газет. Машина в целом похожа на огромный паровоз, и по ее огромной платформе длиной в восемьдесят метров можно разгуливать, как по палубе океанского парохода. Прогуляв по ней около четверти часа, я вдруг обратил внимание на то, что машина занимает только одну половину зала, а другая половина пустует. Я спросил о причине этого. «В настоящее время, — ответили мне, — мы печатаем «Правду» тиражом только в два миллиона. Но у нас имеется еще пять миллионов заявок подписчиков, и как только наши бумажные фабрики будут в состоянии снабжать нас бумагой, мы установим вторую машину».

Грандиозные тиражи

Книги излюбленных авторов также печатаются в тиражах, цифра которых заставляет заграничных издателей широко раскрывать рот. Тираж сочинений Пушкина к концу 1936 года превысил тридцать один миллион экземпляров; книги Маркса и Ленина выпущены еще большими тиражами; только недостаток в бумаге ограничивает цифры тиражей книг популярных писателей. Книгу такого популярного писателя обычно невозможио получить ни в одном книжном магазине, ни в одной библиотеке; при пояалении нового издания сразу же выстраиваются очереди покупателей, и весь тираж, если он достигает даже 20 000, 50 000, 100 000 экземпляров, расхватывается в несколько часов. В библиотеках — их 70 000 — книги любимых авторов полжны заказываться за несколько недель вперед. Таким образом, эти книги представляют собой нечто ценное, хотя и продаются по весьма дешевым ценам, так что когда мне сказали: «деньги Вы можете оставлять незапертыми, но книги свои держите, пожалуйста, под замком», то я отнесся к этому не просто как к шутке. Книги известных писателей переводятся на множество языков народов Союза, и их читают национальности, названия которых сам автор с трудом может выговорить.

Влияние книг

Я уже упоминал о том, что советские читатели проявляют к книге более глубокий интерес, чем читатели других стран, и о том, что персонажи книг живут для них реальной жизнью. Герои прочитаниого романа становятся в Советском Союзе такими же живыми существами, как какое-нибудь лицо, участвующее в общественной жизни. Если писатель привлек к себе внимание советских граждан, то он пользуется у них такой популярностью, какой в других странах пользуются только кинозвезды или боксеры, и люди открываются ему, как верующие католики своему духовному отцу.

Наследство

Научные книги также находят там отклик. Новое издание сочинений Канта, выпущенное тиражом в 100 000 экземпляров, было немедленно расхватано. Тезисы умерших философов вызывают вокруг себя такие же дебаты, как какая-нибудь актуальная хозяйственная проблема, имеющая жизненное значение для каждого человека, а об исторической личности спорят так горячо, как будто вопрос касается качеств работающего ныне народного комиссара. Советские граждане равнодушны ко всему, что не имеет отношения к их действительности, но, найдя однажды, что такая-то вещь имеет какое-то отношение к их действительности, они заставляют ее жить чрезвычайно интенсивной жизнью, и понятие «наследство», которое они очень охотию употребляют, приобретает у них какой-то в высшей степени осязательный характер.

Изобразительные искусства

С изобразительными искусствами дело обстоит так же, как с литературой.

Московские театры

Очень трудно, говоря о московских театрах и фильмах, продолжать повествование в деловом духе и не восторгаться как

представлениями, так и публикой. Советские люди — это самые лучшие в мире, самые отважные, полные чувства ответственности режиссеры и музыканты. Как москвичи играют произведения своих собственных композиторов — Чайковского, Римского-Корсакова, «Тихий Дон» молодого Дзержинского, как они играют «Фигаро» или «Кармен» — это не только совершенно в музыкальном отношении: режиссура, актерское исполнение, сценическое оформление - все поражает новизной и иеобычайной полнотой жизни. Создать произведения, равные произведениям Московского художественного и Вахтанговского театров, театры других страи не могут: у них, не говоря о таланте, недостает для этого ни денег, ни терпения; чтобы достигнуть такого овладения каждой ролью и такой сыгранности ансамбля, нужно репетировать долгие месяцы, иногда и годы, а это возможно только тогда, когда режиссер не чувствует над собой плетки предпринимателя, заинтересованного только в материальной выгоде. Сценические картины отличаются такой законченностью, какой мне нигде до сих пор не приходилось видеть; декорации, там где это уместно, например в опере или в некоторых исторических пьесах, поражают своим расточительным великолепием. Раньше увлекались экстравагантностью. Увлечение это утихло, вкусы стали умереннее, однако смелые, интересные эксперименты встречаются и поныне, как, например, пьеса «Много шума из ничего» в Вактанговском театре. Каждая деталь была легко и грациозно подана, смелость спектакля граничила с дерзостью, а сочетание Шекспира с джазом оказалось прекрасным.

Случалось, что в Москве идет одна пьеса одновременно в нескольких театрах, играющих ее в различиых стилях, например, «Отелло», «Ромео и Джульетта», а также оперы и пьесы современных авторов. Я смотрел в двух московских театрах пьесу молодого автора Погодина «Аристократы», рассказывающую о жизни трудового лагеря. Вахтанговцы дают спектакльслегка традиционного стиля, превосходный по качеству, отделанный до мельчайших подробностей. Охлопков играет без декораций, слегка только намекая конструкциями, на двух сценах, сообщающихся между собой деревянными мостками, причем одна сцена поставлена на самой середине зрительного зала. Спектакль чрезвычайно стилизованный, в высшей степени экспериментаторский и действенный.

ГЛАВА III ДЕМОКРАТИЯ И ДИКТАТУРА

Демократический диктатор

«Чего Вы, собственно, котите? — спросил меня шутливо один советский филолог, когда мы говорили с ним на эту же тему. — Демократия — это господство народа, диктатура — господство одного человека. Но если этот человек является таким идеальным выразителем народа, как у нас. разве тогда демократия и диктатура не одно и то же?»

Культ Сталина

Эта шутка имеет очень серьезную почву. Поклонение и безмерный культ, которыми население окружает Сталина, — это первое, что бросается в глаза иностраицу, путешествующему по Советскому Союзу. На всех углах и перекрестках, в подходящих и неподходящих местах видны гигантские бюсты и портреты Сталина. Речи, которые приходится слышать, не только политические речи, но даже и доклады на любые научные и художественные темы, пересыпаны прославлениями Сталина, и часто это обожествление принимает безвкусные формы.

Примеры

Вот несколько примеров. Если на строительной выставке, которой я восхищася выше, в различных залах установлены бюсты Сталина, то это имеет свой смысл, так как Сталин является одним из инициаторов проекта полной реконструкции Москвы. Но по меньшей мере непонятно, какое отношение имеет колоссальный некрасивый бюст Сталина к выставке картин Рембрандта, в остальном оформленной со вкусом. Я был также весьма озадачен, когда на одном докладе о технике советской драмы я услышал, как докладчик, проявлявший до стимном в честь заслуг Сталина.

Основания

Не подлежит никакому сомнению, что это чрезмерное поклонение в огромном большинстве случаев искренне. Люди чувствуют потребность выразить свою благодарность, свое беспредельное восхищение. Они действительно думают, что всем, что они имеют и чем они являются, они обязаны Сталину. И котя это обожествление Сталина может показаться прибывшему с Запада странным, а порои и отталкивающим, все же я нигде не находил признаков, указывающих на искусстенность этого чувства. Оно выросло органически, вместе с успехами экономического сроительства. Народ благодарен Сталину за хлеб, мясо, порядок, образование и за создание армии, обеспечивающей это новое благополучие. Народ должен иметь кого-нибудь, кому он мог бы выражать благодарность за несомненное улучшение своих жизненных условий, и для этой цели он избирает не отвлеченное понятие, не абстрактный «коммунизм», а конкретиого человека — Сталина. Русский склонен к преувеличениям, его речь и жесты выражают в некоторой мере превосходиую степень, и он радуется, когда он может излить обуревающие его чувства. Безмерное почитание, следовательно, относится не к человеку Сталину — оно относится к представителю явно успешного хозяйственного строительства. Народ говорит: Сталин, разумея под этим именем растущее процветанне, растущее образование. Народ говорит: мы любим Сталина, и это является самым непосредственным, самым естественным выражением его доверия к экономическому положению, к социализму, к режиму.

Народность Сталина

К тому же Сталин действительно яаляется плотью от плоти народа. Он сын деревенского сапожника и до сих пор сохранил связь с рабочими и крестьянами. Он больше, чем любой из известных мне государственных деятелей, говорит языком народа. Сталин определенно не является великим оратором. Он говорит медлительно, без всякого блеска, слегка глуховатым голосом, затруднительно. Он медленно развивает свои аргументы, апеллирующие к здравому смыслу людей, постигающих не быстро, но основательно. Но главное у Сталина это юмор, обстоятельный, хитрый, спокойный, порой беспощадный крестьянский юмор. Он охотно приводит в своих речах юмористические строки из популярных русских писателей, он выбирает смешное и дает ему практическое применение, некоторые места его речей напоминают рассказы из старинных календарей. Когда Сталин говорит со своей лукавой приятной усмешкой, со своим характерным жестом указательного пальца, он не создает, как другие ораторы, разрыва между собой и аудиторией, он не возвышается весьма эффектно на подмостках, в то время как остальные сидят внизу, — нет, ои очень быстро устанавливает связь, интимность между собой и своими слушателями. Они сделаны из того же материала, что и он; им понятны его доводы; они вместе с ним весело смеются над простыми историями.

Техника его речи

Я не могу не привести примера, подтверждающего народный характер сталинского красноречия. Он говорит, например, о конституции и насмехается над официозом «Дейтше Корреспонденц», который заявляет, что Конституция Советского Союза не может быть признана дейстантельной конституцией, так как Советский Союз представляет не что иное, как географическое понятие.

Бюрократ и Америка

«Что можно сказать, — спрашивает Сталин, — о таких, с позволения сказать, «критиках»? И он рассказывает весело настроенному собранию: «В одном из своих сказок-рассказов великий русский писатель Щедрин дает тип бюрократа-самодура, очень ограниченного и тупого, но до крайности самоуверенного и ретивого. После того как этот бюрократ навел во «вверенной» ему области «порядок и тишину», истребив тысячи жителей и спалив десятки городов, он оглянулся кругом и заметил на горизонте Америку, страну, конечно, малоизвестную, где имеются, оказывается, какие-то свободы, смущающие народ, и где государством управляют иными методами. Бюрократ заметил Америку и возмутился: что это за страна, откуда она взялась, на каком таком основании она существует?

Конечно, ее случайно открыли несколько веков тому назад, но разве нельзя ее снова закрыть, чтоб духу ее не было вовсе? И, сказав это, наложил резолюцию: «Закрыть снова Америку!»

Сталин и его национал-социалистский критик

«Мне кажется, — объясняет Сталин собранию, — что госпола из «Дейтше Дипломатиш Политише Корреспонденц» как две капли воды похожи на щедринского бюрократа. Этим господам СССР давно уже намозолил глаза. Девятнадцать лет стоит СССР как маяк, заражая духом освобождения рабочий класс всего мира и вызывая бещенство у врагов рабочего класса. И он, этот СССР, оказывается, не только просто существует, но даже растет, и не только растет, но даже преуспевает, и не только преуспевает, ио даже сочиняет проект иовой Конституции, проект, возбуждающий умы, вселяющий новые надежды угнетенным классам. Как же после этого не возмущаться господам из германского официоза? Что это за страна, вопят они, на каком таком основании она существует, и если ее открыли в октябре 1917 года, то почему нельзя ее снова закрыть, чтобы духу ее не было вовсе? И, сказав это, постановили: закрыть снова СССР, объявить во всеуслышание, что СССР, как государство, не существует, что СССР есть не что иное, как простое географическое понятие!

Непослушная действительность

Кладя резолюцию о том, чтобы закрыть снова Америку, щедринский бюрократ, несмотря на всю свою тупость, все же нашел в себе элементы понимания реального, сказав тут же про себя: «Но, кажется, сие от меня не зависит». Я не знаю, кватит ли ума у господ из германского официоза догадаться, что «закрыть» на бумаге то или иное государство они, конечно, могут, но если говорить серьезно, то «сие от них не зависит»...

Москва должна говорить громко, если она хочет, чтобы ее услышал Владивосток

Так говорит Сталин со своим народом. Как видите, его речи очень обстоятельны и несколько примитивны; но в Москве нужно говорить очень громко и отчетливо, если котят, чтобы это было понятно даже во Владивостоке. Поэтому Сталин говорит громко и отчетливо, и каждый понимает его слова, каждый радуется им, и его речи создают чувство близости между народом, который их слушает, и человеком, который их произносит.

Политический деятель, а не частное лицо

Впрочем, Сталин, в противоположность другим стоящим у власти лицам, исключительно скромен. Он не присвоил себе никакого громкого титула и называет себя просто Секретарем Центрального Комитета. В общественных местах он показывается только тогда, когда это крайне необходимо; так например, он не присутствовал на большой демонстрации, которую проводила Москва на Красной площади, празднуя принятие Конституции, которую народ назвал его именем. Очень немногое из его личной жизни становится известным общественности. О нем рассказывают сотни анекдотов, рисующих, как близко он принимает к сердцу судьбу каждого отдельного человека, например, он послал в Центральную Азию аэроплан с лекарствами, чтобы спасти умирающего ребенка, которого иначе не удалось бы спасти, или как он буквально насильно заставил одного чересчур скромного писателя, не заботящегося о себе, переехать в приличную, просторную квартиру. Но подобные анекдоты передаются только из уст в уста и лишь в исключительных случаях появляются в печати. О частной жизни Сталина, о его семье, привычках почти ничего точно не известно. Он не позволяет публично праздновать день своего рождения. Когда его приветствуют в публичиых местах, он всегда стремится подчеркнуть, что эти приветствия относятся исключительно к проводимой им политике, а не лично к нему. Когда, например, съезд постановил принять предложенную и окончательно отредактированную Сталиным Конституцию и устроил ему бурную овацию, он аплодировал вместе со всеми, чтобы показать, что он принимает эту овацию не как признательность ему, а как признательность его политике.

Один тост а кругу друзей

Сталину, очевидно, докучает такая степень обожания, и он иногда сам иад этим смеется. Рассказывают, что на обеде

в интимиом дружеском кругу в первый день нового года Сталин поднял свой стакаи и сказал: «Я пью за здоровье несравиеиного вождя народоа великого, гениального товарища Сталииа. Вот, друзья мон, это последний тост, который в этом году будет предложен здесь за меня».

Откровенность и простота

Сталин выделяется из всех мне известных людей, стоящих у власти, своей простотой. Я говорил с ним откровенно о безвкусном и не знающем меры культе его личности, и он мне так же откровенио отвечал. Ему жаль, сказал он, времени, которое он должен тратить на представительство. Это вполне вероятно: Сталин — мне много об этом рассказывали и даже документально это подтверждали — обладает огромиой работоспособностью и вникает сам в каждую мелочь, так что у него дейстаительно не остается времени на излишине церемонни. Из сотен приветственных телеграмм, приходящих на его имя, он отвечает не больше, чем на одну. Ои чрезвычайно прямолинеен, почти до невежливости, и не возражает против такой же прямолинейности своего собеседника.

Сто тысяч портретов человека с усами

На мое замечание о безвкусном, преувеличенном преклонении перед его личностью он пожал плечами. Он извинил своих крестьян и рабочик тем, что они были слишком заияты другими делами и не могли развить в себе короший вкус, и слегка пошутил по поводу сотен тысяч увеличенных до чудовищных размеров портретов человека с усами, — портретов, которые мелькают у него перед глазами во время демонстраций. Я указываю ему на то, что даже люди, иесомненно обладающие вкусом, выставляют его бюсты и портреты — да еще какие! — в местах, к которым они не имеют никакого отношения, как, например, на выставке Рембрандта. Тут он становится серьезен. Он высказывает предположение, что это люди, которые довольно поздно признали существующий режим и теперь стараются доказать свою преданность с удвоенным усердием. Да, он считает возможным, что тут действует умысел вредителей, пытающихся таким образом дискредитировать его. «Подхалимствующий дурак, — сердито сказал Сталин, приносит больше вреда, чем сотня врагов». Всю эту шумиху он терпит, заявил он, только потому, что он знает, какую наивную радость доставляет праздничная суматоха ее устроителям, и знает, что все это относится к нему не как к отдельному лицу, а как к представителю течения, утверждающего, что построение социалистического хозяйства в Советском Союзе важнее, чем перманентная революция.

Партийное постановление

Впрочем, партийные комитеты Москвы и Ленниграда уже аынесли постановления, строго осуждающие «фальшивую практику ненужных и бессмысленных восхвалений партийных руководителей», и со страниц газет исчезли чересчур восторженные приветственные телеграммы.

Великая цель

В общем и целом новая демократическая Конституция, которую Сталин дал Советскому Союзу, — это не просто декорация, на которую можио посматривать, высокомерио пожимая плечами. Пусть средства, которые он и его соратиики применяли, зачастую и были ие совсем ясны — хитрость в их великой борьбе была столь же необходима, как и отвага, — Сталин искренен, когда он называет своей конечной целью осуществление социалистической демократии.

ГЛАВА VI СТАЛИН И ТРОЦКИЙ

Борец и работник

В Советском Союзе, как было сказано выше, имеются люди, проявившие себя не только как борцы, но и как организаторы промышленности и сельского хозяйства. Иосяф Сталин представляется мие имеино таким человеком. У него боевое, революционное прошлое; он победоносио провел оборону города Царицына; ныне носящего его имя; по его докладу Леиину осенью 1918 года — доклад в семьдесят строк — в общий военный план были внесены коренные изменения. Однако

творчество Сталина, организатора социалистического хозяйства, превосходит даже его заслуги борца.

Автопортрет Троцкого

Рисуя свой собственный портрет — прекрасио написанную автобиографию, — Лев Троцкий стремится доказать, что и он, Троцкий, является тоже талантливым человеком, великим борцом и великим вождем строительства. Но мне кажется, что как раз эта попытка, предпринятая лучшим адвокатом Троцкого — им самим, только подтверждает, что его заслуги, в лучшем случае, ограничиваются его деятельностью в период войны.

Великий политик?

Автобнография Троцкого, несомненно, является произведеннем превосходного писателя и, возможно, даже человека с трагической судьбой. Но образа крупного государственного деятеля она не отражает. Для этого, как мие кажется, оригиналу недостает личного превосходства, чувства меры и правильного взгляда на действительность. Беспримерное высокомерие заставляет его постоянно пренебрегать границами возможного, и эта безмериость, столь положительная для писателя, необычайно вредит коицепции государственного деятеля. Логика Троцкого парит, мне кажется, в воздухе; она не основывается на знании человеческой сущиости и человеческих возможностей, которое единственио обеспечивает прочный политический успех. Книга Троцкого полна ненависти, субъективна от первой до последней строки, страстно несправедлива: в ней неизменно мешается правда с вымыслом. Это придает книге много прелести, однако такого рода умонастроение вряд ли может подсказать политику правильное решение.

Характерная деталь

Мне кажется, что даже одной мелкой деталн достаточно, чтобы ярко осветить превосходство Сталина над Троцким. Сталин дал указание поместить а большом официальном издании «Истории гражданской войны», редактируемом Горьким, портрет Троцкого. Между тем, Троцкий в своей книге злобно отвергает все заслуги Сталина, оборачивая его качества в их противоположность, и киига его полна ненависти и язвительной насмешки по отношению к Сталину.

Верные слова

Конечно, побежденному человеку трудно оставаться объективным. Это понимает и сам Троцкий, выразивший это в прекрасных словах: «Я не привык, — заключает он в предисловии к своей книге, — рассматривать исторические перспективы под углом зрения личной судьбы. Познать закономерность событий и найти в этой закономерности свое место — вот первейшая обязанность революционера. И она доставляет высшее личное удовлетворение человеку, который не связывает своей задачи сегодияшним днем».

Видел лучшее, но выбрал худшее

Никто, я думаю, не смог бы более определенно указать на опасность, перед которой оказался Троцкий после своего падения и которой подвергается каждый побежденный, а именно: опасность «рассматривать исторические перспективы под углом зрения личной судьбы». Троцкий сознавал эту опасность. Он понимал, перед свершением какой ошибки он стоит. Он видел эту ошибку, которой суждено было его заманить. Видел, решил ее ие делать — и сделал. Зная, что лучше, он выбрал худшее.

Пафос и истерия

Троцкий представляется мне типичным только-революционером, очень полезный во времена патетической борьбы, он ни к чему не пригоден там, где требуется спокойная, упорная, планомерная работа вместо патетических вспышек. Мир и люди после окончания героической эпохи революции стали представляться Троцкому в искаженном виде. Он стал неправильно воспринимать вещи. В то время как Ленин давно приспособил свои азгляды к действительности, упрямый Троцкий продолжал крепко держаться принципов, оправдавщих себя в героическо-патетическую эпоку, но не примени-

мых при выполнении задач, аыдвинутых потребностями текущего дня. Троцкий умеет — и это видно из его книги — в момент большого напряжения₅увлечь за собой массм. Он, вероятно, был способенв патетическую минуту зажечь массы порывом энтузиазма. Но он был неспособен ввести этот порыв в русло, «канализировать» его, обратив на пользу строительства великого государства.

Это умеет Сталин.

Прирожденный писатель

Троцкий прирожденный писатель. Он с любовью рассказывает о своей литературной деятельности, и я ему верю на слово, когда он говорит, что «хорошо написанная книга, в которой встречаешь новые мысли, и хорошее перо, при помощи которого можно поделиться собственными мыслями с другими, были и являются для меня наиболее ценными и близкими благами культуры». Трагедия Троцкого заключается в том, что его не удовлетворяла перспектива стать большим писателем. Повышенная требовательность сделала из него сварливого доктринера, стремившегося принести и принесшего несчастья, и это заставило огромные массы забыть его заслуги.

Писатель, но не политик

Я хорошо знаю этот тип писателей и революционеров, хотя и в несколько уменьшенном масштабе. Некоторые руководители германской революции, как Курт Эйснер и Густаа Ландауер, имели, правда в миниатюре, немало общего с Троцким. Упорная приверженность к догме, неумение приспособиться к изменившимся условиям, короче говоря, отсутствие практически-политической психологии сделало этих теоретикоа и доктринеров только на очень короткое время пригодными к политическим действиям. Большую часть своей жизни они были хорошими писателями, а не политиками. Они не сумели найти пути к народу. Они слишком слабо разбирались а психологии народа и массы. Они соприкасались с массами, но массы не шли к ним.

Расхождения в характере и во взглядах

Не подлежит сомнению, что расхождения во взглядах по решающим вопросам являются причиной большого конфликта между Троцким и Сталиным, и эти расхождения вытекают из глубоких противоречий. Различие характеров этих людей являлось причиной тому, что они приходили к противоположным выводам в важнейших вопросах русской революции — в национальном вопросе, в вопросе о роли крестьянства и возможности построения социализма в одной, отдельно взятой стране. Сталин утверждал, что полное осуществление социализма возможно и без мировой революции и что при соблюдении национальных интересов отдельных советских народов социализм может быть построен в одной, отдельно взятой стране; он считал, что русский крестьянин способен построить социализм. Троцкий это оспаривал. Он утверждал, что мировая революция является необходимой предпосылкой для построения социализма. Он упорио держался марксистского учения об абсолютиом интернационализме, защищал тактику перманентной революции и, приводя множество логических доводов, настаивал на правильности марксистского положения о невозможности построения социализма в одной страие.

Прав оказался Сталин

Не позднее 1935 года весь мир признал, что социализм в одной стране построен и что, более того, эта страна вооружена и готова к защите от любого нападения.

Что мог сделать Троцкий?

Что же мог сделать Троцкий? Ои мог молчать. Он мог признать себя побежденным и заявить о своей ошибке. Он мог примириться со Сталиным. Но он этого не сделал. Ои не мог решиться на это. Человек, который раньше видел то, чего не видели другие, теперь не видел того, что было видно каждому ребенку. Питание было налажено, машины работали, сырье добывалось в невнданных ранее размерах, страна была электрифицирована, механизирована. Троцкий ие котел этого признать. Он заявил, что именно быстрый подъем и ли-

хорадочные темпы строительства обусловливают непрочность этого строительства. Советский Союз — «государство Сталина», как он его называл, — должен рано или поздно потерпеть крах и без постороннего вмещательства, и он, несомненно, потерпит крах в случае нападения иа него фашистских держав. И Троцкий разражался вспышками беспредельной ненависти к человеку, под знаменем которого осуществлялось строительство.

Попробуем теперь представить себе Сталина.

Первые шаги Сталина

Еще в ранние годы Сталин занимался проблемами, требовавшими своего разрешения немедленио после окончания войны. Уже в 1913 году Ленин писал Горькому: «У нас здесь есть один чудесный грузин, которыи работает над большой статьей по национальному вопросу, вопросу, которым надлежит серьезио заняться».

Трудности восхождения

И Сталин занялся этим вопросом. У него были идеи. Он проявил себя организатором. Но Сталин не ослеплял; он оставался в тени рядом со сверкающим, суетливым Троцким. Троцкий хороший оратор, пожалуй, лучший из существующих. Он очаровывает, Сталин говорит, как я уже указывал, не без юмора, но пространно, рассудительно. Он упорным трудом завоевывал себе популярность, которая другому легко давалась. Своим успехом он обязан только себе.

Он выступает вперед

Блеск Троцкого, не всегда неподдельный, в продолжение миогих лет мешал заметить действительные заслуги Сталина. Но наступило время, когда идеи только-борца Троцкого начали становиться ошибочными и подгнивать; первым это заметил и высказал Сталин. Уже в декабре 1924 года Сталину стало окончательно ясно, что, в противоположность прежней теории, построение полного социалистического общества в одной, отдельно взятой стране возможно. Уже тогда он последовательно, более отчетливо и в более острых формулироаках, чем Ленин, указал путь к этому построению — усиленная индустриализация страны и объединение крестьян в артели. Он в ясных словах провозгласил то, что до сих пор оспаривалось, а именно: при правильной политике партии решающая часть русского крестьянства может быть атянута в социалистическое общество, и он обосновал это утверждение простыми, убедительными и иеопровержимыми аргумен-

Неопровержимые аргументы

Троцкий своей блестящей риторикой опроверт так же неопровержимо неопровержимые аргументы Сталина. Сталин знал, что выдвинутые им аргументы действительно неопровержимы, но он видел, что миогие верили в блестящие по форме и фальшивые по содержанию возражения Троцкого.

Неопровержимые дела

Сталин не ограничивался одними правильными высказываниями. Ои работал, он шел по правильному пути. Он объединил крестъян а артели, развивал промышленность, возделывал почву для социализма в Советском Союзе и строил социализм. Действительность, создаваемая нм, опровергала неопровержимые теории Троцкого.

«Катон на стороне побежденных»

«Боги на стороне победителей. Катон на стороне побеждениых». Троцкий не хотел призиать себя побежденным. Он выступал с пламенными речами, писал блестящие статьи, брошюры, книги, называя в них сталинскую действительность иллюзией, потому что она не укладывалась в его теории. Троцкий мешал. Съезд партии высказался против него — он был сослан, а затем изгиан из страиы.

[•] Цитата неточная. — Ред.

Магия тезисов

Дело Сталина процветало, добыча угля росла, росла добыча железа и руды; сооружались электростанции; тяжелая промышленность догоияла промышленность других стран; строились города; реальная заработная плата повышалась, мелкобуржуазные настроения крестьян былн преодолены, их артели давали доходы, — все более возрастающей массой они устремлялись в колхозы. Если Ленин был Цезарем Советского Союза, то Сталин стал его Августом, его «умножателем» во всех отношениях. Сталинское строительство росло и крепло. Но Сталин должен был заметить, что все еще имелись люди, которые не хотели верить в это реальное, осязаемое дело, которые верили тезисам Троцкого больше, чем очевидным фактам.

Опасные друзья

Да, именно среди людеи, другом которых был Сталин, которым он поручил ответственные посты, иашлись некоторые, поверившие больше в слово Троцкого, чем в дело Сталина. Они мешали этому делу, чинили ему препятствия, саботировали его. Они были привлечены к ответственности, их вина была установлена. Сталин простил их, назначил их снова на высокие посты.

Чрезмерно приверженные

Что должен был продумать и прочувствовать Сталин, узнав о том, что эти его товарищи и друзья, невзирая на явный успех его начинаний, все еще продолжали тянуться к его врагу Троцкому, тайно переписывались с ним и, стремясь вернуть своего старого вождя а СССР, старались нанести вред его — Сталина — делу.

В период между двумя процессами

Когда я увидел Сталина, процесс против первой группы троцкистов — против Зиновьева и Каменева — был закончен, обвиняемые были осуждены и расстреляны, и против второй группы троцкистов — Пятакова, Радека, Бухарина и Рыкова — было возбуждено дело; но никому еще не было известно в точности, какое обвинение им предъявляется и когда и против кого из них будет начат процесс. Вот в этот промежуток времени, между двумя процессами, я и увидел Сталина.

Сталин

На портретах Сталин производит впечатление высокого, широкоплечего, представительного человека. В жизни он скорее небольшого роста, худощав; в просторной комнате Кремля, где я с ним встретился, он был как-то незаметен.

Манера говорить

Сталин говорит медленно, тихим, немного глухим голосом. Он не любит диалогов с короткими, взволнованными вопросами, ответами, отступлениями. Он предпочитает им медленные обдуманные фразы. Говорит он очень отчетливо, иногда так, как если бы он диктовал. Во время разговора расхаживает взад и вперед по комнате, затем внезапно подходит к собеседнику и, вытянув по направлению к нему указательный палец своей красивой руки, объясняет, растолковывает или, формулируя свои обдуманные фразы, рисует цветным карандашом узоры на листе бумаги.

Скрытно и откровенно

Тема моего разговора со Сталиным не была заранее согласована. Никакой темы я и не подготовлял, я ждал, что она возникнет сама собой под впечатлением человека и момента. Втайне я боялся, что наш разговор превратится в более или менее официальную, приглаженную беседу, подобную тем, которые Сталин вел два-три раза с западиыми писателями. Вначале действительно беседа направилась по такому руслу. Мы говорили о функции писателя в социалистическом обществе, о революционном воздействии, которое иногда оказывают даже реакционные писатели, как, например, Гоголь, о классовой принадлежности или бесклассовости интеллигенции, о свободе слова и литературы в Советском Союзе. Вначале Сталин говорил осторожно, общими фразами. Однако постепенно он изменил свое отношение, и вскоре я почув-

ствовал, что с этим человеком я могу говорить откровенно. Я говорил откровенно, и он отвечал мне тем же.

Стиль реч

Сталин говорит неприкрашенно и умеет даже сложные мысли выражать просто. Порой он говрит слишком просто, как человек, который привык так формулировать свои мысли, чтобы они стали понятны от Москвы до Владивостока. Возможно, он ие обладает остроумием, но ему, несомненно, свойственен юмор; иногда его юмор становится опасным. Он посмеивается время от времени глуховатым, лукавым смешком. Ои чувствует себя весьма свободно во многих областях и цитирует, по памяти, не подготовившись, имена, двты, факты всегда точно.

Свое образие

Мы говорили со Сталиным о свободе печати, о демократии и, как я писал выше, об обожествлении его личности. В начале беседы он говорил общими фразами и прибегал к известным шаблонным оборотам партийного лексикона. Позднее я перестал чувствовать в нем партийного руководителя. Он предстал передо мной как индивидуальность. Не всегда соглашаясь со мной, он все время оставался глубоким, умным, вдумчивым.

Сталин и «Иуда»

Он взволновался, когда мы заговорили о процессах троцкистов. Рассказал подробно об обвинении, предъявленном Пятакову и Радеку, материал которого в то время был еще неизвестен. Он говорил о панике, в которую приводит фашистская опасность людей, не умеющих смотреть вперед. Я еще раз упомянул о дурном впечатлении, которое произвели за границей даже на людей, расположенных к СССР, слишком простые приемы в процессе Зиновьева. Сталин немного посмеялся над теми, кто, прежде чем согласиться поверить в заговор, требует предъявления большого количества письменных документов; опытные заговорщики, заметил он, редко имеют привычку держать свои документы в открытом месте. Потом он заговорил о Радеке — писателе, наиболее популярной личности среди участников второго троцкистского процесса, - говорил он с горечью и взволнованно; рассказывал о своем дружеском отношении к этому человеку. «Вы, евреи, — обратился ои ко мне, — создали бессмертную легенду, легенду о Иуде». Как странно мне было слышать от этого обычно такого спокойного, логически мыслящего человека эти простые патетические слова. Он рассказал о длинном письме, которое написал ему Радек и в котором тот заверял в своей невиновности, приводя множество лживых доводов; однако на другой день, под даалением свидетельских показаний и улик, Радек сознался.

Противоположное в характерах Сталина и Троцкого

Ненавидит ли Иосиф Сталин Льва Троцкого, как человека? Он, вероятно, должен его ненавидеть. Я уже указывал на то, что противоположность их характеров в такой же мере разделяет их, как и противоположность во взглядах. Едва ли можно представить себе более резкие противоположности, чем красноречивый Троцкий с быстрыми, внезапными идеями, с одной стороны, и простой, всегда скрытный, серьезный Сталин, медленно и упорно работающий над своими идея ми, — с другой. «Внезапная идея — это не мысль, — сказано у австрийского писателя Грильпарцера. — Мысль знает свои границы. Внезапные идеи пренебрегают ими и, осуществляясь, не сходят с места.» У Льва Троцкого, писателя, - молниеносные, часто неверные внезапные идеи; у Иосифа Сталина — медленные, тщательно продуманные, до основания верные мысли. Троцкий — ослепительное единичное явление. Сталин — поднявшийся до гениальности тип русского крестьянина и рабочего, которому победа обеспечена, так как в нем сочетается сила обоих классов. Троцкий — быстро гаснущая ракета, Сталин — огонь, долго пылающий и согревающий.

Еще о противоположностях

Драматурга, который пожелал бы изобразить в своем произведении две столь противоположные индивидуальности. обвинили бы в надуманности и погоне за эффектами. Троцкий ловок в речи и жестах, он без труда изъясняется на многих языках, он высокомерен, красочеи, остроумен. Сталин скорее монументален; упорной работой в духовиой семинарии он завоевывал свое образование. Он не ловок, но он близко знает нужды своих крестьян и рабочих, он сам принадлежит к ним, и он никогда не был вынужден, как Троцкий, искать дорогу к ним, находясь на чужом участке. Разве эта красочность, подвижность, довхость в Троцком не должны быть Сталину столь же противны, как Троцкому твердость и угловатость Сталина?

Ненависть

Сталин видит перед собой грандиознейшую задачу, которая требует отдачи всех сил даже исключительно сильного человека; а он вынужден отдавать очень значительную часть своих сил на ликвидацию вредных последствий блестящих и опасных причуд Троцкого. «Небольшевистское прошлое Троцкого это не случайность» — говорится в завещании Ленина. Сталин, несомнеино, постоянно помнит об этом, и он видит в Троцком человека, который благодаря своей большой гибкости может в любой момент, увереиный в правильности своих убеждений, повернуть обратно к своему иебольшевистскому прошлому. Да, Сталин должен ненавидеть Троцкого, во-первых, потому, что всем своим существом тот не подходит к Сталину, а во-вторых, потому, что Троцкий всеми своим и речами, писаниями, действиями, даже просто своим существованием подвергает опасности его — Сталина — дело.

Ненависть-любовь

Но отношения Сталина и Троцкого друг к другу не исчерпываются вопросами их соперничества, ненависти, различия характеров и взглядов. Великий организатор Сталин, понявший, что даже русского крестъянина можно привести к социализму, он, этот великий математик и психолог, пытается использовать для своих целей своих противников, способностей которых он никоим образом не недооценивает. Он заведомо окружил себя многими людьми, близкими по духу Троцкому. Его считают беспощадным, а он в продолжение многих лет борется за то, чтобы привлечь на свою сторону способных троцкистов, вместо того чтобы их уиичтожить, и в упорных стараниях, с которыми он пытается использовать их в интересах своего дела, есть что-то трогательное.

ГЛАВА VII

ЯСНОЕ И ТАЙНОЕ В ПРОЦЕССАХ ТРОЦКИСТОВ

Процессы против троцкистов

С другой стороны, тот же Сталин решил в конце концов вторично привлечь своих противников-троцкистов к суду, обвинив их в государственной измене, шпионаже, вредительстве и другой подрывной деятельности, а также в подготовке террористических актов. В процессах, которые своей «жестокостью и произволом» возбудили против Советского Союза мир, противники Сталина, троцкисты, были окончательно разбиты. Они были осуждены и расстреляны.

Личные ли это мотивы Сталина?

Объяснять эти процессы — Зиновьева и Радека — стремлением Сталина к господству и жаждой мести было бы просто нелепо. Иосиф Сталин, осуществившии, несмотря на сопротивление всего мира, такую грандиозную задачу, как экономическое строительство Советского Союза, марксист Сталин не станет, руководствуясь личными мотивами, как какой-то герой из классных сочинений гимназистов, вредить внешней политике своей страны и тем самым серьезному участку своей работы.

Участие автора в процессах

С процессом Зиновьева и Каменева я ознакомился по печати и рассказам очевидцев. На процессе Пятакова и Радека я присутствовал лично. Во время первого процесса я накодился в атмосфере Западной Европы, во время второго — в атмосфере Москвы. В первом случае на меня действовал воздух Европы, во втором — Москаы, и это дало мне возмож-

ность особенно остро ощутить ту грандиозную разницу, которая существует между Советским Союзом и Западом.

Впечатление от процессов за границей

Некоторые из моих друзей, люди вообще довольно разумные, называют эти процессы от начала до коица трагикомичными, варварскими, не заслуживающими доверия, чудовищными как по содержанию, так и по форме. Целый ряд людей, принадлежавших ранее к друзьям Советского Союза, стали после этих процессов его противниками. Многих, видевших в общественном строе Союза идеал социалистической гуманности, этот процесс просто поставил в тупик; им казалось, что пули, поразившие Зиновьева и Каменева, убили аместе с ними и новый мир.

В Западной Европе — одно

И мне тоже, до тех пор, пока я находился в Европе, обвинення, предъявленные на процессе Зиновьева, казались не заслуживающими доверия. Мне казалось, что истерические признания обвиняемых добываются какими-то таинственными путями. Весь процесс представлялся мне какой-то театральной инсценировкой, поставленной с необычайио жутким, предельным искусством.

В Москве — другое

Но когда я присутствовал в Москве на втором процессе, когда я увидел и услышал Пятакова, Радека и их друзей, я почувствовал, что мои сомиения растворились, как соль в воде, под влиянием непосредственных впечатлений от того, что говорили подсудимые и как они это говорили. Если все это было вымышлено или подстроено, то я не знаю, что тогда значит правда.

Проверка

Я взял протоколы процесса, вспомнил все, что я аидел собственными глазами и слышал собственными ушами, и еще раз взвесил все обстоятельства, говорившие за и против достоверности обвинения.

Маловероятность обвинений против Троцкого

В основном процессы были направлены, прежде всего, против самой крупной фигуры — отсутствовавшего обвиняемого Троцкого. Главным возражением против процесса являлась мнимая недостоверность предъявленного Троцкому обвинения. «Троцкий, — возмущались противники, — один из основателей Советского государства, друг Ленина, сам давал директивы препятствовать строительству государства, одним из основателей которого он был, стремился разжечь войну против Союза и подготовить его поражение в этой войне? Разве это вероятно? Разве это мыслимо?»

Вероятность обвинений против Троцкого

После тщательной проверки оказалось, что поведение, приписываемое Троцкому обвинением, не только не невероятно, но даже является единственно возможным для него поведением, соответстаующим его виутреннему состоянию.

(Продолжение следует)

ЗАПРЕЩЕННАЯ ГЛАВА

Николай КУЗНЕЦОВ

Сын крестьянина из глухой архаигельской деревии, простой матрос становится командиром крейсера, командующим флотом, народиым комиссаром. Уже сам жизненный путь такого человека интересеи.

Николай Герасимович Кузнецов пришел на корабли, когда началось интенсивное строительство большого морского и океанского флота. Окоичив Военио-морское училище, а затем Военио-морскую академию, он служил не Черноморском флоте, работал в Испании военио-морским атташе, главным военно-морским советником, был командующим Тихоокеанским флотом и в тридцать пять лет возглавил Военно-Морской флот Советского Союза.

Однако жизнь Н. Г. Кузиецова сложилась весьма драматично: в 52 года он оказался в отставке «без права работать во флоте».

Ои стал писать очерки, статьи, книги. Одна из них — «Накануне». В ней раскрыт большой пласт истории — жизнь и деятельность флота и, в определенной степеии, страмы, с 20-х годов до изчала Великой Отечественной войны. Первое из дание иниги вышло в 1966 году, второв — в 1969-м. Книга пользуется неизменным вниманием читателей.

Новое, третье издаиме книги «Накануие», готовящееся к выходу я Воениздате, дололнено не лубликовавшимися ранее материалами из архива Н. Г. Кузнецова.

Летом 1988 года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о восстановлении в звании Адмирала флота Советского Союза Николая Герасимовича Кузиецова (посмертио). Его именем назваи крейсер. ноябре 1937 года командующий Тихоокеанским фло-Киреев был вызван в Москву

том Г. П. Киреев был вызван в Москву.

Помнится, как я провожал его на вокзале. Давая мне указания, он был несколько рассеян и взволнован. А когда собрались в его вагоне, он показался мне даже печальным. Не с таким настроением обычно выезжали в Москву. Но до Киреева так уже уехали М. В. Викторов н Г. С. Окунев и... не вернулись. Предчувствие не обмануло Киреева. Вскоре до меня дошли слухи, что он арестован.

Я ожидал иового командующего, считая себя еще недостаточно опытным для такого огромиого морского театра. В конце декабря получил телеграмму, в которой сообщалось о моем назначении командующим с присвоением очередного звания, и без рассуждений, хотя и с некоторой опаской, занял этот пост. Молодость, избыток сил в какой-то степени компенсировали недостаток опыта.

По мере того как я вникал в обязаиности командующе флотом, возникали все новые и иовые проблемы. Хлопот и беспокойств было много.

В памяти вставали события минувшего года, которым я сразу не придал должного значения. Моя работа в Испании была, очевидно, тому причиной. Издалека все выглядит иначе. Вспомнилось, как главный военный советник Г. М. Штерн вызвал меня из Картакены в Валенсию. Я вошел к нему в кабинет и ие услышал обычных шуток. Григорий Михайлович не сказал даже своего излюбленного «Салуд, амиго», только молча протянул мне телеграмму из Москвы. В ней сообщалось об аресте М. Н. Тухачевского, И. П. Уборевича, И. Э. Якира и других крупных военачальников. То были люди, стоявщие у руля Вооруженных Сил. Что могло толкнуть их на чудовищные преступления, в которых оии обвинялись?

Из арестованных я знал одного Якира, да и то видел лишь однажды, когда он посетил в 1933 году крейсер «Красный Кавказ». Григорий Михайлович Штерн был хорошо знаком со всеми, кто упомннался в телеграмме. Он долгое время работал в Москве, встречался с ними и на службе, и во внеслужебной обстановке. Я видел, что он поражен не менее меня.

Мы были в кабинете вдвоем. Штерн рассказывал о Тухачевском и Якире, которых знал особенно хорошо. Он высоко оценивал их деятельность в годы гражданской войны, их роль а строительстве Вооруженных Сил. Так что же произошло? Штерн только пожимал плечами, ио не высказывал никаких сомнений в правильности ареста. Тем меиьше мог в этом сомневаться я. Вернувшись в Картахену, я информировал товарищей-добровольцев о телеграмме, прочитанной в Валенсии. Не могли мы себе представить тогда, что никакого преступления не было, что арестованные военачальники — жертвы страшного произвола.

Вернувшись в Москву из Испании, я узнал о новых арестах. В первый день, еще по дороге в наркомат, я встретился на Гоголевском бульваре с К. А. Мерецковым. Мы познакомились с иим еще в Испании.

- Куда спешишь? остановил он меня.
- Да вот, надо доложиться своему начальству.
- Если Орлову, то можешь не торопиться, он вчера арестован.

Я сперва не поверил Кириллу Афанасьевичу. Но такими вещами не шутят. Весть подтвердили другие, и все равно она не укладывалась в голове. Я вспоминал беседы с Владимиром Митрофановичем Орловым, все, что знал о ием. Были у него свои слабости, недостатки, но чтобы такой человек изменил Родине?!

А товарищи рассказывали все о новых арестах. На Черном море были арестованы Н. Моралев, А. Зельинг, А. Рублевский...

Я считал их честными советскими командирами, все силы отдававшими флоту. В них я до сих пор не сомневался Как же так?

 Если ошибка — разберутся, — успокоил меня товарищ, с которым я осторожно поделился своим недоумением.

И я принял тогда эту удобную формулу, еще глубоко не задумываясь над происходящим. Но теперь, во Владивостоке, когда арестовывали людей, мие подчиненных, за которых я отвечал, успокаивать себя тем, что где-то разберутся, я уже не мог. Было непонятио и другое — как арестовывают людей, даже не поставив в известность командующего? Я высказал свои мысли члену Военного совета Я. В. Волкову. Оказалось, он лучше осведомлен о происходящем. Значит, мне не доверяют, что ли?

Некоторое время я еще терпел. Но в феврале 1938 года прокатилась иовая волна арестов. Опять я узнавал о них уже задним числом. Как-то позвонил комендант береговой обороны А. Б. Елисеев, спросил, не знаю ли я, что случилось с командиром артиллерийского дивизиона на острове Русский. Я ничего не знал.

 Три дня не выходит на службу, — сообщил Елисееа. — Видно, арестовали.

Предположение подтвердилось. Тогда я отправил телеграмму а Центральный Комитет партии. Я писал, что считаю неправильной практику местных органов, которые арестовывают командироа без ведома командующего, даже ие поставиа его в известность о происшедшем. Ответа не получил.

Прошло несколько дней, и ко мне приехал начальник краевого НКВД Диментман.

— Имейте в виду, — сказал он в тоне сердитого внушения, — не всегда надо кого-то извещать, если арестовывают врага народа.

Я ответил, что обращался не к нему, а в Центральный Комитет партии, а это не только мое право, но и обязаниость. Диментмаи ушел весьма раздраженный, но аресты с этого дня прекратились. Несколько недель все было тихо.

В начале апреля 1938 года мне сообщили, что на Тихий океан выезжает Нарком ВМФ П. А. Смирнов. Я уже довольно давно ждал встречи с ним. Надо было доложить о нуждах флота, получить указания по работе в новых условиях. Мы поиимали, что реорганизация Управления Военио-Морскими Силами связама с большими рещениями по флоту. Страна начинала усиленно наращивать свою морскую мощь.

Одиовременно с созданием наркомата был создаи Главный военный совет ВМФ. В его состав входили А. А. Жданов, П. А. Смирнов, несколько командующих флотами, в том числе и я. Но пока на заседания совета меня не вызывали. В то время поездка с Дальнего Востока в Москву и обратно отнимала не менее двадцати суток. Начальство, видимо, ие хотело из-за одного заседания на такой срок отрывать меня от флота. Словом, я считал приезд иового наркома вполне естественным и своевременным, тем более что иа Северном флоте и на Балтике он уже побывал. Но все вышло не так, как я предполагал.

 Я приехал навести у вас порядок и почистить флот от врагов народа, — объявил Смирнов, едва увидев меня на вокзале.

Остановился нарком на квартире члена Военного совета Волкова, с которым они были старинными приятелями. Первый день его пребывания во Владивостоке был заият беседами с начальником НКВД. Я ждал наркома в штабе. Он приехал лишь около полуночи.

— Завтра буду заниматься с Диментманом, — сказал Смирноа а конце разговора и пригласил меня присутствовать.

В назначенный час у меня в кабинете собрались П. А. Смирнов, член Военного совета Я. В. Волков, начальник краевого НКВД Диментман и его заместитель по флоту Иванов. Диментман косо поглядел на меия и словио перестал замечать. В разговоре он демонстративно обращался только к наркому.

Я впервые увидел, как решались тогда судьбы людей. Диментмаи доставал из папки лист бумаги, прочитывал фамилию, имя и отчество командира, называл его должность. Затем сообщалось, сколько имеется показаиий на этого человека. Никто не задавал никаких вопросов. Ни деловой характеристикой, ни мнением командующего о названном человеке не интересовались. Если Диментман говорил, что есть четыре показания, Смирнов, долго не раздумывая, писал на листе: «Санкционирую». Это означало: человека можно арестовать. Я в то время еще не имел оснований сомневаться а том, что

материалы НКВД достаточно серьезны. Имена, которые назывались, были мне знакомы, ио близко узнать этих людей я еще ие успел. Удивляла, беспокоила только легкость, с которои давалась санкция.

Вдруг я услышал: «Кузнецов Константин Матвеевич». Это был мой однофамилец и старый знакомый по Черному морю. И тут я впервые подумал об ощибке.

Когда Смирнов взял перо, чтобы наложить роковую визу, я обратился к нему:

Разрешите доложить, товарищ народный комиссар!
 Все с удивлением посмотрели на меня, точно я совершаю

Все с удивлением посмотрели на меня, точно я совершак какой-то странный, недозволенный поступок.

— Я знаю капитана первого ранга Кузнецова миого лет и не могу себе представить, чтобы он оказался врагом народа.

Я котел рассказать об этом человеке, о его службе подробиее, ио Смирнов прервал меия:

 — Раз командующий сомневается, проверьте еще раз, сказал он, возвращая лист Диментману.

Тот бросил на меня быстрый иедобрый взгляд и прочитал следующую фамилию.

Когда совещание окончилось, я задержался в кабинете. Ко мне заглянул Я. В. Волков. Тоном товарища, умудренного годами, он сказал, как бы предупреждая от иовых опрометчивых поступков:

— Заступаться — дело, конечно, благородное, но и ответственное...

Я понял недосказанное. «За это можно и поплатиться», - видимо, предупреждал он.

В следующий вечер, когда процедура получения санкций на аресты продолжалась, Смирнов и Диментман разговаривали подчеркнуто лишь друг с другом и все решали сами.

Прошел еще день. Смирнов посещал корабли во Владивостоке, а вечером опять собрались в моем кабинете.

— На Кузнецова есть еще два показания, — объявил Диментман, едва переступив порог. Он торжествующе посмотрел на меия и подал Смирнову бумажки. Тот сразу же наложил резолюцию, наставительно заметив:

 Враг китро маскируется. Распознать его нелегко. А мы не имеем права ротозействовать.

Это звучало как выговор. Скажу честно, он меня смутил. Я подумал, что был не прав. Ведь вина Кузнецова доказана авторитетными органами!

После совещания Волков снова заглянул ко мне. Он говорил покровительственно и вместе с тем ободряюще. Дескать, ошибки бывают у каждого, но впредь надо быть осторожнее и умнее, не бросать слов на ветер.

К. М. Кузнецова арестовали, всех остальных тоже. Их было немало. Недаром короткое рассмотрение этих «обвинительных» листов потребовало трех вечеров. Я кодил под тяжелым впечатлением арестов. Мучили мысли о том, как это люди, служившие рядом, могли стать заклятыми врагами и почему мы не замечали их перерождения? Что органы государственной безопасности могут действовать неправильно — в голову все еще не приходило. Тем более я не допускал мысли о каких-то исобычных путях добывания показаний.

Нарком провел два дня в море, побывал в Ольго-Владимирском райоие. В оперативные дела он особенно не вникал. Может быть, ему, человеку, не имевшему специальной морской подготовки, это было и трудно. Зато ои очень придирчиво интересовался всюду людьми, «имевшими связи с врагами наро-

Пребывание Смирнова подходило к концу. К сожалению, решить вопросы, которые мы ставили перед ним, он на месте не захотел, приказал подготовить ему материалы в Москву. Я заготовил проекты решений. Смириов взял их, ио ни одна наша просьба так и не была рассмотрена до самого его смещения. На месте нарком решил лишь один вопрос, касавший-ся Тихоокеанского флота, ио и это решение было ие в нашу пользу. Речь шла о крупном соединении тяжелой авиации. Во Владивостоке Смирнов сказал мне, что командование Особой Краснознамениой Дальневосточной армии просит передать это соединение ему. Я решительно возражал, доказывал, что бомбардировщики хорошо отработали взаимодействие с кораблями, а если их отдадут, мы много потеряем в боевой силе. Смирнов заметил, что авиация может взаимодействовать с флотом и будучи подчиненной армии.

Нет, — возражал я. — То будет уже потерянная для флота авиация.

Я сослался на испанский опыт, показывавший, как важно, чтобы самолеты и корабли были под единым командованием. Все это не приияли в расчет. Приказ был отдан, нам оставалось его выполнять.

Потом Смириов признался мне, что принял решение потому, что его уговорил маршал Блюхер. Наши «уговоры» на наркома действовали меньше.

В день отъезда П. А. Смирнова мы собрались, чтобы выслушать его замечания. Только уселись за стол, опять доложили, что прибыл Диментман.

— Вот показания Кузнецова, — объявил он, обращаясь к

Смирнов пробежал глазами бумажку и передал мне. Там была всего одиа фраза, написанияя рукой моего одиофамильца: «Не считая нужным сопротивляться, призиаюсь, что я являюсь врагом народа».

Узнаете почерк? — спросил Смирнов.

— Узнаю.

Вы еще недостаточно политически зрелы, — зло сказал нарком.

Я молчал. Диментман не скрывал своего удовольстаия. Только Волкоа пытался как-то стладить остроту разговора, бросал реплики о том, что комфлот, мол, еще молодой, получил теперь хороший урок и запомнит его, будет лучше разбираться в люлях...

Признание Кузнецова совсем выбило у меня почву из-под иог. Теперь я уже ие сомневался в его виновности. В дальнейшем, выступая по долгу службы, я придерживался официальной версии, говорил об арестованных, как было принято тогда говорить, как о врагах народа. Но внутри что-то грызломеия...

Забегая вперед, расскажу еще о некоторых событиях, связаниых с репрессиями. Через несколько месяцев в Москве был арестован П. А. Смирнов. Вместо него иаркомом назначили Н. Н. Фриновского. Никакого отношения к флоту он в прошлом не имел, зато был заместителем Ежова.

Весть об аресте Смирнова принес мне Я. В. Волков. Чувствовал он себя при этом явно неловко, был растерян. Ведь еще недавио Волков подчеркнвал свое давнее знакомство и дружбу с наркомом. Я не стал ему об этом напоминать.

Вскоре после того во Владивосток прилетел известный летчик В. К. Коккинаки. Он совершил рекордный беспосадочный полет из Москаы на Дальний Восток. Коккинаки был моим гостем. Мы быстро и крепко с ним подружнлись. Тогда во Владивостоке Владимир Константинович со свойствениой ему ие-угомонной пытливостью интересовался действиями кораблей, был со мной на учениях флота. Когда он собирался домой, мы устроили прощальный ужин. Во Владивосток приехали Г. М. Штерн и П. В. Рычагов. Мы ждали еще члена Военного совета Волкова, а он все не шел. Я позвонил к нему на службу, домой. Сказали, срочио выехал куда-то, обещал скоро быть, да вот до сих пор иет. Пришлось сесть за стол без него.

Ужин был уже в разгаре, когда пришел секретарь Волкова и таииственно попросил меня выйти.

— Волкова арестовали, — тихо сообщил он и виновато опустил голову, словно уже приготовился отвечать за своего начальника.

Такая судьба постигла людей, еще совсем недавно с удивительной легкостью дававших санкции на арест многих командиров.

Уже работая в Москве, я пробовал узнать, что произошло со Смирновым. Мне дали прочитать лишь короткие выдержки из его показаний. Смирнов признавался в том, что, якобы, умышленно избивал флотские кадры. Что тут было правдой — сказать не могу. Больше я о нем инчего не слышал.

Я. В. Волкова я вновь увидел в 1954 году. Он отбыл десять лет в лагерях, находился в ссылке где-то в Сибири. Приехав в Москву, прямо с вокзала пришел ко мне на службу. Я сделал все необходимое для помощи ему. Когда мы поговорили, я попросил Якова Васильевича зайти к моему заместителю по кадрам и оформить нужные документы.

— Какой номер его камеры? — спросил, горько улыбнувшись, бывший член Военного совета. Тюремный лексикон въелся в него за эти годы.

Надо еще сказать и о Константине Матвеевиче Кузнецове. Весиой 1939 года я приехал во Владивосток из Москвы вместе с А. А. Ждановым. Мы сидели в бывшем моем кабинете. Его

козяниом стал уже И. С. Юмашев, принявший командование Тикоокеанским флотом после моего назначения в наркомат. Альютант доложил:

 К вам просится на прием капитан первого ранга Кузнецов.

 Какой Кузнецов? Подводник? — с изумлением спросил я.

Он самый.

Меия это так заинтересовало, что я прервал разговор и, даже не спросив разрешения А. А. Жданова, сказал:

— Немедленно пустите!

Константии Матвеевич тут же вошел в кабинет. За год он сильно изменился, аыглядел бледным, осунувшимся. Но я ведь знал, откуда ои.

— Разрешите доложить, освобожденный н реабилитированный капитан первого ранга Кузнецов явился, — отрапортовал он.

Андрей Александрович с иедоумением посмотрел на него, потом на меня. «К чему такая спешка?» — прочитал я а его глазах.

 Вы подписывали показание, что являетесь врагом наропа? — спросил я Кузнецова.

Да, там подпишешь. — Кузнецов показал свой рот, в котором почти не осталось зубов.

 Вот что творится, — обратился я к Жданову. В моей памяти разом ожило все, связанное с этим делом.

Да, действительно, обнаружилось много безобразий,

сухо отозвался Жданов и ие стал продолжать этот разговор. Прошли годы. Теперь, после XX и XXII съездов партии, все встало на свое место. Решительно вскрыты преступления времен культа личности Сталина, но мы не можем о них забыть. Вновь и вновь возвращаюсь к тому, как мы воспринимали эти репрессии а свое время. Проще всего сказать: «Я ничего не знал, полностью верил высокому начальству». Так и было в первое аремя. Но чем больше стаиовилось жертв, тем сильнее мучили сомиения. Вера в непогрешимость органов, которым Сталин так доверял, да и вера в непогрешимость самого Сталина постепенно пропадала. Удары обрушивались на все более близких мие людей, на тех, кого я хорошо знал, в ком был уверен. Г. М. Штерн, Я. В. Смушкевич, П. В. Рычагов, И. И. Проскуров... Разве я мог допустить, что и они враги народа?

Помню, я был в кабинете Сталина, когда он вдруг сказал:
— Штерн оказался подлецом.

Все, конечно, сразу поняли, что это значит: арестован.

Там были люди, которые Штерна отлично знали, дружили с ним. Трудно допустить, что онн поверили в его виновность. Но никто не хотел показать и тени сомнения. Такова уж была тогда обстановка. Про себя, пожалуй, подумали: сегодня его, а завтра, быть может, меня. Но открыто этого сказать было нельзя. Помню, как вслух, громко, сидевший рядом со мной Н. А. Возиесенский произнес по адресу Штерна лишь одно слово: «Сволочь!»

Не раз я вспоминал этот эпизод, когда Николая Алексеевича Вознесенского постигла та же участь, что и Г. М. Штерна.

После войны я сам оказался на скамье подсудимых. Мне тоже пришлось испытать произвол времен культа личности, когда «суд молчал». Произошло это после надуманного и глупого дела Клюевой и Роскина, обвиненных в том, что они якобы передвли за границу секрет лечения рака. Рассказывали, что Сталин в связи с этим сказал:

Надо посмотреть по другим наркоматам.

И началась кампания поисков «космополитов». Уцепились и за письмо Сталину офицера-изобретателя Алферова. Он сообщал, что руководители прежнего Наркомата Военно-Морского Флота (к тому времени объединенного с Наркоматом обороны) передали англичанам «секрет» изобретенной им парашютной торпеды и секретные карты подходов к нашим портам. И пошла писать губерния! Почтенные люди, носившие высокие воинские зваиия, вовсю старались «найти виновных» — так велел Сталин.

Я знал этих людей, знал об их личном мужестве, проявленном в бояк, знал о том, что они безукоризненно выполняли обязанности по службе. Но тут команда была дана, и ничто не могло остановить машину. Под колеса этой машины я попал вместе с тремя заслуженными адмиралами, честно и безупречно прошедшими через войну. Это были В. А. Алафузов, Л. М. Галлер и Г. А. Степанов.

Сперва нас судили «судом чести». Там мы документально доказали, что парашютная торпеда, переданная англичанам в порядке обмена, была уже рассекречена, а карты представляли собой перепечатку переведенных на русский язык старых английских карт. Следовательно, ни о каком преступлении не могло быть и речи. Я лично докладывал об этом И. С. Юмашеву — тогдашнему главнокомандующему Военно-Морским Флотом и Н. А. Булганину — первому заместителю Сталина по Наркомату Вооруженных Сил. Оба только пожимали плечами. Вмешаться они ие захотели, хотя и могли.

Вопреки явным фактам политработник Н. М. Кулаков произнес на «суде чести» грозную обвинительную речь, доказывая, что нет кары, которой мы бы не заслужили. Помию, как после этого «суда» я сказал своим товарищам по несчастью:

— Сейчас ничего не сделать. Законы логики просто не дейст-

Оставалось лишь мужественно перенести беду. А беда только начиналась. Сталину так доложили о «деле», что он распорядился передать всех нас суду Военной коллегии Верховного суда. А там не шутят.

Четыре советских адмирала оказались на скамье подсудимых а здании на Никольской улице. И теперь, проходя мимо этого дома, я ие могу не взглянуть с тяжелым чувством на окна с решетками, за которыми мы ждали тогда приговора.

Председатель Восиной коллегии Ульрих знал, чего требуют от него, и не особенно заботился хоть как-то обосновать приговор. Для этого и видимых материалов не имелось. Но ему было важно осудить.

Лично с Ульрихом я знаком ие был, но много раз видел его на различных заседаниях. Сидя а приемиых или в зале Большого Кремлевского дворца, где проходили сессии Верховного Совета СССР, я не раз наблюдал за ним. Невысокого роста, с небольшими подстриженными усиками, красными щеками и слащавой улыбкой, Ульрих никак не походил на человека, выносившего суровые приговоры. Напротив, он слыл человеком добрым, словоохотливым и доступным. Но это только казалось...

За короткой судебной процедурой последовал долгий, мучительный перерыв. Около трех часов ночи объявили приговор: В. А. Алафузов и Г. А. Степанов были осуждены на десять лет каждый, Л. М. Галлер — на четыре года. Я был снижеи в звании чна три сверху», — как говорили моряки, то есть до контрадмирала.

Во время суда для меня было отрадно лишь одно — поведение подсудимых. Никто не пытался свалить «вину» на другого, облегчить свою участь за счет товарищей. Так старался держать себя и я. Мне на суде была как будто предложена лазейка.

 Вы не давали письменного разрешения на передвчу торпеды? — задали мне вопрос.

— Если разрешение дал начальник штаба, зиачит, имелось мое согласие. Таков был порядок в наркомате, — заявил я.

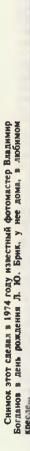
Впоследствии все, привлекавшиеся к суду по этому делу, были полностью реабилитированы. А. А. Чепцов (генераллейтенант юстиции), стряпавший в свое время обвинительный материал для Военной коллегии, в 1953 году обратился ко мне за советом, как лучше обосновать нашу невиновность. Я ему ответил:

— Как закрутил, так и раскручивай.

Реабилитация была полная, но не все осужденные на том процессе дождались ее. Лев Михайлович Галлер, один из организаторов нашего Военио-Морского Флота, отдавший ему всю свою жизнь, так и умер в тюрьме.

То, что пришлось пережить нам, — было лишь одним из многих трагических случаев, порожденных грубым нарушением законности в период культа личности Сталина. И этот случай — отнюдь еще не самый трагический. Произвол, ломавший судьбы людей, наносил тяжелый ущерб всему нашему делу, ослаблял могущество нашей социалистической Родины. Одно неотделимо от другого.

^{1 —} Адмирал Ю. А. Пантелеев, проводивший по указанию свыше вместе с начальником гидрографии ВМФ Я. Я. Лапушкиным экспертизу, отмечал, что ими был составлен акт по результатам экспертизы, в котором доказывалось, что торпеда и карты несекретные. Этот акт был передан начальнику Главного морского штаба для доклада Сталину. Однако к делу его не приобщили.

БРИК «Я НЕ МОГЛА поступить иначе...»

Линя Юрьевна БРИК (1891—1978) прожила долгий век. Сразу после окончания гимназии она вышла замуж за учителя Осипа Максимовича Брика. В 1915 году ее сестра Эльза (Эльза Триоле, в 1928 году стала женой Луи Арагона) познакомила Бриков с Маяковским. С этих пор и до самой смерти Лиля Юрьевна жила именем и делом поэта. Многие произведения Маяковский лосвятил ей и даже в прощальном письме вырвзил свою давиюю волю: «Лиля — люби меня».

Она умерла 4 августа 1978 года, на даче в Переделкино, приняв смертельную дозу снотворного. Мужество ее не покинуло и в эту минуту сознетельного расставания с жизнью, поскольку она решила, что своей физической беспомощностью (у нее был тяжелый лерелом, кости не срастались) причиняет боль и беспокойство близким.

А ровно десять лет назад, 7 мая 1979 года, вместе с Василием Абгаровичем Катаняном мы исполнили последнюю волю Лыли Юрьевны Брик. В ее завещании была сделана приписка: «Пелея мой прошу не хранить, а развеять гденибудь по полю. Лиля Брик. 19 февраля 1959 года».

Вместе с ве мужем Василием Абгаровичем, его племлиником, и моими давними друзьями Геннадием Поповым и Георгивм Григорьяном мы выполиили ве волю. День был ветренный, глаза слелило ярков солнце, ло молодым озимям гуляли легкие волны... Поле было огромное, звенигородскал деревушка Бушарино торчала у горизонтв... Мы двинулись от дальнего леса в сторону домов... Ветер порывисто подхватывал лепел вместе с цветами, зависавшими в возлуке...

В последнее время стало появляться много публикаций, посвященных Л. Ю. Брик. В них, как правило, присутствует и письмо Лили Юрьевны к Сталину. В сяое время [март 1968 года] у нас с ней был об этом обстовтельный разговор, записанный мной на магнитофонную пленчу. С появлениям публикаций я нашел расшифровку этой беседы и с удиалением заметил, что многие детали, связанные с письмом, как бы прошли незаметно даже в интересной публикации В. А. Катаняиа [«Дружба народов», 1989, № 3]. Эту главу из воспоминаний он мне читая много лет назад. Как в последиий час свовй жизии, тан и в новбре 1935 года, Л. Ю. Брик проввила большое мужество, о котором лочемуто говорится мимоходом... Потому возникла необходимость привести этот рассказ, записанный на пленку, а также письмо и резолюцию-ответ...

бстоятельства, вызвавшие в ноябре 1935 года мое письмо к Сталину, весьма драматичны. Вы это поймете, познакомившись с его содержанием... У меия сердце стыло от боли, от страданий за Маяковского...

В ту пору я жила в Ленинграде, моим мужем был Виталий Маркович Примаков, имя которого и после XX съезда партии и посмертной реабилитации несправедливо замалчивается... Он был участником Октябрьского восстания в Петрограде, героем гражданской войны, когда командовал корпусом Червониого казачества, а в тридцатых годах — крупным советским военачальником. И в тридцать седьмом году он был уничтожеи вместе с лучшими нашими военными...

Виталий Маркович миого лет дружил с Мальковым — комендантом Кремля, который в эту должность заступил при Ленине. И ему в свое время было поручено расстрелять после суда эсерку Каплан, покушавшуюся на Владимира Ильича в 1918 году.

По совету Примакова, который очень сочувствовал моим переживаниям и считал, что, кроме Сталина, этих вопросов инкто ие решит, я написала письмо. Он выразил готовность через Малькова помочь, чтобы письмо попало в руки самого Сталина. Только посоветовал мне писать коротко, не больше

странички машинописного текста, иначе, мол, Сталин не прочтет... Я сказала: «Напишу то, что я считаю нужным. А не прочтет, ну и пусть не прочтет, что же поделаешь! Других-то помощникоа все равно нет...»

Я знала, что Сталии был знаком с творчеством Маяковского. Несколько раз Володя выступал в Кремле, читал стихи и поэму о Ленине. Принимали его хорошо, присутствовали члены правительства и руководители партии. В январе 1930 года, в Большом театре, на вечере памяти Ленина Маяковский читал последнюю часть из поэмы «Владимир Ильнч Лении». Успех был необычайный, правительственная ложа во главе со Сталиным отбила ладони и приветствовала Маяковского стоя... Да, слава у него была громкая, что говорить!..

Мне не составило большого труда составить очень конкретное письмо, указав на вопиющие факты невнимания к памяти Маяковского... Мы прочитали его с друзьями, что-то уточнили, что-то поправили, и уже готовый текст я передала Примакову...

Надо ли говорить, как я волновалась, но страха не испытывала, хотя уже тогда, после убийства Кирова, аресты стали обычным делом... Мне искренне хотелось помочь Володе... Он заслуживал этого...

Словом, все обощлось хорошо. Как оказалось, Сталин в тот же день получил мое письмо... А утром мне позвонили из ЦК и попросили немедленно приехать в Москау. Назвали иомер московского телефона, по которому я должна позвонить, и предупредили, что сразу же примут по поводу моего письма.

Меня принял секретарь ЦК Ежов... Сначала он подробио расспросил, все ли так обстоит на самом деле, как изложено в письме. Я сказала: «Вы же могли бы это уже проверить». Он усмехнулся: «А мы уже проверили...» Малоприятный, надо сказать, был человек... Продержал меня полтора часа.

При мне позвонил Мехлису, в редакцию «Правды». Сказал ему: «Брик обратилась с письмом к хозяину...» И прочитал ему резолюцию Сталина. «Надо соответствующим образом подать в завтрашнем номере. Открыть эпоху Маяковского. Брик к тебе приедет...»

Потом позвонил Булганину — председателю Моссовета. Прочитал ему мое письмо, потом, после многозначительной паузы, добавил: «А вот что думает об этом хозяин!»

Когда он закоичил разговор с Булганиным, я спросила, нельзя ли мне переписать на свой экземпляр резолюцию Сталина. Она была написана размашисто, но аккуратно, по диагонали листа, иаискось, красным карандашом прямо по моему тексту... И он разрешил...

Из ЦК я поехала в редакцию «Праады», там готовилась полоса с крупным аншлагом: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. И. Сталин». Она вышла на следующее утро...

И все покатилось, иарастая, как снежный ком... Площадь имени Маяковского, метро, театр, музей, собрание сочинений, конкурс на памятник... И везде и всюду Маяковский отныше стал первый признанный советский классик... Но, как это всегда у нас бывает, ретивые исполнители, конечио же, переусердствовали...

Обернулось ли это добром для Володи?! Пастернак считал, что Маяковского сразу же принялись иасаждать, как картошку при Екатерине. Едко сказано, и не им одним. Многие из почитателей Володи осуждали меня... Но ему завидовали при жизни, а после указующего перста Сталина втайне завидовали еще больше... Я сожалела, что в тень ушел ранний Маяковский — великий лирик, а на первый план выдвинули публициста, агитчика, горлана... В том должно быть есть моя вина, но уж такое было время... Я не могла поступить иначе. Было бы большей несправедливостью замолчать великого поэта, как на долгие годы замолчали его современника Сергея Есенина.

Когда я думаю о судьбе этих великих русских поэтов, я ие сужу себя строго за письмо Сталину... Маленькие поэтики боялись поэтического могущества Есенина и Маяковского... Поначалу им удалось упрятать поэзию того и другого, но только поначалу... Ведь жить-то им века!..

Тогда же, в марте 1968 г., Лиля Юрьевна Брик передала мне экземпляр своего письма с резолюцией Сталина, указав, что этот, в отличие от «самиздатовских» вариантов, точно соответствует оригиналу, который она хранила в сейфе.

В тексте письма сохранены орфография и пунктуация оригинала.

Дорогой товарищ Сталин,

после смерти поэта Маяковского, все дела, связанные с изданием его стихов и увековечением его памяти, сосредоточились у меня.

У меня весь его архив, черновики, записные книжки, рукописи, все его вещи. Я редактирую его издання. Ко мне обращаются за матерьялами, сведениями, фотографиями.

Я делаю все, что от меня зависит, для того, чтобы стихи его печатались, чтобы вещи сохранились и чтобы все растущий интерес к Маяковскому был хоть сколько-нибудь удоалетво-

А интерес к Маяковскому растет с каждым годом.

Его стихи не только не устарели, но они сегодня абсолютно актуальны и являются сильнейшим революционным оружием.

Прошло почти шесть лет со дня смерти Маяковского и он еще никем не заменен и как был так и остался крупнейшим поэтом нашей революции.

Но далеко не все это понимают.

Скоро шесть лет со дня его смерти, а «Полное собрание сочинений» вышло только наполовину, и то — в количестве 10 000 экземпляров.

Уже больше года ведутся разговоры об однотомнике. Материал давно сдан, а книга даже еще не набрана.

Детские книги не переиздаются совсем.

Книг Маяковского в магазинах нет. Купить их невозможно.

После смерти Маяковского а постановлении Правительства было предложено организовать кабинет Маяковского при Комакадемии, где должиы были быть сосредоточены все материалы и рукописи. До сих пор этого кабинета нет.

Материалы разбросаны. Часть находится в Московском литературном музее, который ими абсолютио не интересуется. Это видно котя бы из того, что в бюллетене музея о Маяковском почти не упоминается.

Года три тому назад райсовет Пролетарского района предложил мне восстановить последнюю квартиру Маяковского и при ней организовать районную библиотеку имени Маяковского.

Через некоторое время мне сообщили, что Московский совет отказал в деньгах, а деньги требовались очень небольшие.

Ломик маленький деревянный, из четырех квартир (Таганка, Гендриков пер. 15). Одна квартира — Маяковского. В остальных должна была разместиться библиотека. Немногочисленных жильцов райсовет брался переселить.

Квартира очень характерная для быта Маяковского — простая, скромная, чистая.

Каждый день домик может оказаться снесенным. Вместо

ПРИМАКОВ ВИТАЛИЙ МАРКОВИЧ (1897—1937), советский военачальник, Родился в м. Семеновка (г. Семеновка Черниговской обл.). С июня 1917 — член Киевского комитета большевиков. Член ВПИК 2-го созыва. В январе 1918 по решению Украинского советского правительства сформировал полк Червонного казачестаа. Во время гражданской войны командовал кавалерийским полком, бригадой, 8-й кавалерийской диаизией, 1-м коиным корпусом Червонного казачества. В 1924—25 начальник Высшей кавалерийской школы в Ленинграде. В 1925—30 — в командировках в Китае, Афганистане и Японии. В 1931—33 — командующий корпусом. В 1933-35 - зам. командующего Северо-Кавказским военным округом, зам. инспектора высших военно-учебных заведений. С 1935 — зам. командующего Ленинградским воеиным округом.

МАЛЬКОВ ПАВЕЛ ДМИТРИЕВИЧ (1887—1965), советский государственный деятель. Член партии с 1904. Участник революции 1905-07. После Февральской революции - член Гельсингфорского комитета РСДРП и Центробалта. Во время Октябрьского вооруженного восстания — командир отряда матросов, участвовал в штурме Зимнего дворца. С 29 октября (11 ноября) — комендант Смольного, с марта 1918 первый комендант Московского Кремля. В 1920-22 — в Красной Арпни, затем на козяйственной и советской работе. Член ВЦИК.

ЕЖОВ НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (1895—1938), советский партийный и государственный деятель. Родился в Петербурге. Член партии с 1917. Принимал участие в Октябрьской революции и гражпанской войне. С 1922 — на руководящей партийной работе. В 1929-30 — зам. наркомзема СССР. В 1930-34 — зав. Распредотделом и Отделом кадроа ЦК ВКП (б). На XVII съезде избран членом ЦК и членом Комиссии партконтроля при ЦК. С того же време-— член Оргбюро ЦК партии, зам. пведседателя КПК и зав. Про-

24.11.35 того, чтобы через 50 лет жалеть об этом и по кусочкам собирать предметы из быта и рабочей обстановки великого поэта революции — не лучше ли восстановить все это, пока мы живы.

> Благодарны же мы сейчас за ту чернильницу, за тот стол и стул, которые нам показывают а домике Лермонтова в Пя-

Неоднократно поднимался разговор о переименовании Триумфальной плошади в Москве и Надеждинской улицы в Ленинграде — в площадь и улицу имени Маяковского. Но и это не осуществлено.

Это основное. Не говорю о ряде мелких фактов. Как например: по распоряжению Наркомпроса из учебника современной литературы на 1935-й год выкинули поэмы «Ленин» и «Хорошо». О них и не упоминается.

Все это, вместе взятое, указывает на то, что наши учреждения не поиимают огромного значения Маяковского — его агитационной роли, его революционной актуальности. Недооцеинвают тот исключительный интерес, который имеется к иему у комсомольской и советской молодежи.

Поэтому его так мало и медленно печатают, вместо того, чтобы печатать его избранные стихи в сотнях тысяч экземп-

Поэтому не заботятся о том, чтобы пока они не затеряны, собрать все относящиеся к иему материалы.

Не думают о том, чтобы сохранить память о нем для подрастающих поколений.

Я одна не могу преодолеть эти бюрократические незаинтересованность и сопротивление — и после шести лет работы обращаюсь к Вам, так как не вижу иного способа реализовать огромное революционное наследство Маяковского.

л. БРИК

Мой адрест Ленинград, ул. Рылеева, 11, ка. 3 телефоны: коммутатор Смольного, 25-99 и Некрасовская АТС 2-90-69

Резолюция Сталина:

Тов. Ежов, очень прошу Вас обратить внимание на письмо Брик. Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и его произведениям — преступление. Жалобы Брик по-моему правильны. Свяжитесь с ней (с Брик) или вызовите ее в Москву. Привлеките к делу Таль и Мехлиса и сделайте пожалуйста все, что упущено нами. Если моя помощь понадобится,

Привет! И. Сталин

Публикация Ар. КУЗЬМИНА

мышленным отделом ЦК. Член ВЦИК и ЦИК. С 1935 — секретарь ЦК ВКП (б), председатель КПК. На VII конгрессе Коминтерна избран членом Исполкома Коминтерна. С 1936 по 1938 — нарком

БУЛГАНИН НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ (1895-1975), советский партийный и государственный деятель. Родился в Нижнем Новгороде (г. Горький). Член КПСС с 1917. В 1918-22 - на руководящей работе в органах ВЧК, в 1922—27 — в органах ВСНХ. Р 1937 — директор Московского электрозавода. С 1931 — председатель Моссовета. С 1937 — преседатель Совыакома РСФСР, в 1938-41 — зам. председателя Совнаркома СССР и одноаременно председатель Правления Госбанка СССР. В 1941-43 - член военных советов ряда фронтов. С 1944 — член ГКО и зам. наркома Обороны СССР. В 1947 — министр Вооруженных Сил СССР и, одновременно, зам. председателя Совмина СССР. В 1949 переходит на работу только в качестве зам. председателя Совмина СССР. На XVII сезде партии избран в состав ЦК. В 1948—58 — член Политбюро ЦК партии. Депутат Верховного Совета СССР в

МЕХЛИС ЛЕВ ЗАХАРОВИЧ (1889-1953), советский государственный и партийный деятель. Родился в Одессе. Член партии 1918. В годы гражданской войны — комиссар бригады, дивизии и Правобережной группы войск на Украине. Затем работал в наркомате Рабкрина и в аппарате ЦК партин. С 1930 — на руководящей работе в газете «Правда». В 1937—40 — начальник ГПУ Красной Армии, а затем — нарком Госконтроля СССР. В годы Великой Отечественной войны — член военных советов ряда фронтов и армий На XVII и XIX съездах партии избирался членом ЦК.

ТАЛЬ (?), предположительно — зав. отделом печати в ЦК ВКП (б) в начале 1930-х годов. - Ред.

ПВЕТЕТ МОЙ САД. качается в ночи...

Родился я на хуторе с поэтических названием — Ивашла, шла ива... Родниковый, речной, горный, лесной ирай Башкирии, иарод лесениый, добрый и сильный. Отец мой — лесник, дед — лесник; Сорокииы потомственные лесоводы на Урале. Вся мужская здоровая часть в войну сражалась еще под Москвою... После войны мой хутор вымер, исчез с лица земли. Вдовы и сироты локинули прадедовские места, ушли в города... Так и я оказался на Челябинском металлургическом заводе. Работая в мартене, учился в вечерней школе. Окончил высшие литературные курсы. В Союз писателей СССР приият в 1962 году. С тех пор вышло несколько поэтических книг: «Мие Россия сердце подарилав, «За журавлиным голосом», «Посреди холма», «Лирика», «Озериая сторона», «Нас двое», «Хочу быть ветромв... Поэмы — «Евпатий Коловрат», «Дмитрий Донской», «Бессмертиый маршал»... В 1974 г. присуждена премия Ленинского комсомола, в 1986 г. — Государственная премия РСФСР им. А. М. Горького. Своими литературиыми учителями считаю Людмилу Татьяничеву, Бориса Ручьева, Василия Федорова, помню их всегда и благодарю сердцем...

Поля, колмы, вот роща, вот река, Вот сенокос, отец и мать устали. Дымит костер, кружатся облака. И на земле — ни пороха, ни стали.

Не тронут мир страдальческой слезой. Равны и не обмануты народы. И я. незащищенный и босой, За пазухою доброй у природы.

И синь колеблется на берегу. И если мне действительно удастся, я непременно сберегу

Любую иволгу и государство!..

Там, на Севере дальнем, печальное озеро есть: Окружёно когда-то суровым кольцом лагерей, Принимало оно мертвецов от барачиых дверей, -Не считали живых мы, а сгибших тем боле не счесть.

Штабелями их клали в буранные дни у ворот, А весною, когда баламутились горные воды, Их бросали на дно черноликие стражи свободы, И об этом не знал измордованный русский народ.

Совсем, как на сказителя поверья, Бегут ручьи и травы на меня, Торопятся озера и деревья.

И странное рождается в груди, Высокое желание обета: «Спасибо вам.

Цветет мой сад, качается в ночи,

И нелегко понять на самом деле:

Иль яблоня выходит из метели.

Люблю я поздний одинокий дом

И под луной умолкшую дорогу.

Но вдруг заблещет молния

Звезда ль трепещет, лебедь ли кричит,

ведь где-то впереди Для нас еще горит заря рассвета.

Мы друг за друга насмерть постоим И выдюжим в трагедии возможной!...» Я возвращаюсь к яблоням своим Тропою детскою, неосторожной.

Сифилитик Лаврентий за подлость расстрелян давно, Но приучены щуки, такая маиера у рыб: Нападать на покойников — у замороженных глыб, Шумно вспенивать струи, как пить, озоруя, вино.

А эпоха тюремная длилась десятками лет. Миллионы безвинных охрана во мрак уводила. И холеные щуки, размером почти с крокодила, Поджидали кормёжку, а нет ее нынче и нет...

И однажды по озеру в лодке охотник поплыл, Было тихо, и вдруг средь дремотной волны на него, А в тайге никого и на береге, впрямь, иикого, — Кривозубые щуки надвинулись, грозен их пыл!

Отлетела от лодки и рядом крутилась щепа, Обломилось весло, и рептилни злобней, чем волки, Продолжали атаку,

и меткой уральской двустволки Началась беспощадная в крае медвежьем пальба.

Щучьи трупы, огромные, горбились вслед за кормой, И запомнив историю тяжкую, прочно, навек, Неизвестиый охотник, нормальный лесиой человек, Из разбойных глубин возвратился впервые домой.

HPOTECT

Памяти героев Куликовской битвы — Пересвета и Осляби...

Как вам спится, герои, сыны, Под ветрами сегодняшней были, Если в центре великой страны Нет покоя иа вашей могиле?

Обворован, осмеян собор, И в огромиой проржавленной стыни Замыкает железный забор Ваших душ золотые святыии.

Вот они, под землею, лежат, По сказаниям веще знакомы. Меч в ладоиях еще не разжат, Не подня́ты над бровью шеломы.

Куликовское поле гудит И Москва задохнулась от боли: Ну какой затаенный бандит Держит русскую храбрость в неволе?!

Наши деды и наши отцы, Наши внуки услышат ли сиова Вести радостной звень-бубенцы С града Киева или со Пскова?..

Чуть колышется знамени шелк. И березы горюнятся в росах. Это вам поклониться пришел Амбразуру закрывший Матросов.

Слава Родины, грей и свети, Уплывай в голубую безмерность, Справедливо сметая с пути Черный пепел запрета на верность!

казненный поэт

Памяти Павла Васильева

Славянский лоб, сибирской хватки сила, Волос веселых вьющаяся прядь... Зачем тебя упрятала могила, Неужто ие наскучило стрелять?

Та кровь и ныне у ворот стучится: Она лилась обильнее дождя На липкий плащ

полночного убийцы, На мраморные статуи вождя,

Которому со всех полей России, Как нищие, как жалкие слепцы, Сказания и оды приносили Обманутые временем творцы.

А ты от копей, где червонцем грезил Промышленник во сие и наяву, Гнал твбуны широкогрудых песен Кандальною дорогой на Москву.

на волховском фронте

Юрию Бондареву

Рытвины, траншеи, ветер, ветер Пролетает из конца в конец. Не отсюда ль, молча, на рассвете В рукопашную шагиул отец?

Грело солице мартовское вяло. Черный лес придерживал пургу. И лежал он долго,

кровь стекала И следы твердели на снегу.

И уже почти под небесами Мать моя почудилась ему, Молодая, с карими глазами, Восьмерых вела нас к одному:

— Ты куда собрался и попутно Их бедой надумал угостить, Воевать и умирать не трудно, Тяжелей детей твоих растить! —

Древний Волков не плескал волною, Не качали плёсы лебедей. Это было с ним, а не со мною, Я сегодня старше и седей. Но, как прежде, на моем Урале,

но, как прежде, на моем ураз Будоража огиеликий чад, Голосом высокорудной стали Поезда на станциях кричат.

И полны иеодолимой неги, Рассекая крыльями простор, Лебедята

рвутся от Онеги К глубям златоустовских озер.

Где шумели кедры — там чащобы, Сииева спадает с горных плеч... Сберегли мы Родину, еще бы Нам края великие сберечь!

Анатолий ЖУКОВ

РАССТРЕЛЯЙ ЕГО, ГОСПОДИ!

Монолог пенсионерки

аходи, милый, заходи, женихом будешь. Чего усмехаешься, переспела для тебя? А ведь еще утром ничего была — причесывалась у зеркала и радовалась. Да ты сам погляди: лицо круглое, без морщиночки, руки полные, белые, ни старческой «гречки» тебе, ни дряблости... Проходи, не бойсь. Я бражки сейчас налью, и кайф словишь, с Дарьей-москвичкой побалдеешь. Проходи в красный угол. Во-от.

Бражка у меня на травке настоена, на зверобое, — ду-ушистая! Не хочешь? И правильно, ни к чему прежде времеии. Завтра Троица, завтра и до бражки доберемся, заряди её, Господи. Я ведь тоже не больно охотница, но если праздник, если компания — куда с добром! Может, компотику? Есть клубничный, и такой свежий, будто вчера закручивала. Вот эту баночку уговорим? Тогда держи открывалку, хозяйничай, вот стаканы.

А я гляжу в окошко — приезжий с «дипломатом», не торопится, разглядывает... А ты, значит, родное село повидать, а села-то и нету, опоздал, дорогой товарищ. Семь избенок и десять пенсионеров, ты одиниадцатый. Если останешься. Оставайся, а! Дачником? Тишина, покой, травка зеленая...

Ну, ладно, пей компот и слушай, а я стаиу рассказывать, сохрани меия, Господи. Что рассказывать? Как что — жизнь свою, иеужто не интересно! Мне ведь шестьдесят восемь, больше полвека физический ударный труд, громыхни его, Господи, плюс одинокая бабья доля и семейный одноконный воз. Мужик-то у меня еще не запрягся, как уж выпрягся, одна везла всю дорогу. Ты слушай, я ничего не утаю, все расскажу, как есть и было, слушай.

Пережила я судьбу крепостную трудную, до культа и при культе и всех людей жалею. И вождя всех времен

жуков Анатолий Николаевич, автор романов и повестей «Дом для виука», «Судить Адама!», «Одии», «Осениий крик журавлей», «Здравствуй, отец» и др., родипся в степном заволжском селе Новая Хмелевка, ныне вымершем и исчезнувшем совсем. А а тех стелях прошло его детство, отрочество и юность: там он с двенадцати лет, как все подростки военной поры, узнал нескончаемые крестьянские заботы, оттуда ушел служить в армию. Потом будут годы работы в районной газете, учебы в Литературном ииституте, лоездки ло стране от молодежного журнала, работа в издательстве... Но и тридцать лет спустя не забудет он земляков из стелиого Заволжья — а лубликуемом здесь рассказе они встают как живые, м лисатель виовь печалится вместе с ними о родиой земле, об исчезиувших островках человеческого жилья; всломинает добрые времена, обещавшие им беспечальное будущее. И от этого, как давио заметил В. Шекспир, становится еще горше:

Веду я счет потерянному мной И ужасаюсь вновь потере каждой, И вновь плачу я дорогой ценой За то, за что платил уже однажды.

жалею, он не виноват, расстреляй его. Господи: мы. дураки, виноваты, что подчинялись. Но и мы не виноваты, если подумать. Остались без царя, без барина, без бога, как нам еще-то. А жили бедно. И не было у меня свадьбы в розовом рассвете, не было на свадьбе конфет «птичье молоко» и ананасных тортов, а была одна работа всю жизнь. И мой Ванька отличил меня за работу, проходимец. Ловкая, сказал, надежная, на тебя и детей не страшно оставить. И с двоими оставил. алкаш несчастный, — крепи, баба, мощи народа. В Москву завез, лимитчик, и оставил, разбомби его, Господи. А Москва слезам не верит, в Москве еще больше надо работать, там и вода купленная. Слыхал?.. И где я только не вкалывала! На заводе — токарем и слесарем, на ткацкой фабрике и ковровом комбинате — ткачом. Шум и сейчас гудит в ушах, как вспомню... Потом ремзавод, автомобильный ЗИЛ, потом ДОК, потом дворником, лифтером... Весь арапский труд изучила в подробности. Худющая была страсть, ни одии мужик не глядел. Да и наплеваты! На двух ведь работах лет десять мантулила, чтобы птенчиков своих прокормить да выучить. На одной должности с семьей есть нечего, на две перешла — некогда стало. А от работы не булешь богатой, а будешь горбатой...

Яичко всмятку не съешь?.. Ну ладно, бывает, что и нельзя, я чайку сейчас поставлю. Ты слушай, а я буду ставить и рассказывать. Не люблю без дела, расщепай его, Господи. Буду самовар ставить и говорить. Самовар у меня, видишь, старинный, с медалями, как ветеран труда. Он тут ждал меня, в заколоченной избе, после смерти мамы. Никто не позарился, все как есть осталось. Деревенские старики — святые люди, трудовое богатство берегут, уважают, о боге думают. И бог. он тоже труды любит. А как же еще? Человек живет, пока работает. А если встанешь утром, а делать нечего, считай и жить тебе нечего. Для чего? А я всегда жила нагруженияя. Детей вырастила, пенсия полошла, а работала: надо растить внуков. А как же, не чужие ведь.

Вот каникулы начнутся — привезут, ухаживай, бабка, не помни зла. А я и не помню, я человек простой, семь классов образованья, не то, что мои соседи в Москве. Плачут, бывало: жизнь не состоялась! А сам большой человек, гвардии подполковник, она — великая кудожница по текстилю, по коврам, дед — какой-то консультант или консул, громыхни его. Господи. Суп ели с бутербродами, бутерброды с черной икрой. И кофий пьют не так, не со сливками или стушенкой, а с «наполеоном». Коньяк такой, французский — не слыхал? полсотни бутылка. Ну и что? Разок поехали они в круиз вокруг Европы, отдохнули, нагляделись, возвращаются — зеркальный сервант пустой, сын весь хрусталь пропил. И плачут опять: жизнь не состоялась. Дураки! Неужто счастье в хрустале? О сыне подумайте, говорю, лечиться заставьте, вы - родители! А гвардии полполковник фыркает на это: суфлировать легко, поглядим, как ты со своими справишься. А чего ему на меня глядеть, разгроми его, Господи! Он весь награжденный, научный, а я нихтошка, рабочая лошадь, книжки только по большим праздиикам читала, мои холостые слова детям не указ. Дочь музыкальную школу на фортепьянах окончила и техникум, а сын инженерный институт, до начальника участка поднялся. И вот сосел всё. бывало, каркает: выучила, де, на свою голову, они тебе зададут. И накаркал, разбомби его, Господи! Дочь как вышла замуж, так со мной перестала зиаться. Открытку с днем рожденья или с праздииком пришлет — и будь здорова, мамашка. А мамашке и то в радость, что дружно живут, квартира трехкомнатная, просят по-божески... Чего с меня просить? А чего со всех, то и с меня. Нынче дети никто «на» не скажет, все — «лай, пай»! И отдашь, последнее с себя сымещь, если им нало не жалко. У тебя, поди, дети-то есть, сам знаешь... Ну вот, то-то. А я вместе с сыном жила. Он никуда и не уходил из дому. Первый раз женился, да через месяц разженился: пьющая попалась, чистая алкоголичка. опохмели её, Господи. Где же, говорю, были твои глаза, сынок? А у него их и не было никогда. Вторая-то сноха злющая оказалась, мстимая, да еще матерь одной ночки, подзаборница. Двух детей прижила неизвестно с кем, в детдом обоих сплавила, чтобы вольной быть, замуж потом выйти за моего дурака. Так обое и выросли в детдоме, будто сиротки. Выучились там, взрослые уж теперь, а от моего у ней мальчонка родился, в пятом классе сейчас. Тряслась над ним, бывало: «Для одного его живу, а то бы не стала, нет мне с вами жизни!» Это со мной, значит, накажи её, Господи. А сама замки в моей комнатке ломала, в чайник мой то горчицы подсыпет, то уксусу плеснет.

Куда деваться? И хоть пенсия сто десять, а пришлось проситься сторожихой в ДОК — два года там спасалась. Там я вольная, картошечки себе испеку, чайкукофейку согрею. Сижу в уголку и плачу. А ведь, сам вилишь, баба я не слабая, не размазня, семь собак перелаю, в обиду не дамся. А вот и сейчас... при одном воспоминаныи... от обиды... не прохлебнешь... Ох! Неужто ж я такой стерьвой была? Всю жизнь в оглоблях, мужской ласки не знала, в войну и после войны — голодная, раздетая, сыромятные ботинки на березовом ходу, всё для детей, заргілата удешевленная, продуктов нет, Ванька пьет без оглядки, а потом сгинул и алиментов не оставил. расстреляй его, Господи. И ты думаешь, я злилась, как она? Нет, не злилась — пела! Ей богу, не вру! Все обиды и иехватки в песню обертывала. Дети-то и сейчас под хорошую минуту говорят: какой ты певуньей была, мамашка, — как Зыкина! А я не как Зыкина — я как Ольга Ковалева пою, в точности. Не помните вы ее, до войны и потом малость пела, так сейчас не поют. Сейчас разные раскрашенные, косматые Пугачевы, Леонтьевы орут или шепчут прямо в микрофон, того и гляди откусят. Или под гитару вякают-хрипят пьянь и рвань — срам. разгроми их. Господи!

А Ковалева пела душевно, складно, по-народному. И голос чистый, сильный. Вот послущай: «Разлилась Во-олга широ-око. Милый мо-ой те-еперь дале-око. Ветеро-очек парус гонит, От разлу-уки сердце сто-онет. До-освиданья, милый ска-ажет, а на сердце-е камень ля-ажет. До-освиданья, ох. досвиданья, Позабудь мо-ои страданья...» Правда, хорошо?.. То-то! А прежде у меня голос еще звончее был, глубже, сильней. Бывало, девкой запою на заре — в Березовке слышно. За пять верст! И в точности Ковалева! Про это и сосед мой гвардии подполковник говорил, и Дина, учительница дочки по музыке. Я ведь дочку-то в честь Ковалевой назвала Ольгой. Ну, правда, напрасно, иет у ней голоса. Слух есть, а поет как эти шептуны с микрофонами... Ой, ой, самовар уходит! Разговорилась-распелась, хабалка старая, пожалей меня, Господи, и про самовар забыла... Ах ты. мой поилец, засвистал даже, крышечкой захлопал! А вот мы тебя сейчас заглушим, под крышку пару янчек положим, чайник заварим... Певуи какой, прямо Кобзон, а не самовар. Теперь постой на столе, повесели гостя. В городе-то я отвыкла от самовара, все чайник да чайник, а теперь опять навадилась. Во-от.

И ведь выжила она меня, сноха-то, не сладила я с ней... Сын? Ну что сын — заступался, ругал, да черт с ней совладает. Она инвалидка второй группы, целый день дома, а сын на работе, вот она и творила что хотела. Скажешь поперек — затрясется вся: у меня клапан

сейчас из сердца выпадет, изверги вы! И давай отхожими словами полоскать, не прощай её, Господи. Она на ковровом работала, сердце там засорила, клапана эти, ей операцию сделали, другие вставили, казенные, вот она и выступает. А когда разойдется, схватит что ин попало и запустит куда хочет. Что, думаю, делать? Прихлопнет родная сноха, и прощай, родина, ушла бабка в невозвратный путь. Последним летом купила я десять килограмм слив, по пять килограмм в каждой сумке себе и ей. Хорошие сливы, сочиые, спелые. Варенье сварим, компот сделаем или живыми съедим. Радовалась. А она подошла и обе сумки со стола на пол швырк. Они и раскатились по всей кухне, по прихожей. Собака вскочила, лает, бегает по ним, а потом ногу подняла, дура, и побрызгала по самым спелым. Я на собаку, а сноха в крик — Кнопка ей дороже меня, разрази ее, Господи. Сколько же, думаю, терпеть, не хватит ли. Собрала в чемодан бельишко, одежонку кой-какую, сложила в сумку продукты на дорогу и — сюда. Боялась: вдруг и родная земля не примет, куда мне тогда? Шесть с лишним лет не была. Как маму скоронила, так и не показывалась. Стыдно. Сперва на кладбище зашла, наплакалась, посидела на могилке, отдохнула. Потом -сюда. А тут домов только на погляд, да пустая колкозная контора, бригадир в ней командовал. Думала, ругать станут, стыдить — сорок лет шаталась по городам, чего же теперь явиласы — а они обрадовались: одним человеком в Выселках больше. И вот, как тебя, — по гостям, за стол. Вдруг, мол, останется, хоть дачником, хоть иасовсем... А ты в блюдечко иалей чай-то. Или разучился с блюдечка?.. Вот-вот, подуй на парок-то и пей всласть, сохрани тебя. Господи.

Двадцать дворов тогда было, комплекс коровий на полторы тыщи голов у самой речки, Шива меня в доярки-операторы определил. Полтора года проработала комплекс тот прикрыли, разбомби его, Господи, коров потому что не стало, кончились... А это уж ты у Шивы спроси, почему, он тут хозяйничал. В райониой газете, бывало, поют: самый надежный председатель Выселок, тридцатитысячник, утвержденный ветеран, орденоносец! А коровки у того орденоносца поживут на комплексе два-три года, бедные, и на мясо, перевыполнять план, раскатай его, Господи. По молоку никогда не выполняли, а по мясу запросто... Ну как почему? Потому что в тесноте содержались, рога им спилили от травматизма, скотников заменили транспортерами, круглый год в помещеныи. Заключенных вон, говорят, и то на прогулку выводят, а коровки зимой и летом в комплексе, разгроми его, Господи. Землю вокруг удобреньями залнли, трава стала высотой как лес и сделалась ядовитой: нитраты какие-то оскалились. У коровок цирроз печени — вот и отвозили на мясо. А потом отвозить стало нечего, Шиву — в бригадиры, в звеньевые, а потом уж и звена не набрать: Березовки нет, в наших Выселках семь пенсионных дворов и главным пенсионером стал он, Шива. Персональный, расстреляй его, Господи!

Видал стены от комплекса?... Сходи погляди — как пустой вокзал. И земля вокруг бурьяном заросла, одичала. Весиянки нашей тоже теперь иет, высохла речка... А это уж пускай Шива тебе отрапортует, почему, или его однорукий счетовод Громобоев, попугай его, Господи. Всю жизнь вместе, и всю жизнь — как кошка с собакой. Если бы Громобоеву другую руку, он удавил бы Шиву сразу, ей богу! Он на вид только ласковый, а так глаза подымет, прищурится — не взгляд — строгий выговор с занесением в личное дело, разорви его, Гос-

А верней всего тебе надо старика Ивана Половинки-

на повидать — тот все как есть обскажет. Землю-то он наизусть знает, здесь родился, здесь и сгодился. Надеежный, как русская печка. Настя Счастливая, поди, говорила?.. Ну вот. Она всех хвалит, все у ней хорошие, а сама — первая счастливица. И Шиву с Громобоевым хвалила, поди, и меня, будто я сестра родная ей, и христолюбивую Лизу-врачиху с её дурочкой Зинухой, и учителей Орфей Иваныча с Музой Петровной, и Кормильевну. Так ведь?.. Ну вот. А за что нас квалить-то, разбомби иас, Господи? За то, что от Березовки одна церква осталась, от наших Выселок десять пенсионеров, а вместо хлебиых полей бурьянные пустыри да голая степь?.. Ну да, не одинаково мы виноваты, а всежтаки виноваты, как ни крути — родину свою не уберегли! И ты виноват, хоть и седой вот стал, сутулый, хлеб ел свой, не ворованный, одежка на тебе коть и модная,

в недорогая, простенькая, как на мне.

Да-а. Вздохиешь и охнешь, охнешь и вздохнешь. Не я вздыхаю — душа вздыхает. И у тебя тоже горюет, вижу я, поинмаю. Раскрошил свою жизнь, как булку голубям, а приклонить голову негде... Что твой город, что квартира с удобствами — жила я там, знаю: родина-то одна. Пока она есть, ты не сирота на земле, живешь смело, уверенио и ни сноха, напугай её, Господи, ни зять, ни родной сыи — хе-хе-хе! — не страшиы. А грянет беда, война ли — деревня примет, спасет. Не забыл войну-то? Ну вот. Худо, бедно, а выжили, не озверели, людьми остались. И как ведь работали, как выручали друг дружку!.. Может, правильно Настя Счастливая говорит, не виноваты мы? Ведь как хорошо невиноватому — сиди и ругай всех подряд за недостатки: бригадира, счетовода, директора, райком, советскую власть, окружение капитализма, ночной космос. Мигает, успокой его, Господи, всеми звездами, а не откликается. Читал в газете? — ученые сигналили на другие звезды ие отзываются, как мертвые. Может, не хотят? Отзовись, мол, им, а они помощи запросят, иждивенцы непутные. Охо-хо-хо-хо!..

Заговорила я тебя, поди, оглушила? Я громкая, боевая. Морда в крови, а все одно наша берет!.. А где берет, когда всю жизнь как рабочая лошадь. А ведь у меня и весна должна быть, и лето красное — где они? Запомнились два-три денечка, вот и все, прощай, роднна! Лаже песен вволю не напелась, а уж бабьей нашей мечты — счастливой любови совсем не досталось. Родной мужик утонул в стакане, а с приходящими не любовь, а одна профилактика. Ты к кому от меня, к Шиве? Правильно, он командовал, пусть объяснит, куда делась твоя родина. И счетовода не обходи, но лучше бы сперва к Ивану Половинкину — мужик тягловый, землепашец, хлебороб, схорони его, Господи, если один тут останется. Он у нас самый крепкий, покрепче Шивы будет. И большой, широкий, за ним, как за сараем, и от

ветра можно спрятаться.

Ну, проводи тебя, Господи, по всем Выселкам. Толкуй с дедками, печалься, винись, а завтра все равно наш день, завтра праздник. Пирогов иапечем, завлекать станем, чтобы не уехал, песен тебе напоем — Троица!...

Троица, Троица, скоро лес покроется.

Скоро миленький приедет — сердце успокоится!

Cmenah NUCAXOB

МОРОЖЕНЫ ПЕСНИ

то ишшо вот песни.

Все говорят: «В Москву за песнями». Это так зря говорят. Сколь в Москву ни ездят, а песен не привозили ни разу.

А вот от нас в Англию не столь лесу, сколь песен вознли. Пароходишши большушши нагрузят, таки больши, что из Белого моря в окиян едва выползут.

Девки да бабы за зиму едва напевать успевали. Да и старухи, которы в голосе, тоже пели — деньги зарабатывали. Мы сами и в толк не брали, что можно песнями торговать. У нас ведь морозы-то живут на двести пятьдесят да на триста градусов, ну, всякой разговор на улице и мерзнет да льдинками на снег ложится.

А на моей памяти еще доходило до пятисот. Стары старухи сказывают — до семисот бывало, ну да мы и не порато верим. Что не при нас было, то, может, и вовсе не было.

А на морозе, како слово скажешь, так и замерзнет до оттепели. В оттепель растает, и слышно, кто что сказал. Что тут смеху бывает и греха всякого! Которо сказано в сердцах (понасердки), ну, а которо издевки ради — новы и хороши слова есть. Ну, которые крепки слова, те в прорубь бросам. У нас крепки словом заборы подпирают, а добрым словом старухи да старики опираются. На крепких словах, что на столбах, горки ледяны строят.

Новой улицей идешь — вся мороженой руганью усыпана, — идешь и спотыкаешься. А стара улица вся а ласковых словах — вся ровненька да ладненька, ногам легко, глазам весело.

Зимой мы разговору не слышим, а только смотрим, как сказано.

Как-то у проруби сошлись наши Анисья да сватья из-за реки. Спервоначалу ладно говорили, сыпали слова гладкими льдинками на снег, да покажись Анисье, что сватья сказала кисло слово (по льдинке видно).

— Ты это что, — кричит Анисья, — курва эдака, како слово сказала? Я хошь ухом не воймую, да глазом вижу!

И пошла и пошла, ну, прямо без удержу, ведь до потемни сыпала! Да уж како сыпала, — прямо клала да руками поправляла, чтобы куча выше была. Ну, сватья тоже не отставала, как подскочит да как начала переплеты ледяны выплетать! Слово-то все дыбом!

А когда за кучами мерэлых слов друг дружку не видно стало, разошлись. Анисья дома свекровке нажалилась, что сватья ей всяческих кислых слов наговорила.

 Ну, и я ей навалила! Только бы теплого дия дождаться, оно хошь и задом наперед начиет таять, да ее, ругательницу, налкрозь прошибет.

Свекровка-то ей говорит:

— Верио, Анисьюшка, уж вот как верно, и таки ли оии горлопанихи на том берегу, — просто страсть. Прошлу зиму и отругиваться бегала, мало не сутки ругались, чтобы всю-то деревню переругать. Духу не перевдила, иасилу отругала. Было иа уме ишшо часик-другой поругаться, да опара на пиво была поставлена, боялась, кабы ие перестояла. Посулила ишшо на спутье забежать поругать.

А малым робятам забавы иужны, — какие ни естъ бабушки, матери-потаковшшицы подол из голову накинут от морозу, на улицу выбежат, наговорят круглых слов да ласковых. Робята катают, слова блестят, звеият. Которы робята окоемы — дак за день-то много слов ласковых переломают. Ну, да матери из ласковы слова для робят устали не знают.

А девки — те все насчет песен. Выйдут на улицу, песню затянут голосисту, с выносом. Песия мерзнет колечушками тонюсенькими — колечушко в колечушко, буди кружево жемчужнобральянтово отсвечиват цветом радужным да яхонтовым. Девки у нас выдумишицы. Мерзлыми песнями весь дом по переду улепят да увесят. На конек затейно слово с прискоком скажут.

Не без удовольствия заводим мы эти лубликации в иашем журнале. Какая печаль, что речь наша столь бедиа, лишена прелестных родительских красок, лотеряла звучность, мелодичность, лолифоничность, утратила огромиое смысловое богатство, которым владея иарод, казалось бы, еще совсем иедавио... Можно ли вернуть былое!! А почему бы иет!! Невольно хочется добрыми образцами наломинть о, возможно, и вослолиимых, потерях...

Начинаем мы со сказок Степана Григоръевича Писахова, которому в этом году исполнияось бы сто десять лет! Он — архангелогородец, родился и прожия свой долгий век /восемьдесят одни год! на знаменитой улице Поморской в центре города Архангельского. По профессии быя живолисец, закончил Академию в Петербурге. Много лутешест-

вовая по загранице и по родиому Северу. Его новоземельские и беломорские полотна-лейзами по сию пору непревзойдениые...

Но из исходе пятого десятка Степан Григорьевич увлекся поморскими сказками, собирая, залисывал, ездил по мезенским, линежским и северодвииским деревилм...

И неомиданно у иего зазвучало слово свое — вещее, мудрое, озор но-веселое... Родился волшебинк слова корениого, руссиого, былиниого, которое еще хранит Русский Сеаер. Сразу же после ложьления сказии его были замече-

сразу же после ложления сказии его были замечены. Леоиид Леоиов, Апександр Фадеев, Нииолай Асеев, Ильл Эреибург, Юрий Казаков, Федор Абрамов — каждый в свое время воздал должное его могучему таланту.

Можно только сожалеть, что издают его мало, правда, архаигельские издатели в последине годы стараются наверстать упущенное. Но тояько их усилий совсем недостаточно, чтобы сказки Писахова

сделать общедоступиыми. А ведь какая радость была бы детям с молоком матери влитать и слово чудиое!..

Очень советуем вам сыскать сказки Писахова. Всяк изйдет в иих радость и утешение — и мал, и стар, и зрел, всяк ободрится и утешится, посмеется и освежит душу тонким юмором, потехой веселой, словом добрым, неожиданным, и всяк лодивится гибкости, ясности и простоте языка нашего...

*Так назывался раньше город Архангельск. — Ред.

По краям частушки навесят. Коли где свободно место окажется, приладят слово ласковое: «Милый, приходи, любый, заглядывай».

Весиой на солнышие песни затают, зазвенят. Как птицы каки невиданны запоют. Вот уж этого краше нигде ничего не живет!

Как-то шел заморский купец (зиму у нас проводил по торговым делам), а известно — купцам до всего дело есть, всюду нос суют. Увидал распрекрасно украшенье — морожены песни, и давай ахать от удивленья да руками размахивать:

— Ах, ах, ах! Кака антиресность диковинна, без бережения на самом опасном месте прилажена. — Изловчился да отломил кусок песни, думал — не видит никто. Да, не видит, как же! Робята со всех сторон слов всяческих наговорили и ну — в него швырять. Купец спрашиват того, кто с ним шел:

— Что такое за штуки, колки какие, чем они швыряют?

Так, пустяки.

Иноземец с большого ума и «пустяков» набрал с собой. Пришел домой, где жил, «пустяки» по полу рассыпал, а песню рассматривать стал. Песня растаяла до только в ушах прозвенела, а «пустяки» на полу тоже растаяли да как заподскакивают кому в иос, кому во что. Купцу выговор сделали, чтобы таких слов больше в избу не носил.

Иноземцу загорелось песен назаказывать в Англию везти на полюбованье да на послушание.

Вот и стали деакам песни заказывать да в особый яшшик складывать, таки термояшшики прозываются. Песню уложат да обозначат, которо перед, которо зад, чтобы с другого конца не начать. Больши кучи напели, а по весне на первых пароходах отправили. Пароходишши нагрузили до трубы. В заморску страну привезли. Народу любопытно: каки таки морожены песни из Архантельского? Театр набили полнехонек.

Вот яшшики раскупорили, песни порастаяли, да как взвились, да как зазвенели! Да дальше, да звоиче, да и все. Люди в ладоши захлопали, закричали: «Ишпио, ишшо». Да ведь слово — не воробей: выпустишь — не поймашь, а песня что соловей: прозвенит — и вся тут. К нам шлют письма, депеши: «Пойте песеи больше, заказывам, пароходы готовим, деньги шлем, упросом просим: пойте!»

А сватьина свекровка, — ну, та самая, котора отругиваться бегала, — в песни втянулась. Поет да песениым словом помахиват, а песия мерзнет; как белы птицы летят. Внучка старухина у бабки подголоском была. Бабкина песня — жемчуга да бральянты самоцветы, внучкино вторенье — как изумруды. Столь антиресно, что уж думали в музей сдать на полюбованье. Да в музее-то у нас, сами знаете, директора смеиялись часто и каждый нороаил свое сморозить, а покупатели что приезжи сморозят — будто привозно лутче.

Ну, бабкину песню в термояшшик.

Девки поют, бабы поют, старухи поют.

В кузницах стукоток стоит — термоящшики сколачивают. На песиях много заработали. Работа не сколь трудна. Мужики заговорили:

 Бабы, зарабатывайте больше. Надоели железны крыши, в них и виду нет, и красить надо. Мы крыши сделаем из серебра и позолоченны.

Бабы не спорят:

— Нам английских денег не жаль...

Мужики выпрямились, бородами тряхнули:

— Вы это, бабы, для кого песни поете? Дайко-се мы их разуважим, «почтение» окажем.

Мужики бороды а сторону отвернули для песенного простору и начали. Оно и складно, да хорошо, что не нам слушать. Слова такие, что меньше оглобли не было! И одно другого крепче.

Для тех песен особенны яшшики делали. И таки большушши, что едва в улицы проворачивали.

К весне мороженых песен кучи наклали.

Заморские купцы снова приехали. Деньги платят, яшшики таскают, грузят да и говорят: «Что порато тяжелы сей год песни?»

Мужики бородами рты прикрыли, чтобы смеху не было слышно, и отвечают:

— Это особенны песни, с весом, с уважением, значит, в честь ваших хозяев. Мы их завсегда оченно уважам. Как к слову приведется, кажной раз говорим: «Кабы им ни дна ни покрышки!» Это по-вашему значит — всего хорошего желам. И так у нас испокон веков заведеио. Так и скажите, что это от архангельского народу особенно уважение.

Иноземцы и обрадели. Пароходы нагрузили, труб не видно, флагами обтянули. В музыку заиграли. Поехали. От нашего хо-хоту по воде рябь пошла.

Домой приехали, сейчас — афиши, объявления. В газетах крупио пропечатали, что от архантельского народу особенное уважение заморской королеве: песни с весом!

Король и королева ночь ие спали, с раннего утра задним ходом а театр забрались, чтобы хороши места захватить. Их знакома сторожиха пропустила.

Прочему остальному народу с полден праздник объявили по этому случаю.

Народу столько набилось, что от духу в окнах стекла вылетели.

Вот яшшики наставили, раскупорили все разом. Ждут.

Все вперед подались, чтобы ни одного слова ие пропустить.

Песни порастаяли и — почали обкладывать.

На что заморски купцы нащему языку не обучены, а поняли!

	1924 год.	
	А. Ларионов. К нашим читателям Афганистан. Письма П. Буравцева с войны	1 2
	ВРЕМЯ. Иден. Дивлоги. Понски	
	А. Швиденко, Начало начал В. Калугин. Полемические заметки В. Марченко. Застарелые мифы и печальные будни М. Ненашев. Путь к читателю — хозрасчет и демократизация	8 10 14 19
	ДУХОВНИКИ, Жизнь. Мысли. Деяния	
	В. Клыков. К 675-летию со дня рождения Сергея Радонежского О. Михайлов. Разговоры с Леоновым Картины войиы, П. Корин. Н. Пластов. А. Лактионов	24 27 31
-	ПЛАНЕТА, Эссе. Книги. Кумиры	
2	А. Мальро. Прощание с де Голлем Ю. Комов. Черный человек Рок — энциклопедия	41 44 49
	ИСТОРИЯ. Воспоминания. Очерки. Документы	
_	А. Симанович. Рассказ секретаря Распутина Л. Фейхтвангер. Поездка в Москву 37-го года Н. Кузнецов. Запрещенная глава Л. Брик. «Я не могла поступить иначе»	55 63 74 78
	ЛИТЕРАТУРА. Стихи. Монолог. Портрет	
	В. Сорокин. Стихи А. Жуков. Рассказ С. Писахов. Сказка Ю. Марцинкявичюс. Памяти друга	81 83 86 88

Юстинас МАРЦИНКЯВИЧЮС

ПАМЯТИ ДРУГА

Стасису Красаускасу

II.

1.

Не могу о смерти Твоей молвить. Не хочу имя ее слышать. Летом смотрел на закате в дальнее море и все ожидал возвращенья как утештить глаза, что Тебн еще все ожидают? Ах. Твоих рук еще живо эхо в наших руках: они делжат Тебя Упал, неся небеса. Птицы в полете его доподлинно видели и — квк и мы слышали пение. Над нами высоко раскинулось дерево его голоса. Мы под инм уселись притихшие,

осознав, что среди нас самое великое время.

III.

Картина без рамы. Жизнь. Черное с белым. Какой же он третий цвет смерти?

Ты ушел, как звезда, не отозвавшись. Не ответив впервые. А может, не слыша, когда мы кричали: останься!

Есть конец у моря и суши.

Прорубите окошко в гробу, чтобы всех вас мог я увидеть.

Перевод Д. САМОЙЛОВА

В эти дии графику Стасису Красаускасу исполнилось бы шестъдесят лет. Но его уже давно нет с нами... Однако он живет в наших сердцах и нашем искусстве.

Раскроем цикл его гравюр «Вечно живые». Будто огромный мемориал в мировом пространстве и в наших сердцах. Здесь нет ничего лишнего, кричащего, здесь все взывает к нашим чувствам и воображению. Эти линии горизонта, создающие впечатление глубины, эти большие куски пейзажа —

они с человеком. Они и символы, они и участники человеческой драмы, выражающие динамизм борьбы, трагизм смерти, боль и печаль утраты, вечность и красоту жизни, труда,

любви и мечты.

и не отпускают.

Ближе всего к нам, во мраке временн и земли — силуэт погибшего воина. Он на всех гравюрах. Он в нас. И в пейзаже Земли и Луны. В памяти живых, в их любви и повседневных свершениях. К павшим идут живые, рассказывая о себе, к инм склоняемся мы, черпая в их подвиге силу и твердость, словно скрепляя общее дело живых и мертвых, словно присягая нашей общей идее.

Овеянная тихой печалью и нежным лиризмом наша земля, соединяющая одного со всеми и всех с одним. Художник мыслит большими пластами жизни и мира, подчеркивая величие человеческого подвига, его монументальность, а необыкновенно бережно используемыми деталями духовного пейзажа природы и человека он наполняет произведение теплом, любовью, трудом, мечтой, решимостью.

Кажется, во всей драме или поэме Красаускаса нет ни единого лишнего штриха, все лаконично, целеустремленно и выразительно. Он верен поэтической манере повествования, с помощь детали, метафоры, символа он достигает единства мысли, впечатления и эмоции.

Лаконичность и емкость — самая яркая черта художественного языка этого цикла.

Выразительны его метафоры — зиакн жизни человека и природы: волевой, зовущий вперед жест руки, языки пламени, грубая, мертвая, сожженная войнои земля, горестные фигуры женщин в вечерних сумерках, образы-символы ребенка, любви, материнства, сажаемых деревьев, ржаное поле, на горизонте конь с развевающейся на ветру грямой, плуг и неоконченная борозда, падающий голубь, парящий в аоздухе человек, воплощение его мечтаний и их властный призыв вперед — в жизнь. Как на первой гравюре — в бой.

Подвиг живых и мертвых един. Он непрерывен и вечен. В нашем труде, в нашей любви, в нашей жизни.

Поэтому — вечно живые.

Поэтому так человечно, так пронзительно, так всеобще звучит этот черно-белый гимн борьбы, жизни, любви.

Перевод с литовского Б. ЗАЛЕССКОЙ.

Главный редактор А. В. Ларионов

Редакционная коллегия: Д. С. Бисти, В. И. Десятерик, Е. П. Егорунииа, В. Н. Заягин, Н. П. Карцов, И. П. Коровкин, А. В. Кочетов (зам. главного редактора) В. Ф. Кравченко, В. С. Молдавен, А. И. Пузиков, С. В. Сартаков, Н. В. Трогкин, В. С. Хелемендик, Ю. П. Чернелевский

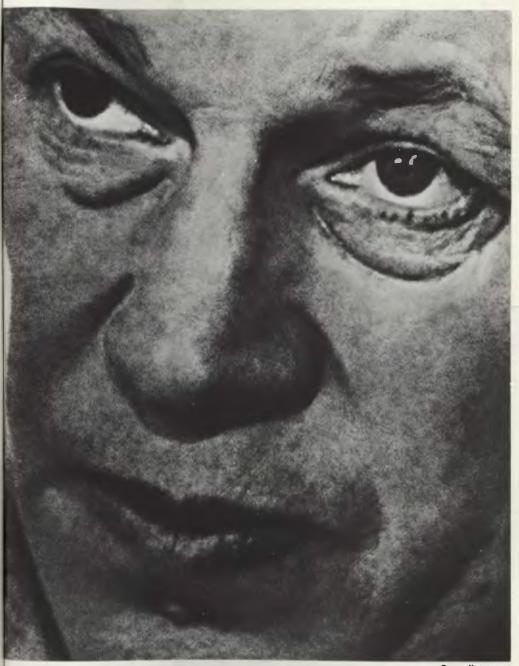
> Главный художник Г. Ю. Кориышев Художественно-технический редактор Е. М. Верба Технический редактор Н. Н. Козлова

Сдано в набор 28.02.89. Подписано в печать 03.04.89. А03257. Формат 84×108 / $_{10}$. Бумага Знаменская 100 гр. Печать глубокая и офсетная. Усл. печ. л. 8,40+0,84+0,42. Усл. кр.-отт. 21,42. Уч.-изд. л. 13,42+1,01. Тирам 152 707 экз. Заказ 107. Цена 90 коп.

Адрес редакции: 129272, Москва, Сущевский вал, 64

Телефоны для справок: 281-50-98

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфкомбинат Госкомиздата СССР. 170024, г. Калинин, проспект Ленина, 5.

Стасис Красаускас

6-144

Его зарыли в шар земной

С. Красаускас. Память. Гравюра из серии «Вечно живые».

